

ДНЕВНИКЪ
ПУШКИНА

1855—1855

Подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями

Б. А. МОДЗАЛЕВСКАГО

и со статьею

П. Е. Щеголева

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

ДНЕВНИКЪ
ПУШКИНА
1835—1835

Подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКАГО

и со статьею

П. Е. Щеголева

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1923 . . . ПЕТРОГРАД

Гиз. № 4440. — 2150 экз. — Облитель № 2571.

Россійская Государственная Академическая Типографія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страницы.
Предисловіе <i>Б. А. Модзалевскаго</i>	I—XI
Изъ комментаріевъ къ Дневнику Пушкина. Пушкинъ о Николаѣ I. <i>П. Е. Щеголева</i>	XIII—XXVI
Дневникъ Пушкина. 1833—1835.	1—27
Объяснительныя примѣчанія къ Дневнику Пушкина 1833—1835. <i>Б. А. Модзалевскаго</i>	29—248
Дополненія	249—251
Указатель именъ.	253—275

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Непремѣнно должно описывать современные происшествія, чтобы могли на насъ ссылаться“ (Пушкинъ въ разговорѣ съ А. Н. Вульфомъ, 1827 г.).

Извѣстно, какой долгій и болѣзненный путь суждено было пройти большинству сочиненій Пушкина прежде, чѣмъ, въ концѣ концовъ, выйти на свѣтъ и появиться передъ русскимъ читателемъ въ своемъ истинномъ видѣ. Путь этотъ, начавшійся еще при жизни самого поэта, особенно же — съ посмертнаго изданія собранія его твореній, тянулся вплоть до нашихъ дней, когда, трудами главнымъ образомъ Комиссіи по изданію сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ, а также и отдѣльными усиліями отдѣльных ея членовъ, текстъ произведеній поэта былъ подвергнутъ основательному пересмотру, при чемъ въ основу этого пересмотра положена была строгая критика и печатныхъ его текстовъ, и рукописей; такимъ образомъ, наконецъ, нанесенныя „сонной кистью“ издателей „краски чуждыя“

Спадають ветхой чешуей, —

и

Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Сказанное относится не только до поэтическихъ произведеній поэта, — но, одинаково, и до прозаическихъ, — до его повѣстей, критическихъ статей, писемъ, работъ историческихъ... Процессъ „очищенія“ текстовъ Пушкина еще не завершёнъ, — дѣло это еще не закончено и сулитъ его участникамъ еще много заботъ и трудовъ; но надо радоваться, что оно, наконецъ, поставлено на должную, твердую, научную почву и находится въ рукахъ преданныхъ ему людей.

Дневнику Пушкина такъ же не посчастливилось, какъ и другимъ писаніямъ поэта. Этотъ своеобразный памятникъ его

жизни и творчества *) былъ многократно укладываемъ на Прокрустово ложе цензуры и другихъ условностей случайнаго характера прежде, чѣмъ ему удалось проникнуть въ печать въ полномъ видѣ—въ новѣйшемъ Брокгаузъ-Ефронскомъ изданіи сочиненій подѣ редакціей С. А. Венгерова. Но и этотъ „полный видъ“ не обезпечивалъ тексту Дневника свободы отъ нѣкоторыхъ,— правда, немногихъ,—неточностей и ошибокъ, удержавшихся въ немъ изъ-за того, что въ основу изданія была положена редакторомъ не подлинная рукопись поэта, а лишь копія со списка, сдѣланнаго нѣкогда П. В. Анненковымъ, принадлежавшая П. А. Ефремову и нынѣ находящаяся въ Пушкинскомъ Домѣ при Россійской Академіи Наукъ, куда она поступила въ 1908 г. послѣ смерти П. А. Ефремова **). Подлинной рукописи Дневника, хранившейся до послѣдняго времени въ рукахъ сперва сына поэта, А. А. Пушкина (ум. 19-го іюля 1914 г.), а потомъ у внука—Григорія Александровича Пушкина—и въ 1920 г. перешедшей въ Московскій Румянцовскій Музей, — у редактора Брокгаузъ-Ефронскаго изданія не было. Такимъ образомъ попрежнему представлялось крайне желательнымъ, необходимымъ опубликовать безусловно полный и по возможности правильный текстъ Дневника Пушкина. Это мы и поставили себѣ цѣлью въ настоящемъ изданіи, при чемъ воспользовались для него сдѣланнымъ весною 1903 г. спискомъ съ подлинной рукописи Пушкина, высланной А. А. Пушкинымъ, по просьбѣ покойнаго Президента Академіи Наукъ Великаго Князя Константина Константиновича, въ Академическую Комиссію по изданію сочиненій Пушкина ***).

Съ дней еще ранней юности Пушкинъ съ жадностью ловилъ и запечатлѣвалъ въ своемъ сознаниі и рѣдко-острой памяти „всѣ впечатлѣнья бытія“, — запечатлѣвалъ не только въ сознаниі и памяти, но и дѣлалъ неоднократныя попытки записывать то, чему „свидѣтелемъ Господь его поставилъ“. Нося въ своей природѣ элементы настоящаго историка, онъ уже въ Лицеѣ пытался вести записки (отъ которыхъ сохранились лишь незначительные фрагменты конца 1815 года), въ Кишиневѣ велъ Дневникъ ****), началъ (еще въ 1821 г.) обработку своей автобіографіи *****) и велъ ее еще въ 1825 г.—на основаніи „скучной, сбивчивой черновой тетради“ и другихъ матеріаловъ, которые, послѣ открытія заго-

---

*) Въ подлинной рукописи онъ не имѣетъ никакого заглавія, и мы называемъ его именно Дневникомъ—какъ по установившейся терминологіи, такъ и по самому существу этого памятника, заполненнаго поденными записями событий.

**) Шифръ Пушкинскаго Дома: I 6. 55. См. Б. Л. Модзалевскій, Описание рукописей и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, принадлежащихъ Пушкинскому Дому — „Извѣстія Имп. Академіи Наукъ“, 1911 г., т. I, стр. 519.

***) Для Комиссіи тогда была сдѣлана копія, сверенная нами и В. И. Сантовымъ съ подлинникомъ и переданная затѣмъ въ Рукописное Отдѣленіе Библиотеки Академіи, гдѣ она и находится нынѣ подѣ шифромъ 42.9.2. См. „Пушк. и его соврем.“, вып. II, стр. XI—XII и 13.

****) Изъ негдѣ извѣстенъ лишь отрывокъ отъ апрѣля — мая 1821 г.

*****) Извѣстенъ лишь отрывокъ ея — о болѣзни и о Карамзинѣ.

вора декабристовъ, долженъ былъ, не безъ большого сожалѣнія, сжечь, боясь, въ случаѣ ареста и обыска, „замѣщать имена многихъ, а можетъ быть и умножить число жертвъ“, — записывалъ, далѣе, преданія о своихъ предкахъ Пушкиныхъ и Ганнибалахъ и нѣкоторые другіе эпизоды; къ 1830 г. относится программа записокъ Пушкина, имъ задуманныхъ; отъ 1831 года мы имѣемъ записи Пушкина по поводу холеры и холернаго бунта въ Военныхъ поселеніяхъ, взятія Варшавы, смерти фонъ-Фока и т. д.; къ 1833 году относятъ обыкновенно замѣтки поэта о Державинѣ на Лицейскомъ экзаменѣ и программу его записокъ о Кишиневскомъ періодѣ; въ послѣдніе годы жизни онъ записывалъ рассказы разныхъ лицъ (такъ назыв. Table Talk), разговоры Н. К. Загряжской...

Такъ, на протяженіи 1815 — 1833 г. идутъ почти непрерывною цѣпью личныя попытки Пушкина историографическаго характера; наряду съ ними можно прослѣдить его постоянный интересъ вообще къ памятникамъ мемуарнаго характера; онъ живо интересуется Записками Байрона (1825) и по ихъ поводу высказываетъ любопытныя сужденія, Записками Наполеона и Фуше (1825); онъ побуждаетъ П. В. Нащокина начать мемуары и даже самъ помогаетъ своему другу начать ихъ, записывая ихъ подъ его диктовку (1830) и позже (іюнь 1836) проситъ своего друга выслать ихъ ему; читаетъ *Mémoires de Diderot* (сент. 1832); онъ справляется у А. П. Ермолова о его Воспоминаніяхъ (1833); проситъ у И. И. Дмитріева возможности ознакомиться съ его Записками (1833); отъ А. Я. Вильсона получаетъ (декабрь 1835) Записки капитана Брюса и доктора Куна; печатаетъ статьи о Запискахъ Моро-де-Бразе; сносится съ С. Н. Глинкой по поводу его Записокъ (мартъ 1836); актера М. С. Щепкина онъ энергично побуждаетъ къ писанію мемуаровъ, собственноручно записывая въ тетрадь начальныя слова ихъ (май 1836); радуется, что будетъ, по слухамъ, изданъ отрывокъ изъ Записокъ графа Ѳ. В. Ростопчина (1836); наконецъ, онъ вступаетъ въ сношенія съ Н. А. Дуровой (іюнь 1835) по поводу изданія ея Записокъ: „Кавалеристъ-Дѣвица“; у него были не безъ хлопотъ добытыя списки Записокъ Екатерины II, Записокъ княгини Е. Р. Дашковой и Дневника Храповицкаго; его бібліотека была полна книгами мемуарнаго содержанія и характера*)...

Не углубляя далѣе доказательствъ живого интереса Пушкина къ историографическимъ матеріаламъ, скажемъ только, что не спроста Пушкинъ приступилъ и къ Исторіи Пугачева, и къ Исторіи Петра Великаго: онъ смолоду тяготѣлъ къ трудамъ историческимъ, зналъ и понималъ цѣну первоисточниковъ для такихъ трудовъ и самъ пытался внести свою лепту въ сокровищницу Русской историографіи путемъ собственнаго Дневника;

---

*) Ср. Библіотека Пушкина. Библіографическое описаніе, Б. А. Модзалевскаго, С.-Пб. 1908, стр. 428—429.

послѣ брошенныхъ болѣ раннихъ попытокъ, онъ рѣшительно принялся за него въ концѣ 1833 года, съ твердымъ, повидимому, намѣреніемъ сдѣлать изъ него памятникъ эпохи, въ которомъ должна была отразиться не столько его собственная личность, его „я“, сколько наиболѣ выдающіяся, характерныя для времени событія государственнаго и общественнаго значенія, выступить виднѣйшіе дѣятели эпохи; его дневникъ долженъ былъ послужить,—ему-ли самому, или кому другому,—какъ матеріаль для исторіи его времени,—явиться тѣмъ, что французскіе авторы называютъ „matériaux pour servir à l'histoire de son temps“; въ одномъ мѣстѣ своего Дневника поэтъ даже прямо говоритъ, что, ставъ придворнымъ и продолжая дневникъ, онъ намѣренъ сдѣлаться „Русскимъ Dangeau“, т. е. послѣдовать образцу этого извѣстнаго французскаго мемуариста эпохи Людовика XIV*). . . Говоря объ историографическихъ начинаніяхъ поэта, Анненковъ допускалъ предположеніе, что „недаромъ Пушкинъ сберегалъ въ своихъ бумагахъ и записныхъ тетрадяхъ такой богатый автобіографическій матеріаль, такую громаду писемъ, замѣтокъ, документовъ всякаго рода и проч. Пушкинъ не отступалъ до самой смерти своей отъ намѣренія представить картину того міра, въ которомъ жилъ и вращался, и потому сохранялъ тщательно всё, даже незначительные источники для будущаго своего труда; но трудъ, разрушенный въ самомъ началѣ, такъ сказать, при положеніи первыхъ камней, уже не давался ему болѣе въ руки. Не трудно понять, какой памятникъ оставилъ бы послѣ себя поэтъ нашъ, если бы успѣлъ извлечь изъ своего архива матеріаловъ полныя, цѣльныя записки своей жизни; но и въ уничтоженіи той части ихъ, которая была уже составлена имъ въ 1825 г., Русская литература понесла невознаградимую утрату. При гениальномъ способѣ Пушкина передавать выраженіе лицъ и фізіономію событій немногими родовыми ихъ чертами и проводить эти черты глубокимъ неизгладимымъ рѣзцомъ, — публика имѣла бы такую картину одной изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ Русской жизни, которая, можетъ быть, помогла бы уразумѣнію нашей домашней исторіи начала столѣтія лучше многихъ трактатовъ о ней. Если Томасъ Муръ говорилъ объ уничтоженныхъ имъ „Запискахъ Байрона“, что по жгучести и занимательности содержанія онѣ дали бы много безсонныхъ ночей образованнымъ людямъ всей Европы и склонили бы много головъ къ своимъ страницамъ, то подобную же роль, вѣроятно, играли бы у насъ и цѣльныя „Записки“ Пушкина, если бы существовали“**).

О томъ, что Пушкинъ въ видѣ Дневника ведетъ свои Записки, безъ сомнѣнія, было извѣстно его ближайшимъ друзьямъ-современникамъ; какъ увидимъ, князь П. А. Вяземскій сдѣлалъ на одномъ мѣстѣ рукописи Дневника (19-го іюня 1834 г.) свою

*) См. ниже, стр. 5 и 81—82.

**) А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, С.-Пб. 1874, стр. 309—310.

приписку *); школьный товарищ поэта, В. Д. Вольховский**), находясь весной 1837 г. на Кавказѣ и добываясь подробностей о кончинѣ Пушкина, спрашивалъ другого „Лицейскаго“ — М. Л. Яковлева — о Дневникѣ поэта, — и Яковлевъ отвѣчалъ своему товарищу: „Журналъ Пушкина дѣйствительно въ имѣю, но пересылать тебѣ его для прочтенія не нахожу удобства, потому что пересылка обойдется слишкомъ дорого“***). Жуковский зналъ о Дневникѣ во всякомъ случаѣ по разбору бумагъ Пушкина послѣ его смерти и, вмѣстѣ съ Дубельтомъ, внесъ его въ списокъ документовъ, пересмотрѣнныхъ 20-го февраля, послѣ чего „Журналъ Пушкина“ былъ помѣщенъ и въ окончательную опись бумагамъ поэта, представленную Императору Николаю I****): затѣмъ, черезъ Жуковского же, рукопись Дневника Пушкина*****), вмѣстѣ съ другими, его бумагами, перешла ко вдовѣ поэта и къ опекѣ надъ его дѣтьми и здѣсь, въ подспудномъ состояніи, находилась вплоть до 1850 или 1851 г., когда всѣ бумаги Пушкина поступили въ руки Ивана Васильевича Анненкова, предпринявшаго изданіе сочиненій поэта и привлечшаго къ работѣ своего брата Павла Васильевича.

Изучая матеріалы для біографіи Пушкина, которая должна была составить I томъ предпринятаго Собранія его Сочиненій, П. В. Анненковъ, конечно, обратилъ должное вниманіе и на Дневникъ поэта. Однако, не только полностью опубликовать его, но хотя бы использовать въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ Анненкову нельзя было тогда и думать, такъ какъ многія и многія изъ лицъ, упомянутыхъ въ Дневникѣ, — часто въ неблагопріятномъ смыслѣ, — были тогда еще живы... Все, что Анненкову представилось возможнымъ сдѣлать, — это привести въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“ нѣсколько краткихъ изъ Дневника выдержекъ, даже безъ упоминаній о томъ, что онѣ сдѣланы именно изъ Дневника Пушкина: на стр.

---

*) См. ниже, стр. 20 и 20 и 203—204.

**) См. о представленіи его Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ 8-го апрѣля 1834 г. ниже, стр. 12 и 139—141.

***) Н. А. Гастфрейндъ. Товарищи Пушкина по Имп. Царскосельскому Лицею, т. I, С.-Пб. 1912, стр. 157. Что это былъ именно Дневникъ 1833—1835 г., а не Пушкинскій „Современникъ“, который Вольховскій могъ получить черезъ любой книжный магазинъ Москвы или Петербурга, врядъ-ли можетъ быть сомнѣніе.

*****) См. Дѣла III Отдѣленія объ А. С. Пушкинѣ, С.-Пб. 1906, стр. 193 и 197; ср. еще въ статьѣ М. М. Попова, составленной приблизительно въ 1854 году по документамъ III Отдѣленія, — въ „Русск. Стар.“ 1874 г., № 8, стр. 714.

*****) Въ нѣкоторое смущеніе вводила лицъ, издавшихъ подлинную рукопись Дневника, поставленная на немъ рукою Пушкина цифра № 2: думалось, что былъ еще дневникъ за № 1 (см. „Русск. Арх.“ 1880 г., кн. II, стр. 488; Соч. Пушкина, изд. Просвѣщенія, под. ред. П. О. Морозова, т. VI, стр. 697 и др.); однако, это предположеніе ничѣмъ не подтверждается, и № относится, видимо, вообще просто къ тетради (быть можетъ, первоначально предназначавшейся и не для Дневника), а не собственно къ Дневнику.

390 и 402 своей книги (изд. 1855 г.)*) онъ сообщил отрывки изъ записи Дневника о поѣздкѣ Пушкина въ Калужскую губернію и въ Болдино, о Гоголѣ и объ успѣхѣ „Пиковой Дамы“. Тогда же, однако, Анненковъ изготавилъ для себя полную копию съ Дневника**), который онъ, вообще, видимо, настолько хорошо изучилъ, что твердо помнилъ его содержаніе; по крайней мѣрѣ, когда, послѣ выхода въ свѣтъ „Матеріаловъ для біографіи А. С. Пушкина“, Погодинъ упрекнулъ Анненкова за несправедливость къ А. С. Хомякову, біографъ поэта поспѣшилъ опереться на Дневникъ его и привелъ Погодину, въ письмѣ отъ 12-го февраля 1855 г., полную выдержку изъ записи Пушкина объ Хомяковѣ подъ 2-мъ апрѣля 1834 г.***). Черезъ Анненкова же, надо полагать, и по бывшему у него списку, ознакомился съ Дневникомъ Пушкина П. И. Бартеневъ, какъ извѣстно, усиленно работавшій, еще въ концѣ 1840-хъ годовъ, надъ біографіей поэта; несомнѣнно, что именно П. И. Бартеневу принадлежитъ подписанное буквами П. Б. примѣчаніе къ одному мѣсту опубликованныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 г. Воспоминаній графа В. А. Соллогуба, въ которомъ сообщается, что о пріѣздѣ въ Петербургъ Дантеса отмѣчено и „въ памятной книжкѣ Пушкина, гдѣ онъ записывалъ разные анекдоты, встрѣчи и пр.“****); и позднѣе, въ разныхъ мѣстахъ своего „Русскаго Архива“, по тому или другому поводу, Бартеневъ не упускалъ случая сослаться на записи неизданнаго или изданнаго еще не вполне Дневника Пушкина. Въ 1874 г., выпуская въ свѣтъ отдѣльное изданіе своей монографіи „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, Анненковъ рѣшился уже прямо упомянуть о существованіи Дневника Пушкина; говоря о неоднократныхъ попыткахъ поэта вести „лѣтопись своего времени“, какъ матеріалъ для будущихъ „Записокъ“, Анненковъ писалъ: „О второй попыткѣ возобновленія „Записокъ“ мы можемъ только сказать, на основаніи вѣрныхъ источниковъ, что Пушкинъ велъ журналъ или дневникъ семейныхъ и городскихъ происшествій съ ноября 1833 по февраль 1835 г.“*****).

Извѣстіе это прошло мало замѣченнымъ, такъ что когда, пять лѣтъ спустя, слухъ о томъ, что П. В. Анненковъ обладаетъ неизданными Записками Пушкина дошелъ (несомнѣнно черезъ М. М. Стасюлевича) до горячаго поклонника поэта—И. С. Тургенева, — то онъ запрашивалъ Анненкова, въ письмѣ отъ 8-го августа 1879 г.: „Какіе это *мемуары* Пушкина, которые нахо-

*) Изд. 2-е, С.-Пб. 1873, стр. 383 и 395; наше изданіе, стр. 3, 12 и 21 и 58, 131, 133 и 210.

**) Копія съ этой-то Анненковской копии, сдѣланная П. А. Ефремовымъ, и хранится нынѣ въ Пушкинскомъ Домѣ подъ указаннымъ выше шифромъ I б. 55.

***) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIV, С.-Пб. 1900, стр. 170; ср. въ нашемъ изданіи, стр. 10—11 и 119—120.

****) „Русск. Арх.“ 1865 г., изд. 2-е, стр. 1219; отд. изд. Воспоминаній графа В. А. Соллогуба, М. 1866, стр. 31; ср. наше изданіе, стр. 7.

*****) Назв. соч., С.-Пб. 1874, стр. 308—309.

дятся у Васъ — и которые мнѣ неизвѣстны? Я въ состояніи нарочно прѣхать*) ихъ послушать“. Анненковъ отвѣчалъ Тургеневу 11-го августа 1879 г.: „Записки Пушкина, любезный другъ, помнится, были въ Вашихъ рукахъ еще тогда, когда Вы жили въ Петербургѣ, въ Конюшенной, у Вебера, вмѣстѣ со всѣми другими документами къ биографіи Пушкина, которые я тогда собиралъ и аккуратно Вамъ показывалъ. По крайней мѣрѣ, я оставался долгое время и теперь остаюсь въ этомъ убѣжденіи“**). Въ слѣдующемъ, 1880 году Анненковъ привелъ одну выдержку изъ Дневника поэта въ статьѣ своей „Общественные идеалы А. С. Пушкина“, помѣщенной въ № 6-мъ „Вѣстника Европы“ Стасюлевича: здѣсь онъ сообщилъ, въ приблизительной передачѣ, заимствованный изъ „Записокъ“ Пушкина разговоръ его съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и отзывъ поэта о Романовыхъ-революціонерахъ***).

Но пока все это были лишь крупички богатаго содержанія Дневника, ничтожныя изъ него выборки, — самый же фондъ Дневника оставался нетронутымъ до середины того же 1880 года, когда, во VI книгѣ „Русской Мысли“ (стр. 1—10) и, одновременно, во II книгѣ „Русскаго Архива“ (стр. 488—499), была напечатана, по спеціальному разрѣшенію А. А. Пушкина, данному имъ С. А. Юрьеву и П. И. Баргтеневу, значительная часть Дневника поэта****), однако, — съ большими цензурными пропусками и съ сокрытіемъ нѣкоторыхъ именъ*****); въ 1881 г. въ томъ же „Русскомъ Архивѣ“ (кн. II, стр. 495) Баргтеневъ опубликовалъ еще самое начало Дневника — запись отъ 24-го ноября 1833 г.*****). Затѣмъ только черезъ 9 лѣтъ, — въ „Русскомъ Обзорѣннѣ“ 1890 г. (кн. V, стр. 159—165) Л. Н. Павлищевъ включилъ въ свои семейныя воспоминанія новыя отрывки „изъ имѣвшагося у него въ то время подъ рукою подлиннаго Дневника своего дяди“, — а именно записи отъ 27-го ноября 1833 до февраля 1835 г., — но также съ большими пропусками и, по своему обыкновенію, съ искаженіями. Семь лѣтъ спустя, В. Е. Якушкинъ въ своей книгѣ „О Пушкинѣ“ (М. 1899, стр. 167—172) привелъ, по сообщенію П. А. Ефремова и изъ имѣвшейся у послѣдняго копій, еще нѣсколько отрывковъ и выдержекъ изъ

*) Изъ Буживала въ Бадень-Бадень: ср. „Стасюлевичъ и его современники“, т. III, стр. 371—372. Б. М.

**) Изъ неизданной переписки Тургенева и Анненкова, находящейся въ собраніяхъ Пушкинскаго Дома.

***) „Вѣстникъ Европы“ 1880 г., № 6, стр. 607; „Воспоминанія и критическіе очерки“ П. В. Анненкова, т. III, С.-Пб. 1881, стр. 236—237; ср. въ нашемъ изданіи стр. 24.

****) Отъ 30-го ноября 1833 до 5-го декабря 1834 г.; въ „Архивѣ“ — съ примѣчаніями Баргтенева.

*****) Отсюда перепечатано, съ двумя добавленіями, П. А. Ефремовымъ въ его изданіи 1881 г., т. V, стр. 235—247 и 526.

*****) Вошла въ текстъ, напечатанный П. А. Ефремовымъ въ его изданіи 1882 г., т. V, стр. 228—241 и 491, и въ изданіе Литературнаго Фонда, 1887 г., т. V, стр. 200—211.

Дневника Пушкина. Самъ Ефремовъ въ своемъ „Суворинскомъ“ изданіи опубликовалъ, по названной выше копіи со списка Анненкова (см. выше, стр. II), почти весь текстъ Дневника (т. V, 1903 г., стр. 630—664 и т. VIII, 1905 г., стр. 578), — со всѣми дефектами этой копіи; почти въ такомъ же видѣ появился Дневникъ и въ изданіи „Просвѣщенія“ подъ редакціей П. О. Морозова (т. VI, 1904 г., стр. 538—574); наконецъ, въ примѣчанияхъ къ „Остафьевскому Архиву“ приведена была (т. III, стр. 627) замѣтка Дневника Пушкина о Вигелѣ и его противостественномъ порокѣ*), а Великій Князь Николай Михайловичъ въ своемъ „Опытѣ историческаго изслѣдованія“ объ Императорѣ Александрѣ I (изд. 1912 г., стр. 15 и 16) сообщилъ четыре еще не опубликованныхъ ранѣе, по цензурнымъ условіямъ, мѣста Дневника — о похоронахъ Ѳ. П. Уварова и о цареубійцѣ Я. Ѳ. Скарятинѣ**).

Этимъ завершилось частичное опубликованіе Дневника Пушкина: въ 1911 г. въ Брокгаузъ-Ефроновскомъ изданіи Сочиненій Пушкина (т. V, стр. 438—450) онъ появился, наконецъ, *полностью*, — по тексту Ефремовской копіи съ Анненковскаго списка, принадлежащей Пушкинскому Дому (гдѣ покойный С. А. Венгеровъ ею и занимался, подготавливая свое изданіе къ печати) и по указанной выше копіи, сдѣланной для Академической Комиссіи по изданію Сочиненій Пушкина съ подлинной рукописи Дневника. Однако, и сводный текстъ Брокгаузъ-Ефроновскаго изданія оказался не лишеннымъ нѣкоторыхъ ошибокъ и пропусковъ. Поэтому необходимость въ новомъ пересмотрѣ текста представлялась по прежнему настоятельной, — по подлинной рукописи или по точному съ нея списку. Наше изданіе воспроизводитъ вышеуказанный Академическій точный списокъ съ подлиннаго Дневника. Не можемъ, однако, не пожалѣть, что мы не имѣли возможности въ нѣсколькихъ, — правда немногихъ, — случаяхъ обратиться еще разъ непосредственно къ автографу, чтобы окончательно выяснитъ возникавшія у насъ сомнѣнія; одно изъ нихъ, поэтому, сопровождено въ нашемъ изданіи вопросительнымъ знакомъ въ прямыхъ скобкахъ [?]; въ прямыя же скобки [ ] заключены раскрытыя нами, для облегченія чтенія, недописанныя слова, — большею частію имена и фамиліи, — и нѣсколько словъ, зачеркнутыхъ Пушкинымъ. Одно слово, — названіе крѣпости, въ которой умерла сестра Пугачева***), осталось неразобраннымъ. Слова, подчеркнутыя самимъ Пушкинымъ въ рукописи, набраны у насъ разрядкой; всѣ случаи отступленія ореографіи текста нашего изданія отъ общепринятой „старой“ ореографіи слѣдуетъ относить на счетъ самого Пушкину, ибо мы старались со

*) Наше изданіе, стр. 5.

***) Наше изданіе, стр. 7, 8—9, 9 и 10.

***) Наше изданіе, стр. 6.

всею точностью воспроизвести не только его личную орфографию, но и его пунктуацию, послѣднюю — однако — за незначительными отступлениями.

Вотъ всѣ предварительныя замѣчанія, которыя мы полагали необходимымъ высказать по поводу даваемого въ нашемъ изданіи *текста* Дневника Пушкина. Считаая обязательнымъ по возможности точно воспроизвести этотъ *текстъ*, мы не меньшее вниманіе удѣлили *объяснительнымъ примѣчаніямъ* къ нему. Если, какъ видитъ читатель, съ изданіемъ текста Пушкина до настоящаго времени дѣло обстояло вполне неблагополучно, — то не болѣе удовлетворительна, надо сознаться, была и сторона комментаціонная. Дневникъ Пушкина дорогъ для насъ не столько какъ произведеніе *литературное* (хотя, конечно, и съ этой стороны онъ представляетъ значительный интересъ), сколько какъ памятникъ *историческій*, матеріаль *автобіографическаго* и *біографическаго* значенія и характера. Чтобы вполне оцѣнить эти стороны Дневника, надо было, по нашему мнѣнію, войти въ самую гущу и толщу всѣхъ отношеній Пушкина и той среды, къ которой онъ принадлежалъ по своему общественному и родовому положенію; надо было вскрыть и объяснить современному намъ читателю, — даже специалисту, — всю ту обстановку, которую описываетъ и рисуетъ Пушкинъ въ бѣглыхъ, подчасъ лапидарныхъ записяхъ своего Дневника, набрасываетъ ихъ часто не столько для посторонняго читателя, сколько для самого себя, — съ цѣлю, быть можетъ, впоследствии, — когда приспѣло бы къ тому время, разработать, рассказать подробнѣе, раскрыть тотъ или иной намекъ, тотъ или другой мимоходомъ отмѣченный эпизодъ. Многое, что было понятно Пушкину или любому изъ его современниковъ, для насъ уже требуетъ разъясненій — и подчасъ очень подробныхъ, — разслѣдованій, иногда чрезвычайно сложныхъ и затруднительныхъ. Всѣхъ этихъ разъясненій Дневника и разслѣдованій по его поводу до настоящаго времени сдѣлано не было; редакторы Сочиненій Пушкина, включавшіе въ свои изданія Дневникъ Пушкина, ограничивались лишь самыми незначительными объясненіями тѣхъ мѣстъ Дневника, которыя такихъ объясненій требовали, при чемъ наиболѣе трудныя для комментарія записи оставались не тронутыми, а многое обходилось молчаніемъ, какъ общеизвѣстное. Лучшій комментарий къ Дневнику былъ данъ П. О. Морозовымъ въ редактированномъ имъ изданіи фирмы „Просвѣщенія“ (т. VI, стр. 697 — 706), но и онъ оставлялъ желать очень и очень многого.

Всѣ высказанныя нами выше соображенія о необходимости снабженія Дневника Пушкина подробнѣйшими объясненіями, — съ одной стороны, а съ другой — то обстоятельство, что Дневникъ нашего поэта еще ни разу до сихъ поръ не подвергался надлежащему комментированію, — побудили насъ заняться такой работой и постараться исполнить ее во всемъ представлявшемся намъ необходимымъ объемѣ и въ широкихъ рамкахъ.

Мы стремились не оставить неразъясненнымъ ни одного мѣста Дневника, не обойти молчаніемъ ни одного имени, ни одного событія, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ, — было ли то событие современной ему общественной или частной жизни, фактъ его личной судьбы, историческій анекдотъ или рассказъ изъ прошлаго, упоминаніе о томъ или иномъ лицѣ или отзывъ о немъ и т. под. Особенно много оказалось нужнымъ сдѣлать объясненій и дать справки по поводу упомянутыхъ Пушкинымъ лицъ *) и приданныхъ имъ краткихъ опредѣленій и характеристикъ: многія изъ этихъ лицъ забыты въ потомствѣ, память о нихъ до нашихъ дней не сохранилась; это — по большей части дѣятели бывшей придворно-бюрократической среды, удѣльный вѣсь которыхъ и въ свое время былъ очень невеликъ, почему и дошло о нихъ такъ мало воспоминаній, а образы ихъ смѣшались въ общемъ фонѣ прошедшей жизни; между тѣмъ, въ быту Пушкинской эпохи, въ людскомъ окруженіи поэта многіе изъ этихъ образовъ были фигурами яркими и создавали тотъ фонъ, на мишурномъ блескѣ котораго такъ ярко выдѣлялась своеобразная и торжественная въ своей скорбной уединенности фигура Пушкина. Этотъ фонъ, эти, — по выраженію гнѣвнаго Лермонтова, „надменные потомки извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,“ — „палачи свободы, генія и славы“, — они то и были причиною трагической гибели поэта, они содѣйствовали пролитію его „праведной крови“: дать точные и выпуклые ихъ портреты и характеристики представлялось намъ дѣломъ далеко не бесполезнымъ... Писательская среда и упоминанія и отзывы поэта о современныхъ ему литературныхъ дѣятеляхъ и явленіяхъ литературной жизни также потребовали немалыхъ объясненій біографическаго, историко-литературнаго и бібліографическаго характера. Дружескій кругъ людей, близкихъ Пушкину, его личныхъ знакомыхъ и родственниковъ въ свою очередь нуждался въ соотвѣтствующихъ комментаріяхъ, которые познакомили бы и съ этимъ разрядомъ отношеній поэта. Свободный отъ упрека въ лѣности и отсутствіи любознательности, онъ жадно ловилъ рассказы о прошломъ, собиралъ показанія современниковъ и очевидцевъ—и спѣшилъ занести ихъ на страницы своего Дневника, хоть вкратцѣ, хоть намекомъ: мы считали цѣлесообразнымъ провѣрить подобныя сообщенія Пушкина и подкрѣпить ихъ параллельными подтвержденіями или опровергнуть соотвѣтствующими точными данными. Показанія самого Пушкина о событіяхъ, ему современныхъ, — общественныхъ и частныхъ, — мы старались подтвердить показаніями другихъ современниковъ, сообщеніями газетъ, извлеченіями изъ переписокъ и т. под. Эта часть работы привела насъ къ убѣжденію въ полной правдивости Пушкина,

*) Ихъ въ Дневникѣ оказалось названными до 150 человекъ изъ круга друзей Пушкина, его родныхъ и знакомыхъ, историческихъ, государственныхъ и придворныхъ дѣятелей, лицъ царской фамиліи, писателей, различныхъ современниковъ и иностранцевъ...

бъ осторожности и обоснованности его сообщений. Недаромъ онъ, въ разговорѣ со своимъ другомъ А. Н. Вульфомъ еще въ сентябрѣ 1827 г., сообщая ему о намѣреніи своемъ „написать исторію Петра I, а Александрову—перомъ Курбскаго“, замѣчалъ: „Непремѣнно должно описывать современные происшествія, чтобы могли на насъ ссылаться“ *). На Дневникъ Пушкина можно смѣло ссылаться, какъ на достовѣрный первоисточникъ. Онъ нигдѣ не измѣнилъ себѣ и писалъ *sine ira et studio*, — не сдержавъ себя, быть можетъ, лишь въ одномъ мѣстѣ, — въ записи объ Уваровѣ и о князѣ Дондуковѣ-Корсаковѣ **)...

Желаніе широко поставить объяснительную часть нашего изданія, надѣемся, не будетъ поставлено намъ въ упрекъ и сочтено за провинность. Мы полагаемъ, что работу, подобную сдѣланной нами, надлежало продѣлать хотя бы однажды, чтобы не осталось, по возможности, ни одного темнаго или непонятнаго мѣста, чтобы всѣ дѣйствующія въ Дневникѣ лица, а вмѣстѣ съ ними и самъ его авторъ предстали передъ читателемъ во весь свой ростъ и во всемъ многообразіи жизненныхъ и житейскихъ отношеній. Достигли ли мы поставленной себѣ цѣли, — судить не можемъ; скажемъ лишь, что сами сознаемъ недостатки и промахи нашей работы, исполненной въ 1920—1921 г., въ обстановкѣ, подчасъ весьма неблагоприятной для подобнаго рода труда, и просимъ великодушнаго къ нимъ снисхожденія; вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ считаемъ принести выраженіе искренней благодарности тѣмъ лицамъ, которыя содѣйствовали намъ отзывчивою помощью и тѣмъ облегчили исполненіе нашей работы; лица эти — М. Д. Бѣляевъ, К. Я. Гротъ, Н. К. Козминъ, Н. А. Мурзановъ, А. В. Шебаловъ и П. Е. Щеголевъ, а особенно — Александръ Александровичъ Сиверсъ, взявшій на себя трудъ просмотрѣ всѣхъ корректуръ изданія и сдѣлавшій намъ немало полезныхъ замѣчаній, которыми мы, по силѣ возможности, и воспользовались съ чувствомъ признательности къ его дружеской помощи. Указатель къ книгѣ составленъ К. А. Шимкевичемъ.

Б. Модзалевскій.

18 февраля 1922 г.

---

*) Л. Н. Майковъ, Пушкинъ С.-Пб., 1899, стр. 179.

**) Наше изданіе, стр. 26.

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ДНЕВНИКУ ПУШКИНА.

ПУШКИН О НИКОЛАЕ I.

Дневник Пушкина... Первое впечатление: скупость, осторожность и сдержанность автора. Скупость — обычная, Пушкинская, а сдержанность — чрезмерная, почти граничащая с объективизмом. Об интимной, внутренней жизни — ни слова. Молчит Пушкин и о творческой своей жизни, роняя две-три фразы о своих произведениях в связи с их внешней историей (цензурой, появлением в печати). Пушкин заносит в дневник только наблюдения над окружающей жизнью и собирает осколки прошлого в рассказах своих современников. Но и наблюдения Пушкин записывал с щепетильной осторожностью. Предназначал он свои записи для потомства, но боялся, что они попадут в руки современников, а потому сдерживал себя. Занося в дневник тот или иной факт, Пушкин обычно ни одним словом не оговаривался о своем отношении к нему. Оценок почти нет. Фактическая насыщенность дневника и отсутствие оценок лишают возможности даже поставить вопрос о действительных взглядах автора. Но если Пушкин не сообщает нам, как он относится к описываемой им действительности, это еще не значит, что у нас отнята возможность определить его отношение к отмеченным в дневнике лицам и событиям. Задача, конечно, усложняется, и к ее решению надо идти не всегда легким путем анализа. Оставляя дневник потомству, Пушкин преследовал исторические задачи, но историческое дело он творил, как художник.

Не все, что видел и слышал вокруг себя Пушкин, заносил он в дневник; он выбирал факты, и изучение самого процесса отбора может привести нас к уяснению взглядов самого Пушкина, его отношения. Когда Пушкин заносил ту или иную деталь на память потомству, он смотрел на нее, как на деталь картины, которую нарисует в будущем на основании записей дневника или он сам, или неведомый читатель и исследователь. Для выяснения взглядов Пушкина необходимо всякой записанной Пушкиным детали отыскать место в картине. Мы должны оправдать надежды, которые Пушкин возлагал на потомство, оставляя ему

свой дневник, под лаконичными, скупыми и нарочито объективными сообщениями дневника разгадать настоящие намерения автора, открыть его мысли и чувства при созерцании окружающей его действительности.

До нас дошел не весь дневник Пушкина. То, что печатается теперь, воспроизводит рукописную тетрадь Пушкина № 2; тетрадь № 1 нам не известна. Но за то известный нам текст охватывает самые глухие годы в жизни Пушкина,—годы, о которых мы располагаем самым скудным биографическим материалом. И современных свидетельств, и документальных данных об этой поре жизни Пушкина меньше, чем о каком-либо другом периоде его жизни. Поэтому дневник Пушкина приобретает существеннейшее значение для биографии поэта. И значение его прежде всего в том, что он дает широкий фон для изображения общественной, светской и придворной жизни, которою жил поэт. Историческую ценность этого фона мы можем оценить только теперь, когда произведена огромная работа по комментированию имен, событий, намеков, углубившая этот фон и придавшая ему выпуклость. После работы Б. Л. Модзалевского нам легче разбираться и в вопросе о том, как оценивал действительность сам Пушкин, который, как будто принципиально, почти не высказывал своих оценок в дневнике.

Если разбить записи дневника на категории по их содержанию, то по числу записей на первое место надо будет поставить сообщения о жизни двора и об Императоре Николае. И понятно: Николай, двор, придворная жизнь в эти годы заняли виднейшее место во внешней жизни Пушкина, и не только во внешней. Поэтому представляется не лишеной интереса и поучительности попытка произвести изучение и анализ всех высказываний дневника о Николае I и на основании этого анализа определить отношение Пушкина к деятельности и личности Николая. А вопрос об отношении поэта к царю — один из кардинальных в биографии Пушкина; то или иное его решение не маловажно и для разрешения вопроса о политических взглядах Пушкина в 30-ые годы, вновь привлечшего внимание исследователей в наше время (работа П. Н. Сакулина о Пушкине и Радищеве). Правда, последние годы не принесли нам новых материалов по этому вопросу, и мы должны ждать нового освещения вопроса от нового просмотра и углубленного изучения старых материалов. Впрочем, после пяти лет революции современный исследователь находится в выгоднейшем положении по сравнению с работавшими до революционной эпохи. Я хочу сказать: с того момента, как Русское самодержавие отошло в область истории, мы стали свободны от всех „предрассуждений“, которые висели над мыслью ученого и исследователя. Достаточно привести в пример историю выяснения политического мировоззрения Пушкина: выводы многочисленных писателей, исследовавших этот вопрос, в последнем счете определялись не анализом материала,

а общественными и политическими взглядами самих исследователей. Не было политической группы, которая в тех или иных работах своих представителей не присваивала бы себе Пушкина. Консерваторы готовы были считать его своим вождем, а либералы и радикалы вступали с ними в борьбу и отвоевывали Пушкина. Строгое, спокойное историческое расследование становится возможным только теперь, когда тот или иной ответ на вопрос, был ли монархистом Пушкин, искренне ли он был предан самодержавию и т. д., не огорчит исследователя и не даст потускнеть облику Пушкина.

Вопрос об отношениях царя к поэту требует всестороннего рассмотрения. Легенду об исключительном отношении Николая к Пушкину можно теперь сдать в архив. Двойственный характер отношений Николая I окончательно выяснен. Царь был невысокого мнения о Пушкине и как о поэте, и как о человеке; искусством его он интересовался в той мере, в какой оно могло служить выставкой его двора; сам Пушкин представлялся ему человеком незначительным и неприятным, требовавшим постоянного за собою надзора; убеждения Пушкина никогда не внушали Николаю полного доверия, что там ни писал Пушкин. Но в этих, настоящих своих взглядах на поэта царь открывался только в кругу своей семьи и ближайших своих приспешников — друзей-слуг. Даже воспитатель сына Жуковский не догадывался о них и с восторженной болтливостью распинался о необычайных качествах царского интеллекта и о необычайном благоволении царя к Пушкину, в которых он почтил высокий талант, и т. д. Но как раз именно такое представление о Николае и легло в основу отношений Пушкина к царю. „Во мне почтил он вдохновенье, освободил он мысль мою, и я ль, в сердечном умиленье, ему хвалы не воспую“. И по мере сил и возможностей благодарный и искренний Пушкин пел хвалу: „Он бодро, честно правит нами; Россию вдруг он оживил войной, надеждами, трудами“... Или: „Новый царь, суровый и могучий, на рубеже Европы бодро стал“...

Таковы все официальные высказывания Пушкина о царе. На их основании приходили к заключению, что Пушкин высоко, даже недостижимо высоко ценил Николая и как государя, и как человека, и был обязан ему искренней и почтительной преданностью верноподданного. Высказывания Пушкина сомнений не вызывали, и такую формулировку взглядов Пушкина на Николая следует считать общепринятой. Но достаточно ли обоснован этот вывод? То, что Пушкин говорил о Николае в поэтических своих произведениях и в официальных обращениях, конечно, имеет один смысл, одно толкование, но и об Александре I поэтические характеристики Пушкина, напечатанные при его жизни, допускают одно толкование — „народов друг, спаситель их свободы“, — но в то же время в своих черновых тетрадях Пушкин хитро зашифровывал иные характеристики: „властитель слабый

и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой“... Если об Александре зашифровывал, то как же ему было фиксировать мнения о Николае, хотя бы на иоту отходившие от официальных! И далее: десять с лишним лет длились личные отношения Пушкина к царю, — неужели же от начала до конца они были равными, и в них не было никакой эволюции? Процесс развития взглядов Пушкина на царя и отношений к нему тесно связан с жизнью созданного им поэтического образа самодержца и государя в его творчестве, с теоретическими представлениями о монархе и власти, с развитием политического мирозерцания. И в этом процессе мощной, меняющей силой была сама действительность, которая даже через самые розовые очки показывала себя в настоящем свете.

В 1825 — 1826 годах Пушкин совершил переход от вольномыслия своей молодости к освященным традициями теориям отечественного патриотизма. В этом патриотизме не без напряжения, но со всюю искренностью он укреплял себя и дошел уже до покаянного состояния, до мучительных раскаяний в заблуждениях своей юности всех порядков: религиозных, моральных и политических. В 1831 году, под ближайшим воздействием Жуковского и придворной среды, Пушкин завершил свой переход в сторону официального патриотизма и отшлифовал свой политический символ. Ему казалось, что на этом и заканчивается процесс его политического развития, и отныне ему суждено торжественное и величавое спокойствие созерцания. Но мысль продолжала биться в тенетах окружающей действительности, и тот разумный смысл, которым Пушкин наделял свои представления о действительности, вдруг как-то неожиданно исчезал и оставлял эту действительность обнаженной от здравого смысла. Так начиналась новая стадия эволюции политического сознания. В 1833 году политическая мысль Пушкина нашла художественное воплощение в „Медном Всаднике“. Здесь — в ответ на страстный, даже вернее пристрастный вызов Мицкевича — яркое и отчетливое утверждение исторического значения Русского самодержавия.

Все, что было, — было правильно и не могло быть иным, но историческая правда действительности вовсе не приводит Пушкина к признанию за нею права на правду в настоящем и тем менее в будущем. Да, Русское самодержавие выполнило задачи огромной важности, но отсюда не следует, что в настоящем и будущем оно будет нужно для выполнения других, столь же важных государственных задач. Самодержавие, самовластие в себе самом несет зародыш гибели. Пушкин, — художник, наделенный историческим чутьем, не мог не признать исторической надобности и закономерности самодержавия; но он не мог и не видеть исторической надобности и закономерности... бунта, революции, Проблема бунта всю жизнь интересовала Пушкина.

Недаром в крупнейших своих произведениях он разрабатывает тему восстания. Правда, мы встречаем неоднократно резкое осуждение принципа революции, но эти внешние фразы не должны обмануть нас насчет глубокого интереса и глубоких размышлений о бунте, восстания, революции. К сожалению, пушкинисты еще не произвели очень нужной и интересной работы — сводки всех высказываний Пушкина о мятеже и восстании — не только, конечно, в законченных произведениях, но, главным образом, в черновых рукописях, а в последних для подобной работы найдется отменный материал.

Как бы Пушкин морально ни оценивал революцию и бунт, одно бесспорно: историческую ее законность он понимал и принимал. В „Медном Всаднике“ против самодержавия поднимает голову мятеж; объявляет бунт против владыки тот самый раб, который под властным взглядом властелина шел к анчару; „держит вооружиться противу общего порядка, против самодержавия, противу царя мелкий чиновник, человек без всякой власти, без всякой опоры“ (Эти выражения, в которых Пушкин характеризует идейного зачинателя русского мятежа — Радищева, как нельзя лучше приложимы к Евгению из „Медного Всадника“). Нет нужды, что робкая вспышка бунта раздавила самого мятежника. Важно то, что раб не умирает покорно у ног непобедимого владыки. „Ужо тебя!“ — нависает угрозой над самодержавным деспотом. В этом „ужо тебя!“ — предвестие грядущих русских восстаний, которые подымут против титанической власти самодержавия мелкие люди, „люди без всякой власти, без всякой опоры“.

Если мы согласимся с тем, что были мгновения, когда Пушкину была ясна историческая неизбежность и законность революции, то мы должны отказаться и от утверждения, что установившееся в самом начале 30-х годов политическое мировоззрение было чуждо эволюции и оставалось неизменным до конца жизни поэта. Сохранившаяся часть дневника Пушкина начинается с записи конца 1833 года, — того года, в который поэт совершил огромную идеологическую работу, нашедшую художественное выражение в „Медном Всаднике“. Выводы, сделанные Пушкиным и слегка намеченные нами, отбрасывают тень и на все записи дневника политического характера.

После этих общих замечаний переходим к изучению высказываний Пушкина о Николае в его дневнике. Пушкин наблюдал и изучал Николая в его государственной деятельности, в его придворной жизни и, наконец, в его личных отношениях к нему. Темы наблюдений были весьма щекотливы, и Пушкин в своих записях должен был быть нарочито сдержанным, должен был ограничиться только занесением в дневник фактов и событий, но воздержаться от оценок он все же не мог. И внимательный анализ его записей и редких, кратчайших, почти однословных оценок дает нам возможность нарисовать образ Николая, каким

он был в глазах Пушкина, и сделать некоторые выводы об отношении поэта к царю.

У Пушкина был свой идеал государя — вождя, героя и раба долга, склоняющегося перед законом и интересом государственным. Государство было самодовлеющим организмом в политических представлениях Пушкина, государство было больше народа, а государь для народа был существом почти мифическим. В дневнике Пушкина отмечен разговор с Великим Князем Михаилом Павловичем по поводу фразы „Северной Пчелы“ о пребывании царя в Москве: „Государь Император с высоты Красного крыльца низко (низко!) поклонился народу... Как восхитительно было видеть Великого Государя, преклоняющего священную главу перед гражданами Московскими“. Михаил Павлович обругал журналиста дураком: „Не забудь, что это читают лавочки“ — добавил он Пушкину. „Великий Князь прав, а журналист, конечно, глуп“ — резюмировал рассказ Пушкин. Немыслимо, по мнению Пушкина, невозможно представить царя низко кланяющимся народу, точно чего-то заискивающим у него, царя-повелителя по преимуществу, царя-владыку, посылающего своих рабов к древу смерти. Царь выше народа, выше человеческих страстей, царь — существо, близкое к божеству. Таков идеальный государь.

Конечно, идеальный царь — создание поэтического воображения Пушкина, в действительности таких царей никогда не существовало, и менее всего подходил под понятие идеального царя Николай. Сжатые записи в дневнике Пушкина показывают, что Николай не годился в идеальные Пушкинские цари. Эпоха, в которую развертывалась деятельность Николая, охарактеризована сжато и выпукло: время бедное и бедственное. Блеск и роскошь двора не обманули Пушкина, и он не проглядел голодающей России, и поэтому резким укором Николаю звучит фактическая — без всяких оценок — запись об огромных суммах, отпущенных по приказанию Николая высшим сановникам, — Кочубею и Нессельроде, на прокормление их голодающих крестьян. „У Нессельроде и Кочубея будут балы, — что также есть способ льстить двору“ — записывает Пушкин. „Что скажет народ, умирающий с голода?“ — спрашивает в дневнике Пушкин, записывая, что праздников по случаю совершеннолетия Наследника будет на полмиллиона. Колоссальная по тому времени сумма!

Пушкин осуждает Николая за назначение Сухожанета, запятнанного человека, на пост Главного Директора Пажеского и всех сухопутных корпусов и Дворянского полка. „Государь“ — с иронией замечает Пушкин, — „видел в нем изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве, как спокойное местечко в Доме инвалидов“. Пушкин отрицательно относится к поведению Николая в деле Бринкена, проворовавшегося гвардейского офицера и Курляндского дворянина. Николай изъясил его из общей судимости и отдал на суд Курляндскому дворян-

ству. Пушкина возмущает своевольное деление в общеуголовном деле подсудимых на офицеров и чиновников, дворян и не дворян. „Прилично ли государю вмешиваться в обыкновенный ход судопроизводства?“ — записывает в дневнике Пушкин. Эта запись не может не поражать нас крайней наивностью, которая находит объяснение лишь в крайней теоретичности идеалистических представлений Пушкина о государе. Пушкин следил за делом Бринкена, и когда дворянство отказалось судить Бринкена, с чувством известного удовлетворения записал: „Вот тебе (т. е. Николаю) шиш, и поделом“. Но с идеалистическим представлением о царе в Пушкине уживалось чувство дворянской оппозиции; монарх, ничем не ограниченный, ограничивался во взглядах Пушкина какими-то обязанностями в отношении своем к дворянству. Когда в 1834 году был опубликован указ, ограничивающий срок пребывания за границей Русских подданных, находящихся в чужих краях, Пушкин отметил: „Указ есть явное нарушение права, данного дворянству Петром III“. Дворянские тенденции Пушкина также поразительны по своей наивной мотивировке. Нельзя не вспомнить записанного в дневнике разговора с Великим Князем Михаилом Павловичем о дворянстве. В 1832 году было издано постановление о почетном гражданстве. Великий Князь был против этого постановления, находя, что не нужно закрывать доступа в высшее сословие государства и насаждать третье сословие, „сию вечную стихию мятежей и оппозиции“. Пушкин с горячностью возражал Михаилу Павловичу; он указывал, что или дворянство не нужно в государстве, или доступ в него должен быть затруднен и предоставляем всякий раз только по воле государя. А относительно опасений Великого Князя за возникновение третьего сословия Пушкин разразился тирадой: „Что касается до tiers état, — что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью против аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много“. Политическая наивность Пушкина кажется нам безмерной, и ошибка Пушкина бьет нам в глаза; но Пушкину его теория насчет старого дворянства была дорога психологически, она до известной степени скрашивала его социальную беспомощность. Считая старое дворянство настоящим оплотом нации и государства, Пушкин готов был придавать революционный характер действиям абсолютной власти, направленным против старого дворянства, готов был считать всех Романовых революционерами и уравниателями. „Tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs“. Это положение столь далеко отстоит от действительной истории всех Романовых (за исключением Петра), что мы видим себя вынужденными принять эту фразу, сказанную Михаилу Павловичу,

за своеобразный комплимент. Пушкин чувствовал себя обиженным в своем гражданском бытии политикой Николая I, который не поддерживал якобы старых дворянских родов и опирался на знать. Он был оскорблен, как дворянин,

О государственном творчестве Николая Пушкин ничего больше не мог записать в своем дневнике. Но с высот государственного строительства Николай I спускался под сень административных работ, работ по управлению. Несколько выразительных штрихов о Николае-управителе Пушкин оставил в своем дневнике. Сообщая факты, Пушкин не делает никаких к ним комментариев, но подбор фактов, а иногда самый способ их изложения подчеркивает смешные стороны в царе. „Парад как то не удался. Государь посадил Наследника под арест на дворцовую обвахту за то, что он проскакал галопом вместо рыси“. Не для назидания и поучения о великом царе занес Пушкин этот эпизод в дневник, а несомненно на некоторое позорище. Смешной тенью проходит Николай и в большой записи Пушкина о смерти Кочубея. Кочубей был в полном смысле ничтожным человеком. Пушкин приводит красноречивую эпиграмму на Кочубея, по всей вероятности, принадлежащую его перу: „Что в жизни доброго он сделал для людей, не знаю, чорт меня убей“. Но смерть такого ничтожества вызвала неожиданный эффект. „Она произвела сильное действие; государь был неутешен. Новые министры повесили голову“. Этот контраст умершего ничтожества с одной стороны и неутешного государя и министров, повесивших головы, с другой — производит комическое впечатление. Смешна фигура Николая и в рассказе Пушкина об аресте цензора Никитенка за пропуск перевода Деларю из Гюго: Николай защищает православие... от нападений Деларю и Смирдина. „Отселе буря“.

С новой стороны показан Николай в записях Пушкина об его участии в разрешении семейных скандалов своих придворных. Безобразова, измученная ревностью мужа, бросилась к царице с просьбой о разводе. „Государь сердит. Безобразов под арестом“. Николай вообще любил входить в семейные дела окружающих. Пушкин записывает в дневнике о неосторожном или даже скандальном поведении княгини Суворовой. „Царица ее призвала и побранила, царь еще пуще“. Николай пользовался репутацией верного хранителя семейного очага, но обстоятельствам эта репутация мало соответствовала. Почти для всех монархов и для Николая в том числе фрейлины двора были лакомым плодом. О так называемых „васильковых дурачествах“ Николая у нас есть кое-какие сведения, но до революции об этой стороне жизни Николая почти нельзя было писать. Едва ли не об одном из таких васильковых дурачеств рассказывает Пушкин в записи об ухаживаниях Николая в Москве в 1834 году за Московскими красавицами и Московскими актрисами. К этой записи Пушкин переходит сейчас после упоминания о нежелании представляться царю вместе с 18-летними молокососами — камер-юнкерами.

„Царь рассердится — да что мне делать“ — заканчивает Пушкин одну запись и сейчас же переходит к другой: „покамест давайте злословить“. Далее следует рассказ о Московских дурачествах Николая, рассказ очень осторожный и какой то незаконченный. Но Пушкин счел нужным ввести его в дневник.

От общих впечатлений Пушкина переходим к впечатлениям личного общения с царем. Записи Пушкина о внешнем обхождении Николая не содержат материала для отрицательной характеристики царя. Пушкин, описывая бал в Аничковом, о царе заметил: „Очень прост в своем обращении, совершенно по домашнему“. Пушкин несколько раз видел царя на балах, разговаривал с ним. О разговорах он записывает в дневнике, но кратко и сжато. Стоит отметить запись 28-го февраля 1834 года: „Государь на бале в концертной долго со мною разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения“. Этот, сравнительно весьма скромный отзыв об ораторских достоинствах Николая дает повод к заключению, что это была первая большая беседа поэта с царем: как будто в первый раз он имел случай заметить обращаящие на себя внимание только при долгом разговоре особенности речи. В дневнике есть упоминания и о других разговорах с царем, имевших место до этой беседы, но, надо думать, это были кратковременные разговоры, в которых Николай больше спрашивал, но не говорил, а Пушкин больше отвечал. Разговоры Пушкина с Николаем шли об истории Пугачева и кончились выдачей Пушкину в ссуду на печатание книги 20.000 рублей. „Спасибо“ — замечает по этому поводу Пушкин. А замечания Николая, с которыми была возвращена рукопись Пугачева Пушкину, поэт оценил в дневнике, как „очень дельные“. К сожалению, эти замечания нам неизвестны, хотя рукопись, бывшая в руках Николая, повидимому, нам известна. Но, по всей вероятности, письменных замечаний и не было: Бенкендорф вызвал Пушкина и вручил ему рукопись с царскими замечаниями, которые он мог передать ему и изустно. Если это предположение верно, то еще вопрос, принадлежали ли „очень дельные“ замечания Николаю или какому-либо специалисту из III Отделения. К сожалению, Пушкин не изменил себе и дал сжатую запись — и без всякой оценки — о другом случае возвращения рукописи с замечаниями государя. Речь идет о „Медном Всаднике“. О том, как должны были возмутить Пушкина критические замечания о „Медном Всаднике“ (все равно, от кого они шли, — от самого царя или от III Отделения), мы можем судить теперь, анализируя все вымарки на рукописи и пометы, указывавшие на необходимость изменений: изменения требовались такие и в таком количестве, что Пушкин, попробовав сделать их, отступился и предпочел хранить рукопись в своем письменном столе. А в дневнике он не обмолвился по поводу замечаний ни одним словом оценки, ограничившись кратким резюме, которое могло бы навести на мысль,

что ему дороже художественных были материальные задания: „Все это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным“. За этой прозаической записью скрыты муки художника, созерцающего процесс порчи лучшего его произведения. Нельзя сказать, чтобы общение с Николаем, читателем и цензором произведений поэта, могло оставить в Пушкине впечатление положительное. Но была и еще одна сфера общения с царем — придворная: здесь выступали — во главе двора — монарх и его придворный слуга.

Пожалование в камер-юнкеры нанесло неизгладимую обиду Пушкину и сыграло крупную роль в эволюции личного его отношения к царю. Об этом с выпулкой яркостью свидетельствует дневник. Занося 1-го января 1834 года о пожаловании в придворный чин, Пушкин сразу же отмечает действительный мотив Высочайшего благоволения — желание Николая видеть на придворных балах Наталью Николаевну. — Но, удовлетворяя своему желанию, Николай ставил Пушкина в смешное положение. Для камер-юнкерства 35-летний Пушкин уже вышел из годов. Смешную сторону пожалования не мог не видеть сам Николай, видел ее высший свет и остро ощущал сам Пушкин. „Довольно неприлично моим летам“ — записал 1-го же января Пушкин и через несколько строк попытался определить впечатление, произведенное царской милостью. „Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством? — записывает Пушкин и тут же, как будто забыв, что он написал несколькими строками выше, приводит свой ответ на этот вопрос, — тот единственный ответ, который он мог бы дать публичным вопрошателям: „доволен, потому что Государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным“. Но себя таким ответом Пушкин не мог обмануть и, чувствуя его слабость и неискренность, отмахнулся от вопроса иначе: „а по мне, хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике“. Может быть, прямого намерения сделать Пушкина смешным у Николая не было, но так вышло: Пушкин был поставлен в смешное положение в глазах общества. Пушкин записал в свой дневник свой ответ на поздравление Великого Князя Михаила Павловича: „до сих пор все надо мной смеялись, вы первый поздравили“. И Пушкин вменил в вину своему монарху пожалование в камер-юнкеры и не мог забыть и простить раны, нанесенной его самолюбью. Не мог не вменить, потому что знал, что Николай видел и сознавал всю неловкость своего поступка с Пушкиным. Царь сказал княгине В. Ф. Вяземской: „Надеюсь, что Пушкин хорошо принял свое назначение, до сих пор он держал свое слово, и я доволен им“. Эту фразу Пушкин занес в свой дневник, но цена этой фразы в его глазах была ничтожна. Пушкину она свидетельствовала только о том, что Николай сам признавал неприличие своего пожалования. Между поэтом и царем утверждалось неприязненное понимание друг друга. Царь знал о Пушкине, что ему

в высшей степени неприятно и обидно придворное звание, но он немного зарвался: он не удовлетворился только неприятлием назначения, а стал настаивать полностью и на всех следствиях, вытекавших из этого пожалования. „Оказали тебе высочайшее благоволение, пожаловали в придворный чин,— значит ты обязан благодарить, обязан выполнять скучные и смешные обязанности, налагаемые камер-юнкерским званием“ — так думал Николай, но Пушкин чувствовал и думал иначе. „Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию, — но я могу быть подданным, даже рабом,— но холопом и шутом не буду и у царя небесного“. И действительно, Пушкин не мог пересилить себя хотя бы на выражение — внешнее и официальное — своего „благодарного“ чувства. Через семнадцать дней после пожалования, на блистательном балу графа Бобринского, Пушкин имел случай говорить с Николаем, между прочим, о Пугачеве. „Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его“ — записал Пушкин.

Камер-юнкерство усилило весьма ощутительным образом зависимость Пушкина от Николая. Поэт становился подотчетным в своем частном быту. Отныне он должен был в известные дни надевать камер-юнкерский мундир и представляться ко двору, по долгу своего звания украшать своим присутствием придворные балы, соблюдать правила придворного этикета... И Николай, привязав Пушкина еще одной, новой нитью, оказался очень требовательным в мелочах. Не мало горьких минут и часов пережил Пушкин — камер-юнкер. Пушкин был глубоко задет камер-юнкерством: о степени глубокого чувства обиды, испытанного поэтом, можно заключить уже по необыкновенно частому упоминанию в дневнике о камер-юнкерстве и о неприятных тяготах, с ним связанных. Пушкин, очень скупой на записи в дневнике, на протяжении двадцати пяти (печатных) страниц возвращается к этой теме десять раз: непосредственно о самом камер-юнкерстве семь раз и три раза о событиях, им вызванных. Десять упоминаний — цифра очень почтенная для дневника Пушкина. Поэт заносит в дневник все факты своей „придворной жизни“. Камер-юнкер Пушкин явился на бал в Аничков дворец в мундире, а надо было быть во фраке. Уехал назад, а Николай остался недоволен: камер-юнкер мог бы потрудиться надеть фрак и вернуться обратно. Надо сделать ему выговор. То камер-юнкер Пушкин вместо требуемой этикетом круглой шляпы придет в треугольной; то пуговицы у него не по этикету. И все это царь примечает и в строку ставит. Камер-юнкер Пушкин под вербное и на вербное воскресенье не явился в дворцовую церковь — к нему летит приглашение объяснить причину своего отсутствия, и Пушкин, как мальчик, должен выдумывать извинительные изъяснения. Чтобы только не выступать в паре с молодыми камер-юнкерами на торжестве открытия Александровской

колонны, поэт уезжает из Петербурга за пять дней до торжества. 6-го декабря камер-юнкер Пушкин должен вкуче со своими молодыми товарищами поздравлять Николая с ангелом. Но это свыше его сил. „Низачто не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-летними. Царь рассердится, да что мне делать?“ — занес поэт под 5-мь декабря, а затем, с чувством известного удовлетворения, записал: „я все-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдгегера или Арндта (лейб-медика)“.

Мелочная доука, принесенная придворным званием, раздражала и язвила Пушкина: недаром он высчитывает в дневнике все эти нудные придирки, смехотворные, но неприятные покушения на частную независимость поэта. Пушкин сдерживался, поверял свои чувства только дневнику, но по временам не мог ограничиться и удовлетвориться тою свободой суждения, которую предоставлял ему дневник. Он давал иной исход своему чувству, и жизнь его осложнялась до чрезвычайности. Царь подымался на дыбы, и Пушкину приходилось нести поражение. В утешение себе оставалось только повторять: „Не дай Бог ссориться с царями, плетью обуха не перешибешь“. В апреле 1834 года почтовая цензура перехватила и представила Николаю письмо Пушкина к жене, в котором поэт отозвался в неподобающем тоне о царе: „Он хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на нового не желаю: от добра добра не ищут“. Царь пришел в гнев, сгоряча даже не разобрав дела, а Жуковскому пришлось елейными увещаниями замирать раздраженного монарха. Гроза прошла мимо Пушкина, но след остался: Николай документально узнал об отношении Пушкина к его монаршему благоволению и к нему самому, и сложил в своем сердце. Но и Пушкину эпизод с письмом открыл новую, неизвестную ему черту в лице Русского государя. „Какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться... Что ни говори, мудроно быть самодержавным“. Николай перестает быть честным и благовоспитанным человеком в глазах Пушкина. 1

Нет сомнения, что и только что рассказанная история, и вообще треволения, вызванные камер-юнкерским званием, заняли не последнее место (вернее, одно из первых) в ряду мотивов, под влиянием которых в Пушкине созрело и окрепло летом 1834 года желание порвать все отношения с царем, уйти в отставку, уехать в деревню и вернуть утраченную независимость. У поэта не хватило силы осуществить это решение, и его порыв ограничился первым шагом — подачей прошения об отставке, которое ему пришлось в условиях довольно унижительных брать обратно. История с отставкой хорошо известна. Николай милостиво разрешил Пушкину взять отставку обратно: „Я ему прощаю, но

пригласите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем все это может кончиться; и что то, что могло бы быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может быть извинительно человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства“. В этих словах, написанных Николаем на докладе Бенкендорфа, чувствуется раздражение, охватившее царя, когда он в перехваченном письме Пушкина прочел упрек себе за то, что упек Пушкина на старости лет в камер-пажи. Пушкин для своих тридцати пяти лет находит неприличным камер-юнкерское звание, но не может, по мнению Николая, совершать проступки, простительные тому возрасту, который соответствует камер-юнкерскому званию. Пусть же пеняет на себя. Об истории с отставкой в дневнике находим три строки: „Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором (читать надо: с царем) — но все перемололось.—*Однако это мне не пройдет*“. Пушкин сделал определенный вывод об отношении к нему Николая I и не ошибся. После этого столкновения Николай стал добывать самолюбие Пушкина. Мы уже приводили запись Пушкина о том, как царь хотел прислать за ним фельдъегеря или лейб-медика, когда он не явился приносить свои поздравления. Это было после столкновения.

Кроме чисто фактических сообщений и записей о Николае I, смысл и цель которых мы теперь расшифровываем, в дневнике есть два общих суждения, которые упрятаны Пушкиным среди записей и не останавливали внимания исследователей. Но они покрывают своим значением все фактические записи. Они лаконичны, но нам известна насыщенная скупость Пушкинского стиля, и потому мы считаем нужным подчеркнуть выдающееся значение этих общих суждений Пушкина при разрешении вопроса об отношениях Пушкина к царю и об эволюции его политического мировоззрения. Первое суждение — общее, о начале самодержавной власти: „Что ни говори, мудроно быть самодержавным“. Второе суждение — о Николае I, синтетически представляющее резюме изучений личности Николая. „Кто-то сказал о государе: в нем много прапорщика, и мало Петра Великого“ Пушкин осторожно записал: „кто-то сказал“. Этот кто-то очень близок Пушкину, он не стал бы цитировать, если бы не сочувствовал ему, этот кто-то, конечно, — сам Пушкин. И когда Пушкин 21-го мая 1834 года заносил суждение о Николае в свой дневник, не вспоминал ли он с горечью стихи, писанные им 22-го декабря 1826 года?

Семейным сходством будь же горд,
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд
И памятью, как он, незлобен.

Во всяком случае, это пожелание поэта надо сопоставлять с тем выводом, который был сделан Пушкиным в 1834 году из

сравнения Николая с Петром. Все записи дневника о Николае I свидетельствуют о том, что царь не удовлетворил пожеланию Пушкина и не обнаружил того сходства с Петром, которого желал ему Пушкин. Смешно и странно сопоставлять с обоготворенным Петром „Медного Всадника“ — монарха-прапорщика.

Нам кажется, — анализ записей Пушкина о Николае I в дневнике дает нам возможность сделать заключение, что принятое биографами и исследователями Пушкина представление об отношении Пушкина к царю не соответствует действительности. В 1833 — 1834 году Пушкин проявил критическое отношение к Николаю и как к монарху, и как к человеку, и трезво посмотрел на державца полумира. Положительное и восторженное отношение к Николаю сменилось отрицательным. На месте великого государя оказался прапорщик, а на месте человека-героя оказался мелкий человек, ограниченный и узкий, злобно-памятливый.

П. Щеголев.

Дневникъ Пушкина
1833—1835.

24 Ноября. Обѣдалъ у К. А. Карамзиной — видѣлъ Жуковскаго. Онъ здоровъ и помолодѣлъ. Вечеромъ *Rout* у Фикельмонтъ — странная встрѣча: ко мнѣ подошелъ мужчина лѣтъ 45 въ усахъ и съ просѣдью. Я узналъ по лицу Грека и принялъ его за одного изъ моихъ старыхъ Кишеневскихъ друзей. Это былъ Суццо бывший Молдавскій Господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижъ — не знаю еще за чѣмъ здѣсь. Онъ напомнилъ мнѣ что въ 1821 году былъ я у него въ Кишеневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ. Я разказалъ ему какимъ образомъ Пестель обманулъ его и предалъ Этерію — представя ее Императору Александру отраслю Карбонаризма. Суццо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады — тонкость фанариота была побѣждена хитростію русскаго офицера! Это оскорбляло его самолюбіе.

Государь уѣхалъ нечаянно въ Москву наканунѣ въ ночь.

27. — Обѣдъ у Энгельгарда — говорили о Сухозан[етѣ], назначенномъ въ начальники всѣмъ корпусамъ. *C'est apparemment pour donner une autre tournure à ces établissements*, сказалъ Энг[ельгардъ]. Осуждаютъ очень дамскія мундиры — бархатныя, шитыя золотомъ — особенно въ настоящее время, бѣдное и бѣдственное. -

Вечеръ у Вяз.

28. Роутъ у В. С. Салтыкова. Гр. Орл[овъ] говоритъ о Тур[ецкомъ] посл[анникѣ]. *C'est un animal. — Il a donc un secrétaire? — Oui, un Phanariote et c'est tout dire.*

29. Три вещи осуждаются вообще — и по справедливости: 1) выборъ Сухозанета, человѣка запятнаннаго, вышедшаго въ люди черезъ Яшвиля — Педераста и отъявленнаго игрока, товарища Мартынова и. Никитина. Государь видѣлъ въ немъ только изувѣченнаго воина, и назначилъ ему важнѣйшій постъ

въ Государствѣ какъ спокойное мѣстечко въ домѣ Инвалидовъ. 2) Дамскія мундиры. 3) Выдача гвардейскаго офицера в. Бринкена Курляндскому дворянству. Бринкенъ пойманъ въ воровствѣ; Г[осударь] не приказалъ его судить по законамъ, а отдалъ его на судъ Курляндскому дворянству. Это зачѣмъ? Къ чему такое своенравное различіе между Дворяниномъ Псковскимъ и Курляндскимъ; между Гвардейскимъ офицеромъ и другимъ чиновникомъ? Прилично ли Г[осударю] вмѣшиваться въ обыкновенный ходъ судопроизводства? Или жѣтъ у насъ законовъ на воровство? Что если Курляндцы выключать его изъ среды своего дворянства и отошлютъ его, уже какъ дворянина Рускаго, къ суду обыкновенному? Вотъ вопросы, которыя повторяются вездѣ. Конечно со стороны Г[осударя] есть что-то рыцарское, но Г[осударь] не рыцарь... Или хочетъ онъ сдѣлать опять изъ гвардіи то что была она прежде? Поздно!

Молодая Графиня Штакельбергъ (урожд. Тизенгаузенъ) умерла въ родахъ. Трауръ у Хитровой и у Фикельм[онтъ].

Вчера играли здѣсь *Les Enfants d'Edouard* и съ большимъ успѣхомъ — трагедія, говорятъ, будетъ запрещена. Эжнеръ удивляется смѣлости примѣненій... Блаи ихъ незамѣтилъ. Блаи кажется правъ.

30 Нояб. Вчера балъ у Бутурлина (Жомини) — любопытный разговоръ съ Блайемъ: зачѣмъ у Васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ? для безопасности П. Б.? но онъ защищенъ Кронштадомъ. Игрушка!

— Долго ли вамъ разпространяться (мы смотрѣли карту постепеннаго разпространенія Россіи, составленную Бут[урлинымъ]). Ваше мѣсто Азія; тамъ совершите вы достойный подвигъ цивилизаціи... etc.

Нѣсколько офицеровъ подъ судомъ за неисправность въ дежурствѣ. В[еликій] К[нязь] ихъ засталъ за ужиномъ, кого въ шлафоркѣ, кого безъ шарфа... онъ пораженъ мыслию объ упадкѣ Гвардіи — Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ вѣхалъ за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ лисьей шубѣ. Въ началѣ Царствованія А[лександра], офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны — а Гвардія была въ своемъ цвѣтущемъ состояніи...

При открытіи Александровской колонны, говорятъ, будетъ 100.000 Гвардіи подъ ружьемъ.

Декабрь 1833—3. Вчера Гос[ударь] возвратился изъ Москвы—онъ привѣхалъ въ 38 часовъ. Въ Москвѣ его не ожидали—Во дворцѣ не было ни одной топленной комнаты—Онъ не могъ добиться чашки чаю.

Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку какъ Ив. Ив. поссорился съ Ив. Тимое. — очень оригинально и очень смѣшно.—

4. Вечеромъ у Загряжской (Нат. Кир.). Разговоръ о Екатеринѣ: Нат[алья] Кир[илловна] была на галерѣ вмѣстѣ съ Петромъ III во время революціи. Только два раза видѣла она Екатерину сердитою, и оба раза на Кн. Дашкову. Екатерина звала ее въ Эрмитажъ. Кн. Д[ашкова] спросила у придворныхъ какъ ходять они туда. Ей отвѣчали: Черезъ алтарь. Дашк[ова] на другой день съ десятилѣтнимъ сыномъ прямо забралась въ алтарь. Остановилась на минуту—поговорила съ сыномъ о святости того мѣста — и прошла съ нимъ въ Эрмитажъ. На другой день всѣ ожидали Государыни, въ томъ числѣ и Дашкова — Вдругъ дверь отворилась и Государыня влетѣла и прямо къ Дашк[овой]. Всѣ замѣтили по краскѣ ея лица и по живости рѣчи что она была сердита. Фрейлены перепугались. Дашк[ова] извинялась во вчерашнемъ проступкѣ, говоря что она не знала, чтобы женщинѣ былъ запрещенъ входъ въ Алтарь.

— Какъ Вамъ нестыдно отвѣчала Екатерина — Вы русская— и не знаете своего закона; священникъ принужденъ на Васъ мнѣ жаловаться.. Нат[алья] Кир[илловна] рассказала анекдотъ съ большой живостію. Кн[ягиня] Кочубей замѣтила что Дашк[ова] вошла вѣроятно въ алтарь — въ качествѣ Президента Русской академіи. Второго анекдота я не выслушалъ—

Шумъ о Дамскихъ мундирахъ продолжается — къ 6-му мало будетъ готовыхъ — позволено явиться въ прежнихъ русскихъ платьяхъ.

Храповицкой (авторъ записокъ) былъ нѣкогда адъютантомъ у Графа Кир[илла] Разумовскаго. — У Елисаветы Петровны была одна побочная дочь Будакова. Это знала Нат[алья] Кир[илловна] отъ прежнихъ Елисаветинскихъ фрейлинь.

Государыня пишетъ свои записки... Дойдутъ ли они до потомства? Елисавета Алекс[ѣевна] писала свои, они были созданы ея фрейлиною; Марія Оед[оровна] также — Государь сжегъ ихъ по ея приказанію — Какая потеря! Елис[авета] хотѣла завѣщать свои записки Карамзину (слыш. отъ Кат. Андр.).

6 дек. Имянины Гос[ударя]. Мартыновъ комендантъ. 4 полныхъ Генераловъ.—Перовскій — генераль-лейтенантъ.—Меншиковъ адмиралъ. Дамы представлялись въ русскомъ платьѣ. На это нѣкоторыя смотрятъ какъ на торжество. Скобелевъ безърукій сказалъ кн. В—ой: я отдалъ бы послѣднія три пальцы для такого торжества! В— сначала не могла его понять.

Обѣдалъ у Гр. А. Бобр[инскаго]... Мятлевъ читалъ уморительныя стихи. Молодыя офицеры, которыхъ В[еликій] К[нязь] засталъ ночью въ неисправности и которыя содержались подъ Арестомъ прощены.

14 дек. Обѣдъ у Блая, вечеръ у Ст.

11-го получено мною приглашеніе отъ Бенк[ендорфа] явиться къ нему на другой день утромъ. Я приѣхалъ. Мнѣ возвращень Мѣдный Всадникъ съ замѣчаніями Государя. Слово кумиръ не пропушено высочайшей ценсурю; стихи

И передъ младшею столицей
Померкла старая Москва
Какъ передъ новою Царицей
Порфиноносная вдова —

вымараны. На многихъ мѣстахъ поставлень (?) — все это дѣлаетъ мнѣ большую разницу. Я принужденъ былъ перемѣнить условія со Смирдинымъ.

Кочубей и Нессельроде получили по 200,000 на прокормленіе своихъ голодныхъ крестьянъ — Эти (двѣсти) четыреста тысячъ останутся въ ихъ карманахъ. Въ голодный годъ должно стараться о снисканіи работъ и о уменьшеніи цѣнъ на хлѣбъ; если же крестьяне узнаютъ что Правительство или помѣщики намѣрены ихъ кормить, то они не станутъ работать, и никто не въ состояніи будетъ отвратить отъ нихъ голода. Все это очень соблазнительно — Въ обществѣ ропщутъ — а у Нессельроде и Кочубей будутъ балы — (что также есть способъ льстить двору).

15. Вчера не было обыкновеннаго бала при дворѣ; Императрица] была нездорова — Поутру обѣдня и Молебень. 15 балъ у Кочубея. — Императрица] должна была быть но не приѣхала. Она простудилась — Балъ былъ очень блистателенъ — Гр. Шувалова удивительно была хороша —

17. Вечеръ у Жуковскаго. Нѣмецкій amateur ученикъ Тиковъ, читаль Фауста — неудачно, по моему мнѣнію —

Въ городѣ говорятъ о странномъ происшествіи. Въ одномъ изъ домовъ принадлежащихъ Вѣдомству Придворной Конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дѣло пошло по начальству — Кн. В. Долгорукій нарядилъ слѣдствіе — Одинъ изъ чиновниковъ призвалъ попа, но во время молебна стулья и столы нехотѣли стоять смирно. Объ этомъ идутъ разныя толки. Н. сказалъ что мебель придворная и просится въ Аничковъ.

Улицы не безопасны. Сухтельнъ былъ атакованъ на Дворцовой площади и ограбленъ. Полиція, видно занимается политикой, а не ворами и мостовою — Блудова обокрали прошедшею ночью.

1 8 3 4.

1 Января. Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры — (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Но двору хотѣлось чтобы N[аталья] N[иколаевна] танцовала въ Аничковѣ. Такъ я-же сдѣлаюсь русскимъ Dangeau.

Скоро по городу разнесутся толки о семейныхъ ссорахъ Безобразова съ молодою своей женою. Онъ ревнивъ до безумія. Дѣло доходило неразъ до драки и даже до ножа — Онъ прогналъ всѣхъ своихъ людей, не довѣряя никому. Третьяго дня она рѣшилась броситься къ ногамъ Государыни, прося развода или чего-то подобнаго. Государь очень сердить. Безобразовъ подъ Арестомъ. Онъ кажется сошелъ съ ума.

Меня спрашивали доволенъ-ли я моимъ камерюнкерствомъ? Доволенъ, потому что Государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ — а по мнѣ, хоть въ Камеръ-Пажи, только бѣ не заставили меня учиться французскимъ Вокабуламъ и Ариѳметикѣ.

Встрѣтилъ Новый годъ у Нат[альи] Кир[илловны] Загр[яжской]. — Разговоръ со Сперанскимъ о Пугачевѣ, о Собраніи Законовъ, о первомъ времени царств[ованія] Алекс[андра], о Ермоловѣ etc. —

7-го. Вигель получилъ звѣзду и очень ею доволенъ. Вчера былъ онъ у меня — я люблю его разговоръ — онъ занимателенъ и дѣленъ, но всегда кончается толками о мужеложствѣ — Вигель разказалъ мнѣ любопытный Анекдотъ. Нѣкто Норманъ

или Леэрманъ — сынъ кормилицы Екатерины II, умершій 96 лѣтъ нѣкогда разказалъ Вигелю слѣдующее. — [Кормилица] Мать его жила въ бѣлорусской деревнѣ, пожалованной ей Государыней. Однажды сказала она своему сыну: Запиши сегодняшнее число: я видѣла странный сонъ. Мнѣ снилось будто я держу на колѣняхъ маленькую мою Екатерину въ бѣломъ платьице — какъ помню ее 60 лѣтъ тому назадъ. Сынъ исполнилъ ее приказаніе. Нѣсколько времени спустя, дошло до него извѣстіе о смерти Екатерины. Онъ бросился къ своей записки — на ней стояло 6-ое Ноября 1796*. Старая мать его, узнавъ о кончинѣ Государыни, не оказала никакого знака горести, но замолчала — и уже не сказала ни слова до самой своей смерти случившейся пять лѣтъ послѣ.

Въ свѣтѣ очень шумятъ о Безобразовыхъ — Онъ еще подъ арестомъ — жена его вчера ночью уѣхала къ своему Брату къ Дивизионному Генералу. Думаютъ что Безобр[азовъ] не останется флигельадыютантомъ.

Гос[ударь] сказалъ Княгинѣ Вяз[емской]: J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination — jusqu'à present il m'a tenu parole et j'ai été content de lui etc. etc. Великій Кн[язь] намѣдни поздравилъ меня въ театрѣ: Покорнѣйше благодарю Ваше Высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись, Вы первый меня поздравили.

17. Балъ у Гр. Бобр[инскаго] одинъ изъ самыхъ блистательныхъ — Гос[ударь] мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его. Говоря о моемъ Пугачевѣ, онъ сказалъ мнѣ. Жаль, что я незналъ что ты о немъ пишешь; я бы тебя познакомилъ съ его сестрицой, которая тому три недѣли умерла въ крѣпости. . . [неразб.] (съ 1774-го году!). Правда она жила на свободѣ въ предмѣстїи, но далеко отъ своей донской станицы на чужой, холодной сторонѣ. Государыня спросила у меня, куда ѣздилъ я лѣтомъ. Узнавъ что въ Оренбургъ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ —

26-го Янв.

Въ прошедшій вторникъ званъ я былъ въ Аничковъ. Приѣхалъ въ мундирѣ. Мнѣ сказали что гости во фракахъ — я уѣхалъ оставя Н[аталью] Н[иколаевну], и переодѣвшись отпра-

* Въ подлинникѣ Пупкинъ ошибочно написалъ: 1797. Ред.

вился на вечеръ къ С. В. С[алтыкову] — Гос[ударь] былъ недо-
воленъ, и нѣсколько разъ принимался говорить обо мнѣ: Il au-
roit pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Fai-
tes lui des reproches.

Въ четвергъ балъ у кн. Тр[убецкого] — трауръ по какомъ-то
князѣ (т. е. Принцѣ). Дамы въ черномъ. Гос[ударь] приѣхалъ
неожиданно. Былъ на полъ-часа. Сказалъ женѣ. Est-ce à propos
de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernière-
ment? (мундирныя пуговицы. Старуха Гр. Бобр[инская] извиняла
меня тѣмъ что у меня не были они нашиты).

Баронъ д'Антесъ и Маркизь де Пина, два Шуана, — будутъ
приняты въ Гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ. Безо-
бразовъ отправленъ на Кавказъ, жена его уже въ Москвѣ.

28 Февраля. Протекшій мѣсяцъ былъ довольно шумень —
Множество баловъ, роутовъ etc. Масленица. Государыня была
больна, и около двухъ недѣль не выѣзжала — я представлялся.
Государь позволилъ мнѣ печатать Пугачева; мнѣ возвращена
моя рукопись съ его замѣчаніями (очень дѣльными). Въ воскре-
сенье на балѣ въ концертной Г[осударь] долго со мною разго-
варивалъ; онъ говоритъ очень хорошо, не смѣшивая обоихъ
языковъ, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя насто-
ящія выраженія —

Вчера обѣдъ у Гр. Бобринскаго. Третьяго дня балъ у Гр.
Шувалова — На балѣ явился Цареубійца Скорятинъ — В[еликій]
Кн[язь] говорилъ множество каламбуровъ: полиціи много дѣла;
(такой разпутной масляницы; я невидывалъ). Сегодня балъ у
Австр[ійскаго] Посл[анника].

6 Марта. Слава Богу! Масленица кончилась, а съ нею и
балы.

Описаніе послѣдняго дня масляницы (4-го Мар.) дастъ по-
нятіе и о прочихъ. Избранныя званы были во дворецъ на балъ
утренній къ половинѣ перваго. Другія на вечерній, къ половинѣ
девятаго. Я приѣхалъ въ 9. Танцовали мазурку, коей оканчи-
вался утренній балъ. Дамы съѣзжались, а тѣ которыя были съ
утра во дворецъ перемѣняли свой нарядъ — Было пропасть не-
довольныхъ: тѣ которыя званы были на вечеръ, завидывали
утреннимъ щастливцамъ. Приглашенія были разосланы кое-какъ
и по списку баловъ князя Кочубея; такимъ образомъ ни Кочу-

бей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что ихъ имена въ списокѣ не стояли — Все это кончилось тѣмъ, что жена моя выкинула. Вотъ до чего доплясались.

Царь далъ мнѣ въ займы 20.000 на напечатаніе Пугачева — Спасибо.

Въ городѣ много говорятъ о связи молодой Княгини С. съ Графомъ В. — Замѣтили на ней новыя брилліанты — разказывали что она приняла ихъ въ подарокъ отъ В. — (будто бы по завѣщанію покойной его жены) что С. имѣлъ за то жестокое объясненіе съ женою etc. etc. Все это пустыя сплетни: Брилліанты принадлежали К — вой, заловкѣ С — вой и были присланы изъ Одесы для продажи — Однако неосторожное повѣденіе С. — вой привлекаетъ общее вниманіе. Царица ее призвала къ себѣ и побранила ее, Царь еще пуще. С — ва разплакалась. *Votre Majesté, je suis jeune, je suis heureuse, j'ai des succès—voilà pourquoy l'on m'envié etc.* С. очень глупа, и очень смѣлая кокетка, если не хуже. —

Соб[олевскій] говоритъ о Графѣ Вел[ьегорокомъ]. *Il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins.*

3 марта. Былъ я вечеромъ у Кн. Од[оевскаго]. Соб[олевскій] любезничая съ Ланской (бывшей Полетика) сказала ей велегласно: *le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon cul.* Онъ ужасно смутился, свидѣтели (въ томъ числѣ Ланская) не могли воздержаться отъ смѣха. Княгиня Од[оевская] обратилась къ нему, позеленѣвъ отъ злости — Соб[олевскій] убѣжалъ. —

13 іюля 1826 года — въ полдень Гос[ударь] находился въ Царск[омъ] селѣ. Онъ стоялъ надъ прудомъ, что за Кагульскимъ памятникомъ, и бросалъ платокъ въ воду заставляя собаку свою выносить его на берегъ — Въ эту минуту слуга прибѣжалъ сказать ему что-то на ухо. Царь бросилъ и собаку и платокъ и побѣжалъ во дворецъ — собака выплавъ на берегъ и не нашедъ его, оставила платокъ и побѣжала за нимъ. Фр. . . . подняла платокъ въ память историческаго дня —

8 марта. Вчера былъ у См[ирновой], ц. н. анекдоты: Жу-к[овскій] поймалъ недавно на балѣ у Фикельмонъ (куда я не явился, потому что всѣ были въ мундирахъ) Цареубійцу Ско-

рятина, и заставилъ его разказывать 11-ое марта. Они съли. Въ эту минуту входитъ Гос[ударь] съ Гр. Бенкенд[орфомъ] и застаетъ наставника своего сына дружелюбно бесѣдующаго съ убійцею его Отца! Скор[ятинъ] снялъ съ себя шарфъ прекратившей жизнь Павла 1-го. — Княжна Туркистанова, фрейлена, была въ тайной связи съ покойнымъ Государемъ и съ Кн. Вл[адиміромъ] Гал[ицынымъ] который ее обрюхатилъ. Княжна призналась Государю. Приняты были нужныя мѣры — и она родила во дворцѣ, такъ что никто и не подозрѣвалъ. Императрица] Марія Фед[оровна] приходила къ ней и читала ей Евангеліе, въ то время какъ она безъ памяти лежала въ постелѣ. Ее перевезли въ другія комнаты — и она умерла. Госуд[арыня] сердилась узнавъ обо всемъ; Вл. Гал[ицынъ] разболталъ все по городу. —

На похоронахъ Уварова, пок[ойный] Государь слѣдовалъ за гробомъ. Аракчеевъ сказалъ громко (кажется А. Орлову): Одинъ Царь здѣсь его провожаетъ, какого-то другой тамъ его встрѣтитъ? (Уваровъ одинъ изъ Цареубійцъ 11-го марта) —

Государь не любитъ Аракчеева. Это извергъ, говорилъ онъ въ 1825 году (après avoir travaillé avec lui et rentrant chez l'imp[ératrice] dans le plus grand désordre de toilette).

17 марта. Вчера было совѣщаніе литературное у Греча объ изданіи Руского „Conversation's Lexikon“. Насъ было человекъ со сто, большею частію неизвѣстныхъ мнѣ русскихъ великихъ людей. Гречь сказалъ мнѣ предворительно: Плюшаръ въ этомъ дѣлѣ есть шарлатанъ, а я пальясъ: пью его лѣкарство и хвалю его. Такъ и вышло. Я подсмотрѣлъ много шарлатанства и очень мало толку. Предпріятіе въ миллионъ, а выгоды... Не говорю уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, Полевой и Свининъ — Гаевскій подписался, но съ условіемъ. К. Одоевскій и я послѣдовалъ его примѣру. Вяземскій не былъ приглашенъ на сіе литературное сборище. Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ нѣкогда моимъ профессоромъ, и ободрялъ меня на поприще мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 года Мои Воспоминанія въ Ц[арскомъ] селѣ, Устряловъ сказывалъ мнѣ что издастъ процессъ Никановъ. Важная вещь!

Третьяго дня обѣдъ у Австр[ійскаго] посланника. Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ 1) приѣхалъ въ 5 часовъ, вмѣсто 5^{1/2}, и

ждалъ нѣсколько времени хозяйку. 2) приѣхалъ въ сапогахъ, что сердило меня во все время. Сидя втроемъ съ посланникомъ и его женою, разговорился я объ 11-мъ мартѣ. Недавно на балѣ у него былъ цареубійца Скарятинъ; Фикельмонтъ не зналъ за нимъ этого грѣха. Онъ удивляется странностямъ нашего общества, но Пок[ойный] Гос[ударь] окруженъ былъ убійцами своего отца — Вотъ причина почему при жизни его, никогда не было бы суда надъ молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Онъ услышалъ бы слишкомъ жестокия истины — Государь нынѣ царствующій, первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить Цареубійцу, или помышленія о Цареубійствѣ; его предшественники принуждены были терпѣть и прощать.

Много говорятъ о балѣ который должно дать Дворянство по случаю совершеннолѣтія Г[осударя] Наслѣдника. К. Долгорукій (об. шталмейстеръ и П. Б. предводитель) и Г. Шуваловъ разпоряжаютъ этимъ. Долг[орукій] послалъ Нарышкину письмо писанное пофранцузски въ которомъ просилъ онъ его участвовать въ подпискѣ. Нар[ышкинъ] отвѣчалъ. „Милостивый Г[осударь], изъ перевода съ письма В[ашего] С[вятельства], усмотрѣлъ я etc“. — Вѣроятно купечество дастъ также свой балъ. Праздниковъ будетъ на пол-милліона. Что скажетъ народъ, умирающій съ голода?

Изъ Москвы пишутъ что Безобразова выкинула.

Изъ Италіи пишутъ что Гр[афиня] Полье идетъ замужъ за какого-то Принца вдовца и богача — похоже на шутку, но здѣсь объ этомъ смѣются и рады вѣрить.

20. Третьяго дня былъ у Кн. Мец[ерскаго]. Изъ кареты моей украли подушки, но оставили медвѣжій коверъ, вѣроятно за недосугомъ.

Нѣкто Карцовъ женатый на Парижской дѣвкѣ въ 1814 году — развѣлся съ нею, и жилъ розно. Надняхъ онъ къ ней пришелъ ночью, и выстрѣлилъ ей въ лицо изъ пистолета, заряженаго ртутью. Онъ подъ судомъ, она еще жива.

2 апрѣля. На дняхъ (въ прошлый [середа] четвергъ) обѣдалъ у Кн. Ник. Труб[ецкаго] съ Вязем[скимъ], Нор[овымъ] и съ Кук[ольникомъ] котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ кажется очень порядочный молодой человекъ. Не знаю имѣеть-ли онъ талантъ. Я не [читалъ] дочель его Тасса, и не видалъ его

Руки etc. Онъ хорошій музыкантъ. Вяз[емскій] сказалъ объ его игрѣ на фортепьяно: *Il brédouille en musique, somme en vers.* — Кук[ольникъ] пишетъ Ляпунова. Хомяковъ то-же — Ни тотъ, ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розень имѣеть болѣе таланта —

Третьяго дня въ Англ[ійскомъ] Клобѣ избирали новыхъ членовъ — Смирновъ (кам. юнкеръ) былъ заболотированъ; инья говорятъ, потому что его записалъ Иксуль; другія, потому что его смѣшали съ его однофамильцемъ Игрокомъ. Не правда: Его не хотѣли выбрать нѣкоторыя Гв[ардейскіе] офицеры которыя, подпивъ, тутъ буйнили. Однако большая часть членовъ вступилась за Смирнова. Говорили что послѣ такова примѣра, ни одинъ порядочный человекъ не возмется предложить новаго члена, что шутить общимъ мнѣніемъ не годится, и что надлежитъ снова болотировать. Законъ говоритъ именно что разъ забалотированный человекъ, не имѣеть уже никогда права быть избираемымъ, но были исключенія: Гр. Чернышевъ (воен. министръ) и Гладковъ (Об. полицмейстеръ), ихъ избрали по желанію правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты. Смирнова болотировали снова, и онъ былъ выбранъ — Это впрочемъ дѣлаетъ ему честь — онъ не министръ и не Оберъ-полицмейстеръ. И знакъ уваженія къ человеку частному должно быть ему приятно.

Кн. Одоевскій, Докторъ Гаевскій, Зайцевскій и я выключены изъ числа издателей „*Conversations Lexicon*“. Прочія были обижены нашей оговоркою; но честный человекъ, говорить Одоевскій, можетъ быть однажды обмануть; но въ другой разъ обмануть только дурака. Этотъ Лексиконъ будетъ ни что иное какъ Сѣверная пчела и Библіотека для чтенія, въ новомъ порядкѣ и объемѣ —

Въ прошлое вокресеніе обѣдалъ я у Сперанского. Онъ разказывалъ мнѣ о своемъ изгнаніи въ 1812 году. Онъ высланъ былъ изъ П. Б. по Тихвинской глухой дорогѣ. Ему данъ былъ въ провозатя Полицейскій чиновникъ, человекъ добрый и глупый. На одной станціи не давали ему лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего арестанта: Ваше Превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно. Эти канальи лошадей намъ не даютъ —

Сперанскій у себя очень любезенъ — Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ Царствованія Александра: Вы и Аракчеевъ

вы стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого Царствованія какъ Геніи Зла и Блага. Онъ отвѣчалъ комплиментами, и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.

7 апрѣля—Телеграфъ запрещенъ—Уваровъ представилъ Государю выписки веденія нѣскольکو месяцевъ, и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе данное Полевымъ его журналу. (Выписки ведены Брюновымъ, по совѣту Блудова). Ж[уковский] говоритъ: я радъ что Тел[еграфъ] запрещенъ, хотя жалѣю что запретили. Телеграфъ достоинъ былъ участи своей; мудрено съ большей наглостію проповѣдовать якобинизмъ передъ носомъ Правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее что его либерализмъ пустая только маска —

Вчера gaout у гр. Фик[ельмонта]. S. не была. Впрочемъ весь городъ.

Моя Пиковая Дама въ большой модѣ—игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой Графиней и Кн. Н[атальей] П[етровной] и кажется, не сердятся...

Гоголь по моему совѣту началъ Исторію Русской Критики.

8 апрѣля. Вчера gaout у Кн. Од[оевскаго]. Изъясненія съ S. K.—Вся семья Гр. Л^{***}, Гр. Кас..., идеализированная ея мать. Сей часъ ѣду въ дворецъ представиться Царицѣ.

2 часа. Представлялся. Ждали Царицу часа три. Насъ было человекъ 20. Братъ Паскевича, Шереметевъ, Болховской, два Корфа, Вольховскій — и другія. Я по списку былъ послѣдній. Царица подошла ко мнѣ смѣясь: Non, c'est unique!.. je me creusais la tête pour savoir, quel P[ouchkine] me sera présenté — Il se trouve que c'est vous!... Comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir à bonne santé, la fille de son coeur, sa fille d'adoption... и перевернулась. Я ужасно люблю Царицу, не смотря на то что ей ужъ 35 лѣтъ и даже 36.

Я простился съ Вольховскимъ, который надняхъ ѣдетъ въ Грузію. Б[олховской] сказывалъ мнѣ, что Воронцову вымали голову по письму Котляревскаго (Героя). Онъ (т. е. Б.) очень зло отзывался объ Одесской жизни, о Гр. Вор[онцовѣ], о его соблазнительной связи съ О. Н[арышкиной] etc. etc.—Хвалить очень Графиню В[оронцову].

Бринкена, сказываютъ, Финляндское Дворянство повѣсило или повѣситъ —

10 апр. Вчера вечеръ у Уварова — живыя картины — Долго сидѣли въ темнотѣ. S. не было — скука смертная. Послѣ картинъ вальсъ и кадрили, ужинъ плохой — Говоря о Свиньинѣ предлагающимъ Р[оссійской] Академіи свои манускрипты XVI-го вѣка, Уз[аровъ] сказалъ: Надобно будетъ удостовѣриться нѣтъ ли тутъ подлога. Пожалуй, Свиньинъ продастъ за старинныя рукописи тетрадки своихъ мальчиковъ.

Говорятъ будто бы Полевой въ крѣпости: какой вздоръ! —

11-е апрѣля — Сей часъ получаю отъ Гр. Строгонова Листокъ Франкф[уртскаго] Журнала, гдѣ напечатана слѣдующая статья:

S. Petersbourg 27 fevrier.

Depuis la catastrophe de la revolte de Varsovie les Coryphées de l'émigration Polonaise nous ont démontré trop souvent par leur paroles et leurs écrits que pour avancer leur desseins et disculper leur conduite anterieure, ils ne craignent pas la mensonge et la calomnie: aussi personne ne s'ébornera des nouvelles preuves de leur imprudence obstinée...

(Дѣло идетъ о праздникѣ данномъ въ Брисселѣ польскими эмигрантами, и о рѣчахъ произнесенныхъ Лелевелемъ, Пулавскимъ, Ворцелемъ и другими. Праздникъ былъ данъ въ годовщину 14-го декабря).

... après avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de la cause, M-r Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le developpement progressif du principe révolutionnaire en Russie, il nous cite l'un des meilleurs poètes russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse russe. Nous ignorons si A. Pouchkine à une époque où son talent éminent en fermentation ne s'étoit pas débarassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus des premiers essais de sa Muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées ou d'intention. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la rebellion Polonaise il se

trouve énoncé dans son poëme *Aux detracteurs de la Russie*, qu'il a fait paraître dans le tems.

Puisque cependant le S. Lelevel semble éprouver de l'intérêt sur le sort de ce poëte relégué aux confins reculés de l'empire, notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour et qu'il y est traité par son Souverain avec bonté et bienveillance...

14 апрѣля.— Вчера концертъ для бѣдныхъ — Дворъ въ концертъ — 800 мѣстъ и 2000 билетовъ!

Ропщутъ на двухъ Дамъ, выбранныхъ для будущаго бала въ представительницы П. Б-го Дворянства: Княгиню К. О. Долго-рукую и Гр. Шувалову. Первая наложница Кн. Потемкина, и любовница всѣхъ итальянскихъ кастратовъ, а вторая — кокетка Польская т. е. очень неблагопристойная. Надобно признаться что мы въ благопристойности общественной не очень тверды—

Слухъ о томъ что Полевой былъ взятъ и привезенъ въ П. Б. подтверждается. Говорятъ кто-то его встрѣтилъ, въ большомъ смущеніи здѣсь на улицѣ тому съ недѣлю.

16-го. Вчера проводилъ Н[аталью] [Николаевну] до Ижоры. Возратясь нашель у себя на столѣ приглашеніе на Дворянскій Балъ, и приказъ явиться къ Графу Литтѣ. Я догадался что дѣло идетъ о томъ что я не явился въ придворную церковь ни къ вечерни въ субботу, ни къ обѣднѣ въ вербное воскресеніе. Такъ и вышло: Ж[уковскій] сказалъ мнѣ что Государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камеръ-геровъ и камеръ-юнкеровъ, и сказалъ: если имъ тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство ихъ избавить. —

Литта толкуя о томъ же съ К. А. Нарышкинымъ, сказалъ съ жаромъ: *Mais enfin, il y a des regles fixes pour les chambellans et les gentilshommes de la chambre*—На что Нар[ышкинъ] возразилъ: *pardonnez-moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneur*. Однако жъ я не поѣхалъ на головомытье, а написалъ изъясненіе.

Говорятъ будто бы на дняхъ выдетъ указъ о томъ, что уничтожается право русскимъ подданнымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отношеніяхъ если слухъ сей оправдается.

Сувор.[?] брюхата: и кажется не во время. Любопытныя

справляются въ Инвалидѣ о времени приѣзда ея мужа въ П. Б. Она уѣхала въ Москву.

Середа на святой недѣлѣ. Праздникъ совершеннѣтїа совершился. Я не былъ свидѣтелемъ. Это было вмѣстѣ торжество Государственное и семейственное — В[еликій] Кн[язь] былъ чрезвычайно тронуть. Присягу произнесъ онъ твердымъ и веселымъ голосомъ, но начавъ молитву принужденъ былъ остановиться — и залился слезами. Государь и Государыня плакали также — Наслѣдникъ прочитавъ молитву кинулся обнимать отца, который разцеловалъ его въ лобъ и въ очи и въ щеки и потомъ подвелъ сына къ Императрицѣ. Всѣ трое обнялися въ слезахъ. Присяга въ Георгіевской залѣ подъ знаменами была повтореніемъ первой — и охолодила дѣйствіе — Всѣ были въ восхищеніи отъ необыкновеннаго зрѣлища — многія плакали; а кто не плакалъ тотъ отиралъ сухія глаза, сисясь выжать нѣсколько слезъ. Дворецъ былъ полонъ народу; мнѣ надобно было свидѣться съ К[атериной] И[вановной] З[агражской] — я къ ней пошелъ по задней лѣстницѣ, надѣясь никого не встрѣтить, но и тутъ была давка. Придворныя ропщутъ; ихъ не пустили въ церковь, куда говорятъ всѣхъ пускали — Всегда много смѣшнаго подвернется въ случаи самыхъ торжественныхъ. Филаретъ сочинялъ службу на случай присяги. Онъ выбралъ для пареміи Главу изъ Книги Царствъ — гдѣ между прочимъ сказано что Царь собралъ и тысящниковъ, и сотниковъ, и Евнуховъ своихъ. К. А. Нар[ышкинъ] сказалъ что это искусное примѣненіе къ Камеръ-Герамъ — а въ городѣ стали говорить что во время службы будутъ молиться за Евнуховъ. Принуждены были слово Евнухъ замѣнить другимъ —

Милостей множество. Кочубей сдѣланъ Государственнымъ Канцлеромъ.

Мердеръ умеръ — человекъ добрый и честный — незамѣнимый. В[еликій] Кн[язь] еще того не знаетъ. Отъ него таятъ извѣстіе, чтобы не отравить его радости — Откроютъ ему послѣ бала 28-го. Также умеръ Аракчеевъ, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатлѣнія. Губернаторъ Новгородскій приѣхалъ въ П. Б. и явился къ Блудову съ извѣстіемъ о его болѣзни, и для принятія приказаній на щетъ Бумагъ у Графа находящихся. Это не мое дѣло, отвѣчалъ Блудовъ, отнесите къ Бенкендорфу. Въ Грузино посланы Клейнмихель и Игнатъевъ.

Петербургъ полонъ вѣстями и толками объ минувшемъ торжествѣ. Разговоры несносны. Слышишь вездѣ одно и то-же. Одна См[ирнова] по прежнему мила, и холодна къ окружающей суетѣ — Дай Богъ ей щастливо родить, а страшно за нее —

3 Мая. Прошедшаго апр[ѣля] 28 былъ наконецъ балъ данный Дворянствомъ по случаю совершеннолѣтія В[еликаго] Кн[язя]. Онъ очень удался, какъ говорятъ — не было суматохи при разѣздѣ, ни несчастія на тѣсной улицѣ отъ множества собравшагося народа.

Царь уѣхалъ въ Царское Село.

Мердеръ умеръ въ Италиі — Великому Князю очень къ нему привязанному, не объявляли о томъ до самаго бала.

Вышелъ указъ о Русскихъ подданныхъ прибывающихъ въ чужихъ краяхъ. Онъ есть явное нарушеніе права, даннаго Дворянству Петромъ III; но такъ какъ допускаются изключенія то и будетъ одной изъ безчисленныхъ пустыхъ мѣръ принимаемыхъ ежедневно къ досадѣ благомыслящихъ людей и ко вреду правительства.

Гуляніе 1-го мая не удалось отъ дурной погоды — было экипажей десять. Гр[афиня] Хреб[товичъ] однако поплелась туда же: мало ей разсѣянія. Случилось несчастіе: какая-то деревянная башня, памятникъ затѣй Милорадовича въ Екатерингофѣ, обрушилась и нѣсколько людей бывшихъ на ней ушиблись. Къ стати вотъ надпись къ воротамъ Екатерингофа.

Хв[остовымъ] нѣкогда воспѣтая дыра
Превозглашаешь ты природы Русской скупость
Самодержавіе Петра,
И Милорадовича глупость.

Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію. Дашковъ звалъ Вяземскаго на свой вечеръ говоря въ своей записки

Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle
Et Lambert qui plus est, m'a donné sa parole

etc.

Вяземскій отвѣчалъ:

Какъ! будетъ Графъ Ламберъ и съ нимъ его супруга
Зовите жъ и Лаваль —

Лифл[яндское] Дворянство отказалось судить Бринкена, потому что онъ воспитывался въ корпусѣ въ Петербургѣ. Вотъ тебѣ шишь, и подѣломъ.

10 мая. Нѣсколько дней тому получилъ я отъ Ж[уковского] записочку изъ Ц[арскаго] с[ела]. Онъ увѣдомлялъ меня что какое-то письмо мое ходитъ по городу, и что Г[осударь] объ немъ ему говорилъ. Я вообразилъ, что дѣло идетъ о скверныхъ стихахъ исполненныхъ отвратительнаго похабства и которыя публика благосклонно и милостиво приписывала мнѣ. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо писанною мною Н[атальѣ] Н[иколаевнѣ], и нашедъ въ немъ отчетъ о присягѣ В[еликаго] Кн[язя] писанный видно слогомъ не официальнымъ, донесла обо всемъ полиціи. Полиція, не разобравъ смысла, представила письмо Г[осударю], который сгоряча также его не понималъ. Къ щастію письмо показано было Ж[уковскому], который и объяснилъ его. Все успокоилось. Г[осударю] неугодно было что о своемъ камеръ-юнкерствѣ отзывался я не съ умилениемъ и благодарностью — но я могу быть подданнымъ, даже рабомъ, — но холопомъ и шуткомъ не буду и у Царя Небеснаго. Однако, какая глубокая безнравственность въ привычкахъ нашего Правительства! Полиція распечатываетъ письма мужа къ женѣ, и приноситъ ихъ читать Царю (человѣку благовоспитанному и честному) и Царь не стыдится въ томъ признаться — и давать ходъ интригѣ достойной Видока и Булгарина! что ни говори, мудроно быть самодержавнымъ.

12. Вчера былъ парадъ который какъ то не удался. Г[осударь] посадилъ наслѣдника подъ арестъ на дворцовую обвахту за то что онъ проскакалъ галопомъ вмѣсто рыси.

Аракчеевъ во время прошедшаго Царствования, выпросилъ маіоратство для Грузина, предоставя себѣ избрать себѣ наслѣдника, а въ случаѣ незапной смерти поручая то Государю. Онъ умеръ не написавъ духовной, и не причастившись; потому что по его мнѣнію должеъ онъ былъ дожить до 30 августа, дня открытія Александровской колонны. Государь назначилъ наслѣдникомъ Графу А[ракчееву] — кадетской Новгородскій корпусъ, которому и повелѣно назваться Аракчеевскимъ.

21. Вчера обѣдалъ у См[ириновыхъ] съ Полетикой, съ Вель-

г[орскимъ], и съ Жук[овскимъ]. Разговоръ коснулся Екатерины. Пол[етика]¹ разсказаль нѣсколько Анекдотовъ. Нѣкто Чертковъ, человекъ крутой и неустойчивый былъ однажды во дворцѣ. Зубовъ подошелъ къ нему, и обнялъ его говоря: Ахъ ты мой красавецъ! — Чертковъ былъ очень дурень лицомъ. Онъ осердился и обратясь къ Зубову сказалъ ему: я сударь, мою фигурую фортуны себѣ не ищу. Всѣ замолчали. Екатерина, игравшая тутъ-же въ карты, обратилась къ Зубову и сказала: Вы не можете помнить такого-то (Черткова по им[ени] и оч[еству]) а я его помню и могу Васъ увѣрить что онъ очень былъ недурень.

Конецъ ея царствованія былъ отвратителенъ. Константинъ увѣрялъ что онъ въ Таврическомъ дворцѣ засталъ однажды свою старую Бабку съ Графомъ Зубовымъ. Всѣ негодовали, но воцарился Павелъ, и негодованіе увеличилось. Лагаре показывалъ письма молодаго Великого Князя (Александра) въ которыхъ сильно выражается это чувство — я видѣлъ письма его-же Ланжерону въ которыхъ онъ говоритъ столь же откровенно. Одна фраза меня поразила: *Je vous écrit peu et rarement, car je suis sous la hache.* Ланжеронъ былъ тогда недоволенъ и сказалъ мнѣ: *Voilà comme il m'écrivait; il me traitoit de son ami, me confiait tout — aussi lui étois-je dévoué, mais à présent ma foi, je suis prêt à détacher ma propre écharpe.* Въ Александрѣ было много дѣтскаго. Онъ писалъ однажды Лагарпу, что давъ свободу и конституцію землѣ своей, онъ отречется отъ трона и удалится въ Америку. Пол[етика] сказалъ: *L'Emp[ereur] Nicolas est plus positif; il a des idées fausses comme son frère, mais il est moins visionnaire.* Кто то сказалъ о Гос[ударѣ]: *Il y a beaucoup du Praporchique en lui, et un peu du Pierre le Grand.*

2 іюня. Много говорятъ въ городѣ объ Медемѣ, назначенномъ министромъ въ Лондонъ. Это дипломатическія суспиціи, какъ говорятъ городничихи. Англія не посылала намъ посланника; мы отзываемъ Ливена — Блай не доволенъ — онъ говоритъ: *mais Medeme c'est un tout jeune homme — c'est à dire un blanc bec.* — Гос[ударь] не хотѣлъ принять Каннинга (Strangfor) потому что будучи Вел[икимъ] Кн[яземъ] имѣлъ съ нимъ какую-то неприятность.

26 мая былъ я на пароходѣ и провожалъ Мещерскихъ отправляющихся въ Италію.

На другой день представлялся Вел[икой] Кн[ягин]ѣ. Насъ было человекъ 8. Между прочимъ Красовскій (славный Ценсоръ). В[еликая] К[нягиня] спросила его... *Cela doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce qui paroit.* — *Oui, V. A. I.,* отвѣчалъ онъ, *la [lecture] littérature actuelle est si detestable que c'est un supplice.* В[еликая] Кн[ягиня] скорѣй отъ него отошла— говорила со мной о Пугочевѣ.

Вчера вечеръ у К[атерины] А[ндреевны]. Она ѣдетъ въ Таицы принадлежавшія нѣкогда Ганнибалу моему прадѣду. У ней былъ Вяз[емскій], Жук[овскій] и Пол[етика]. — Я очень люблю Полѣтику — Говорили много о Павлѣ 1-мъ — романтическомъ нашемъ Императорѣ.

3-го іюня обѣдали мы у Вяз[емскаго]: Жук[овскій], Давыдовъ и Киселевъ. Много говорили объ его правленіи въ Валахіи. Онъ можетъ самый замѣчательный изъ нашихъ Государственныхъ людей, неизключая Ермолова, великаго шарлатана.

Цари уѣхали въ Петергофъ.

Вечеръ у См[ирновыхъ].... съ женой выигралъ 1,200 р.

Генераль Болховской хотѣлъ писать свои записки (и даже началъ ихъ; нѣкогда, въ бытность мою въ Кишеневѣ онъ ихъ мнѣ читалъ). Киселевъ сказалъ ему: Помилуй! да о чемъ ты будешь писать? что ты видѣлъ? Что я видѣлъ? возразилъ Б[олховской]. Да я видѣлъ такія вещи о которыхъ никто и понятія не имѣетъ. Начиная съ того, что я видѣлъ голую жопу Государыни (Екатерины II-ой, въ день ея смерти).

Гр. Фикельмонъ очень боленъ. Семья его въ большомъ огорченіи. Elisa имъ и живетъ.

19 числа послалъ 1000 Наш[окину] слава Богу! слухи о смерти его сына ложны.

Тому недѣли двѣ получено здѣсь извѣстіе о смерти Кн. Кочубея. Оно произвело сильное дѣйствіе; Государь былъ неутѣшенъ. Новыя министры повѣсили голову. Казалось, смерть такого ничтожнаго человека не должна была сдѣлать никакого переворота въ теченіи дѣлъ. Но такая бѣдность Россіи въ Государственныхъ людяхъ, что и Кочубея не кѣмъ замѣнить! Вотъ сужденіе о немъ: *C'étoit un esprit éminemment conciliant; nul n'excelloit comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre etc...*

Безъ него Совѣтъ иногда превращался только что не въ драку, такъ что принуждены были посылать за нимъ больнымъ,

чтобъ его присутствіемъ усмирить волненіе. — Дѣло въ томъ что онъ былъ человѣкъ хорошо воспитанный — и это у насъ рѣдко, и за то спасибо. О Кочубеѣ сказано:

Подъ камнемъ симъ лежитъ
Графъ Викторъ Кочубей
Что въ жизни добраго
Онъ сдѣлалъ для людей,
Не знаю, чортъ меня убей.

Согласенъ; но эпиграму припишутъ мнѣ, и правительство опять на меня надуется.

Здѣсь Прусской Кронъ Принцъ съ еѣ женою. Ее возили по Петергофской дорогѣ, и у ней глаза разболѣлись.

22 июля. — Прошедшій мѣсяцъ былъ бурень. Чуть было не поссорился я со дворомъ — но все перемололось — Однако это мнѣ не пройдетъ —

Маршалъ Мезонъ упалъ на маневрахъ съ лошади и чуть не былъ раздавленъ Образцовымъ полкомъ — Арнтъ объявилъ что онъ въ опасности — Подъ Остерлицомъ онъ изкрошилъ кавалергардовъ — Долгъ платежемъ красенъ —

Послѣдній частный домъ въ Кремлѣ принадлежалъ Кн. Трубецкому. Екатерина купила его, и помѣстила въ немъ сенатъ —

9 авг. Трощинскій въ концѣ Царствованія Павла, былъ въ опалѣ. Исключенный изъ службы, просился онъ въ деревню. Государь, ему на зло, не велѣлъ ему выѣзжать изъ города. Трощинскій остался въ П. Б., никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды въ 2 часа ночи является къ его воротамъ фельдъ-егерь. Ворота заперты. Весь домъ спитъ. Онъ стучится, никто нейдетъ. Фельдъ-егерь въ протаевшемъ снѣгу отыскалъ камень, и пустилъ его въ окошко. Въ домѣ проснулись, пошли отворять ворота — и поспѣшно прибѣжали къ спящему Трощинскому объявляя ему что Государь его требуетъ и что фельдъ-егерь за нимъ приѣхалъ. Трощинскій встаетъ, одѣвается, садится въ сани и ѣдетъ. Фельдъ-егерь привозитъ

---

* На поляхъ рукою князя П. А. Вяземскаго здѣсь приписано: „Надобно было бы кончить: Не знаю хоть убей.“ *Ред.*

его прямо къ Зимнему дворцу. Трошинскій не можетъ понять что съ нимъ дѣлается—Наконецъ видитъ онъ что везуть его на половину Великаго Князя Александра. Тутъ только догадался онъ о перемѣнѣ происшедшей въ Государствѣ. У дверей кабинета встрѣтилъ его Паленъ, обнялъ и поздравилъ съ новымъ Императоромъ. Трошинскій нашель Государя въ мундирѣ облокотившимся на столъ и всего въ слезахъ. Александръ кинулся къ нему на шею, и сказалъ: будь моимъ руководителемъ. Тутъ былъ тотъ-часъ же написанъ манифестъ и подписанъ Государемъ не имѣвшимъ силы ничѣмъ заняться. —

28 ноября.

Я ничего не записывалъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Я былъ въ отсутствіи—выѣхалъ изъ П. Б. за 5 дней до открытія Александровской Колонны чтобъ не присутствовать при церемоніи вмѣстѣ съ Камеръ-юнкерами—моими товарищами—былъ въ Москвѣ нѣсколько часовъ—видѣлъ А. Раевского, котораго нашель поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ.—Можетъ быть это пройдетъ—Отправидся потомъ въ Калугу на перекладныхъ, безъ человѣка. Въ Тарутинѣ пьяныя ямщики чуть меня не убили—Но я поставилъ на своемъ—Какія мы разбойники? говорили мнѣ они—Намъ дана вольность, и поставленъ столпъ намъ въ честь. Гр. Румянцова вообще не хвалятъ за его памятникъ—и увѣряютъ что Церковь была бы приличнѣе. Я довольно съ этимъ согласенъ. Церковь а при ней школа, полезнѣе колонны съ орломъ и съ длинной надписью которую безграмотный мужикъ нашъ даже еще не разберетъ.—Въ Зав[одѣ] прожилъ я 2 недѣли, потомъ привезъ Н[аталью] Н[иколаевну] въ Москву, а самъ съѣздилъ въ Нижегородскую деревню гдѣ управители меня морочили—а я передъ ними шарлатанилъ, и кажется неудачно—воротился къ 15 окт[ября] въ П. Б., гдѣ и проживаю. Пугачевъ мой отпечатанъ. Я ждалъ все возвращенія Царя изъ Пруссіи. Вечеръ онъ приѣхалъ. В[еликій] Кн[язь] Мих[аиль] Павл[овичъ] привезъ эту новость на балъ Бутурлина—балъ былъ прекрасенъ. Воротились въ 3 ч.

5 дек. Завтра надобно будетъ явиться во дворецъ—у меня еще нѣтъ мундира—Низачто не поѣду представляться съ моими товарищами Камеръ-юнкерами—малокососами 18-ти лѣтними. Царь разсердится—да что мнѣ дѣлать? Покамѣстъ давайте злословить.

Въ бытность Его въ Москвѣ нынѣшняго году много было проказъ — Москва, хотя ужъ и не то что прежде, но все таки имѣютъ еще похоти боярскія, des velleités d'Aristocratie. Царь мало занимался старыми сенаторами заступившими мѣсто Ека-рининскихъ Бригадировъ, — они роптали глядя какъ онъ ухажи-валъ за молодою Кн[ягинею] Д[олгоруковою] (за дочьрю Сашки Булгакова! говорили ворчуны съ негодованіемъ).

Царь однажды пошелъ за кулисы и на стѣнѣ [sic] разгова-ривалъ съ московск. Актрисами; это еще менѣ понравилось публикѣ. Въ бытность его поиманы зажигатели. Князь М. Гал-циынъ взялъ на себя должность полицейского сыщика, одѣвался жидомъ и проч. Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ! — Въ Н[ижнемъ-] Новгородѣ Царь былъ очень суровъ, и встрѣтилъ Дворянство очень немилостиво. Оно перетрусилось и не знало за что (ни я).

Вчера былъ у Лекса. Я зналъ его въ 821 году въ Кишеневѣ. У него не было кровати, онъ спалъ вмѣстѣ съ какимъ-то чинов-никомъ подъ однимъ тулупомъ. Я первый открылъ Инзову что Лексъ человекъ умный и дѣловой.

Въ тотъ-же день балъ у Салт[ыкова]. -- N. N. сказала Voilà M-me Jermolof, la sale (Lassalle). Ермолова и Курваль (дочь Ген. Моро) всѣхъ хуже одѣваются.

Я все таки не былъ 6-го во дворцѣ — и рапортовался боль-нымъ. За мною Царь хотѣлъ прислать фельдъ-егеря или Арнта.

18-го дек. Третьяго дня былъ я наконецъ въ А[ничковомъ]. Опишу все въ подробности, въ пользу будущаго Вальтеръ-Скотта.

Привд[орный] лакей поутру явился ко мнѣ съ приглашеніемъ: быть въ 8^{1/2} въ А[ничковомъ], мнѣ въ мунд[ирномъ] фракѣ, Н[а-тальѣ] Н[иколаевнѣ] какъ обыкновенно. —

Въ 9 часовъ мы приѣхали. На лѣстницѣ встрѣтилъ я старую Г. Бобр[инскую], которая всегда за меня лжетъ и вывозитъ меня изъ хлопотъ. Она замѣтила что у меня треугольная шляпа съ плюмажемъ (не по формѣ: въ А[ничковѣ] ѣздятъ съ круглыми шляпами; но это еще не все). Гостей было уже довольно, балъ начался контрдансами. Г[осудары]ня была вся въ бѣломъ, съ бирюзовымъ головнымъ уборомъ; Г[осуда]рь въ кавалергард-скомъ мундирѣ. Г[осудары]ня очень похорошѣла. Гр. Боб[рин-скій] замѣтя мою Δ шляпу, велѣлъ принести мнѣ круглую. Мнѣ дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня про-

мокли и пожелтѣли. — Вообще балъ мнѣ понравился. Г[осуда]рь очень простъ въ своемъ обращеніи, совершенно подомашнему. Тутъ же были молодыя сыновья Каннинга и Велингтона. У Дуко спросили какъ находить онъ балъ: je m'ennuie, отвѣчалъ онъ — Pourquoi celà? On est debout et j'aime à être assis. Я заговорилъ съ Ленскимъ о Мицкевичѣ и потомъ о Польшѣ. — Онъ прервалъ разговоръ, сказавъ: mon cher ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Pologne, choisissons un terrain neutre, chez l'Amb[assadeur] d'Autr[iche], par exemple. Балъ кончился въ 1½.

Утромъ того же дня встрѣтилъ я въ Дв[орцовомъ] саду, В[еликаго] Кн[язя]: Что ты одинъ здѣсь философствуешь? — Гуляю. — Пойдемъ вмѣстѣ. Разговорились о плѣшивыхъ: Вы не въ родню — въ вашемъ семействѣ мужчины молоды оплѣшививаютъ — Государь Ал[ександръ] и К[онстанти]нъ П[авловичъ] оттого рано оплѣшивили что при Отцѣ моемъ носили пудру и зачесывали волоса; на морозѣ сало леденѣло — и волоса лѣзли. Нѣтъ ли новыхъ каламбуровъ? — Есть, да нехороши, не смѣю представить ихъ В[ашему] В[ысочеству]. — У меня ихъ также нѣтъ; я замерзъ — Доведши В[еликаго] Кн[язя] до моста, я ему откланялся (вѣроятно противу Етикета).

Вчера (17) вечеръ у S — Разговоръ съ Нордингомъ о Р[усскомъ] дворянствѣ, о гербахъ, о семействѣ Екатерины I-ой etc. Гербы наши весьма новы. Оттого въ Гербѣ Кн[язей] Вяземскихъ, Ржевскихъ пушка. Многія изъ нашихъ старыхъ дворянъ не имѣютъ гербовъ.

22 дек. суббота. — Въ среду былъ я у Хитр[овой] — имѣлъ долгій разговоръ съ В[еликимъ] Кн[яземъ] — Началось журналами: Вообрази какую глупость напечатали въ Сѣв[ерной] Пч[елѣ]: Дѣло идетъ о пребываніи Г[осуда]ря въ Москвѣ. Пч[ела] говоритъ: „Г[осударь] И[мператоръ], обошедъ соборы, возвратился во дворецъ и съ высоты краснаго крыльца низко (низко!) поклонился народу“. Этого не довольно: журналистъ дуракъ продолжаетъ: Какъ восхитительно было видѣть Вел[икаго] Г[осуда]ря преклоняющаго священную главу передъ гражданами Московскими! — Не забудь что это читаютъ лавочки. В[еликій] Кн[язь] правъ, а журналистъ конечно глупъ. Потомъ разговорились о дворянствѣ. В[еликій] К[нязь] былъ противу постановленія о почетномъ [Дворянствѣ] Гражданствѣ: зачѣмъ преграждать заслугамъ высшую цѣль честолюбія? За чѣмъ со-

стоять tiers état, сію вѣчную стихію мятежей и оппозиціи? Я замѣтилъ что или Дворянство не нужно въ Государствѣ, или должно быть ограждено и недоступно иначе какъ по собственной волѣ Государя. Если въ дворянство можно будетъ поступать изъ другихъ состояній, какъ изъ чина въ чинъ, не по исключительной волѣ Г[осуда]ря, а по порядку службы, то вскорѣ Дворянство не будетъ существовать или (что все равно) все будетъ Дворянствомъ. Что касается до tiers état; что же значитъ наше старинное дворянство съ именіями уничтоженными безконечными раздробленіями, съ просвѣщеніемъ, съ ненавистью противу Аристокраціи, и со всѣми притязаніями на власть и богатства? Эдакой страшной стихіи мятежей нѣтъ и въ Европѣ. Кто были на площади 14 декабря? Одни Дворяне [Что же]. Сколько же ихъ будетъ при первомъ новомъ возмущеніи? Не знаю, а кажется много. Говоря о старомъ Дворянствѣ я сказалъ: Nous, qui sommes aussi bons gentilhommes que l'Empereur et Vous... etc. В[еликій] Кн[язь] былъ очень любезенъ и откровененъ. Vous êtes bien de votre famille, сказалъ я ему: tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs. — Спасибо: такъ ты меня жалуешь въ якобинцы! благодарю, voilà une réputation qui me manquoit. Разговоръ обратился къ воспитанію, любимому предмету Его Высочества. Я успѣлъ высказать ему многое. Дай Богъ чтобы слова мои произвели хоть каплю добра! —

Цензоръ Никитенко на обвахтѣ подъ арестомъ и вотъ по какому случаю: Деларю напечаталъ въ Библ[іотекѣ] Смирдина переводъ оды В. Юго: : въ которой находится слѣдующая глубокая мысль: Если де я былъ бы Богомъ, то я бы отдалъ свой рай и своихъ ангеловъ, за поцѣлуй Милены или Хлои. Митрополитъ (которому дается читать наши бредни) жаловался Государю, прося защитить Православіе отъ нападений Деларю и Смирдина — Отсель буря. Крыловъ сказалъ очень хорошо:

Мой другъ! когда бы былъ ты Богъ
То глупости такой сказать бы ты не могъ.

Это все равно, замѣтилъ онъ мнѣ, что я бы написалъ: когда бъ я былъ Архіерей, то пошелъ бы во всемъ облаченіи плясать французскій кадрили. А все виноватъ Глинка (Федоръ). Послѣ его ухорскаго псалма, гдѣ онъ заставилъ Бога говорить языкомъ

Дениса Давыдова, Цензоръ подумаль, что Онъ пустился во все тяжкое...

Псаломъ Глинки уморительно смѣшонъ.

1835.

8 янв. Начнемъ новый годъ злословіемъ, на щастіе...

Бриліанты и дорогія каменя были еще недавно въ низкой цѣнѣ. Они никому не были нужны. Выкупивъ бриліанты Н[атальи] Н[иколаевны] заложенныя въ Московскомъ Ломбардѣ, я принужденъ былъ ихъ перезаложить въ частныя руки—не согласившись продать ихъ за безцѣнокъ. Нынче узнаю что бриліанты опять возвысились. Ихъ требуютъ въ Кабинетъ, и вотъ по какому случаю.

Недавно Государь приказаль К[нязю] В[олконскому] принести къ нему изъ кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, какъ въ 9,000 руб. — К[нязь] В[олконскій] принесъ табакерку. Государю показалась она довольно бѣдна. Дороже нѣтъ, отвѣчалъ В[олконскій]. — Если такъ, дѣлать нечего, отвѣчалъ Государь; я хотѣлъ тебѣ сдѣлать подарокъ — возьми ее себѣ. Вообразите себѣ рожу стараго скряги. Съ этой поры начали требовать бриліанты. — Теперь въ Кабинетѣ табакерки завелись уже въ 60.000 р.

В[еликая] Кн[ягиня] взяла у меня Записки Екатерины II и сходила отъ нихъ съ ума.

6-го умерла С. М. Смирнова, милая молодая дѣвушка —

Въ концѣ прошлаго года свояченица моя ѣдила въ моей каретѣ поздравлять В[еликую] Кн[ягиню]. Ея лакей повздорилъ со швейцаромъ. Комендантъ Мартыновъ посадилъ его на обвахту—и К[атерина] Н[иколаевна] принуждена была безъ шубы ждать 4 часа на подъѣздѣ. Комендантское мѣсто около полустолѣтія занято дураками; но такой скотины каковъ Мартыновъ, мы еще не видали.

6-го балъ придворный (приватный маскарадъ). Дворъ въ мундирахъ временъ Павла 1-го. Г[рафъ] Панинъ (товарищъ министра одѣтъ дитятей. Бобр[инскій] Брызгаловымъ (кастеланомъ Мих[айловскаго] Замка; полуумный старикъ, щеголяющій въ шутовскомъ своемъ мундирѣ, въ сопровожденіе двухъ колѣксыноуей, одетыхъ скоморохами. Замѣч. для потомства). Гос[ударь] полковникомъ Изм[айловскаго] полка etc. Въ городѣ шумъ. Находятъ это все неприличнымъ —

Февраль.

Съ Генваря очень я занятъ Петромъ. На балахъ былъ раза 3; уѣзжалъ съ нихъ рано. Придворными сплетнями мало занятъ. Шишь потомству.

На дняхъ въ театрѣ Г. Фикельмонъ говоритъ что Bertrand и Raton не были играны на П. Б. театрѣ, по представленію Блума, Датскаго посланника (и нашего стариннаго шпіона), присовокупилъ: je ne sais pourquoi; dans la comedie il n'est seulement pas question du Danemarck. Я прибавилъ: Pas plus qu'en Europe.

Филаретъ сдѣлалъ доносъ на Павскаго будто бы онъ лютеранинъ — Павскій отставленъ отъ В[еликаго] Князя. Митрополить и синодъ подтвердили мнѣніе Филарета. Гос[ударь] сказалъ что въ дѣлахъ Духовныхъ онъ не судія; но ласково простился съ Павскимъ. Жаль умнаго, ученаго и добраго священника! Павскаго не любятъ. Шишковъ, который набилъ академію попами, никакъ не хотѣлъ принять Павскаго въ число членовъ, зато что онъ зная Еврейскій языкъ, доказалъ какую-то нелѣпость въ корняхъ президента. Митрополить на мѣсто Павскаго, предлагалъ попа Кочетова, плута и сплетника. Государь не захотѣлъ и выбралъ другаго, человѣка, говорятъ, очень порядочнаго. Этотъ привѣзжалъ къ митрополиту, а старый Лукавецъ сказалъ: я васъ рекомендовалъ Государю. Qui est-ce que l'on trompe ici?

Въ публикѣ очень бранятъ моего Пугачева, а что хуже не покупаютъ — Уваровъ, большой подлець. Онъ кричитъ о моей книгѣ какъ о возмутительномъ сочиненіи. Его клеветъ Дундуковъ (дуракъ и Бардашъ) преслѣдуетъ меня своимъ ценсурнымъ комитетомъ. Онъ не соглашается чтобъ я печаталъ свои сочиненія съ одного согласія Государя. Царь любитъ да псарь не любитъ. Къ стати объ Уваровѣ: Это большой негодяй и шарлатанъ. Развратъ его извѣстенъ. Низость до того доходить, что онъ у дѣтей Канкринъ былъ на посылкахъ. Объ немъ сказали, что онъ началъ тѣмъ что былъ б..., потомъ нянькой, и попалъ въ През[иденты] Ак[адеміи] Наукъ какъ Кн[ягиня] Дашкова, въ през[иденты] Р[оссійской] Ак[адеміи]. — Онъ кралъ казенныя дрова и до сихъ поръ на немъ есть счеты—(у него 11,000 душъ), казенныхъ слесарей употреблялъ въ собственную работу etc. etc. Дашковъ (министръ) который прежде былъ съ нимъ приятель, встрѣтилъ Жук[овскаго] подъ руку съ Уваровымъ, отвелъ

его въ сторону, говоря: какъ тебѣ не стыдно гулять публично съ такимъ человѣкомъ!

Ценсура не пропустила слѣдующія стихи въ сказкѣ моей о золотомъ пѣтушкѣ

Царствуй, лежа на боку

и

Сказка ложь, да въ ней намекъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ.

Времена Красовскаго возвратились. Никитенко глупѣе Бирукова.

Объяснительныя примѣчанія

къ

Дневнику Пушкина.

— (Стр. 1). *Карамзина* — Екатерина Андреевна (род. 16-го ноября 1780), побочная дочь Нижегородского и Пензенского наместника, просвещенного князя Андрея Ивановича Вяземского (род. 1754, ум. 1807), носившая до замужества, по месту своего рождения в Ревель (Колывани), фамилию Колывановой („Русск. Арх.“ 1911 г., т. III, стр. 505); она была почти на 12 лет старше своего единокровного брата, известного писателя и поэта и друга Пушкина — князя Петра Андреевича Вяземского и родилась еще за шесть лет до женитьбы своего отца на Евгении Ивановне Орейли, по 1-му браку Квинь (род. 1762, ум. 1802); ее матерью была Елизавета Карловна Сиверс (род. 1746, ум. 1818), рожд. графиня Сиверс, жена Тверского наместника Якова Ефимовича Сиверса, сь которым развелась и вышла за князя Н. А. Путятина. Екатерина Андреевна воспитывалась сперва у родной тетки своего отца, княгини Е. А. Оболенской, рожд. княжны Вяземской (А. А. Сиверс, Генеалогическія развѣдки, вып. I, С.-Пб. 1913, стр. 145), а потомъ жила в домѣ родителя, нѣжно ее любившаго. Карамзинъ женился на ней, уже будучи вдовцомъ послѣ перваго брака и имѣя дочь Софью (род. 1802, ум. 1856), в Москвѣ, 8-го января 1804 года (Архивъ князя Вяземскаго, С.-Пб. 1881, стр. 144, 171; Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 054; „Старина и Новизна“, кн. XVII, стр. 232; М. А. Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти, М. 1869, стр. 59—60) и имѣлъ отъ нея много дѣтей, изъ которыхъ достигли зрѣлаго возраста три сына и двѣ дочери. Эта большая и дружная семья, въ которую Пушкинъ былъ вхожъ еще въ бытность свою въ Царскосельскомъ Лицеѣ (отецъ Пушкина былъ зякомъ съ Карамзинимъ еще въ Московскій періодъ ихъ жизни), представляла рѣдкій примѣръ согласія и домашняго уюта; за гостеприимнымъ столомъ дома Карамзиныхъ, начиная уже съ конца 1810-хъ годовъ, охотно сходились представители литературы и науки (Карамзинъ съ 1803 г. носилъ званіе исторіографа и работалъ надъ „Исторіей Государства Россійскаго“); Жуковский, князь Вяземскій, братья Тургеневы были постоянными хозяевами гостиной Карамзиныхъ, гдѣ умная, образованная и привѣтливая хозяйка и ее миловидная падчерица (въ 1819 и въ 1831 г. были разговоры о женибѣ на ней Жуковскаго — „Уткинскій Сборникъ“, т. I, М. 1904, стр. 30, 233; „Пушк. и его соврем.“, вып. XV, стр. 82), а затѣмъ и дочери умѣли создать атмосферу, чрезвычайно привлекательную. Отзывы современниковъ о салонѣ Карамзиныхъ, славившемся особенно въ 1830—1840-хъ годахъ, уже послѣ смерти исторіографа, единодушны. Такъ, А. И. Кошелевъ, вошедшій въ него въ концѣ 1830 года, вспоминалъ впоследствии: „У К. А. Карамзиной мы видали часто Блудова, Жуковскаго, П. А. Муханова и другихъ; а изъ женщинъ особенно насъ очаровывала и красотою, и умомъ дѣвица Россети, вышедшая впоследствии замужъ за Н. М. Смирнова.. Въ Карамзинской гостиной предметомъ разговоровъ были

не философскіе предметы, но и не Петербургскія пустыя сплетни и рассказы. Литературы—Русская и иностранная,—важныя событія у насъ и въ Европѣ... составляли всего чаще содержаніе нашихъ оживленныхъ бесѣдъ. Эти вечера, продолжавшіеся до позднихъ часовъ ночи, освѣжали и питали наши души и умы, что, въ тогдашней Петербургской душевной атмосферѣ, было для насъ особенно полезно. Хозяйка дома умѣла всегда направлять разговоры на предметы интересныя“ („Русск. Арх.“ 1879 г., т. III, стр. 266). Въ Запискахъ своихъ тотъ же Кошелевъ рассказываетъ: „Въ домѣ Е. А. Карамзиной собирались литераторы и умные люди разныхъ направленій. Тутъ часто бывалъ Блудовъ и своими рассказами всѣхъ занималъ. Тутъ бывали Жуковский, Пушкинъ, А. И. Тургеневъ, Хомяковъ, П. Мухановъ, Титовъ и многіе другіе. Вечера начинались въ 10 и длились до 1 и 2 часовъ ночи; разговоръ рѣдко умолкалъ. Сама Карамзина была женщина умная, характера твердаго и всегда ровнаго, сердца добраго, хотя, повидимому, съ первой встрѣчи, холоднаго. Эти вечера были единственные въ Петербургѣ, гдѣ не играли въ карты и гдѣ говорили по-русски“ (Записки, Берлинъ. 1884, стр. 30). „Не могу себѣ простить, отчего я давно не познакомился съ этимъ домомъ“, — писалъ онъ же своей матери: „за то я теперь стараюсь вознаградить себя и бываю у Карамзиныхъ два или три раза въ недѣлю“ (Н. Колюпановъ. Біографія А. И. Кошелева, т. I, кн. 2, М. 1889, стр. 207).

Лѣтъ пять спустя, съ семьею Карамзиныхъ познакомился И. И. Панаевъ, извѣстный писатель и редакторъ Некрасова по „Современнику“; въ своихъ Воспоминаніяхъ онъ пишетъ: „Чтобы получить литературную извѣстность въ великосвѣтскомъ кругу, необходимо было попасть въ салонъ г-жи Карамзиной— вдовы исторіографа. Тамъ выдавались дипломы на литературные таланты. Это былъ уже настоящій великосвѣтскій литературный салонъ съ строгимъ выборомъ, и Рекамье этого салона была С. Н. Карамзина, къ которой всѣ извѣстные наши поэты считали долгомъ писать посланія“ (Воспоминанія, С.-Пб. 1888, стр. 94); ее въ шутку называли „Самоваръ-пашою“, такъ какъ за чайнымъ столомъ она занималась разливаніемъ чая. — В. Д. Давыдовъ (сынъ поэта) также свидѣтельствуетъ, что въ 1839 и слѣдующихъ годахъ Е. А. Карамзина „имѣла въ Петербургѣ открытый домъ, гдѣ каждый день гостепріимно принимались всѣ, начиная отъ первыхъ вельможъ и кончая нами, новоиспеченными прапорщиками. Весь большой свѣтъ Петербургскаго общества тѣснился въ Карамзинской гостиной, также радушно открытой для всякой интеллигенціи того времени“ („Русск. Арх.“ 1877 г., кн. II, стр. 42). Въ это время здѣсь частымъ гостемъ бывалъ Лермонтовъ, записавшій въ альбомѣ С. Н. Карамзиной стихотвореніе, ей посвященное: „Любилъ и я въ былые годы“... (Б. А. Модзалевскій, Изъ альбомной старины“ Пгр. 1916, стр. 5, оттискъ изъ „Русскаго Библіофила“). Къ самому началу 1840-хъ годовъ, относятся Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго, который пишетъ, рассказывая о семьѣ Карамзиныхъ и ихъ салонѣ: „Почтенная старуха-мать, Екатерина Андреевна, очень суровая съ виду, osoba съ очень твердымъ характеромъ, прямолинейнымъ и откровеннымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, была необыкновенно нѣжною матерью... Находясь въ этой милой и гостепріимной семьѣ, я сразу очутился въ самой интеллигентной средѣ Петербургскаго общества, въ которой такъ свѣжа еще была память незабвеннаго Николая Михайловича, и гдѣ по преданію собирались какъ прежніе друзья покойнаго исторіографа, такъ и молодые поэты, литераторы и ученые новаго поколѣнія... Карамзины ежедневно принимали по вечерамъ, попросту, семейно, за чайнымъ столомъ.

Обычнаго посѣтителя Карамзиныхъ я уже не засталъ въ живыхъ, а именно Пушкина, а также и Лермонтова, который покинулъ Петербургъ и перешелъ на службу на Кавказъ; но я встрѣчалъ у нихъ въ гостиной Жуковского, князя Вяземскаго, Дмитріева, Плетнева, графа Блудова, Тютчева, Соболевскаго, Хомякова, Тургенева, Валуева, графа Владимира Соллогуба, Ю. Самарина, а также интеллигентныхъ лицъ изъ иностранцевъ и дипломатовъ ¹⁾. Собственно говоря, Карамзинскій домъ былъ единственный въ Петербургѣ, въ гостиной котораго собиралось общество не для свѣтскихъ пересудовъ и сплетенъ, а исключительно для бесѣды и обмѣна мысли“ (Русск. Арх. “ 1901 г., кн. I, стр. 101).

Въ поэтическихъ чертахъ салонъ Е. А. Карамзиной обрисованъ въ посвященномъ ей и относящемся къ 1838 году пространномъ стихотвореніи графини Е. А. Ростопчиной „Гдѣ мнѣ хорошо“:

Когда, насытившись весельемъ шумнымъ свѣта,
Я жизнью умственной вполнѣ хочу пожить,
И просится душа, мечтою разогрѣта,
Среди душъ родственныхъ свободно погостить. —
Къ пріюту тихому бесѣды просвѣщенной,
Къ жилищу свѣтлыхъ думъ дорогу знаю я
И радостно спѣшу къ-семьѣ благословенной,
Гдѣ дружескій пріемъ радушно ждетъ меня.

Тамъ говорятъ и думаютъ по-русски,
Тамъ чувствомъ родины проникнуты сердца;
Тамъ чинность модная своею цѣпью узкой
Не душитъ, не тѣснитъ. Тамъ памятью отца
Великаго и славнаго все дышетъ.

. . . . .

Отбросивши подчасъ суетъ и дѣлъ оковы,
Былое вспоминать готовые всегда,
Тамъ собираются, влекомые туда
Старинной дружбою (приманкой вѣчно новой!),
Всѣ тѣ, кто пѣсню иль рѣчью, иль перомъ
Себя прославили, кто русскимъ путь открыли
Къ святой поэзии, кто въ сердцѣ не забыли,
Что этотъ мирный кровъ былъ ихъ роднымъ гнѣздомъ.
Они тамъ за просто и дома, и покойны,
Ихъ кругъ разрозненный становится тѣснѣй.
Но много мѣстъ пустыхъ! . . . Но бури вѣтеръ знойный
Недавно, проходя надъ головой гостей,
Унесъ любимаго! . . .

Помянувъ, въ послѣднихъ словахъ, несомнѣнно, Пушкина, Ростопчина да-
лѣе переходитъ къ самой Карамзиной и такъ обрисовываетъ ее:

Но кто, но кто межъ всѣхъ, какъ провидѣнье дома,
Своимъ присутствіемъ все держитъ, все хранитъ?

---

1) У Карамзиной, напр., бывала въ 1833—1836 гг. секретарь Баварскаго посольства графиня Брей („Пушкинъ и его современники“ вып. XXV—XXVII, стр. 064). Б. М.

Кто, съ испытаньями житейскими знакома,
Душой и разумомъ и сердцемъ сторожить
Своихъ возлюбленныхъ на поприщахъ различныхъ;
Имъ опытность свою въ покровъ и щить даетъ;
Объ нихъ и день, и ночь все мыслить; создаетъ
Въ молитвахъ пламенныхъ, въ мечтаніяхъ привычныхъ
Имъ счастье полное и жизнью ихъ живётъ?
Кто, съ кроткой мудростью, съ небеснымъ снисхожденьемъ
Взираетъ на людей, на ихъ дѣла и свѣтъ,
Не судить никого, не вѣрить обвиненьямъ,
Не терпитъ на себѣ злорѣчія навѣтъ?
Кто рѣдкой красотой своей души высокой
Заставила забыть земную красоту
И вѣкъ свой прожила, не зная, почему
Для ней сердца полны любовію глубокой? —
О! кто видалъ ее, о! кто ей близокъ былъ,
Тотъ знаетъ, тотъ постигъ, какимъ обвороженьемъ
Она влечетъ къ себѣ!.. Тотъ скоро полюбилъ
И оцѣнилъ ее! Тотъ собственнымъ стремленьемъ
Почувствуетъ, зачѣмъ своимъ благоговѣньемъ
Ее поэтовъ сонмъ издавна окружилъ, —
Зачѣмъ она была, межъ огненныхъ свѣтилъ,
Звѣздою мирною, священнымъ вдохновеньемъ!

Пушкинъ своею ссылкою на много лѣтъ былъ оторванъ отъ семьи Карамзиныхъ; историографъ умеръ въ 1826 году, когда поэтъ жилъ въ Михайловскомъ; извѣстно, какъ онъ былъ огорченъ этою смертію. По переѣздѣ въ Петербургъ въ концѣ мая 1827 г. Пушкинъ не засталъ здѣсь Карамзиныхъ, но уже съ осени сталъ постояннымъ ихъ гостемъ; такъ, 24 ноября, въ день именинъ княгини дочери Е. А. Карамзиной — Екатерины Николаевны (впослѣдствіи княгини Мещерской), онъ написалъ „Акафистъ“ („Земли достигнувъ наконецъ“...), а въ альбомъ ея падчерицы, фрейлины Софьи Николаевны, вѣроятно, тогда-же, — стихотвореніе „Три ключа“ (см. Б. Л. Модзалевскій, „Изъ альбомной старины“, Пгр. 1916, стр. 3 и 11, и его же замѣтка „Новыя строки Пушкина“ въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники“, вып. XXVIII, Пгр. 1917, стр. 1—4, со снимками). Вскорѣ, 13-го декабря 1827 г., Е. А. Карамзина писала И. И. Дмитріеву изъ Петербурга въ Москву: „Мы, по обыкновенію, мало выѣзаемъ; дома видимъ нѣсколько пріятелей, оставшихся вѣрными воспоминаніямъ прошедшаго, — Жуковского, Дашкова, Пушкина и пр.; послѣдній ежедневно у насъ: итакъ не повѣсничаетъ“ (Письма Карамзина къ Дмитріеву, С.-Пб. 1866, стр. 430, съ ошибкою въ датѣ года). И въ слѣдующіе годы Пушкинъ былъ обычнымъ посѣтителемъ семейства Карамзиныхъ (тамъ-же, стр. 432, 437, 439); къ главѣ ея, Екатерины Андреевны, онъ питалъ любовь и постоянное уваженіе. — А. О. Смирнова въ Запискахъ своихъ пишетъ про Пушкина: „Я наблюдала за его обращеніемъ съ г-жей Карамзиной: это не только простая почтительность по отношенію къ женщицѣ уже старой, — это нѣчто болѣе ласковое. Онъ чрезвычайно дружески почтителенъ съ княгиней Вяземской, съ м-тце Хитрово, но его обращеніе съ Карамзиной совсѣмъ не то“ („Сѣв. Вѣстн.“ 1894 г., № 4, стр. 159). Уваженіе къ ней было

у Пушкина настолько глубокое, что ее одну из весьма немногих он посвятил в историю своей семейной драмы („Пушкинъ и его современникъ“, вып. XXV — XXVII, стр. 094), тѣмъ самымъ сдѣлавъ ее участницей всѣхъ своихъ переживаній; и она не безразлично относилась къ судьбѣ Пушкина, что видно изъ писемъ къ ней ея сына Андрея Николаевича изъ Парижа („Старина и Новизна“, кн. XVII, М. 1914, pass.). Когда же драма разрѣшилась дуэлью и раненый поэтъ созналъ уже свой близкій конецъ, — онъ выразилъ желаніе повидать именно Карамзину: „Карамзина? Тутъ-ли Карамзина? спросилъ онъ, спустя немного“, читаемъ въ записяхъ Жуковского: „Ея не было; за нею немедленно послали и она скоро пріѣхала. Свиданіе ихъ продолжалось только минуту, но когда Катерина Андреевна отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказала: перекрестите меня! потомъ подѣловаль у нея руку“ („Пушкинъ и его современники“, вып. XXV — XXVII, стр. 40). Тургеневъ рассказываетъ, что, благословивъ умирающаго, Карамзина „зарыдала и вышла“ (тамъ-же и стр. 333). — „Меня очень тронуло извѣстіе, что первая особа, о которой послѣ катастрофы спросилъ Пушкинъ, была Карамзина, предметъ его первой и благородной привязанности“, — писала графиня Р. С. Эдлингъ В. Г. Теплякову по поводу смерти поэта („Русск. Стар.“ 1896 г., № 8, стр. 417). Карамзина до старости сохраняла бодрость физическую и душевную. А. В. Старчевскій, посѣтившій ее около 1846 г., такъ описываетъ старушку: „Карамзина была въ молодости необыкновенно красива, и слѣды этой красоты остались у нея и въ старости. Это была особа видная, весьма порядочнаго роста и симпатичная“ („Историч. Вѣстн.“ 1888 г., № 10, стр. 126). Лишь за годъ до смерти она почувствовала упадокъ силъ. Передавая отъ нея поклонъ, А. О. Россетъ писалъ своей сестрѣ, А. О. Смирновой: „Карамзины тебѣ очень кланяются, Катерина Андреевна въ особенности; она бѣдная очень опустилась лѣтомъ, совсѣмъ старушка. Впрочемъ, все у нихъ по прежнему, т. е. болтовня живая и веселая“ („Русск. Арх.“ 1896 г., кн. I, стр. 372—373; ср. „Русск. Арх.“ 1868 г., ст. 440). Гостя у своей дочери, княгини Е. Н. Мещерской, въ ея имѣніи — дер. Мануиловѣ, Ямбургскаго уѣзда, Е. А. Карамзина скончалась тамъ 1-го сентября 1851 года, 70 лѣтъ отъ роду („Сынъ Отеч.“ 1851 г., № 9, Современ. лѣтоп., стр. 71); погребена она въ Александро-Невской лаврѣ, на Тихвинскомъ кладбищѣ, рядомъ съ мужемъ (Петербургскій Некрополь, т. II, стр. 326). Съ осени 1833 г. Карамзина жила въ домѣ графа Голенищева-Кутузова, на площади у Михайловскаго Дворца (Письма князя П. А. Вяземскаго къ И. И. Дмитріеву — „Русск. Арх.“ 1868 г., ст. 633), рядомъ съ Михайловскимъ театромъ, тогда только что отстроеннымъ; въ томъ же домѣ, въ 1-мъ и во 2-мъ этажахъ, жили братья графы М. Ю. и М. Ю. Віельгорскіе.

— (Стр. 1). *Жуковский* провель 1833-й годъ въ Швейцаріи, уединнено живя въ Верне, близъ Вева, и стараясь возстановить пошатнувшееся здоровье; весну и часть лѣта онъ проводилъ въ Италіи и Южной Франціи, затѣмъ вернулся въ Верне, очень довольный путешествіемъ, которое принесло ему пользу, потомъ подвергся операціи, окончившейся счастливо, и конецъ лѣта прожилъ, беря ванны въ Шлангенбадъ и въ поѣздкѣ по Германіи. 4-го сентября Жуковский пріѣхалъ въ Дерптъ и пробылъ здѣсь 4 дня, видаясь съ жившими тамъ Карамзинными и съ княземъ П. А. Вяземскимъ, который пріѣзжалъ гостить къ Карамзиннымъ и нашелъ поэта „въ цвѣтушемъ положеніи“ („Русск. Арх.“ 1879 г., кн. II, стр. 149). Не заѣжая въ Петербургъ, Жуковский 10/22-го сентября поселился въ Царскомъ-Селѣ (Дневники В. А. Жуковского. Съ примѣчаніями И. А. Быч-

кова, С.-Пб. 1903, стр. 252-314; „Русск. Арх.“ 1883 г., кн. I, стр. XVI-XXVIII); 28-го сентября 1833 г. князь В. О. Одоевскій уже сообщалъ Пушкину: „Я видѣлъ Жуковского: онъ помолодѣлъ и поздоровѣлъ; нѣтъ и тѣни прежняго большаго лица“ („Русск. Арх.“ 1864 г., ст. 1005). 1-го октября князь П. А. Вяземскій съ своей стороны рассказывалъ И. И. Дмитріеву: „Жуковскій здѣсь; здоровье его очень поправилось. Я свѣхался съ нимъ въ Дерптѣ и провелъ двое сутокъ, а здѣсь еще не видалъ его, потому что онъ въ Царскомъ-Селѣ и прежде половины октября не возвратится въ городъ, вмѣстѣ съ царскою фамилією“ („Русск. Арх.“ 1868 г., ст. 634). К. Я. Булгаковъ въ свою очередь сообщалъ брату въ Москву 19-го октября: „Утромъ вчера былъ у меня Жуковскій, который очень поправился, цвѣтъ лица хорошъ, онъ самъ веселѣе; но боюсь, чтобы опять здѣсь не испортился“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 273), а Н. И. Гречъ въ письмѣ своему къ Я. Н. Толстому въ Парижѣ съ „Обозрѣніемъ Русской литературы въ 1833 году“ писалъ: „В. А. Жуковскій, изнуренный безпрерывными трудами по своей должности [Наставника Наслѣдника престола], былъ очень нездоровъ въ прошедшемъ году. По совѣту врачей, отправился онъ на югъ; провелъ зиму въ полуденной Швейцаріи, въ мѣстѣ, закрытомъ отъ жестокаго дыханія сѣвера, и нынѣ воротился, совершенно оправившись и собравшись съ новыми силами. Я душевно обрадовался, увидѣвъ его недавно въ театрѣ: онъ помолодѣлъ нѣсколькими годами. Отдыхая, за границею, занимался онъ поэзією: произведенія его досуга будутъ печататься въ „Библиотекѣ для Чтенія“. Здѣсь онъ не имѣетъ времени дѣятельно заниматься литературою чувствуя всю важность, всю святость своей должности, онъ жертвуетъ ей своимъ временемъ“. Тутъ-же Гречъ сообщалъ и о Пушкинѣ, что онъ „во второй половинѣ сего года ѣздилъ въ Оренбургъ, для собранія на мѣстѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній, нужныхъ для его историческаго труда. Между тѣмъ написалъ онъ, какъ я слышалъ, три новыя поэмы и нѣсколько мелкихъ стихотвореній“ (Сочиненія, ч. V, С.-Пб. 1838, стр. 213).

— (Стр. 1). *Фикельмонтъ* — графъ Карль-Людвигъ (Ficquelmont; род. въ Лотарингіи 23-го марта 1777, ум. въ Венеціи 8-го апрѣля 1857),—Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ. Происходя изъ стариннаго Бельгійско-Лотарингскаго рода, онъ былъ сыномъ Французскаго эмигранта, въ молодости служилъ въ австрійской военной службѣ, съ отличіемъ участвовалъ въ различныхъ кампаніяхъ противъ Наполеона и былъ флигель-адъютантомъ Императора Франца II; перейдя затѣмъ на дипломатическое поприще, онъ былъ послѣдовательно Австрійскимъ посланникомъ въ Швеціи (съ 1815 г.), затѣмъ (съ 1820 г.) — въ Тосканѣ (Флоренціи), съ 1821 г. — въ Королевствѣ обѣихъ Сицилій (Неаполѣ) и, наконецъ, въ Россіи (съ 1829 г.); послѣднему назначенію способствовала, между прочимъ, его женитьба, въ 1821 г., во Флоренціи, на графинѣ Дарѣѣ Ѳеодоровнѣ Тизенгаузенъ, дочери флигель-адъютанта Императора Александра I графа Ѳ. И. Тизенгаузена и его жены Елизаветы Михайловны, рожд. Голенищевой-Кутузовой (дочери фельдмаршала князя Смоленскаго), по 2-му браку Хитрово. Обаятельная личность графини Д. Ѳ. Фикельмонтъ (всплѣтой, между прочимъ, слѣпцомъ-поэтомъ И. И. Козловымъ въ русскихъ, англійскихъ и итальянскихъ стихахъ — см. Сочиненія И. И. Козлова, изд. „Сѣвера“, а также „Русск. Арх.“ 1886 г., кн. I, стр. 184; сб. „Старина и Новизна“, кн. XI, стр. 58; Н. М. Даниловъ, И. И. Козловъ, С.-Пб. 1914, стр. 50-51), а также извѣстность ея матери, Е. М. Хитрово, „славной въ общественныхъ и словесныхъ

преданіяхъ “ (выраженіе П. И. Бартенева) и знаменитой по дружественно-страстнымъ отношеніямъ ея къ Пушкину, много содѣйствовали популярности Австрійскаго посланника въ кругу Петербургскаго высшаго свѣта. Салонъ его постепенно занялъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду другихъ аристократическихъ салоновъ столицы. — Вспоминая объ утреннихъ пріемахъ Е. М. Хитрово и о вечерахъ дочери ея, графини Фикельмонтъ, князь П. А. Вяземскій говоритъ, что они „неизгладимо врѣзаны въ памяти тѣхъ, которые имѣли счастье въ нихъ участвовать. Вся животрепещущая жизнь Европейская и Русская политическая, литературная и общественная имѣла вѣрные отголоски въ этихъ двухъ родственныхъ салонахъ “ (Сочиненія, т. VIII, стр. 493); упоминая въ другомъ мѣстѣ о „домѣ графа и графини Фикельмонтъ, которые оставили у насъ по себѣ незабвенную память“, князь Вяземскій говоритъ: „ихъ салонъ былъ также Европейско-Русскій. Въ немъ и дипломаты, и Пушкинъ были дома “ (Сочиненія, т. VII, стр. 226). Не даромъ извѣстная княгиня Д. Х. Ливень, описывая, въ серединѣ 1830-хъ годовъ, Петербургскихъ дипломатовъ, среди двухъ *gens d'esprit* отмѣчала Фикельмонта („Пушк. и его соврем.“, вып. XXV-XXVII, стр. 08). Къ Пушкину онъ былъ очень расположенъ, а если вѣрить Запискамъ А. О. Смирновой, то былъ даже его большимъ поклонникомъ и говорилъ про него: „кромѣ генія, великаго ума, онъ обладаетъ тѣмъ рѣдкимъ качествомъ, которое называется критическимъ сужденіемъ “ (Записки А. О. Смирновой, С.-Пб. 1894, ч. I, стр. 224); расположеніе Фикельмонта къ Пушкину видно, между прочимъ, изъ дошедшей до насъ дружеской записки графа, отъ 27-го апрѣля 1835 г., при которой онъ, посылая поэту два „контрабандныхъ“ тома „Oeuvres“ Г. Гейне (изд. 1835 г.), просилъ принять ихъ, „comme souvenir et carte de visite pour prendre congé“ (Б. Л. Модзалевскій, Библіотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 247; ср. стр. 328 и 330). Въ тонѣ большого благожелательства къ поэту написано было и официальное донесеніе графа Фикельмонта къ Меттерниху, отъ 2/14 февраля 1837 г., о дуэли и смерти поэта („Старина и Новизна“, кн. III, стр. 339-341, и „Пушк. и его соврем.“, вып. XXV-XXVII, стр. 205-207), одинъ изъ актовъ семейной драмы котораго разыгрался, какъ-разъ, на раутѣ у графа 16-го ноября 1836 г. (тамъ-же, стр. 0102 и 197). Характеризуя графа Фикельмонта, П. И. Бартеневъ пишетъ: „Въ немъ не было ни нѣмецкой тяжеловѣсности, ни себѣ-наумѣлаго французскаго легкомыслія. Подобно графу С. Р. Воронцову, считалъ онъ, что лукавство вовсе не надежное орудіе дипломата, который больше выиграетъ въ дѣлахъ своихъ, коль скоро успеетъ снискать уваженіе въ обществѣ качествами ума и сердца своего. Фикельмонта полюбили въ Петербургѣ, и мы увѣрены, что Пушкинъ, обожавшій его супругу [см. ниже. Б. М.], находилъ большое удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ, человѣкомъ многостороннимъ и даровитымъ“; „честная воздержность мысли была отличительнымъ качествомъ графа Фикельмонта“ („Русск. Арх“. 1911 г., кн. 9, 2-я обложка). Помимо этихъ особенностей ума и сердца, Фикельмонтъ былъ и политическимъ писателемъ и оставилъ рядъ книгъ и брошюръ на французскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ по вопросамъ современной политики, — между прочимъ, объ отношеніи Россіи къ славянскимъ княжествамъ („La politique de la Russie et les principautés Danubiennes“, Paris. 1854; см. каталогъ „Russica“ Публичной Библіотеки, т. I, St.-Petersb. 1873, р. 389). Повидимому, онъ былъ не чуждъ и другихъ литературныхъ занятій ялдомъ ихъ является, по крайней мѣрѣ, цѣлая книга его „Pensées et réflexions

morales et politiques“, изданная посмертно, въ 1859 г., въ Парижѣ, со вступительной статьей объ авторѣ барона Баранта („Остафьевскій Архивъ“, т. II, стр. 484); въ 1911 году comte F. de Sonis опубликовалъ въ Парижѣ томъ „Lettres du comte et de la comtesse de Ficquelmont à la comtesse de Tiesenhausen“ (80, 481 стр.; см. „Русск. Арх.“ 1911 г., кн. 9, 1-я и 2-я обложки). Письма обращены къ сестрѣ графини Фикельмонтъ — графинѣ Е. Θ. Тизенгаузенъ (ум. 1888), впослѣдствіи камеръ-фрейлинь, писаны въ Петербургъ и обнимаютъ время съ 1840 по 1855 г., т. е. эпоху, послѣдовавшую уже за отъѣздомъ четы Фикельмонтъ изъ Петербурга; покидая его, Австрійскій дипломатъ, пользовавшійся лично высокимъ положеніемъ въ Россіи и допускавшійся въ интимный кругъ двора, — честь вообще весьма рѣдка для дипломата (Записки А. О. Смирновой, С.-Пб. 1894, ч. I, стр. 224), — увозилъ особенно милостивое отношеніе къ себѣ Императора Николая, вскорѣ, 18-го іюля 1840 г., пожаловавшаго ему высшій Русскій орденъ — цѣпь св. Андрея Первозваннаго при рескриптѣ („С.-Петерб. Вѣдомости“ 1840 г., № 172). Въ Вѣнѣ Фикельмонтъ занялъ видное положеніе, будучи назначенъ, въ томъ-же 1840 г., Министромъ Военнымъ и Иностранныхъ Дѣлъ, затѣмъ, въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи, — по слову въ Миланѣ, наконецъ, первымъ министромъ и президентомъ Военнаго Совѣта въ 1848 г.; однако, революціонная гроза этого года свергла его, какъ ученика и преемника Меттерниха („Остафьевскій Архивъ“, т. II, стр. 484) и сторонника Россіи, — и Фикельмонтъ къ дѣламъ больше не вернулся. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884 г. (кн. 2; перепечатаны въ сборникѣ П. И. Бартевева „Пушкинъ“, вып. II, стр. 50 и слѣд., и въ Сочиненіяхъ князя П. П. Вяземскаго, стр. 532 и сл.) напечатаны прекрасныя письма графини Д. Θ. Фикельмонтъ къ князю П. А. Вяземскому, — между прочимъ, о Пушкинѣ и его молодой женѣ, по лицу которой она уже тогда видѣла предчувствіе страшнаго горя. „Можетъ быть“, говоритъ по этому поводу П. И. Бартевевъ: „тутъ дѣйствовала и бессознательная ревность, такъ какъ она, по примѣру матери своей, высоко цѣнила и горячо любила гениальнаго поэта и, какъ сообщала мнѣ Нащокинъ, не въ силахъ бывала устоять противъ чарующаго вліянія его“ („Русск. Арх.“ 1911 г., кн. 9, 1-я обложка). Ея единственной дочери, графинѣ Елизаветѣ-Александрѣ (род. 1825), въ 1841 г. вышедшей за князя Эдмунда Клари-и-Альдрингенъ, князь П. А. Вяземскій посвятилъ посланіе (1863 г. Сочиненія, т. XII, стр. 33-34). — Возвращаясь къ Дневнику поэта, скажемъ, что Фикельмонтъ вернулся въ Петербургъ незадолго до раута 24-го ноября, на которомъ былъ Пушкинъ: онъ въ августѣ 1833 г. уѣзжалъ на короткое время въ Австрію („Остафьевскій Архивъ“, т. III, стр. 250), и еще 18-го числа Жуковскій посѣтилъ его въ Берлинѣ (Дневники В. А. Жуковскаго, С.-Пб. 1903, стр. 311). Въ 1834 г. Пушкинъ былъ у Фикельмонта на обѣдѣ (15-го марта) и на балу (10-го іюля) — см. ниже.

(Стр. 1). *Суццо* — князь Михаилъ, бывшій господарь Молдавіи; встрѣча съ нимъ воскрешала въ памяти Пушкина одно изъ наиболѣе яркихъ впечатлѣній и переживаній „Кишиневскаго“ періода его жизни, а именно — Греческое возстаніе; возстаніе это, возгорѣвшееся послѣ того, какъ 13-го января 1821 г. умеръ Валахскій господарь Александръ Суццо (дядя князя Михаила), необыкновенно живо чувствовалось въ Кишиневѣ. Гетеристы — члены Союза освобожденія Греціи, — поднялись для восстановленія своей бывшей свободы, для борьбы противъ своихъ угнетателей — турокъ; во главѣ повстанцевъ оказались: генераль-маіоръ Русской службы князь Александръ Константиновичъ Ипсиланти съ братьями,

князь Г. М. Кантакузенъ и другіе дѣятели, съ которыми Пушкинъ успѣлъ познакомиться по прїѣздѣ своемъ въ Кишиневъ; они съ отрядомъ всадниковъ перешли Прутъ по льду и направились къ Яссахъ. Жившій здѣсь новый господарь, красавецъ и любимецъ всемогущаго тогда Турецкаго министра Галеть-Эфенди, князь Михаилъ Суццо, не будучи, по словамъ И. П. Липранди, «въ тайнахъ гетеристовъ», былъ озадаченъ внезапнымъ появленіемъ Ипсиланти и Кантакузена въ Яссахъ, особенно, когда увидѣлъ, что не только вся его стража, тогда состоявшая изъ арнаутовъ, но и всѣ приближенные къ нему фанариоты взяли сторону гетеристовъ. Положеніе его сдѣлалось затруднительнымъ, и хотя Ипсиланти оставилъ-его на княженіи, но едва онъ поспѣшилъ изъ Яссъ, какъ господарь со всѣмъ семействомъ своимъ поспѣшилъ въ Скулянской карантинъ, а за нимъ началась и эмиграція, — кто куда попалъ, въ Австрію и къ намъ “ („Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1240). Между тѣмъ Ипсиланти, по прибытіи въ Яссы, тотчасъ обнародовалъ воззваніе къ молдаванамъ и грекамъ съ призывомъ на борьбу съ турками. Оттуда же князь А. Ипсиланти написалъ письмо Императору Александру, прося его о помощи, а также увѣдомилъ о своихъ планахъ Русскаго посланника въ Константинополь барона Строганова и генерала И. Н. Инзова. Русское правительство, изъ политическихъ соображеній, должно было отъвернуться отъ Ипсиланти, который вмѣстѣ съ братьями былъ исключенъ, 6-го марта 1821 г., изъ Русской службы, о чемъ Султанъ былъ увѣдомленъ черезъ Строганова. Дѣло Ипсиланти и Гетеріи было проиграно. Между тѣмъ, „всѣ симпатіи передового элемента въ Бессарабіи были“, по словамъ А. И. Яцимирскаго, „на сторонѣ греческихъ повстанцевъ, прежде всего, какъ героевъ, которыхъ ожидаетъ или слава, или мученичество. Пушкинъ страстно слѣдитъ за ходомъ возстанія, начало котораго почти совпало съ его прїѣздомъ въ Бессарабію... , сообщаетъ друзьямъ новости... , ведеть— правда очень недолго,— журналъ гетеріи и немного охладѣваетъ послѣ того, какъ четы Ипсиланти, потерпѣвъ окончательное пораженіе въ битвѣ съ турками подъ Скулянами и Драгашанами 29-го іюня, явились въ Кишиневъ настоящими „беженарями“ (бѣглецами) въ видѣ остатковъ деморализованныхъ шаекъ“. Греческимъ возстаніемъ вдохновлено стихотвореніе Пушкина „Возстанъ, о Греція, возстанъ“ (Сочиненія Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 169—170 и 615—616; Бессарабскія воспоминанія А. Ө. Вельтмана — въ сб. А. Н. Майкова „Пушкинъ“, С.-Пб. 1899, стр. 115—120; А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Графъ П. Д. Киселевъ и его время, т. I, С.-Пб. 1882, стр. 136—140, и т. IV, стр. 10—15; В. И. Семевскій, Политическія и общественныя идеи декабристовъ, С.-Пб. 1909, стр. 316; Сборникъ біографій кавалергардовъ, т. III, С.-Пб. 1906, стр. 196—201, въ жизнеописаніи князя А. Ипсиланти; „Нива“ 1912 г., № 5, стр. 94 — въ статьѣ Н. О. Лернера о Дневникѣ Пушкина). Михаилъ Суццо, послѣ начала возстанія, вмѣстѣ съ другими бѣженцами изъ Яссъ и Бухареста, поселился въ Кишиневъ, намѣреваясь затѣмъ ѣхать въ Италію, и Пушкинъ, въ своемъ Кишиневскомъ дневникѣ 1821 г., отмѣтилъ, подъ 9-мъ мая, что наканунѣ онъ былъ у князя Суццо (Н. О. Лернеръ, Изъ дневника Пушкина — „Нива“ 1912 г., № 5, стр. 93); говоря по этому поводу объ упоминаемыхъ въ дневникѣ князьяхъ Дм. и Александрѣ Ипсиланти, Н. О. Лернеръ пишетъ: „Нетрудно догадаться, о чемъ Пушкинъ, знакомый со всѣми братьями Ипсиланти, бесѣдовалъ съ княземъ Дмитріемъ, адъютантомъ генерала Н. Н. Раевского, въ семьѣ котораго Пушкинъ былъ принятъ, какъ жвой; о чемъ писалъ къ самому вождю возстанія и

зачѣмъ ходилъ къ господарю князю Михаилу Суццо. Свободолюбиваго и пылкаго поэта увлекала борьба, начатая подъ знаменемъ освобожденія угнетеннаго народа изъ-подъ вражескаго ига; манила его и самая обстановка войны. Въ августѣ 1821 г. на далекой сѣверъ до М. П. Погодина и Ф. И. Тютчева дошелъ слухъ, что Пушкинъ бѣжалъ изъ Бессарабіи къ возставшимъ грекамъ. . . Предположеніе, что Пушкинъ дѣйствительно намѣревался вступить въ Греческое войско и принять участіе въ возстаніи, далеко не невѣроятно "... (назв. соч., стр. 96). Имя Суццо связано съ Пушкинымъ еще по поводу запроса, обращеннаго къ его непосредственному начальнику, генералу Инзову, Начальникомъ Главнаго Штаба княземъ П. М. Волконскимъ: „До свѣдѣнія Его Императорскаго Величества дошло“, — писалъ Волконскій изъ Петербурга 19-го ноября 1821 г.: „что въ Бессарабіи уже открыты или учреждаются масонскія ложи подъ управленіемъ въ Измаилѣ г.-м. Тучкова, а въ Кишиневѣ нѣкоего князя Суццо, изъ Молдавіи прибывшаго; при первомъ должень находится также иностранецъ Элиаде-Фуа, а при второмъ Пушкинъ, состоящій при Вашемъ Превосходительствѣ и за поведеніемъ коего поручено было Вамъ имѣть строжайшее наблюденіе“; поэтому князь Волконскій предписывалъ Инзову „касательно-на Пушкина донести Его Императорскому Величеству, въ чемъ состоятъ и состояли его занятія со времени опредѣленія его къ Вамъ, какъ онъ вель себя и почему не обратили Вы вниманія на занятія его по масонскимъ ложамя? Повторяется вновь Вашему Превосходительству имѣть за поведеніемъ и дѣянїями его самый ближайшій и строгій надзоръ; равномерно Государь Императоръ повелѣваетъ Вамъ имѣть наблюденіе какъ за княземъ Суццо, такъ и за другими какими-либо лицами, въ обществѣ семъ замѣшанными“. . . Отвѣчая Волконскому 1-го декабря 1821 г., изъ Кишинева, по существу запроса, Инзовъ писалъ, между прочимъ: „Князя Суццо, кромѣ бывшаго господаря, другаго въ Кишиневѣ нѣтъ. Сей живетъ тихо, никуда не выѣзжаетъ, а бываетъ иногда у меня. Два брата его живутъ въ Одессѣ, а третій здѣсь, съ которымъ часто вижуся; но имъ не до ложъ масонскихъ. Кромѣ братьевъ князей Суццо, есть еще той же фамиліи Суццо два брата, удалившіеся отъ постигшихъ бѣдствїй. Одинъ женатъ, а другой холостъ. Живутъ въ Кишиневѣ весьма скромно. Они также далеки отъ того, чтобы затѣвать масонскую ложу и еще болѣе — управлять ею“. О поэтѣ Инзовѣ отвѣчалъ также успокоительно, говоря, что въ общемъ онъ „ведетъ себя изрядно“, и отрицалъ его вступленіе въ масонскую ложу („Русск. Стар.“ 1883 г., т. 40, стр. 654, 656, 657), хотя самъ Пушкинъ въ дневникѣ своемъ 1821 г. отмѣтилъ: „4 мая былъ принятъ въ масоны“. — Вѣроятно одному изъ вышеупомянутыхъ Суццо принадлежитъ книга, сохранившаяся въ библиотекѣ Пушкина: „Histoire de la Révolution Grecque. Par M. Alexandre Soutzo, témoin oculaire d'une grande partie des faits qu'il expose“, Paris. 1829, — толстый томъ въ 466 страницъ (съ портретомъ князя А. Ипсиланти), прочтенный поэтомъ лишь на-половину (Б. Л. Модзалевскій, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 340). Дальнѣйшая судьба князя Михаила Суццо, изъ Кишинева отправившагося „далѣе въ Россію“ („Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1240), была полна превратностей; одно время былъ онъ Греческимъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Французскомъ Дворѣ — и въ этомъ званіи и прибылъ въ Петербургъ (выбылъ отсюда въ Парижъ 27-го декабря 1833 г. — см. „Сѣв. Пчелу“ 1834 г., № 1, стр. 2). Прїѣздъ его въ Петербургъ стоялъ, вѣроятно, въ связи съ хлопотами о полученіи господарства: 22-го ноября 1833 г. въ столицу нашу

прибыль Турецкій посоль Александръ-паша, — для полюбовнаго выясненія вопроса о взаимоотношеніяхъ Молдавіи, Турціи и Россіи, — и по конвенціи 17-го января 1834 г. эти взаимоотношенія были опредѣлены, при чемъ избраніе господарей предоставлялось Турецкой Портѣ, но — изъ списка кандидатовъ, предлагаемыхъ Россіею. Первымъ такимъ господаремъ былъ, однако, назначенъ, въ 1834 г., Михаилъ Стурдза, управлявшій Молдавіею до 1849 года (А. П. Заблудскій-Десятовскій, Графъ П. Д. Киселевъ, т. II, стр. 418). — Князь Михаилъ Суццо, по словамъ Липранди, „по возстановленіи Греческаго Королевства, былъ, въ тридцатыхъ годахъ, посланникомъ въ Петербургъ; потомъ это мѣсто занялъ его сынъ [Иванъ], женатый на Обрѣзковой [Екатериинѣ Дмитріевнѣ, род. 1822, ум. 1874], и оставался на этомъ посту до упраздненія посольства, два года тому назадъ“ („Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1242; В. В. Руммель, Родословный Сборникъ, т. II, стр. 192). Дѣйствительно, князь Михаилъ Суццо, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Короля Греціи, прибылъ (изъ Парижа) въ Петербургъ 6-го сентября 1834 г. („Свѣ. Пчела“ 1834 г., № 204, стр. 814), но вѣрительныя грамоты свои представилъ Императору Николаю I лишь 2-го декабря, послѣ чего ему же былъ представленъ и сынъ Суццо — князь Іоаннъ (тамъ же, № 277, стр. 1205); 6-го декабря Императрицѣ представлялись жена и дочь Суццо (тамъ же, № 281, стр. 1221), а 16-го декабря Суццо — отецъ представлялся Наслѣднику престола — Великому Князю Александру Николаевичу (тамъ же, № 290, стр. 1253); въ 1836 году, въ качествѣ представителя Греціи, князь Михаилъ находился въ Петербургѣ, живя на Невскомъ проспектѣ въ домѣ княгини Голицыной подъ № 36 (Книга адресовъ С.-Петербурга на 1837 годъ, С.-Пб. 1837, стр. 208), и вмѣстѣ съ другими переживалъ горе смерти Пушкина, отдать послѣдній долгъ которому не могъ по причинѣ своей болѣзни. Та же болѣзнь, вѣроятно, помѣшала ему извѣстить свое правительство о дуэли и кончинѣ Пушкина, что онъ, несомнѣнно, сдѣлалъ бы по своему давнему съ нимъ знакомству (П. Щеголевъ, Дуэль и смерть Пушкина — „Пушк. и его соврем.“, вып. XXV—XXVII, стр. 202, 235). Въ 1860-хъ годахъ князь Михаилъ проживалъ въ Парижѣ („Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1243); умеръ въ Афинахъ въ 1864 г., на 80 году жизни (O. G. Lessa, Familiile Boerești Române, București. 1899, p. 572, 574).

(Стр. 1). *Пестель* — Павелъ Ивановичъ, главный дѣятель тайнаго общества „декабристовъ“, казненный 13-го июля 1826 г.; будучи подполковникомъ Мариупольскаго гусарскаго полка, онъ въ началѣ марта 1821 г. былъ командированъ генераломъ П. Д. Киселевымъ въ Бессарабію, въ Скуляны, на границу Валахія, для собранія свѣдѣній о греческомъ возстаніи, его причинахъ и ходѣ. Пушкинъ видѣлся съ нимъ въ Кишиневѣ и въ дневникѣ своемъ 1821 г. записалъ, подъ 9-мъ мая: „Утро провелъ я съ Пестелемъ; умный человекъ во всемъ смыслѣ этого слова. Мой соeur est matérialiste, говорить онъ: mais ma raison s'y refuse. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю“. 26-го мая, въ день рожденія Пушкина, Пестель провелъ у него вечеръ съ П. С. Пушковымъ и Н. С. Алексѣевымъ; видался онъ съ нимъ и у М. Ѳ. Орлова. Однако, Пестель не расположилъ къ себѣ поэта, который, рассказывая о знакомствѣ съ нимъ И. П. Липранди, говорилъ послѣднему, „что онъ ему не нравится“, и что, „несмотря на его умъ, который онъ искалъ высказывать философическими сентенціями, никогда бы съ нимъ не могъ сблизиться“ („Русск. Арх.“ 1866,

ст. 1258). Отмѣтка въ дневникѣ 1833 г. свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ не измѣнилъ своего недружелюбнаго отношенія къ Пестелю и впослѣдствіи (см. еще Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 52); однако, слѣдуетъ сказать, что поэтъ ошибался, приписывая Пестелю намѣреніе скомпрометировать дѣло Гетеріи въ глазахъ Императора Александра, представивъ ее „отраслью карбонаризма“: такого намѣренія у Пестеля не было, но онъ, въ своемъ донесеніи, не скрылъ, что желаніе греческихъ гетеристовъ, „на случай совершеннаго успѣха, состояло въ образованіи федеральной республики“ (Н. П. Павловъ-Сильванскій, Декабристы Пестель передъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, стр. 174), а въ другомъ докладѣ говорилъ: „Если существуетъ 800.000 итальянскихъ карбонариевъ, то, можетъ быть, грековъ, объединившихся въ братство съ политической цѣлью, еще больше... Самъ Ипсиланти, я полагаю, — только орудіе въ рукахъ тайной силы, которая пользуется его именемъ, какъ соединительной точкой“ (А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Графъ П. Д. Киселевъ и его время, т. I, С.-Пб. 1882, стр. 138—139, и т. IV, стр. 10—15). „Упомянутый о республикѣ, карбонаріяхъ, тайной силѣ было достаточно“, говоритъ Н. О. Лернеръ: „чтобы Русское правительство, служившее идеямъ Священнаго Союза, отшатнулось отъ Грековъ. Но въ этомъ уже не была виновата Пестель, старательно выполнившій возложенное на него порученіе“ („Нива“ 1912 г., № 5, стр. 98). См. О. фонъ-Фрейманъ, Пажи за 185 лѣтъ, Фридрихсгамнъ. 1897, стр. 165—166 и др.; А. Л. Слонимскій, Пушкинъ и декабрьское движеніе — въ Соч. Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 519).

(Стр. 1). *Императоръ Николай*, дѣйствительно, срочно, въ ночь на 24-е ноября, выѣхалъ, съ А. Х. Бенкендорфомъ, въ Москву по σ причинахъ поѣздки только догадывались. „Императоръ неожиданно выѣхалъ сегодня въ Москву“, читаемъ въ Дневникѣ сенатора П. Г. Дивова подъ 24-мъ ноября: „говорятъ, будто онъ намѣренъ проѣхать въ Курскъ... Нѣкоторые утверждаютъ, будто истинною причиною поѣздки Императора была дуэль, происшедшая въ Москвѣ между двумя генералами: княземъ Хилковымъ и Кабуловымъ. Вообще все очень порицаютъ эту неожиданную поѣздку, тѣмъ болѣе, что нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ имѣлъ разговоръ съ однимъ лицомъ, который умолялъ его беречь себя, такъ какъ благо Россіи зависитъ отъ него, и доказывалъ, что Государю не слѣдуетъ безъ надобности утомлять себя поѣздками, когда дѣло можетъ сдѣлаться и безъ него“ („Русск. Стар.“ 1900 г., № 4, стр. 136). Живыя подробности пятидневнаго пребыванія Николая I въ Москвѣ, куда онъ доѣхалъ менѣе, чѣмъ въ двое сутокъ, — см. въ письмахъ А. Я. Булгакова къ брату въ Петербургъ — „Русск. Арх.“ 1902 г., кн. I, стр. 609—624. Ср. ниже, запись Пушкина подъ 3-мъ декабря.

— (Стр. 1). *Энгельгардъ* — Василій Васильевичъ Энгельгардтъ (род. 14-го іюня 1785, ум. 20-го октября 1837 г.), отставной полковникъ, служившій въ молодости въ л.-гв. Финляндскомъ полку, а затѣмъ (1830) — по особымъ порученіямъ при Главноуправляющемъ путями сообщенія Принцъ Александръ Виртембергскомъ; членъ общества „Зеленой Лампы“, внучатный племянникъ князя Потемкина-Таврическаго, унаслѣдовавшій отъ него часть его несмѣтныхъ богатствъ, онъ былъ товарищемъ по воспитанію въ Іезуитскомъ пансіонѣ князя П. А. Вяземскаго, который оставилъ слѣдующую его характеристику: „расточительный богачъ, не пренебрегающій веселіями жизни, крупный игрокъ, впрочемъ, кажется, на вѣку своемъ болѣе проигравшій, нежели выигравшій, постройтель

въ Петербургѣ дома, сбивающагося немножко на Парижскій Пале-Рояль со своими публичными увеселеніями, кофейнями, ресторанами. Построеніе этого дома было событіемъ въ общественной жизни столицы. Пушкинъ очень любилъ Энгельгардта за то, что онъ охотно игралъ въ карты и за то, что очень удачно игралъ словами. Острыя выходки и забавные куплеты его ходили по городу (Сочиненія князя П. А. Вяземскаго, т. I, стр. XVII—XVIII). О домѣ Энгельгардта съ его увеселеніями упоминается еще въ „Маскарадѣ“ Лермонтова. Въ своемъ извѣстномъ посланіи къ Энгельгардту послѣ-лицейскаго періода (1819 г.) Пушкинъ называетъ своего знакольца: „счастливый беззаконникъ, лѣтливый Пинда гражданинъ, свобода, Вахха вѣрный сынъ, Венеры набожный поклонникъ и наслажденій властелинъ“. Онъ славился своими „лукулловскими“ объѣдами, и Пушкинъ, еще изъ Михайловскаго своего заточенія, писалъ брату: „Пришли мнѣ Цвѣтовъ да Эду, да повѣжай къ Энгельгартову объѣду“ (Переписка Пушкина, Академ. изд., т. I, стр. 165). Пушкину въ трудныя минуты не разъ, вѣроятно, приходилось прибѣгать къ займамъ у Энгельгардта; по крайней мѣрѣ, въ его посмертныхъ бумагахъ оказался вексель, выданный имъ 3-го мая 1834 г., срокомъ на годъ, на имя Энгельгардта въ суммѣ 1330 р., занятыхъ для уплаты долга Л. С. Пушкина (см. Б. Л. Модзалевскій, Архивъ опеки надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина—„Пушк. и его соврем.“, вып. XIII, стр. 9; Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 112). О балахъ-маскарадахъ въ домѣ Энгельгардта см. еще въ Воспоминаніяхъ Ю. К. Арнольда, вып. III, М. 1893, стр. 12—13, примѣч.; въ „Русск. Арх.“ 1885 г., кн. III, стр. 150—151, „Русск. Стар.“ 1899 г., № 9, стр. 656, „Истор. Вѣстн.“ 1911 г., № 5, стр. 542, 543, 546, 547, 548; Дневникъ А. Н. Вульфа—у Л. Н. Майкова, Пушкинъ, С.-Пб. 1899.

(Стр. 1). *Сухозанетъ* — Иванъ Онуфріевичъ (род. 11-го іюля 1788, ум. 8-го февраля 1861); сынъ бѣднаго выходца изъ Польши, при Екатеринѣ II перешедшаго въ Русскую службу, онъ воспитывался въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ (впослѣдствіи 2-й Кадетскій) Корпусѣ, откуда былъ выпущенъ подпоручикомъ въ инженерныя войска 10-го августа 1803 года; участвовалъ въ кампаніи противъ Наполеона въ 1807 г., послѣ чего, произведенный въ поручики, былъ переведенъ въ л.-гв. артиллерійскій баталіонъ и назначенъ адъютантомъ къ Инспектору конной артиллеріи генераль-маіору князю Льву Михайловичу Яшвилу (род. 1772, ум. 1836), родомъ грузину. Намекъ на противоположныя наклонности Сухозанета содержать въ себѣ и слова Энгельгардта о немъ, приводимыя Пушкинымъ („Это, очевидно, для того, чтобы дать другой оборотъ симъ заведеніямъ“), и позднѣйшая запись поэта, подъ 29-мъ ноября (см. ниже). Съ іюля 1810 г. Сухозанетъ былъ командиромъ конно-артиллерійской № 1 батареи, въ 1812 вновь переведенъ въ гвардейскую артиллерію, участвовалъ въ Отечественной войнѣ и получилъ Георгіевскій крестъ; большую часть кампаніи онъ провелъ, въ разныхъ должностяхъ, при князѣ Л. М. Яшвилѣ, который былъ начальникомъ всей артиллеріи дѣйствующей арміи. Съ 1812 г. уже генераль-маіоръ (черезъ 8 лѣтъ службы), онъ въ 1819 г. былъ начальникомъ артиллеріи гвардейскаго корпуса; въ 1824 году онъ женился на фрейлинѣ княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской (род. 1804, ум. 1861), — и бракъ этотъ выдвинулъ Сухозанета въ кругъ Петербургскаго большаго свѣта. Въ день 14-го декабря 1825 г. артиллерія Сухозанета выказала вѣрность Николаю I и по его приказу открыла картечный огонь по войскамъ, собравшимся на Сенатскую площадь. Отсюда началось благоволеніе Николая Павловича къ Сухозанету.

котораго онъ уже 15-го декабря 1825 г. пожаловалъ въ генераль-адъютанты, а въ день коронаціи, 22-го августа 1826 г., — въ генераль-лейтенанты; затѣмъ Сухозанетъ участвовалъ въ Турецкой кампаніи 1828—1829 г. и лишь въ самомъ началѣ Польской кампаніи 1831 г., ибо въ сраженіи на Гроховскомъ полѣ ему ядромъ оторвало правую ногу ниже колѣна; это прервало строевую службу Сухозанета: въ 1831 г. онъ былъ назначенъ главноуправляющимъ Артиллерійскимъ Училищемъ и Предсѣдателемъ Артиллерійскаго Комитета, въ 1832 г. — Директоромъ Военной Академіи, Членомъ Военно-Учебнаго Комитета, Главноуправляющимъ Главнымъ Инженернымъ Училищемъ, въ 1833 г. — Членомъ Военнаго Совѣта и (4-го сентября)—Главнымъ Директоромъ Пажескаго и всѣхъ сухопутныхъ Корпусовъ и Дворянскаго полка, а вслѣдъ затѣмъ — и Членомъ Совѣта о Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ. Во главѣ Военной Академіи Сухозанетъ оставался болѣе 20 лѣтъ и въ 1852 г. награжденъ былъ орденомъ Андрея Первозваннаго. Однако, говоритъ біографъ Сухозанета, „среди современниковъ память о немъ сохранилась довольно печальная. Хорошій артиллеристъ, человекъ, неуклонно стремившійся къ порядку и дисциплинѣ, онъ былъ плохой педагогъ и совсѣмъ не стоялъ на высотѣ своей задачи, какъ Директоръ Академіи. . . Научкамъ онъ совсѣмъ не придавалъ значенія, — главное для него была дисциплина“ (Великій Князь Николай Михайловичъ, Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, т. V, С.-Пб. 1909, № 98). Въ очень не симпатичныхъ чертахъ изображаетъ Сухозанета, какъ человекъ, въ своихъ Запискахъ Г. И. Филипповъ (М. 1885); репутація его вообще была незавидная. А. В. Никитенко, записывая въ дневникъ, послѣ представленія своего Сухозанету, что онъ „человѣкъ очень учтивый и пріятный“, замѣчаетъ, что „онъ своимъ обращеніемъ точно хочетъ опровергнуть неблагоприятные объ его характерѣ слухи“ (Записки и дневникъ, 1835 г., т. I, стр. 261—262). Скончался онъ въ чинѣ генерала-отъ-артиллеріи, который получилъ еще 22-го апрѣля 1834 г. Разсказъ Сухозанета о днѣ 14-го декабря 1825 г. напечатанъ въ „Русск. Стар.“ 1873 г., т. VII, стр. 361. Братъ Сухозанета, Николай Онуфріевичъ, Военный Министръ (1856—1861), былъ женатъ на княжнѣ Евдокіи Владиміровнѣ Яшвилъ, дочери одного изъ убійцъ Павла I — князя В. М. Яшвила (ум. 1815) и родной племянницѣ покровителя обоихъ Сухозанетовъ — князя Л. М. Яшвила (см. „Русскій Біограф. Словарь“, т. Я—Ө.; Н. М. Затворницкій, Память о членахъ Военнаго Совѣта, С.-Пб. 1907, стр. 141—148).

— (Стр. 1). *Дамскіе мундиры* — родъ формы для придворныхъ дамъ, установленный Николаемъ I. Еще 24-го ноября 1833 г. П. Г. Дивовъ занесъ въ свой дневникъ слухъ о томъ, что „поговариваютъ о законѣ противъ роскоши для придворныхъ дамъ, коимъ хотятъ присвоить однообразную форму“, а 2-го декабря писалъ: „Петербургъ занятъ преобразованиемъ въ костюмѣ фрейлинь и придворныхъ дамъ. Придумали новый, какъ говорятъ, національный костюмъ, который эти дамы будутъ обязаны носить въ дни большихъ выходовъ при Дворѣ. Это нѣчто въ родѣ офранцузеннаго сарафана, изъ бархата зеленого цвѣта — для статсъ-дамъ и пунцоваго — для фрейлинь“ („Русск. Стар.“ 1900 г., № 4, стр. 136). Изображенія этихъ костюмовъ въ раскрашенныхъ гравюркахъ были приложены при № 1 „Библіотеки для Чтенія“ 1834 года и при № 3 и 6 „Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду“. Графъ Д. И. Хвостовъ не пропустилъ случая по поводу этихъ костюмовъ или, какъ онъ выразился, „придворныхъ дамскихъ уборовъ“, написать особую 5-строфную „Русскую пѣсню, 1833 года Декабря 6 дня“:

Слава Матушкѣ Царицѣ!
Русской жалуеъ народъ,
Соблюдая и повѣрье,
Любитъ нашу старину,
И кокошникъ надѣваетъ,
И Царевенъ наряжаетъ
Въ сарафаны и фату.

Слава Матушкѣ-Царицѣ!
Русской жалуеъ народъ.

* * *

Чудотворца Николая
Величаеъ церковь день,
Вмѣстѣ празднуеъ Россія
День любимаго царя:
Женъ и дочерей Боярскихъ
Много, много въ храмъ вступило
Въ платьѣ Русскомъ давнихъ лѣтъ.

Слава Матушкѣ-Царицѣ!
Русской жалуеъ народъ.

* * *

Людь рабочій, православный
Вкругъ подъѣздовъ у дворца
Сталь о праздникѣ толковать,
Съ земляками толковать:
„Вотъ наряды, какъ въ деревнѣ,
Ну, Боярынямъ спасибо
Вновь теперь мы видимъ Русь“.

Слава Матушкѣ-Царицѣ!
Русской жалуеъ народъ.

* * *

Обитая въ сердцѣ, радость
Высгупаетъ на лицо,
Всѣ исполнены восторга
И другъ другу говорятъ
Мы слышали дѣдовъ рѣчи,
Что святое предковъ слово
Крѣпко, твердо безъ порукъ.

Слава Матушкѣ-Царицѣ!
Русской жалуеъ народъ.

* * *

Нужны ль прихоти чужія,
Гдѣ сияеъ красота,
Какъ въ ночи звѣзда небесна?
Подъ повязкой парчевой,

Восхитительна, прелестна
Лучше, нежели подь беретомъ,
Роза безъ прикрасть мила.
Слава Матушкѣ-Царицѣ!
Русской жалуеть народъ.

Эта пѣсня была тогда же отпечатана на отдѣльномъ листкѣ, — по обыкновенію графа Хвостова, — а профессоръ музыки Виленскаго Университета Атце сочинилъ на нее музыку (ноты продавались въ музыкальномъ магазинахъ Пеца, Рихтера и Лиснера — см. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 22-го февраля 1834 г., № 44, стр. 171). Пѣсня вошла и въ томъ VII „Стихотвореній графа Д. Я. Хвостова“, С.-Пб. 1834, стр. 203—205.—Ср. еще ниже, стр. 61, и запись Пушкина подь 4-мъ декабря 1833 г.

— (Стр. 1). *Вяз.* — князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (род. 12-го іюля 1792, ум. 10-го ноября 1878 г.), извѣстный писатель и поэтъ, одинъ изъ ближайшихъ и преданнѣйшихъ друзей Пушкина. Въ 1833 году онъ носилъ званіе камергера и занималъ должность Вице-Директора Департамента Внѣшней торговли и жилъ на Дворцовой набережной, у Прачепнаго моста, въ домѣ Баташева, — томъ самомъ, въ который въ 1834 г. переѣхалъ и Пушкинъ (Собраніе сочиненій князя П. П. Вяземскаго, С.-Пб. 1893, стр. 544 и 565); впоследствии онъ былъ ординарнымъ академикомъ Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности, Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, Членомъ Государственнаго Совѣта, Оберъ-Шенкомъ Высочайшаго Двора и состоящимъ при особѣ Императрицы Маріи Александровны. Пушкинъ былъ очень привязанъ къ нему и близокъ къ его женѣ, княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ, рожд. княжнѣ Гагариной (род. 6-го сентября 1790, ум. 8-го іюля 1886), и всей семьѣ ихъ, особенно къ единственному сыну ихъ, князю Павлу Петровичу (род. 1820, ум. 1888), въ альбомъ котораго записалъ свои извѣстные шуточные стихи „Душа моя Павелъ, Держись моихъ правилъ...“; въ статьѣ своей „А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ“ князь П. П. Вяземскій оставилъ много любопытныхъ и цѣнныхъ разсказовъ о Пушкинѣ; здѣсь онъ пишетъ, что въ бумагахъ его отца сохранилось, наряду съ извѣстными стихами коллективнаго творчества „Надо помянуть, непремѣнно помянуть надо“ (1833 г.), довольно много шуточныхъ стихотвореній за эпоху 1833—1834 г., — „между прочимъ и стихотворенія, которыя Мятлевъ называлъ „Poésies maternelles“. Этому шуточному направленію князь Вяземскій и Пушкинъ съ особенно выдающимся рвеніемъ предавались въ 1833—1834 гг., какъ будто съ горя, что имъ не удавалось устроить серьезный органъ для пропагандирования своихъ мыслей“ (Собраніе сочиненій князя П. П. Вяземскаго, С.-Пб. 1893, стр. 532—545 и др.).

— (Стр. 1). *Салтыковъ* — Сергѣй Васильевичъ (Пушкинъ ошибочно представилъ инициалы его имени и отчества; ср. ниже, въ записи подь 26-мъ января 1834 г.), извѣстный своими вечерами, которые онъ давалъ по вторникамъ (28-е ноября 1833 г. приходилось во вторникъ). Сынъ д. тайн. совѣтника В. П. Салтыкова, „Московскаго Боярина, памятнаго своимъ хлѣбосольствомъ и многими удовольствіями, которыя онъ доставлялъ Московской публикѣ“, — отъ брака съ княжною Е. М. Бѣлосельскою, онъ родился въ 1777 году, воспитывался вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола, Александромъ Павловичемъ, но за какую-то дер-

зость противъ него былъ удаленъ изъ дворца („Русск. Арх.“ 1878 г., кн. стр. 457); ему суждено было прожить въ Парижѣ, съ родителями, во время Французской революціи (тамъ-же, стр. 458); службу свою онъ началъ въ Конной гвардіи, въ которой 1-го января 1793 г. произведенъ былъ изъ вахмистровъ въ корнеты; въ концѣ 1797 г., будучи штабсъ-ротмистромъ Коннаго полка, онъ подвергся переводу въ армейскій Псковскій драгунскій полкъ, изъ котораго 15-го октября 1799 г. былъ возвращенъ въ Конную гвардію, а 16-го января 1800 г. уволенъ былъ въ отставку, послѣ чего больше никогда не служилъ (Полный списокъ... офицеровъ л.-гв. Коннаго полка, С.-Пб. 1886, стр. 142). Женившись на Александрѣ Сергѣевнѣ Салтыковой, приходившейся ему дальней родственницей, онъ имѣлъ большую семью, состоявшую изъ двухъ сыновей и пяти дочерей, и велъ широкую жизнь богатаго и независимаго барина. „Въ 1830-хъ годахъ въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ“, пишетъ князь Н. С. Голицынъ: „была извѣстна семья Салтыковыхъ: отецъ Сергѣй Васильевичъ — большой злоязычникъ, двѣ дочери — дѣвицы — не уступавшія ему въ этомъ, и младшій сынъ [Михаилъ], занимавшійся бездѣльемъ, ежедневно слонявшійся по Невскому проспекту и однажды вздумавшій издать собственнаго издѣлія книженку подъ заглавіемъ „Романъ въ двухъ главахъ“ („Русск. Стар.“ 1890 г., № 6, стр. 707). — В. В. Ленцъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ („Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ“) живо описываетъ С. В. Салтыкова, его семью и собранія у него. „Любопытное лицо“, пишетъ онъ (рассказъ его относится какъ разъ къ 1834 г.), „былъ Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, жившій въ собственномъ домѣ на Малой Морской и не пускавшій къ себѣ никакихъ жильцовъ. Всю зиму напролетъ у него собиралось по Вторникамъ высшее общество на танцевальныя вечера, при чемъ имѣлся маленькій бальный оркестръ... Не имѣвшій титула Салтыковъ былъ старшій въ родѣ. Свои Вторники онъ называлъ „Les Mardis européens“. Онъ былъ страшный болтунъ, но образованъ и полонъ познаній. Его значительная бібліотека заключала въ себѣ величайшія рѣдкости“, но „Салтыковъ не позволялъ никому читать даже на переплетахъ заглавія его книгъ. Если называли при немъ какую-нибудь книгу, онъ самъ выносилъ ее и говорилъ: „У меня все есть“. Онъ имѣлъ наружность придворнаго, ростъ — нѣсколько меньше средняго и широкія плеча. Онъ опускалъ свою выразительную голову такъ низко, что казался горбатымъ, чего однакожь вовсе не было. Въ этомъ положеніи онъ какъ будто искалъ чего-то на полу... Онъ пресерьезно рассказывалъ исторіи, въ которыя самъ не вѣрилъ, и сочинилъ для собственнаго своего обихода Русскую исторію, ссылаясь на которую, разсуждалъ объ историческихъ фактахъ такъ, что слушатель недоумѣвалъ, ужели это онъ находится въ знатномъ домѣ, въ собесѣдничествѣ съ умнымъ человекомъ, а не съ сумасшедшимъ. Графъ Бенкендорфъ, нанимавшій квартиру близъ Салтыкова... сказалъ будто бы ему разъ: „Покуда я живу возлѣ Васъ, Вы можете быть спокойны“. Показаться на улицѣ раньше 3 часовъ пополудни Салтыковъ считалъ ниже своего достоинства. Ровно въ 4 часа онъ ежедневно являлся въ книжный магазинъ Белизара (теперь Дюфура), что у Полицейскаго моста, и, не снимая шляпы, осматривалъ всѣ книги, хотя онъ за одинъ день и не могли переимѣниться; въ теченіе двухъ часовъ, стоя, перелистывалъ онъ ихъ, никому не кланялся, — лишь слегка кивнетъ головой на поклонъ знакомаго или протянетъ одинъ палецъ, если знакомый принадлежитъ къ высшему обществу. Затѣмъ онъ отбиралъ себѣ цѣлую грудку книгъ и тутъ же платилъ за нихъ наличными. Ровно въ 6 часовъ онъ возвра-

шался пѣшкомъ домой, пробѣгалъ мелкими, звонкими шагами по первой комнатѣ, въ которой былъ уже накрытъ столъ, и входилъ, еще со шляпой на головѣ, въ каминную, смежную съ библіотекой. Во второй комнатѣ, очень уютной, съ постоянно горѣвшимъ мраморнымъ прекраснымъ каминомъ, проводили до-обѣденное время его жена, дочери, сыновья и гости. Немногіе приходили безъ приглашенія, боясь злого хозяйскаго языка и его историческихъ откровеній, а приглашать Салтыковъ не имѣлъ обыкновенія. У перваго окна въ каминной стоялъ, собственно для него одного, столикъ съ микроскопическими сандвичами и цѣлой батареей водокъ на тяжеломъ серебряномъ подносѣ. Онъ выпивалъ одинъ стаканчикъ водки, клалъ себѣ въ ротъ крошечный кусочекъ хлѣба и, все еще со шляпой на головѣ, ни съ кѣмъ не здороваясь, какъ будто былъ одинъ-одинешенекъ въ комнатѣ, проходилъ, сильно стуча Испанской тростью, черезъ библіотеку въ свой кабинетъ. Онъ называлъ его своимъ „инкогнито“. Изъ кабинета онъ выходилъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, привѣтствовалъ весь собравшійся кружокъ, подавалъ гостю палець, знатнымъ гостямъ отвѣщивалъ сухой поклонъ и говорилъ: „пойдемте къ столу“. Въ это мгновеніе сыновья за его спиной нападали на водку. Къ изысканному богатому столу Салтыкова можно было весь годъ имѣть свободный доступъ; но должно было являться во фракъ, хотя самъ хозяинъ былъ всегда въ сюртукъ. За столомъ прислуживало множество лакеевъ въ ливреѣ. . . Салтыковъ за столомъ любилъ рассказывать что-нибудь изъ исторіи, и рассказъ его обыкновенно не имѣлъ конца. . . Въ 1834 году онъ еще продолжалъ разыгрывать роль „крайне-недовольнаго“, которая тогда уже была на-рѣдкость“. У Салтыкова была драгоценная коллекція табакерокъ, хранившаяся въ ящикахъ изъ зеркальнаго стекла и которую Салтыковъ никому не показывалъ. „По смерти его домъ и все движимое имущество были проданы. Двухэтажный домъ, съ низенькими уютными комнатами, былъ вполнѣ барское жилище. . . Даже самый входъ въ него, прямо съ тротуара въ нижній этажъ, дышалъ уютностью, благодаря камину, пылавшему между колоннъ этой длинной прихожей. Домъ безслѣдно исчез. . . Смерть Салтыкова едва-ли удостоилась какого-либо упоминанія въ обществѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ пользовавшемся его гостепріимствомъ. Я сожалею о немъ, какъ о потерѣ истинно оригинальнаго человѣка. . . Салтыковъ не бывалъ ни въ театрахъ, ни въ концертахъ; онъ былъ отшельникъ, эгоистъ, но это не мѣшало ему быть человѣкомъ съ сердцемъ“ („Русск. Арх.“ 1878 г., кн. I, стр. 456—460). Знаменитая библіотека Салтыкова, отмѣченная даже въ „Guide de voyageur à St.-Petersbourg“ (St.-P. 1840, р. 242), была впослѣдствіи продана и долгое время распродалась у Московскаго книгопродавца Готье („Русск. Арх.“ 1878 г., кн. I, стр. 459, примѣч.); случилось это уже по смерти Салтыкова, скончавшагося въ Петербургѣ 10-го мая 1846 г. (Петербургскій Некрополь, т. IV; его краткій некрологъ — въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1846 г., № 114). Злой языкъ Салтыкова отмѣченъ въ одномъ письмѣ А. И. Тургенева, который выразился о немъ, что „одинъ С. В. Салтыковъ представлялъ отца и мать въ карриатурѣ“ („Остафьевскій Архивъ“, т. II, стр. 87, 429). О Нижегородскомъ помѣстьѣ Салтыкова — „славнѣйшемъ“ селѣ Вѣздномъ, упоминаетъ графъ Д. И. Хвостовъ въ своихъ „Путевыхъ запискахъ“, изд. М. Н. Макаровымъ (М. 1824, стр. 31). „Оно“, читаемъ здѣсь: „богато и многолюдно, даетъ помѣщику každогодно около 100 тысячъ рублей. Церковь въ немъ и прекрасная, и огромная. Тутъ же имѣются потѣшныя рощи, въ коихъ видны понынѣ остатки садовъ, бесѣдокъ

и прочихъ увеселительныхъ затѣй во время пребыванія прежняго помѣщика Салтыкова, дѣйствительнаго камергера при Дворѣ Елисаветы Петровны“.

— (Стр. 1). *Гр. Орловъ* — графъ Алексѣй Ѳедоровичъ (род. 8-го октября 1786, ум. 9-го мая 1861), генераль-адъютантъ; въ 1833 году, весною, онъ былъ посланъ съ дипломатическою миссіею въ Константинополь, при чемъ, въ результатъ его искусныхъ переговоровъ съ Портою, былъ заключенъ оборонительный договоръ (26-го іюня 1833 г.), по которому Дарданеллы были закрыты для всѣхъ иностранныхъ военныхъ кораблей, кромѣ Русскихъ; въ награду графъ Орловъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи (11-го іюля); вслѣдъ за тѣмъ онъ сопровождалъ Императора Николая I въ его поѣздкѣ въ Австрію, съ которою были тогда заключены конвенціи по Турецкому и Польскому вопросамъ. Впослѣдствіи Орловъ былъ Начальникомъ III Отдѣленія и Шефомъ жандармовъ, Членомъ и Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и пожалованъ былъ княжескимъ титуломъ.

— (Стр. 1). *Турецкій посоль* — Муширь-Ахметъ-Паша (см. выше, стр. 41); онъ прибылъ въ Петербургъ 22-го ноября 1833 г. („Мѣсяцословъ на 1835 г.“, изд. Академіи Наукъ, стр. 243, 245, 247, 248; „Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 278; Н. К. Шильдеръ, Имп. Николай I, С.-Пб. 1903, т. II, стр. 680) въ сопровожденіи многочисленной свиты; ему было отведено помѣщеніе на Англійской набережной, въ домѣ графа Остермана-Толстого, нанятомъ за 12.000 р. въ мѣсяцъ („Русск. Стар.“ 1900 г., № 4, стр. 136). Свою кредитивную грамоту посоль поднесъ Императору Николаю 5-го декабря, а 17-го января 1834 г. былъ подписанъ новый трактатъ между Россіею и Турціею; 30-го января посоль получилъ отпускную аудіенцію и выѣхалъ изъ Петербурга 2-го февраля черезъ Москву, Тулу, Орель, Кіевъ и Скуляны (см. замѣтку въ „Русск. Стар.“ 1892 г., № 11, стр. 450—451). Говоря о блестящемъ балѣ во Дворцѣ 6-го декабря, на который было приглашено и посольство, К. Я. Булгаковъ писалъ брату: „Турки глаза растарасили, сколь они теперь ни кажутся образованнѣе. Посоль безъ бороды, молодой человекъ, хорошъ собою; отними у него эту глупую шапку, былъ тотъ же казацкій генераль съ Азіатскимъ, и то не очень, лицомъ. Онъ танцевалъ польскій съ Императрицею, ужиналъ за ея столомъ съ Австрійскимъ посломъ [графомъ Фикельмонтотомъ] и штатсъ-дамами, и въ его обращеніи я ничего не нашель ни страннаго, ни принужденнаго“ („Русск. Арх.“ 1904, кн. I, стр. 278, 280).

— (Стр. 1). *О Сухозанетѣ* см. выше, запись подъ 27-мъ ноября, и примѣчанія, стр. 43. О князѣ Львѣ Михайловичѣ *Яшивилѣ* — тамъ-же, стр. 43 и 44.

— (Стр. 1). *Ирокъ Мартыновъ* — Савва Михайловичъ (род. 17-го декабря 1780, ум. 3-го мая 1864), небогатый Пензенскій помѣщикъ, проживавшій сперва въ Москвѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ (дядя Мартынова, убившаго Лермонтова). Вигель, познакомившійся съ Мартыновымъ, своимъ дальнимъ родственникомъ, въ 1812 г., когда тотъ, передъ занятіемъ Москвы французами, бѣжалъ оттуда въ Пензу, рассказываетъ о немъ слѣдующее: „Съ ребячества былъ онъ примѣчательнень гнуснымъ безобразіемъ и чрезмѣрнымъ самолюбіемъ; въ первой молодости, получивъ первый офицерскій чинъ и владѣя только ста душами, оставилъ онъ службу и началъ думать о средствахъ замѣнить искусствомъ скудость даровъ Фортуны. Онъ началъ, какъ говорится, служить четыремъ королямъ [т. е., играть въ карты] и вѣрвать въ одного Вольтера, котораго, выучившись по-французски, онъ одного только прочиталъ: можно посудить о его правилахъ

и религиозных чувствахъ. Посвященный, наконецъ, во всё таинства картежной игры, онъ примѣтно началъ разживаться; удачно и расчетливо выставляемая имъ роскошь и смѣлая болтовня дали въ Пензѣ большой ему вѣсъ. Но онъ оставилъ ее, ибо Москва представляла ему гораздо богатѣйшую добычу. Жедринской [пріятель Мартынова], малый простой, пошелъ къ нему въ опеку, но никогда не могъ подняться до высоты его, хотя, впрочемъ, и геніальность Мартынова не простиралась далѣе обмана и фанфаронства“ (Записки, ч. IV, М. 1892, стр. 55—56). Поселившись въ Москвѣ, „главномъ центрѣ тогдашнихъ картежныхъ операцій“, Мартыновъ „подвизался“ тамъ со своимъ родственникомъ, также извѣстнымъ игрокомъ — И. Д. Дмитріевымъ (тамъ-же, стр. 88), а затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и прожилъ до самой своей смерти. „Главный партнеръ его былъ извѣстный Сухозанетъ, который за игрой всегда неизмѣнно его спрашивалъ: „Са ва?“ а Савва Михайловичъ всегда отвѣчалъ: „Савва? Vien“ или „mal“, смотря по игрѣ. Будучи страстнымъ игрокомъ въ карты, С. М. выигралъ у князя И. А. Голицына („Рябчика“) имѣніе Тосно, подъ Петербургомъ, и отдалъ его своей дочери, княгинѣ Н. С. Багратіонъ“ (А. Н. Нарцовъ, Матеріалы для исторіи дворянскихъ родовъ Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ, Тамбовъ. 1904, стр. 52—53). Внучатный племянникъ Мартынова, С. М. Загоскинъ (сынъ писателя), познакомившійся съ знаменитымъ игрокомъ уже не задолго до его смерти, пишетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ : „Мартыновъ былъ въ то время почти 80-лѣтній старикъ, весьма умный и любезный, но, какъ говорилосъ въ старину, „настоящій вольтерьянецъ“. Онъ жилъ въ прекрасной обстановкѣ, на Мойкѣ, въ домѣ Демидова, гдѣ помѣщался Англійскій Клубъ, въ которомъ онъ ежедневно проводилъ вечера за крупною карточною игрою. Выигрывая и проигрывая громадныя куши, Савва Михайловичъ по временамъ дѣлался настоящимъ богачемъ, но когда богатство его вылетало въ трубу, то онъ вовсе не печалился, надѣясь снова отыгратъся“ („Историч. Вѣстн.“ 1900 г., № 8, стр. 420—421; ср. № 1, стр. 45). Въ спискахъ членовъ С.-Петербургскаго Англійскаго Собранія Мартыновъ числился съ 1817 г. до смерти (см. Столѣтіе С.-Петербургскаго Англійскаго Собранія, С.-Пб. 1870, стр. 92). Онъ былъ друженъ съ баснописцемъ Крыловымъ (также членомъ Англійскаго Клуба), рассказъ о которомъ сообщилъ обѣдавшему у него 22-го октября 1844 г. А. В. Никитенку (Дневникъ, т. I, стр. 356).

— (Стр. 1). *Ирокъ Никитинъ* — Павелъ Ефимовичъ (род. 28-го іюня 1785, ум. 11-го мая 1842, погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры); происходя изъ старинныхъ дворянъ Тульской губерніи (В. И. Чернопятовъ, Тульскій Родословець, ч. VI, стр. 420), онъ началъ службу въ маѣ 1799 г. въ Полтавскомъ мушкатерскомъ полку, изъ котораго вышелъ подпоручикомъ въ январѣ 1803 г. и поступилъ въ Канцелярію Малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина, затѣмъ служилъ, съ 1808 г., въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, исполняя разныя порученія, въ Отечественную войну поступилъ въ Ополченіе и былъ старшимъ адъютантомъ и Правителемъ Канцеляріи сперва у Кутузова, а потомъ у барона Меллера-Закомельскаго, какъ главнокомандующаго Ополченіемъ. Прослуживъ затѣмъ, съ марта 1816 г., въ Комитетѣ Лифляндскихъ Дѣлъ, Никитинъ 5-го февраля 1819 г. перешелъ въ Сенатъ (уже въ чинѣ коллежскаго совѣтника) — за оберъ-прокурорскій столъ въ Межевой Департаментъ Сената (Формулярный списокъ, сообщенный Н. А. Мурзановымъ). Государственный Секретарь В. Р. Марченко рассказываетъ въ

Запискахъ своихъ, что, во время междоусарствія 1825 г., когда Сенатъ, предписавъ „о повсемѣстной присягѣ Императору Константину“, долженъ былъ послать къ нему самому донесеніе о томъ въ Варшаву, то служившій въ Сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ игрокъ-милліонеръ Никитинъ подарилъ наложницѣ министра Юстиціи князя Д. И. Лобанова-Ростовскаго 10.000 рублей за то, чтобы съ этимъ донесеніемъ послали въ Варшаву его вмѣсто обыкновеннаго сенатскаго курьера („Русск. Стар.“ 1896 г., № 8, стр. 445, и 1870 г., т. I, стр. 254; разсказъ Никитина объ этой повздки см. въ Дневникѣ П. Г. Дивова — „Русск. Стар.“ 1897 г., № 3, стр. 466 и 467; Н. К. Шильдеръ, Имп. Николай I, т. I, 1903, стр. 196, 252). Исправляя, съ іюня 1826 г., должность Оберъ-Прокурора въ Межевомъ Департаментѣ Сената, Никитинъ съ 6-го іюля 1826 г. состоялъ въ чинѣ статскаго совѣтника, находился въ Комиссіи о коронаціи Николая I, а потомъ числился (съ 1829 г.) за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ I Департаментѣ Сената, гдѣ и пробылъ до самой смерти, будучи въ то же время (съ октября 1834 г.) членомъ Хозяйственнаго при Сенатѣ Комитета. Любопытную замѣтку о Никитинѣ находимъ мы въ Дневникѣ пріятеля Пушкина — А. Н. Вульфа, который въ 1828 г. записалъ: „Обѣдалъ я у одного извѣстнаго Г. Никитина, чловѣка, нажившаго себѣ карточною игрою большое состояніе, — случай довольно рѣдкій; онъ весьма забавенъ: занятый своимъ богатствомъ, онъ вездѣ старается оное выказать; также хочетъ онъ быть чловѣкомъ лучшаго тону и коротко знакомымъ съ высокою аристократіею. Но все это ему не удается, вездѣ видна въ домѣ нечистота и безвкусіе, которая даетъ дурное понятіе и о хозяйкѣ, — она точно и оправдываетъ такое мнѣніе объ ней. Люди, которые у него бываютъ, по большей части его кліенты и почитатели, громко вторящіе все, что говоритъ хозяинъ“ (М. Л. Гофманъ, Дневникъ А. Н. Вульфа — „Пушк. и его соврем.“, вып. XXI—XXII, стр. 9—10 и 15). На комъ именно былъ женатъ Никитинъ, мы не знаемъ (у жены его было 500 душъ крестьянъ въ Ольвѣпольскомъ уездѣ Херсонской губерніи и каменный домъ въ Одессѣ); единственный сынъ его Василій (род. въ 1813 г.) служилъ въ л.-гв. Гусарскомъ полку (1836—1852).

— (Стр. 2). *О дамскихъ мундирахъ* см. выше, стр. 44—46 и 61, и ниже.

— (Стр. 2). *Бринкенъ* — подпоручикъ л.-гв. Семеновскаго полка Рихардъ Егоровичъ (или Романъ Григорьевичъ, какъ значится въ полковомъ спискѣ) фонъ-день-Бринкенъ, только въ 1833 году получившій этотъ чинъ; онъ началъ службу въ этомъ полку въ 1831 году подпрапорщикомъ (П. П. Диринъ, Исторія л.-гв. Семеновскаго полка, С.-Пб. 1883, приложенія, стр. 45) и принадлежалъ къ древнему Вестфальскому роду, внесенному въ матрикуль Курляндскаго дворянства еще 17-го октября 1620 года (Я. И. Лудмеръ, Княжескія, графскія и баронскія фамиліи Прибалтійскихъ губерній. Матеріалы для родословій, Вып. I, Митава. 1902, стр. 195—205). Проступокъ Бринкена состоялъ въ систематическомъ обкрадываніи магазиновъ. Такъ, еще 29-го сентября 1833 г. К. Я. Булгаковъ писалъ брату въ Москву: „Говорятъ, поддѣли Англійскій магазинъ на нѣсколько тысячъ. Кто-то пріѣхалъ въ мундирѣ, выбралъ разныхъ вещей для больной своей жены и просилъ прислать къ ней близко въ трактиръ Лондонъ съ кѣмъ-нибудь изъ соотѣмъ, называясь гр. Ламсдорфомъ. Тотъ является. Дѣвка съ мнимымъ Ламсдорфомъ выходитъ и говоритъ своему барину, что къ барынѣ нельзя теперь войти. Онъ, чтобы Англичанину не дожидаться, беретъ у него вещи, входитъ въ спальню, и кончается тѣмъ, что онъ и дѣвка исчезаютъ черезъ заднюю лѣстницу. Подождавъ съ часъ, Англичанинъ вглядывается въ мнимую спальню, — нѣтъ никого,

дальше видеть лѣстницу и догадывается, что его обманули. Пошелъ къ хозяину; тотъ говорить, что не знаетъ жильца, что онъ за часъ пришелъ посмотрѣть квартиру, даль задатокъ и сказалъ, что пойдетъ за паспортномъ; вмѣсто того,— скорѣе въ Англійскій магазинъ и успѣлъ еще обокрасть. Посмѣюсь надъ ними; кажется они очень осторожны, а тутъ схватили тысячи на 4, говорятъ, убытку“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 270). 24-го ноября Булгаковъ писалъ брату: „Кажется, я тебѣ рассказывалъ объ украденномъ въ Англійскомъ магазинѣ серебрѣ, весьма искуснымъ образомъ, но искусство не спасло виновнаго. Онъ хотѣлъ было то же сдѣлать у Русскаго купца, торгующаго оружейными вещами; но тотъ былъ догадливѣе, — и этотъ несчастный былъ схваченъ. У него нашли и то серебро еще въ цѣлости. Кто этотъ несчастный? Офицеръ, дворянинъ. Онъ исключенъ и, говорятъ, Государь приказалъ его отослать въ Курляндію, предоставивъ дворянству его судить. Онъ оттуда. Онъ или сумасшедшій, или у него есть болѣзнь. Служа въ Петербургѣ, ну какъ могъ онъ надѣяться, что его не встрѣтятъ, не узнаютъ? Право, больно за несчастное семейство его, особливо, если родители его живы, хотя, конечно, его безчестіе не должно пасть на нихъ. Говорятъ, молодець собою и всегда былъ исправенъ въ полку“ (тамъ-же, стр. 279). Въ дневникѣ своемъ, подъ 8-мъ апрѣля и 3-мъ мая, Пушкинъ привелъ еще два слуха о дѣлѣ Бринкена, но невѣрныхъ. Бринкенъ былъ судимъ представителями Курляндской губерніи, но наказаніе было опредѣлено самимъ Императоромъ Николаемъ, что видно изъ слѣдующаго Высочайшаго указа: „Г. Рижскому военному губернатору и генераль-губернатору Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому. — Разсмотрѣвъ представленный мнѣ Вами чрезъ Военнаго Министра приговоръ представителей дворянства Курляндской губерніи, постановленный надъ преданнымъ мною ихъ сужденію тамошнимъ дворяниномъ, выключеннымъ изъ службы гвардіи подпоручикомъ Рихардомъ фонъ-денъ-Бринкеномъ, который слѣдствіемъ и собственнымъ своимъ сознаниемъ изобличенъ въ ложномъ себя именованіи и воровствѣ изъ нѣкоторыхъ С.-Петербургскихъ магазиновъ и у ремесленниковъ разныхъ вещей, въ находя приговоръ сей соответственнымъ винѣ подсудимаго и сообразнымъ съ общими Государственными узаконеніями, я утверждаю оный въ полной силѣ и сообразно съ тѣмъ повелѣваю: лишивъ подпоручика Рихарда фонъ-денъ-Бринкена чиновъ, дворянскаго достоинства, знаковъ отличія и исключивъ имя его изъ числа дворянъ Курляндской губерніи, отослать его къ Командиру Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса для опредѣленія на службу въ одинъ изъ тамошнихъ линейныхъ баталіоновъ рядовымъ безъ выслуги, подъ именемъ Рихарда Егорова, съ воспрещеніемъ навсегда именоваться фамиліею фонъ-денъ-Бринкенъ. — Вамъ поручаю привести приговоръ сей въ надлежащее исполненіе. — Николай. — С.-Петербургъ, 23 февраля 1834 г.“ (Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, т. V, С.-Пб. 1903, стр. 632). Наконецъ, 27-го апрѣля 1834 г. Министръ Юстиціи Д. В. Дашковъ (знакомецъ Пушкина, одинъ изъ „Арзамасцевъ“) „предложилъ“ копію вышеприведеннаго Высочайшаго указа Правительствующему Сенату, присовокупивъ, „что Государю Императору, какъ видно изъ отношеній г. генераль-адъютанта графа Чернышева [Военнаго Министра], благоугодно, дабы указъ сей былъ принятъ токмо для свѣдѣнія, а не для опубликованія“ (тамъ-же, т. VIII, стр. 579). Такимъ образомъ, дѣлу не было придано огласки, въ полковой же исторіи при имени Бринкена отмѣчено, что онъ „исключенъ изъ службы за нерадѣніе“ (П. Диринъ, назв. соч., прилож., стр. 45). Дальнѣйшихъ свѣдѣній о

Бринкенъ мы не имѣемъ; скажемъ лишь, что, будучи сосланъ рядовымъ въ Оренбургскій Отдѣльный Корпусъ, онъ попалъ подъ начальство его Командира — гуманнаго и просвѣщеннаго В. А. Перовскаго, друга Жуковскаго и хорошаго знакома Пушкина, который, въ бытность свою въ Оренбургѣ въ сентябрѣ 1833 г., у Перовскаго и останавливался.

— (Стр. 2). *Молодая графиня Штакельбергъ* — графиня Аделаида Павловна Штакельбергъ (род. 24-го апрѣля 1807, ум. 7-го ноября 1833 г.), рожд. графиня Тизенгаузенъ, дочь сенатора, д. тайн. совѣтника графа Павла Ивановича Тизенгаузена (род. 1774, ум. 1864) отъ брака его съ графиней Юліей Павловной фонъ-деръ Паленъ, — съ 30-го декабря 1832 г. — вторая жена Лифляндскаго помѣщика и ландрата графа Рейнгольда-Андрея Штакельберга (род. 25-го іюля 1797, ум. 10-го ноября 1869); она приходилась родною племянницею перваго мужа Елизаветы Михайловны Хитрово, — флигель-адъютанта графа Ѳедора Ивановича Тизенгаузена (смертельно раненаго подъ Аустерлицемъ и умершаго 2-го декабря 1805) и, слѣдовательно, двоюродною сестрою дочери послѣдняго — графини Дарьи Ѳедоровны (Долли) Фикельмонтъ (см. выше). Новорожденная дочь графа Штакельберга — графиня Аделаида Андреевна (род. 21-го октября 1833) — впоследствии (10-го мая 1853) вышла замужъ за графа Эвальда Унгернъ-Штернберга (Князь П. В. Долгоруковъ, Россійская Родословная Книга, ч. III, стр. 263, 264, 269, и сообщ. А. А. Сиверса).

— (Стр. 2). „*Les enfants d'Edouard*“ — трагедія французскаго поэта Казимира Делавиня (ум. 1843), въ 3-хъ актахъ, съ большимъ успѣхомъ представленная въ Парижѣ впервые 18-го мая 1833 г. и долго державшаяся на сценѣ благодаря своей поэтичности, соединенной съ интересомъ исторической фабулы, посвященной нѣсколько мелодраматическому изображенію отроковъ-дѣтей Англійскаго Короля Эдуарда IV — Эдуарда и Ричарда, убитыхъ въ 1483 г. дядей ихъ, герцогомъ Глочестерскимъ. Въ Петербургѣ пьеса эта дана была въ новомъ, открытомъ лишь 8-го ноября 1833 г. Михайловскомъ театрѣ, построенномъ архитекторомъ А. П. Брюлловымъ. Театръ, вызывавшій общіе восторги (см., напр., „Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 276), сразу „сдѣлался рандеву большаго свѣта. Бель-этажъ и первый рядъ креселъ были абонированы цвѣтомъ аристократіи и дипломатическаго корпуса. Дамы являлись въ бальныхъ костюмахъ, мужчины во фракахъ, военные въ мундирахъ, — и отъ того зала имѣла видъ блестящаго салона“ (А. И. Вольфъ, Хроника Петербургскихъ Театровъ, ч. I, С.-Пб. 1877, стр. 37). Драма Делавиня давалась на Михайловскомъ театрѣ и въ 1834 г. (см., напр., „Сѣв. Пч.“ 1834 г. № 3).

— (Стр. 2). *Экзернъ* — Нидерландскій повѣренный въ дѣлахъ (съ 1823) и посланникъ (съ 1826 г.) въ Петербургѣ баронъ Геккеренъ (baron Jacob-Théodore-Borhardt-Anne — по другимъ даннымъ Louis-Borchart — van Heeckeren de Beverwaert, род. 30-го ноября 1791, ум. 27-го сентября 1884), приемный отецъ будущаго убійцы Пушкина, барона Дантеса-Геккерена, сыгравшій въ дѣлѣ о дуэли и смерти поэта роковую роль и вынужденный вслѣдствіе этого покинуть Россію. По мнѣнію П. Е. Щеголева, это былъ „человѣкъ средній, душевно-мелкій, какихъ много въ обшественности“; „не случись“, говоритъ онъ: „роковой дуэли, исторія, несомнѣнно, не сохранила бы и самаго его имени“ (Дуэль и смерть Пушкина — „Пушк. и его соврем.“, вып. XXV—XXVII, стр. 08—09). Князь П. А. Вяземскій говоритъ про Геккерена, что онъ „дѣлалъ пакости изъ любви къ пакостямъ, какъ мы видѣли это въ исторіи Пушкина“ (Сочиненія, т. X, стр. 200);

по словамъ другого современника, хорошо освѣдомленнаго, — Н. М. Смирнова, это былъ „человѣкъ злой, эгоистъ, которому всё средства казались позволительными для достиженія своей цѣли, извѣстный всему Петербургу злымъ языкомъ, перессорившій многихъ, презираемый тѣми, которые его проникли“ („Русск. Арх.“ 1882 г., кн. I, стр. 234), но умный: недаромъ княгиня Ливень поставила его, вмѣстѣ съ графомъ Фикельмонгомъ, въ разрядъ „gens d'esprit“ (П. Е. Щеголевъ, назв. соч., стр. 08); онъ былъ любитель, знатокъ и собиратель картинъ и древностей; „о правдѣ“ говоритъ другой современникъ, баронъ Э. Торнау: онъ „имѣлъ собственныя, довольно широкия понятія, чужимъ прегрѣшеніямъ спуска не давалъ; въ дипломатическомъ кругу сильно боялся его языка и, хотя не долюбивали, но кланялись ему, опасаясь отъ него злого слова“ („Историч. Вѣстн.“ 1897 г., № 1, стр. 66). „Крѣпкій въ правилахъ свѣтскаго тона и въ условной свѣтской нравственности, но морально неустойчивый въ душѣ; себялюбеть, не останавливающаяся и передъ низменными средствами въ достиженіяхъ; дипломатъ консервативнѣйшихъ по тому времени взглядовъ, неспособный ни цѣнить, ни раздѣлять передовыхъ стремленій своей жизни, не увидавшій въ Пушкинѣ ничего, кромѣ фрондирующаго камеръ-юнкера, человѣкъ духовно ничтожный, пустой,“ — такимъ рисуется Геккеренъ П. Е. Щеголеву, изучавшему вопросъ о дуэли Пушкина и о тѣхъ лицахъ, которые сыграли въ ней ту или иную роль (назв. соч., стр. 010); въ его трудѣ можно найти и болѣе подробныя свѣдѣнія о Геккеренѣ, и его портретъ (при стр. 08); см. также книгу А. С. Полякова: О смерти Пушкина, Пгр. 1922.

— (Стр. 2). *Блай* — Англійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ Bligh, — быть можетъ одинъ изъ трехъ сыновей англійскаго адмирала William Bligh (род. 1754, ум. 1817), извѣстнаго своими морскими приключеніями, одно изъ которыхъ послужило сюжетомъ для поэмы Байрона „Островъ“.

— (Стр. 2). *Бутурлинъ* — Дмитрій Петровичъ (род. 30-го апрѣля 1790, ум. 9-го октября 1849), въ свое время видный и авторитетный писатель въ области военной исторіи; нѣкоторые труды его имѣютъ значеніе и до сихъ поръ (писаны они почти исключительно на французскомъ языкѣ; по-русски издана только его „Исторія Смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII столѣтія“, 2 т., С.-Пб. 1839—1841); назовемъ изъ нихъ только тѣ, которые сохранились въ личной библіотекѣ Пушкина: „Relation historique et critique de la Campagne des Austro-Russes en Italie en 1799“, St.-Pétersbourg. 1812 (первое его сочиненіе), „Военная исторія походовъ Россіяны въ XVIII столѣтіи“, переводъ съ французскаго языка А. Хатова и А. Корниловича, 4 т., 1819—1823; „Histoire militaire de la Campagne de Russie en 1812“, 2 т., Paris. 1824 (Б. Л. Модзалевскій, Библіотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1908, стр. 16—17 и 175). Службу Бутурлинъ началъ въ Ахтырскомъ гусарскомъ полку, потомъ перешель въ Кавалергардскій полкъ, оттуда — въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части, участвовалъ въ Отечественномъ войнѣ вплоть до взятія Парижа, былъ адъютантомъ у Начальника Главнаго Штаба князя П. М. Волконскаго (съ 1816 г.), въ 1817 г. пожалованъ во флигель-адъютанты, въ 1823 г. былъ прикомандированъ къ Французской арміи, посланной Людовикомъ XVIII въ Испанію для возстановленія тамъ короля Фердинанда VII, и за отличіе при штурмѣ крѣпости Трокадеро былъ награжденъ орденомъ Владиміра 3 ст. (поэтому его прозвище было „Трокадеро“ — „Русск. Арх.“ 1901 г., кн. III, стр. 403). Генераль-майоръ съ 1824 г., онъ вскорѣ былъ назначенъ членомъ Военно-Ученаго Комитета; послѣ Турецкой

войны 1828—1829 г., въ которой онъ участвовалъ въ качествѣ генераль-квартирмейстера второй арміи, онъ вышелъ въ отставку и оставался не у дѣлъ до 14-го мая 1833 г., когда былъ назначенъ сенаторомъ Межевого Департамента Сената и произведенъ въ тайные совѣтники. Пользуясь репутаціею знатока теории и исторіи военнаго искусства (что и давало поводъ прибавлять къ его имени — имя знаменитаго спеціалиста по этой части, генераль-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи и почетнаго члена Имп. Военной Академіи барона Генриха Вильямовича Жомини), Бутурлинъ, послѣ изданія въ 1829 г. перевода 2-хъ частей его изслѣдованія „Картина войнъ Россіи съ Турціею“ (3-я часть была составлена Ф. Булгаринымъ), ничего болѣе не написалъ, если не считать небольшого некролога (на французскомъ языкѣ) князя Васильчикова (1847 г.); между тѣмъ, назначенный, 6-го декабря 1840 г., Членомъ Государственнаго Совѣта, онъ съ 1-го января 1845 г. по день смерти былъ Директоромъ Имп. Публичной Библіотеки, особенную же, и притомъ крайне тяжелую память оставилъ по себѣ, какъ Предсѣдатель учрежденнаго въ пору крайней реакціи негласнаго цензурнаго Комитета 1848 г., доведшаго цензурныя строгости и преслѣдованія до крайняго предѣловъ и вызвавашаго со стороны извѣстнаго профессора-цензора А. В. Никитенка вопль: „Бутурлинъ дѣйствуетъ такъ, что становится невозможнымъ что бы то ни было писать и печатать . . .“ Бутурлинъ умеръ въ ночь на 9-е октября 1849 г., и смерть его очень огорчила Императора Николая, считавшаго ее „истинною потерю“ (см. изданіе: „Императорская Публичная Библіотека за сто лѣтъ. 1814—1914“, С.-Пб. 1914, стр. 158—183, съ портр.). Какую именно карту, составленную Бутурлинымъ, разсматривалъ Пушкинъ съ Блайемъ, намъ неизвѣстно. Бутурлина же онъ могъ посѣтить съ цѣлю полученія какихъ-либо матеріаловъ по исторіи Пугачевщины, которую тогда уже занимался (однако, имени Бутурлина мы въ этомъ трудѣ Пушкина не встрѣчаемъ) и для обозрѣнія его коллекцій: по словамъ графа М. Д. Бутурлина, „онъ былъ аматёръ художества“ и имѣлъ собраніе картинъ („Русск. Арх.“ 1901 г., кн. III, стр. 403). Бутурлинъ былъ женатъ на Елизаветѣ Михайловнѣ Комбурлей (ум. въ Парижѣ въ 1859 г.), извѣстной въ свое время красавицѣ („Русск. Арх.“ 1887 г., кн. II, стр. 495 и 1897 г., кн. III, стр. 538; „Русск. Стар.“ 1899 г., № 7, стр. 9).

— (Стр. 2). *Великій Князь* — Михаилъ Павловичъ (род. 28-го января 1798, ум. 28-го августа 1849); младшій братъ Императора Николая (который былъ старше его на 1½ года), онъ въ 1833 г. носилъ званія: генераль-адъютанта, генераль-фельдцейхмейстера, генераль-инспектора по инженерной части, командира Отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, главнаго начальника Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго Полка и Предсѣдателя Комитета о составленіи устава воинской пѣхотной службы (Мѣсяцесловъ на 1834 г., ч. I, стр. 156). Человѣкъ живой и остроумный, большой каламбуристъ (см. ниже, запись Пушкина подъ 28-мъ февраля), съ виду строгій до придирчивости и взыскательный, но въ сущности добрый, онъ пользовался любовью офицерства и воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, былъ искренно преданъ свѣдому брату и являлся вѣрнымъ и нелицемѣрнымъ его помощникомъ и сподвижникомъ. Пушкинъ относился къ нему съ непринужденной простотой (см. ниже, записи о немъ). По поводу одного дружески-благожелательнаго письма Михаила Павловича къ К. Я. Булгакову отъ 20-го декабря 1833 г. П. И. Бартеневъ пишетъ: „Высокая и въ высшей степени примѣчательная личность этого человѣка почти неизвѣстна въ Русской исторической печати; да и въ

обществѣ, благодаря нашему легкомыслию и всяческой небрежности, сохранились преданія не столько о нравственныхъ качествахъ его, достойныхъ по-дражанія и благодарной памяти потомства, сколько объ его остроловіи и о неумолимой строгости въ соблюденіи воинскихъ формъ. Впрочемъ, Великій Князь считалъ долгомъ скрывать лучшія стороны души своей и большинству современниковъ казался человѣкомъ по-преимуществу вспыльчивымъ, шероховатымъ, даже страшнымъ. А между тѣмъ онъ былъ прежде всего человѣкъ добрый и сверхъ того — необычайно честный и правдивый, пламенно-преданный своему брату-Государю и своему Отечеству. По природной горячности нрава онъ иногда требовалъ того же и въ той же степени отъ другихъ. Вотъ почему знали его, какимъ онъ былъ, въ сущности немногіе, только близкіе къ нему люди, да тѣ, которые обращались къ нему съ просьбою въ своихъ трудахъ, и никогда не получали отказа. Въ семь послѣднемъ отношеніи рука его была неоскудѣвающая. Десятки лѣтъ сряду благотворилъ онъ, и благотворилъ тайно, такъ что иногда совершенно разстраивалъ свои денежные дѣла... Недаромъ, — заключаетъ П. И. Бартеевъ свою характеристику: „поэтъ Пушкинъ такъ высоко цѣнилъ и любилъ Великаго Князя Михаила Павловича“ („Русск. Арх.“ 1873 г., кн. I, стр. 0424 и 0425; ср. еще характеристику его — „Русск. Арх.“ 1905 г., кн. III, стр. 235 и рассказъ А. О. Смирновой въ передачѣ Я. П. Полонскаго — „Голосъ Минувшаго“ 1917 г., № 11—12, стр. 165—167). Супруга Великаго Князя — Великая Княгиня Елена Павловна (род. 28-го декабря 1806, ум. 9-го января 1873), рожденная Принцесса Вюртембергская, на которой онъ женился 8-го февраля 1824 г., — славилась своею красотою, образованіемъ (въ Россіи она училась у Жуковского и Плетнева) и высокими душевными качествами, выдвинувшими ее, между прочимъ, въ первые ряды славныхъ дѣятелей освобожденія крестьянъ, — дѣла многихъ лѣтъ ея добродѣтельной жизни. Рассказъ Пушкина о представленіи ей см. ниже, подъ 26-мъ мая 1834 г. и въ письмѣ къ женѣ отъ 3-го іюня 1834 г. — Нѣкоторые, наиболѣе характерные приказы Великаго Князя Михаила Павловича по гвардейскому корпусу за 1816—1834 гг., весьма любопытные какъ для обрисовки личности Великаго Князя, такъ и для исторіи Русской гвардіи, приведены въ статьѣ М. К. Соколовскаго „Русская гвардія“ въ „Русск. Арх.“ 1905 г., кн. III, стр. 5—68; среди нихъ напечатанъ (стр. 55—58) и большой приказъ отъ 29-го ноября 1833 г., за № 171, въ которомъ подробно описанъ отмѣчаемый Пушкинымъ неприятный случай неисправности на полковомъ дежурствѣ: а именно, въ л.-гв. Конномъ полку, при внезапномъ пріѣздѣ туда 28-го ноября, около половины третьяго часа ночи, Великій Князь нашелъ большіе безпорядки, которые дали ему поводъ написать, что все то, что онъ видѣлъ въ дежурной комнатѣ, „болѣе походило на трактиръ, чѣмъ на мѣсто, гдѣ должны быть собраны офицеры, которымъ препоручено блюсти за порядкомъ въ полку“. Дѣло, однако, ограничилось выговоромъ высшему начальству, а съ виновныхъ офицеровъ обѣщано было „учинить примѣрное взысканіе“.

— (Стр. 2). *Открытие Александровской колонны* — памятника Императору Александру I на площади Зимняго Дворца — состоялось лишь 30-го августа 1834 г. (въ день именинъ Александра); Пушкинъ намѣренно уѣхалъ изъ Петербурга до торжества открытія, „чтобы не присутствовать на церемоніи вмѣстѣ съ камеръ-юнкерами, своими товарищами“ (см. ниже, запись его подъ 28-мъ ноября 1834 г.).

— (Стр. 3). *Императоръ Николай*, дѣйствительно, возвратился изъ 10-дневной поѣздки въ Москву 2-го декабря 1833 г. Онъ ѣхалъ съ необычайной быстротой и весь путь между столицами сдѣлалъ въ 38 часовъ, что отмѣтилъ и П. Г. Дивовъ въ своемъ Дневникѣ („Русск. Стар.“ 1900 г., № 4, стр. 136). Разсказъ о совершенно неожиданномъ прїѣздѣ Императора въ Москву и о пятидневномъ его тамъ пребываніи см. въ письмахъ А. Я. Булгакова къ брату — въ „Русск. Арх.“ 1902 г., кн. I, стр. 609—624.

— (Стр. 3). *Пушкинъ* познакомился съ Гоголемъ лично въ концѣ мая 1831 года, проводя лѣто съ молодою женою своею въ Царскомъ-Селѣ (Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 240). Онъ сразу же внушилъ къ себѣ восторженное отношеніе со стороны тогда еще только начинавшаго свое писательское поприще Гоголя. Въ 1833 году, зимою и весною, они неоднократно видались (тамъ-же, стр. 278, 279, 281), — между прочимъ, на извѣстныхъ „субботахъ“ Жуковского (В. И. Шенрокъ, Матеріалы для біографіи Гоголя, т. II, М. 1893, стр. 154), а послѣ чтенія Гоголя, въ концѣ декабря, Пушкинъ навѣстилъ его на его квартирѣ, но не засталъ дома и оставилъ записку, на которую Гоголь отозвался пространномъ письмомъ (отъ 23-го декабря) съ обѣщаніемъ побывать у Пушкина (Переписка, Акад. изданіе, т. III, стр. 68—70). „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ была прочтена Гоголемъ Пушкину вскорѣ по окончательной ея отдѣлкѣ и до отдачи А. Ф. Смирдину для напечатанія въ сборникѣ „Новоселье“, въ которомъ она и появилась (кн. II, стр. 475—569; ценз. разр. 18-го апрѣля 1834 г.) за подписью „Рудый-Панько“, съ датой 1831 г. и вмѣстѣ съ Пушкинскимъ „Анджео“. Не всѣ встрѣтили ее такъ благосклонно, какъ Пушкинъ; по крайней мѣрѣ Гоголь, на одномъ изъ скандальныхъ обѣдовъ еще 1832 г., „сомнительно и даже отчасти грустно покачалъ головой при похвалахъ, расточаемыхъ новой повѣсти: „Это вы говорите, сказалъ онъ, — а другіе считаютъ ее фарсомъ“ (В. И. Шенрокъ, назв. соч., т. III, М. 1895, стр. 80). Что касается ея, отмѣчаемой Пушкинымъ, оригинальности, то это вполне справедливо, несмотря на позднѣйшія указанія изслѣдователей на зависимость фабулы повѣсти Гоголя отъ романа Наръжнаго „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ“: зависимость здѣсь самая незначительная (тамъ-же, стр. 71, 157). Объ отношеніи Гоголя къ Пушкину см. въ книгѣ В. И. Шенрока, т. III, стр. 355—362, гдѣ приведено и письмо Гоголя къ Плетневу, вызванное извѣстіемъ о смерти поэта: „Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ!“ писалъ Гоголь. „Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу... О, Боже! Нынѣшній трудъ мой [„Мертвыя души“], внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо — и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!“ (Письма Гоголя, подъ ред. В. И. Шенрока, т. I, стр. 432). „Какъ странно, — пишетъ онъ тому же Плетневу. „Боже, какъ странно! Россія безъ Пушкина. Я прїѣду въ Петербургъ, и Пушкина нѣтъ. Я увижу васъ, и Пушкина нѣтъ. Зачѣмъ вамъ теперь Петербургъ? Къ чему вамъ теперь ваши милыя прежнія привычки, ваша прежняя жизнь? Бросьте все и ѣдемъ въ Римъ“. („Извѣстія Отдѣленія Русскаго яз. и словесности“, т. V, кн. 1, 1900 г., стр. 265).

О томъ „Ревизора“, записанной Пушкинымъ, см. статью П. О. Морозова въ сборникъ „Пушкинъ и его современники“ (вып. XVI, стр. 110—114) и ниже. *Запись Дневника Пушкина о чтеніи ему Гоголемъ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Тимоѣевичемъ“, какъ и праздничная запись о Гоголѣ 7-го апрѣля 1834 г., была приведена П. В. Анненковымъ, подъ видомъ „отдѣльныхъ замѣтокъ“ Пушкина, въ его „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“, С.-Пб. 1855, стр. 402. „Замѣтки Пушкина,“ говоритъ Анненковъ: „выражены чрезвычайно просто, откровенно и отличаются ясностью сердца и ума, какъ вообще и всѣ его поступки до минуты, когда пылкіе порывы темнили все въ глазахъ его и сбивали съ дороги...“*

— (Стр. 3). *Загряжская, Наталья Кирилловна, — рожд. графиня Разумовская (род. 5-го сентября 1747, ум. 19-го марта 1837), дочь генераль-фельдмаршала, Гетмана Малороссіи и Президента Академіи Наукъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго (род. 1728, ум. 1803), фрейлина Императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II, въ октябрѣ 1772 года вышедшая замужъ за Николая Александровича Загряжскаго, впоследствии оберъ-шенка, и въ 1821 году овдовѣвшая, но около двадцати лѣтъ до того развѣхавшаяся съ мужемъ, отъ котораго не имѣла дѣтей. Кавалерственная дама ордена св. Екатерины еще со времени Павла I (1799), она пользовалась большимъ вѣсомъ и значеніемъ въ придворныхъ и свѣтскихъ кругахъ Петербурга благодаря своему уму, сильному характеру и живости своего нрава, отзывчиваго на всѣ явленія жизни. Пушкинъ, во второмъ своемъ письмѣ къ невѣстѣ изъ Петербурга (отъ 20—30-го іюля 1830 г.), описалъ свое представленіе Н. К. Загряжской по поводу своего сватовства на Н. Н. Гончаровой, приходившейся Натальѣ Кирилловнѣ, по ея мужу, внучатною племянницею: братъ мужа Н. К. Загряжской — Иванъ Александровичъ (ум. 1807), кромѣ двухъ законныхъ дочерей — графини Софіи Ивановны де-Местръ и извѣстной фрейлины Екатерины Ивановны Загряжской, — имѣлъ еще побочную дочь или „воспитанницу“ — Наталію Ивановну, мать Н. Н. Гончаровой и будущую тещу Пушкина. Князь П. А. Вяземскій, познакомившійся съ Н. К. Загряжской около того же времени, что и Пушкинъ, въ своей „Старой записной книжкѣ“ набросалъ портретъ Натальи Кирилловны, которая, „по всѣмъ принятымъ условіямъ общежитійскимъ и по собственнымъ свойствамъ своимъ, долго занимала въ Петербургскомъ обществѣ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Въ ней,“ говоритъ онъ, „было много своеобразія, обыкновенной принадлежности людей (а въ особенности женщинъ) стараго чекана... Во многихъ отношеніяхъ Н. К. Загряжская не чужда была современности, но въ другихъ — сохранила отпечатокъ своей старины... Въ новомъ обществѣ, въ домѣ родственниковъ своихъ, князя и княгини Кочубеевыхъ, у которыхъ жила,“ говоритъ князь Вяземскій: „Загряжская была какою-то историческою представительницею временъ и царствій давно прошедшихъ. Она была — какъ эти старыя семейныя портреты, писанные кистью великаго художника, которые украшаютъ стѣны салоновъ новѣйшаго поколѣнія. Наряды, многія принадлежности этихъ изображеній давным-давно отжили; но черты лица, но сочувственное выраженіе физіономіи, обаяніе творчества, которое создало и передало потомству это изображеніе, все вмѣстѣ пробуждаетъ вниманіе и очаровываетъ васъ... Вы съ утонченнымъ и почтительнымъ чувствомъ удовольствія вглядываетесь въ эти портреты; вы засматриваетесь на нихъ; вы, такъ сказать, ихъ заслушиваетесь. Такъ и Пушкинъ заслушивался разсказовъ Натальи*

Кирилловны: онъ ловиль при ней отголоски поколѣннй и общества, которыя уже сошли съ лица земли; онъ въ бесѣдѣ съ нею находилъ необыкновенную прелесть историческую и поэтическую, потому что и въ исторіи много истинной и возвышенной поэзіи, и въ поэзіи есть своя доля исторіи. Нѣкоторыя драгоцѣнныя частички этихъ бесѣдъ имъ сохранены; но самое сокровище осталось почти непочатымъ“ (Сочиненія, т. VIII, стр. 184—185). Въ Запискахъ А. О. Смирновой читаемъ: „X. [т. е. Загряжская]—еще старыхъ временъ; она настоящая вольтеріанка, хотя и ходитъ къ обѣднѣ. Пушкинъ много разговариваетъ со старухой X. Она ему рассказываетъ невозможныя исторіи про доброе старое время, про Потемкина, Суворова, княжну Д., за которой ухаживалъ Потемкинъ, про всѣхъ фаворитовъ и всю исторію ихъ“ (ч. I, С.-Пб. 1894, стр. 70—71). Частый посѣтитель гостиной Н. К. Загряжской, В. И. Сафоновичъ рассказываетъ о ней: „Ей было уже болѣе 80 лѣтъ, но она сохранила и умственныя способности, и всю теплоту сердца, за что ее всѣ любили. Каждый вечеръ собиралось къ ней множество посѣтителей для составленія ей партіи въ бостонъ или просто посидѣть и встрѣтиться со знакомыми, но главнѣйше — повидаться съ княземъ Кочубеемъ, занимавшимъ первый постъ въ Имперіи—Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, — человѣкомъ съ большимъ вліяніемъ и поэтому нужнымъ. Эти люди являлись не надолго и оставались до того времени, какъ Загряжская усаживалась за карточный столъ, потомъ мало по малу разлетались въ разныя стороны. Въ числѣ гостей бывали у нея всѣ важные и извѣстные люди того времени . . . На вечера являлся по временамъ поэтъ Пушкинъ; но онъ не производилъ особеннаго тамъ эффекта, говорилъ немного, больше о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ . . . Загряжская любила рассказывать про старину и часто повторяла одно и то же. Пушкинъ записалъ нѣкоторые изъ ея анекдотовъ и языкомъ, какимъ она рассказывала . . . Проведя всю жизнь при Дворѣ, она была очевидцею многихъ интересныхъ происшествій царствованій Екатерины, Павла и Александра. Однажды я рѣшился изъяснить ей сожалѣніе, почему она не вела никакихъ записокъ: онѣ составили бы рѣдкую книгу для будущихъ поколѣннй. „Эхъ, мой другъ,“ отвѣчала она, „я никогда не умѣла писать, гдѣ мнѣ было вести записки; потомъ память потеряла.“ Дѣйствительно жаль, что она не оставила послѣ себя никакихъ воспоминаній о временахъ, въ которыя она сама бывала дѣйствующимъ лицомъ. Много любопытныхъ подробностей напрасно исчезли изъ страницъ исторіи“ („Русск. Арх.“ 1903 г., кн. I, стр. 492—496). Сохраненныя Пушкинымъ частички бесѣдъ его съ Н. К. Загряжской облечены въ записи (1835 г.) нѣкоторыхъ ея рассказовъ о Потемкинѣ, Петрѣ III, Орловѣ. Поэтъ началъ дѣлать эти записки по совѣту Жуковского („Библиогр. Зап.“ 1858 г., № 18 = „Русск. Арх.“ 1898 г., кн. I, стр. 105). Живої портретъ самой Загряжской нарисованъ въ спеціально ей посвященномъ очеркѣ Л. Н. Майкова (см. его сборникъ „Пушкинъ“, С.-Пб. 1899, стр. 397—413); см. еще рассказъ княжны В. Н. Репниной — „Русск. Арх.“ 1888 г., кн. I, стр. 130 и изданіе Великаго Князя Николая Михайловича „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій“, т. I, № 58 и т. V, № 123).

— (Стр. 3). *Рассказъ* Н. К. Загряжской о сверженіи Петра III 28-го іюня 1762 г. Пушкинъ слышалъ отъ нея и позже; вотъ его запись, сдѣланная 12-го августа 1835 г.: „Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ. Мы ѣхали въ Знаменское: магушка, сестра Елизавета Кирилловна, я — въ одной каретѣ; батюшка (гр. Разумовскій) съ Василюмъ Ивановичемъ (Чулковымъ)—въ другой.

На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ Кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что государь (Петръ III) приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ было ѣхать, а Василій Ивановичъ сказалъ ему: „Полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказалъ, что онъ когда-нибудь пошлетъ за дамами, чтобъ онѣ явились во дворецъ, какъ ихъ застанутъ, хоть въ однихъ рубашкахъ. И охота ему проказить наканунѣ праздника“. Но курьеръ попросилъ батюшку выйти на минуту. Они поговорили — и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ. Подъѣзжаемъ ко дворцу; насъ не пускаютъ; часовой сунулъ намъ въ окошко пистолеть или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отецъ мнѣ сказалъ: „Полно, перестань; что за глупость“, и потомъ, оборотясь къ часовому: „Мы пріѣхали по приказанію государя“. — „Извольте же идти въ караульню“. Батюшка пошелъ, а насъ отправили къ ***, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходятъ отъ батюшки просить насъ на Monplaisir; всѣ поѣхали; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Пріѣзжаемъ въ Monplaisir; видимъ множество дамъ, разряженныхъ en robe de cour, а государь со шляпою на бекрень и ужасно сердитый. Увидя государя, я испугалась, сѣла на полъ и закричала: „Ни за что не пойду на галеру“. Насилу меня уговорили. Минихъ былъ съ нами. Мы пріѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ; матушка осталась съ нами на галерѣ (мы не принадлежали той партіи). Графиня Анна Карловна Воронцова общалась прислать за нами шляпку. Вмѣсто шляпки черезъ нѣсколько минутъ видимъ государя и всю его компанію. Бѣгутъ назадъ всѣ опять на галеру. Кричатъ, что сейчасъ станутъ насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de cale съ графиней Лизаветой Романовной; а Минихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour. Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость, а мы во дворецъ. — На другой день зовутъ насъ къ обѣднѣ. Мы знали уже все. Государь былъ очень жалокъ. На эктеньѣ его еще поминали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы поѣхали въ ней. Въ Петербургѣ народъ принялъ насъ за императрицу и кричалъ намъ ура. На другой день государыня привезла матушкѣ ленту“.

— (Стр. 3). *Княгиня Дашкова* — Екатерина Романовна, рожд. графиня Воронцова (род. 17-го марта 1744, ум. 4-го января 1810), одна изъ пособницъ возведенія на престолъ Екатерины II, находившаяся при ней въ первый день переворота — 28-го іюня 1762 г. и пожалованная за то орденомъ св. Екатерины большого креста и званіемъ статсъ-дамы. Екатерина не оказывала ей, однако, большого личнаго расположенія, и отношенія между ними были взаимно-натянутыя и неискреннія. Тѣмъ не менѣе, Императрица назначила Дашкову, какъ женщину образованную, съ любовію къ литературнымъ и научнымъ занятіямъ и при томъ энергичную, Директоромъ Академіи Наукъ (24-го января 1783 г.), а вслѣдъ затѣмъ и Президентомъ вновь учрежденной по ея же мысли Россійской Академіи (30-го сентября 1783); во главѣ обоихъ учреждений она оставалась фактически до 12-го августа 1794 г., уволена же была вовсе Императоромъ Павломъ (12-го ноября 1796 г.), не могшимъ ей простить ея участія въ сверженіи его отца. — Сынъ Дашковой — князь Павелъ Михайловичъ (род. 11-го мая 1763 г.), питомецъ Эдинбургскаго Университета, впослѣдствіи генераль-лейтенантъ и Московскій Губернскій Предводитель Дворянства, умершій 6-го января 1807 г.

— (Стр. 3). *О дамскихъ мундирахъ* — см. выше, стр. 44 — 46. Еще 25-го ноября 1833 г. Управляющій III Отдѣленіемъ А. Н. Мордвиновъ писалъ графу А. Х. Бенкендорфу, между прочимъ, слѣдующее: „*Savez-vous, Monsieur le comte, ce qui occupe beaucoup dans ce moment les Dames de la haute société?* — Ce sont les habits uniformes pour les dames et demoiselles d'honneur, qui doivent être faits pour le nouvel an. — Les familles peu aisées se plaignent de ce que cet ordre vient dans un moment, où tout le monde est plus ou moins gêné et arriéré dans ses revenus à cause de la mauvaise récolte. — Et puis le terme donné est si court. — La concurrence des demandes sera énorme; le velour, la broderie renchériront considérablement. — Les femmes sont en pleine insurrection. Cela n'est pas dangereux, mais cela ne laisse pas que de produire un effet désagréable. — C'est surtout à l'Impératrice qu'on en veut, car on pense généralement que c'est l'idée de Sa Majesté“. (Сообщ. П. Е. Щеголевъ изъ дѣлъ Архива III Отдѣленія).

— (Стр. 3). *Храповицкій* — Александръ Васильевичъ (род. 7-го марта 1749, ум. 29-го декабря 1801), извѣстный статсъ-секретарь Екатерины II и авторъ знаменитаго Дневника (1782—1793 гг.); въ который онъ заносилъ всё, что касалось Императрицы и что совершалось на его глазахъ при Дворѣ. Пушкинъ читалъ Дневникъ Храповицкаго по копии, полученной отъ П. П. Свинина въ 1833 г. (см. Переписку Пушкина, Акад. изд., т. III, стр. 6 и 11), цитировалъ его въ статьѣ своей о Радищевѣ (1836 г.) и, повидимому, обладалъ спискомъ съ Дневника (о которомъ онъ и упоминаетъ въ своемъ Дневникѣ подъ именемъ Записокъ), полученнымъ, вѣроятно, отъ Жуковского, у котораго была и подлинная рукопись Дневника, переданная ему Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ (коему, въ свою очередь, она была поднесена племянникомъ автора, М. В. Сушковымъ, въ 1837 г.); эта подлинная рукопись, въ началѣ 1840-хъ годовъ, была подарена Жуковскимъ князю П. А. Вяземскому и по его порученію издана въ 1874 г. подъ редакцію Н. П. Барсукова (изд. 2-е, — М. 1902); впервые же, по частямъ и неисправно, Дневникъ былъ изданъ П. П. Свининымъ въ его „Отечественныхъ Запискахъ“ 1821—1828 гг.

Храповицкій, по указанію Новикова въ его „Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ писателяхъ“ (С.-Пб. 1772 г., стр. 233—234), дѣйствительно находился (около 1770 г.) генераль-аудиторъ-лейтенантомъ въ штатѣ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, — вѣроятно, по его званію генераль-фельдмаршала (ср. Дневникъ, изд. 1902 г., стр. IX).

— (Стр. 3). *О дочери Императрицы Елисаветы Петровны — Будаковой* намъ ничего неизвѣстно; былъ въ низшей придворной службѣ еще при Петрѣ Великомъ, а затѣмъ и при Елисаветѣ и Екатеринѣ ибкій Семень Будаковъ, непрерывно служившій „при дворѣ“ съ 1718 г., при чемъ, какъ онъ самъ писалъ въ челобитъѣ отъ февраля 1764 г., „въ 1757 г. за службы его пожалованъ ассессоромъ и отосланъ для опредѣленія въ Собственную Вотчинную Е. И. В. Канцелярію, отъ которой и опредѣленъ въ 758 г. въ Коростинскую [придворную] волость управителемъ, гдѣ будучи до 762 г. безъ всякаго порока и того же 762 г. указомъ Правит. Сената высланъ въ С.-Петербургъ въ Собственную Вотчинную Канцелярію“ (по челобитью онъ въ томъ же 1764 г. былъ опредѣленъ въ товарищи воеводы въ Переяславль-Залѣскій — Сенатскій Архивъ, т. XIV, стр. 7—8 и 324); но въ какомъ отношеніи былъ онъ и имѣлъ-ли вообще отношеніе къ дочери Елисаветы (онъ могъ быть ея пріемнымъ, напр., отцомъ), мы не знаемъ. Если вѣрить Запискамъ А. О. Смирновой, Николай I однажды, во

время прогулки съ Пушкинымъ въ Лѣтнемъ саду, говорилъ ему, что извѣстная Тараканова не могла быть (по годамъ) дочерью Елисаветы Петровны, и что у послѣдней отъ Разумовскаго было двое дѣтей: сынъ, умершій ребенкомъ, и дочь, поступившая въ Москвѣ, до женитьбы Петра III, въ монастырь. „Она умерла даже не въ молодыхъ годахъ, не пожелавъ, вслѣдствіе несчастной любви, выйти замужъ. Она завѣщала монастырю имѣніе, подаренное Императрицей“ (Записки, ч. I, стр. 73—74). Во время работъ пишущаго эти строки надъ составленіемъ Московскаго Некрополя, сопровождавшій его въ Новоспасскомъ монастырѣ мѣстный монахъ утверждалъ, что по держащемуся въ монастырѣ преданію погребенная на его кладбищѣ, недалеко отъ входныхъ воротъ, монахиня Досіея — никто иная, какъ дочь Елисаветы Петровны; на могилѣ ея надпись: „Подъ симъ камнемъ положено тѣло усопшія о Господѣ монахини Досіеи, обители Ивановскаго монастыря, подвизавшейся о Христвѣ Иисусѣ въ монашествѣ 25 лѣтъ и скончавшейся февраля 4-го 1810 года. Всего ея житія было 64 года. Боже, всели ея въ вѣчныхъ твоихъ обитателяхъ“ („Московский Некрополь“, т. I, стр. 400); въ ризницѣ былъ тогда (1904 г.) и ея портретъ масляными красками. Сводъ свѣдѣній о незаконныхъ дѣтяхъ Елисаветы Петровны см. въ книгѣ К. Waliszewski, *La dernière des Romanov. Elisabeth I-re Impératrice de Russie*. 4-me éd., Paris. 1912, p. 74—78.

— (Стр. 3). *Записки* Императрицы Александры Ѳеодоровны (род. 1-го іюля 1798, ум. 19-го октября 1860) въ печати не появлялись; но, говоря о Запискахъ, Пушкинъ, быть можетъ, имѣлъ въ виду тѣ сравнительно краткія и незаконченныя Воспоминанія (*Souvenirs*) ея, которыя были опубликованы, во французскомъ подлинномъ текстѣ и въ переводѣ на Русскій языкъ, въ „Русской Старинѣ“ 1896 г., т. LXXXVIII, октябрь, стр. 5—60; эти Воспоминанія обнимаютъ 1817—1820 гг., т. е. всего три года отъ пріѣзда ея въ Россію, когда она была лишь Великою Княгинею и не предполагала, что судьба готовить ей Императорскій тронъ; онѣ писаны очень откровенно и безыскусственно и представляютъ интересъ для характеристики частнаго быта и обихода молодой великокняжеской четы.

— (Стр. 3). *Согласно* § 40 завѣщанія Императрицы Маріи Ѳеодоровны, ея бумаги должны были быть рассмотрѣны ея душеприкащиками — Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и другими, при чемъ на каждомъ пакетѣ было указано, что съ нимъ сдѣлать: сжечь или сохранить („Русск. Стар.“ 1882 г., № 1, стр. 128—129). А. О. Смирнова пишетъ въ своихъ Запискахъ: „Мы рассказали Сверчку [т. е. Пушкину], что Великій Князь Михаилъ Павловичъ сжегъ красныя тетради Императрицы-Матери — дневникъ, начатый ею еще въ Монбельярѣ и веденный ею до самой смерти. Она приказала въ своемъ завѣщаніи „сжечь все, не читая“. Государь поручилъ это Великому Князю. Они не посмѣли вскрытъ ни одной тетради. Это очень благородно! но какая жалость; тамъ было все: путешествіе графа и графини дю-Норъ и пребываніе у Людовика XVI“ (Записки, ч. I, стр. 78).

— (Стр. 3). *Императрица* Елисавета Алексѣевна (род. 13-го января 1779, ум. 4-го мая 1826) познакомилась съ Карамзинымъ въ 1817 году, и онъ вскорѣ сдѣлался обычнымъ ея посѣтителемъ и лекторомъ. „Отношенія между Елизаветой Алексѣевной и знаменитымъ историкомъ заслуживаютъ вниманія“, говорить ея біографъ, Великій Князь Николай Михайловичъ: „потому что они сразу приняли особо интимный характеръ взаимнаго довѣрія. Н. М. Карамзинъ

сумѣлъ заинтересовать государыню своими бесѣдами и чтеніемъ „Исторіи Государства Россійскаго“. Частенько для практики въ Русскомъ языкѣ императрица сама читала вслухъ произведенія историка, и при этомъ происходилъ оживленный обмѣнъ мыслей... За послѣдующіе годы довѣріе Елисаветы къ Карамзину настолько окрѣпло, что она начала ему читать свои дневники за все время пребыванія ея въ Россіи. Карамзина это чтеніе живо интересовало; бывали моменты, когда императрица не рѣшалась ему читать вслухъ нѣкоторые отрывки слишкомъ интимнаго свойства; тогда она передавала тетрадь Николаю Михайловичу, и онъ молча прочитывалъ означенныя строки. Родственники Ея Величества узнали объ этомъ обстоятельстве только послѣ кончины государыни. Имъ сообщилъ подробности князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, которому Карамзинъ на смертномъ одрѣ передалъ ихъ по секрету. Дневникъ императрица хотѣла завѣщать Карамзину, скончавшемуся двѣ недѣли послѣ нея, но желаніе государыни не было исполнено. Императоръ Николай I нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ предать все забвенію и лично сжечь эти дневники по соглашенію съ Маріей Θεодоровной. Намъ только осталось пожалѣть объ исчезновеніи драгоценнаго историческаго матеріала“ (Великій Князь Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I, т. III, С.-Пб. 1909, стр. 16—17); тамъ-же, на стр. 630—666, напечатана переписка Карамзина съ Императрицей; въ одномъ письмѣ послѣдней, отъ 23-го февраля 1825 г., читаемъ изъясленіе ея благодарности историографу за присылку „новой поэмы Пушкина, чтеніе которой доставило ей удовольствіе“ (стр. 652). Императрица, конечно, вспомнила при этомъ Пушкинскій „Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны“ (1819 г.), который былъ ей, безъ сомнѣнія, извѣстенъ, какъ былъ ей извѣстенъ, съ лицейской поры, и самъ авторъ „Отвѣта“.

— (Стр. 4). *Мартыновъ* — Павелъ Петровичъ (род. 17-го августа 1782, ум. 14-го февраля 1838); начавъ въ 1800 г. службу въ Измайловскомъ полку, онъ послѣдовательно дослужился въ немъ до чина полковника и генераль-маіора (19-го марта 1820) и много лѣтъ былъ батальоннымъ, а затѣмъ и полковымъ командиромъ (съ 30-го ноября 1821 по 14-е марта 1825 г.). Вся служба Мартынова прошла передъ глазами Николая I, который съ мая 1800 г. и до смерти былъ шефомъ полка и былъ лично обязанъ Мартынову, однажды помогшему уладить непріятную исторію, вышедшую у шефа съ офицерами („Русск. Арх.“ 1875 г., кн. II, стр. 46—47). — 14-го декабря 1825 года полкъ оказался вѣрнымъ новому Императору Николаю I, и онъ не замедилъ пожаловать своего стараго сослуживца, занимавшаго тогда постъ бригаднаго начальника во второй гвардейской пѣхотной дивизіи, въ званіе генераль-адъютанта (15-го декабря 1825 г.), съ оставленіемъ въ должности бригаднаго начальника; состоя начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Мартыновъ 6-го декабря 1833 г. былъ назначенъ С.-Петербургскимъ комендантомъ („С.-Петерб. Вѣдом.“ 1833 г., № 288). Хорошо знавшій Мартынова съ молодыхъ лѣтъ С. Т. Аксаковъ, одно время даже жившій съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургѣ, вспоминая объ немъ и о знакомствѣ своемъ, черезъ него, съ М. Н. Загоскинымъ, называетъ Мартынова „служакой“ и говорить, что онъ не получилъ почти никакого образованія и не имѣлъ никакого состоянія. Встрѣтившись съ нимъ черезъ много лѣтъ, въ 1826 г., когда Мартыновъ былъ уже генераль-адъютантомъ, снисходительный Аксаковъ говоритъ: „Мартыновъ, кромѣ титла извѣстнаго фронтовика, имѣлъ много душев-

ныхъ достоинствъ... Личность Мартынова заслуживала полного уваженія; но для этого надо было знать его очень коротко и примириться съ невыгодною вѣдностью“ (Сочиненія С. Т. Аксакова, изд. Просвѣщенія, т. IV, С.-Пб. 1910, стр. 233—234). Однако, несомнѣнно, что Мартыновъ былъ просто не уменъ, что и отмѣтилъ Пушкинъ въ своей записи подѣ 8-мъ января 1835 г. (см. ниже). Мартыновъ умеръ скоропостижно, послѣ одного бала въ Аничковомъ дворцѣ. Баронъ М. А. Корфъ пишетъ по этому поводу, что Мартыновъ былъ „человѣкъ безъ образованія, безъ высокаго ума, но правдивый, честный и добрый. Государь очень былъ огорченъ смертью этого преданнаго и вѣрнаго слуги. „Мы были съ нимъ знакомы тридцать лѣтъ“, сказалъ онъ, — „и я у него бралъ первые уроки военной службы“ („Русск. Стар.“ 1899 г., № 6, стр. 530); другой современникъ, П. Г. Дивовъ, отмѣчая въ своемъ дневникѣ смерть Мартынова, прибавляетъ: „о немъ сожалѣютъ, такъ какъ онъ былъ весьма снисходителенъ къ молодымъ военнымъ, находившимся подѣ его надзоромъ“ („Русск. Стар.“ 1902 г., № 6, стр. 633—634; см. еще у А. Н. Нарцова: Матеріалы для исторіи дворянскихъ родовъ Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ, Тамбовъ. 1904, стр. 87—91).

— (Стр. 4). Кромѣ производства четырехъ генераль-лейтенантовъ „за отличие“ въ полные генералы (командира 4-го пѣхотнаго корпуса Савоини, командира 5-го пѣхотнаго корпуса Кайсарова, командира 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса Никитина 1-го и Кіевскаго Военнаго Губернатора и Генераль-Губернатора Подольскаго и Волынскаго генераль-адъютанта графа Левашова 1-го—см. „С.-Петербург. Вѣдом.“ 8-го декабря 1833 г., № 288)—6-го декабря было пожаловано еще 23 человѣка въ генераль-лейтенанты („Русск. Стар.“ 1900 г., № 4, стр. 137); въ числѣ послѣднихъ былъ и Василій Алексѣевичъ Перовскій (род. 9-го февраля 1795, ум. 8-го декабря 1857), вполнѣдствіи Членъ Государственнаго Совѣта и графъ (съ 1855 г.). Издавна знакомый Николаю I по службѣ своей въ Измайловскомъ полку, адъютантъ его, какъ шефа полка, Перовскій въ день 14-го декабря 1825 г. выказалъ особенную ему преданность и съ опасностью жизни неотлучно при немъ находился во все время возстанія; пожалованный въ тотъ же день во флигель-адъютанты, онъ въ 1829 г. занималъ должность Директора Канцелярїи Начальника Морского Штаба, состоя съ 25-го іюня 1828 г. уже въ чинѣ генераль-майора Свиты Его Величества; 6-го декабря 1829 г. онъ былъ пожалованъ въ генераль-адъютанты, а 6-го декабря 1833 г.—въ генераль-лейтенанты; съ 15-го апрѣля 1833 до 7-го марта 1842 г. Перовскій былъ Оренбургскимъ Военнымъ Губернаторомъ и Командиромъ Оренбургскаго Отдѣльнаго корпуса, и Пушкинъ, во время своей поѣздки въ Оренбургъ для собиранія свѣдѣній о Пугачевѣ, въ сентябрѣ 1833 г., останавливался у Перовскаго и провелъ два дня у него на дачѣ (Д. Н. Соколовъ, Пушкинъ въ Оренбургѣ—„Пушк. и его соврем.“, вып. XXIII—XXIV, ср. 74 и др.; ср. ниже, запись Пушкина подѣ 17-мъ января 1834 г.); онъ былъ знакомъ съ Перовскимъ издавна, былъ съ нимъ „на ты“ и цѣнилъ его, между прочимъ, по тѣсной дружбѣ его съ Жуковскимъ и со „Свѣтланой“ Воейковой, которой онъ былъ безгранично преданъ (см. Н. В. Соловьевъ, Исторія одной жизни, Пгр. 1915). Европейски образованный, это былъ „человѣкъ высокаго идеала, сильныхъ страстей и великодушныхъ побужденій. Было въ немъ много своеобразнаго и ему только принадлежавшаго: при необыкновенныхъ дарованіяхъ, при художественномъ складѣ сильнаго ума“, Перовскій „отличался цѣлѣвымъ, самостоятельнымъ характеромъ, какихъ мало“ („Русск. Арх.“ 1878 г., кн. I, стр. 373). А. О. Смирнова (бывшая съ нимъ въ

перепискѣ—см. „Русск. Стар.“ 1888 г., № 6, стр. 598, 601—602 и др.) выразилась однажды о Перовскомъ, что онъ „былъ очень остеръ и забавенъ“ („Голосъ Минувшаго“ 1917 г., № 11—12, стр. 164), и въ письмахъ своихъ къ Гоголю, бывшему также въ перепискѣ съ Перовскимъ (1844 г.) много говорить о немъ. Близко знавшій Перовскаго еще въ 1820-хъ годахъ К. И. Фишеръ (впослѣдствіи сенаторъ) такъ пишетъ объ этой „замѣчательной“, по его выраженію, личности: „По складу ума—человѣкъ либеральный, но, будучи побочнымъ сыномъ Разумовскаго, онъ опасался униженій и насмѣшекъ, и въ этомъ опасеніи былъ необыкновенно гордъ и обидчивъ. Рыцарь безъ страха и упрека, съ аристократическимъ лицомъ, ума пріятнаго и оригинальнаго, онъ необыкновенно нравился женщинамъ и былъ у нихъ очень счастливъ. Эпизоды прошедшей его жизни тогда уже придавали ему романтической колоритъ, который въ то время, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, акцій и облигацій, слѣдовательно, когда не было еще нигилизма, плѣнялъ юношей и женщинъ. Будучи еще юнкеромъ, забавлялся онъ въ комнатѣ своей стрѣльбою изъ пистолета восковыми пулями и никогда не разставался съ пистолетомъ; часто онъ втыкалъ въ дуло палецъ и раскаживалъ съ повисшимъ на пальцѣ заряженнымъ пистолетомъ. Разъ, ходя въ такой компаніи, онъ задѣлъ за курокъ, — послѣдовалъ выстрѣлъ и оторвалъ ему ту часть пальца, которая находилась въ дулѣ; съ тѣхъ поръ онъ носилъ золотой наперстокъ, къ которому прицѣплена была цѣпочка съ лорнетомъ. Съ Великимъ Княземъ [Николаемъ Павловичемъ] онъ обращался свободно, даже слишкомъ свободно, что въ тогдѣшнее время, когда члены царской фамилии еще не дружились съ простыми и даже пошлыми смертными, было тоже явленіемъ интереснымъ. . . . Внутреннее убранство его покоевъ представляло типъ суроваго воина и восточнаго сибарита. Рабочій столъ его окруженъ былъ рыцарями въ стальныхъ латахъ и всѣ стѣны обвѣшаны мечами, ружьями и пистолетами. Среди комнаты лежалъ огромный песь *terre-neuve*, грозный и смысленный; рядомъ комната, обвѣшанная и усланная богатыми коврами; вокругъ стѣнъ — широкіе турецкіе диваны; на полу—богатый калянь, а въ стѣнѣ—огромное зеркало, составлявшее скрытую дверь. „Здѣсь“, говорилъ онъ: „покоюсь я въ объятіяхъ Морфея, когда мнѣ отказываютъ въ другихъ“. Такимъ оставался Перовскій до самой смерти храбрымъ и въ полѣ, и на придворномъ паркетѣ“ („Историч. Вѣстн.“ 1908 г., № 3, стр. 796—798). Такой высокооригинальный человѣкъ, конечно, не могъ не интересовать Пушкина, котораго подобныя личности всегда привлекали къ себѣ. О литературной одаренности Перовскаго свидѣтельствуютъ напечатанныя въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ Дельвига на 1825 годъ (стр. 172—244), безъ вѣдома автора и съ подписью „П . . . . й“, отрывки изъ писемъ его къ Жуковскому изъ Италіи, во время путешествія, совершеннаго Перовскимъ въ 1823—1824 гг. для поправленія пошатнувшагося здоровья; авторство Перовскаго было своевременно указано Пушкину Плетневымъ (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 176). Письмо Пушкина къ Перовскому, при посылкѣ ему экземпляра „Исторіи Пугачевскаго бунта“ опубликовано Б. Л. Модзалевскимъ въ „Сборникѣ Пушкинскаго Дома на 1923 г.“

— (Стр. 4). *Меншиковъ* — свѣтлѣйшій князь Александръ Сергѣевичъ (род. 11-го сентября 1787, ум. 19-го апрѣля 1869 г.), правнукъ знаменитаго „птенца гнѣзда Петрова, полудержавнаго властелина“ (по выраженію Пушкина), — бывшій Преображенецъ, флигель-адъютантъ Императора Александра I и его

генераль-адъютантъ (съ 1817 г.), послѣ выхода въ отставку въ 1824 г. снова получившій это званіе отъ Николая I (1-го октября 1826 г.) и въ мартѣ 1828 г. перешедшій въ морское вѣдомство — Начальникомъ Главнаго Морского Штаба съ переименованіемъ въ контръ-адмирала и съ назначеніемъ членомъ Комитета Министровъ; вице-адмиралъ (20-го іюня 1828 г.), членъ Государственнаго Совѣта (17-го марта 1830), Финляндскій Генераль-Губернаторъ (1-го декабря 1831), онъ 6-го декабря 1833 г. былъ произведенъ въ полные адмиралы, съ оставленіемъ въ прежнемъ званіи и въ должностяхъ Начальника Морского Штаба и Финляндскаго Генераль-Губернатора. Съ 1836 г. Меншиковъ управляя Морскимъ Министерствомъ, въ 1854—1855 гг. былъ Главнокомандующимъ Крымскою арміею во время Восточной войны, но послѣ неудачъ нашихъ войскъ, былъ, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Николая I, уволенъ отъ всѣхъ должностей, съ оставленіемъ генераль-адъютантомъ, и до конца жизни былъ не у дѣлъ. „Человѣкъ выдающагося и тонкаго ума, большихъ способностей, разносторонне образованный и начитанный, съ громадной памятью, князь Меншиковъ отталкивалъ отъ себя людей своею черствостью и тщеславіемъ, своимъ бездушіемъ, себялюбіемъ и своимъ злоязычіемъ; его остроумныя выходки, его колкія слова могутъ составить цѣлый сборникъ анекдотовъ . . . Онъ не щадилъ ни друзей, ни враговъ, одинаково порицалъ и порокъ, и добродѣтель; сегодня осмѣивалъ то, предъ чѣмъ вчера еще преклонялся. Великій Князь Михайлъ Павловичъ говорилъ, что если смотрѣть на князя съ двухъ сторонъ, то „одному будетъ казаться, что онъ насмѣхается, а другому, что онъ плачетъ“. По словамъ Дениса Давыдова, Меншиковъ „умѣлъ приспособить свой умъ ко всему“, но не могъ сдѣлать своего ума изъ разрушающаго созидующимъ . . . Царедворецъ и кабинетный ученый, съ умомъ отрицательнымъ, князь А. С. Меншиковъ не могъ быть ни хорошимъ полководцемъ, ни полезнымъ государственнымъ человѣкомъ“ (Великій Князь Николай Михайловичъ, Русскіе портреты, т. I, 1905, № 139; его же: Генераль-адъютанты Императора Александра I, С.-Пб. 1913, стр. 149—151; ср. еще „Русск. Арх.“ 1905 г., кн. III, стр. 236—242). М. И. Семевскій высказывается о Меншиковѣ, какъ о человѣкѣ, отличавшемся большимъ умомъ, но бывшемъ „не на высотѣ своего положенія . . . Русское общество знаетъ Меншикова по безчисленнымъ его остроловіямъ и анекдотамъ, но въ то же время признаетъ въ немъ крайняго себялюбца, эгоиста, не только не сумѣвшаго, при своемъ громадномъ умѣ, стать въ ряды подвижниковъ великихъ освободительныхъ идей Александра II, а, напротивъ, дѣлавшаго все, что было въ его силахъ, къ противодѣйствию великимъ реформамъ Государя-Освободителя“ („Русск. Стар.“ 1889 г., № 5, стр. 507). Небольшая часть архива Меншикова находится въ Пушкинскомъ Домѣ при Россійской Академіи Наукъ.

— (Стр. 4). Говоря объ утреннемъ выходѣ во дворцѣ 6-го декабря и о вечернемъ балѣ, П. Г. Дивовъ пишетъ въ Дневникѣ своемъ, что „видѣлъ новый костюмъ, данный придворнымъ дамамъ: это вродѣ Русскаго платья, которое очень идетъ полнымъ особамъ“ („Русск. Стар.“ 1900 г., № 4, стр. 137); К. Я. Булгаковъ сообщалъ брату въ свою очередь: „Утромъ вчера нѣсколько дамъ было въ новыхъ костюмахъ; красавицъ еще болѣе украшаетъ, а дурнымъ не къ лицу. Описать не умѣю: родъ сарафана, на которомъ Русское платье съ особенными рукавами, на головѣ кокошникъ съ длиннымъ вуалемъ или фатою, а у дѣвушекъ повязки бархатныя, шелковыя, парчевыя или съ другимъ украшеніями, или просто . . . Давно не видѣлъ я дворъ столь блистательнымъ, какъ

вчера и утромъ, и вечеромъ: ужъ подлинно дворъ Русскаго Царя!“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 280). Императрица Александра Ѳеодоровна изображена въ такомъ костюмѣ на нѣсколькихъ гравюрахъ и литографіяхъ (воспроизведеніе см. у А. В. Морозова: Каталогъ моего собранія портретовъ, т. I, М. 1912, стр. 21 и табл. XII, № 106). „Дамскія платья утверждены“, писалъ К. Я. Булгаковъ брату 1-го марта 1834 г.: „положительно всякая будетъ знать, что ей носить“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 411).

— (Стр. 4). *Скобелевъ безрукій* — Иванъ Никитичъ (род. 1778, ум. 19-го февраля 1849), генераль-лейтенантъ, въ 1833 году — членъ-Генераль-Аудиторіата; въ Шведскую кампанію 1809 г. онъ лишился двухъ пальцевъ правой руки, оторванныхъ ядромъ, а въ сраженіи при Минскѣ 14-го апрѣля 1831 г. ядромъ раздробило ему лѣвую руку, которую пришлось немедленно ампутировать. Прощаясь съ войсками по поводу отъѣзда изъ армій, онъ въ продиктованномъ имъ приказѣ писалъ, между прочимъ: „Для меча и штыка къ защитѣ правъ Батюшки Бѣлаго Царя и славы святаго намъ Отечества, среди храбрыхъ товарищей, и трехъ по милости Божіей оставшихся у меня пальцевъ съ избыткомъ достаточно!“ Съ подписью этихъ словъ была въ 1851 году напечатана лубочная картинка-портретъ Скобелева, въ бытность же его Комендантомъ С.-Петербургской крѣпости (на этотъ постъ онъ былъ назначенъ 8-го іюня 1839 г.) была изданъ его большой и прекрасно исполненный портретъ, на которомъ нарочито-ясно видно полное отсутствіе лѣвой руки и безымяннаго и указательнаго пальцевъ на правой (А. В. Морозовъ, Каталогъ моего собранія портретовъ, т. IV, М. 1913, ст. 1035 — 1036 и табл. СДa, № 3). Съ 1833 года къ популярности Скобелева-воина прибавилась еще извѣстность писателя, доставшаяся ему благодаря изданію книжки „Подарокъ товарищамъ или Переписка Русскихъ солдатъ въ 1812 году, изданная Русскимъ инвалидомъ Иваномъ Скобелевымъ“ (были и повторныя изданія), встрѣченной общимъ сочувствіемъ критики и провозглашенной „истиннѣ, первой у насъ народной книгой“ (ср. Сочиненія Н. И. Греча, ч. V, С.-Пб. 1838, стр. 207—208). Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1834 г. появились три разсказа Скобелева, — все изъ той-же области солдатскаго быта (№ 1, 2 и 4), а за ними послѣдовало нѣсколько отдѣльно изданныхъ книжекъ — приказовъ и разсказовъ („Бесѣды Русскаго Инвалида“, 1838; „Переписка и разсказы Русскаго Инвалида“, 1838; „Кремневъ, Русскій солдатъ. Оригинальное драматическое представленіе“, 1839; „Сцены въ Москвѣ, 1812 г. Народное драматическое представленіе“, 1839 и др.), упрочившихъ за нимъ репутацію своеобразнаго талантливаго писателя. Разсмотрѣнню литературной дѣятельности Скобелева и біографіи его посвященъ очеркъ И. А. Кубасова — въ „Русской Старинѣ“ 1900 г., № 2 и 3. Къ Пушкину Скобелевъ имѣлъ особое отношеніе: въ 1824 г., въ январѣ, онъ сдѣлалъ на поэта доносъ, въ которомъ, приведя стихи поэта „на вольность“ и другіе, ходившіе подъ именемъ его, рекомендовалъ немедленно содрать „нѣсколько клочковъ шкуры“ съ сочинителя „смихъ вредныхъ пасквилей“ („Русск. Стар.“ 1871 г., т. IV, стр. 669—673; П. Бартенева, Пушкинъ, т. I, стр. 97—98, и др.). Пушкинъ, вѣроятно, объ этомъ доносѣ никогда, однако, не зналъ.

— (Стр. 4). *Кн. В — ая*, упоминаемая Пушкинымъ, — или престарѣлая статсъ-дама княгиня Александра Николаевна Волконская, рожд. княжна Репнина (род. 25-го апрѣля 1756, ум. 23-го декабря 1834), мать Пушкинскаго знакомца, декабриста князя С. Г. Волконскаго, женатаго на М. Н. Раевской (см. „Архивъ декабриста С. Г. Волконскаго“, подъ редакціей князя С. М. Волкон-

скаго и Б. Л. Модзалевскаго, т. I, Пгр. 1918, съ портр.), — или княгиня Вѣра Федоровна Вяземская (см. выше, стр. 46), — жена князя Петра Андреевича, имѣвшая, какъ супруга камергера, право прѣзда ко Двору.

— (Стр. 4). *Графъ Бобринскій* — Алексѣй Алексѣевичъ, старшій сынъ перваго Бобринскаго и внукъ Екатерины II; родился 6-го января 1800 года, по 14-му году потерялъ отца и воспитывался подъ руководствомъ своей умной и энергичной матери, графини Анны Владиміровны, рожденной баронессы Унгернъ-Штернбергъ; онъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ извѣстной Московской школы для колонновожатыхъ Н. Н. Муравьева, гдѣ отлично учился, и получилъ серьезное образованіе, особенно въ области естественныхъ наукъ („Русск. Арх.“ 1910 г., кн. I, стр. 317); 19-ти лѣтъ отъ роду онъ былъ произведенъ въ корнеты л.-гв. Гусарскаго полка, въ 1824 г. перешелъ въ кавалергарды, но уже 21-го января 1827 г. вышелъ въ отставку, въ концѣ года опредѣлился въ Департаментъ Удѣловъ и получилъ званіе камеръ-юнкера, а 17-го ноября 1833 г. перешелъ на службу въ Министерство Финансовъ, въ Особенную Канцелярію по кредитной части, и въ вѣдомствѣ этого Министерства служилъ, съ перерывами, до 1846 г., состоя въ званіи камеръ-юнкера (1833), а позже — занимая должность церемоніймейстера (съ 1834) и шталмейстера (съ 1845 и съ 1854 г.). Имя графа Бобринскаго тѣснѣйшимъ образомъ связано съ нѣсколькими важнѣйшими вопросами государственнаго значенія: возникновеніемъ у насъ свекло-сахарной промышленности, устройствомъ первыхъ желѣзныхъ дорогъ, развитіемъ сельскаго хозяйства и садоводства, торфодобычаніемъ и добычею каменнаго угля на югѣ Россіи. Заслуги Бобринскаго въ этихъ областяхъ были по достоинству оцѣнены современными ему учеными обществами и послужили основаніемъ къ постановкѣ ему, въ Кіевѣ, памятника. Онъ скончался 4-го октября 1868 г. въ своемъ извѣстномъ Кіевскомъ имѣніи „Смѣла“.

Графъ Бобринскій пользовался общими симпатіями за свои высокія душевные качества. „Характеръ его былъ самый благородный, и души онъ высокой“, пишетъ А. О. Смирнова („Русск. Арх.“ 1895 г., кн. II, стр. 330). „Любезныя и благородныя“ свойства его, по выраженію князя П. А. Вяземскаго, давали ему, въ общественной жизни — нравственной и гласной — полное право на уваженіе и любовь современниковъ. „Онъ былъ свѣтлое, стройное изваяніе, которымъ любовались ближніе и достойные цѣнители изящнаго; оно имѣло свое опредѣленное мѣсто въ уваженіи общества; но судьба не подвела подъ это изваяніе высокаго прѣдстала. При всѣхъ общественныхъ преимуществахъ, дарованныхъ ему рожденіемъ, можно сказать, что онъ положеніемъ своимъ былъ обязанъ наиболѣе себѣ самому, а не внѣшней обстановкѣ. Всѣми помысленіями и внутренними силами своими принадлежалъ онъ обществу; болѣлъ и по возможности радѣлъ о пользѣ общественной; принималъ живое, теплое, даже пламенное участіе въ общественныхъ вопросахъ, стоящихъ на очереди... Онъ пользовался особымъ благоволеніемъ Императора Николая I, который зналъ и достойно цѣнилъ способности его, прямодушіе и независимості мнѣній... Графъ Бобринскій былъ либераль, въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ значеніи этого слова. Либерализмъ его былъ не чисто политическій, который можно легко позаимствовать, брать на прокатъ и усвоивать себѣ изъ памфлетовъ и газетъ. Либерализмъ его заключался въ прирожденномъ чувствѣ, во внутреннемъ, никогда не развлекаемомъ и ничѣмъ не соблазняемому служеніи вѣчнымъ началамъ любви человѣческой, законности, правосудности и право-

мѣрія, которое не имѣетъ двухъ вѣсовъ и двухъ мѣръ, смотря по тому, какъ приходится судить — направо или налево . . . Онъ былъ патриотъ также въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова, всецѣло преданный Отечеству. Но также и патриотизмъ его не имѣлъ узкихъ свойствъ односторонности и исключительности. Русскій душою, онъ былъ Европеецъ по образованности и сочувствіямъ своимъ . . . Благодарностью преданный Двору, среди котораго находилъ онъ всегда милостивый и ласковый приемъ, онъ не былъ тѣмъ, что обыкновенно называется царедворцемъ . . . Нельзя было найти и придумать собесѣдника, болѣе его пріятнаго, вѣжливаго, болѣе уважающаго того, съ которымъ онъ велъ бесѣду. Домъ его привлекалъ и собиралъ въ себѣ избранное общество. Приглашались ли онъ гостей на свои обѣды или вечера, онъ умѣлъ подбирать, т. е. сортировать гостей своихъ не столько по чинамъ, сколько по внутреннему ихъ сходству и сочувствію. Онъ принималъ участіе въ разговорѣ, но не присваивалъ себѣ въ немъ львиной части и монополіи . . . Въ отношеніи общежительно-хозяйственной науки дѣйствовалъ онъ не одинъ. У него была помощница, его достойная. Графиня Софія Александровна Бобринская, урожденная графиня Самойлова, была женщина рѣдкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности . . . Ей равно покорялись мужчины и женщины. Она была кроткой, миловидной, плѣнительной наружности. Въ глазахъ и улыбкѣ ея была чувство, мысль и доброжелательная привѣтливость. Ясный, свѣжій, совершенно женственный умъ ея былъ развитъ и освѣщенъ необыкновенною образованностью. Европейскія литературы были ей знакомы, не исключая и Русской. Жуковский, встрѣтившій ее еще у Двора Императрицы Маріи Ѳеодоровны, при которой была она фрейлиной, узналъ ее, оцѣнилъ, воспѣвалъ и остался съ нею навсегда въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ. Императрица Александра Ѳеодоровна угадала ее по сочувствію и сблизилась съ нею . . . Графиня мало показывалась въ многолюдныхъ обществахъ. Она среди общества, среди столицъ, жила какою-то отдѣльною жизнью — домашнею, келейною; занималась воспитаніемъ сыновей своихъ, чтеніемъ, умственнымъ дѣятельностью; она, такъ сказать, издала и заочно слѣдила за движеніями общественной жизни, но слѣдила съ участіемъ и проницательностью. Салонъ ея [въ извѣстномъ домѣ Бобринскихъ въ концѣ Галерной улицы] былъ ежедневно открытъ по вечерамъ. Тутъ находились немногіе, но избранные. Сходились люди, которымъ потребно было послѣ работы, а иногда и пустыихъ развлеченій дня насладиться часъ или два пріятнымъ разговоромъ, обмѣномъ мыслей и впечатлѣній. Молодые люди могли тутъ научиться свѣтскимъ условіямъ вѣжливаго и утонченнаго общежитія. Дипломаты, просвѣщенные путешественники находили тутъ осуществленіе преданій о томъ гостепріимствѣ, о тѣхъ салонахъ, которыми нѣкогда славились западныя столицы. Нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей любили тутъ искать и находить не тупое и праздное, а умственное отдохновеніе отъ трудовъ, а иногда и докукъ своей дѣятельности . . . Самъ Бобринскій любилъ женскую аудиторію. Рѣчь его была свободна, иногда цвѣтиста, но чужда всякаго педантизма. Онъ довольно охотно и слегка преподавалъ слушательницамъ любимые предметы своего ученія и новыхъ открытій“ (Сочиненія князя П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 214—230). Пушкинъ, какъ видно изъ его Дневника (см. ниже) и изъ замѣтки сына графа Бобринскаго, былъ „постояннымъ посѣтителемъ“ „дома графа Алексѣя Алексѣевича Бобринскаго („Русск. Арх.“ 1910 г., кн. I, стр. 317), но слѣдовъ ихъ взаимныхъ отношеній до насъ не дошло. О Бобринскомъ см. еще

“Сборникъ біографій кавалергардовъ“, т. III, С.-Пб. 1906, стр. 393—397, съ портр., а о графинѣ С. А. Бобринской и отношеніяхъ къ ней Жуковского — въ книгѣ А. Н. Веселовскаго: В. А. Жуковскій, С.-Пб. 1904, стр. 270—294, съ портретомъ графини.

— (Стр. 4). *Мятлевъ* — Иванъ Петровичъ (род. 28-го января 1796, ум. 13-го февраля 1844), извѣстный поэтъ и остроумецъ; крестникъ Екатерины Великой, онъ получилъ блестящее домашнее образованіе, по службѣ числился въ Министерствѣ Финансовъ, былъ камеръ-юнкеромъ (съ 1823 г.), а съ 1-го января 1830 г. — камергеромъ и въ 1833 г. состоялъ членомъ Общаго Присутствія при Департаментѣ мануфактуръ и внутренней торговли и членомъ Мануфактурнаго Совѣта при Департаментѣ (Мѣсяцесловъ на 1834 г., ч. I, стр. 692—693). За этою сухою оффиціальною скрывалась неистощимая веселость, жизнерадостность и свѣтскость: Мятлевъ по справедливости считался какъ бы присяжнымъ острякомъ, каламбуристомъ и ловкимъ стихотворцемъ, экспромпты и стихи котораго, ходили по рукамъ и изъ устъ въ уста, такъ какъ Мятлевъ мало печатался, а сборнички своихъ стихотвореній, издававшіеся два раза (1834 и 1835), печатавъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу ихъ не пускалъ (Г. Геннади, Словарь Русскихъ писателей, т. II, стр. 371). Для публики онъ издалъ только извѣстныя „Сенсаціи и замѣчанія г-жи Курдюковой за-границею, дан л’этранже“ (3 части, 1840—1844), — книгу, упрочившую за нимъ своеобразную репутацію юмориста и вызвавшую, между прочимъ, стихотвореніе Лермонтова „Въ альбомѣ автору Курдюковой“ (1840 г.; см. „Русск. Арх.“ 1893 г., кн. III, стр. 127 — отвѣтъ Мятлева Лермонтову — и „въ Радугѣ. Альманахъ Пушкинскаго Дома“, Пгр. 1922, стр. 122—123, замѣтку Б. Л. Модзалевскаго). Князь А. В. Мещерскій, вспоминая о Мятлевѣ въ своихъ Запискахъ, пишетъ: „Иванъ Петровичъ Мятлевъ, вельможа по богатству и положенію своему въ свѣтѣ, былъ единственный въ своемъ родѣ, довольно извѣстный поэтъ, переплетавшій очень удачно въ своихъ стихотвореніяхъ Русскій и Французскій языки; онъ былъ творецъ извѣстной *Мадамъ Курдюковой*, *Новаго года*, *Фонариковъ* и множества другихъ юмористическихъ и сатирическихъ стихотвореній. Барыни не давали ему проходу, — такъ онъ любилъ его слушать; правда, что онъ мастерски читалъ свои стихи и читалъ ихъ всегда охотно. Если въ то время [въ началѣ 1840-хъ гг.] раздавался въ какой-либо Петербургской гостиной дружный, неударжимый и громкій смѣхъ, то безошибочно можно было угадать по этому присутствію въ этомъ домѣ Мятлева, читающаго свои произведенія. Я его очень часто слышалъ; тѣмъ не менѣе, повторенія слышанныхъ мною пьесъ никогда мнѣ не надоѣдали, хотя, собственно говоря, это были фарсы. Въ нѣкоторыхъ кругахъ, въ Петербургѣ, гдѣ его привыкли слышать, онъ составлялъ необходимую принадлежность званаго вечера, который оканчивался всегда его чтеніемъ. Я помню, какъ Лермонтовъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, написанныхъ въ альбомѣ Софіи Николаевны Карамзиной, весьма остроумно, передавая всѣ удовольствія, доставляемыя ему вечерами въ домѣ Карамзинныхъ, заключаетъ ихъ перечисленіе двумя стихами:

Ха-ха-ха, хи-хи-хи!
Ишки Мятлева стихи!*

* Правильный текстъ этихъ стиховъ по автографу см. въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго: Изъ альбомной старинны — въ „Русскомъ Библіофиль“ 1916 г., кн. VI, стр. 70, со снимкомъ.

„Мятлевъ имѣлъ огромное состояніе, прекрасный домъ близъ Исакиевскаго собора, гдѣ онъ жилъ со своею почтенной старушкой-матерью [рожд. графиней Салтыковой], и принималъ нерѣдко у себя царскую фамилію. Онъ вскорѣ послѣ знаменитаго костюмированнаго бала у Великой Княгини Елены Павловны . . . умеръ, оплакиваемый всѣмъ обществомъ“ („Русск. Арх.“ 1901 г., кн. I, стр. 485—486). Лицейскій товарищъ Пушкина, сухой и дѣловитый сановникъ баронъ М. А. Корфъ пишетъ по поводу этой внезапной кончины Мятлева, что „въ дѣломъ Петербургѣ не было человѣка болѣе „lebensfroh“ и „lebenslustig“, — до такой степени, что не проходило ни одного бала, даже дѣтскаго, на которомъ онъ, несмотря на свои 48 лѣтъ, не плясалъ бы до упаду, наравнѣ съ самыми молодыми людьми. Карьеры его, литературная и свѣтская, были совершенно своеобразныя, и въ этомъ смыслѣ онъ представлялъ лицо типическое, котораго лѣтописецъ общественной жизни въ царствованіе Императора Николая не можетъ пропустить въ своей галлерей. Въ литературномъ отношеніи слава его, какъ и тогда можно было предвидѣть, не было суждено долговѣчности, хотя онъ лишь за нѣсколько недѣль до смерти издалъ еще вторую часть своихъ „Сенсацій г-жи Курдюковой“ . . . Всѣ его произведенія имѣли нѣкоторое достоинство только тогда, когда онъ самъ ихъ читалъ, а на это дѣло Мятлевъ былъ и мастеръ, и охотникъ. Въ обществѣ онъ умѣлъ поставить себя въ исключительное положеніе. Обладая огромнымъ состояніемъ, живя уже нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ (на службѣ онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и камергеромъ), онъ окружилъ себя ореоломъ „свѣтскаго поэта“ и остряка, которому, ради поэтическаго вдохновенія или остраго слова, прощались многое, что не сошло бы съ рукъ простому смертному. Мятлевъ и въ свѣтѣ, и при Дворѣ, наконецъ и съ самимъ Государемъ разыгрывалъ, въ облагороженномъ родѣ, роль старинныхъ нашихъ шутовъ, надъ которыми, когда они говорили правду, даже иногда и самую колючую, только смѣялись. Гоняясь безпрестанно за остротами, онъ, разумеется, временами и находилъ ихъ, хотя часто выдавалъ за импровизацію придуманное имъ на досугѣ, въ своемъ кабинетѣ, хотя каламбуры и насмѣшки его выходили почти всегда грязными и нерѣдко площадными. Не довольствуясь изустнымъ высказываніемъ разныхъ злобныхъ діатрибъ на счетъ современныхъ событій и лицъ, даже и вообще администраціи, онъ часто клалъ ихъ и на бумагу, все въ томъ же тонѣ простодушной и болѣе „паяснической“ насмѣшки. Эти эпиграммы, грѣшившія, однако, всегда растянутостію, читались имъ безстрашно въ самыхъ многлюдныхъ салонахъ и почти даже въ переднихъ, потому что онъ былъ очень неразборчивъ въ качествѣ слушателей, лишь бы имѣть ихъ. Потомъ онъ переписывались во множествѣ экземпляровъ, разлетавшихся и далѣе Петербурга. Въ этомъ смыслѣ онъ представлялъ нѣчто въ родѣ римскихъ Марфорія или Пасквина, — съ тою, однако, разностию, что нашъ *Ишка* былъ не статуею, а очень живымъ человѣкомъ и все-таки осторожнѣе своихъ италіанскихъ оригиналовъ, потому что до особы Государя, напримѣръ, никогда не прикасался и вообще въ стихахъ своихъ не называлъ по именамъ никого изъ лицъ, выводимыхъ имъ на сцену. Въ этомъ собственно отношеніи, т. е. какъ острый и колкій эпиграмматистъ всей современности, Мятлевъ оставилъ большой пробѣлъ въ высшемъ нашемъ обществѣ, котораго онъ былъ необходимымъ звеномъ, нѣсколько оживлявшимъ прозаическое его однообразіе“ („Русск. Стар.“ 1899 г., № 11, стр. 292—293). Пушкинъ и его другъ князь Вяземскій очень любили Мятлева, вмѣстѣ посѣщали его для про-

слушанія его „nouvelles maternités“ и других стихотвореній, а иногда и вмѣстѣ сочиняли шуточные пьесы, вродѣ извѣстнаго „поминанья“: „Надо помянуть, непременно помянуть надо: Трехъ Матренъ, Да Луку съ Петромъ. Помянуть издо и тѣхъ, которые напрымѣръ: Бывшаго поэта Панцербитера, Нашего прихода честнаго пресвитера, Купца Риттера, Резанова, славнаго кондитера“ и т. д. и т. д., посланнаго въ письмѣ къ Жуковскому отъ 26-го марта 1833 г. (см. Собраніе сочиненій князя П. П. Вяземскаго, С.-Пб. 1893 г., стр. 538—542). Приглашая однажды, 28-го мая 1834 г., Пушкина пріѣхать къ Мятлеву обѣдать, Вяземскій, пародируя одно посланіе В. А. Пушкина, писалъ нашему поэту: „Мятлевъ —

Любезный родственникъ, поэтъ и камергеръ,
А ты ему родня, поэтъ и камеръ-юнкеръ:
Мы выпьемъ у него шампанскаго на клункеръ, —
И будутъ намъ стихи на матерный манеръ“ (Переписка, т. III, стр. 119).

Три шутливныя записки Мятлева къ Пушкину напечатаны въ Акад. изданіи его Переписки, — въ т. II, стр. 378 (1832 г.), т. III, стр. 10—11 (1833 г.) и стр. 118 (1834 г.). Шуточное ризмованное приглашеніе Вяземскаго отъ 27-го іюля 1833 г. (см. въ „Русск. Арх.“ 1868 г., стр. 461) къ обѣду на дачу въ с. Знаменское (подъ Петербургомъ) оканчивалось такъ: „Итакъ, вотъ вамъ мой рапортъ и донесеніе; пріѣзжайте же съ Пушкинымъ въ воскресенье: мы дадимъ вамъ супа и пирога а въ прочемъ остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга И. Мятлевъ“.

— (Стр. 4). *О провинившихся и наказанныхъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ офицерахъ см. выше, стр. 2 и 56.*

— (Стр. 4). *Блай* — Англійскій посланникъ (см. выше, стр. 2 и 54).

— (Стр. 4). *Ст.* (а не *См.*, какъ печаталось раньше въ нѣкоторыхъ изданіяхъ)—лицо, не поддающееся опредѣленію.

— (Стр. 4). *Приглашеніе* Пушкину явиться къ Главному Начальнику III Отдѣленія генералъ-адъютанту графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу до насъ не дошло, — быть можетъ оно было передано поэту и не въ письменной формѣ, какъ обыкновенно, а на словахъ, черезъ посланнаго къ нему чиновника III Отдѣленія (Н. Лернеръ, Труды и дни Пушкина, стр. 296); не дошелъ до насъ и отвѣтъ Бенкендорфа на письмо Пушкина отъ 6-го декабря 1833 г., въ которомъ онъ просилъ разсмотрѣть „стихотвореніе“, которое желалъ бы напечатать въ новомъ журналѣ А. Ф. Смирдина „Библиотека для Чтенія“, и „Исторію Пугачевщины“; отвѣтъ ему уже былъ заготовленъ, но не отправленъ, ибо (какъ отмѣчено на черновикѣ этого отвѣта) „Графъ Александръ Христофоровичъ сказалъ Г. Пушкину отвѣтъ на его письмо на словахъ 15 декабря 1833 г.“ (Дѣла III Отдѣленія . . . объ А. С. Пушкинѣ, С.-Пб. 1906, стр. 137); въ датѣ ошибся или Пушкинъ, или чиновникъ III Отдѣленія; какъ бы то ни было, вопросъ и въ письмѣ Пушкина, и въ отвѣтѣ Бенкендорфа, и въ разговорѣ его съ поэтомъ касался „Мѣднаго Всадника“, — поэмы, лишь недавно до того написанной имъ въ бытность въ Болдинѣ, въ октябрѣ 1833 г. Получивъ свою рукопись исчерканною и не одобренною къ печати, Пушкинъ надѣялся добиться пропуска, передѣлавъ мѣста поэмы, вызвавшія сомнѣнія: вмѣсто опальнаго слова *кумиръ* поставилъ *свдокъ*, вмѣсто *померкла старая Москва* — *главой склонилася Москва* и т. под. Но передѣлки эти не привели ни къ чему: „Мѣднй Всадникъ не пропушенъ.—Убытки и неприятности“, писалъ поэтъ Нащо-

кину въ началѣ марта 1834 г.—Въ неизданномъ еще дневникѣ А. И. Тургенева за 1834 г. читаемъ подъ 19-мъ октября: „Пушкинъ читаль мнѣ новую поэмку на наводненіе 824 г. Прелестно; но ценсоръ его, Государь, много стиховъ зачернил, и онъ печатать ее не хочет“. „Поэма Пушкина о наводненіи превосходна, но исчерчена и потому не печатается“, — писалъ тотъ-же Тургеневъ князю П. А. Вяземскому 24-го октября 1834 г. (Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 262). И дѣйствительно, лишь небольшой отрывокъ изъ вступленія, подъ заглавіемъ „Петербургъ“, напечатанъ былъ при жизни поэта — въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1834 г. (кн. 12, т. 7, отд. I, стр. 117—119), вся же поэма появилась въ печати уже послѣ смерти Пушкина—въ „Современникѣ“ 1837 г., т. V, съ пропусками и передѣлками Жуковского. Рукопись, хранящая слѣды чтенія ея Николаемъ I, дошла до насъ и хранится въ Румянцовскомъ Музеѣ.

— (Стр. 4). *Смирдинъ* — Александръ Филипповичъ (род. 21-го января 1795, ум. 16-го сентября 1857), популярный книгопродавецъ и дѣльный издатель, содержавшій книжную лавку на Невскомъ проспектѣ, въ двухъ великолѣпно отдѣланныхъ этажахъ дома противъ Казанскаго собора („Древн. и Нов. Россія“ 1880 г., № 8, стр. 619); по поводу переѣзда его сюда 19-го февраля 1832 г. писатели, по предложенію Жуковского, поднесли Смирдину, для изданія, свои произведенія, изъ которыхъ составилось три тома сборника „Новоселье“ (1833, 1844 и 1846 г.); Пушкинъ далъ въ I томъ „Домикъ въ Коломнѣ“ (на гравированномъ титулѣ этого тома среди гостей Смирдина изображенъ и Пушкинъ), а во II—„Анджело“; когда же, въ концѣ 1833 г., Смирдинъ (лѣтомъ этого года выпустившій первое полное изданіе „Евгенія Онѣгина“) получилъ разрѣшеніе на изданіе, съ 1834 г., журнала „Библіотека для Чтенія“, то онъ заключилъ съ Пушкинымъ условіе о монопольномъ, такъ сказать, правѣ на всѣ новыя произведенія поэта, обязавшись платить Пушкину за каждый стихъ по червонцу (Дневникъ А. В. Никитенка, т. I, стр. 241—242); изъ нихъ въ „Библіотекѣ“ 1834 г. появились: „Гусаръ“ (кн. 1), „Сказка о Мертвой Царевнѣ“ (кн. 2), „Будрысь и его сыновья“ (кн. 3), „Воевода“ (тамъ-же), „Пиковая дама“ (тамъ-же), „Красавица“ (кн. 5), „Подражанія древнимъ“ (кн. 8), „Элегія“ (кн. 10), „Два любопытные документа о Пугачевѣ“ (кн. 11), вышеупомянутый отрывокъ „Петербургъ“ (кн. 12) и повѣсть „Кирджали“ (тамъ-же). Еще ранѣе, въ 1830 г., Смирдинъ приобрѣлъ у Пушкина право на изданіе, въ теченіе 4-хъ лѣтъ, всѣхъ уже ранѣе вышедшихъ въ свѣтъ его сочиненій. Къ 1831 году относятся шуточные стихи Пушкина въ письмѣ къ М. А. Яковлеву:

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ:
У торгаша сего семь пятницъ на недѣль, —
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождичка четвергъ.

Однако, поэтъ относился съ уваженіемъ къ дѣятельности Смирдина, который былъ искренно преданъ интересамъ литературы и ея дѣятелей и поддерживалъ ихъ весьма высокими для своего времени гонорарами. Его лавка была своего рода литературнымъ клубомъ, гдѣ сходились писатели для дѣловыхъ бесѣдъ. Такъ, А. Е. Измайловъ писалъ однажды Смирдину:

Когда къ Вамъ ни придешь,
То литераторовъ всегда у Васъ найдешь

И въ умной, дружеской бесѣдѣ
Забудешь иногда, ей-ей, и объ объѣдѣ.

Извѣстна пародія Пушкина и графа В. А. Соллогуба на эти стихи:

Коль ты къ Смирдину зайдешь,—
Ничего не купишь:
Иль Сенковского найдешь,
Иль въ Булгарина наступишь.

А. В. Никитенко въ маѣ 1834 г. писалъ о Смирдинѣ слѣдующія строки: „Смирдинъ истинно честный и добрый человекъ, но онъ не образованъ и, что всего хуже для него, не имѣетъ характера. Наши литераторы владѣютъ его карманомъ, какъ арендою. Онъ можетъ разориться по ихъ милости. Это было бы настоящимъ несчастіемъ для нашей литературы! врядъ-ли ей дождаться другого такого безкорыстнаго и простодушнаго издателя. Я не разъ предостерегалъ его“ (Дневникъ, т. I, стр. 244). Дѣйствительно, широко развивъ, съ годами, издательскую дѣятельность (онъ предпринялъ изданіе серіи собранія сочиненій Русскихъ авторовъ), Смирдинъ не справился съ финансовой стороною дѣла, разорился и умеръ въ бѣдности. О немъ см. обстоятельную статью В. Грекова въ „Русскомъ Биографическомъ Словарѣ“, т. Саб.—См., стр. 646—647.

— (Стр. 4). *Кочубей* — князь (съ 6-го декабря 1831 г.) Викторъ Павловичъ (род. 11-го ноября 1768, ум. въ ночь на 3-е іюня 1834), родной правнукъ Кочубея, казненнаго въ 1708 г. за доносъ на гетмана Мазепу и выведеннаго въ „Полтавѣ“ Пушкина, — племянникъ и воспитанникъ князя Безбородка, бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, съ 29-го апрѣля 1827 г. — Предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, съ 21-го апрѣля 1834 г. — Государственный Канцлеръ по дѣламъ Внутренняго гражданскаго управленія (см. ниже, запись въ Дневникѣ подъ 25-мъ апрѣля 1834 г.), одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Россіи, въ 1838 г. насчитывавшій въ своемъ владѣніи 16.566 душъ въ губерніяхъ Полтавской, Саратовской, Нижегородской, Калужской, Черниговской и другихъ (В. Л. Модзалевскій, Малороссійскій Родословникъ, т. II, Кіевъ. 1910, стр. 538). Онъ былъ женатъ на Маріи Васильевнѣ Васильчиковой (род. 1779, ум. 1844), воспитанницѣ Н. К. Загряжской (см. выше), также богатой помѣщицѣ Саратовской, Калужской и Херсонской губерній (см. тамъ-же). О его смерти см. выше, стр. 19, запись въ дневникѣ Пушкина подъ 19-мъ іюня 1834 г.

— (Стр. 4). *Нессельроде* — графъ Карлъ Васильевичъ (род. 2-го декабря 1780, ум. 11-го марта 1862 г.), въ 1833 г. — Вице-Канцлеръ, Членъ Государственнаго Совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ и кавалеръ ордена Андрея Первозваннаго, стоявшій во главѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; въ вѣдомствѣ этого Министерства числился на службѣ, какъ извѣстно, и Пушкинъ, — и Нессельроде являлся, еще съ 1817 г., высшимъ начальникомъ поэта (см. Н. Гастфрейндъ, Пушкинъ. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго Главнаго Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, относящіяся къ службѣ его 1831—1837 гг., С.-Пб. 1900). Къ Пушкину, какъ человеку или поэту, Нессельроде не проявлялъ ни малѣйшаго вниманія и интересовался имъ, повидимому, только во дни дуэли и посмертныхъ осложненій этого дѣла — и то лишь съ дипломатической его стороны, ибо,

какъ *Министръ Иностранныхъ Дѣлъ*, не могъ быть безучастнымъ къ роли *Нидерландскаго посланника* Геккерена. За то жена Нессельроде, статсъ-дама графиня Марія Дмитриевна, рожденная графиня Гурьева (род. 2-го июня 1786, ум. 6-го августа 1849), впоследствии ставшая посаженной матерью убійцы Пушкина, барона Дантеса-Геккерена, принадлежала къ числу явныхъ враговъ Пушкина и держалась по отношенію къ нему нескрываемо и вызывающе недружелюбно. Пушкинъ платилъ ей за это ненавистью, которая, по словамъ князя П. П. Вяземскаго, „едва-ли не превышала ненависть его къ Булгарину. Пушкинъ не пропускалъ случая клеймить эпиграмматическими выходками и анекдотами свою надменную антагонистку, едва умѣвшую говорить по-русски...“ (см. въ *Воспоминаніяхъ князя П. П. Вяземскаго — его Сочиненія*, С.-Пб. 1893, стр. 562—563; ср. „*Русск. Арх.*“ 1910 г., кн. II, стр. 128, примѣч., у Великаго Князя Николая Михайловича, *Русскіе портреты*, т. V, № 157, и въ книгѣ А. С. Полякова: *О смерти Пушкина. Труды Пушкинскаго Дома*, Пгр. 1922, по указателю).

— (Стр. 4). *Голодъ* 1833 года въ Россіи, въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ ея, былъ послѣдствіемъ засухи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ достигалъ большихъ размѣровъ. — 1-го ноября 1833 г. князь П. А. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу о „печальныхъ извѣстіяхъ изъ южныхъ губерній о неурожаѣ и недостаткѣ хлѣба, хотя мѣры дѣятельныя и вспомогательныя, принятыя правительствомъ, ослабляютъ по возможности это бѣдствіе, которое, впрочемъ, въ иныхъ мѣстахъ и было преувеличено. Позволеніе, данное помѣщикамъ, опростать запасныя магазейны съ возложеніемъ на нихъ отвѣтственности прокормленія, въ случаѣ нужды, — причина всего зла. Теперь помѣщики и рады бы кормить, да негдѣ корма взять, потому что неурожаѣ не частный, а захватилъ всю полосу хлѣбородную... Слухи носятъся“, прибавляя онъ, шутя: „что хлѣбный неурожаѣ отзовется и на балный урожай нынѣшнюю зимою въ Петербургѣ. Впрочемъ, не вѣроятно: ноги вѣдь хлѣба не вѣдятъ, а балъ — самый лучший подножный кормъ. Et puis, s'il n'y a pas de pain, nous ne mangerons que des petits patés. Que faire ? Il faut se résigner“ (Архивъ братьевъ Тургеневыхъ, выпускъ 6-й, подъ редакціей Н. К. Кульмана, Пгр. 1921, стр. 361 — 362). Въ Высочайшемъ указѣ отъ 10-го сентября 1833 г., повелѣно было „для облегченія [!] Губерній, наиболѣе отъ засухи пострадавшихъ, отсрочить въ нихъ на нѣкоторое время совершеніе народной переписи, Манифестомъ отъ 16-го Юня сего года предопредѣленной“ (см. Мѣсяцесловъ на 1835 г., стр. 234).

— (Стр. 4). *14-го декабря*, въ годовщину подавленія возстанія 1825 года и вступленія своего на престолъ, Императоръ Николай ежегодно давалъ балъ. „Со времени происшествій 14-го декабря 1825 г.“, пишетъ въ своихъ Запискахъ баронъ М. А. Корфъ, товарищъ Пушкина: „Императоръ Николай неизмѣнно праздновалъ ихъ годовщину, считая всегда это число днемъ истиннаго своего восшествія на престолъ. Всѣ лица, принимавшія прямое или косвенное участіе въ подвигахъ достопамятнаго дня, были собираемы ко Двору, гдѣ, или въ малой церкви Зимняго дворца, или въ церкви Аничкина, совершалось благодарственное молебствіе, при которомъ, послѣ обыкновеннаго многолѣтія, были возглашаемы сперва вѣчная память „рабу Божию графу Михаилу (Милорадовичу) и всѣмъ, въ день сей за вѣру, царя и отечество убиеннымъ“, а въ заключеніе — многолѣтіе „храброму всероссійскому воинству“. Затѣмъ всѣ присутствовавшіе

допускались къ рукѣ Императрицы и цѣловались съ Государемъ, какъ въ Свѣтлый Праздникъ. Много лѣтъ сряду Государь прїѣзжалъ еще, въ этотъ день, въ Конногвардейскій и въ Преображенскій полки, которые, какъ извѣстно, были первыми на площадь къ охраненію праваго дѣла, и эти царственныя посѣщенія онъ прекратилъ тогда лишь, когда въ составѣ упомянутыхъ полковъ не осталось уже никого изъ ветерановъ 14-го декабря. Въ прежнее время въ это число бывалъ всегда и маленькій балъ въ Аничкинскомъ дворцѣ“ („Русск. Стар.“ 1899 г., № 7, стр. 29).

— (Стр. 4). Сообщая о балѣ у графа В. П. Кочубея, Пушкинъ подтверждалъ сдѣланное имъ наканунѣ предсказаніе.

— (Стр. 4). *Графиня Шувалова*—Текла (Текла) Игнатьевна, рожд. Валентиновичъ (род. 24-го сентября 1801, ум. 25-го октября 1873), въ первомъ бракѣ бывшая за фаворитомъ Екатерины II, свѣтлѣйшимъ княземъ Платономъ Александровичемъ Zubовымъ (ум. 7-го апрѣля 1822); въ 1826 г. она вышла замужъ за графа Андрея Петровича Шувалова (род. 30-го августа 1802, ум. 26-го іюня 1873), въ 1833 г. бывшаго камергеромъ, а въ 1834 г.—церемоніймейстеромъ, впоследствии членомъ Государственнаго Совѣта и оберъ-камергеромъ. Графиня Э. И. Шувалова, родомъ полька, славилась своею обольстительною красотою. Такой цѣнитель и знатокъ женщинъ, какъ князь П. А. Вяземскій, одно время былъ сильно увлеченъ ею; А. И. Тургеневу онъ писалъ въ началѣ 1836 г. за границу, что „полюбилъ ее за ея поэтическое чувство, которое не охладѣло и не увяло на Петербургскомъ холодѣ . . . Мы съ ней свѣтски ссорились, но я всегда сохранялъ отъмѣнное уваженіе и симпатію къ ней за многія милья и рѣдкія качества ея. Чтѣ въ ней хорошаго и привлекательнаго, то все природное: она родилась розою безъ шиповъ, а если есть, то-есть, бываютъ шипы, то приставшіе отъ Петербургскихъ репейниковъ, да и тѣ не держатся на ней. Когда я еще писалъ стихи и былъ на Рейнѣ, я началъ-было балладу про развалины замковъ die Brüder и въ героинѣ баллады моей написалъ я ея портретъ. Только это и помню, а всѣ стихи забылъ, и въ бумагахъ моихъ не осталось написаннаго. Теперь жалью, потому что послалъ бы ихъ тебѣ въ свидѣтельство моей сердечной памяти, которая лучше головной“ („Остафьевскій Архивъ“, т. III, стр. 284—285). Откликаясь на слова Тургенева: „твоя Шувалова никогда не будетъ моею“, князь Вяземскій писалъ: „За что ты на нее вдругъ разсердился? Въ ней много милаго и добраго; есть темныя мѣста, но въ комъ ихъ нѣтъ?“ (тамъ-же, стр. 340, 348). А. О. Смирнова, рассказывая исторію выхода Теклы Валентиновичъ замужъ за князя Zubова, а затѣмъ за графа Шувалова, пишетъ, что эта красавица „была какъ-то пышно-хороша; руки, шея, глаза, волосы у нея — все было классически хорошо“. Отзывъ о ней Пушкина см. еще въ записи его Дневника подъ 14-мъ апрѣля 1834 г. (выше, стр. 14).

(Стр. 5). 17-е декабря въ 1833 году приходилось въ воскресенье; традиціонными же, еще съ 1817 года, днями собраній у Жуковскаго были субботы. На нихъ, до переѣзда Жуковскаго за границу, собирались лучшіе писатели и вообще представители умственныхъ и художественныхъ силъ тогдашняго Петербурга. „Особенно я любилъ В. А. Жуковскаго“, вспоминаетъ А. И. Кошелевъ, говоря о своей Петербургской жизни начала 1830-хъ годовъ: „Чистота его души и ясность его ума сильно къ нему привлекали. По вечерамъ я встрѣчалъ у него Крылова, Пушкина, барона Дельвига и другихъ; бесѣды были замѣчательны по простотѣ и сердечности. Самъ Жуковскій, хотя жилъ въ Петербургѣ и къ

тому же при Дворѣ, поражаля чистотою своей души“ (Записки, Берлинъ. 1884, стр. 31). О „субботахъ“ Жуковского въ такъ называемомъ Шепелевскомъ домѣ Зимняго Дворца — см., между прочимъ, „Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1202, 1161—1162; 1867 г., ст. 642; 1873 г., кн. I, стр. 0472—3; 1885 г., кн. II, стр. 579; 1888 г., кн. II, стр. 294; „Русск. Стар.“ 1902 г., № 7, стр. 101; „Шукинскій Сборникъ“, вып. VIII, стр. 323.

— (Стр. 5). Тика, Людвигъ (род. 1773, ум. 1853) — извѣстный нѣмецкій поэтъ-романтикъ, переводчикъ на нѣмецкій языкъ Шекспира и Сервантеса; личный знакомый Жуковского, онъ славился, какъ искусный тчець; объ одномъ его вечерѣ, на которомъ онъ выступалъ съ чтеніемъ трагедіи Клейста „Принцъ Гамбургскій“, восторженно рассказываетъ Н. И. Гречъ, описывая свое пребываніе въ Дрезденѣ. „Никто не умѣетъ съ такою истинною, съ такимъ чувствомъ читать драматическія сочиненія“, говоритъ онъ. „Я въ жизни не слыхалъ такого чтенія естественнаго, выразительнаго, характернаго: онъ не слыхалъ дѣйствующихъ лицъ, а отгнѣялъ ихъ голосомъ и тономъ. Очарованіе было такъ совершенно, что по прошествіи нѣсколькихъ дней мнѣ казалось, будто я дѣйствительно видѣлъ эту драму на сценѣ“, и т. д. (см. его „Путевыя письма изъ Англій Германіи и Франціи въ 1838 г.“, ч. II, С.-Пб. 1839, стр. 259—264). Самъ Жуковский, рассказывая о знакомствѣ своемъ съ Тикомъ, пишетъ, какъ онъ выслушалъ его чтеніе „Макбета“: „Большое искусство!“ восклицаетъ онъ. „Особенно понравились мнѣ мѣста ужасныя: сцена вѣдьмъ, монологъ Макбета передъ убійствомъ, ужасное описаніе убійства, сцена, въ которой является жена Макбетова сонная. Онъ также, какъ и Плещеевъ, читаетъ, не называя говорящихъ: и по голосу, и по выраженію, и по лицу его можно легко узнавать всѣхъ. Только въ выраженіи чувства онъ уступаетъ нашему и вообще лицомъ своимъ не такъ владѣетъ, какъ нашъ смуглый декламаторъ [Плещеевъ]. Онъ еще читалъ мнѣ Шекспирову комедію: Was Ihr wollt, — и въ комическомъ онъ еще лучше, нежели въ трагическомъ“. . . . (П. Загаринъ, В. А. Жуковский и его произведенія, М. 1883, стр. 304). А. И. Тургеневъ въ одномъ письмѣ къ брату также сравнивалъ Тика, по „комическому искусству читать театральныя пьесы“, съ А. А. Плещеевымъ, извѣстнымъ тчецомъ и пріятелемъ Жуковского (Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, Лейпцигъ. 1872, стр. 24).

Кто былъ нѣмецкій *amateur*, ученикъ Тика, читавшій, — по мнѣнію Пушкина, неудачно, — „Фауста“, не знаеъ. Объ отношеніи самого Пушкина къ Гёте вообще и къ „Фаусту“ въ частности (предъ созданіемъ „Фауста“ Пушкинъ, по его собственному выраженію, „благословѣлъ“) — см. монографію В. А. Розова: „Пушкинъ и Гёте“, Кіевъ. 1908, и замѣтку А. А. Горнфельда о „Сценѣ изъ Фауста“ Пушкина — въ Сочиненіяхъ Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 408—416. — О Жуковскомъ и „Фаустѣ“ см. въ книгѣ А. Н. Веселовскаго: В. А. Жуковский, С.-Пб. 1904, стр. 357—359.

— (Стр. 5). Князь В. Долгорукий — князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ (род. 27-го марта 1787, ум. 12-го декабря 1858), сынъ знаменитой красавицы княгини Е. О. Долгоруковой и внукъ князя В. М. Долгорукова-Крымскаго, — былъ тогда исправляющимъ должность Президента Придворной Конюшенной Конторы; имѣлъ званія оберъ-штальмейстера и дѣйствительнаго камергера и былъ Петербургскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства (см. стр. 10, запись Пушкина подъ 17-мъ марта 1834 г.); впоследствии онъ былъ Андреевскимъ кавалеромъ и состоялъ Вице-Президентомъ Имп. Вольно-Экономическаго Обще-

ства (см. Великий Князь Николай Михайловичъ, Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, т. V, № 82). Его литографированный въ 1834 г. портретъ см. въ „Словарѣ русскихъ литографированныхъ портретовъ“ Н. А. Обольянинова и В. Я. Адарюкова, т. I, М. 1916, стр. 295.

(Стр. 5). *О приключеніи съ мебелью* сообщалъ 4-го января 1834 г. и князь П. А. Вяземскій А. И. Тургеневу: „Здѣсь долго говорили о странномъ явленіи въ домѣ конюшни придворной: въ комнатѣ одного изъ чиновниковъ стулья, столы плясали, кувыркались, рюмки, налитыя виномъ, кидались въ потолокъ; призывали свидѣтелей, священника со святою водою, но балъ не унимался. Не знаю, чѣмъ балъ кончился; но дѣло въ томъ, что рассказы не пустыя, а точно что-то было: дьявольское-ли наводненіе [sic] или людское, неизвѣстно“ („Остафьевскій Архивъ“, т. III, стр. 254—255). Отъ Вяземскаго слухъ разошелся и по всей Москвѣ; такъ, любитель подобныхъ новостей, А. Я. Булгаковъ спрашивалъ своего Петербургскаго брата въ письмѣ отъ 25-го декабря 1833 г.: „Что это у васъ за чудеса были со стульями у какого-то конюшеннаго чиновника? Только и разговора здѣсь. Ты не пишешь объ этомъ, но Вяземскій мнѣ намекаетъ. Какія ни представлялъ подробности, я не вѣрю, но весьма любопытенъ знать развязку дѣла, вступившаго официально, какъ говорятъ, къ Министру Двора и утвержденного присягою 20 лицъ. Здѣсь дамы перепуганы. На балъ у Щербатова рассказы вали о стулѣ, переходящемъ съ мѣста на мѣсто самъ собою. Бартенева (мать) ужасно перепугалась и сказала, дрожа: Ахъ, какія страсти! Ну какъ это и въ Москву перейдетъ? — Да развѣ это холера? сказала Катенька. Не повѣришь, какъ насъ насмѣшили этотъ простой, но неожиданный отвѣтъ Катеньки. Другія дамы, видя также тутъ какъ будто свѣтопреставленіе, крестятся и крѣпко надѣются на Московскихъ угодниковъ. Такая тревога, что не повѣришь“ („Русск. Арх.“ 1902 г., кн. I, стр. 626).

— (Стр. 5). *Сухтельнъ* — графъ Константинъ Петровичъ Сухтеленъ (род. 31-го декабря 1790, ум. 6-го мая 1858), отставной генераль-майоръ, женатый на Елизаветѣ Яковлевнѣ Ланской, въ послѣдствіи шталмейстеръ, Вице-Президентъ Придворной Конюшенной Конторы и оберъ-егермейстеръ.

— (Стр. 5). *Блудовъ* — Дмитрій Николаевичъ (род. 5-го апрѣля 1785, ум. 19-го февраля 1864), съ 18-го апрѣля 1842 г. — графъ; пріятель А. И. Тургенева, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Дашкова и другихъ арзамасцевъ и самъ дѣятельный членъ „Арзамаса“ (гдѣ носилъ прозвище „Кассандра“ и гдѣ встрѣчался съ юношей-Пушкинымъ), Блудовъ былъ большой почитатель Карамзина и близкій къ нему человекъ, издавшій, по завѣту исторіографа, XII-й, посмертный томъ „Исторіи Государства Россійскаго“. Онъ началъ службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, въ послѣдствіи былъ Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретаремъ, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ (1832—1839), членомъ Государственнаго Совѣта, Министромъ Юстиціи (1839), Президентомъ Академіи Наукъ (1855—1864) и Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. Блудовъ получилъ воспитаніе и образованіе на заграничный ладъ и вообще по внѣшности и по складу своего ума и вкусовъ напоминалъ собою стариннаго маркиза (см. письмо Пушкина къ князю П. А. Вяземскому отъ конца мая—начала іюня 1825 г.). Талантливый французскій писатель и авторъ Записокъ Ипполитъ Оже, познакомившійся съ Блудовымъ въ Петербургѣ около 1815 года, писалъ о немъ: „Я люблю вспоминать о моихъ тогдашнихъ разговорахъ съ Блудовымъ. Мнѣ все казалось, что я все еще въ Па-

рижъ: такъ хорошо зналъ онъ нашъ языкъ со всѣми оттѣнками и особенностями, такъ свободно владѣлъ имъ. . . . Память у него была изумительная: онъ говорилъ, какъ книга. Разговаривая, онъ всегда ходилъ по комнатѣ, слегка подпрыгивая, точно маркизъ на сценѣ. Сходство было такое полное, что мнѣ всегда чудилось, будто на немъ шитый золотомъ кафтанъ и красные каблуки“ („Русск. Арх.“ 1877 г., кн. I, стр. 252). Блудовъ славился своимъ умомъ, остроуміемъ, начитанностью и краснорѣчіемъ. Графъ М. Д. Бутурлинъ говоритъ, что „не встрѣчалъ челоѣка со столь увлекательнымъ даромъ слова: просто заслушаешься его, какъ бы соловья. Но кромѣ качества блестящаго разсказчика онъ отличался утонченною вѣжливостію и умѣнливъ внимательно выслушивать своего собесѣдника, чего не дѣлаютъ обыкновенно говоруны“ (тамъ-же 1897 г., кн. III, стр. 521). Участіе въ Верховномъ Судѣ надъ декабристами и составленіе Донесенія Слѣдственной о нихъ Коммиссіи нѣсколько отдалили Блудова отъ друзей его молодости, но въ то же время выдвинули его въ глазахъ Императора Николая I, который и поставилъ его на высшія служебныя ступени. Пушкинъ бывалъ въ домѣ Блудова до послѣдняго года своей жизни; дочь его, извѣстная графиня Антонина Дмитріевна Блудова, вспоминая о лицахъ, посѣщавшихъ ея отца, пишетъ въ своихъ Запискахъ: „А вотъ и Пушкинъ, съ своимъ весельемъ, заливающимся, ребяческимъ смѣхомъ, съ безпрестаннымъ фейерверкомъ остроумныхъ, блистательныхъ словъ и добродушныхъ шутокъ, а потомъ—растерзанный, убитый жестокимъ легкомысліемъ пустыхъ, тупыхъ умниковъ салонныхъ, не постигшихъ ни нѣжности, ни гордости его огненной души“ („Русск. Арх.“ 1889 г., кн. I, стр. 62). Сохранилось одно коротенькое официальное письмо Пушкина къ Блудову, отъ 20-го января 1832 г., касающееся работъ поэта надъ исторіей Петра Великаго, въ которыхъ онъ пользовался указаніями и руководствомъ Блудова, большого знатока отечественнаго прошлаго (П. В. Анненковъ, Матеріалы для біографіи Пушкина, С.-Пб. 1855, стр. 360).

— (Стр. 5). Пожалованіе титулярнаго совѣтника, состоящаго въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Александра Пушкина въ камеръ-юнкеры состоялось, собственно, 31-го декабря 1833 г., когда былъ подписанъ Николаемъ I указъ Придворной Канторѣ объ этомъ пожалованіи, но еще наканунѣ, 30-го числа, графъ К. В. Нессельроде, въ вѣдомствѣ котораго числился поэтъ на службѣ, извѣстилъ о томъ Министра Двора князя П. М. Волконскаго. Указъ былъ опубликованъ, между прочимъ, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ среды, 3-го января 1834 г., № 1, стр. 4, въ „Сѣверной Пчелѣ“ отъ 3-го января 1834 г., № 2, стр. 5, въ № 1 „Journal de St.-Petersbourg“ 1834 г. и др. Одновременно съ Пушкинымъ были пожалованы: въ камеръ-юнкеры — коллежскій ассесоръ Николай Рѣмеръ, служившій въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, при Неапольской миссіи, и временно находившійся въ Петербургѣ, при Предсѣдателѣ Государственнаго Совѣта (Мѣсяцесловъ на 1834 г., ч. I, стр. 406), впослѣдствіи, съ 1856 г., сенаторъ, дѣйств. тайный совѣтникъ (ум. 13-го іюля 1889 г.), бывшій моложе Пушкина на семь лѣтъ (род. 28-го ноября 1806 г.); и во фрейлины — княжна Екатерина Лобанова-Ростовская. Неожиданное пожалованіе свое въ придворное званіе Пушкинъ старался принять, какъ знакъ милости и вниманія, хотя его не покидало чувство нѣкоторой досады, особенно, когда онъ вспоминалъ, что многіе его знакомые и пріятели, моложе его годами, были въ камеръ-юнкерскомъ званіи уже давно, какъ, напр., его

шуринъ, Д. Н. Гончаровъ, Н. М. Смирновъ, князь В. Ѳ. Одоевскій и другіе. Въ письмѣ къ Нащокину, уже отъ начала марта 1834 г., сообщая о своемъ пожалованіи, Пушкинъ говорилъ: „конечно, сдѣлавъ меня камеръ-юнкеромъ, Государь думалъ о моемъ чинѣ, а не моихъ лѣтахъ—и вѣрно не думалъ ужъ меня колынуть“, а въ письмѣ къ женѣ, отъ 20—22-го апрѣля, говоря о трехъ царяхъ, которыхъ онъ видѣлъ, иронически замѣчалъ: „первый [Павель I] велѣлъ снять съ меня картузь и пожурилъ за меня мою няньку; второй меня не жаловалъ; третій хотъ и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнявъ его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ“. „Пушкинъ оскорблялся“, пишетъ князь П. П. Вяземскій, „что камеръ-юнкерство ставило его на одинъ рядъ съ юношами весьма разнообразнаго достоинства“ (Собраніе сочиненій, С.-Пб. 1893, стр. 544). Друзья и знакомые поэта въ свою очередь были такъ же удивлены новымъ званіемъ Пушкина, какъ и онъ самъ. „Поздравляю тебя съ наступленіемъ новаго года нашего, разродившагося — знаешь чѣмъ? Вѣчно не отгадаешь! — Камеръ-юнкерствомъ Пушкина! Онъ возвратился изъ степной поѣздки своей и навезъ много стиховъ, которыхъ я еще не читалъ, въ ожиданіи чтенія у Жуковскаго“, — сообщалъ князь П. А. Вяземскій („Остафьевскій Архивъ“, т. III, стр. 253). „Я и забылъ поздравить Ваше Высокопревосходительство, какъ оберъ-камергера нашихъ поэтовъ при лучезарнѣйшемъ дворѣ Феба, съ новымъ камеръ-юнкеромъ — поэтомъ Александромъ Пушкининомъ. Что скажете о томъ Полевоу?“ — писалъ тотъ же князь Вяземскій И. И. Дмитріеву („Русск. Арх.“ 1868 г., стр. 637; ср. „Стар. и Нов.“, вып. II, стр. 178; ср. еще въ письмѣ князя Вяземскаго къ А. Я. Булгакову — Собраніе сочиненій князя П. П. Вяземскаго, С.-Пб. 1893, стр. 544; въ письмѣ И. В. Кирѣевскаго къ А. М. Языкову — „Историч. Вѣстн.“ 1883 г., № 12, стр. 538). Освѣдомленный Н. М. Смирновъ (мужъ А. О. Смирновой) въ своихъ „Памятныхъ замѣткахъ“ рассказываетъ: „Пушкина сдѣлали камеръ-юнкеромъ; это его взбѣсило, ибо сіе званіе точно было неприлично для человѣка 34-хъ лѣтъ, и оно тѣмъ болѣе его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтобъ имѣть поводъ приглашать ко двору его жену. Притомъ на сей случай вышелъ мерзкій пасквиль [этотъ пасквиль намъ неизвѣстенъ. Б. М.], въ которомъ говорили о перемѣнѣ чувствъ Пушкина, будто онъ сдѣлался искателемъ, малодушнымъ, и онъ, дорожившій своею славою, боялся, чтобъ сіе мнѣніе не было принято публикою и не лишило его народности. Словомъ, онъ былъ огорченъ и взбѣшенъ и рѣшился не воспользоваться своимъ мундиромъ, чтобъ ѣздить ко двору, не шить даже мундира. Въ этихъ чувствахъ онъ пришелъ къ намъ однажды. Жена моя, которую онъ очень любилъ и очень уважалъ, и я стали опровергать его рѣшеніе, представляя ему, что пожалованіе въ сіе званіе не можетъ лишить его народности; ибо всѣ знаютъ, что онъ не искалъ его, что его нельзя было сдѣлать камергеромъ по причинѣ чина его; что натурально дворъ желалъ имѣть право приглашать его и жену его къ себѣ, и что Государь, пожалованіемъ его въ сіе званіе, имѣлъ въ виду только имѣть право приглашать его на свои вечера, не измѣняя старому церемоніалу, установленному при дворѣ. Долго спорили, убѣждали мы Пушкина; наконецъ полу-убѣдили. Онъ отнѣкивался только неимѣніемъ мундира, и что онъ слишкомъ дорого стоитъ, чтобъ заказать его. На другой день, узнавъ отъ портного о продажѣ новаго мундира князя Витгенштейна, перешедшаго въ военную службу, и что онъ совершенно будетъ въ-пору Пушкину, я ему послалъ его, написавъ, что мундиръ мною купленъ для него.

но что представляется его воля взять его или ввергнуть меня въ убытокъ, оставивъ его на моихъ рукахъ. Пушкинъ взялъ мундиръ и поѣхалъ ко двору. Вотъ всё объясненія его производства въ камеръ-юнкеры, по поводу котораго недоброжелатели Булгаринъ, Сенковский, литературные его враги, искали помрачить характеръ Пушкина. Сии подобности показываютъ также, сколько онъ былъ внимателенъ къ голосу истинной дружбы, и сколько добрый нравъ его позволялъ иногда друзьямъ имъ владѣть“ („Русск. Арх.“ 1882 г., кн. I, стр. 239). Пріятель Пушкина, А. Н. Вульфъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ февралѣ 1834 г. записалъ въ своемъ дневникѣ, что онъ нашелъ поэта „мало измѣнившимся отъ супружества, но сильно негодующимъ на царя за то, что онъ одѣлъ его въ мундиръ,—его, написавшаго теперь повѣствованіе о Пугачевѣ и нѣскольکو Русскихъ сказокъ. Онъ говоритъ, что онъ возвращается къ оппозиціи; но это едва ли не слишкомъ поздно; къ тому же, ея у насъ нѣтъ, развѣ только въ молодежи“ (Л. Майковъ, Пушкинъ, С.-Пб. 1899, стр. 208). Приведемъ, наконецъ, выдержку изъ письма С. Н. Карамзиной къ И. И. Дмитріеву отъ 20-го января 1834 г.: „Пушкинъ крѣпко боялся дурныхъ шутокъ надъ его неожиданнымъ камеръ-юнкерствомъ, но теперь успокоился, ѣздитъ по баламъ и наслаждается торжественною красотою жены „(Письма Карамзина къ Дмитріеву, С.-Пб. 1866, стр. 439; ср. „Пушк. и его соврем.“, вып. XXIX—XXX, стр. 33). Итакъ, настроеніе Пушкина двоилось,—онъ не могъ придти въ душевное равновѣсіе и, на поздравленіе Великаго Князя Михаила Павловича, отвѣтилъ: „Покорнѣйше благодарю Ваше Высочество; до сихъ поръ всё надо мною смѣялись, Вы первый меня поздравили“. Ср. стр. 6 и 21, въ записи подъ 5-мъ декабря 1834 г.

— (Стр. 5). N. N. — Наталья Николаевна Пушкина, жена поэта.

— (Стр. 5). *Dangeau* — Филиппъ де-Курсильонъ маркизъ де-Данжо (род. 21-го сентября 1638, ум. 9-го сентября 1720), французскій мемуаристъ; въ молодости служилъ въ военной службѣ, былъ адъютантомъ Людовика XIV и приобрѣлъ расположеніе короля пріятными чертами своего характера, а также, говорятъ, большимъ искусствомъ играть въ карты, — и сохранилъ это расположеніе до конца, благодаря своей преданности и скромности; король пользовался имъ для исполненія нѣкоторыхъ дипломатическихъ порученій. Въ 1668 г. онъ былъ принятъ во Французскую Академію,—частію какъ вельможа, частію же, можетъ быть, и за то, что съ удивительною легкостію писалъ стихи; онъ былъ также почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. *Saint-Simon* оставилъ портретъ Данжо, выставивъ его до крайности тщеславнымъ и говоря, что слѣдуетъ опасаться „принимать его безъ оговорокъ“. Буало посвятилъ ему свою сатиру на дворянство. Данжо широко извѣстенъ своимъ Дневникомъ („*Journal*“), въ который, съ 1684 до 1720 г., онъ, день за днемъ, вносилъ все, что происходило при дворѣ и въ королевскомъ семействѣ. Не смотря на стиль записей, краткость ихъ, мелочныя подробности и повторенія,—это наиболее цѣнный документъ о частной жизни Людовика XIV, неисчерпаемый источникъ разнообразныхъ указаній. Отрывки изъ него были изданы въ 1770 г. Вольтеромъ (который очень насмѣхался надъ Дневникомъ, — быть можетъ изъ-за нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ Данжо противъ Вольтера), въ 1816 г. — г-жею Жанлисъ, въ 1818 — Лемонтэ; полное же изданіе было сдѣлано Сулье въ сотрудничествѣ съ другими лицами и съ присоединеніемъ „*Additions inédites du duc de Saint-Simon*“ въ Парижѣ, въ 1854 г., въ 19 томахъ. Пушкинъ зналъ Дневникъ Данжо по 4-хъ-томному изданію, находившемуся въ его личной библиотекѣ: „*Mémoires et Journal du*

Marquis De Dangeau, publiés pour la première fois sur les manuscrits originaux; avec les Notes du Duc De Saint-Simon“, Paris. MDCCCXXX (8°, XXXVI+378, 420, 414 и 375 стр.), при чемъ, прочтя біографію Данжо и текстъ томовъ I и II, Пушкинъ въ III томѣ разрѣзалъ лишь 105 страницъ, а томъ IV вовсе не разрѣзалъ; было у него и упомянутое изданіе Лемонтэ: „Essai sur l'Établissement monarchique de Louis XIV et sur les altérations qu'il éprouva pendant la vie de ce prince. Morceau servant d'introduction à une Histoire critique de la France, depuis la mort de Louis XIV; précédé de nouveaux mémoires de Dangeau, Contenant environ 1000 articles inédits sur les événements, les personnes, les usages et les moeurs de son temps; avec de notes autographes, curieuses et anecdotiques ajoutées à ses Mémoires par un courtisan de la même époque. Par Pierre - Edouard Lémontey, Paris. 1818, 8°, 484 стр. (Б. Л. Модзалевскій, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910). О Данжо см. очеркъ въ т. XI „Causeries du lundi“ Sainte-Beuve'a.

— (Стр. 5). *Безобразовъ*—Сергѣй Дмитріевичъ (род. 22-го августа 1801, ум. 6-го декабря 1879), бывший адъютантъ Великаго Князя Константина Павловича, въ 1834 г.—ротмистръ л.-гв. Кирасирскаго полка, флигель-адъютантъ (съ 1831 г.), состоящій при Особѣ Его Величества. Декабристъ Н. И. Лореръ, знавшій его еще въ Варшавѣ, говоритъ, что Безобразовъ былъ „однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ своего времени“, что „его смѣло можно было назвать Аполлономъ Бельведерскимъ, а при его любезности, ловкости, умнѣнъ танцовать, въ особенности мазурку, не мудрено было ему сводить всѣхъ Полекъ съ ума“ („Русск. Арх.“ 1874 г., кн. II, стр. 684). 10-го ноября 1833 г. Безобразовъ женился на свитной фрейлинѣ Императрицы Александры Θεодоровны—княжнѣ Любови Александровнѣ Хилковой (род. 17-го августа 1811, ум. 28-го ноября 1859). О свадьбѣ говорили заранѣе, и Пушкинъ, узнавъ о ней, писалъ женѣ изъ Болдина 8-го октября 1833 г.: „Безобразовъ умно дѣлаеть, что женится на К. Хилковой: давно бы такъ. Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться весь свой вѣкъ за чужими женами и выдавать за свои чужіе стихи“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 51). Рассказывая о самомъ торжествѣ, П. Г. Дивовъ пишетъ: „Свадьба праздновалась въ Зимнемъ дворцѣ. Я былъ приглашенъ невѣстою и, по повѣсткѣ отъ двора, отправился въ дворецъ къ 9-ти часамъ. Приглашенные собрались въ Концертномъ залѣ, возлѣ котораго находится маленькая церковь. Императоръ и Императрица благословляли жениха, а Великій Князь Михаилъ и княгиня Щербатова—невѣсту. По окончаніи свадебнаго обряда присутствующіе благодарили Ихъ Величества. Я стоялъ въ числѣ близкихъ родныхъ княжны, у дверей. Затѣмъ насъ повели въ гостиную Императрицы, гдѣ она посадила новобрачную на диванъ съ Великой Княгиней Еленой Павловной. Новобрачный стоялъ рядомъ съ Императоромъ. Императрица подошла и разговаривала со многими лицами. Намъ былъ предложенъ чай, и затѣмъ мы уѣхали на квартиру новобрачныхъ, которые поселились въ Графскомъ переулкѣ, близъ Таврическаго дворца, въ скромномъ домикѣ, меблированномъ съ большимъ вкусомъ“ („Русск. Стар.“ 1900 г., № 4, стр. 135—136; ср. 1886 г., т. 50, стр. 540, и „Архивъ села Михайловскаго“, т. II, вып. 1, С.-Пб. 1902, стр. 26). Однако, вся вышеописанная торжественность и близость молодыхъ супруговъ къ царской семьѣ не принесли имъ счастья: князь П. А. Вяземскій, какъ и Пушкинъ, уже въ первыхъ числахъ января 1834 г. отмѣчаетъ „несчастную исторію молодыхъ и новобрачныхъ Безобразовыхъ“ и сообщаетъ, что „должны были разлучить ихъ. Она отправилась въ Москву, къ брату своему, генералу;

онъ посылается на Кавказъ. Бѣшенная ревность овладѣла имъ съ перваго дня брака, а говорятъ—и до брака, такъ что онъ готовъ былъ на всѣ неистовства и преступленія. Богъ знаетъ, какихъ причинъ не выдумываютъ тому въ городѣ, но я ничего не вижу въ этомъ, кромѣ монomanіи его. Жаль ее сердечно. . . Кто бы подумалъ, что бѣдная Люба Хилкова, холодная, благоразумная, мѣрная, образцовая лединка Зимняго дворца, будетъ героинею подобной трагической повѣсти! Вотъ-те и бракъ по любви!“ („Остафьевскій Архивъ“, т. III, стр. 255. Ср. также записи Пушкина подъ 7-мъ и 17-мъ января и 17-мъ марта). Безобразовы, однако, черезъ нѣсколько времени опять свѣхались и до конца жизни прожили дружно и счастливо; С. Д. Безобразовъ съ декабря 1835 по май 1842 г. былъ командиромъ славнаго Нижегородскаго драгунскаго полка, затѣмъ состоялъ при Кавказскомъ корпусѣ, произведенъ былъ въ генераль-маіора, а въ 1847 г. назначенъ командиромъ сперва л.-гв. Уланскаго, а потомъ Кавалегардскаго полковъ; впоследствии былъ генераль-адъютантомъ, генераломъ-отъ-кавалеріи и членомъ Александровскаго Комитета о раненныхъ. См. о немъ Сборникъ біографій кавалегардцевъ, т. IV, стр. 166—170, съ портретомъ; „Архивъ Раевскихъ“, подъ редакціей Б. А. Модзалевскаго, т. III, С.-Пб. 1910, стр. 153.

— (Стр. 5). О Н. К. *Заряжскій* см. выше, стр. 58—59.

— (Стр. 5). Михаилъ Михайловичъ *Сперанскій* (род. 1-го января 1772, ум. 11-го февраля 1839), тогда еще не графъ, былъ въ 1834 г., въ чинѣ дѣйств. тайнаго совѣтника, членомъ Государственнаго Совѣта въ Департаментѣ Законовъ. Еще въ февралѣ 1832 г. поэтъ получилъ отъ Императора Николая экземпляръ Полнаго Собранія Законовъ (см. сб. „Пушкинъ и его современники“, вып. XIV), исполненнаго многотными трудами Сперанскаго. Личность послѣдняго не могла не интересоватъ Пушкина, но когда онъ съ нимъ познакомился, неизвѣстно; въ февралѣ 1834 г. поэту пришлось столкнуться со Сперанскимъ по дѣловому поводу, — когда ему разрѣшено было печатать „Исторію Пугачевскаго бунта“ въ Типографіи II Отдѣленія, находившейся въ вѣдѣніи Сперанскаго (см. переписку по этомъ поводу, опубликованную А. Н. Макаровымъ въ сб. „Пушкинъ и его современники“, вып. XVI). Біографъ Сперанскаго, баронъ М. А. Корфъ говоритъ, что Пушкинъ посѣщаль его особенно въ 1834 г., когда печаталась „Исторія“ (Жизнь Сперанскаго, т. II, стр. 349). Графъ С. Г. Строгановъ въ 1861 г. рассказывалъ барону М. А. Корфу, что встрѣчалъ у Сперанскаго Пушкина и присутствовалъ при ихъ обоюдныхъ толкахъ объ „Исторіи Пугачевскаго бунта“ („Русск. Стар.“ 1902 г., № 1, стр. 150). См. также запись Пушкина о свиданіяхъ и бесѣдѣ со Сперанскимъ подъ 2-мъ апрѣля и въ письмѣ Пушкина къ женѣ отъ 29-го мая 1834 г.—Сперанскій, несомнѣнно, умѣлъ цѣнить Пушкина; недаромъ еще въ октябрѣ 1820 года, въ письмѣ къ дочери изъ Тобольска, онъ писалъ: „Руслана я знаю по нѣкоторымъ отрывкамъ. Онъ дѣйствительно имѣетъ замашку и крылья генія“ („Русск. Арх.“ 1868 г., ст. 1790).

— (Стр. 5). *Ермоловъ* — Алексѣй Петровичъ (род. 27-го мая 1777, ум. 11-го апрѣля 1861), извѣстный герой Отечественной войны и Кавказа. Пушкинъ познакомился съ нимъ лично въ маѣ 1829 г. (во время своей поѣздки на Кавказъ) въ Орлѣ, когда опальный Ермоловъ былъ уже не у дѣлъ. Онъ упоминаетъ его въ самомъ началѣ своего „Путешествія въ Арзрумъ“. „Еще въ 1820 году, говоритъ Е. Г. Вейденбаумъ: „возвратясь въ Кишиневъ съ Кавказскихъ водъ, поэтъ писалъ своему брату Льву: „Ермоловъ наполнилъ Кавказъ своимъ

*

именемъ и благотворнымъ гениемъ“. Неудивительно поэтому, что Пушкинъ не затруднился сдѣлать липникъ 200 верстъ для свиданія съ прославленнымъ Кавказскимъ вождемъ. Замѣчательнъ отзывъ Пушкина о наружности Ермолова. Считается почти обязательнымъ называть голову Ермолова львиной. Но Пушкинъ говоритъ, что у него голова тигра на Геркулесовомъ торсѣ, и затѣмъ прибавляетъ: „улыбка непрятная, потому что не естественна“. Если припомнить, что въ характерѣ Ермолова была извѣстная доля двуличности и хитрости, давшая Великому Князю Константину Павловичу поводъ называть его паперомъ Губеромъ (извѣстный генераль ордена іезуитовъ въ Петербургѣ), то сравненіе Пушкина должно признать болѣе меткимъ, чѣмъ сравненіе со львомъ, придуманное безусловно панегиристами Ермолова. Оно еще разъ подтверждаетъ независимость мнѣній Пушкина и правдивость его въ отзывахъ даже о тѣхъ, кого онъ искренно почиталъ“ („Кавказская поминка о Пушкинѣ“, Тифлисъ. 1899, стр. 112). Дошелъ до насъ и отзывъ Ермолова о Пушкинѣ. Въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому отъ 30-го ноября 1829 г. поэтъ Д. В. Давыдовъ, спрашивая объ адресѣ Пушкина, писалъ: „Кстати о Пушкинѣ: онъ проѣздомъ въ Грузію заѣхалъ къ Ермолову, который пишетъ мнѣ: „Былъ у меня Пушкинъ. Я въ первый разъ видѣлъ его и, какъ можешь себѣ вообразить, смотрѣлъ на него съ живѣйшимъ любопытствомъ. Въ первый разъ не знакомятся коротко, но какая власть высокаго таланта! Я нашелъ въ себѣ чувство, кромѣ невольнаго уваженія. Ему также, я полагаю, необыкновеннымъ показался простой приемъ, къ каковому жизнь въ столицѣ его вѣрно не приучила“. Въ другомъ мѣстѣ письма, хваля сочиненія Пушкина, онъ говоритъ: „Вотъ это поэзія! Это не стихи нашего знакомаго Грибоѣда, отъ *жеванія* которыхъ скулы болятъ. Къ счастью моему, Пушкинъ, какъ кажется, не написалъ ни одного экзаметра—родъ стиха, который можетъ быть и хорошъ, но *въ мой ротъ не умѣщается*“ („Старина и Новизна“, кн. XXII, стр. 38—39). Впослѣдствіи Ермоловъ познакомился и съ женою Пушкина и былъ восхищенъ ея красотою („Русск. Арх.“ 1906 г., кн. III, стр. 39). Въ 1833 г. поэтъ обращался къ Ермолову съ письмомъ (котораго до насъ дошелъ лишь исчерканный черновикъ), прося „дозволить ему быть его историкомъ“ и издать его Записки (И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина, С.-Пб. 1903, стр. 88—89). Ср. также въ записи подъ 3-мъ іюня 1834 г., гдѣ Пушкинъ называетъ Ермолова „великимъ шарлатаномъ“.

— (Стр. 5). *Вигель* — Филиппъ Филипповичъ (род. 12-го ноября 1786, ум. 20-го марта 1856), авторъ знаменитыхъ Записокъ, въ которыхъ много цѣнныхъ данныхъ между прочимъ и о Пушкинѣ. Съ Вигелемъ поэтъ познакомился еще въ послѣ-лицейскій Петербургскій періодъ своей жизни и встрѣчался съ нимъ, между прочимъ, въ „Арзамасѣ“, членомъ котораго былъ и Вигель (съ именемъ „Ивиковъ Журавль“), а затѣмъ въ Кишиневѣ и Одессѣ (1823—1824), въ Москвѣ (1827 и 1829) и въ Петербургѣ въ 1830-хъ годахъ; сохранилось три письма Вигеля къ Пушкину—1831 и 1836 гг., а въ 1823 году поэтъ обратился къ Вигелю со стихотворнымъ шутивнымъ посланіемъ (извѣстнымъ лишь въ черновикѣ), въ послѣднихъ словахъ котораго содержится указаніе на тотъ противоположный порокъ Вигеля, о коемъ говоритъ Пушкинъ и въ Дневникѣ. Сохранилось много отзывовъ современниковъ объ этомъ весьма оригинальномъ, образованномъ и умномъ, но мало симпатичномъ чловѣкѣ. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ. Ипполитъ Оже такъ описываетъ его (около 1815 г.): „Вигелю было тогда лѣтъ тридцать. Съ перваго взгляда онъ не поражалъ благородствомъ осанки и

тою изящною образованностью, которою отличались Русскіе дворяне . . . Круглое лицо съ выдающимися скулами заканчивалось острымъ пріятнымъ подбородкомъ; ротъ маленькій съ ярко-красными губами, которые имѣли привычку стягиваться въ улыбку и тогда становились похожи на круглую вишенку. Это случалось при всякомъ выраженіи удовольствія: онъ какъ будто хотѣлъ скрыть улыбку, словно скупой, который бережетъ свои золотыя слова и довольствуется только ихъ звукомъ. Рѣчь его отличалась особеннымъ характеромъ: она обильно пересыпалась удачными выраженіями, легкими стишками, анекдотами, и все это съ утонченностью выраженія и щеголеватостью языка придавало невыразимую прелесть его разговору. Его слова были точно мелкая, отчетливо отчеканенная монета; она принималась охотно во всѣхъ конторахъ. Но иногда его заостренные словечки больно кололись: очень остроумнымъ нельзя быть безъ нѣкоторой дозы злости. Его взоръ блестялъ лукаво, но въ то же время и привлекалъ къ себѣ“. Однако, Вигель, прибавляетъ Оже: „былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно опредѣлить съ перваго раза: чтобъ изучить его хорошія и дурныя свойства, нужны были благопріятныя обстоятельства, много наблюдательности и способность къ анализу“ („Русск. Арх.“ 1877 г., кн. I, стр. 70, 74—75). А. М. Фадѣевъ отзываясь о немъ, какъ о чловѣкѣ „умномъ, образованномъ, но во многомъ чрезвычайно странномъ и строптивомъ“ („Русск. Арх.“ 1891 г., кн. I, стр. 414). А. Я. Булгаковъ называетъ Вигеля (1827) умнымъ и „пріятнымъ малымъ“ (ibid. 1901 г., кн. III, стр. 15, 18), также и К. Я. Булгаковъ (1828 г.): „Филиппъ Вигель умный малый и добрый кажется, а нигдѣ не можетъ ужиться. У Воронцова онъ нѣсколько разъ мѣнялъ мѣста, въ Кишиневѣ со всѣми перессорился, бывши вице-губернаторомъ“ . . . (ibid., 1903 г., кн. III, стр. 128). По поводу встрѣчи съ Вигелемъ у Уварова въ 1832 г., Н. А. Мухановъ отмѣтилъ въ дневникѣ своемъ: „Вигель имѣетъ гадкую репутацію, вкусы Азіатскіе, слылъ всегда шпиономъ; . . . говорятъ, что весьма умный чловѣкъ и свѣдущій . . . О Вигелѣ графъ Александръ Т[олстой] большого понятія. Говоритъ, что мало людей, столь здраво-мыслящихъ. Это потому, что Вигель мыслей самыхъ монархическихкихъ, даже деспотическихкихъ“ (ibid., 1897 г., кн. I, стр. 656). Въ знаменитыхъ Запискахъ Вигеля Плетневъ нашель „пренаблюдательный умъ, только желчный и односторонній“ (ibid., 1870 г., стр. 1285); князь Вяземскій, говоря о нихъ, отмѣчаетъ ихъ достоинства, но и большіе недостатки и пишетъ: „Авторъ имѣлъ замѣчательный природный и даже довольно образованный умъ. Скажу болѣе,—я убѣжденъ, что онъ имѣлъ даже и мягкое, доброе сердце; но раздражительный, щекотливый нравъ его портилъ въ немъ дары природы. Во многихъ отношеніяхъ узкость понятій, мелкое чиновничество, доводившее самолюбіе его до малодушія, затмѣвали свѣтлый умъ его. Способный любить и уважать достойныхъ людей, онъ былъ злопмятенъ въ бездѣлицахъ и за бездѣлицы. Онъ не прощаль, если не оплатятъ ему тотъ часъ же визита его, если нарушатъ въ немъ права мѣстничества, то есть, посадятъ его за столomъ не на мѣсто, которое онъ считалъ подобающимъ чину его. . . Въ теченіи жизни онъ неоднократно ссорился не только съ отдѣльными лицами, но и съ цѣлыми семействами, съ городами, областями и народами. Не претерпѣвшій никогда особеннаго несчастья, онъ былъ несчастливъ самъ по себѣ и самъ отъ себя. Можно сказать, что, при остоятельствахъ довольно благопріятныхъ, онъ болѣзненно прошелъ жизнь свою, безпрестанно уязвляемый иглистыми терніями и булавками, которыми онъ самъ осыпалъ дорогу свою. Все это отражается въ Запискахъ его и лишаетъ

ихъ того здраваго и внушающаго довѣренность характера, который составляетъ прямое и главное достоинство историческихъ и личныхъ Записокъ“ („Русск. Арх.“ 1866 г., стр. 219—220). Известный Соболевскій сказалъ о немъ:

И въ Москвѣ, въ Нерчинскѣ-ль, въ Ригѣ-ль
Нѣтъ нигдѣ тебѣ житья!
О, Филиппъ Филиппычъ Вигель,
Не красна твоя судьба!

а К. С. Аксаковъ назвалъ его: „на все озлобленный Мордвинъ“ (ibid. 1879 г., кн. I, стр. 216). Его старый знакомецъ, еще со временъ „Арзамаса“, Д. Н. Блудовъ, подъ начальствомъ котораго какъ Министра, Вигель служилъ съ апрѣля 1829 г. въ должности Вице-Директора Департамента Духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, выразился о немъ однажды: Il n'est bon que quand il est méchant“ (ibid., 1897 г., кн. III, стр. 522), но очень цѣнилъ его, какъ чиновника, и въ 1830 году горячо защищалъ его передъ А. Х. Бенкендорфомъ, когда тотъ запрашивалъ его однажды о Вигелѣ по поводу „дошедшихъ частнымъ образомъ до Государя Императора Николая Павловича неблагопріятныхъ о немъ свѣдѣній“, въ которыхъ былъ намекъ и на „его поведение, которое уже всѣмъ его знающимъ известно“ (См. „Сѣв. Почту“ 1864 г., № 51, отъ 4-го марта), 1-го января 1834 г. Ф. Ф. Вигель получилъ звѣзду ордена Станислава 1-й степени; будучи уже въ должности Директора того же Департамента, онъ 27-го апрѣля 1840 г. былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника („С-Пб. Вѣд.“ 1840 г., № 113); поселившись въ Москвѣ, Вигель умеръ тамъ, „всѣми оставленный, на рукахъ наемной прислуги“ („Русск. Арх.“ 1866 г., стр. 221). Первое полное изданіе его Записокъ было выпущено при „Русскомъ Архивѣ“ въ 1892 г.

— (Стр. 5). О имени кормилицы Екатерины II-й Норманъ или Леэрманъ мы не нашли никакихъ упоминаній ни въ Запискахъ самой Императрицы, ни въ монографіи о ней В. А. Бильбасова (т. I, С.-Пб. 1890). Екатерина только вспоминаетъ, что „въ кормилицы дали ей жену Прусскаго солдата, которой было лишь 19 лѣтъ: это была женщина живая и красивая“. Нѣкій Симонъ Норманъ, придворный мундшенкъ, въ 17 г. былъ пожалованъ въ премьеръ-майоры: не сынъ-ли это кормилицы? (Полн. Собр. Закон., т. XVI, стр. 407).

— (Стр. 6). Братъ Л. А. Безобразовой (см. выше, стр. 82—83)—князь Степанъ Александровичъ Хилковъ (род. 1786, ум. 10-го октября 1854), генераль-лейтенантъ. Объ отъѣздѣ къ нему въ Москву его сестры упоминаетъ и князь П. А. Вяземскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 4-го января 1834 г. (Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 255). Безобразовъ своего флигель-адъютантскаго званія не лишился, а лишь былъ посланъ служить на Кавказъ.

— (Стр. 6). О княгинѣ В. Ѳ. Вяземской см. выше, стр. 46 и 68.

— (Стр. 6). Великій Князь—Михаилъ Павловичъ; ср. выше, стр. 55—56.

— (Стр. 6). О графѣ А. А. Бобринскомъ см. выше, стр. 68—70.

— (Стр. 6). „О моемъ Пугачевѣ“ — т. е. о работѣ надъ „Исторіей Пугачевского бунта“.

— (Стр. 6). Названіе крѣпости, въ которой въ концѣ 1833 г. умерла сестра Пугачева, — написано Пушкинымъ неясно и не поддается разбору; можно условно прочесть: „Эпигорской“. Въ „Исторіи Пугачевского бунта“ Пушкинъ не упоминаетъ о заключеніи этой сестры Пугачева. П. Е. Щеголевъ сообщилъ

намъ документъ, найденный имъ въ Архивѣ бывшаго III Отдѣленія и касающійся смерти *дочери* (а не сестры) Пугачева: это—письмо Финляндскаго Генераль-Губернатора и Командующаго войсками, въ Финляндіи расположенными (на бланкѣ: Дежурство, Отдѣленіе 2-е. Въ Санктпетербургѣ, $\frac{2}{14}$ Маія 1833 № 1984), Бенкендорфу: Милостивый Гогодарь Графъ Александръ Христофоровичъ! Получивъ донесеніе Кексгольмскаго Плацъ-Маіора Подполковника Мѣва, отъ 15 Апрѣля за № 117-мъ, что жившая подъ надзоромъ полиціи въ г. Кексгольмѣ, дочь казака Емельки Пугачева, Аграфена, 5-го числа того м-ца отъ болѣзни и старости лѣтъ умерла и тѣло ея по обряду христіанскому благочиннымъ Священникомъ Алексѣемъ Владыкинымъ предано землѣ, — имѣю честь увѣдомить о томъ Ваше Сіятельство, присовокупляя, что о семъ доведено уже мною до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества. — Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорный слуга А. Меншиковъ. — На бумагѣ помѣта: „Къ свѣдѣнію“.

— (Стр. 6). Императрица Александра Теодоровна хорошо знала Василія Алексѣевича Перовскаго потому, что онъ, въ бытность ея мужа еще Великимъ Княземъ, состоялъ его адъютантомъ и въ день 14-го декабря 1825 г. находился при немъ безотлучно (см. выше, стр. 64).

— (Стр. 6). „Въ прошедшій вторникъ“ — т. е. 23-го января.

— (Стр. 7). О С. В. Салтыковѣ и его „вторникахъ“ см. выше, стр. 46—49.

— (Стр. 7). *Кн. Трубецкой* — князь Василій Сергѣевичъ (род. 24-го марта 1776, ум. 10-го февраля 1841), одинъ изъ героевъ Отечественной войны, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи, сенаторъ, Президентъ Комитета Общества попечительнаго о тюрьмахъ, съ 6-го декабря 1835 г. — членъ Государственнаго Совѣта. Въ молодости, по словамъ А. О. Смирновой, Трубецкой былъ красивъ и очень изященъ; онъ „получилъ чисто-французское воспитаніе и былъ большимъ любителемъ живописи“ и „пользовался всеобщимъ уваженіемъ“; біографъ Трубецкаго, А. А. Голомбѣвскій, пишетъ про него, что онъ, вѣроятно, не чуждъ былъ и литературы: Пушкинъ бывалъ у него вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ и др.; онъ былъ близко знакомъ съ поэтомъ К. Н. Батюшковымъ. Послѣдніе годы жизни Трубецкаго были всецѣло посвящены общественной благотворительности“. — Графиня Фредра пишетъ, съ другой стороны, что Трубецкой, при большомъ ростѣ, отличался рѣдкимъ безобразіемъ и внушалъ ей какое-то омерзене. Разведясь съ первою женою своею, княгинею Роганъ, рожденной принцессой Курляндской Екатериной Петровной Биронъ, онъ въ 1812 г. женился на извѣстной красавицѣ Софіи Андреевнѣ Вейсѣ (ум. 1848), дочери Виленскаго полиціймейстера. „Что за роза эта Трубецкая“, восклицалъ князь Вяземскій (1819), прибавляя: „Она умная, добрая и милая женщина и не тронута Петербургской гнилью, хотя и видно, что вѣтеръ Зимняго дворца вѣялъ на нее“ (Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 290, 299). Братъ ея, А. А. Вейсъ, былъ женатъ на У. М. Фридрихсѣ-Александровой, фавориткѣ Цесаревича Константина Павловича и матери его „воспитанника“ П. К. Александрова. Отъ брака съ Вейсѣмъ князь Трубецкой имѣлъ 5 сыновей и 6 дочерей, изъ коихъ Марія, извѣстная красавица, была замужемъ сперва за А. Г. Столыпинимъ, а потомъ за свѣтлѣйшимъ княземъ С. М. Воронцовымъ. О Трубецкомъ см. Сборникъ біографій кавалергардовъ, т. III, стр. 139—144; Великій Князь Николай Михайловичъ, Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, т. V, № 131; его же: Генераль-адъютанты Императора Александра I, С.-Пб. 1913, стр. 53—55.

— (Стр. 7). 9 (21)-го января 1834 г. умеръ въ Висбаденѣ 70-лѣтній Герцогъ Фердинандъ Вюртембергскій, генераль-фельдмаршалъ Австрійской службы; онъ былъ родственникомъ покойной Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Великой Княгини Елены Павловны по происхожденіи ихъ обѣихъ изъ Вюртембергскаго королевскаго дома. По этому случаю былъ наложенъ при Высочайшемъ Дворѣ трауръ на десять дней, считая съ 24-го января („Сѣв. Пчела“ 1834 г., № 23, стр. 88).

— (Стр. 7). *Старуха Гр. Бобринская*—графиня Анна Владиміровна, рожд. баронесса Унгернъ-Штернбергъ (род. 9-го января 1769, ум. 28-го марта 1846), дочь Ревельскаго коменданта, вдова (съ 20-го іюня 1813) перваго графа Бобринскаго и мать упомянутаго выше (стр. 68—70) графа Алексѣя Алексѣевича. Женщина „съ веселымъ характеромъ, добротой въ намѣреніяхъ и простотой въ обычаяхъ“, къ тому же „отмѣннаго ума и сердца“, она много лѣтъ послѣ смерти мужа провела въ деревнѣ, посвятивъ себя приведенію въ благоустройство значительнаго, но обременнаго долгами имѣнія мужа и воспитанію и образованію дѣтей. „Въ томъ и другомъ отношеніи“, говоритъ князь П. А. Вяземскій: „попеченія нѣжной матери увѣнчались успѣхомъ. Устроивъ хозяйственныя дѣла свои, переселилась она въ Петербургъ. По склонностямъ своимъ и умѣнью жить, графиня была рождена для общества. До кончины своей жила она стариннымъ домомъ, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. . . . Графиня жила жизнью общительною, гостеприимною. Она веселилась весельемъ другихъ. Всѣ добились знакомства съ нею, всѣ ѣздили къ ней охотно. А она принимала всѣхъ такъ радушно,—можно сказать, такъ благодарно, какъ будто мы ее одолжали, а не себя, посѣщая ея домъ. Въ обѣихъ столицахъ давала она праздники. Эти праздники были не только блистательны и роскошны, но и носили отпечатокъ вкуса и художественности. Не жалѣть денегъ на праздникъ еще ничего не значить. Въ званіи, въ обязанностяхъ гостеприимной хозяйки дома есть, безъ сомнѣнія, своя доля искусства. . . .“ (Сочиненія, т. VII, стр. 221—222). По словамъ барона М. А. Корфа, — графиня Бобринская была „одна изъ почтеннѣйшихъ, умнѣйшихъ и наиболѣе любимыхъ дамъ высшаго нашего круга. . . . Замужество съ сыномъ Императрицы Екатерины открыло ей доступъ къ двору, а высшія качества и плѣнительный умъ не замедлили всѣхъ къ ней привязать. Ее въ особенности удостоивала своего расположенія Императрица Марія Ѳеодоровна, а потомъ этимъ же расположеніемъ отличала ее и Императоръ Николай, очень часто посѣщавшій старушку, хотя она не была ни статсъ-дамою, ни даже кавалерственною дамою, и называвшій ее всегда „Tante“. Все знатное, сильное, имѣвшее притязаніе на высшій тонъ, стекалось въ великолѣпный ея домъ, на концѣ Галерной улицы, почти единственный, гдѣ еще держалась бесѣда безъ неизбѣжной, какъ въ другихъ, помощи танцевъ и картъ, хотя впрочемъ и у нея бывали по времени балы, украшавшіеся присутствіемъ Императорской фамилии. Положеніе графини при дворѣ было какъ бы исключительное, потому что безъ всякаго, какъ я уже сказалъ, придворнаго званія, не имѣвъ особеннаго значенія и по генераль-маіорскому чину покойнаго своего мужа, она не только въ домашнемъ придворномъ быту, но и на всѣхъ церемоніальныхъ выходахъ, обѣдахъ и пр. шла въ уровень съ статсъ-дамами“ („Русск. Стар.“ 1900 г., № 2, стр. 321—322). Въ жизни Пушкина графиня Бобринская едва не сыграла однажды, въ 1827 г., роковой роли: если вѣрить одному предположенію, высказанному въ „Русскомъ Архивѣ“ (1894 г., ин. I, стр. 285), изъ-за неуважительнаго отзыва Пушкина

именно о ней у поэта чуть-было не состоялась дуэль съ В. Д. Соломирскимъ (см. замѣтку Н. О. Лернера: „Несостоявшаяся дуэль Пушкина въ 1827 г.“— „Русск. Стар.“ 1907 г., № 7, стр. 103—104). О графинѣ Бобринской, видимо, очень расположенной къ Пушкину (см. ниже, записи въ дневникѣ), ср. еще въ „Капищѣ моего сердца“, князя И. М. Долгорукова и въ изданіи „Русскіе Портреты XVIII и XIX столѣтій“, Великаго Князя Николая Михайловича, т. I, № 128.

— (Стр. 7). *Баронъ д'Антесъ* — baron Georges-Charles d'Anthès (род. 5-го февраля 1812, ум. 2-го ноября 1895), въ Россіи именовавшійся Егоромъ Осиповичемъ, будущій убійца Пушкина, 5-го мая 1836 г. получившій отъ Нидерландскаго короля разрѣшеніе присоединить къ своему имени титулъ и имя Нидерландскаго посланника барона Геккерена (см. выше, стр. 53—54). Дантесъ явился въ Россію послѣ того, какъ, отказавшись служить Іюльской монархіи и будучи вынужденъ покинуть Францію, онъ, въ лицѣ Принца Прусскаго Вильгельма, племянника (по женѣ) Императора Николая и родного брата Имп. Александры Ѳеодоровны (будущаго Императора Германскаго и Короля Прусскаго), нашель себѣ покровителя, направившаго его въ Россію, къ Императору Николаю, съ письмомъ на имя Директора Канцеляріи Военнаго Министерства В. Ѳ. Адлерберга отъ 6-го октября н. ст. 1833 г.—Дантесъ прибылъ въ Петербургъ 8-го октября ст. ст. на пароходѣ „Николай I“, одновременно съ Нидерландскимъ посланникомъ барономъ Геккереномъ. Благодаря покровительству Адлерберга, уже 27-го января 1834 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о допущеніи Дантеса къ экзамену при Военной Академіи по программѣ Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, при чемъ онъ былъ освобожденъ отъ экзаменовъ по Русской словесности (ибо онъ не зналъ и Русскаго языка) и по Уставу и Военному судопроизводству. Экзамены Дантесъ выдержалъ,—и 8-го февраля былъ отданъ Высочайшій приказъ о зачисленіи его корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. По этому поводу фрейлина А. С. Шереметева, среди другихъ новостей, сообщала матери, въ письмѣ отъ 18-го февраля 1834 г., что у брата ея „новый товарищъ баронъ Дантесъ, молодой Французъ, изъ очень хорошаго семейства; пріѣхалъ сюда, чтобъ поступить на службу, выдержалъ прямо офицерскій экзамень, и Государь его опредѣилъ въ Кавалергардскій полкъ“ („Архивъ села Михайловскаго“, т. II, вып. 1, С.-Пб. 1902, стр. 32). По отзыву князя П. П. Вяземскаго, это былъ „человѣкъ практической, дюжинный, добрый малый, балагуръ, вовсе не ловелась, ни донъ-жуанъ, и пріѣхавшій въ Россію съдѣлать карьеру... Принятый въ Кавалергардскій полкъ, онъ до появленія приказа развѣзжалъ на вечера въ черномъ фракѣ и сѣрыхъ рейтузахъ съ красной выпушкой, не желая на короткое время замѣнять изношенные черные штаны новыми“... Онъ сразу „обратилъ на себя презрительное вниманіе Пушкина“ (Сочиненія, С.-Пб. 1893, стр. 558). Дальнѣйшая судьба Дантеса-Геккерена въ Петербургѣ, исторія его романа съ Н. Н. Пушкиной, женитьбы, 10-го января 1837 г., на ея сестрѣ Е. Н. Гончаровой, дуэли съ Пушкинымъ, суда, высылки изъ Россіи и жизни во Франціи разсказаны въ монографіи П. Е. Щеголева „Дуэль и смерть Пушкина“—въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники“, вып. XXV—XXVII, Пгр. 1916 (и отд. изд.); см. также въ книгѣ А. С. Полякова: О смерти Пушкина. По новымъ даннымъ. Труды Пушкинскаго Дома, Пгр. 1922, по указ. Біографію Дантеса см. еще въ „Сборникѣ біографій кавалергардовъ“, т. IV, стр. 75—92.

— (Стр. 7. *Маркиза де-Пина* (de Pina), Эммануилъ Ивановичъ, такъ-же,

какъ и Дантесъ, послѣ Июльской революціи оставшіяся вѣрнымъ королю Карлу X, при которомъ онъ былъ пажемъ („Русск. Арх.“ 1897 г., кн. II, стр. 552), прибылъ въ Петербургъ, по свидѣтельству В. В. Ленца, „безъ всякихъ средствъ и покровительства“, которое онъ приобрѣлъ лишь случайно, въ гостинницѣ, обѣдая за общимъ столомъ съ извѣстнымъ батальнымъ живописцемъ Ладжорнеромъ: посѣщая его мастерскую вмѣстѣ съ Дантесомъ, онъ встрѣтился тамъ съ Николаемъ I. „Оба вышли въ отставку, потому что не хотѣли служить Людовику-Филиппу, и это обстоятельство, благодаря тогдашнимъ натянутымъ отношеніямъ къ Франціи, послужило въ пользу обоимъ молодымъ людямъ. Дантесъ былъ красивый молодой человекъ, маркизъ—маленькаго роста и съ незначительнымъ лицомъ. Государь предложилъ имъ вступить въ Русскую службу... Маркизъ [поступилъ] въ армейскій полкъ, стоявшій въ Ямбургѣ“ („Русск. Арх.“ 1878 г., кн. I, стр. 454—455; ср. кн. II, стр. 391). Графъ М. Д. Бутурлинъ пишетъ въ Запискахъ своихъ также, что маркизъ Пина поступилъ не въ гвардію, а „въ какой-то армейскій пѣхотный полкъ. Я часто“, говоритъ онъ: „его встрѣчалъ въ 1835 году въ ресторанѣ Коппа, куда онъ однажды пригласилъ позавтракать (какъ разсказывали мнѣ) аббата Французской церкви Шибо, самъ исчезъ—и приглашенному пришлось заплатить за свое угощеніе“ („Русск. Арх.“ 1897 г., кн. II, стр. 552). Князь П. П. Вяземскій, по поводу упоминанія о маркизѣ Пина въ Дневникѣ Пушкина, въ свою очередь говоритъ, что Пина „въ гвардіи не служилъ, а поступилъ офицеромъ въ армейскій пѣхотный полкъ, сколько помнится въ Гренадерскій полкъ короля Прусскаго, и, сколько помнится, тотъ полкъ, въ который поступилъ Пина, былъ въ это время расположенъ въ Нарвѣ“. Дѣйствительно, память не измѣнила князю Вяземскому: въ составленномъ Ф. Орловымъ „Очеркъ исторіи С.-Петербургскаго гренадерскаго Короля Фридриха-Вильгельма III полка“ (С.-Пб. 1881, стр. 762) указано, что маркизъ Пина (его фамилія здѣсь исковеркана) 1-го апрѣля 1834 г. изъ Замосцускаго егерскаго полка былъ переведенъ въ тотъ полкъ прапорщикомъ, а 9-го мая 1836 г. уволенъ былъ отъ службы тѣмъ-же чиномъ. Князь Вяземскій причину недолговременности службы маркиза объясняетъ тѣмъ, что „онъ обвиненъ былъ въ кражѣ серебряныхъ ложекъ и долженъ былъ выйти въ отставку“ (Сочиненія, С.-Пб. 1893, стр. 558). Шуанами Пушкинъ называетъ Дантеса и Пина потому, что и они, какъ нѣкогда возставшіе во время Французской революціи крестьяне Бретани, боролись, хоть и пассивно, *противъ* революціи. При Республикѣ и Бонапартѣ шуаны терпѣли пораженія, а при Бурбонахъ предводители ихъ дѣлались генералами, а многіе были приняты даже въ число пэровъ.

— (Стр. 7). *С. Д. Безобразовъ* (см. выше, стр. 82 и 83), дѣйствительно, былъ посланъ въ командировку на Кавказъ, а жена его уѣхала въ Москву, къ брату своему, генералу князю С. А. Хилкову.

— (Стр. 7). *Масляница* въ 1834 году приходилась на 25-е февраля — 4-е марта. Описаніе баловъ во время этой масляной недѣли см. въ письмахъ К. Я. Булгакова къ брату—въ „Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 410 — 411, и въ письмахъ А. С. Шереметевой—въ изданіи „Архивъ села Михайловскаго“, т. II, вып. 1, стр. 33—36.

— (Стр. 7). *О печатаніи „Исторіи Пугачевскаго бунта“* съ экземпляра, нынѣ хранящагося въ Россійской Публичной Библиотекѣ, см. въ статьѣ Н. Н. Фирсова въ т. XI Сочиненій Пушкина, изд. Академіи Наукъ, Пгр. 1914, прим., стр. 40—46. Если вѣрить О. Н. Смирновой (дочери А. О. Смирновой), „Пуш-

кинъ счелъ долгомъ сказать Государю, что онъ записываетъ всѣ разговоры съ нимъ, но передъ смертью сожжетъ все. Государь отвѣтилъ ему: „Ты гораздо моложе меня, — ты переживешь меня, но все-таки спасибо“. Моя мать узнала потомъ отъ доктора Дая, что Пушкинъ, умирая, заставилъ его сжечь какой-то большой запечатанный конвертъ. Мать предположила, что это были именно вышеупомянутые разговоры“ (Записки, ч. I, стр. 3). Все это, однако, мало похоже на правду.

— (Стр. 7). *О графѣ А. А. Бобринскомъ* см. выше, стр. 68—70.

— (Стр. 7). *Гр. Шуваловъ*—Андрей Петровичъ, церемоніймейстеръ, мужъ известной красавицы графини Ѳеклы Игнатьевны Шуваловой (см. выше, стр. 76). Балъ у нихъ былъ 26-го февраля — „для новобрачныхъ Соловыхъ“ („Архивъ села Михайловскаго“, т. II, вып. 1, стр. 33).

— (Стр. 7). *Царевійца Скарятинъ* — Яковъ Ѳедоровичъ Скарятинъ (род. 24-го октября 17... , ум. въ 1850), женатый на княжнѣ Наталіи Григорьевнѣ Щербатовой, родной теткѣ графа А. П. Шувалова (его мать, Софья Григорьевна, была рожденная княжна Щербатова; третья сестра, княжна Анна Григорьевна, была за Ѳедоромъ Николаевичемъ Петрово-Соловово, а одинъ изъ братьевъ былъ въ первомъ бракѣ женатъ на сестрѣ друга Пушкина, князя П. А. Вяземскаго, — княжнѣ Екатеринѣ Андреевнѣ; см. Г. А. Власьевъ, *Потомство Рюрика*, т. I, ч. 3, стр. 276). Скарятинъ служилъ въ л.-гв. Измайловскомъ полку и былъ въ числѣ первыхъ кавалеровъ ордена Іоанна Іерусалимскаго (съ 10-го декабря 1798 г. — *Придв. Мѣсяц.* на 1807, стр. 492); 15-го октября 1800 г. онъ произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны (сборникъ „Царевійство 11 марта 1801 года“, изд. Суворина, С.-Пб. 1907, стр. 372), въ 1804 и 1806 гг. былъ уже полковникомъ Измайловскаго полка (*Мѣсяцесловы*: 1804 г., ч. I, стр. 40, и 1806 г., ч. I, стр. 13), въ которомъ Великій Князь Николай Павловичъ былъ шефомъ (ср. выше, стр. 63), и въ 1807 году вышелъ въ отставку (въ *Мѣсяцесловѣ* на 1808 г. уже не значится въ спискахъ полка); съ тѣхъ поръ онъ больше не служилъ, женился около этого же времени и остальную жизнь посвятилъ воспитанію своихъ 5 сыновей, веденію хозяйства въ своемъ богатомъ Орловскомъ имѣніи—селѣ Троицкомъ, Малоярославецкаго уѣзда, гдѣ у него было 2000 душъ крестьянъ (*Сборникъ біографій кавалергардовъ*, т. IV, стр. 37) и конскій заводъ; какъ образцовый сельскій хозяинъ и коннозаводчикъ, онъ пользовался известностію („*Русск. Арх.*“ 1894 г., кн. II, стр. 599) и былъ членомъ Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства (см. С. Масловъ, *Историческаго обзорѣніе Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства*, М. 1846, прилож., стр. 268, 285). Въ 1820—1847 гг. Скарятинъ былъ членомъ С.-Петербургскаго Англійскаго Собранія (*Стѣлѣтіе... Собранія*, С.-Пб. 1870, стр. 96). Въ 1819 г. онъ былъ масономъ Московской ложи „Ищущихъ Манны“,—одновременно съ В. А. Пушкинымъ, дядей поэта,—и занималъ въ ней видный постъ 2-го надзирателя („*Русск. Арх.*“ 1881 г., кн. II, стр. 58); судя по письму къ нему Андрея Кучакова, его сочлена по бывшей ложѣ „Трехъ Добродѣтелей“, съ сообщеніями о происшествіи 14-го декабря 1825 г., Скарятинъ былъ настроенъ консервативно и не сочувствовалъ современнымъ „карбонарамъ“, съ которыми раньше даже боролся въ нѣдрахъ ложи („*Голосъ Минувшаго*“ 1915 г., № 12, стр. 228—230). Н. А. Саблуковъ въ *Запискахъ* своихъ о переворотѣ 1801 г. утверждаетъ, что когда въ ночь на 12-е марта Павелъ I получалъ отъ графа Николая Зубова ударъ въ високъ и безъ чувствъ повалился на полъ, а французъ-камердинеръ Зубова вскочилъ съ ногами на животъ Императора,

„Скарятинъ, офицеръ Измайловскаго полка, снявъ висѣвшій надъ кроватю собственный шарфъ Императора, задушилъ его имъ. Такимъ образомъ его прикончили“ (Сборникъ „Цареубійство 11 марта 1801 года“, С.-Пб. 1907, стр. 88; ср. стр. 142, 158, 372; ср. К. Валишевскій, Сынъ Великой Екатерины, С.-Пб. 1914, стр. 568 и 606; А. Г. Брикнеръ, Смерть Павла I, С.-Пб. 1907, стр. 114, 115). Сыновья Я. Ѳ. Скарятинъ всѣ сдѣлали блестящую карьеру: Николай — былъ Курскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства и Казанскимъ губернаторомъ; Григорій — былъ флигель-адъютантомъ и свитскимъ генераломъ (убить въ Венгерскую кампанію; П. И. Бартенева сообщаетъ, что когда Г. Я. Скарятинъ являлся Николаю I благодарить за пожалованіе во флигель-адъютанты, то Императоръ сказалъ ему: *Dites à votre père: voilà comme je me venge*“—, „Русск. Арх.“ 1912 г., кн. I, стр. 313); Александръ, пѣвецъ-любитель и композиторъ, женатый на графинѣ Еленѣ Григорьевнѣ Шуваловой, былъ гофмейстеромъ; Владиміръ—Орловскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, Новгородскимъ губернаторомъ, егермейстеромъ и гофмаршаломъ двора Наслѣдника Цесаревича (убить на царской охотѣ въ 1871 г.); наконецъ, Ѳедоръ—былъ талантливыи художникъ и одинъ изъ основателей Московскаго Училища живописи, ваянія и зодчества. Ср. также записи подъ 8-мъ и 17-мъ марта.

— (Стр. 7). *Великій Князь* — Михаилъ Павловичъ (см. выше, стр. 55—56); образцы его каламбуровъ и острофъ собраны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1905 г., кн. III, стр. 233—234.

— (Стр. 7). *Австрійскій посланникъ* — графъ Фикельмонтъ (см. выше, стр. 36—38).

— (Стр. 7). *По поводѣ обилія увеселеній на масляницѣ* 1834 г. К. Я. Булгаковъ писалъ 26-го февраля: „Ну ужъ масляница! Всякій день балы. Сегодня у Шуваловыхъ, завтра у Лазаревыхъ, и французскія актрисы даютъ маскарадъ въ пользу какой-то вдовы, на который также собираются; въ Среду у Австрійскаго посла, въ Пятницу у кн. Волконскаго, въ Субботу двѣтскій маскарадъ во дворцѣ, а въ Воскресенье, говорятъ, маленькій балъ въ Аничковомъ дворцѣ, такъ какъ кн. Кочубей еще нездоровъ и не можетъ дать обыкновеннаго своего танцевальнаго дня“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 410). О тѣхъ же балахъ разсказываетъ и фрейлина А. С. Шереметева—см. „Архивъ села Михайловскаго“, т. II, вып. 1, стр. 33—36; описаніе бала 4-го марта, на которомъ былъ и Пушкинъ, и князь П. А. Вяземскій съ женою и дочерью, см. на стр. 34—35.

— (Стр. 8). „Вообрази, что жена моя на дняхъ чуть не умерла“, — писалъ Пушкинъ въ началѣ марта 1834 г. своему другу П. В. Нащокину: „Нынѣшняя зима была ужасно изобильна балами. — На масленицѣ танцовали ужъ два раза въ день. Наконецъ настало послѣднее воскресенье передъ Великимъ постомъ. Думаю: слава-Богу! балы съ плечъ долой! Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю—съ нею дѣлается дурно—я увожо ее и она, приѣхавъ домой—выкидываетъ. Теперь она (чтобъ не сглазигъ) слава Богу здорова и ѣдетъ надняхъ въ Калужскую губернію къ сестрамъ“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 83).

— (Стр. 8). *26-го февраля* Пушкинъ обратился къ графу А. Х. Бенкендорфу съ просьбой о выдачѣ ему изъ казны 20.000 рублей на напечатаніе „Исторіи Пугачевскаго бунта“, взаимны, срокомъ на два года; 4-го марта Бенкендорфъ уже сообщилъ Министру Финансовъ графу Е. Ф. Канкрину о послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи выдать поэту просимыя деньги, о чемъ въ тотъ же день онъ увѣдомилъ и самого Пушкина; 5-го марта послѣдній благода-

риль, письмомъ къ Бенкендорфу, о поддержкѣ его ходатайства о займѣ (см. „Дѣла III Отдѣленія о Пушкинѣ“, стр. 246 и слѣд.; „Русск. Арх.“ 1900 г., кн. II, стр. 100 и слѣд.; „Пушкинъ и его современники“, вып. XIII, стр. 102—103, вып. XVI, стр. 77—92). Подлинное „дѣло“ объ этой ссудѣ нынѣ находится въ Пушкинскомъ Домѣ, въ собраніи б. Пушкинскаго Лицейскаго Музея.

— (Стр. 8). *Молодая княгиня С.* — по всѣмъ вѣроятіямъ, — княгиня Любовь Васильевна Суворова-Рымникская, рожденная Ярцова (род. 4-го марта 1811, ум. 26-го октября 1867), бывшая свитная фрейлина Императрицы Александры Теодоровны, 12-го ноября 1830 г. вышедшая за князя Александра Аркадьевича Суворова-Рымникскаго (род. 1-го іюля 1804, ум. 31-го января 1882) („Русск. Арх.“ 1872 г., кн. II, стр. 1288, и 1906 г., кн. III, стр. 67), который въ 1834 г. былъ полковникомъ Фанагорійскаго гренадерскаго Генералиссимуса князя Суворова полка и флигель-адъютантомъ, состоящимъ (съ 30-го ноября 1830 и, вторично, — со 2-го января 1833 г.) при Особѣ Его Величества (Мѣсяцесловъ на 1834 г., ч. I, стр. 168). А. О. Смирнова, рассказывающая, какъ въ Л. В. Ярцову влюбился В. Э. Адлербергъ (будущій графъ и Министръ Двора), пишетъ: „Такъ какъ фрейлина зеленъ-виноградъ для флигель-адъютантовъ, то онъ сдѣлался повѣреннымъ ея сердечныхъ тайнъ. Она зналась, что умираетъ по Александру Суворову, и онъ устроилъ эту свадьбу очень легко. Суворовъ, прекрасный и честный малый, сдѣлалъ эту глупость и, что странно, несмотря на всѣ ея капризы, онъ всегда любилъ ее“ („Русск. Арх.“ 1895 г., кн. II, стр. 337); Смирнова называетъ ее „интриганткою“ и вспоминаетъ, какъ она съ другими фрейлинами радовалась „униженію“ Ярцовой выговоромъ Императрицы по поводу желанія Ярцовой скрыть свое родство съ Главной Надзирательницей Прачешнаго двора, которая приходилась ей теткой (тамъ же, стр. 332). Ярцова была, по словамъ графини А. Д. Блудовой, „красавица“ (тамъ же, 1874 г., кн. I, стр. 717), а свѣтскій стихотворецъ М. М. Магницкій писалъ о ней, намекая на ея имя „Любовь“ („Русск. Арх.“ 1897 г., кн. II, стр. 347—348):

Ton nom, fille charmante,
Te dit la vérité:
La grâce séduisante
Sera toujours aimée.

У четы Суворовыхъ была дочь княжна Любовь Александровна (род. 13-го ноября 1831) и сынъ князь Аркадій Александровичъ, родившійся 2-го октября 1834 г. (ср. ниже, запись подъ 16-мъ апрѣля 1834 г.). — Предположеніе о томъ, что Пушкинъ подъ именемъ „молодой княгини С—вой“ имѣетъ въ виду именно княгиню Л. В. Суворову, намъ кажется, имѣетъ всѣ признаки вѣроятности (ср., напр., „Русск. Стар.“ 1891 г., № 5, стр. 342, гдѣ, въ дневникѣ П. А. Валуева, упоминается, по поводу празднованія „серебряной свадьбы“ Суворовыхъ, о поднесенныхъ имъ „серебряныхъ рогахъ“); какъ „Суворова“, раскрыто ея имя и въ Ефремовскомъ спискѣ съ Анненковской копіи Дневника Пушкина, принадлежащей Пушкинскому Дому. Что касается графа В., то, какъ указываетъ на это и упомянутая Анненковская копія Дневника Пушкина, хранящаяся въ Пушкинскомъ Домѣ, такъ и сумма другихъ данныхъ, — это графъ Левъ Петровичъ Витгенштейнъ (род. 7-го іюня 1799, ум. 20-го іюня 1866), старшій сынъ генераль-фельдмаршала графа Петра Христіановича Витгенштейна (род. 1769, ум. 1843) отъ брака его съ Антуанетой Станиславовной, рожд. Снарской

(род. 1779, ум. 1825), вскорѣ приобрѣвшій, послѣ пожалованія отцу его королемъ Прусскимъ Фридрихомъ - Вильгельмомъ III княжескаго достоинства съ титуломъ свѣтлости (¹ 13-го мая 1834 г.), этотъ же титулъ. Воспитанникъ Пажескаго Корпуса и бывший флигель-адъютантъ (съ 16-го января 1820 г.), онъ въ 1826 году оказался замѣшаннымъ въ дѣло декабристовъ (см. Алфавитъ декабристовъ, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго и А. А. Сиверса, Пгр. 1919, стр. 308) и вскорѣ, будучи ротмистромъ Кавалергардскаго полка, 14-го сентября 1828 г., „по домашнимъ обстоятельствамъ“ оставилъ службу съ чиномъ полковника и больше никогда уже не служилъ; 14-го апрѣля 1828 г. онъ женился на княжнѣ Стефаніи Доминиковнѣ Радзивиллѣ (род. 27-го ноября 1809), весною 1830 года съ женою и маленькою дочерью Маріей отправился за границу („St.-Petersb. Zeitung“ 22 Apr. 1830, № 96), гдѣ 14-го іюля 1832 г. потерялъ жену, а затѣмъ и новорожденную дочь („Русск. Арх.“ 1883 г., кн. I, стр. VII); вернувшись затѣмъ въ Россію, онъ жилъ то въ Петербургѣ (гдѣ у него, между прочимъ, были знаменитыя оранжереи, цвѣтами, растеніями и виноградомъ изъ коихъ онъ убралъ комнату Императрицы во время бала 29-го апрѣля 1834 г., даннаго Петербургскимъ Дворянствомъ по случаю совершеннолѣтія Наслѣдника Александра Николаевича — см. ниже и „С. Петерб. Вѣд.“ 1834 г., № 108, стр. 421—422), то въ имѣніи отца — мѣстечкѣ Каменкѣ, Ольгопольскаго уѣзда Каменецъ-Подольской губерніи; сюда переѣхалъ онъ послѣ женитбы своей (состоявшейся 23-го октября 1834 г. въ Курской губерніи — ср. „Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 430 и 1906 г., кн. II, стр. 529, 543) на извѣстной красавицѣ фрейлинѣ, княжнѣ Леонилѣ Ивановнѣ Барятинской (род. 9-го мая 1816); въ дружескомъ письмѣ своемъ изъ Каменки къ знаменитому К. П. Брюллову, заѣздивъ ему картину, онъ писалъ 6-го декабря 1834 г.: „Ферзенъ Вамъ вѣрно сказалъ, что я женился: Богъ мнѣ послалъ такого же ангела, какъ и прежняя жена моя была, и вмѣстѣ мать маленькимъ сиротамъ“ (Архивъ Брюлловыхъ, подъ ред. И. А. Кубасова, С.-Пб. 1900, стр. 138); впослѣдствіи бракъ этотъ, однако, не былъ очень счастливъ и, по выраженію А. О. Смирновой, начавшись „притворною любовью, перешелъ на короткое время въ indifference, а потомъ въ дружбу“ („Русск. Арх.“ 1895 г., кн. II, стр. 193—194, 337, 338—339); князь за годъ до смерти сошелъ съ ума, а княгиня поселилась навсегда за границей и перешла въ католичество; въ 1910 г. она еще жила въ Уши, въ Швейцаріи („Историч. Вѣстн.“ 1910 г., № 12, стр. 1148); ея „Souvenirs“ (1825—1907) вышли въ Парижѣ въ 1908 г.; отрывки изъ нихъ—въ „Нов. Врем.“ 1907 г., 1-го дек., № 11396, въ „Русск. Стар.“ 1908 г., № 12, стр. 735—742, и въ „Русск. Арх.“ 1908 г., кн. III, стр. 400—401.

Кто такая К-ва, золовка княгини Суворовой, не знаемъ; у князя А. А. Суворова было только двѣ сестры: княгиня Голицына и Башмакова (по 2-му браку княгиня Горчакова).

— (Стр. 8). *Соболевскій* — Сергѣй Александровичъ (род. 10-го сентября 1803, ум. 6-го октября 1870), побочный сынъ А. Н. Соймонова, одинъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина, талантливый эпиграмматистъ и острякъ, библиофилъ и библиографъ, товарищъ Льва Сергѣевича Пушкина по Петербургскому Университетскому Благородному Пансіону. Конецъ 1820-хъ—начало 1830-хъ годовъ онъ провелъ въ путешествіи по Европѣ, затѣмъ жилъ въ Петербургѣ и Москвѣ, а въ августѣ 1836 г. снова уѣхалъ за границу („Русск. Арх.“ 1865 г., ст. 1229) и во время дуэли Пушкина былъ въ Парижѣ („Стар. и Нов.“, кн. XVII, стр. 248

и слѣд.): иначе, — говорили друзья поэта, — онъ бы не допустилъ катастрофы. Хорошо знавшій Соболевскаго П. И. Бартеневъ, который получилъ отъ него немало свѣдѣній о Пушкинѣ (см., напр., „Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1094, 1108, 1145, 1194 и др.), такъ характеризуетъ его: „Въ обществѣ людей, не близко съ нимъ знакомыхъ, Соболевскій слылъ нахаломъ (это какъ бы принадлежность незаконно-рожденія); но у него было немало прекрасныхъ качествъ, и сердца былъ онъ чувствительнаго . . . Сатирическіе стихи его останутся навсегда цѣннымъ достояніемъ Русской словесности. Былъ онъ отчасти нашимъ Марціаломъ“ („Русск. Арх.“ 1906 г., кн. III, стр. 562). Къ сожалѣнію, за всю свою долгую жизнь Соболевскій не собрался (какъ и большинство друзей и пріятелей поэта) написать ничего цѣльнаго о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ, который былъ тѣсно связанъ съ Соболевскимъ своеобразными чувствами пріязни и близости. О Соболевскомъ см. статью В. И. Саитова въ „Сборникѣ въ честь Д. Ѳ. Кобеко“, С.-Пб. 1913 г.; первая и далеко несовершенная попытка собрать литературное наследіе Соболевскаго принадлежитъ В. В. Каллашу, издавшему въ Москвѣ въ 1912 г. сборникъ „С. А. Соболевскій. Эпиграммы и экспромпты“; здѣсь дана краткая его біографія и такая характеристика: „Современники оставили много свидѣтельствъ о своеобразной личности Соболевскаго. Съ особой любовью относился къ нему Пушкинъ, который часто повторялъ его стихи и остроты. Въ письмахъ великаго поэта есть много упоминаній о „Калибанѣ“, „Фальстафѣ“, „животномъ“, какъ онъ въ шутку называлъ Соболевскаго. Для него онъ былъ другъ и благопріятель“. Письмо сестры поэта, О. С. Павлищевой, такъ характеризуетъ ихъ взаимная отношенія: безъ Соболевскаго „Александръ жить не можетъ. Все тотъ же на словахъ злой насмѣшникъ, а на дѣлѣ добрыйшій человекъ“. Въ свѣтѣ Соболевскаго называли „Mylord qu'importe“.

— (Стр. 8). *Вельгорскій* — графъ Михаилъ Юрьевичъ Вельгорскій (род. 31-го октября 1788, ум. 28-го августа 1856); онъ тогда былъ въ должности шталмейстера, Почетнымъ Опекуномъ Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, Членомъ Главнаго Правленія Училищъ и Попечительскаго Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія и Попечителемъ Градскихъ Богадѣленъ, впоследствии — гофмейстеромъ и оберъ-шенкомъ (съ 1839 г.). „При имени графа М. Ю. Вельгорскаго“, говоритъ его біографъ: „вспоминается небольшая, но блестящая группа образованнѣйшихъ русскихъ людей первой половины XIX вѣка, друзей науки, литературы и искусства и ихъ представителей, меценатовъ искреннихъ и скромныхъ. Начиная съ Державина, который былъ его опекуномъ, въ круту близкихъ знакомыхъ, друзей и пріятелей графа М. Ю. Вельгорскаго видимъ Карамзина, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Пушкина и его друзей, Лермонтова, Гоголя. Въ то же время домъ графа Вельгорскаго, композитора и большого знатока музыки, былъ центромъ, куда стекались всѣ выдающіеся музыкальные дѣятели, какъ русскіе, такъ и иностранные. . . . Вообще же кругъ знакомствъ графа, равно какъ сфера его умственныхъ и художественныхъ интересовъ были многообъемлющи“. Вотъ какъ характеризуется графъ М. Ю. Вельгорскій въ воспоминаніяхъ его зятя, графа В. А. Соллогуба (извѣстнаго писателя и знакома Пушкина): „Графъ Вельгорскій прошелъ незамѣченный въ русской жизни; даже въ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ, онъ былъ оцѣненъ только немногими. Онъ не искалъ извѣстности, уклонялся отъ борьбы и, несмотря на то или, можетъ быть, именно потому, — былъ личностью необыкновенной: философъ, критикъ, лингвистъ, медикъ, теологъ, герметикъ, почетный членъ всѣхъ масонскихъ ложъ,

душа всѣхъ обществъ, семьянинъ, эпикуреецъ, царедворецъ, сановникъ, артистъ, музыкантъ, товарищъ, судья,—онъ былъ живой энциклопедіей самыхъ глубокихъ познаній, образцомъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ и самаго игриваго ума“. Таковую же характеристику его оставилъ и близкій пріятель Віельгорскаго князь П. А. Вяземскій въ пространномъ стихотвореніи „Поминки“, ему посвященномъ:

До невозможности онъ былъ разнообразенъ;
Въ немъ съ зрѣлой осенью еще цвѣла весна;
Но многострунный міръ былъ общимъ строемъ связанъ,
И нота.вѣрная во всемъ была слышна.
Всего прекраснаго поклонникъ иль сподвижникъ,
Онъ въ книгѣ жизни всѣ перебиралъ листы:
Былъ мистикъ, теозофъ, пожалуй—чернокнижникъ,
И нѣжный трубадуръ подъ властью красоты . . .

„Это былъ типъ барина, добраго малаго“, говоритъ графъ Соллогубъ,—„умѣвшего необыкновенно искусно соединить въ себѣ самаго тонкаго царедворца съ человекомъ, любившимъ и пользовавшимся не только всѣмъ хорошимъ, но и всѣмъ грѣшнымъ. Столъ его славился въ тѣ времена, когда въ Петербургѣ трудно было удивить хорошимъ обѣдомъ. Его всегда приглашали пріятели, когда какой-нибудь изъ нихъ пробовалъ повара или какое-нибудь необыкновенное кушанье или вино и т. д. Сужденіе его составляло авторитетъ и всегда было чистосердечно—нерѣдко даже безжалостно; такъ, однажды, на большомъ обѣдѣ у Бутурлиныхъ, хозяинъ обратился къ нему съ вопросомъ: „какъ онъ находитъ вино будто бы 1827 года?“ — „Не знаю, вино-ли ваше 1827 года, но масло—навѣрное“, отвѣтилъ недовольнымъ голосомъ Віельгорскій (Воспоминанія, С.-Пб. 1887, стр. 131). А. О. Смирнова, описывая свой первый обѣдъ, данный ею послѣ выхода замужъ, говоритъ, что за него „Віельгорскій, который очень-таки любитъ поѣсть, наговорилъ комплиментовъ Николаю [Смирнову] насчетъ его [повара]. Руссле превзошелъ самого себя для Віельгорскаго, такъ какъ Гиббонъ [метръ д'отель Николая I] сказалъ ему, что графъ Михаилъ умѣетъ оцѣнить обѣдъ“ (Записки, ч. I, стр. 219—220). Упомянемъ еще, что въ шуточномъ поминаньѣ, составленномъ Пушкинымъ, княземъ Вяземскимъ и Мятлевымъ, Віельгорскій упомянутъ какъ цѣнитель винъ:

„Ужъ какъ ты хочешь, надо помянуть
Графа нашего пріятеля Велегорскаго
(Что не любитъ вина горскаго),
А по нашему Велеурскаго...“

(Сочиненія князя П. П. Вяземскаго, С.-Пб. 1893, стр. 541).

— (Стр. 8). *Князь Одоевскій* — Владиміръ Ѳеодоровичъ (род. 30-го іюля 1803, ум. 27-го февраля 1869), разносторонне и глубоко образованный человекъ, извѣстный и даровитый писатель, музыкантъ, ученый, журналистъ, одинъ изъ друзей Пушкина; въ 1833 г. онъ служилъ въ Комитетѣ Цензуры иностранной и столоначальникомъ въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, а въ 1834 г.—еще членомъ Общаго Присутствія Департамента Государственнаго Хозяйства; онъ тоже былъ камеръ-юнкеромъ, а съ 1836 г.—камергеромъ; впоследствии (съ 17-го апрѣля 1858 г.) гофмейстеръ, Помощникъ Директора Имп. Публичной Библиотеки и подъ конецъ жизни — первоприсутствующій

сенаторъ 8-го (Московского) Департамента Сената. Сотрудникъ Пушкинскаго „Современника“, Одоевскій по смерти поэта былъ членомъ редакціоннаго комитета этого журнала. Для посмертнаго изданія сочиненій Пушкина онъ намѣревался написать его біографію, но предположеніе это осталось, къ сожалѣнію, неосуществленнымъ („Русск. Арх.“ 1902 г., кн. II, стр. 440). 3-го марта 1834 г., въ субботу, Пушкинъ былъ у князя Одоевского на его обычномъ субботнемъ собраніи, которыя устраивались у него постоянно, — со времени его еще холостой жизни. Такъ, А. И. Кошелевъ вспоминаетъ, какъ, въ 1827—1831 гг., онъ и Хомяковъ часто встрѣчали у Одоевского профессора Д. М. Велланскаго, графа М. Ю. Вельгорскаго и другихъ „умныхъ и ученыхъ людей“ на его вечерахъ и обѣдахъ („Русск. Арх.“ 1879 г., кн. III, стр. 265—266). „Въ 1833 году“, рассказываетъ В. В. Ленцъ: „князь Владиміръ Одоевскій, уже извѣстный писатель, прѣнималъ у себя каждую субботу, послѣ театра. Прийти къ нему прежде 11 часовъ было рано. Онъ занималъ въ Мошковомъ переулкѣ (на углу Большой Милліонной) скромный флигелекъ; но, тѣмъ не менѣе, у него все было на большую ногу, все внушительно. Общество проводило вечеръ въ двухъ маленькихъ комнаткахъ и только къ концу переходило въ верхній этажъ, въ львиную пещеру, то есть въ просторную бібліотеку князя. Княгиня, величественно возсѣдая передъ большимъ серебрянымъ самоваромъ, сама разливала чай, тогда какъ въ другихъ домахъ его разносили лакеи совсѣмъ уже готовый. Ее называли „la belle Créole“, такъ какъ она цвѣтомъ лица похожа была на креолку и нѣкогда славилась красотою. Она была сестра сенатора Ланскаго, бывшаго впоследствии министромъ. У Одоевского часто бывали Пушкинъ, Жуковскій, поэтъ князь Вяземскій, драматургъ князь Шаховской... , далье Замятинъ... . Блудовъ, молодые члены Французскаго посольства. Изъ дамъ особенно обращали на себя вниманіе красавица Замятина, графиня Лаваль, старая и страшно безобразная и нетерпящая свѣта княгиня Голицына, — Princesse Nocturne... . Однажды вечеромъ, въ ноябрѣ 1833 г., я пришелъ къ Одоевскому слишкомъ рано... . Вдругъ — никогда этого не забуду — входитъ дама, стройная какъ пальма, въ платьѣ изъ чернаго атласа, доходящемъ до горла (въ то время былъ придворный трауръ). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени“ („Русск. Арх.“ 1878 г., кн. I, стр. 441—442). На вечерахъ Одоевского, кромѣ названныхъ, — въ Петербургѣ, а затѣмъ въ 1860-хъ гг. въ Москвѣ, — бывали: Крыловъ, М. И. Глинка, Гоголь, Кольцовъ, Хомяковъ, Тургеневъ, Фетъ, Григоровичъ, Горбуновъ... . Послѣдній писалъ родителямъ, уже въ 1855 г.: „Въ субботу былъ у князя Одоевского: прямой „Дядушка Ириной“! Доброты неестественной! Княгиня тоже, кажется, добрая женщина. У него я познакомился съ поэтомъ Тютчевымъ...“ (Сочиненія, изд. графа П. С. Шереметева, т. III, С.-Пб. 1907, стр. 527; ср. еще „Русск. Арх.“ 1884 г., кн. II, стр. 179; 1872 г., кн. I, стр. 204; 1891 г., кн. I, стр. 431 и 1892 г., кн. I, стр. 86). Женатъ князь Одоевскій былъ съ 1829—1830 г. („Русск. Арх.“ 1906 г., кн. III, стр. 587; „Щук. Сборн.“, кн. V, стр. 282) на Ольгѣ Степановнѣ Ланской (род. 11-го января 1797, ум. 18-го мая 1872), сестрѣ графа Сергѣя Степановича, Министра Внутреннихъ Дѣлъ и дѣятеля освобожденія крестьянъ; отзывъ о ней В. В. Ленца приведенъ былъ выше; А. С. Хомяковъ писалъ о ней въ 1842 году: „Княгиня также не измѣнилась. Я ей отъ души обрадовался. Съ нею для меня оживились всѣ воспоминанія общества Петербургскаго, веселья вечернихъ бесѣдъ. Она все такъ же привѣтлива, даже и мила“ (Сочиненія, т. VIII, М. 1900, стр. 54, 59). С. М. Загоскинъ пишетъ о ней: „Кня-

гиня Ольга Степановна, почти на десять лѣтъ старѣ своего мужа, была женщина умная, образованная и, что называется, *maîtrese-femme*. Несмотря на свой возрастъ, она всячески старалась выказать полное подчиненіе и глубокое уваженіе своему мужу, котораго, однако, холила и лелѣяла, какъ малое дитя. Чета эта могла служить примѣромъ взаимной любви и желанія во всемъ угодить другъ другу. Одоевскіе пользовались при дворѣ Великой Княгини Елены Павловны большимъ вѣсомъ и личною дружбою Ея Высочества“ („Историч. Вѣстн.“ 1900 г., № 8, стр. 425). Портретъ князя В. Ѳ. и княгини О. С. Одоевскихъ см. въ „Русск. Арх.“ 1893 г., № 7 и стр. 432). Автохарактеристику князя Одоевского см. въ „Русск. Арх.“ 1897 г., кн. I, стр. 327; отзывъ С. М. Загоскина — „Историч. Вѣстн.“ 1900 г., № 8, стр. 425; характеристика, П. И. Бартенева, — „Русск. Арх.“ 1903 г., кн. III, стр. 671 — 672; см. еще статью И. А. Кубасова въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ и монографію П. Н. Сакулина, т. I, ч. 1 и 2, М. 1913.

— (Стр. 8). *Кто такая Ланская*, бывшая Полегика, не знаемъ: ни въ родословіи Ланскихъ въ Родословной книгѣ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, ни въ родословіи Полегикъ въ „Малороссійскомъ Родословникѣ“ В. Л. Модзалевскаго таковой не указано.

— (Стр. 8). *13-го іюля 1826 г.* въ Петербургѣ, въ Петропавловской крѣпости, приведенъ былъ въ исполненіе приговоръ Верховнаго Уголовнаго Суда надъ декабристами и казнь пятерыхъ изъ нихъ: Пестеля, Рылѣва, Бестужева-Рюмина, Муравьева-Апостола и Каховскаго. Объ отношеніи Пушкина къ декабристамъ, среди которыхъ было много его личныхъ друзей и знакомыхъ, см. въ статьѣ А. Л. Слонимскаго въ Соч. Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, а также стихотвореніе Пушкина „Аріонъ“ и комментарий къ нему и статью П. О. Морозова: „Шифрованное стихотвореніе Пушкина“—въ сб. „Пушкинъ и его современники“, вып. XIII.

— (Стр. 8). *Фр. — „фрейлина“*, — а именно — А. О. Смирнова. Въ Запискахъ своихъ она пишетъ, какъ однажды князь П. А. Вяземскій, въ присутствіи Пушкина, попросилъ ее „разсказать, что произошло въ утро казни пяти декабристовъ“, при чемъ О. Н. Смирнова дополняетъ эти слова своей матери слѣдующимъ комментариемъ: „Моя мать прогуливалась по парку и увидала на берегу озера Государя. Онъ кидалъ платокъ своей собакѣ, ирландскому ретрайверу, а та бросалась за нимъ въ воду. Государь былъ блѣденъ и мраченъ. Прибѣжалъ лакей и доложилъ о прибытіи фельдъегеря. Государь направился большими шагами ко дворцу; собака, которая была въ водѣ, принесла лакею платокъ Государя. Когда моя мать вернулась съ прогулки, Марья Савельевна объявила ей, что курьеръ привезъ извѣстіе о казни пяти декабристовъ, и что Государь, распросивъ его, отправился въ часовню и велѣлъ отслужить панихиду, на которой онъ присутствовалъ, а затѣмъ заперся въ своемъ кабинетѣ. Вечеромъ въ Царское пріѣхалъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, и оба брата только повдно вечеромъ пожаловали къ чаю Императрицы. Моя мать записала этотъ вечеръ. Императрицѣ очень нездоровилось (она была беременна), Государь, очень блѣдный и грустный, почти не разговаривалъ; Великій Князь казался озабоченнымъ и мрачнымъ. Пріѣхалъ старикъ Лопухинъ, а Модень сказалъ мнѣ, что Бенкендорфъ стоялъ за смертную казнь *для примѣра* (sic). Это ужасно. Онъ председательствовалъ въ Слѣдственной Комиссіи . . . Комиссія приговорила къ смерти 19 декабристовъ, а Государь отмѣнилъ. „Первыхъ 5 человекъ разстрѣлать,

а остальных 14 сослать на каторжные работы“. Онъ съ трудомъ согласился на повѣшеніе ихъ, такъ какъ они были военные, офицеры“ (Записки, ч. I, стр. 89). Этому повѣствованію есть полное основаніе довѣрять; по крайней мѣрѣ въ схематической записи разказовъ А. О. Смирновой Я. П. Полонскій сдѣлалъ такую замѣтку съ ея словъ: „14 декабря 1825 года, собака, платокъ обыкновенный“ („Голосъ Минувшаго“ 1917 г., № 11—12, стр. 164). О поведеніи Императора Николая въ день казни декабристовъ и письма его 10—13-го іюля см. въ замѣткѣ Великаго Князя Николая Михайловича: „Казнь пяти декабристовъ 13-го іюля 1826 года и Имп. Николай I“—, „Ист. Вѣстн.“ 1916 г., № 7, стр. 98—109.

— (Стр. 8). *Смирнова* — Александра Осиповна, рожд. Россетъ (род. 6-го марта 1809, ум. 7-го іюля 1882), — съ марта 1826 г. — фрейлина Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а затѣмъ — Александры Ѳеодоровны, въ январѣ 1832 г. вышедшая замужъ за камеръ-юнкера (съ 6-го декабря 1829 г.) Николая Михайловича Смирнова (род. 14-го мая 1808, ум. 4-го марта 1870), служившаго въ Канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (съ мая 1828 г.), а съ февраля 1832 г. въ Азіатскомъ Департаментѣ того-же Министерства, впоследствии камергера, Калужскаго (1845—1851) и Петербургскаго (1855—1861) губернатора и, наконецъ, сенатора. Одна изъ образованнѣйшихъ и даровитѣйшихъ русскихъ женщинъ своего времени, она, „бластая молодостью, красотой, замѣчательными способностями и остроуміемъ, была маленькимъ идоломъ для всѣхъ, кто зналъ ее“, — опредѣляетъ ее поэтъ Я. П. Полонскій, жившій у нея въ домѣ въ качествѣ воспитателя ея сына („Голосъ Минувшаго“ 1917 г., № 11—12, стр. 146); другъ Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Лермонтова, Плетнева, Гоголя, воспѣтая многими поэтами, авторъ замѣчательныхъ Записокъ (С.-Пб. 1894—1897), къ сожалѣнію, искаженныхъ и извращенныхъ, при изданіи, ея дочерью, — Смирнова въ жизни Пушкина играла, съ 1828 года, видную роль; поэтъ посвящалъ ей стихотворенія: „Ея глаза“ (1828) и „Въ тревогѣ нестрой и бесплодной“ (1832), отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ 1831 г. о предстоящемъ выходѣ ея замужъ (Соч., ред. П. О. Морозова, изд. Просвѣщенія, т. VI, стр. 532) и часто упоминаетъ о ней въ своей перепискѣ; онъ любилъ бесѣду съ нею и былъ частымъ гостемъ ея замѣчательнаго салона; она одна изъ немногихъ свѣтскихъ женщинъ сумѣла одѣвнуть Пушкина, имя котораго мелькаетъ въ ея воспоминаніяхъ. Я. П. Полонскій передаетъ ея поздній отзывъ о поэтѣ: „Никого не знала я умнѣ Пушкина“, говорила она. „Ни Жуковский, ни князь Вяземскій спорить съ нимъ не могли, — бывало забыть ихъ совершенно. Вяземскій, которому очень не хотѣлось, чтобы Пушкинъ былъ его умнѣ, надуется и ужъ молчитъ, а Жуковский смѣется: „Ты, братъ, Пушкинъ, чертъ тебя знаетъ, какой ты — вѣдь вотъ и чувствую, что вздоръ говоришь, а переспорить тебя не умѣю, — такъ ты насъ обоихъ въ дураки и записываешь“ („Голосъ Минувшаго“ 1917 г., № 11—12, стр. 154; ср. „Русск. Арх.“ 1882 г., кн. I, стр. 245). — Лучшій, хотя и краткій очеркъ ея биографіи и характеристики данъ В. И. Саитовымъ въ примѣчаніяхъ къ „Остафьевскому Архиву“, т. III, стр. 568—571, и Н. О. Лернеромъ въ Сочиненіяхъ Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 426—427. Смирнова еще ожидаетъ своего биографа.

— (Стр. 8). *Буквы* „ц. н.“ всѣ издатели читаютъ: „Циціановскіе“, производя это слово отъ имени дѣда-дяди (по матери) А. О. Смирновой — князя Дмитрія Евсевича Циціанова. Это была личность легендарная. Пушкинъ еще въ 1825 году, въ своемъ воображаемомъ разговорѣ съ Александромъ I писалъ: „Ваше Величе-

ство, вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочинение возмутительное приписывается мнѣ, какъ всякіе остроумные вымыслы—князю Циціанову“. Дочь Смирновой, комментируя слова своей матери о томъ, что ея дѣдъ Циціановъ лгалъ „со спокойствіемъ, съ апломбомъ, непоколебимо и неожиданно“ и что Императрица Александра Ѳеодоровна заставляла передавать ей его рассказы, пишетъ: „Дворянский дѣдъ моей матери, кн. Циціановъ, грузинъ, былъ большимъ оригиналомъ. Анекдотъ о плащѣ, взбѣсившемся отъ того, что его порвала бѣшеная собака, былъ приведенъ Ксавье де Местромъ. И эта исторія à la Мюнхгаузенъ, и множество другихъ принадлежатъ Циціанову. Онъ былъ то, что англичане называютъ „quaint“... Циціановъ былъ хорошъ со всѣми Нарышкиными того времени; онъ былъ такъ же расточителенъ, какъ и они, такъ же держалъ открытый еѳоль и не могъ обѣдать одинъ съ семьей; онъ былъ гастрономъ, щедръ до крайности, большой баринъ и очень простой въ то же время. Въ 1812 году онъ выѣхалъ изъ Москвы въ большой каретѣ шестерикомъ въ то время, когда Наполеонъ входилъ въ Москву. Циціановъ оставилъ свой домъ открытымъ; его разграбили и сожгли. Циціановъ былъ друженъ съ знаменитымъ оригиналомъ гр. [Ѳ. В.] Ростопчинымъ (Московскимъ губернаторомъ)... Мать моя знала еще этого дѣда, такъ какъ онъ умеръ 95 лѣтъ. Онъ говорилъ ей совершенно серьезно, что онъ ни во что не ставитъ людей, у которыхъ предки родились послѣ Вознесенія Христова. Мать моя спросила, почему? „Потому что я происхожу отъ Іакова, отвѣтилъ онъ, ты видѣла мой гербъ и замѣтила въ немъ лѣстницу?“ И онъ не шутилъ, а вѣрилъ этому. Гордый, но не чванный, онъ приглашалъ совершенно одинаково и богатыхъ, и бѣдныхъ; для него громаднымъ удовольствіемъ было накормить „людей, не имѣющихъ каждый день хорошаго обѣда“. Онъ говорилъ: „Въ Евангелии сказано: „Изыди скоро на распутья и стогны града и нищія и бѣдныя и слѣпыя и хромыя введи съю“. Циціановъ былъ однимъ изъ основателей перваго Англійскаго клуба въ Москвѣ; у Грибоѣдова въ „Горѣ отъ ума“ есть намекъ на него: „Англійскаго клуба старинный, вѣрный членъ до гроба“. Мой дядя Россетъ разъ спросилъ его, правда-ли, что онъ проѣлъ тридцать тысячъ душъ? Старикъ разсмѣялся и отвѣтилъ: „Да, только въ котлеткахъ“. Мальчикъ широко раскрылъ глаза и спросилъ: „Какъ въ котлеткахъ?“ — Глупый! Вѣдь онъ были начинены трюфелями, — отвѣтилъ дядя, а барашковъ я выписывалъ изъ Англійи, и это, оказалось, стоило очень дорого“.

(Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 95). Декабристъ Н. И. Лореръ въ Запискахъ своихъ, вспоминая о пріѣздѣ своемъ въ Москву въ началѣ 1812 года, пишетъ, что Циціановъ, его дядя по матери, „былъ извѣстенъ въ то время своею роскошью и въ особенности обѣдами, за которыми угощала тогдашнихъ знаменитостей большого свѣта, и кончилъ впослѣдствіи тѣмъ, что проѣлъ свои 6 тысячъ душъ“; въ 1825 г. онъ проживалъ въ Петербургѣ, въ своемъ домѣ, гдѣ Лореръ нѣкогда „по четвергамъ обѣдался его гомерическими обѣдами“ (, Русск. Богатство“ 1904 г., № 3, стр. 52 и 87). Въ особой главѣ своихъ Воспоминаній А. Я. Булгаковъ пишетъ: „Кто изъ современниковъ тогдашнихъ не былъ знакомъ съ княземъ Циціановымъ или не зналъ его по наслышкѣ? Онъ былъ человѣкъ добрый, большой хлѣбосоль и отлично кормилъ своихъ гостей, но былъ еще болѣе извѣстенъ, съ самыхъ временъ Екатерины, по пріобрѣтенной имъ славѣ пріятнаго и неистощимаго лгуна. Слабость эту прощаль ему всякій весьма охотно, потому что она не была никогда обращена ко вреду ближняго. Циціанова лжи никого не оскорбляли, а только всѣхъ смѣшили. У него былъ всегда

и на всѣ случаи готовы анекдоты, и когда кто-нибудь изъ присутствующихъ оканчивалъ странный или лыбопытный рассказъ, то Циціановъ спѣшилъ сказать: „Да это что? Нѣтъ, я вамъ расскажу, что со мной случилось!.. И тогда начиналась какая-нибудь исторія или басенка, въ которыхъ были обыкновенно замѣшаны знаменитые люди царствования Екатерины II: князь Потемкинъ, Орловы, Разумовскіе, Нарышкины, Суворовы, Безбородко, фавориты Екатерининскіе и даже сама Императрица. Графъ Ростопчинъ увѣрялъ, что извѣстная брошюрка подъ заглавіемъ: „Не люблю — не слушай, а глгать не мѣшай“ сочинена княземъ Циціановымъ, но что онъ не хотѣлъ выставить своего имени. Я могъ бы сообщить здѣсь множество фактовъ въ доказательство, что ложь Циціанова была забавна, но вмѣстѣ съ этимъ всегда безвредна“. Булгаковъ приводитъ два анекдота: о трехфунтовой медвѣжьей шубѣ, будто бы подаренной имъ Потемкину, и о пчелахъ въ Грузіи, величиною съ воробья, и говоритъ: „два вышеупомянутые анекдота довольно всѣмъ извѣстны, и слова: „Циціановская шуба“ и „хоть тресни, да полѣзай“ были приговорками или пословицами тогдашняго времени“ („Старина и Новизна“, кн. VII, стр. 113—117). Графъ Ростопчинъ упоминаетъ про рассказъ Циціанова о его лошади, „которая скачетъ 500 верстъ не кормя“ („Русск. Арх.“ 1863 г., стр. 822), а А. Г. Хомутова вспоминаетъ, какъ онъ „агаль безъ мѣры“ (тамъ же 1867, стр. 1055). „Есть лугны“, пишетъ князь П. А. Вяземскій въ своей „Старой записной книжкѣ“, „которыхъ совѣстно называть лгунами: они своего рода поэты, и часто въ нихъ болѣе доображенія, нежели въ присяжныхъ поэтахъ. Возьмите, напримѣръ, князя Циціанова]. Во время проливного дождя является онъ къ пріятелю. „Ты въ каретѣ?“ спрашиваютъ его. „Нѣтъ, я пришелъ пѣшкомъ“. — „Да какъ же ты вовсе не промокъ?“ — „О! (отвѣчаетъ онъ) я умѣю очень ловко пробираться между каплями дождя“. Князь Вяземскій далѣе передаетъ два „Циціановскихъ“ анекдота, — про шубу и Потемкина (въ другой верси, чѣмъ Булгаковъ) и про явленіе Циціанову Господа Саваова („Русск. Арх.“ 1873 г., кн. III, стр. 1791 — 1792, и Сочиненія, т. VIII, стр. 146). Послѣ всего этого не будетъ смѣлостью высказать предположеніе, что Пушкинъ, приводя въ своихъ Примѣчаніяхъ къ „Евгенію Онѣгину“ рассказъ „извѣстнаго игривостію воображенія К***“ (о томъ, какъ онъ, будучи однажды посланъ курьеромъ отъ князя Потемкина къ Императрицѣ, ѣхалъ такъ скоро, что шпага его, высунувшись концомъ изъ телѣжки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу), подъ звѣздочками разумѣлъ именно Князя Циціанова. „Будучи очень щедрымъ и гостепримнымъ человѣкомъ“, передаетъ П. И. Бартевевъ со словъ А. О. Росета: „онъ весь прожился, и его на старости лѣтъ содержала его прислуга. Онъ преспокойно увѣрялъ своихъ собесѣдниковъ, что въ Грузіи очень выгодно имѣть суконную фабрику, такъ какъ нѣтъ надобности красить пряжу: овцы рождаются разноцвѣтныя, и при заходженіи солнца стада этихъ цвѣтныхъ овецъ представляютъ собою прелестную картину“ („Русск. Арх.“ 1889 г., кн. II, стр. 86; ср. 1895 г., кн. II, стр. 20). Въ 1776 г. Циціановъ упоминается, какъ масонъ Петербургской ложи „Немезида“ („Русск. Стар.“ 1909 г., № 1, стр. 174); въ 1802 г. онъ былъ однимъ изъ старшинъ Московскаго Англійскаго Клуба, а 5-го марта 1830 г., по предложенію члена за подписью 103 человѣкъ, былъ избранъ въ почетные члены Клуба, при чемъ ему поднесенъ былъ пожизненный билетъ, „какъ возстановителю нынѣ существующаго Англійскаго Клуба“ („Русск. Арх.“ 1889 г., кн. II, стр. 86 и 93). Это было уже незадолго до смерти стараго шутника: онъ умеръ въ 1835 году,

на 89 году отъ роду, какъ сказано на его могилѣ на Пятницкомъ кладбищѣ въ Москвѣ (Московский Некрополь, т. III, стр. 298). О Циціановѣ рассказываетъ еще М. И. Пыляевъ въ своей книжкѣ „Замѣчательные чудаки и оригиналы“, С.-Пб. 1898, стр. 193—194 (подъ буквами Д. Е.).

— (Стр. 8). *Жуковский* относился къ А. О. Смирновой съ большою нѣжностью и расположеніемъ и называлъ ее, шутя, „небесный дьяволенокъ“ и „моя вѣчная принцесса“ (Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 22); письма къ ней Жуковского (1840—1847) и ея воспоминанія о немъ см. въ „Русск. Арх.“ 1871 г., кн. I, стр. 1856—1869—1883, также 1883 г., кн. I, стр. 335—346 (10 писемъ и записокъ 1836—1847); ея письма къ Жуковскому — тамъ же 1902 г., кн. II, стр. 95—127.

— (Стр. 8). *О графѣ Фикельмонтѣ* см. выше, стр. 36—38.

— (Стр. 8—9). *Объ Я. Ѳ. Скарятинѣ* см. выше, стр. 91—92. Я. П. Лонский записалъ такой рассказъ А. О. Смирновой: „Разъ Жуковский на балѣ во дворцѣ завелъ разговоръ объ убіеніи Павла I съ однимъ изъ участвовавшихъ. „Надо вамъ сказать, что все это преувеличено“, сказалъ тотъ. Когда же проходилъ Николай, и они замолчали, — то царь сказалъ имъ: „Продолжайте вашъ пріятный разговоръ“ („Голосъ Минувшаго“ 1917 г., № 11—12, стр. 172); см. слѣд. примѣчаніе.

— (Стр. 9). *Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ* (род. 1788, ум. 12-го сентября 1844) — генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи, Главный Начальникъ III Отдѣленія, игравшій въ жизни Пушкина роль надзирателя за нимъ, или надсмотрщика. См. въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго „Пушкинъ въ донесеніяхъ агентовъ тайнаго надзора“ — въ „Быломъ“ 1918 г., № 1, и отд. изд. „Пареевона“, Пгр. 1922. — „Одинъ изъ участниковъ горестнаго событія 11-го марта 1801 года Яковъ Ѳеодоровичъ Скарятинъ имѣлъ входъ ко двору и даже на вечера въ Аничковъ дворецъ“, — рассказываетъ съ цѣхъ-то словъ П. И. Бартенева. „Однажды, въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, разговаривалъ онъ съ В. А. Жуковскимъ. Подошедшій Пушкинъ улышался, какъ Жуковский разспрашивалъ Скарятину о кончинѣ Императора Павла. Входятъ въ залу Николай Павловичъ и Бенкендорфъ. „Ну что, сказала Пушкинъ Жуковскому, если бы Государь узналъ, что наставникъ его сына такъ любознателенъ?“ Очень можетъ быть, что самъ Николай Павловичъ допрашивалъ Скарятину о томъ же. Судьба отца отъменно занимала его во всю его жизнь. Онъ осиротѣлъ послѣ него четырехъ лѣтъ отъ рожденія и хорошо помнилъ ночной переѣздъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ“ („Русск. Арх.“ 1912 г., кн. I, стр. 313).

— (Стр. 9). *Княжна Туркестанова* — Варвара Ильинична (род. 26-го декабря 1775, ум. 20-го мая 1819), фрейлина Императрицы Маріи Ѳеодоровны, известная своимъ, столь грустно закончившимся романомъ съ княземъ В. С. Голицынымъ. „Красивая, обаятельная, одаренная тонкими чувствами и умомъ, она заплатила ужасными страданіями за успѣхи тамъ, гдѣ все снаружи блестяще, но гдѣ горечи неизбѣжны“, — говоритъ княгиня Е. Ѳ. Шаховская-Глѣбова-Стрѣшневна, имѣя въ виду придворный кругъ, въ которомъ ей суждено было вращаться. Одаренная нѣжнымъ сердцемъ и чувственной природой — наследіемъ восточнаго происхожденія, — она долгое время была влюблена въ Имп. Александра I, платившаго ей взаимностью, а затѣмъ увлеклась, уже имѣя за сорокъ лѣтъ, красивымъ, но вѣтреннымъ флигель-адъютантомъ княземъ Влади-

міромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, бывшимъ чуть не на двадцать лѣтъ моложе ея. „Голицынъ“, пишегъ біографъ княжны Туркестановой: „думалъ о женитьбѣ, и княжна не знала, ревнуня [Императора къ М. А. Нарышкиной], — отъ котораго изъ двухъ она больше страдаетъ: отъ повелителя-ли, которому подвластны всѣ земныя благополучія, или отъ молодого человѣка, къ которому ее влекла неодолимая сердечная и чувственная страсть. Голицынъ, гораздо моложе ея, вѣтреникъ, кутила, котораго обвинять впоследствии въ гнусномъ поступкѣ, будто совершенномъ надъ нею при помощи наркотическаго средства, даннаго подкупленною горничною, открыто измѣнилъ ей, прося руки дѣвицы Лопухиной... Этотъ коварный поступокъ дошелъ до свѣдѣнія женщины, которую онъ увѣрялъ въ своей любви, и причинилъ ей жестокія разочарованія. Перипетіи двойной драмы, созданной ею себѣ, ужасныя впечатлѣнія, которыя приходилось переживать, не жалуясь, — все это начало отзываться на ея здоровьѣ, цвѣтушемъ до сихъ поръ. Ея единственнымъ утѣшеніемъ были ежедневныя посвѣщенія ея друзей... Императрица, расположенная къ своей изящной фрейлинѣ, утомляла ее своими мелочными порученіями, своими постоянными поѣздками; и все это приходилось принимать съ довольнымъ лицомъ. Вѣроятно, послѣ этой зимы, весною 1818 года, произошло роковое паденіе. Лѣтомъ, въ августѣ, мѣсяцѣ, Владиміръ Голицынъ засталъ однажды ночью Императора у княжны Туркестановой“ („Русск. Арх.“ 1914 г., кн. I, стр. 170—171)... Романъ съ Голицынымъ послѣ этого порвался, свиданія же съ Александромъ I продолжались. 28-го августа 1818 г. княжна, въ свитѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, отправилась въ заграничное путешествіе, уже будучи беременною, но не зная объ этомъ. Съ трудомъ перенеся поѣздку, она вернулась въ Петербургъ и 24-го апрѣля 1819 г. родила дочь Марію (Мими). Авторъ біографіи Туркестановой, ссылаясь на разныя свидѣтельства, утверждаетъ, что отцомъ ребенка былъ Императоръ Александръ... Въ интересахъ многихъ современниковъ“, говоритъ княгиня Шаховская: „было набросить непроницаемое покрывало на этотъ трагическій случай, чтобы особенно оградить священную особу Государя. Такъ, чтобы обмануть общественное мнѣніе, вину приписывали Владиміру Голицыну, но будущее и одно свидѣтельство, стоящее совершенно внѣ всякаго сомнѣнія, опровергли намѣренную ошибку: у дочери княжны Туркестановой, у маленькой Мими, была въ свою очередь тоже дочь, до того поразительно похожая на Императора Александра, что сомнѣніе уже невозможно... Поэтъ Пушкинъ вѣрилъ въ виновность Голицына, и по этому поводу есть даже замѣтка въ его дневникѣ*). Однако, несмотря на великое имя писателя, его слова не могутъ перевѣсить другихъ, болѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ, и послѣ столькихъ лѣтъ могутъ быть не болѣе, какъ отголосками досужихъ розказней“. Послѣ родовъ княжна Туркестанова приняла какой-то ядъ, который убилъ ее не сразу, заставивъ ужасно страдать; но вотъ „страшныя мученія, вызванныя ядомъ, прекратились; крайняя слабость мѣшала остротѣ чувствъ и создавала кругомъ мирную атмосферу. Княжна исполнила религіозныя обязанности. Императрица — мать ежедневно читала ей въ послѣдніе дни набожныя книги, присоединяя увѣщанія, и молодая женщина исчезла изъ міра, — какъ жила среди тщетнаго великолѣпія Двора, — почти одинокая душою“. Конецъ наступилъ 20-го мая 1819 г. (см., между

*) Авторъ приводитъ въ примѣчаніи эту замѣтку, будто-бы „до сихъ поръ неопубликованную по желанію сына поэта“, но въ неточной редакціи, неизвѣстно откуда взятой. Б. М.

прочимъ, „Съверную Почту“ 1819 г., № 42, стр. 1). „Всѣ письма изъ Петербурга ко мнѣ“, пишетъ по этому случаю К. Я. Булгаковъ брату: „только и говорятъ о смерти кн. Туркестановой, всѣ объ ней жалѣютъ. Императрица прїѣзжала изъ Павловскаго нарочно, чтобы ее видѣть, и провела съ нею послѣдніе часы“ („Русск. Арх.“ 1902 г., кн. III, стр. 334). О причинѣ ея смерти говорили различно, но никто не зналъ правды... Князь Голицынъ рѣшилъ усыновить „дита тайной любви Государя“: маленькая Мими воспиталась съ его собственной дочерью, вышла впослѣдствіи замужъ за Ивана Аркадіевича Нелидова и умерла 19-го декабря 1843 г. (Московскій Некрополь, т. II, стр. 327). Біографія княжны Туркестановой написана княгиней Е. О. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой и напечатана въ журналѣ „La Revue“ 1913 г., № отъ 1-го Іюля, стр. 34—53 и № 15-го Іюля, стр. 196—215, и въ № 1 и 2 „Русскаго Архива“ 1914 г. (стр. 5—42 и 162—181); интимная переписка Туркестановой съ Фердинандомъ Кристиномъ за 1813—1819 гг. напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882 г., кн. II и III, 1883 г., кн. I—III, 1912 г., кн. III, стр. 497—543 (1814 г.) и 1913 г., кн. I и II (1814 и 1815); см. еще „Русск. Стар.“ 1914 г., № 1, стр. 27—38; дневникъ ея за 1818 г. — въ „Русск. Арх.“ 1884 г., кн. I—II; письма ея къ Е. И. Полянскои, рожд. Рыбопьеръ (1796, 1801, 1802 г.), — хранятся въ Росс. Публичной Библіотекѣ (см. Отчетъ ея за 1905 г., стр. 177).

— (Стр. 9). *Героя вышеописанной драмы, князя Владиміра Сергѣевича Голицына* (род. 16-го марта 1794, ум. 19-го января 1861), Пушкинъ зналъ лично; сохранилось и одно письмо князя къ поэту, со стихами, относящееся къ лѣту 1830 г. (Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 205—206); сынъ одной изъ племянницъ Потемкина, онъ въ дѣтствѣ учился у Крылова, жившаго въ домѣ его родителей, въ 1810 г. былъ уже камеръ-юнкеромъ, затѣмъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ Отечественной войнѣ, былъ нѣсколько разъ раненъ и заслужилъ орденъ Георгія 4-й степени; въ сентябрѣ 1817 г. пожалованъ во флигель-адъютанты, съ 1819 г. служилъ въ Переяславскомъ полку, стоявшемъ въ Тамбовѣ, затѣмъ былъ командиромъ Тираспольскаго полка и „за непристойный отзывъ къ корпусному своему командиру“ былъ лишень флигель-адъютантскаго званія и уволенъ отъ службы (1825 г.); въ 1827 г. князь В. С. Голицынъ перешелъ на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, которымъ временно даже командовалъ — до сдачи его Н. Н. Раевскому младшему; въ 1828 году долженъ былъ снова выйти въ отставку и лѣтъ десять жилъ въ Москвѣ, ведя открытый образъ жизни, увлекаясь музыкой, театромъ и свѣтскими удовольствіями; въ 1839 году онъ опять поступилъ въ военную службу, на Кавказъ, и съ 1842 г. состоялъ Начальникомъ центра Кавказской линіи (отсюда его прозвище „Центральный“ или „Centre“), въ чинѣ генераль-маіора; въ 1848 г. окончательно вышелъ въ отставку и въ 1849 г. переименованъ былъ въ тайные совѣтники; конецъ жизни прожилъ въ Москвѣ, будучи однимъ изъ извѣстнѣйшихъ членовъ Англійскаго Клуба. „Отличаясь умомъ и способностями, онъ получилъ небрежное воспитаніе и скудное образованіе“, — говорить его біографъ. „Красавецъ въ молодости, статный, ловкій, онъ обладалъ необыкновенной силой и пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ; „игрокъ, пѣвецъ, фарсёръ“, по словамъ Булгакова, неистощимый и остроумный весельчакъ и устроитель всякихъ увеселеній и затѣй, онъ писалъ стихи, водевили, пѣлъ куплеты собственнаго сочиненія, любилъ казаться цѣнителемъ словесности, искусствъ, музыки, любилъ знакомиться съ выдающимися людьми и покровительствовать талантамъ. Служа „шутя“, Голи-

цынь прожил свое крупное состояніе“. Вигель пишетъ: „Надѣлалъ шуму болѣе всѣхъ братьевъ Владиміръ, употребляя во зло дары природы; его называли Аполлономъ, онъ имѣлъ силу Геркулеса и былъ ума веселаго, затѣливаго, и оттого вся жизнь его была сцѣпленіемъ проказъ, иногда жестокихъ, иногда преступныхъ и рѣдко безвинныхъ“. Сдержанный А. М. Фадѣевъ, давая подробную и очень сочувственную характеристику Голицына, все-же замѣчаетъ, что „жизнь его, исполненная авантюръ всякаго рода, навѣвала иногда тѣнь на иные его поступки“ („Русск. Арх.“ 1891 г., кн. III, стр. 163—164). О немъ см. въ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича: Русскіе портреты XVIII и XIX ст., т. III, № 119, „Архивъ Раевскихъ“, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, 1908 г., стр. 311—313 и др. (его письма) и специальный очеркъ И. И. Дроздова въ „Русск. Арх.“ 1887 г., кн. II, стр. 364—370.

— (Стр. 9). Уваровъ — Федоръ Петровичъ (род. 16-го апрѣля 1769, ум. 20-го ноября 1824), — при Павлѣ I былъ генераль-адъютантомъ (съ 1798 г.) и шефомъ Кавалергардскаго корпуса и полка, которымъ и командовалъ, пользуясь неизмѣнною милостію Императора, который 5-го ноября 1800 г. пожаловалъ его въ генераль-лейтенанты. Въ роковой день 11-го марта 1801 г. Уваровъ былъ дежурнымъ генераль-адъютантомъ. Ночью онъ расположился съ нѣсколькими офицерами своего полка близъ комнаты Наслѣдника съ цѣлію охранять его, а по воцареніи Александра I сопровождалъ его при объявленіи войскамъ о кончинѣ Павла I и при переѣздѣ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ. 19-го марта 1801 г. ему повелѣно было быть попрежнему генераль-адъютантомъ. И при новомъ Императорѣ Уваровъ оставался однимъ изъ самыхъ приближенныхъ ко Двору лицъ и почти всегда сопровождалъ Александра I во время прогулокъ, и пѣшкомъ, и верхомъ. Въ послѣдующіе годы онъ съ отличіемъ участвовалъ въ Наполеоновскихъ войнахъ, съ 1821 г. былъ командующимъ Гвардейскимъ корпусомъ, а съ 30-го августа 1823 г. — членомъ Государственнаго Совѣта. — Императоръ Александръ былъ очень расположенъ къ Уварову и дѣйствительно присутствовалъ на его похоронахъ въ Невской лаврѣ. „Аракчеевъ“, говоритъ біографъ Уварова: „очень отрицательно относился къ той роли, какую игралъ Уваровъ при Императорѣ Александрѣ, и называлъ его „согладатаемъ и наушникомъ“. У насъ нѣтъ данныхъ, если не считать свидѣтельства Фотія, чтобы судить, насколько вѣрны эти слова; можетъ быть, здѣсь говорить просто зависть къ человѣку, раздѣлявшему съ Аракчеевымъ расположеніе Государя“ (Сборникъ біографій кавалергардовъ, т. II, стр. 1—10, статья Н. П. Чулкова).

Объ Аракчеевѣ см. выше, стр. 15 и 17, записи Пушкина.

— (Стр. 9). О графѣ А. Ф. Орловѣ см. выше, стр. 49.

— (Стр. 9). Николай Ивановичъ Гречъ (род. 3-го августа 1787, ум. 12-го января 1867) — извѣстный писатель, авторъ популярной въ свое время грамматики и плодovitый журналистъ; въ особой статьѣ изъ Записокъ своихъ („Русск. Арх.“ 1870 г., ст. 1247—1272): „Исторія перваго Энциклопедическаго лексикона въ Россіи“ онъ подробно разсказалъ объ этомъ, кончившемся неудачею грандіозномъ предпріятіи типографа-издателя Адольфа Александровича Плюшара (о немъ см. въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“). Пушкинъ, какъ видно изъ его Дневника, изъ двухъ писемъ къ князю В. Ф. Одоевскому и изъ письма къ Д. Н. Бантышу-Каменскому, живо заинтересовался этимъ „торговымъ и литературнымъ“ предпріятіемъ Плюшара, хотя и отнесся къ нему съ самого начала съ нѣкоторымъ недобѣріемъ и съ большою осторожностью, смущенный тѣмъ,

что во главѣ дѣла могъ стать Гречъ, репутація котораго не безъ вѣскихъ основаній считалась весьма сомнительною, особенно вслѣдствіе его открытой близости къ Бугарину и тайныхъ связей съ III Отдѣленіемъ и Бенкендорфомъ. „Дѣло идетъ о Конверсаціонсь = Лексиконѣ: я это пронюхалъ“, — писалъ Пушкинъ Одоевскому въ серединѣ марта: „Соглашаюсь съ Вашимъ Сіятельствомъ, что нынѣшній вечеръ имѣть свою гадкую и любопытную сторону. Я буду у Г[реча], ибо на то получилъ разрѣшеніе отъ Плетнева, который есть воплощенная совѣсть. Поѣдемъ; что за бѣда? Вѣдь это будетъ мірская сходка всей республики. Всего насмотримся и наслышимся — а въ воровскую шайку не вступимъ“. Въ другой запискѣ къ князю, въ тотъ же или на другой день, онъ писалъ: „Бдете-ли вы на совѣщаніе къ Гречу? Если да, то отправимся вмѣстѣ; одному ѣхать страшно: пожалуй побьютъ“. О возникновеніи „Словаря“ Гречъ рассказываетъ: „Въ Апрѣлѣ [т. е. мартѣ] 1834 года пришелъ онъ [Плюшарь] ко мнѣ . . . , сообщилъ мнѣ о намѣреніи своемъ издавать Энциклопедическій Лексиконъ по образцу Брокгаузова „Conversations-Lexicon“ и Шницлерова „Dictionnaire des gens du monde“ и предложилъ мнѣ быть главнымъ его редакторомъ. Я похвалилъ его благое предпріятіе, но отъ принятія на себя редакціи отказался, не имѣя на то, при изданіи „Пчелы“, времени и не считая себя довольно свѣдущимъ по разнымъ частямъ наукъ, входящихъ въ составъ такого лексикона. Плюшарь долго убѣждалъ меня и, видя мою непреклонность, просилъ указать ему способнаго человѣка. Я назвалъ Сенковского, какъ человѣка умнаго, многосторонне ученаго, трудолюбиваго и сметливаго. Плюшарь пошелъ къ Сенковскому съ моею рекомендаціей. Сенковскій, чуя, что это предпріятіе пахнетъ ненавистными Поляку Русскими рублями, тотчасъ согласился на предложеніе и тутъ же написалъ программу лексикона, умную и дѣльную. Надлежало найти сотрудниковъ. Плюшарь отправился къ извѣстнѣйшимъ ученымъ, литераторамъ и артистамъ, но почти всѣ они отъказали въ своемъ участіи, узнавъ, что главнымъ редакторомъ его будетъ Сенковскій. . . Плюшарь, объявивъ о своей неудачѣ Сенковскому, воротился ко мнѣ, убѣждалъ меня не оставлять его и утверждалъ, что безъ моего содѣйствія Лексиконъ не состоится. Не желая, чтобъ упало такое важное и полезное предпріятіе, я согласился; но, избѣгая участи, подобной неудачѣ Сенковского, просилъ, чтобы Плюшарь созвалъ сотрудниковъ, съ предоставленіемъ имъ выбора главнаго редактора. Мѣстомъ собранія назначена была просторная въ моемъ домѣ зала. Собралось сто пять человѣкъ, въ томъ числѣ члены пяти Академій, профессоры, литераторы, артисты и пр. Многіе спрашивали, кто будетъ главнымъ редакторомъ? На это отвѣчали: извольте выбрать. Трое (Пушкинъ, Зайцевскій и Свининъ) объявили, что не станутъ участвовать въ дѣлахъ собранія, не зная, кто главный редакторъ, и удалились. Они опасались и не хотѣли Сенковского. Предложили меня, и я былъ выбранъ единогласно“ (I. с., ст. 1249—1250). А. В. Никитенко, участникъ собранія у Греча, въ дневникѣ своемъ записалъ подъ 16-мъ марта: „Сегодня было большое собраніе литераторовъ у Греча. Здѣсь находилось, я думаю, человѣкъ семьдесятъ. Предметъ засѣданія—изданіе энциклопедіи на русскомъ языкѣ. Это предпріятіе типографщика Плюшара. Въ немъ приглашены участвовать всѣ сколько-нибудь извѣстные ученые и литераторы. Гречъ открылъ засѣданіе маленькою рѣчью о пользѣ этого труда и прочелъ программу энциклопедіи, которая должна состоять изъ 24-хъ томовъ и вмѣщать въ себѣ, кромѣ общихъ ученыхъ предметовъ, статьи, касающіяся до Россіи. — Засимъ каждый подпи-

сывалъ свое имя на приготовленномъ листѣ подѣ наименованіемъ той науки, по которой намѣренъ представить свои труды... Пушкинъ и князь В. Ѳ. Одоевскій сдѣлали маленькую неловкость, которая многимъ не понравилась, а иныхъ и разсердила. Всѣ присутствующіе, въ знакъ согласія, просто подписывали свое имя, а тѣ, которые не согласны, просто не подписывали. Но князь Одоевскій написалъ: „Согласенъ, если это предпріятіе и условія онаго будутъ сообразны съ моими предположеніями“. А. Пушкинъ къ этому прибавилъ: „Съ тѣмъ, чтобы моего имени не было выставлено“. Многіе приняли эту щепетильность за личное себѣ оскорбленіе.—Послѣ засѣданія пили шампанское. Здѣсь видѣлъ я многихъ изъ знакомыхъ мнѣ литераторовъ: Плетнева, Кукольника, Масальскаго, Устрялова, Галича, священника Сидонскаго и проч. и проч.“ (Записки и Дневникъ, т. I, стр. 239—240). Подѣ 2-мъ апрѣля Пушкинъ записалъ въ своемъ Дневникѣ сообщеніе о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла объ изданіи „Энциклопедическаго Лексикона“; послѣдній началъ выходить въ 1835 году и прекратился изданіемъ на 17-мъ томѣ, выпущенномъ уже въ 1841 году.—Пушкинъ, какъ мы видѣли, отказался сотрудничать въ Словарѣ, но подписался на него (его имя значится въ числѣ подписчиковъ въ томѣ IV, на стр. 31-й) и въ составѣ бібліотеки его до насъ дошли первые 4 тома этого изданія (Б. Л. Модзалевскій, Библіотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 119). Князь В. Ѳ. Одоевскій вначалѣ также въ Словарѣ не работалъ, но, съ перехода главной редакціи отъ Греча въ другія руки, принялъ, начиная съ т. VII, дѣятельное участіе въ музыкальномъ отдѣлѣ „Лексикона“ и взялъ на себя редакцію всего этого отдѣла (см. статью Б. Л. Модзалевскаго: „Автобіографія композитора Верстовскаго“ въ „Бирюче Петроградскихъ Государственныхъ Театровъ“, под редакціей А. С. Полякова, Пгр. 1920, стр. 227—241). Относительно Греча слѣдуетъ еще сказать здѣсь, что онъ одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ дарованіе Пушкина и уже въ своемъ „Опытѣ краткой исторіи Русской Литературы“, изд. 1822 г., напечаталъ критико-біографическую замѣтку о тогда еще совсѣмъ юномъ поэтѣ (см. статью Н. О. Лернера: „Изъ отзывовъ Н. И. Греча о Пушкинѣ“ — сб. „Пушкинъ и его современники“, вып. XVI, стр. 70—73).

— (Стр. 9). *Булларинъ* — Ѳаддей Венедиктовичъ (род. 24-го іюня 1789, ум. 1-го сентября 1859), извѣстный журналистъ, издатель газеты „Сѣверная Пчела“, одинъ изъ злѣйшихъ враговъ Пушкина, заклеянный его эпиграммами.

— (Стр. 9). *Полевой* — Николай Алексѣевичъ (род. 22-го іюня 1796, ум. 22-го фѣвраля 1846), сперва Московскій, а потомъ Петербургскій журналистъ, издатель „Московскаго Телеграфа“. Пушкинъ сначала сочувствовалъ направленію дѣятельности Полевого и участвовалъ въ его „Телеграфѣ“, но съ теченіемъ времени отъ него отвернулся, — и оба писателя относились другъ къ другу враждебно, особенно послѣ появленія въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г. статей Пушкина „Объ „Исторіи Русскаго Народа“ Полевого“ и пасквиля Полевого на Пушкина изъ-за посланія его „Къ вельможѣ“, хотя личныя отношенія между ними оставались всегда внѣшне-хорошими. Взглядъ свой на Полевого Пушкинъ высказалъ въ своей 3-й „Дѣтской Сказочкѣ“ — „Вѣтранный Мальчикъ“, предназначавшейся, вѣроятно, для „Литературной Газеты“. Послѣ смерти Пушкина Полевой, по приглашенію Сенковского, написалъ о поэтѣ небольшую статью для „Библіотеки для Читенія“ (т. XXI, стр. 181—198). Ср. выше, стр. 12, 13, 14, — записи Пушкина о закрытіи „Московскаго Телеграфа“ и объ арестѣ Полевого.

— (Стр. 9). *Свиньинъ* — Павелъ Петровичъ (род. 10-го іюня 1787, ум.

9-го апрѣля 1839), писатель, основатель и издатель „Отечественныхъ Записокъ“, художникъ и путешественникъ, собиратель музея отечественныхъ древностей, который онъ впоследствии распродалъ съ аукціона. Пушкинъ, наравнѣ съ прочими своими друзьями, относился къ нему нѣсколько иронически; его онъ упомянулъ въ своемъ „Собраніи насѣкомыхъ“ (1828), его же вывелъ въ одной изъ „Дѣтскихъ Сказочекъ“ (1830 г.),—а именно въ 1-ой: „Маленькій лжецъ“; впрочемъ, въ 1833 г. онъ былъ съ нимъ въ сношеніяхъ по поводу копіи съ Дневника Храповицкаго, которую и получилъ для прочтенія (см. Переписку, Акад. изд., т. III, стр. 6 и 11; ср. выше, стр. 61). Для характеристики Свинына приведемъ рассказъ Никитенка, относящійся какъ разъ къ этому времени, т. е. къ концу 1833 г.: „Когда Смирдинъ выбиралъ для своего журнала редактора и не зналъ еще, къ кому обратиться, является къ нему П. П. Свинынъ и именемъ Министра Народнаго Просвѣщенія объявляетъ, что онъ назначенъ послѣднимъ въ редактора. На этомъ, пока, и остановилось дѣло. Нѣсколько дней спустя, Смирдину понадобилось быть у Министра. — „Кто вашъ редакторъ?“ спросилъ его тотъ. — Это еще не рѣшено, Ваше Высокопревосходительство, но Свинынъ . . . — „Что, что, прервалъ его Министръ, — неужели ты хочешь вѣрить свой журналъ этому п. . . и л. . . Для меня все равно, кого ты не избереешь; это твое дѣло. Но я думаю, что журналъ твой умретъ, не родясь, какъ только публика узнаетъ, что редакторомъ его избранъ Свинынъ“ (Записки и дневникъ, т. I, стр. 235). См. ниже, запись Пушкина подъ 10-мъ апрѣля 1834 г.

— (Стр. 9). *Гаевскій* — Семень Ѳедоровичъ (род. 14-го сентября 1772, ум. 2-го сентября 1862), Генераль-Штабъ-Докторъ Гражданской части, почетный лейбъ-медикъ, членъ Медицинскаго Совѣта, бывший профессоръ Медико-Хирургической Академіи, съ 1837 г.—Директоръ Медицинскаго Департамента, авторъ нѣсколькихъ печатныхъ работъ медицинскаго содержанія (1806—1830); Гаевскій значится въ I томѣ „Энциклопедическаго Лексикона“ въ числѣ сотрудниковъ его, принявшихъ въ немъ участіе съ самаго его основанія.

— (Стр. 9). *О князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ* и его участіи въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“, см. выше, стр. 105, 106 и 107.

— (Стр. 9). *Имени князя П. А. Вяземскаго* не находимъ мы и въ числѣ подписчиковъ на Словарь, поименованныхъ въ его IV томѣ.

— (Стр. 9). *Галичъ*—Александръ Ивановичъ (род. 1783, ум. 9-го сентября 1848 г., погребенъ въ Царскомъ-Селѣ, на Казанскомъ кладбищѣ); питомецъ Главнаго Педагогическаго Института, изучавшій философію въ Германіи, онъ въ 1813 г. занялъ кафедру философіи въ томъ же Институтѣ, а въ 1819 г. перешель въ новооткрытый Петербургскій Университетъ и читалъ здѣсь философію и исторію ея, при чемъ въ 1818—1819 гг. издалъ два тома своей „Исторіи философскихъ системъ“; поповъ, съ К. И. Арсеньевымъ и другими профессорами, обвиненными въ свободомысліи тогдешнимъ Попечителемъ Округа Д. П. Руничемъ, подъ судъ, онъ подвергся опалѣ и лишень былъ кафедры; за бѣднымъ философомъ, неприспособленнымъ къ жизни, оставлена была, однако, квартирка и скудное жалованье, къ которому онъ присоединялъ скромный гонораръ, получавшійся отъ небольшого кружка слушателей, собиравшихся у него для слушанія лекцій на дому. Когда же, въ 1837 г., онъ вовсе былъ уволенъ отъ Университета, то только благодаря заступничеству нѣкоторыхъ своихъ учениковъ получилъ мѣсто переводчика при одномъ изъ Департаментовъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, а въ 1839 г.—Начальника Архива Провіанства Департамента

Военнаго Министерства; въ этой должности онъ и скончался, лѣтъ за восемь до смерти потерявъ въ пожарѣ квартиры всѣ свои книги и рукописи, — въ томъ числѣ и вполне законченный и приготовленный къ печати трактатъ о „Философіи исторіи человѣчества“ . . . Пушкинъ зналъ Галича, какъ преподавателя Россійской словесности и латинскаго языка въ Лицеѣ, гдѣ онъ давалъ уроки въ теченіе 1814—1815 г.—во время болѣзни проф. Н. Ѳ. Кошанскаго; уроки были плохи: Галичъ, по словамъ его біографа А. В. Никитенка, „обнаружилъ рѣшительно свою неспособность къ той педагогической дѣятельности, которая лишь готовляла молодыхъ людей къ высшему знанію. Его роль была академическаго преподавателя . . . вмѣсто педагогическихъ способностей, которыхъ ему не доставало, онъ развернулъ въ Лицеѣ свой характеръ, знакомый болѣе съ поэтической, чѣмъ съ практической стороною жизни, характеръ общительный, кроткій, въ высшей степени беззаботный, съ значительною долей юмора и ироніи и съ полнымъ нерасположеніемъ къ школьной дисциплинарности. Въ Лицеѣ онъ увидѣлъ передъ собою толпу юношей, милаыхъ, веселыхъ, нѣкоторыхъ съ замѣчательными дарованіями, но вообще не слишкомъ обременявшихъ себя механизмомъ науки, и тотчасъ понялъ, что ему тутъ трудно будетъ насадить древо познанія латыни. Юноши въ свою очередь примѣтили, что ихъ новый наставникъ болѣе философъ, чѣмъ сколько нужно было для того, чтобы настойчиво занимать ихъ супинами и герундіями, и постарался, въ замѣвъ ихъ, извлечь изъ него другое добро, — его теплое сочувствіе къ юношескимъ свѣтлымъ интересамъ жизни. Но какъ они были молодые люди благовоспитанные, то въ отношеніяхъ ихъ къ нему не могло быть ничего грубаго, а тѣмъ болѣе оскорбительнаго для человѣка, высокой умъ и неподдѣльная доброта котораго не могла не дѣйствовать укротительно на пылкія, но еще не успѣвшія испортиться молодыя сердца. Какъ бы то ни было, однако, Галичъ былъ плохимъ преподавателемъ латинскаго языка въ Лицеѣ, а вмѣсто того — очень пріятнымъ собесѣдникомъ лицейскихъ воспитанниковъ, которые весело проводили съ нимъ время — иногда за чтеніемъ своихъ стихотвореній . . . „Ну, господа“, говорилъ онъ имъ послѣ оживленной, далеко не школьной бесѣды, взявъ въ руки Корнелія Непота, — „теперь потреплемъ старика“. И юноши, по возможности, спѣшили удѣлить старику малую толику своего вниманія и времени. Пушкинъ, кажется, особенно полюбилъ молодого философа, который не истязалъ ни его, ни товарищей склоненіями и спряженіями и былъ уменъ, веселъ, остроуменъ, какъ самъ будущій поэтъ, и притомъ обладалъ многими знаніями, если и недоступными тогдашнему положенію и возрасту автора „Онѣгина“, то не чуждыми его умственнымъ интересамъ“ (А. В. Никитенко, А. И. Галичъ, бывшій профессоръ С.-Петербургскаго Университета, С.-Пб. 1869, отг. изъ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“, стр. 21—23; на стр. 67—68 — характеристика Галича, какъ человѣка). „Добрый“, кромѣ Дневника, Пушкинъ называетъ Галича еще въ своемъ „лицейскомъ“ стихотвореніи „Пирующіе студенты“, въ которомъ онъ изображаетъ профессора, пріѣзжавшаго въ Царское Село и приглашавшаго учениковъ своихъ къ себѣ въ комнату не для одной „трезвой бесѣды“, но и для маленькой пирушки, „президентомъ“ дружеской компаніи. „Предобрый“ называетъ Галича баронъ М. А. Корфъ (Соч. Пушкина, изд. Брокгауза-Ефрова, т. I, стр. 241); В. К. Кюхельбекеръ въ 1840 г. вспоминалъ, какъ „до слабости добрый (чтобъ не болѣе сказать)“ Галичъ однажды читалъ со своими учениками, вмѣсто Корнелія Непота, комедію Коцебу („Русск. Стар.“ 1891 г., № 10, стр. 78);

С. А. Соболевскій, также ученикъ Галича, въ свою очередь пишетъ: „съ добрымъ Галичемъ мы дѣлали разные фарсы и всегда дружественные: мы, такъ сказать, съ нимъ заодно дурачили начальство“ (П. П. Пекарскій, О жизни и трудахъ К. И. Арсеньева, С.-Пб. 1871, стр. 12). Къ Галичу же обращены два посланія Пушкина — оба 1815 года и по его же совѣту написаны „Воспоминанія въ Царскомъ-Сельѣ“, 1814 г., — то самое стихотвореніе, которое юноша-Пушкинъ читалъ на Лицейскомъ публичномъ экзаменѣ 8-го января 1815 г. въ присутствіи Державина и получилъ отъ него „благословеніе“, о коемъ вспоминалъ впоследствии въ посланіи къ Жуковскому (1817 г.) и въ началѣ 8-й главы „Евгенія Ойѣгина“. О сотрудничествѣ Галича въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Плюшара указано въ т. VII его, на стр. IX. О Галичѣ см. еще очеркъ Э. Л. Радлова въ Сочиненіяхъ Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 241—246.

— (Стр. 9). *Устряловъ* — Николай Герасимовичъ (род. 4-го мая 1805, ум. 8-го іюня 1870), въ 1834 г. — адъюнктъ-профессоръ исторіи въ Петербургскомъ Университетѣ, съ 13-го января 1837 г. — адъюнктъ Академіи Наукъ по кафедрѣ исторіи и древностей Русскихъ, съ 5-го октября 1844 г. — ординарный академикъ, авторъ извѣстной многотомной монографіи о Петрѣ Великомъ. Въ библиотекѣ Пушкина сохранились изданія Устрялова: „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“, 5 ч., С.-Пб. 1831—1834; „Сказанія князя Курбскаго“, 2 ч., С.-Пб. 1833, и разсужденіе, написанное на степені доктора философіи, — „О системѣ прагматической Русской Исторіи“, С.-Пб. 1836 г., — послѣдняя книга съ посвятительной надписью Устрялова Пушкину (см. Б. Л. Модзалевскій, Библиотека Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 107—109). „Процессъ“ патріарха Никона, — т. е. акты суда надъ патріархомъ въ концѣ 1666 г., закончившагося его низложеніемъ, Устряловымъ изданъ не былъ и въ Воспоминаніяхъ своихъ („Древняя и Новая Россія“ 1880 г., № 8) онъ ничего не говоритъ о намѣреніи издать его. См. Н. Гюббенетъ, „Историческое изслѣдованіе дѣла патр. Никона“, 2 ч., С.-Пб. 1882—1884, и Н. Субботинъ: „Дѣло патріарха Никона“, М. 1862.

— (Стр. 9). *Австрійскій посланникъ* — графъ Фикельмонтъ (см. выше, стр. 36—38); о его женѣ, графинѣ Дарьѣ Федоровнѣ, которая, по словамъ П. В. Нащокина, „не въ силахъ бывала устоять противъ чарующаго вліянія“ Пушкина (см. выше, стр. 38), всѣ современники отзываются, какъ о женщинѣ исключительной красоты; между прочимъ, въ 1831 г. сестра Пушкина, О. С. Павлицева, познакомившись съ женою брата своего и сообщая о своемъ впечатлѣніи, писала про новобрачную чету: „въ физическомъ отношеніи оңи совершенная противоположность: Вулканъ и Венера, Кирикъ и Улита и т. д. и т. д. и т. д. Въ концѣ концовъ, по моему мнѣнію, здѣсь есть женщины, столь же красивыя, какъ она: графиня Пушкина не хуже ея, мадамъ Фикельмонтъ — точно также“ . . . („Пушкинъ и его современники“, вып. XV, стр. 84).

(Стр. 10). *Объ Я. Ѳ. Скарятинѣ* и его участіи въ убійствѣ Павла I, см. выше, стр. 7, 8—9, 91—92 и 102.

— (Стр. 10). *Александръ I* „терпѣлъ“ убійцъ своего отца, Екатерина II — убійцъ Петра III; Николай же I имѣлъ основаніе искренно считать декабристовъ „бунтовщиками“, ибо, послѣ отреченія Константина Павловича и по ознакомленіи съ документами этого отреченія, полагалъ себя единственнымъ законнымъ престолонаслѣдникомъ.

— (Стр. 10). *Наслѣдникъ* Цесаревичъ Александръ Николаевичъ родился 17-го апрѣля 1818 года, — слѣдовательно, въ 1834 году ему исполнялось 16 лѣтъ; .

но такъ какъ юбилейный день приходился на 6-й недѣль Великаго поста, то празднованіе было отсрочено. „Здѣшнее дворянство дастъ праздникъ Государю на Оминой недѣль, который будетъ стоить 100,000 рублей. Берутъ для этого домъ Нарышкина [впослѣдствіи Мятлева, противъ Исаакіевскаго собора] и на дворѣ пристраиваютъ большую залу для ужина... Князь Василій Долгорукій главою всего, и вѣрно будетъ достойно и дворянства, и дорогихъ гостей“, — писалъ К. Я. Булгаковъ брату 12-го марта 1834 года („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 413). Торжество было назначено на день Свѣтлаго Христова Воскресенія — 22-го апрѣля: см. стр. 15, запись Пушкина подъ „Середой на Святой недѣль“.

— (Стр. 10). *О князѣ Васи́лїи Васильевичѣ Долгоруковѣ* — см. выше, стр. 77—78.

— (Стр. 10). *О графѣ Андреѣ Петровичѣ Шуваловѣ, церемоніймейстерѣ*, см. выше, стр. 76.

— (Стр. 10). *Нарышкинъ* — Кирилль Александровичъ (род. 17-го августа 1786, ум. 26-го октября 1838), извѣстный острякъ; съ 1829 г. — оберъ-гофмаршалъ и дѣйствительный камергеръ Высочайшаго Двора, онъ былъ Президентомъ Придворной Конторы, 6-го декабря 1834 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ 1838 г. пожалованъ въ оберъ-гофмейстеры. По словамъ Вигеля, онъ унаследовалъ въ полной мѣрѣ „Нарышкинское барство, роскошество и шутливость отца“, а графъ В. А. Соллогубъ говорить, что это былъ вельможа большой руки, съ барской наруганностью, замѣчательно умный и остроумный, но крайне вспыльчивый; гостепріимный хозяинъ, получившій отъ отца, несмотря на широкую жизнь послѣдняго, большія средства, онъ жилъ не роскошно, но весело (Великій Князь Николай Михайловичъ, Русскіе портреты XVIII и XIX ст., т. III, № 169). Ср. на стр. 14-й, запись въ дневникѣ Пушкина подъ 16-мъ апрѣля 1834 г.).

— (Стр. 10). *О Л. А. Безобразовой*, см. выше, стр. 5, 6, 82—83 и 86.

— (Стр. 10). *Графиня Полье* — Варвара Петровна, рожд. княжна Шаховская (род. 1-го февраля 1796, ум. 24-го декабря 1870); она была въ 1-мъ бракѣ, съ 1816 г., за генераль-лейтенантомъ графомъ Павломъ Андреевичемъ Шуваловымъ (род. 1777, ум. 1823), отъ котораго имѣла двухъ сыновей, а во 2-мъ бракѣ — за швейцарцемъ изъ Лозанны, принявшимъ Русское подданство и получившимъ послѣ женитьбы званіе церемоніймейстера, а отъ Французскаго короля титулъ графа — Адольфомъ Александровичемъ Полье (род. 1795, ум. 1830; см. о немъ „Русскій Біографическій Словарь“); лѣтомъ 1833 г. графиня съ сыновьями и съ сестрою декабриста и товарища Пушкина — Ю. К. Кюхельбекеръ — уѣхала за границу (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. III, 236, 609—610); слухъ о ея выходѣ замужъ былъ преждевремененъ, и еще въ сентябрѣ 1835 года Пушкинъ въ письмѣ спрашивалъ жену, „вѣрить-ли, чтобъ Гр. Полье вышла наконецъ за своего Принца“ (Переписка, т. III, стр. 233); но вскорѣ слухъ оправдался: графиня въ 1836 г. вышла въ 3-й разъ замужъ — за Principe di Butera Don Giorgio Wilding'a, назначеннаго Неаполитанскимъ посланникомъ въ Петербургъ (см. Almanach de Gotha pour l'année 1841, p. 387), но уже въ 1841 году умершаго; онъ еще въ 1826 году, будучи камеръ-юнкеромъ короля Неаполитанскаго, прїѣзжалъ въ Петербургъ и 24-го мая имѣлъ отпускную аудіенцію у Императора Николая I („С.-Пб. Вѣд.“ 1826 г., 26-го мая). — Д. Н. Свербеевъ, знавшій графиню еще во время ея перваго вдовства, когда она жила въ Швейцаріи, въ серединѣ 1820-хъ годовъ, называетъ ее „милою женщиною“ и говоритъ, что она была

тогда „чрезвычайно робка и застѣнчива“, но при этомъ очень гостепрiимна. „Приходясь, по матери, внучкою княгини В. А. Шаховской, рожденной баронессы Строгановой, княгиня Бутера унаслѣдовала значительную часть Строгановскихъ богатствъ и обладала огромнымъ состояніемъ, которое за границею казалось неисчерпаемымъ: однихъ своихъ собственныхъ у нея было 65.000 десятинъ земли, да въ общемъ владѣніи съ княземъ С. М. Голицынымъ 269.000 десятинъ. а въ общемъ владѣніи съ другими наслѣдниками Строгановыхъ—еще 867.000 десятинъ. Всѣми уважаемая и любимая за ея доброту, широкое гостепрiимство и радушіе, княгиня В. П. Бутера охотно помогала тѣмъ, кто обращался къ ней съ просьбою о вспоможеніи“. Протоіерей І. І. Базаровъ рассказываетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, что въ 1854 г., во время пребыванія въ Штутгартѣ, къ ней обращались даже молодые офицеры съ просьбами о пособіи на первоначальное обзаведеніе, и она не отказывала никому, давая имъ по 500 и по 1000 гульденовъ („Русск. Стар.“ 1901 г., № 3, стр. 556—557). Ея портретъ см. въ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича: „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій“, т. IV, № 90.

— (Стр. 10). *Князь Мещерскій*—вѣроятно, Петръ Ивановичъ (род. 27-го мая 1801 или 26-го мая 1802, ум. 15-го апрѣля 1876), отставной гвардіи подполковникъ, женатый (вторымъ бракомъ) съ 27-го апрѣля 1828 г. на Екатерину Николаевну Карамзиной (въ альбомѣ которой Пушкинъ въ 1827 г. написалъ посвященный ей „Акаеистъ“—см. Б. Л. Модзалевскій: *Новыя строки Пушкина*—въ сб. „Пушкинъ и его современники“, вып. XXVIII, стр. 1—4, и его же статью „Изъ альбомной старины“—въ ж. „Русскій Библіофилъ“ 1916 г., кн. VI, стр. 66 и слѣд.—Мещерскій служилъ въ л.-гв. Гренадерскомъ полку, въ которомъ въ 1825 году былъ капитаномъ, и состоялъ адъютантомъ при генералѣ Татищевѣ, но уже въ 1826 или 1827 г. вышелъ въ отставку и затѣмъ, уже больше не служа, проживалъ въ Петербургѣ. По словамъ О. Н. Смирновой, это былъ „чудесный человекъ“ (Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 32). Вспоминая о молодыхъ своихъ годахъ, племянникъ его, князь А. В. Мещерскій пишетъ, что „никто не былъ радушнѣе, прiивѣтливѣе къ своимъ родственникамъ, какъ онъ и тетушка моя Екатерина Николаевна. Ихъ семейная жизнь была образцовая, а забота ихъ о своихъ дѣтяхъ трогательна. Замѣчательная кротость родителей отразилась и на дѣтяхъ, которые, впослѣдствіи, отличались ровными и добрыми характерами“ („Русск. Арх.“ 1901 г., кн. I, стр. 116, 470—472). Младшимъ сыномъ четы Мещерскихъ былъ извѣстутый князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій, основатель и редакторъ „Гражданина“. Ср. еще запись подъ 26-мъ мая 1834 г.

— (Стр. 10). *Карцовъ*—Дмитрій, отставной поручикъ; трагическое происшествіе, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ, произошло еще въ началѣ марта 1834 г., и агенты графа А. Х. Бенкендорфа доносили о немъ 5-го марта, сообщая, что Карцовъ развѣхался съ женою послѣ 16 лѣтъ брака (Архивъ III Отдѣленія, Секр. Арх., № 463). К. Я. Булгаковъ писалъ брату своему 19-го марта: „Трагическое приключеніе Карцовой съ прибавленіями: мужъ ея не убилъ, не обезобразилъ, а пугнулъ порядочно. По крайней мѣрѣ я такъ слышалъ отъ-его знакомыхъ“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 414).

— (Стр. 10). *Князь Николай Трубецкой*—Николай Ивановичъ (род. 31-го марта 1797, ум. 25-го мая 1874), извѣстный, по своему малому росту, подъ прозвищемъ „le Nain Jaune“, въ 1834 году, въ званіи камергера (съ 1831 г.), былъ и. д. Окружного Почтъ-Инспектора II Округа (Мѣсяцесловъ на 1834 г.,

ч. I, стр. 629). Богатый помѣщикъ (въ Курской, Рязанской и Московской губерніяхъ у него было 7.000 душъ крестьянъ, большею частью „благопріобрѣтенныхъ“), князь Трубецкой былъ опредѣленъ на службу 8-го декабря 1811 года— въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и числился здѣсь до іюля 1815 г., когда поступилъ колонновожатымъ въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части; 26-го февраля 1816 г. перешелъ португей-прапорщикомъ въ л.-гв. Гренадерскій полкъ и здѣсь прослужилъ до 21-го октября, когда, въ чинѣ поручика, уволился. Черезъ два года, 2-го октября 1821 г., князь Трубецкой опредѣленъ былъ въ Мариупольскій гусарскій полкъ штабсъ-ротмистромъ и состоялъ при Начальникѣ Штаба 1-й арміи баронѣ И. И. Дибичѣ, — до перевода своего, 21-го февраля 1823 г., въ л.-гв. Гусарскій полкъ; съ 4-го сентября этого года онъ находился адъютантомъ при генералѣ графѣ П. А. Толстомъ и 28-го января 1826 г. произведенъ былъ въ ротмистры. Къ этому времени относится любопытное для біографіи Трубецкого показаніе А. И. Кошелева, жившаго тогда въ Москвѣ: „Между полученіемъ извѣстій о кончинѣ Императора Александра и о происшествіяхъ 14-го декабря“— говоритъ онъ: „мы часто, почти ежедневно собирались у М. М. Нарышкина, у котораго сосредоточивались всѣ доходившіе до Москвы слухи и извѣстія изъ Петербурга. Толкамъ не было границъ. Не забуду никогда одного бывшаго въ то время разговора о томъ, что нужно сдѣлать въ Москвѣ въ случаѣ полученія благопріятныхъ извѣстій изъ Петербурга. Одинъ изъ присутствовавшихъ на этихъ бесѣдахъ кн. Николай Ивановичъ Трубецкой (точно онъ, а не иной кто-либо, — хотя это и не вѣроятно, однако вѣрно: вотъ какъ люди мѣняются!), адъютантъ графа П. А. Толстого, тогда командовавшаго корпусомъ, расположеннымъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, брался доставить своего начальника связаннаго по рукамъ и по ногамъ (*avec les mains et les jambes liés*) . . .“ (Записки, Берлинъ. 1884, стр. 14). Однако, несмотря на такую горячность, Трубецкой счастливо избѣгъ привлеченія къ слѣдствію надъ декабристами и даже не попалъ въ извѣстный „Алфавитъ“ ихъ. 30-го декабря 1826 г. онъ вышелъ въ отставку, а 24-го мая 1827 г. поступилъ Управляющимъ Коммиссіи по Московской Ссудѣ, но черезъ годъ вышелъ снова въ отставку. 11-го ноября 1830 г. онъ опредѣлился въ Московскій Почтамтъ, 1-го іюня 1831 г. назначенъ былъ на должность Почтъ-Инспектора II Округа и 11-го іюня пожалованъ въ званіе камергера. Записная книжка князя П. А. Вяземскаго сохранила въ себѣ указаніе на то, что 4-го января 1831 г. Трубецкой пріѣзжалъ къ нему въ Остафьево вмѣстѣ съ Денисомъ Давыдовымъ, Пушкинымъ и Н. А. Мухановымъ (Сочиненія князя П. А. Вяземскаго, т. IX, стр. 155; ср. стр. 140). 3-го іюля 1840 г. князь Трубецкой былъ назначенъ состоящимъ при Главномъ начальствующемъ надъ Почтовымъ Департаментомъ; наконецъ, 14-го апрѣля 1847 г. онъ былъ опредѣленъ въ Почетные Опекуны Московскаго Опекунскаго Совѣта, завѣдывалъ различными заведеніями этого вѣдомства въ Москвѣ, съ 1851 г. былъ гофмейстеромъ, съ 1861 г. — оберъ-гофмейстеромъ, съ 1867 г. — членомъ Государственнаго Совѣта и съ 1870 г. — Андреевскимъ кавалеромъ; изъ Почетныхъ опекуновъ онъ въ 1860-хъ годахъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Московскаго Опекунскаго Совѣта; кромѣ того, состоялъ Президентомъ Московской Дворцовой Конторы. По повѣду его юбилея сенаторъ К. Н. Лебедевъ писалъ въ декабрѣ 1867 года: „Москва занимается юбилеемъ маленькаго князя Ник. Ив. Трубецкого, для чего сегодня или вчера прибылъ и маленькій царевичъ, принцъ Петръ Ольденбургскій. Много рѣчей и даже проповѣдей, возгла-

шений, подарковъ и пѣній. Но праздникъ оправдывается только празднымъ тщеславіемъ нашего времени. Какія заслуги оказалъ кн. Н. Трубецкой? Самъ рескриптъ не могъ высказать ихъ . . .“ („Русск. Арх.“ 1911 г., кн. II, стр. 509). Еще съ 1829 г. Трубецкой былъ вдовъ послѣ недолгаго брака съ графиней Варварой Алексѣевной Мусиной-Пушкиной („Русск. Арх.“ 1901 г., кн. I, стр. 602).

— (Стр. 10). *Нарышкинъ* — вѣроятно Кириллъ Александровичъ (см. выше, стр. 111).

— (Стр. 10). *Кукольникъ*—Несторъ Васильевичъ (род. 8-го сентября 1809, ум. 8-го декабря 1868), товарищъ Гоголя по воспитанію въ Гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, извѣстный въ свое время писатель. Начавъ службу учителемъ Русскаго языка и словесности въ Виленской Гимназіи, онъ съ 27-го августа 1833 г. служилъ въ Петербургѣ, въ Канцеляріи Министра Финансовъ, гдѣ съ 15-го марта 1834 г. занималъ, во 2-мъ Отдѣленіи, мѣсто столоначальника 1-го стола; 27-го октября 1837 г. Кукольникъ перешелъ на службу въ Капитулъ орденовъ переводчикомъ съ польскаго языка, 1-го іюня 1839 г. вышелъ вовсе въ отставку, а 17-го апрѣля 1843 г. опредѣлился въ Канцелярію Военнаго Министерства, гдѣ исполнялъ разныя обязанности и командировки по дѣламъ каменно-угольнаго Комитета, хлѣбныхъ поставокъ и хлѣбной промышленности, о провіантѣ и фуражѣ для войскъ и т. п., — вплоть до увольненія своего въ отставку (8-го декабря 1857 г.) съ пенсіей и въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (съ 15-го апрѣля 1856 г.). (Н. Затворницкій, Указатель біографическихъ свѣдѣній, архивныхъ и литературныхъ матеріаловъ, касающихся чиновъ общаго состава по Канцеляріи Военнаго Министерства . . ., С.-Пб. 1909, стр. 212—214 и 545). — За такимъ заурядно-чиновничьимъ, скромнымъ и весьма прозаическимъ формуляромъ скрывалась чрезвычайно продуктивная и кипучая литературная дѣятельность, горячій личный темпераментъ и артистическая одаренность, поставившая Кукольника въ тѣсныя дружескія отношенія съ художникомъ Карломъ Брюлловымъ и композиторомъ М. И. Глинкою — съ одной стороны, а съ другой — выдвинувшая его весьма быстро на чреду извѣстнаго писателя (называли его даже „великимъ“ — см., напр., „С.-Пб. Вѣд.“ 1841 г., № 50, стр. 222), шумно-популярнаго и любимаго публикой. Эгогъ быстрый и громкій успѣхъ создали Кукольнику три первыхъ же его произведенія: „драматическія фантазіи“— „Торквато Тассо“ (С.-Пб. 1833) и „Джакомо Санназаръ“ (С.-Пб. 1834) и драма въ 5 актахъ, въ стихахъ,—„Рука Всевышняго Отечество спасла“ (С.-Пб. 1834, два изданія). По поводу перваго произведенія Кукольника (которое не было поставлено на сценѣ: см. Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину, съ прим. А. А. Чебышева, С.-Пб. 1911, стр. 218) Гречъ писалъ въ своемъ „Обозрѣніи Русской литературы въ 1833 г.“, сопоставляя „Тассо“ съ другою тогдашнею новинкою —драмой барона Е. Ѳ. Розена: „Въ нынѣшнемъ году появились двѣ оригинальныя русскія трагедіи: *Торквато Тассо*, сочиненіе Нестора Васильевича Кукольника, названная имъ драматическою фантазією, и *Россія и Баторій*, историческая драма Барона Егора Ѳедоровича Розена. Сія два произведенія должны обратить на себя все вниманіе любителей литературы, особенно первое. Тассъ, человекъ двухъ міровъ, великій, возвышенный, безсмертный въ мірѣ духовномъ и слабый, ничтожный, сумасбродный въ глазахъ людей міра земнаго, представляетъ лицо истинно поэтическое, созданное для драмы. Нашъ юный поэтъ удачно воспользовался характеромъ и судьбою пѣвца Іерусалима и представилъ намъ въ своей фантазіи не именно историческаго Тассо,

а вообще поэта, чуждаго гостя въ здѣшнемъ свѣтѣ, окруживъ его тѣми лицами и обстоятельствами, которыми судьба какъ бы съ умысломъ окружила своего любимца и страдальца. Вся эта трагедія преисполнена красотъ, но лучшія сцены въ ней суть: бесѣда Тасса съ гениемъ своимъ въ темницѣ и кончина его въ вѣнцѣ Капитолійскомъ. Трагедія сія не была представлена на театрѣ, и, какъ мнѣ кажется, авторъ ничего не потерялъ при этомъ. Идеальность, піитическая возвышенность предмета его драмы несовмѣстна съ дѣйствительностію, осязаемостью, которой требуетъ *эрвлицная* публика. Я увѣренъ, что наши зрители, увидѣвъ въ-первой на сценѣ, что Тасса въ домъ его сестры принимаютъ за безумнаго, расхотались бы, какъ въ *Горѣ отъ ума*, когда прославляютъ сумасшедшимъ Чацкаго на балѣ. Увѣренъ, что не поняли бы и сцены сумасшедшихъ, въ которой сокрыто высокое значеніе“ (Сочиненія, ч. V, С.-Пб. 1838, стр. 200—201). О высоко-патріотической *драмѣ* Кукольника, впервые поставленной на сценѣ Александринскаго Театра 15-го января 1834 г. („С.-Пб. Вѣд.“ 1834 г., приб. къ № 11, стр. 76) отзывы современниковъ были почти единодушно восторженны. Театральный лѣтописецъ А. И. Вольфъ повѣствуетъ: „Второй сценической опытъ Нестора Васильевича былъ гораздо удачнѣе: „Рука Всевышняго Отечество спасла“ (1-е представленіе 21-го февраля [!] 1834 г.) доставилъ автору и славу, и деньги, и почести. Дѣйствіе въ трагедіи происходитъ въ Смутную эпоху междуцарствія, а героями — Пожарскій и Мининъ. Такой сюжетъ давалъ достаточно простору авторскому воображенію и его таланту, преимущественно лирическому. Драмы, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то есть борьбы страстей, въ пьесѣ Кукольника конечно нѣтъ, но вмѣсто страстей тутъ дѣйствуютъ патріотическія чувства. Какъ историческая картина Смутнаго времени, „Рука Всевышняго“ отличалась вѣрною обрисовкою великихъ личностей той эпохи и вѣрнымъ изображеніемъ событій, рѣшившихъ судьбу Россіи. Успѣхъ былъ громадный, исполненіе превосходное. Пожарскаго изображалъ Каратыгинъ 1, Минина — Борецкій, Марину Мнишекъ — Каратыгина 1. Кукольникъ удостоился за свою пьесу чести, весьма рѣдкою для лигатуратора,—быть представленнымъ Государю въ Зимнемъ Дворцѣ“ (Хроника Петербургскихъ Театровъ, ч. I, С.-Пб. 1877, стр. 33). — В. А. Роткирхъ (Теобальдъ) записалъ со словъ самаго Кукольника, рассказъ о первомъ спектаклѣ и о представленіи его Имп. Николаю Павловичу („Русск. Арх.“ 1889 г., кн. III, стр. 509—511), а графиня М. Ѳ. Толстая (впослѣдствіи Каменская), елюбленная тогда въ Кукольника и бывшая свидѣтельницей небывалаго успѣха драмы при ея первой постановкѣ, рассказываетъ, что молодой авторъ былъ вызванъ къ Государю, присутствовавшему на представленіи пьесы и весьма ее одобрявшему, лаконической запиской: „Николай Романовъ ждетъ къ себѣ Кукольника завтра въ девять часовъ утра“ („Историч. Вѣстн.“ 1894 г., № 9, стр. 630—632). Императоръ, бывшій на четвертомъ представленіи драмы, 25-го января 1834 г., пожаловалъ Кукольнику и актеру В. А. Каратыгину брилліантовые перстни („Сѣв. Пчела“ 3-го февраля 1834 г., № 27 и „С.-Пб. Вѣд.“ 4-го февраля 1834 г., № 29). Не всѣ, конечно, безусловно восторгались пьесой Кукольника; такъ, напр., Н. В. Станкевичъ писалъ Я. М. Невѣрову 7-го марта 1834 г.: „Руку Всевышняго я прочелъ. Безъ сомнѣнія, авторъ мыслитъ, какъ слѣдуетъ Русскому, — чувства похвальныя! На каждой строкѣ видна преданность престолу и отечеству, но недостаетъ поэзіи: это—проза, переложенная въ дурные стихи, нѣтъ связи, нѣтъ идеи, словомъ: если бы не похвальные чувствованія, то это была бы единственная чушь въ нашей литературѣ“ (Переписка

*

Н. В. Станкевича, М. 1914, стр. 279). Но, повторяемъ, въ „публикѣ“ и въ официальныхъ сферахъ Кукольниковская піеса имѣла успѣхъ, „превзошедшій ожиданія автора“, какъ говоритъ его новѣйшій біографъ, И. А. Кубасовъ. „Она окружила имя Кукольника ореоломъ страстнаго поэта-патріота. Молодой писатель понялъ настроеніе и вкусы минуты, сумѣлъ польстить тогдашнему понятію о патріотизмѣ“, сорвалъ шумные аплодисменты и привлекъ къ себѣ симпатію лицъ, вниманіе которыхъ считалъ для себя и выгоднымъ, и полезнымъ. Кукольника перевозносили, его должны были перевозносить, и скоро слава его,—по словамъ одного современника (В. А. Инсарскаго)—была такова, что „трудно представить для поэта и вообще для литератора славу блестяще той, какою въ то время (конецъ 30-хъ и начало 40-хъ гг.) пользовался Кукольникъ“ („Русскій Біографическій Словарь“, стр. 534). Гоголь писалъ про него А. С. Данилевскому въ началѣ 1833 г.: „Онъ нестерпимо скученъ сдѣлался. Тогда было собореть около себя толпу и толкуеть или о Моцартѣ и интегралѣ, или движеть эту толпу за собою испанскими звуками гитары. Теперь совсѣмъ не то: не терпять людности и выбереть такое время придти, когда я одинъ, и тогда—или душить трагедіей, или говорить такъ странно, такъ вяло, такъ непонятно, что я рѣшительно не могу понять, какой онъ секты, и не могу замѣтить никакого направленія въ немъ“ (Письма Н. В. Гоголя, изд. А. Ф. Маркса, т. I, стр. 243). Годъ спустя Никитенко, встрѣтившійся съ Кукольниковомъ впервые въ концѣ 1833 или началѣ 1834 года, писалъ въ Дневникѣ своемъ: „Недавно познакомился я съ Несторомъ Кукольниковомъ, авторомъ драматической фантазіи „Торквато Тассо“. Это человекъ съ несомнѣннымъ талантомъ, но душа его пока для меня неясна. . . Кукольникъ далеко пойдетъ, если полюбитъ искусство и одно искусство,—если, подобно многимъ другимъ, не попробуетъ соединить въ себѣ чиновника и поэта“ (Записки и дневникъ, т. I, стр. 233—234). „Наружность Кукольника въ эту эпоху“, какъ говоритъ дочь артистовъ Бряньскихъ, А. Я. Панаева-Головачева: „была замѣчательно неуклюжа. Онъ былъ очень высокаго роста, съ узкими плечами, и держалъ голову нагнувши; лицо у него было длинное, узкое, съ крупными, неправильными чертами; глаза маленькіе, съ наспуленными бровями; уши огромныя, тѣмъ болѣе бросавшіяся въ глаза, что голова была слишкомъ мала по его росту“ („Воспоминанія“, С.-Пб. 1890, стр. 55). Не болѣе привлекательно описываетъ внѣшность Кукольника и упомянутая выше графиня М. Ѳ. Толстая: „худой, длинный, блѣдный молодой человекъ, съ большимъ носомъ и толстыми губами“; однако, объ этихъ наружныхъ недостаткахъ всѣ скоро забывали, какъ только Кукольникъ давалъ волю своему веселому, живому характеру, природному своему юмору, начиналъ острить и шутить или когда садился за рояль. „Какъ онъ прелестно игралъ! Онъ фантазировалъ и переходилъ изъ мотива въ мотивъ, точно ворковалъ что-то, и тихіе звуки отъ игры его такъ и лились прямо въ душу“, — вспоминаетъ та-же современница („Историч. Вѣстн.“ 1894 г., № 8, стр. 331—332). — Намъ мало извѣстно объ отношеніяхъ Пушкина и Кукольника; кромѣ довольно безразличнаго упоминанія въ комментируемомъ мѣстѣ дневника, Пушкинъ лишь однажды говоритъ о немъ въ своей перепискѣ,—и то иронически: въ письмѣ къ женѣ отъ 30-го апрѣля 1834 г., рассказывая о балѣ по случаю совершеннолѣтія Наслѣдника, онъ пишетъ: „Передо мною весь городъ проѣхалъ въ каретахъ, — кромѣ поэта Кукольника, который проѣхалъ въ какомъ-то старомъ фургонѣ, съ какимъ-то оборванымъ мальчикомъ на запяткахъ, что было истинно-поэтическое явленіе“ (Переписка, Акад. изданіе, т. III,

стр. 108). Пушкинъ, видимо, былъ очень невысокаго мнѣнія о дарованіи Кукольника и не считалъ его истиннымъ поэтомъ; это видно, между прочимъ, изъ разсказа Никитенка и изъ словъ барона Е. Э. Розена; первый, подъ 10-мъ января 1836 г., записалъ въ своемъ Дневникѣ: „Интересно, какъ Пушкинъ судить о Кукольникѣ. Однажды у Плетнева зашла рѣчь о послѣднемъ; я былъ тутъ-же. Пушкинъ, по обыкновенію, грызя ногти или яблоко,—не помню,—сказалъ: „А что, вѣдь, у Кукольника есть хорошіе стихи? Говорятъ, что у него есть и мысли“. Это было сказано тономъ двойного аристократа: аристократа природы и положенія въ свѣтъ“ (Записки и дневникъ, т. I, стр. 270). Баронъ Розень, отвѣчая Пушкину на предложеніе дать статьи въ „Современникъ“, писалъ ему 4-го февраля 1834 г.: „... Я хотѣлъ бы написать статью о Кукольникѣ. Такъ какъ мы почти сходимся въ нашемъ мнѣніи о немъ, то не будетъ никакого препятствія къ напечатанію такой статьи, цѣлью которой будетъ доказать означенному писателю, что все, что онъ написалъ, не многого стоить, что онъ не знакомъ даже съ техникою драмы, и безпощаднымъ образомъ напасть на тотъ несчастный жанръ, который онъ избралъ, или сказать, что у него дарованіе, которое при обработкѣ можетъ быть и сможетъ возвыситься надъ его теперешнею блѣдною посредственностью“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 275). Наконецъ, еще одинъ мимолетный отзывъ Пушкина о Кукольникѣ дошелъ до насъ въ Воспоминаніяхъ Е. А. Драшусовой. Описывая обѣдъ и вечеръ у себя 28-го января 1834 г., на которомъ были: Пушкинъ, Крыловъ, Жуковскій, князь Вяземскій, Д. Давыдовъ, Плетневъ, баронъ Розень и другіе писатели, Драшусова разсказываетъ: „Оставались уже немногіе, когда прѣхалъ Кукольникъ... Я была довольна, что такъ случилось. *Литературная аристократія* не жаловала Кукольника. Но мы не могли не пригласить человѣка, бывшаго нашимъ короткимъ знакомымъ. Полевой—тотъ самъ отказался присутствовать на обѣдѣ. Онъ былъ въ явномъ разладѣ со всѣми этими господами. Когда всѣ разошлись, мы провели остатокъ вечера съ Кукольникомъ и Базили... Чтò ни говори, Кукольникъ былъ человѣкъ даровитый. Многочисленныя его произведенія, хотя скороспѣлыя, но всѣ носятъ печать таланта, и когда, бывало, онъ по цѣлымъ часамъ импровизировалъ на фортепіано съ чувствомъ и увлеченіемъ, то нельзя было не убѣдиться, что въ немъ самомъ было много поэзіи. Пушкинъ впрочемъ сказалъ, что *въ немъ жаръ не поэзіи, а лихорадки*“ („Русск. Вѣстн.“ 1881 г., № 9, стр. 152).

Какую то записку къ Кукольнику Пушкинъ, по словамъ графа В. А. Соллогуба, писалъ въ ноябрѣ 1836 г. (Воспоминанія, М. 1866, стр. 45—46), но записка эта до насъ не дошла. Наконецъ, можемъ указать, что въ бібліотекѣ Пушкина сохранился экземпляръ драмы Кукольника въ 5 актахъ, въ стихахъ: „Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій“ (С.-Пб. 1835), — экземпляръ безъ посвянительной надписи (Б. Л. Модзалевскій, Библіотека Пушкина, С.-Пб., стр. 55). Если, однако, Пушкинъ нигдѣ не выразилъ опредѣленно мнѣнія о Кукольникѣ, то послѣдній въ дневникѣ своемъ высказался съ убійственною ясностію; узнавъ о смерти поэта, онъ записываетъ, 29-го января 1837 г.: „Пушкинъ умеръ... Мнѣ бы слѣдовало радоваться,—онъ былъ злѣйшій мой врагъ; сколько обидъ, сколько незаслуженныхъ оскорбленій онъ мнѣ нанесъ—и за что? Я никогда не подалъ ему ни малѣйшаго повода. Я, напротивъ, избѣгалъ его, какъ избѣгаю вообще аристократіи; а онъ непрестанно меня преслѣдовалъ. Я всегда почиталъ въ немъ высокое дарованіе, поэтической геній, хотя находилъ его уче-

ность слишком поверхностною, слишком *аристократическою*; но въ сію минуту забываю все и, какъ русскій, скорблю душевно объ утратѣ столь замѣчательнаго таланта“ (Дневникъ Н. В. Кукольника — ж. „Баянь“ 1888 г., № 11, стр. 98).

— (Стр. 10). О патриотической піесѣ Кукольника „Ляпуновъ“ дважды упоминается въ Дневникѣ Никитенка, который подъ 10-мъ апрѣля 1834 г. писалъ: „Званъ сегодня къ [В. А.] Каратыгину, чтобы выслушать конецъ трагедіи Кукольника „Ляпуновъ“. Но три первые акта этого рабскаго писанія мнѣ слишкомъ опротивѣли. Я не поѣхалъ“, а 14-го мая, говоря о встрѣчѣ съ Кукольникомъ у Греча, записалъ: „Онъ спрашивалъ моего мнѣнія о „Ляпуновѣ“. Что могъ я сказать? По возможности меньше огорчить его моими мыслями на счетъ поддѣльнаго патриотизма. . . Съ удовольствіемъ, между прочимъ, замѣтилъ я слѣдующій благородный поступокъ Кукольника: „Ляпунова“ своего онъ подарилъ Каратыгину, тогда какъ, судя по тому, какъ принята его „Рука Всевышняго“, онъ могъ бы получить за него отъ Театральной Дирекціи славныя деньги“ (Записки и дневникъ, стр. 241 и 244). Драма „Ляпуновъ“ была впослѣдствіи переименована въ „Князя В. М. Скопина-Шуйскаго“.

— (Стр. 11). *Хомяковъ* — Алексѣй Степановичъ (род. 1-го мая 1804, ум. 23-го сентября 1860), извѣстный поэтъ и мыслитель. Пушкинъ познакомился съ нимъ, когда, послѣ Михайловской ссылки, пріѣхалъ въ Москву и, 12-го октября 1826 г., у Веневитиновыхъ, вторично и съ блестящимъ успѣхомъ, читалъ своего „Бориса Годунова“. „На другой день“, — вспоминалъ много лѣтъ спустя Погодинъ, „было назначено чтеніе „Ермака“, только что конченнаго и привезеннаго Хомяковымъ изъ Парижа. Ни Хомякову читать, ни намъ слушать не хотѣлось, но этого требовалъ Пушкинъ. Хомяковъ чтеніемъ приносилъ жертву. „Ермакъ“, разумѣется, не могъ произвести никакого дѣйствія послѣ „Бориса Годунова“, и только нѣкоторыя лирическія мѣста вызвали хвалу. Мы почти его не слышали. Всякій думалъ свое“ („Русск. Арх.“ 1865 г., стр. 1251—1252). Пушкинъ въ своей статьѣ „О драмѣ“ (1830 г.) такъ отзывался о „Ермакѣ“: „Ермакъ“ идеализированный, — лирическое произведеніе пылаго юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи“ (см. еще отзывы Пушкина въ Соч., изд. Просвѣщенія, т. VI, стр. 264 и 300—301). Между тѣмъ, когда, въ 1829 г., „Ермакъ“ былъ поставленъ въ Петербургѣ на сценѣ, съ Каратыгинимъ въ заглавной роли, успѣхъ піесы былъ большой (Н. Колюпановъ, Біографія А. И. Кошелева, т. I, кн. 1, М. 1889, стр. 158), — она была расхвалена „Сѣверной Пчелой“ Булгарина и нѣсколько лѣтъ продержалась въ репертуарѣ, хотя, по словамъ А. И. Вольфа, — только благодаря Каратыгину, такъ какъ, въ сущности, піеса эта была псевдо-классическая, и Ермакъ и его сподвижники похожи были на римскихъ или греческихъ героевъ, заблудившихся въ Сибирскихъ лѣсахъ (Хроника Петербургскихъ Театровъ, ч. I, С.-Пб. 1877, стр. 21). Ксенофонтъ Полевой въ „Московскомъ Телеграфѣ“ тоже раскритиковалъ „Ермака“, называя трагедію несвязною, неестественною и слабою, такъ какъ въ ней нѣтъ ни дѣйствія, ни характеровъ, все на ходуляхъ, все сенгенціи и риторическія чувства. „Ермакъ“ былъ написанъ совершенно во вкусѣ трагедій Озерова, и потому неудивительно, что онъ восхищалъ современную публику, но онъ уже не удовлетворялъ новую критическую школу въ лицѣ Полевого (Н. Колюпановъ, I. с., стр. 158). Въ 1829—1831 г. Хомяковъ, проживая въ Петербургѣ, часто бывалъ у Е. А. Карамзиной (ср. въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго: Изъ альбомной старины — „Русскій Библіофиль“

1916 г., № VI) и у князя В. Θ. Одоевскаго, гдѣ, несомнѣнно, зачастую встрѣчался съ Пушкинымъ, котораго видываль и въ Москвѣ у Погодина (Н. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, кн. II, стр. 304), у М. Θ. Орлова (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 309, 312, 314). Въ ноябрѣ 1831 г. Пушкинъ писалъ поэту Языкову (на сестрѣ котораго Хомяковъ впоследствии женился) по поводу основанія журнала „Европеецъ“: „Надѣюсь на Хомякова,—Самозванецъ его не будетъ уже студентъ, а стихи его все будутъ по-прежнему прекрасны“ (тамъ-же, т. II, стр. 343). Эта новая трагедія— „Димитрій Самозванецъ“, законченная еще въ 1831 г., но дозволенная къ печати лишь 20-го апрѣля 1832 г.; она была напечатана въ Москвѣ въ началѣ 1833 г. (перепечатку ее безъ цензурныхъ пропусковъ см. въ „Русск. Арх.“ 1886, № 8, прилож., съ замѣткою объ исторіи трагедіи). Посылая экземпляры ея въ Петербургъ для раздачи друзьямъ и знакомымъ (въ томъ числѣ и Пушкину, но безъ надписанія отъ автора — см. Б. Л. Модзалевскій, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 113), Хомяковъ писалъ А. В. Веневитинову: „Раздай экземпляры кому слѣдуетъ. При нѣкоторыхъ прибавь фразы. Напримѣръ, если увидишь кн. П. Вяземскаго, скажи ему, что я болѣе всѣхъ ему долженъ былъ прислать „Самозванца“, потому что никогда не могу забыть его дружеской благосклонности. Я назвалъ это фразой, но дѣйствительно это не фраза, а чистая истина. Его приемъ много мнѣ тогда сердце отогрѣлъ“ (Сочиненія, т. VIII, М. 1900, стр. 35). Комментируя послѣднія слова, П. И. Бартеневъ говоритъ, что Хомяковъ въ нихъ „вспоминаетъ про вечеръ у Карамзиныхъ, когда онъ читаль свою трагедію въ присутствіи Пушкина и князя Вяземскаго“ („Русск. Арх.“ 1886 г., кн. II, № 3, стр. 175)—весною 1832 г., причемъ князь Вяземскій нашель, что трагедія Хомякова—„продолженіе и въ родѣ трагедіи Пушкина, но въ ней есть болѣе лирическаго“ (письмо къ И. И. Дмитріеву отъ 13-го апрѣля 1832 г.—„Русск. Арх.“ 1868 г., стр. 617). Однако, самъ Пушкинъ и тогда остался, очевидно, „при особомъ мнѣніи“ о достоинствахъ трагедіи Хомякова, сойдясь въ этомъ случаѣ съ Бѣлинскимъ (см. „Русск. Стар.“ 1904 г., № 5, стр. 473) и отчасти съ Полевымъ („Моск. Телегр.“ 1834 г., № 7, русск. лит., стр. 137 и сл.) и съ Никитенкомъ, который писалъ (3-го апрѣля 1832 г.): „Читаль Хомякова трагедію „Димитрій Самозванецъ“. Нѣтъ, Хомяковъ рѣшительно не имѣетъ драматическаго таланта. Ни одинъ характеръ не созданъ, какъ должно; дѣйствія нѣтъ: одни разговоры, которые можно бы на половину сократить, безъ всякаго ущерба для цѣлости пьесы. Стихи очень хороши. Но драма требуетъ не словъ, а дѣла“ (Записки и дневникъ, т. I, стр. 221). Объ отрицательномъ отношеніи Пушкина къ пьесамъ Хомякова зналь и Анненковъ, біографъ поэта; одинъ намекъ его далъ поводъ Погодину, вскорѣ по выходѣ Анненковскихъ „Матеріаловъ для біографіи Пушкина“, укорить Анненкова за несправедливость къ Хомякову. На этотъ укоръ Анненковъ, 12-го февраля 1855 г., отвѣчалъ Погодину: „Вы меня оторчили подозрѣніемъ въ неуваженіи къ такому имени и лицу, какъ Хомяковъ. Въ головѣ у меня не было мысли бросить какую-либо тѣнь на человѣка, которому многіе и за многое говорятъ спасибо (да и я въ томъ числѣ). Значить, выразился я рѣзко по недосмотру, а намекнулъ я на него, вслѣдствіе такой замѣтки Пушкина“; — и, приведа дословно всю комментируемую нами запись дневника Пушкина отъ 2-го апрѣля 1834 г. *) о Кукольникѣ и Хомяковѣ, Анненковъ пишетъ далѣе: „Прошу васъ теперь быть и

*) Анненковъ ошибочно отнесъ ее къ 1833 г.

передъ Хомяковымъ выразителемъ моихъ истинныхъ чувствъ, если бы и он нашель что-либо неприятное въ моей цитатѣ“ (Н. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, кн. XIV, стр. 170).—Хомяковъ, дѣйствительно, задумывалъ написать историческую трагедію „Ляпуновъ“, о которой упоминается въ дневникѣ Пушкина и отъ которой сохранился только отрывокъ (опубликованный въ „Русск. Арх.“ 1899 г., кн. I, стр. 184—191, и въ Сочиненіяхъ Хомякова, т. IV, М. 1900, стр. 179—186). Вотъ что 27-го мая 1834 г. Хомяковъ писалъ Загоскину, благодаря его за похвалы „Димитрію Самозванцу“: „Если будущій мой сыночекъ заслужитъ также похвалы, то вѣрнѣе, онъ много будетъ вамъ обязанъ. Съ прошедшаго вторника яснѣе кажется мнѣ цѣль моя, „Ляпуновъ“ принимаетъ живѣйшія краски, и я самъ какъ будто окрѣпчалъ. . . Я забываю холодность робкой и томной публики, ибо ваша похвала для меня залогомъ будущаго одобренія публики болѣе образованной и менѣе благоговѣющей передъ заморскимъ“ („Русск. Стар.“ 1902 г., № 9, стр. 624—625). Какъ бы, однако, ни велико было расхожденіе Пушкина и Хомякова въ пониманіи того, чѣмъ должна быть историческая трагедія, Хомяковъ отдавалъ должное своему старшему собрату по перу и горько оплакалъ смерть „бѣднаго Пушкина“, что видно, между прочимъ, изъ трехъ писемъ его къ поэту Языкову (См. „Русск. Арх.“ 1884 г., кн. III, стр. 202—203 и Сочиненія Хомякова, т. VIII, М. 1900, стр. 89—92).

— (Стр. 11). *Розень* — баронъ Егоръ Федоровичъ (род. 16-го декабря 1800, ум. 23-го марта 1860), „поклонникъ и доброжелатель“ Пушкина, по собственному его опредѣленію; человекъ солиднаго образованія, онъ въ молодые годы служилъ въ Елизаветградскомъ гусарскомъ полку (1819—1828), послѣ трехлѣтней отставки прослужилъ недолго (1831—1834) при дежурномъ генералѣ Главнаго Штаба П. А. Клейнмихелѣ, а въ августѣ 1835 г., по рекомендаціи Жуковского, получилъ мѣсто секретаря при Наслѣдникѣ Александрѣ Николаевичѣ и занималъ его до 1840 г. (когда окончательно вышелъ въ отставку), послѣ чего до конца дней велъ мирную семейную жизнь, занимаясь изящною литературой и лингвистическими и философскими работами. Страсть къ поэтическимъ занятіямъ пробудилась въ немъ очень рано, всю жизнь онъ много и упорно работалъ и оставилъ большое количество произведеній въ стихахъ и прозѣ, появившихся, съ 1825 года, и отдѣльными изданіями, и въ разнообразныхъ журналахъ, альманахахъ, газетахъ,—въ томъ числѣ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ и „Литературной Газетѣ“ Дельвига; при этомъ Розень, однако, не гнушался и „Сѣверною Пчелою“ Булгарина, и „Отечественными Записками“ Свиньина; однако, при такой неразборчивости, онъ оказывалъ явное тяготѣніе къ Жуковскому и въ особенности къ Пушкину, — своимъ литературнымъ покровителямъ. Съ Пушкинымъ (которому онъ посвятилъ въ 1831 г. стихотвореніе „26-е мая“, напечатанное въ изданномъ имъ же альманахѣ „Альціона“) познакомился онъ, по собственному его показанію, черезъ С. П. Шевырева, въ 1829 году; послѣдовавшее затѣмъ сближеніе между ними основывалось, по словамъ Розена, на благосклонномъ отношеніи Пушкина къ его критическому таланту. Пушкинъ, — говоритъ онъ, — высоко цѣнилъ его отзывъ о „Борисѣ Годуновѣ“, остался однажды чрезвычайно доволенъ его поправкой въ третьемъ стихѣ извѣснаго своего четверостишія о Дельвигѣ — „Загадка“, напечатаннаго въ изданномъ Розеномъ и Н. М. Коншинымъ альманахѣ „Царское Село“ (1830), и вообще любилъ бесѣдовать съ барономъ о литературѣ, цѣня его будто бы вѣрныя замѣчанія („Сынъ Отеч.“ 1847 г., № 6, стр. 25; ср. „Русск. Стар.“ 1894 г., № 11, стр. 124). Розень былъ очень

высокаго о себѣ мнѣнія, какъ о лирикѣ и критикѣ, и считалъ себя выдающимся драматургомъ. „Такая высокая самооцѣнка“, говоритъ его биографъ: „объясняется болѣзненно развитымъ самолюбіемъ автора, поощряемаго дружески-одобрительными отзывами о немъ Жуковского, князя Вяземскаго и Пушкина, хотя отзывы ихъ и отличались вообще сдержанностію, даже уклончивостію, чего, конечно, не замѣчалъ самоочарованный драматургъ“ („Русскій Биографическій Словарь“, т. Р., стр. 401). Намъ неизвѣстно, что, собственно, правилось Пушкину въ произведеніяхъ Розена; но онъ, несомнѣнно, хорошо былъ знакомъ съ его драмами на историческія темы: въ библиотекѣ поэта сохранились изъ нихъ — „Россія и Баторій, историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ“ (С.-Пб. 1833; см. выше, стр. 114, отзывъ о ней Греча; рецензія на нее Н. К. (не Кукольника-ли?) съ сопоставленіями ея съ „Борисомъ Годуновымъ“ Пушкина — въ „Сѣв. Пчелъ“ 1834 г., № 8 и 9, въ фельетонѣ), „Осада Пскова, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ“ (С.-Пб. 1834) и „Петръ Басмановъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ“ (С.-Пб. 1835), — обѣ послѣднія — съ посвятельными надписями отъ автора (Б. А. Модзалевскій, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 85—86); были ему извѣстны, надо полагать, и поэма Розена „Рожденіе Іоанна Грознаго“ (С.-Пб. 1830), и трагедія въ 5 дѣйствіяхъ „Дочь Іоанна III“ (С.-Пб. 1835). Письма Пушкина къ барону Розену въ печати еще не появлялись, хотя, по слухамъ, недавно найдены; изъ писемъ же Розена къ поэту дошло до насъ 6, отъ 1831—1836 гг.; всѣ они напечатаны въ Академическомъ изданіи Переписки Пушкина, въ т. II и III (есть, однако, указаніе, что Розенъ былъ въ перепискѣ съ Пушкинымъ еще въ 1822 году — „Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1484); извѣстны также печатные отзывы Розена о „Борисѣ Годуновѣ“ („Литер. Газета“ 1831 г., № 1—2, и „Литер. Приб. къ Русскому Инвалиду“ 1834 г., № 2), о „Стихотвореніяхъ“ Пушкина („Сѣв. Пчела“ 1834 г., № 81), обѣ „Исторіи Пугачевскаго бунта“ (тамъ же 1834 г., № 295 и 1835 г., № 38). Въ письмахъ Розена къ Пушкину любопытны отзывы его о Кукольникѣ, съ которыми онъ былъ лично знакомъ: въ первомъ, отъ 19-го іюня 1833 г., онъ съ большою похвалою отзывается о драмахъ Кукольника: „Торквато Тассо“ и „Джуліо Мости“, но затѣмъ, какъ мы видѣли (выше, стр. 117) измѣняетъ свое мнѣніе о талантѣ Кукольника и кончаетъ тѣмъ, что, въ 1853 г., пишетъ: „Бюсю за Библиотеку для Чтенія: 1-й № ея вышелъ съ *роковымъ* знаменіемъ — съ драмою Кукольника“, котораго далѣе, въ насмѣшку, называетъ Ермиломъ Ивановичемъ по имени пьесы Кукольника о Костровѣ („Русск. Стар.“ 1901 г., № 2, стр. 392). А. Я. Панаева такъ рисуетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ наружность Розена: „типъ нѣмца, высокой, неподвижной, съ маленькой головой, съ прилизанными свѣтлыми волосами и свѣтлыми голубоватыми глазами, имѣвшими какое-то умильное выраженіе“; онъ часто бывалъ у И. И. Панаева въ 1836 г., когда Глинка готовилась къ постановкѣ „Жизни за Царя“, для которой либрето было написано Розеномъ (не безъ участія Жуковского), — и А. Я. Панаева передаетъ, какъ на репетиціяхъ Розенъ „упивался своими стихами“ и „пренаивно“ приписывалъ успѣхъ оперы Глинка именно этимъ стихамъ (Воспоминанія, С.-Пб. 1890, стр. 58).

— (Стр. 11). *Камеръ-юнкеръ Смирновъ* — Николай Михайловичъ (род. 16-го мая 1807, ум. 4-го марта 1870), въ 1834 г., въ званіи камеръ-юнкера и въ чинѣ коллежскаго ассесора, состоявшій (съ 22-го февраля) при Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, мужъ знаменитой А. О. Смирновой, рожд. Росетъ (см. выше, стр. 99); это было, по опредѣленію П. И. Бартевева, „чело-

вѣкъ большого образованія и золотого сердца“, „во всю свою жизнь радѣвший горячо и беззаветно общественному благу“ („Русск. Арх.“ 1899 г., кн. I, стр. 623), „благороднѣйшихъ правилъ, отменно горячаго, любящаго сердца, съ дѣятельнымъ участіемъ относившійся къ чужому горю и чужой бѣдѣ, многихъ на своемъ вѣку выручавшій, многимъ памятный своими пособіями и благодѣяніями“ (тамъ же, 1882 г., кн. I, стр. 227). Отецъ его, Михаилъ Петровичъ Смирновъ, служилъ въ Конной гвардіи и вышелъ въ отставку гвардіи полковникомъ 17-го января 1797 г. (см. Полный списокъ шефовъ... и офицеровъ л.-гв. Коннаго полка, С.-Пб. 1886, стр. 122; Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 226—227); онъ былъ женатъ на Федосѣй Петровнѣ Бухвостовой, внучкѣ „перваго русскаго солдата“ и любимца Петра Великаго, похоловавшагося ему богатыя помѣстья въ Псковской и Московской губерніяхъ (Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 169 и 226—227; „Русск. Арх.“ 1882 г., кн. I, стр. 227; 1895, кн. II, стр. 454 и 1898 г., кн. III, стр. 582); М. П. Смирновъ жилъ послѣ отставки въ Москвѣ, богатымъ баринომъ и славился, между прочимъ собственнымъ театромъ на Знаменкѣ и оркестромъ роговой музыки (Дневникъ В. П. Горчакова — „Москвитяинъ“ 1850 г., № 7, отд. I, стр. 186—187); онъ умеръ въ Георгіевскѣ 13-го августа 1823 г. („Моск. Вѣд.“ 1824 г., стр. 30; Сборн. стар. бумагъ, хранящ. въ Музеѣ П. И. Щукина, ч. X, стр. 311, 312). Н. М. Смирновъ сдалъ „чиновничій“ экзаменъ въ Московскомъ Университетѣ и слушалъ лекціи, между прочимъ, у И. М. Снегирева („Русск. Арх.“ 1902 г., кн. II, стр. 374, 375); затѣмъ нѣсколько лѣтъ, въ сопровожденіи гувернера m-r Bertholet, онъ странствовалъ по Европѣ — въ Швейцаріи и Италіи, гдѣ пристрастился къ коллекціонированію картинъ и собралъ хорошую галлерей, такъ какъ обладалъ большимъ состояніемъ — 3000 душъ крестьянъ въ Московской, Тульской, Тамбовской, Калужской и Псковской губерніяхъ („С.-Пб. Вѣд.“, янв. 1838, приб., стр. 121, и формулярный списокъ). Заграницей встрѣчался со Смирновымъ Д. Н. Свербеевъ, въ Запискахъ своихъ передающій нѣсколько рассказовъ о богатомъ юношѣ, „маменькиномъ сынкѣ“, котораго онъ опредѣляетъ, какъ „оригинала, челоѣка чрезвычайно добраго, во всѣхъ отношеніяхъ благороднаго и честнаго, но вѣломощнаго и горячаго иногда до бѣшенства“ (Записки, т. II, М. 1899, стр. 291—294). Въ августѣ 1824 г. Смирновъ былъ зачисленъ на службу въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ 1825—1828 г. жилъ во Флоренціи, числясь при миссіи, и въ 1829 г., 6-го декабря, пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ 1831 г. онъ былъ уже знакомъ съ Пушкинымъ, что видно изъ слѣдующей записи его будущей жены, фрейлины А. О. Россетъ, относящейся къ тому же году: „Вчера Пушкинъ снова видѣлъ у Карамзиныхъ Смирнова, воротившагося на этотъ разъ изъ Лондона. Смирновъ — дипломатъ. Нессельроде очень его любитъ, Карамзина точно также. Онъ поддразниваетъ Софи [Карамзину], какъ и Пушкинъ, и привезъ ей теперь цѣлую груду англійскихъ романовъ. Смирновъ долженъ былъ быть шаферомъ Пушкина, но ему пришлось ѣхать въ Лондонъ курьеромъ... Пушкинъ завтракалъ у Смирнова, смотрѣлъ его картины, его коллекціи рѣдкостей и искусства, его бібліотеку. Они много говорили о Байронѣ, объ Англии и объ Италіи, въ которой Смирновъ прожилъ шесть лѣтъ... „Смирновъ мнѣ очень нравится, „говорилъ Пушкинъ“: онъ вполне европеецъ, но сумѣлъ при этомъ остаться и вполне Русскимъ“; онъ „типъ англичанина или шведа; онъ и верхомъ ѣздитъ, какъ англичанъ“, онъ „прекрасно говорить по-русски, хотъ и былъ воспитанъ эмигрантами“; „думаю“, заключилъ Пушкинъ свою бесѣду съ А. О.

Россетъ: „что онъ вамъ понравится, нашъ бояринъ-итальянецъ, нашъ русскій милордъ“ (Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 169—171). Дѣйствительно, Смирновъ понравился красавицѣ Россетъ, и вскорѣ, въ январѣ 1832 г., состоялась ихъ свадьба, при чемъ Пушкинъ былъ шаферомъ Смирнова („Русск. Арх.“ 1882 г., кн. I, стр. 227), а затѣмъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ дома Смирновыхъ и былъ дружески расположенъ и къ мужу, и къ женѣ. Впослѣдствіи, съ марта 1835 по сентябрь 1837 г., Смирновъ служилъ при Русской миссіи въ Берлинѣ, затѣмъ былъ членомъ Общаго Присутствія Азіатскаго Департамента, Директоромъ Комиссіи погашенія долговъ (3-го февраля 1839), 1-го іюля 1839 г. пожалованъ въ должность церемоніймейстера, въ февралѣ 1842 г. переведенъ на службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, исполнялъ разныя командировки, въ 1843 г. (24-го апрѣля) пожалованъ въ церемоній-мастера, а 3-го мая 1845—въ камергеры, въ 1845—1851 гг. былъ губернаторомъ въ Калугѣ и въ Петербургѣ (1855—1860), наконецъ, съ 1-го января 1861 г., сенаторомъ (формулярный списокъ). Въ члены Англійскаго Собранія Смирновъ былъ избранъ въ 1834 г. (Столѣтіе... Собранія, С.-Пб. 1870, стр. 113). Онъ оставилъ любопытныя и очень цѣнныя, хоть и краткія замѣтки о Пушкинѣ въ послѣднія 6 лѣтъ его жизни („Русск. Арх.“ 1882 г., кн. I, стр. 229—239) и о Лермонтовѣ (стр. 239—241); въ „Русскомъ Архивѣ“ опубликованы три письма его къ Жуковскому, 1836 г. (1899 г., кн. I, стр. 623—627), а въ „Русской Старинѣ“— письмо Гоголя къ нему, 1837 г. (1909 г., № 3, стр. 452—453).

— (Стр. 11) *Иксуль* — баронъ Александръ Карловичъ (род. 10-го ноября 1805, ум. 21-го апрѣля 1880), въ 1834 г., въ званіи камеръ-юнкера, служившій переводчикомъ въ Канцеляріи Начальника Главнаго Морскаго Штаба князя А. С. Меншикова (Мѣсяцесловъ на 1834 г., ч. I, стр. 174), впослѣдствіи камергеръ, Директоръ Тюремнаго Комитета (1856) и членъ Комитета для разбора и призрѣнія нищихъ въ Петербургѣ (1866), тайный совѣтникъ (Сборн. Имп. Русскаго Истор. Общества, т. 60, стр. 303). Членомъ Англійскаго Собранія онъ былъ избранъ въ 1831 г. и пробылъ въ немъ до 1866 г. (Столѣтіе... Собранія, С.-Пб. 1870, стр. 110).

— (Стр. 11). Кто былъ *Смирновъ-широкъ*, котораго спутали съ Н. М. Смирновымъ, не знаемъ; вѣроятно — Владиміръ Саввичъ Смирновъ, единственный членъ этой фамиліи въ С.-Петербургскомъ Англійскомъ Собраніи, числившійся въ немъ съ 1880 до 1861 года (см. „Столѣтіе С.-Петербургскаго Англійскаго Собранія. 1770—1870. Историческій очеркъ. — Воспоминанія... Списки... членамъ“, С.-Пб. 1870, стр. 109), въ 1824—1828 г. бывшій Астраханскимъ, въ 1829—1835 г. Владимірскимъ, а съ 19-го апрѣля 1835 до 19-го февраля 1837 г. — Новгородскимъ вице-губернаторомъ, съ 1839 до 1860 года — Управляющій Главнымъ Казначействомъ, тайный совѣтникъ (съ 1850 г.). Кандидатовъ въ Англійскій Клубъ предлагали „съ большимъ разборомъ, одинъ разъ въ годъ“, вспоминаетъ членъ Клуба М. А. [вѣроятно — М. Н. Лонгиновъ]: „Часто случалось, что члены - предлагатели отказывались отъ баллотированія своихъ кандидатовъ даже передъ самымъ избраніемъ, замѣтивши, что въ приѣмъ ихъ есть сомнѣніе. Баллотировка была строгая; при мнѣ однажды забаллотировали въ одинъ и тотъ же день четырехъ кандидатовъ, въ томъ числѣ одно лицо въ очень большомъ чинѣ и занимавшее весьма видное служебное мѣсто. Были люди высокопоставленные, но никогда не рискнувшіе подвергнуться испытанію баллотировки въ члены, непринятіе въ которые производило большое впе-

чтальніе въ городѣ (Столѣтіе... Собранія, стр. 33). Пушкинъ былъ избранъ въ члены Клуба въ 1832 г. и числился въ немъ до смерти (тамъ же, стр. 111). Его сочленомъ тамъ былъ Краловъ, въ 1833—1834 гг. бывший однимъ изъ старшихъ Клуба (тамъ же стр. 30).— Однако, и Н. М. Смирновъ, — по крайней мѣрѣ въ 1860-хъ годахъ,—также велъ большую игру. Н. Г. Чернышевскій въ 1878 г., въ письмѣ къ А. Н. Пыпину, вспоминаетъ слѣдующій разговоръ Некрасова про Николая Михайловича Смирнова. „По его [Некрасова] словамъ, изъ числа людей, ведущихъ большую игру, онъ зналъ лишь двухъ-трехъ, играющихъ честно. Имя одного я помню: мужъ той меценатки Смирновой — какъ ее звали? О. И.? или нѣтъ? — Но ты помнишь: другъ Жуковского, когда была дѣвушкою, и т. д. Смирновъ былъ человекъ богатый. Но, люди богаче его, были — просто шулера, нѣкоторые, по словамъ Некрасова. Именъ не помню“ и т. д. (Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными. Статья Е. А. Ляцкого. Примѣчанія М. Н. Чернышевскаго, вып. III, С.-Пб. 1913, стр. 58). Ср. стр. 19, запись подъ 3-мъ іюня 1834 г.

— (Стр. 11). *Графъ Чернышевъ* — впоследствии, съ 1841 г., свѣтлѣйшій князь Александръ Ивановичъ (род. 1786, ум. 1857), генераль-адъютантъ, съ 1827 г. Военный Министръ, подъ конецъ жизни Предсѣдатель Государственного Совѣта. Какъ человекъ, онъ пользовался плохою репутаціею и извѣстенъ, между прочимъ, своимъ гнуснымъ поведеніемъ по отношенію къ декабристу графу Э. Г. Чернышеву, котораго онъ постарался запутать во время слѣдствія и суда и добился ссылки его въ каторгу въ Сибирь, въ надеждѣ (не оправдавшейся), на правахъ родственника, воспользоваться его большимъ состояніемъ. Въ члены Англійскаго Собранія онъ былъ избранъ въ 1831 г., но уже въ 1832 г. выбылъ (Столѣтіе... Собранія, С.-Пб. 1870, стр. 111).

— (Стр. 11). *Гладковъ* — Иванъ Васильевичъ (род. 27-го января 1766, ум. 7-го августа 1832), генераль-лейтенантъ, Московскій (1808—1811 г.), а затѣмъ С.-Петербургскій оберъ-полиціймейстеръ — съ 22-го августа 1821 (послѣ И. С. Горголи) до 22-го іюля 1825 г., когда былъ назначенъ сенаторомъ. Будучи, въ 1815 г., окружнымъ генераломъ 2-го Округа внутренней стражи, онъ былъ командированъ съ батальонами внутренней стражи и съ жандармами въ Костромскую губернію для усмиренія крестьянъ, а въ 1821 г. усмирялъ крестьянъ графа Разумовскаго въ Гостилицахъ, близъ Петербурга. Извѣстный архимандритъ Фотій, рассказывая о борьбѣ своей, въ 1824 году, „противу сонмища зловѣрныхъ“, пишетъ: „Во время оно Иванъ В. Гладкій оберъ-полиціймейстеръ былъ въ Санктъ-Петербургѣ военный генераль, по ревности къ общему благу церкви и отечества наблюдая, яко свое дѣло по полиціи, былъ любимецъ Уварову [Ф. П.], непрестанно доносилъ обо всѣхъ козняхъ зловѣрія и враговъ общихъ, иныхъ же орудіемъ силы своея прескалъ совершенно: онъ всѣ почти дѣла и бумаги чрезъ Уварова доводилъ тайно до рукъ Императора [Александра]. Онъ былъ какъ честенъ, такъ вѣренъ, справедливъ и неустрашимъ и ни подъ какимъ видомъ не былъ склоненъ измѣнить въ дѣлѣ вѣры и вѣрности своей. Самъ дѣйствовалъ и другихъ побуждалъ; всѣ свѣдѣнія отъ Фотія и Серафима митрополита старался получать и самъ всѣ свои открывалъ имъ, дабы едино у всѣхъ было дѣйствіе и ко единому благу“ („Русск. Стар.“ 1896 г., № 7, стр. 179). Эта тѣсная связь съ изуверомъ-Фотіемъ и прежніе полицейско-жандармскіе подвиги Гладкова создали ему, конечно, опредѣленную репутацію и были причиною его первоначальнаго забаллотированія въ Англійскомъ Клубѣ. Избраніе его состоялось въ

1824 г. и въ числѣ членовъ состоялъ онъ до смерти (Столѣтіе С.-Петербургскаго Англійскаго Собранія, С.-Пб. 1870, стр. 101). О Гладковѣ см. „Русскій Біографическій Словарь“, т. Г., стр. 249—250, и изданіе: „С.-Петербургская столичная полиція и градоначальство. Краткій историческій очеркъ“, С.-Пб. 1903, стр. 94.— Въ изданіи Суворина подъ ред. П. А. Ефремова сказано (т. V, стр. 644), что графъ Чернышева и Гладкова не баллотировали вновь въ члены Англійскаго клуба, а поднесли прямо „почетные членскіе билеты“.

— (Стр. 12). *Князь Одоевскій* — Владимір Ѳедоровичъ (см. выше, стр. 96—97).

— (Стр. 12). *Докторъ Гаевскій* — Семень Ѳедоровичъ (см. выше, стр. 108).

— (Стр. 12). *Зайцевскій* — Ефимъ Петровичъ, поэтъ; начавъ и продолжая службу во флотѣ на Черномъ морѣ, гардемаринъ съ 16-го іюля 1817 г., мичманъ съ 3-го марта 1819 г. и лейтенантъ съ 21-го апрѣля 1824 г., онъ въ 1828 г., во время Турецкой войны, на кораблѣ „Парижъ“ крейсеровалъ съ флотомъ у крѣпостей Анапы и Варны и участвовалъ подъ Варною въ „вырѣзкѣ“ турецкихъ судовъ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; при осадѣ этой крѣпости онъ находился въ траншейныхъ работахъ и награжденъ золотою саблею „за храбрость“, во время же осады Варны, командуя сотнею матросовъ-охотниковъ, первыми ворвавшихся въ крѣпость, былъ тяжело раненъ пулею въ руку, за что награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-го класса, получилъ 2.000 рублей на излеченіе раны и за отличіе произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. 1829-й годъ онъ провелъ на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, а въ 1830—1834 гг. находился въ заграничномъ отпуску — до излеченія раны. 1-го января 1846 г. произведенный въ капитаны 2-го ранга, Зайцевскій находился при Русской миссіи въ Неаполѣ, 8-го апрѣля 1851 г. назначенъ былъ Русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Сицилію, 6-го декабря 1852 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга, 28-го іюля 1853 г. снова назначенъ состоять при миссіи въ Неаполѣ, гдѣ, въ концѣ 1860 или въ началѣ 1861 г., и скончался (исключенъ изъ списковъ въ приказѣ отъ 6-го марта 1861 г. — см. Общій Морской Списокъ, ч. VII, С.-Пб. 1893, стр. 114—115). Съ молодыхъ лѣтъ начавъ писать стихи, онъ постепенно входилъ въ общеніе съ писателями; въ 1819 г. съ нимъ, въ Николаевѣ, сблизился Даль („Русск. Арх.“ 1872 г., кн. II, стр. 2250); въ 1825 году поэтъ В. И. Туманскій писалъ А. А. Бестужеву-Марлинскому, изъ Николаева-же: „Въ моихъ разъѣздахъ по Херсонской губерніи видѣлся я съ риемоплетомъ Зайчевскимъ, который просилъ меня доставить къ тебѣ... стишки свои для напечатанія въ „Звѣздочкѣ“. Прилагая ихъ при этой запискѣ и симъ исполняя желаніе моего Парнаскаго собрата, я кланяюсь низенько тебѣ“ и т. д. („Русск. Стар.“ 1905 г., № 4, стр. 212—212). Въ маѣ 1830 года О. М. Сомовъ, помощникъ Дельвига по редакціи „Литературной Газеты“, писалъ поэту В. Г. Телякову (участвовавшему въ 1829 г. въ дѣйствіяхъ противъ Варны): „Пушкинъ, князь Вяземскій, баронъ Дельвигъ и Зайцевскій вамъ кланяются: всѣ они называютъ васъ своимъ знакомцемъ по чувствамъ и таланту. Послѣдній изъ нихъ оставилъ насъ на дняхъ и снова пустился подъ парусами — только не въ Абхазію и не подъ Варну, а въ тихую, добрую и счастливую Германію, къ теплымъ водамъ, для излеченія, если можно, правой руки своей, заклеянной Варнинскимъ штемпелемъ“ („Русск. Стар.“ 1896 г., № 3, стр. 662); а полтора года спустя, 29-го октября 1831 г., А. И. Кошелевъ, рассказывая князю В. Ѳ. Одоевскому о своемъ заграничномъ путешествіи, сообщалъ: „Во

Франкфуртъ (въ августъ-сентябрѣ) столкнулся съ Зайцевскимъ, весьма съ нимъ познакомился, и уговорились вмѣстѣ провести зиму“ — въ Женевѣ, по прїѣздѣ куда Кошелевъ писалъ: „Здѣсь тѣма русскихъ. Всякій день выдаюсь съ [С. А.], Соболевскимъ, Зайцевскимъ, [П. А.] Галаховымъ и многими другими соотчичами“ („Русск. Стар.“ 1904 г., № 4, стр. 209, 211); Зайцевскій былъ знакомъ и съ Денисомъ Давыдовымъ, посланіе къ которому напечаталъ въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г. (№ 11). Литературная производительность Зайцевскаго была, однако, очень невелика: намъ извѣстно лишь около двухъ съ половиною десятковъ его стихотвореній, — преимущественно элегическихъ, которыя появились въ „Новостяхъ Литературы“ 1825 г., въ „Полярной Звѣздѣ“ 1825 г., „Невскомъ Альманахѣ“ 1826, 1827 и 1828 г., „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1828 и 1829 г., „Радугѣ“ 1830 г., „Венерѣ“ 1831 г., „Телескопѣ“ 1832 г., „Весеннихъ Цвѣтахъ“ 1835 г., „Маякѣ“ 1840 г., „Новосельѣ“ 1845 г. и др. (перечисленіе ихъ см. въ „Русскомъ Биографическомъ Словарѣ“, т. Ж—З, стр. 179). Восемь пьесъ Зайцевскаго включены и въ антологическій сборникъ Ю. Н. Верховскаго „Поэты Пушкинской поры“. М. 1919, стр. 104—115, — въ томъ числѣ стихотвореніе „Черное море“ (1826 г.), въ коемъ онъ говоритъ, между прочимъ, что шумъ ночной и лазуревыя воды моря отрадны ему,

Какъ въ часъ вечерній милой дѣвы
Любви веселые напѣвы,
Какъ лира Пушкина; какъ тѣнь
Прохладной рощи въ знойный день и т. д.

Включено въ антологию и посланіе Зайцевскаго къ Д. В. Давыдову. Посланіе же Давыдова къ самому „Зайцевскому, поэту-моряку“, присланное для помѣщенія въ „Литературной Газетѣ“, вызвало сначала сомнѣніе цензора двумя своими стихами:

О, будьте вы оба *) отечества щить,
Перунъ вѣковѣчной Державы, —

такъ что Пушкину, завѣдывавшему тогда (въ февралѣ 1830 г.) редакціею „Газеты“, пришлось жаловаться на самоуправство цензора (см. статью Н. К. Замкова — „Пушк. и сіо соврем.“, вып. XXIX — XXX, стр. 63 — 65). Приводимъ посланіе Давыдова (1828 г. — „Литер. Газета“ 1830 г., № 9), на которое указанное выше стихотвореніе Зайцевскаго является благодарственнымъ отвѣтомъ:

Счастливый Зайцевскій, поэтъ и герой!
Позволь земледѣльцу гусару
Пожать тебѣ руку солдатской рукой
И въ честь тебѣ высушить чару.
О, сколько ты славы готовишь Россіи,
Дитя удалосвободцы стихіи!

* * *

Лавръ первый изъ длани Камены младой
Ты взялъ на Парнаскихъ вершинахъ;
Ты, собственной кровью омытый, другой

---

*) Т. е., Зайцевскій и герой Турецкой войны А. И. Казарскій. Б. М.

Сорвалъ на гремящихъ твердыняхъ;
И къ третьему, съ лаской вдали колыхая,
Тебя призываетъ равнина морская.

* * *

Мужайся! Козарскій, живой Леонидъ,
Ждетъ друга на новый пиръ славы...
О, будьте вы оба отечества щить,
Перунъ вѣковѣчной державы!
И гимны победы съ ладей окрыленныхъ
Пусть искрами брызнуть отъ струнъ вдохновенныхъ!

* * *

Давно-ль подъ мечами, въ пылу батарей,
И я попираль доль кровавой,
И я, въ сонмѣ храбрыхъ, у шумныхъ огней,
Нашъ станъ оглашалъ пѣснью славы? ...
Давно-ль... Но забвеньемъ судьба меня губить,
И лира нѣмѣеть, и сабля не рубить.

(Сочиненія, изд. „Сѣвера“, ред. А. О. Круглаго, т. I, С.-Пб. 1893, стр. 56—57 и 76). Посвятилъ Зайцевскому посланіе и одинъ изъ друзей молодости Пушкина — поэтъ А. А. Шишковъ 2-й (см. „Литер. Приб. къ Русскому Инвалиду“ 1832 г., № 28, стр. 222—223):

Зайцевскому.

Товарищъ, братъ мой! мы на долго
Разстались, кажется, съ тобой!
Передо мной синѣетъ Волга; —
Она тюремный сторожъ мой!
Смотрю на зеркальныя воды:
На нихъ суда, — они плывутъ,
И пѣсни звонкія поютъ
Питомцы сѣверной природы, —
Но мнѣ отрады и свободы
Не напоютъ, не принесутъ!
Смотрю на Волгу: какъ широко,
Какъ плавно катится она;
Но не люблю её, — далѣко
Моя душа увлечена...
Пиши ко мнѣ: про берегъ Крыма,
Про ароматный виноградъ,
И про себя, — какъ другъ любимый
Подъ тѣнью миртовъ и гранатъ
Пьетъ нектаръ пламеннаго юга,
Съ Татаркой, съ Музою рѣзвась.
Пиши ко мнѣ: въ свободный часъ,
Ты, милый, вспомнилъ-ли хоть разъ
Тебя всё помнящаго друга? —

А. Шишковъ 2.

Объ отказъ Зайцевскаго участвовать въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ см. выше, стр. 106, въ разсказѣ Греча; его имени нѣтъ и въ числѣ подписавшихся на „Лексиконъ“ (т. IV).

— (Стр. 11). „Сѣверная Пчела“ — ненавистный передовой части Русскаго общества органъ Булгарина; объ отношеніи этой газеты къ Пушкину см. въ статьѣ П. Н. Столянскаго: „Пушкинъ и Сѣверная Пчела“—въ сб. „Пушкинъ и его современники“, вып. XIX—XX и XXIII—XXIV.

— (Стр. 11). „Библіотека для Читенія“—журналъ, основанный книгопродавцемъ А. Ф. Смирдинымъ и начавшій выходить съ января 1834 г., при участіи Пушкина (см. выше, стр. 73), былъ непріятенъ поэту и всѣмъ писателямъ его направленія; князь Вяземскій въ апрѣлѣ 1834 г. тоже выразился, что „Сѣверная Пчела изъ одного пчельника съ Библіотекою“ („Русск. Арх.“ 1868 г., ст. 638), а Гоголь писалъ просто, что журналъ „глупъ“. Всѣ порядочные люди и великіе писатели отъ него отказываются; въ высшемъ кругу его никто не читаетъ. Только въ провинціи находятся люди, которые его читаютъ, еще и восхищаются дрянью“ (Письма, т. I, стр. 312). Причиною такого отношенія къ „Библіотекѣ“ было то, что редакторомъ журнала въ первое время былъ Осипъ Ивановичъ Сенковскій (род. 1800, ум. 1858), профессоръ арабскаго языка въ Петербургскомъ Университетѣ, критикъ, беллетристъ и цензоръ (до 1833 г.), человекъ чрезвычайно даровитый и трудолюбивый, но безпринципный и заносчивый. Его небольшою разсказъ „Витязь Буланаго коня“ („Полярная Звѣзда“ 1824 г.) очень, однако, понравился Пушкину, который писалъ А. А. Бестужеву: „Арабская сказка — прелесть. Совѣтую тебѣ держать за ворота этого Сенковскаго“ (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 99); уже въ 1835 году Пушкинъ долженъ былъ разойтись съ Сенковскимъ; послѣдній нападалъ, между прочимъ, на Пушкина и на Пушкинскій „Современникъ“, въ которомъ видѣлъ опаснаго соперника своему журналу, и однажды едва не сдѣлаался причиною дуэли Пушкина съ С. С. Хлюстинымъ (см. статью Б. Л. Модзалевскаго: Пушкинъ и Е. П. Люценко—„Русск. Стар.“ 1898 г., № 4, стр. 73—88).

— (Стр. 11). О знакомствѣ Пушкина со Сперанскимъ см. выше, стр. 83. Пропущенныя въ извѣстной книгѣ барона М. А. Корфа о Сперанскомъ подробности о ссылкѣ его въ 1812 г. см. въ „Русск. Стар.“ 1902 г., № 4, стр. 5—44; ср. еще „Русск. Арх.“ 1871 г., кн. II, стр. 2073—2078 и 2121—2124; 1876 г., кн. I, стр. 370; и 1882 г., кн. II, стр. 169—176 и слѣд., и Воспоминанія В. Н. Воейковой — сб. „Старина и Новизна“, кн. VII, 1904, стр. 136—156. Пушкинъ былъ знакомъ и еще съ однимъ лицомъ, пострадавшимъ вмѣстѣ со Сперанскимъ,—съ Д. Н. Бологовскимъ (см. выше, стр. 19).

— (Стр. 12). „Московскій Телеграфъ“ — журналъ, основанный въ 1825 г. Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ (род. 1796, ум. 1846). Пушкинъ вначалѣ участвовалъ въ „Телеграфѣ“ и даже склоненъ былъ считать его „лучшимъ изъ нашихъ журналовъ“, но вскорѣ отвернулся отъ него и отъ самого Полевого. Исторія „Московскаго Телеграфа“, гоненій на него и, наконецъ, его запрещенія изложена у А. М. Скабичевскаго въ „Очеркахъ исторіи Русской цензуры“, С.-Пб. 1892, стр. 241—244, по статьѣ М. И. Сухомлинова: „Н. А. Полевой и его журналъ *Московскій Телеграфъ*“ („Изслѣдованія и статьи по Русской литературѣ и просвѣщенію“, т. II, С.-Пб. 1889, стр. 365—431), гдѣ напечатана цѣликомъ тетрадь выписокъ изъ „Телеграфа“, собранныхъ, какъ сообщаетъ въ Дневникѣ Пушкинъ, Бруновымъ и заключавшихъ въ себѣ указаніе всѣхъ въ томъ или

иномъ смыслѣ неблагонамѣренныхъ мѣсть („возвѣщеній о необходимости преобразованій и похвалы революціямъ“) изъ статей журнала 1828—1834 г., противъ котораго Уваровъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія, велъ давнюю кампанію. „Это проводникъ революціи“,—говорилъ Уваровъ А. В. Никитенку, доказывая ему необходимость запрещенія „Телеграфа“. „Онъ уже нѣсколько лѣтъ систематически распространяеть разрушительныя правила. Онъ не любитъ Россіи. Я давно уже наблюдаю за нимъ; но мнѣ не хотѣлось вдругъ принять рѣшительныхъ мѣръ. Я лично совѣтовалъ ему въ Москвѣ укротиться и доказывалъ ему, что наши аристократы не такъ глупы, какъ онъ думаетъ. Послѣ былъ сдѣланъ ему официальный выговоръ: это не помогло. Я сначала думалъ предать его суду: это погубило бы его. Надо было отнять у него право говорить съ публикою, — это правительство всегда властно сдѣлать и при томъ на основаніяхъ вполнѣ юридическихъ, ибо въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ. Это привилегія, которую правительство можетъ дать и отнять, когда хочетъ. Впрочемъ, продолжалъ онъ, — извѣстно, что у насъ есть партія, жаждущая революціи. Декабристы не истреблены: Полевой хотѣлъ быть органомъ ихъ. Но да знаютъ они, что найдутъ всегда противъ себя твердыя мѣры въ кабинетѣ Государя и его министровъ . . . Полевой—я знаю его: это фанатикъ. Онъ готовъ претерпѣть все за идею. Для него нужны рѣшительныя мѣры“ (Дневникъ, ч. I, стр. 241).

Непосредственнымъ поводомъ для запрещенія журнала послужила статья Полевого о драмѣ Кукольника „Рука Всевышняго Отечество спасла“: „Присутствовать на ея представленіи и восхищаться ея красотою служило“, по выраженію Сухомлинова, „какъ бы вывѣскою благонамѣренности“,—а Полевой въ пространной рецензіи своей (1834 г., февраль, кн. 1) раскритиковалъ ее во всѣхъ отношеніяхъ, да еще туманно выразился, что „новая драма г. Кукольника весьма печалитъ насъ“; словамъ этимъ придали весьма предосудительный смыслъ, Полевой 21-го марта былъ вызванъ въ Петербургъ и, по пріѣздѣ, 31-го марта долженъ былъ передъ графомъ Бенкендорфомъ и Уваровымъ—главнымъ обвинителемъ—отстаивать благонамѣренность своего направленія и доказывать, что онъ не одобрялъ драмы Кукольника исключительно въ литературномъ отношеніи, и что ему никогда и въ мыслѣ не приходило что-либо предосудительное противъ похвальной патріотической цѣли автора, что онъ „душевно радовался потому, что каждое слово, близкое роднаго всѣмъ намъ чувства къ царю и отечеству, доходило до сердецъ зрителей“ . . . 1-го апрѣля 1834 г. дано было приказаніе о возвращеніи Полевого въ Москву, --и онъ увѣхалъ, увѣренный, что дѣло его окончилось благополучно, но уже 3-го апрѣля послѣдовало Высочайшее повелѣніе прекратить навсегда дальнѣйшее изданіе журнала „Московскій Телеграфъ“ (ср. еще „Русск. Стар.“ 1903 г., № 2, стр. 268—270). 5-го апрѣля Никитенко записалъ въ своемъ Дневникѣ: „Московскій Телеграфъ запрещенъ по приказанію Уварова. Государь хотѣлъ сначала поступить очень строго съ Полевымъ, — „но“, сказалъ онъ потомъ Министру, „мы сами виноваты, что такъ долго терпѣли этотъ безпорядокъ“. Вездѣ сильны толки о „Телеграфѣ“. Одни горько сътуютъ, „что единственный хорошій журналъ у насъ, уже не существуетъ“.—„Подѣломъ ему“,—говорять другіе:—онъ осмѣливался бранить Карамзина. Онъ даже не пощадилъ моего романа. Онъ либералъ, якобинецъ — извѣстное дѣло и т. д. и т. д. (Т. I, стр. 240). По поводу запрещенія „Телеграфа“ неизвѣстный авторъ (но не Пушкинъ, какъ по обыкновенію считали

нѣкоторые) написали слѣдующее четверостишіе („Русск. Арх.“ 1882 г., кн. II, стр. 275):

Рука Всевышняго три чуда совершила:
Отечество спасла,
Поэту ходъ дала
И Полевого погубила!

Въ параллель къ словамъ Пушкина въ Дневникѣ приведемъ еще слова князя Вяземскаго по поводу закрытія когда то дѣятельно имъ поддерживавшагося журнала Полевого. „А что говорятъ въ Москвѣ о паденіи Телеграфа“, — спрашивалъ онъ 18-го апрѣля 1834 г. И. И. Дмитріева: „То-то разсужденій, толковъ, шума. Признаюсь, существованіе Телеграфа въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, могло быть сочтено за неприличность не только литературную, но и политическую; а все жаль, что должны были прибѣгнуть къ усиленной мѣрѣ запрещенія, когда давно должны были дѣйствовать законныя мѣры воздержанія. Телеграфъ, удержанный въ границахъ цензуры, а не пользующійся, не въ примѣръ другимъ, правомъ какой-то лиценціи, упалъ бы самъ собою, особливо же при появленіи Библиотеки, которая вообще удовлетворяетъ потребностямъ нашей провинціальной и журналолюбивой публики. Все достоинство Телеграфа въ глазахъ моихъ было его franc parler, въ хвостъ и въ голову. Цензура, дѣйствуя на него, какъ на прочіихъ, показала бы ничтожество его, ибо онъ бралъ не талантомъ, а грудью“, („Русск. Арх.“ 1868 г., ст. 638—639). О своеобразной „лиценціи“, которою будто бы пользовался „Телеграфъ“ со стороны цензуры и полиціи и о которой говоритъ Вяземскій, какъ и Пушкинъ, свидѣтельствуетъ также и М. И. Сухоминновъ въ цитированной выше статьѣ: „Московскій генераль-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ“, читаемъ здѣсь: „былъ почти постояннымъ защитникомъ Полевого, стараясь нѣсколько смягчать карательныя мѣры противъ либеральнаго журналиста. Графъ Бенкендорфъ также иногда принималъ сторону Полеваго“ (назв. соч., стр. 380).

— (Стр. 12). *Бруновъ* — баронъ Филиппъ Ивановичъ Бруновъ (род. 31-го августа 1797, ум. 30-го марта 1875), въ 1834 г. — дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ Главнаго Управленія Цензуры. Курляндецъ-родомъ, питомецъ Лейпцигскаго Университета, онъ съ конца 1818 г. служилъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и дипломатическую школу прошелъ подъ начальствомъ и руководительствомъ извѣстнаго А. С. Стурдзы (на коего существуетъ эпиграмма-пародія Пушкина „Я вокругъ Стурдзы хожу, вокругъ библическаго“ . . .) — въ эпоху конгрессовъ и торжества охранительнаго и монархическаго принциповъ. Съ мая 1823 г., въ теченіе трехъ лѣтъ, Бруновъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при Новороссійскомъ генераль-губернаторѣ графѣ М. С. Воронцовѣ, въ Одессѣ, гдѣ, несомнѣнно, — былъ знакомъ и съ Пушкинымъ (ср. „Русск. Арх.“ 1897 г., кн. II, стр. 13). Его дальнѣйшая дипломатическая карьера была разнообразна и дѣятельна. Съ 1832 г. онъ состоялъ при вице-канцлерѣ графѣ К. В. Нессельроде, съ которымъ быстро установилъ самыя хорошія отношенія. Относясь къ Брунову съ полнымъ довѣріемъ, Нессельроде поручалъ ему составленіе очень важныхъ дипломатическихъ инструкцій Русскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ. Одаренный наблюдательностью и тонкимъ умомъ, Бруновъ скоро усвоилъ возрѣнія Николая I на дипломатическія отношенія, и потому бумаги, редактированныя имъ, неизмѣнно вызывали одобреніе Государя.

28-го января 1833 г. Брунову было Высочайше повелѣно быть членомъ Главнаго Управленія Цензуры со стороны Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. По совѣту Д. Н. Блудова, тогдашняго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, онъ дѣйствительно занялся въ 1834 г. просмотромъ журнала Полевого, — и вскорѣ журналъ, по всеподданнѣйшему докладу Уварова, былъ запрещенъ („Русскій Биографическій Словарь“, т. Б., стр. 371—372). Свою долгую и блестящую дипломатическую карьеру Бруновъ окончилъ на посту Россійскаго посла въ Англіи, въ 1871 г. возведенъ былъ въ графское достоинство, а въ іюль 1874 г. вышелъ въ отставку.

— (Стр. 12). *По поводу словъ Жуковскаго* о запрещеніи „Московского Телеграфа“ приведемъ рассказъ Н. И. Иваницкаго, характеризующій „прекраснодушіе“ Жуковскаго: „Въ 1836 году, въ послѣдній годъ жизни Пушкина, у Жуковскаго были субботы. Однажды въ субботу сидѣли у него Крыловъ, Краевскій и еще кто-то. Вдругъ входитъ Пушкинъ, въбѣшенный ужасно. Что за причина? спрашиваютъ всѣ. А вотъ причина: цензоръ Крыловъ не хочетъ пропустить въ стихотвореніи Пушкина — Пиръ Петра Великаго—стиховъ: *чудотворца-исполина чернобровая жена*. . . . Пошли толки о цензорахъ. Жуковскій, съ свойственнымъ ему дѣтскимъ поэтическимъ простодушіемъ, сказалъ: „Странно, какъ это затрудняются цензоры! Уставъ имъ данъ: ну, что подходить подь какое-нибудь правило — не пропускай; тутъ въ томъ только и трудъ: прикладывать правила и смотрѣть“. — „Какой ты чудакъ! сказала ему И. А. Крыловъ: „ну слушай. Положимъ, поставили меня сторожемъ къ этой залѣ и не велѣли пропускать въ двери плѣшивыхъ. Идешь ты (Жуковскій плѣшивъ и зачесываетъ волосы съ висковъ), я пропустилъ тебя. Меня отколотили палками — зачѣмъ пропустилъ плѣшиваго. Я отвѣчаю: да вѣдь Жуковскій не плѣшивъ: у него здѣсь (показывая на виски) есть волосы“. Мнѣ отвѣчаютъ: „здѣсь есть, да здѣсь-то (показывая на маковку) нѣтъ“. Ну хорошо, думаю себѣ, теперь то ужъ я буду знать. Опять идешь ты; я не пропустилъ. Меня опять отколотили палками. „За что?“ — „А какъ ты смѣлъ не пропустить Жуковскаго“. — „Да вѣдь онъ плѣшивъ: у него здѣсь (показывая на темя) нѣтъ волосъ“. — „Здѣсь-то нѣтъ, да здѣсь-то (показывая на виски) есть“. — Чортъ возьми, думаю себѣ: не велѣли пропускать плѣшивыхъ, а не сказали, на которомъ волоскѣ остановиться“. Жуковскій такъ былъ пораженъ этой простой истиной, что не зналъ, что отвѣчать, и замолчалъ“ („Пушк. и его соврем.“, вып. XIII, стр. 35—36).

— (Стр. 12). *О графѣ Фикельмонтѣ*, Австрійскомъ посланникѣ, см. выше стр. 36—38 и др.

— (Стр. 12). *S.* — вѣроятно, Александра Осиповна Смирнова. Пушкинъ, не всегда твердый въ правилахъ свѣтскаго этикета, справлялся у нея и у ея мужа о томъ, въ какомъ платьѣ являться на тотъ или иной вечеръ, балъ или рауть; сохранилась одна ея записка къ Пушкину по такому поводу, отнесенная И. А. Шляпкинымъ (Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина, С.-Пб. 1903, стр. 192—193) къ апрѣлю 1834 г., а Академическимъ изданіемъ Переписки Пушкина (т. III, стр. 76) — къ февралю 1834 г.

— (Стр. 12). „*Ликовая Дама*“ Пушкина (комментируемая слова о ней Дневника Пушкина впервые были приведены Анненковымъ въ его „Материалахъ для біографіи Пушкина“, С.-Пб. 1855, стр. 402) появилась въ мартовской книгѣ „Библіотеки для Чтенія“ 1834 г. (т. II, кн. 3, 1-го марта, отд. Русской словесности, стр. 107—140) съ подписью: Р.—В. В. Ленцъ рассказываетъ, относя рассказъ свой къ ноябрю 1833 г., какъ онъ однажды встрѣтился съ Пушкинымъ

и его женой на вечерѣ у князя В. Ѳ. Одоевскаго: „Мнѣ захотѣлось посидѣть... около Пушкина. Я собрался съ духомъ и съѣлъ около него. Къ моему удивленію, онъ заговорилъ со мной очень ласково: должно быть былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Гофмана фантастическія сказки въ это самое время были переведены въ Парижѣ на Французскій языкъ и, благодаря этому, сдѣлались извѣстны въ Петербургѣ.... Пушкинъ только и говорилъ, что про Гофмана; не даромъ же онъ и написалъ „Пиковую Даму“ въ подражаніе Гофману, но въ болѣе изящномъ вкусѣ“ („Русск. Арх.“ 1878 г., кн. I, стр. 442). П. В. Анненковъ свидѣтельствуетъ, что „Пиковая Дама“ произвела при появленіи своемъ въ 1834 г. всеобщій говоръ и перечитывалась отъ пышныхъ чертоговъ до скромныхъ жилищъ съ одинаковымъ наслажденіемъ. „Общій успѣхъ этого легкаго и фантастическаго разсказа особенно объясняется тѣмъ, что въ повѣсти Пушкина есть черты современныхъ нравовъ, которыя обозначены, по его обыкновенію, чрезвычайно тонко и ясно“ („Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина“, С.-Пб. 1855, стр. 394).

— (Стр. 12). *Княгиня Наталья Петровна Голицына*, рожд. графиня Чернышева (род. 17-го января 1741, ум. 20-го декабря 1837, 97 лѣтъ), извѣстная въ обществѣ подъ прозвищемъ „Princesse Moustache“. Вдова еще съ 1798 года, статсъ-дама, кавалерственна дама ордена св. Екатерины 1 степени, она, по матери, приходилась внучкою страшнаго жестокостью Начальника Тайной Розыскной Канцеляріи графа А. И. Ушакова (ум. 1747), и была женщина умная и энергичная, но, въ старости, чрезвычайно нехороша собою, съ бороδοю и большими усами, отъ чего и получила свое прозвище. Въ молодые годы „она много путешествовала и была въ Парижѣ при Людовикѣ XVI, была очень хорошо принята несчастной королевою Маріей-Антуанетой и выгнала изъ Парижа незадолго до начала революціи“. Жила она въ Петербургѣ, въ домѣ своемъ на углу Большой Морской и Гороховой и „хотя и была довольно надменна съ людьми знатными, равными ей по положенію, но вообще она была пріятлива“ (Д. Д. Благово, Разсказы Бабушки, С.-Пб. 1885, стр. 112). Она создала себѣ въ свѣтѣ такое положеніе, что ей оказывали вниманіе всѣ Государи и Государыни, начиная съ Екатерины II и кончая Императоромъ Николаемъ I; ее уважало и съ нею считалось все высшее общество обѣихъ столицъ, считавшее за честь бывать у нея въ домѣ. Въ высшей степени своенравная, она властвовала въ свѣтѣ, всѣми признанная; къ ней везли на поклонъ каждую молодую дѣвушку, начинавшую выѣзжать; гвардейскій офицеръ, только что надѣвшій эполеты, являлся къ ней, какъ поначальству. Будучи очень преклонныхъ лѣтъ, она считала всѣхъ молодежью, — поэтому всѣ высоко цѣнили малѣйшее ея вниманіе, но за то мало кто ея не боялся. Семья (въ томъ числѣ и сынъ—князь Дмитрій Владиміровичъ, Московскій Военный Генераль-Губернаторъ) вся „трепетала“ передъ княгиней, съ дѣтми она была очень строга—даже тогда, когда они сами уже давно пережили свою молодость (см. Великій Князь Николай Михайловичъ, Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, т. I, С.-Пб. 1905, № 42). Еще въ апрѣлѣ 1820 г., князь Г. С. Голицынъ, записывая въ своемъ (неизданномъ) дневникѣ слухъ о томъ, что „княгиня Наталья Петровна Голицына очень слаба, и не надѣются, чтобы осталась въ живыхъ“,—прибавлялъ: „Жаль будетъ очень, ибо ея домъ былъ первый домъ въ Петербургѣ, и конечно уже не будетъ такого дома“. 18-го января 1821 г. К. Я. Булгаковъ писалъ своему брату въ Москву: „Вчера было рожденіе старухи Голицыной. Я ѣздилъ поутру ее поздравить, нашель тамъ весь городъ;

пріѣзжала также Императрица Елисавета Алексѣевна. Вечеромъ опять весь городъ и балъ, хотя никого не звали. Ей вчера, кажется, стукнуло 79 лѣтъ, а полубовался я на ея аппетитъ и бодрость“ („Русск. Арх.“ 1902 г., кн. III, стр. 497). Черезъ шесть лѣтъ — 18-го января 1827 г. — онъ же даетъ такую-же фотографически-вѣрную картинку съ натуры: „Вчера утромъ ѣздили мы съ женою поздравлять съ рожденіемъ или именинами, не знаю, княгиню Наталью Петровну, которая не очень здорова была, что то хилѣть. Мы нашли ее окруженную дочерьми, семействомъ и гостями. Императрица-мать, Великій Князь [Михаилъ Павловичъ] съ Великою Княгинею [Еленою Павловною], а послѣ обѣда — Государь были у нея; Императрица Александра Феодоровна прислала ее поздравить и сказать ей, что очень сожалѣть, что не можетъ у нея быть по нездоровью. Старушка въ восхищеніи, говорятъ, была отъ всѣхъ этихъ милостей. Балу у нея не было, но такъ, вечеринка, на которой множество было“ (тамъ-же 1903 г., кн. II, стр. 552). И еще ровно черезъ 8 лѣтъ — картина все та же: 18-го января 1835 г. К. Я. Булгаковъ пишетъ брату: „Вчера утромъ ѣздили мы поздравлять княгиню Наталью Петровну, гдѣ нашли весь городъ. Дай Богъ доброй старушкѣ еще нѣсколько лѣтъ прожить. Я нашель ее довольно бодрою; только, кажется, глаза слабѣютъ; не узнаеть вдругъ, — надобно ей всѣхъ называть. На лѣстницѣ встрѣтили Великую Княгиню [Елену Павловну]... Вверху нашель я и нашего и вашего князя [Д. В.] Голицына“ (тамъ-же 1904 г., кн. I, стр. 556; ср. еще 1903 г., кн. III, стр. 587). Свидѣтельствомъ общаго уваженія, какимъ пользовалась „Princesse Moustache“, могутъ служить стихи Василія Львовича Пушкина (дяди поэта), написанные въ ея честь еще въ 1819 г. и въ которыхъ онъ говоритъ:

Въ кругу дѣтей ты счастье вкушаешь;
 Любовь твою намъ счастье дарить;
 Присутствіемъ своимъ ты восхищаешь,
 Оно вездѣ веселіе родить.
 Повелѣвай ты нашими сердцами!
 Мы всѣ твои; тобою мы живѣмъ,
 И нѣжду мать, любимую сердцами,
 Въ день радостный съ восторгомъ мы поѣмъ:
 Да дни твои къ отрадѣ всѣхъ продлятся!
 Цвѣтами ихъ мы будемъ украшать;
 Друзья твои съ дѣтми соединятся,
 Чтобъ всякій часъ тебя увеселять.

Пушкинъ съ поразительнымъ искусствомъ и проникновеніемъ воспользовался біографическими чертами княгини Голицыной, претворивъ при этомъ реальный образъ въ произведение искусства. О княгинѣ Н. П. Голицыной см. еще очеркъ Н. О. Лернера: „Оригиналь Пиковой Дамы“ — въ журн. „Столица и Усадьба“ 1916 г., № 52, стр. 11—13, съ портретомъ.

— (Стр. 12). *Гоголь* — такъ Пушкинъ написалъ фамилію Гоголя; по поводу этихъ словъ Дневника, приведенныхъ впервые въ „Матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина“ (С.-Пб. 1855, стр. 402), П. В. Анненковъ пишетъ: „Гоголь, если и принялся за Исторію Русской критики, то вскорѣ покинулъ ее. Изъ критическаго его труда осталась только статья: О движеніи Журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ, написанная имъ для перваго № Современника 1836 года, гдѣ она и помѣщена“. Дѣйствительно, въ рукописяхъ Гоголя не оказалось ни-

какихъ слѣдовъ этого сочиненія (см. Сочиненія Гоголя, изд. 10, т. V, стр. 652—653). Н. И. Тарасенко-Отрѣшковъ, говоря о склонности Пушкина, по причинѣ „весьма уважительнаго побужденія его прекрасной души“, переоцѣнивать силы и дарованія своихъ друзей, справедливо удивлялся, какъ Пушкинъ могъ „присовѣтовать Гоголю заняться дѣломъ, совершенно ему несвойственнымъ, а именно написать „Исторію Русской критики“, и сообщаетъ, будто, „глубоко уважая и личность, и способности Пушкина, Гоголь принялся было за этотъ для него недоступный трудъ; но вскорѣ потомъ его оставилъ“ („Русск. Стар.“ 1908 г., № 2, стр. 432). Но въ записныхъ книгахъ Гоголя, какъ сообщаетъ акад. Н. С. Тихоновъ, „нѣтъ слѣдовъ такого сочиненія“ (см. Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, т. V, стр. 652—653). Въ это же время Гоголь занимался собираніемъ матеріаловъ для „Исторіи Малороссійскихъ Казаковъ“; его обращеніе къ „просвѣщеннымъ соотечественникамъ“ съ просьбою о сообщеніи ему рукописныхъ матеріаловъ для его работы напечатано въ № 24 „Сѣверной Пчелы“ 1834 г., стр. 93—94. Гоголь тогда жилъ въ Малой Морской, въ домѣ Лепена.

— (Стр. 12). *Кн. Одоевскій* — Владиміръ Ѳеодоровичъ (см. выше, стр. 96),

— (Стр. 12). *С. К.* — быть можетъ, Софья Николаевна Карамзина, фрейлина, старшая дочь историографа Н. М. Карамзина (см. выше, стр. 31 и 32).

— (Стр. 12). *Гр. Л.** — графъ Иванъ Степановичъ Лаваль (род. 4-го октября 1761, ум. 20-го апрѣля 1846), въ 1834 г. — тайный совѣтникъ, гофмейстеръ, членъ Главнаго Правленія Училищъ, женатый на извѣстной богачкѣ Александрѣ Григорьевнѣ Козицкой (род. 18-го марта 1772, ум. 17-го ноября 1850) и имѣвшій четырехъ дочерей: Екатерину, раздѣлявшую Сибирскую ссылку съ мужемъ, декабристомъ С. П. Трубецкимъ, Зинаиду, съ 1823 г. бывшую замужемъ за Австрійскомъ посланникомъ въ Петербургъ (1816—1826) графомъ Людвигомъ Лебцельтерномъ (см. Великій Князь Николай Михайловичъ, Донесенія Австрійскаго посланника при Русскомъ Дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 годы, С.-Пб. 1913), Софью (род. 11-го мая 1809, ум. 8-го октября 1871), съ 26-го августа 1826 г. — фрейлину, въ 1833 г. вышедшую замужъ за камергера графа Александра Михайловича Борка (род. 7-го февраля 1804, ум. 29-го іюля 1867), впоследствии оберъ-церемоніймейстера и Директора Императорскихъ Театровъ, и, наконецъ, Александру (род. 21-го октября 1811, ум. 21-го іюня 1886), вышедшую 23-го августа 1829 г. замужъ за графа Станислава Осиповича Коссаковскаго (род. 4-го января 1795 г., ум. 25-го мая 1872), въ 1834 г. бывшаго церемоніймейстеромъ и состоявшаго въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а впоследствии сенатора и Предсѣдателя Герольдіи Царства Польскаго, писателя и художника (R. Ernert, *Annuaire de la Noblesse de Russie*, III année, 1900, p. 327; J. S. hr. Dunin-Borkowski, *Genealogie żyjących utytuowanych rodów Polskich*, Lwów. 1895, str. 297; „Русск. Арх.“ 1885 г., кн. I, стр. 119); послѣднюю, графиню Коссаковскую, и имѣеть, конечно, въ виду Пушкинъ подъ именемъ „Гр., Кас. . .“. — О графѣ Лаваль, профильный портретъ коего Пушкинъ набросалъ на одномъ листкѣ своей рукописи (см. „Пушк. и его соврем.“, вып. XII, стр. 19), — см. „Русск. Стар.“ 1872 г., т. VI, стр. 682—683 (замѣтка барона Ѳ. А. Бюлера) и „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ“, т. I—III.

— (Стр. 12). *Императрица Александра Ѳеодоровна* родилась 1-го іюля 1798 г., — слѣдовательно въ апрѣль 1834 г., когда представлялся ей Пушкинъ, ей было, какъ и отмѣчаетъ поэтъ, почти 36 лѣтъ. Ея прекрасная, величественная внѣшность (портретъ ея этой поры см. въ изданіи Великаго Князя Николая

Михайловича „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій“, т. V) очень нравилась поэту. Можно сказать съ увѣренностію, что именно Государынѣ поэтъ посвятилъ свое стихотвореніе „Красавица. (Въ альбомѣ Г****)“, напечатанное какъ разъ въ майской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ 1834 г. (вышедшей въ свѣтъ 5-го мая 1834 г.) *) и написанное имъ, весьма вѣроятно, именно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ представленія своего Государынѣ (которую онъ и обозначилъ буквою Г****, обыкновенно произвольно расшифровываемою издателями, какъ „Гончаровой“ и вслѣдствіе этого послѣдняго датируемой, безъ другихъ основаній, началомъ 1831 г. **). Припомнимъ піесу, — и увидимъ, что по опредѣленіямъ, которыми описываетъ поэтъ воспѣваемую имъ „красавицу“, — это можетъ быть только Государыня, Царица, а не „простая смертная“:

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньи исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшала,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердцѣ ни питала
Ты сокровенное мечтанье;
Но, встрѣтись съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты ***).

Мы въ 1920 и 1921 г. дѣлали попытки найти въ бывшихъ Собственныхъ Его Величества Библіотекахъ личные альбомы Императрицы Александры Оеодоровны съ цѣлью убѣдиться, нѣтъ-ли тамъ записаннаго рукою Пушкина этого стихотворенія, — но наши поиски, несмотря на содѣйствіе Б. А. Надеждина, оказались тщетными: альбомовъ или нѣтъ вовсе, или они вывезены въ Москву при эвакуаціи Петрограда въ 1917—1918 гг. Какъ бы то ни было, Пушкинъ намѣренно, изъ понятной намъ скромности, постарался скрыть даже отъ друзей своихъ, кого именно воспѣлъ онъ подъ именемъ „Красавицы“. Въ „Онѣгинѣ“ онъ упоминаетъ о ней, въ стихахъ:

Подобно лиліи крылатой
Колѣблясь входитъ Лалла-Рукъ.

— (Стр. 12). Въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ Императрицы Александры Оеодоровны за 8-е апрѣля 1834 г. записано:

*) Цензурное ея разрѣшеніе — 31-го марта, но отдѣльная піеса могла быть пропущена и позже, отдѣльно.

**) Н. О. Лерперъ, но по другимъ соображеніямъ, правильно догадывался о необходимости перенести піесу изъ 1831 въ 1833—1834 г. — см. Соч. Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 406.

***) Такое же мнѣніе высказано и М. Л. Гофманомъ въ его книгѣ „Пушкинъ, Первая глава науки о Пушкинѣ“, Пгр. 1922.

Въ 1-мъ часу полудня, Ея Величеству имѣли щастіе въ Золотой Гостиной комнатѣ чрезъ Статсъ-даму Наталію Ѳедотовну Плещеву:

Фрейлина К-на Нат. Щербатова — благодарила.

Двѣ дочери Сенатора Лубьяновскаго.

Супруга Ген.-маіора Петрищева, урожд. Гр-ня Апраксина

съ дочерьюми

Супруга Дѣйств. Стат.-Сов. Лазарева, урожд. Кн-на Ма-
нука-бей

} Предста-
влялись.

и супруга Генер.-маіора Темирязева, урожд. Вадковская — откланялась.

8-го. За сими Государынѣ Императрицѣ въ вышеупомянутой комнатѣ имѣли такъ же щастіе чрезъ Г-на Оберъ-Камергера графа Литгу нижеописанныя особы:

Генераль отъ Инфант. *Бахметевъ*

„ „ *Лейт. Квитницкій.*

Сенаторъ *Лубьяновскій.*

} Представлялись.

Статсъ-Секретарь Бар. *Корфъ* — благодарилъ за пожалованіе въ сіе званіе.

Генер.-маіоръ *Вальховскій* — представлялся.

Членъ Государственнаго Совѣта Царства Польскаго Графъ *Косаковскій* — благодарилъ за пожалованіе членомъ Совѣта.

Исправляющій должность Статсъ-Секретаря *Трофимовъ* — благодарилъ за пожал. аренды.

Дѣйствит. Ст.-Сов. *Лазаревъ* — благодарилъ за пожалованіе въ сей чинъ.

Помощникъ Статсъ-Секрет. *Чичаговъ* — благодар. за пожал. ордена Св. Влад. 3-й степени.

Помощн. Стат.-Секрет. *Никитинъ* — благодарилъ за пожалов. чина Статскаго Совѣтника.

Помощн. Статсъ-Секрет. *Поповъ* — благодарилъ за пожалов. орд. Св. Анны 2-й ст. съ короною.

Помощн. Ст.-Секр. *Башуцкій* — благодарилъ за пожалов. чина Статскаго Совѣтника.

Орловскій Губернскій Предводитель Дворянства — *Шереметьевъ.*

Дѣйств. Стат. Сов. *Тюфяевъ.*

— „ — *Панчулидзевъ.*

— „ — *Паскевичъ.*

— „ — *Голохвастовъ* — благодарилъ за пожал. ордена Свят. Станисл. 2-й степени.

} Предста-
влялись.

наисл. 2-й степени.

Камеръ-Юнк. Бар. *Корфъ* — благодарилъ за пожалованіе чина коллежск. асессора.

Камеръ-Юнкеръ *Пушкинъ* — благодар. за пож. въ сіе званіе.

Статскій Совѣт. *Болховскій* — представл.

Потомъ Ея же Величеству чрезъ Оберъ-Церемоніймейстера Графа Воронцова-Дашкова представлялся Греческій полковникъ *Калержи.* (Сообщилъ К. Я. Гротъ изъ дѣлъ Архива 6. Министерства Императорскаго Двора).

— (Стр. 12). *Братъ* генераль-фельдмаршала и (съ 23-го марта 1832 г.) Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ свѣтлѣйшаго князя Ивана Ѳедоровича Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго (род. 8-го мая 1782, ум. 20-го января 1856) — Степанъ Ѳедоровичъ Паскевичъ (род. 1785, ум. 9-го апрѣля 1840), питомецъ Пажескаго Корпуса, участникъ войнъ 1805—1814 гг., полковникъ, затѣмъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ 1831—1832 гг. Тамбовскій губернаторъ;

2-го апрѣля 1834 г. онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Курскъ („С.-Петерб. Вѣд.“ 1834 г., № 93—94, стр. 365), по каковому поводу и представлялся Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ; 15-го апрѣля онъ уже выѣхалъ въ Курскъ („Сѣв. Пчела“ 1834 г., № 89, стр. 354). Въ 1835—1836 гг. С. Ѳ. Паскевичъ былъ Владимірскимъ губернаторомъ, а затѣмъ, до конца жизни — членомъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (В. Л. Модзалевскій, Малороссійскій Родословникъ, т. IV, Киевъ. 1914, стр. 17—18).

— (Стр. 12). *Шереметевъ* — Василій Александровичъ (род. 20-го августа 1795, ум. 11-го апрѣля 1862), коллежскій совѣтникъ, съ 1833 до 1838 г. Орловскій Губернскій (бывшій Мценскій Уѣздный) Предводитель Дворянства (С. В. Любимовъ, Предводители Дворянства всѣхъ мѣстничествъ, губерній и областей Россійской Имперіи 1777—1910 г., С.-Пб. 1911, стр. 45), въ 1834 г. пожалованный въ камергеры, съ февраля 1838 г. — Харьковскій, съ 1839 — Черниговскій и съ 1842 — Петербургскій гражданскій губернаторъ; съ іюня 1843 г. до марта 1847 г. онъ былъ Товарищемъ Министра Юстиціи при графѣ В. Н. Панинѣ, затѣмъ членомъ Комиссіи Прошеній, Почетнымъ Опекуномъ и, наконецъ, съ 30-го августа 1856 г. — членомъ Государственнаго Совѣта (см. „Русск. Біогр. Словарь“, т. III, стр. 136). Шереметевъ могъ быть знакомъ съ Пушкинымъ еще въ свои молодые годы, когда, въ 1816—1819 гг., служилъ въ л.-гв. Гусарскомъ полку (К. Манзей, Исторія л.-гв. Гусарскаго Его Величества полка, ч. III, С.-Пб. 1859, стр. 77), стоявшемъ въ Царскомъ Селѣ: извѣстно, какъ Пушкинъ былъ близокъ къ кружку младшихъ офицеровъ этого полка, среди которыхъ въ то-же время служили Н. Н. Раевскій, П. Я. Чаадаевъ, П. П. Каверинъ, П. Д. Соломирскій и другіе друзья и знакомцы Пушкина; впрочемъ, имя Шереметева не упоминается въ приписываемомъ Пушкину извѣстномъ егихотвореніи „Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“ (см. Замѣтку Д. Ѳ. Кобеко въ сборн. „Пушк. и его соврем.“, вып. XVII—XVIII, стр. 8—12). Въ Воспоминаніи своемъ о немъ К. Н. Лебедевъ (см. въ „Русск. Арх.“ 1911 г., кн. I, стр. 395) называетъ Шереметева „человѣкомъ и необширнаго ума, и очень ограниченнаго образованія“, но честнымъ и благороднымъ.

— (Стр. 12). *Болховской*—Яковъ Дмитріевичъ Бологовской (род. 30-го марта 1798, ум. 1-го іюля 1851), въ 1816—1828 гг. офицеръ л.-гв. Преображенскаго полка и адъютантъ генераль-адъютанта И. Ѳ. Паскевича (1823—1827), — памятный своей дуэлью въ 1821 г. съ корнетомъ л.-гв. Уланскаго полка Рубцовымъ, котораго онъ убилъ (за что поплатился крѣпостнымъ заключеніемъ), — участникъ Персидской войны, въ январѣ 1828 года вышедшій въ отставку, а съ 4-го апрѣля 1830 г. служившій въ Одессѣ Начальникомъ Таможеннаго Округа и съ 6-го марта 1831 г. имѣвшій чинъ статскаго совѣтника; впоследствии онъ былъ (съ 10-го января 1836 г.) Вице-Директоромъ Департамента Вишней Торговли (гдѣ былъ сослуживцемъ князя П. А. Вяземскаго, втораго Вице-Директора того же Департамента), но оставался здѣсь недолго и 16-го декабря 1837 г. назначенъ въ должность Тверскаго гражданскаго губернатора; въ концѣ 1842 г. онъ былъ уволенъ отъ должности „не по собственному желанію, но по распоряженію правительства“; однако, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1843 г., № 25, стр. 119) была помѣщена корреспонденція изъ Твери, въ которой описывались данные мѣстными дворянствомъ и купечествомъ объды въ честь уволеннаго губернатора и онъ самъ былъ выставленъ образцомъ истинно-благороднаго начальника, при чемъ сказано было, что ему даже принесена была

отъ дворянства благодарность за управление губернію; но такъ какъ, по словамъ графа Бенкендорфа, на самомъ дѣлѣ „этотъ губернаторъ неоднократно подвергался Высочайшимъ выговорамъ за безпорядки по управленію губернію и, вслѣдствіе того, уволенъ отъ губернаторской должности безъ просьбы“, то Бенкендорфъ усмотрѣлъ въ поведеніи обывателей и въ упомянутой статьѣ „видъ оппозиціи противъ правительства“, о чемъ и замѣтилъ, кому слѣдуетъ („Русск. Стар.“ 1903 г., № 4, стр. 175—176). Послѣ Твери Бологовской уже болѣе не служилъ и умеръ въ Петербургѣ („Сынъ Отеч.“ 1851 г., кн. 7; „Петербургскій Некрополь“, т. I; формулярный списокъ Я. Д. Бологовскаго за 1841 г.). Съ 1836 г. Бологовской былъ сочленомъ Пушкина по Англійскому Клубу (Столѣтіе С.-Петербургскаго Англійскаго Собранія, С.-Пб. 1870, стр. 114). По отзыву хорошо его знавшаго Одессита Н. Н. Муракевича, Бологовской былъ человекъ „добрый, но тщеславнѣйшій“ („Русск. Стар.“ 1887 г., № 2, стр. 284).

— (Стр. 12). *Два Корфа*: первый изъ нихъ — баронъ (впослѣдствіи графъ) Модестъ Андреевичъ (род. 11-го сентября 1800, ум. 2-го января 1876), товарищъ Пушкина по Лицею, курсъ въ которомъ окончилъ съ серебряною медалью и затѣмъ сдѣлалъ быструю бюрократическую карьеру въ Министерствѣ Юстиціи и Комиссіи Составленія Законовъ, гдѣ, служа подъ начальствомъ Сперанскаго, считался чуть-ли не лучшимъ работникомъ; съ 6-го мая 1831 г. Корфъ управлялъ дѣлами Комитета Министровъ и 6-го марта 1834 г. былъ пожалованъ въ статсъ-секретари (по этому поводу онъ и представлялся Императрицѣ), а 6-го декабря того-же года былъ назначенъ и. д. Государственнаго Секретаря, въ каковой должности былъ утвержденъ 1-го января 1839 г. и несъ ее до 11-го апрѣля 1843 г., когда сдѣланъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта; въ 1849—1861 гг. онъ былъ Директоромъ Публичной Библіотеки, затѣмъ Главнуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Е. В. Канцеляріи, Предсѣдателемъ Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта — до 1872 г., когда былъ возведенъ въ графское достоинство. Исправный и весьма трудолюбивый бюрократъ, „чиновникъ огромнаго размѣра“, съ успѣхомъ и даже блескомъ исполнявшій всѣ свои разнообразныя служебныя обязанности, — напр., въ Публичной Библіотекѣ, — начитанный и съ любовью къ историческимъ трудамъ, но самоувѣренный и съ большимъ самоувѣніемъ, „очень податливый передъ сильною властью, но очень нетерпимый и безпощадный ко всякому съ нимъ несогласному мнѣнію“ („Русск. Стар.“ 1899 г., № 8, стр. 302), — баронъ Корфъ оставилъ о себѣ отрицательное воспоминаніе по дѣятельному участию своему въ печальной памяти Цензурномъ Комитетѣ 1848 г. (такъ наз. „Бугурлинскомъ“) и по отношенію своему къ Пушкину, о которомъ онъ написалъ спеціальную записку по поводу статьи П. И. Бартенева, напечатанной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1854 г. Записка эта, — крайне пристрастная и недоброжелательная Пушкину, проникнутая, по выраженію Л. Н. Майкова, „какимъ-то страннымъ тономъ ворчливаго критиканства, которое вовсе не оправдывается ни безупречною точностью его собственныхъ сообщеній, ни высотой его нравственной личности“, подвергнута подробному разбору въ обширной статьѣ Л. Н. Майкова: „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа“ („Русск. Стар.“ 1899 г., № 8, стр. 297—311 и № 9, стр. 517—530; ср. еще у Н. А. Гасфрейнда, Товарищи Пушкина, т. I, С.-Пб. 1912, стр. 486—489). Она напечатана полностью въ книгѣ Я. К. Грота: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, С.-Пб. 1899, стр. 222—254 (ср. еще замѣтку Н. О. Лернера: Письмо барона М. А.

Корфа къ В. П. Гаевскому о Пушкинѣ — „Пушк. и его соврем.“, вып. VIII, стр. 23—28). Однако, въ минуты безпристрастія, Корфъ умѣлъ отдавать должное Пушкину; въ письмахъ къ нему (1833 и 1836 г. — Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 28 и 382—383) онъ старался сохранять дружественный, товарищескій тонъ и даже подписывался просто „Модестъ“ (Пушкинъ отвѣчалъ ему тѣмъ-же, стр. 29, 383), помогая ему въ работѣ по исторіи Петра Великаго; въ 1839 г., характеризуя въ своемъ дневникѣ всѣхъ своихъ товарищей по выпуску изъ Лицея, онъ о Пушкинѣ писалъ: „Это историческое лицо довольно означитъ просто въ моемъ списокѣ. Біографіи его гражданская и литературная вездѣ напечатаны, сколько онѣ были доступны печати. Пушкинъ прославилъ нашъ выпускъ, и если изъ 29-ти человекъ одинъ достигъ *безсмертія*, то это, конечно, ужъ очень, очень много“ („Русск. Стар.“ 1904 г., № 6, стр. 554). Когда же, чуть не сорокъ лѣтъ спустя, былъ образованъ Комитетъ для сооруженія Памятника Пушкину, то Корфъ вошелъ въ его составъ, при чемъ члены Комитета собирались у него на квартирѣ.

— (Стр. 12). *Другой Корфъ*—баронъ Ѳеодоръ Андреевичъ (род. 17-го сентября 1808 г.), младшій братъ Модеста, служившій столоначальникомъ въ Департаментѣ разныхъ податей и сборовъ и рано умершій — 23-го іюня 1839 г., въ томъ же званіи камеръ-юнкера, но уже будучи Начальникомъ 2-го Отдѣленія Департамента Полиціи исполнительной; на его надгробномъ памятникѣ въ Александро-Невской Лаврѣ начертана слѣдующая чувствительная эпитафія („Петербургскій Некрополь“, т. II, стр. 486):

Послѣдній, младшій гость въ кругу семьи своей,
Какъ мало онъ гостилъ на здѣшнемъ скорбномъ пирѣ!
Предтеча матери и братьевъ, и друзей,
На новый пиръ ужъ самъ онъ ждетъ ихъ въ лучшемъ мирѣ.

— (Стр. 12). *Вольховскій* — Владиміръ Дмитріевичъ (род. въ 1798, ум. 7-го марта 1841), товарищъ Пушкина по Лицею, упомянутый имъ въ стихотвореніи „Пирующіе студенты“ (1814) и въ первой редакціи „19-го октября 1825 г.“; онъ окончилъ курсъ съ первою золотою медалью, какъ отличнѣйшій по успѣхамъ и прилежанію воспитанникъ, во все время пребыванія въ Лицеѣ выдѣлявшійся своимъ усердіемъ, силою воли и характера и серьезностію; это былъ, по словамъ его лицейскаго товарища барона М. А. Корфа, „человѣкъ разсудительный, дѣльный, съ твердою, желѣзною волей надъ самимъ собою, съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ добродушный, скромный и кроткій“; за всѣ эти качества души и ума получилъ онъ въ Лицеѣ прозвище „Sapientia“ (другое прозвище его было „Суворочка“). Изъ Лицея онъ вышелъ прапорщикомъ въ Гвардейскій Генеральный Штабъ и въ іюнѣ 1820 г. командированъ былъ въ Бухарію, въ составѣ миссіи подъ начальствомъ А. Ѳ. Негри. Живя въ Петербургѣ въ артели съ передовыми молодыми людьми Семеновымъ, Искрицкимъ, Колошинымъ и Бурцовымъ — будущими декабристами, — онъ былъ принятъ въ Союзъ Благоденствія, въ 1824 г. былъ командированъ въ экспедицію въ Киргизъ-Кайсацкую степь — къ Хивѣ, а въ 1825 году вышелъ въ отставку, надеясь, по обѣщанію А. Н. Оленина, получить мѣсто при Академіи Художествъ; однако, оно было предоставлено другому лицу, — и Вольховскій опять опредѣлился въ Гвардейскій Генеральный Штабъ и снова (въ концѣ августа) былъ командированъ съ полк. Ѳ. Ѳ. Бергомъ въ Бухару, откуда вернулся уже

лѣтомъ 1826 г. (13-го іюля 1826 г., будучи штабсъ-капитаномъ и городскимъ полиціймейстеромъ, онъ присутствовалъ при казни декабристовъ). Событія 14-го декабря отразились на его судьбѣ только тѣмъ, что онъ былъ подвергнутъ допросу. Какъ записано въ извѣстномъ „Алфавитѣ“ декабристовъ, Вольховскій „въ показаніи своемъ, представленномъ начальству, изложилъ, что въ 1818 году было ему предложено вступить въ общество, Союзъ Благоденствія, имѣвшее [цѣлью] благотвореніе и нравственное образованіе членовъ. Не видя въ цѣляхъ и дѣйствіяхъ Общества ничего противузаконнаго, вступилъ въ оное. Но вскорѣ, усмотрѣвъ, что оно не соответствовало пышно возвышаемому названію своему, сталъ мало по малу удаляться, а въ 1820 году участіе свое въ немъ совершенно прекратилъ. Въ 1821 году по возвращеніи его изъ Бухаріи, узналъ, что Союзъ разрушился; съ тѣхъ поръ ни о какомъ тайномъ обществѣ не слышалъ. Напротивъ того, изъ показаній многихъ членовъ видно, что Вольховскій состоялъ въ сношеніяхъ съ Обществомъ и послѣ 1821 года и участвовалъ въ совѣщаніяхъ, бывшихъ въ 1823 году у Пушина и другихъ членовъ. Совѣщанія сіи заключались въ учрежденіи Думы, выборѣ членами оной: Трубецкаго, Никиты Муравьева и Оболенскаго, и въ положеніи стараться изыскивать средства ко введенію конституціи. — По отзыву господина Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, оставлено сіе безъ дальнѣйшаго дѣйствія“ (Алфавитъ декабристовъ. По рукописи Государственнаго Архива изданъ подъ редакціею и съ дополненіями Б. Л. Модзалевскаго и А. А. Сиверса, Пгр. 1919, стр. 39). Вольховскій, однако, былъ удаленъ на службу на Кавказъ (1-го сентября 1826 г.), какъ находившійся „въ замѣчаніи“ по поводу своей принадлежности къ Союзу Благоденствія. Будучи капитаномъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба, онъ былъ посланъ съ подарками къ Персидскому шаху, затѣмъ, состоя при Паскевичѣ, принималъ участіе въ Персидской войнѣ, отличился при осадѣ крѣпости Сардаръ-Абада, былъ произведенъ въ полковники и въ началѣ 1828 г. былъ посланъ въ Тегеранъ для переговоровъ о полученіи контрибуціи съ Персидскаго Правительства (1827), съ началомъ же Турецкой кампаніи 1828 г. былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Будучи человекомъ удивительно трудолюбивымъ, добросовѣстнымъ и дѣльнымъ, Вольховскій исполнялъ обязанности своей отвѣтственной и хлопотливой должности съ чрезвычайнымъ усердіемъ и весьма успѣшно, но, какъ и всѣ другіе талантливые сподвижники Паскевича (Н. Н. Муравьевъ, баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, Н. Н. Раевскій и др.), вызвалъ къ себѣ въ концѣ концовъ ненависть графа Эриванскаго, — особенно когда дошли до него слухи, что нѣкоторые успѣхи военныхъ дѣйствій приписывались скромному Вольховскому. Получивъ 16-го ноября 1828 г. орденъ Георгія 4-й ст. за отличіе въ сраженіи, а 25-го декабря 1829 г. — Высочайшее благоволеніе за участіе во многихъ дѣлахъ во время Турецкой войны 1829 г., Вольховскій покинулъ Кавказъ и уѣхалъ сперва въ Москву, а потомъ (зимой 1830 г.) въ Петербургъ, гдѣ сталъ искать мѣста; ему предложенъ былъ постъ генеральнаго консула въ Александріи (въ Египтѣ), но начавшееся возстаніе въ Польшѣ снова поставило его въ ряды войскъ: онъ былъ назначенъ подъ начальство и въ распоряженіе главнокомандующаго арміею графа Дибича-Забалканскаго, за отличіе въ дѣлахъ противъ мятежниковъ произведенъ былъ (3-го іюня 1831 г.) въ генераль-майоры, но послѣдовавшая въ это время (29-го мая) смерть Дибича и назначеніе на его мѣсто (5-го іюня) Паскевича, который ненавидѣлъ Вольховскаго, вынудили его удалиться отъ участія въ дѣлахъ: опредѣленный къ

Отдѣльному Литовскому Корпусу, коимъ командовалъ баронъ Г. В. Розень, Вольховскій, съ назначеніемъ Розена командиромъ Кавказскаго корпуса (1832), поступилъ къ нему и. д. Начальника Штаба и въ этой трудной должности оставался около 6 лѣтъ; 16-го февраля 1834 г. онъ прибылъ въ Петербургъ, 20-го февраля выѣхалъ въ Ревель („Сѣв. Пчела“ 1834 г., № 41 и 45) и 23-го февраля обвѣнчался тамъ съ Маріей Васильевной Малиновской, дочерью перваго Директора Лицея (ея сестра, Анна Васильевна, была замужемъ за декабристомъ барономъ А. Е. Розеномъ, а братъ, Иванъ Васильевичъ, — въ 1844 г. издавшій отдѣльной брошюрой біографію своего товарища и зятя, — былъ женатъ, съ того-же 23-го февраля 1834 г., на сестрѣ декабриста и ихъ общаго лицейскаго товарища И. И. Пушина — Маріи Ивановнѣ), 6-го апрѣля былъ утвержденъ Начальникомъ Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса (по этому поводу онъ, безъ сомнѣнія, и представлялся Императрицѣ), а 13-го апрѣля уѣхалъ въ Тифлисъ, къ мѣсту службы („Сѣв. Пчела“ 1834 г., № 87). Впослѣдствіи опала, постигшая барона Г. В. Розена въ 1837 г., коснулась и Вольховскаго, который былъ назначенъ (въ декабрѣ 1837 г.) командиромъ 1-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи, стоявшей въ Динабургѣ. Попадъ снова подъ начальство Паскевича, уже свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго и Намѣстника Польши, Вольховскій вынужденъ былъ скорѣе выйти въ отставку (въ февралѣ 1839 г.), послѣ чего поселился въ деревнѣ жены своей — д. Каменкѣ, Изюмскаго уѣзда Харьковской губерніи, гдѣ и умеръ 7-го марта 1841 г. Живя здѣсь, онъ много читалъ, занимался изученіемъ англійскаго языка, устройствомъ рациональнаго сельскаго хозяйства и заботился о благосостояніи крестьянъ, жалѣя, что генеральскій чинъ и звѣзды не давали ему возможности занять мѣсто уѣзднаго судьи, на которомъ онъ могъ бы дѣлать много добра.

Воспоминанія о Вольховскомъ всѣхъ знавшихъ его рисуютъ его въ крайне симпатичныхъ краскахъ. Пушкинъ, какъ мы упомянули, посвятилъ ему характерную строфу въ стихотвореніи „19-е Октября“ 1825 г. (въ черновомъ наброскѣ):

„Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вольховскій сядетъ первый“ . . .

Упомянулъ поэтъ Вольховскаго и въ своемъ „Путешествіи въ Арзрумъ“, во время котораго, близъ Карса, онъ встрѣтилъ Лицейскаго товарища, „запыленного съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами“. Позже, въ 1835 году, онъ написалъ ему письмо, ходатайствуя за ѣхавшаго въ Грузію графа Забѣлу, съ которымъ послалъ Вольховскому своего „Пугачева“. Вольховскій былъ очень друженъ съ Грибоѣдовымъ, одно письмо коего (отъ 10-го января 1828 г. изъ Тавриза) къ Вл. Дм. напечатано въ „Литературномъ Вѣстникѣ“ 1904 г., кн. 2, стр. 12—14. Письма самого Вольховскаго къ Н. Н. Раевскому напечатаны въ „Архивѣ Раевскихъ“, изданномъ подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1908 и т. II, 1909, а къ барону Г. В. Розену — въ книгѣ Н. А. Гастфрейнда: Товарищи Пушкина по Имп. Царскосельскому Лицею, т. I, стр. 219—286; тамъ-же, стр. 1—217, — подробная біографія Вольховскаго, съ выписками изъ дѣлъ Государственнаго Архива о Вольховскомъ, какъ декабристѣ. О Вольховскомъ см. еще въ указанномъ „Алфавитѣ декабристовъ“, стр. 306.

— (Стр. 12). *Тетка* Н. Н. Пушкиной, упоминаемая Императрицей Але-

ксандрой Феодоровной въ разговорѣ съ Пушкинымъ, — единокровная сестра ея матери — Екатерина Ивановна Загряжская (род. 14-го марта 1779, ум. 18-го августа 1842), фрейлина съ 1808—1809 г., дочь генераль-лейтенанта Ивана Александровича Загряжскаго (ум. 19-го декабря 1807). Она нѣжно любила свою племянницу — жену поэта — и содѣйствовала, по выраженію П. Е. Щеголева, закрѣпленію успѣха въ большомъ Петербургскомъ свѣтѣ „дочери своего сердца, своей приѣмной дочери“ (какъ опредѣлила Императрица въ разговорѣ съ Пушкинымъ). Е. И. Загряжская пользовалась вліяніемъ при дворѣ и „играла большую роль въ семьѣ Пушкиныхъ. Она была моральнымъ авторитетомъ для племянницы, ея руководительницей и совѣтчицей въ свѣтѣ и, наконецъ, матеріальной опорой. Гордясь своей племянницей, она облегчала тяжелое бремя Пушкина, оплачивая туалеты племянницы и помогая ей матеріально“ („Пушк. и его современ.“, вып. XXV—XXVII, стр. 029—030), или въ другомъ мѣстѣ: „Она была самымъ близкимъ лицомъ въ домѣ Пушкиныхъ... Тетушка замѣнила племянницамъ [Н. Н. Пушкиной и ея сестрамъ] мать, устраивала ихъ положеніе при Дворѣ и въ свѣтѣ, оказывала имъ матеріальную поддержку, была для нихъ моральнымъ авторитетомъ, руководительницей и совѣтчицей — и пользовалась огромнымъ вліяніемъ. Особенно она любила Наталью Николаевну, баловала ее, платила за ея наряды. Какъ-то, взгрустнувъ о своемъ матеріальномъ положеніи, Пушкинъ писалъ (21-го сентября 1835 г.) женѣ: „У меня ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30.000. Все держится на мнѣ да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны“. Наталья Николаевна платила теткѣ такою любовью и преданностью, что мать ея, Наталья Ивановна Гончарова, ревновала свою дочь къ своей сестрѣ. Если судить по письмамъ Пушкина къ женѣ, онъ хорошо относился къ Екатеринѣ Ивановнѣ за ея любовь къ своей женѣ. Онъ довѣрялся Загряжской и оставлялъ жену на тетку, когда уѣзжалъ изъ Петербурга. Въ письмахъ онъ не забываетъ переслать ей почтительный поклонъ, поцѣловать „съ Ермоловской нѣжностью“ руку и поблагодарить ее за заботы о женѣ. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ Пушкина къ женѣ, рисующихъ отношенія Пушкиныхъ къ Е. И. Загряжской. „Къ тебѣ пришлютъ для подписанія довѣренность. Катерина Ивановна научить тебя, какъ со всѣмъ этимъ поступить“ (3-го октября 1832). „Благодари мою безцѣвную Катерину Ивановну, которая не даетъ тебѣ воли въ ложѣ. Цѣлую ей ручки и прошу, ради Бога, не оставлять тебя на произволъ твоихъ обожателей“ (21-го октября 1833). „А Катерина Ивановна? какъ это она тебя пустила на Божію волю?“ (30-го октября 1833). Когда уѣзжала Наталья Николаевна въ Калужскую деревню, тетка тревожилась и постоянно справлялась о ней у Пушкина. „Тетка тебя очень цѣлуетъ и по тебѣ хандритъ“ (22-го апрѣля 1834). „Цѣлые девять дней отъ тебя не было извѣстія. Тетка перепугалась“ (28-го апрѣля 1834). „Зачѣмъ ты теткѣ не пишешь? Какая ты безалаберная!“ (11-го іюня 1834). „Тетка заѣзжала вчера ко мнѣ и бесѣдовала со мною въ каретѣ: я ей жаловался на свое житье-бытьѣ, а она меня утѣшала“ (11-го іюля 1834)... О близкомъ участіи Загряжской въ семейныхъ дѣлахъ Пушкиныхъ даетъ опредѣленное свидѣтельство сестра Пушкина, Ольга Сергѣевна: „Загряжская бывала всякій день въ домѣ Пушкиныхъ, дѣлала изъ Натальи Николаевны все, что хотѣла, имѣла большое вліяніе на Пушкина“ (тамъ-же, стр. 1054—1055). Е. И. Загряжской пришлось сыграть видную роль въ развитіи перваго дуэльнаго недоразумѣнія Пушкина съ Дантесомъ; эта роль выяснена подробно въ изслѣдованіи П. Е. Щеголева о дуэли и смерти Пушкина

(„Пушкинъ и его современники“, вып. XXV—XXVII), гдѣ помѣщенъ и портретъ Е. И. Загряжской. Ея сестра, Софія Ивановна (род. 1778, ум. 1851), фрейлина съ 19-го января 1813 г., была замужемъ за извѣстнымъ французскимъ писателемъ и художникомъ генераль-маіоромъ Русской службы графомъ Ксаверіемъ де-Местромъ (ум. 1852).

— (Стр. 12). *Б.* — Болховской, представлявшійся одновременно съ Пушкинымъ Императрицѣ (см. выше, стр. 137); онъ служилъ въ Одессѣ и былъ поэтому хорошо освѣдомленъ объ Одесской жизни.

— (Стр. 12). *Воронцовъ* — графъ (съ 1852 г.—свѣтлѣйшій князь) Михаилъ Семеновичъ (род. 19-го мая 1782, ум. 6-го ноября 1856), генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, Новороссійскій и Бессарабскій Генераль-Губернаторъ и членъ Государственнаго Совѣта, впоследствии Кавказскій Намѣстникъ. Пушкинъ питалъ къ нему нескрываемую антипатію еще со временъ своей Одесской жизни 1823—1824 гг., когда у него было нѣсколько открытыхъ столкновений со своимъ высшимъ начальникомъ; извѣстны его эпиграммы на Воронцова; послѣдній не остановился, для удаленія Пушкина изъ Одессы, передъ жалобой на поэта, результатомъ которой была высылка его въ деревню. Воронцовъ былъ человекъ двуличный, неискренній (ср., напр., отзывъ А. И. Казначеева—Сборникъ стар. бумагъ въ музеѣ П. И. Щукина, вып. VII, стр. 323), и эти черты его характера оттолкнули отъ него Пушкина вскорѣ же по переѣздѣ его въ Одессу. Князь П. А. Вяземскій, предостерегая Пушкина и совѣтуя ему быть осторожнымъ „на языкъ и на перо“, писалъ ему весной 1824 г.: „Не играй своимъ будущимъ. Въ случаѣ какой-нибудь непогоды Воронцовъ не отстоитъ тебя и не защититъ. . . Признаюсь откровенно: я не твердо уповаю на рыцарство Воронцова. Онъ человекъ пріятный, благонамѣренный, но не пойдетъ донкишотствовать противъ власти ни за лицо, ни за мнѣніе, каковы бы они ни были. . . Такова же его характеристика, сдѣланная графомъ И. И. Дибичемъ-Забалканскимъ (см. „Русск. Стар.“ 1891 г., № 4, стр. 47—48). Сенаторъ К. И. Фишеръ, узнавшій Воронцова въ началѣ 1820-хъ годовъ, пишетъ, что онъ, — „вельможа всѣми приемами, — производилъ очень выгодное впечатлѣніе; впоследствии сарказмы Пушкина туманили его репутацію, но я продолжалъ вѣрить въ его аристократическую натуру и не вѣрить Пушкину, тѣмъ болѣе, что князь Меншиковъ отзывался о нравственныхъ качествахъ Пушкина очень недоброжелательно. . . Но когда Воронцовъ поѣхалъ къ Позену [чиновнику, вліятельному при Военномъ Министрѣ графѣ А. И. Чернышевѣ] на дачу поздравить его со днемъ рожденія, я поневолѣ долженъ былъ раздѣлить мнѣніе о Воронцовѣ, господствовавшее въ общественной молвѣ. Подъ конецъ Воронцовскія мелкія интриги, нахальное лицепріятіе и даже ложь — уронили его совершенно въ мое мнѣніе, и я остаюсь при томъ, что онъ былъ дрянной человекъ“ („Историч. Вѣстн.“ 1908 г., № 1, стр. 449). Характеристику графа М. С. Воронцова см. еще въ „Хаджи-Муратъ“ графа Л. Н. Толстого (гл. IX), а также въ Сочиненіяхъ Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. LI—LII, въ примѣчаніи Н. О. Лернера къ эпитаграммѣ Пушкина на Воронцова „Не знаю гдѣ, но не у насъ. . .“.

— (Стр. 12). *Котляревскій (Герой)*—Петръ Степановичъ (род. 12-го іюня 1782, ум. 21-го октября 1851), извѣстный Кавказскій генераль, покоритель Закавказья, всю жизнь съ молодыхъ лѣтъ проведшій въ бояхъ съ горцами и особенно отличившійся при взятіи крѣпости Ленкорани (1-го января 1813 г.), въ которую онъ вошелъ, покрытый ранами и по грудамъ тѣла (за

этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ орденомъ Георгія 2-й степени). Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ эпилогъ къ „Кавказскому Пльннику“:

Тебя я воспую, герой,
О Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой,—
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...
Ты днесъ покинулъ саблю мести,
Тебя не радуешь война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ...

Весь израненный, Котляревскій много лѣтъ лѣчился, но уже не могъ вернуться къ боевой дѣятельности и проживалъ уединенно и скромно въ сельцѣ Александровѣ, Бахмутскаго уѣзда, съ 1826 г. бывъ въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи. Его біографія, написанная графомъ В. А. Соллогубомъ, издана въ Тифлисѣ въ 1854 г. и переиздана въ Петербургѣ въ 1856 и 1900 г.

— (Стр. 12). Подъ буквами *О. Н.* Пушкинъ имѣетъ въ виду Ольгу Станиславовну Нарышкину. Дочь извѣстной красавицы-гречанки („la belle Phanagioté“) графини Софіи Константиновны Потоцкой, рожд. Глявоне, по 1-му браку Витгъ, обольстительная красавица, какъ и ея сестра, графиня Софья, вышедшая замужъ за П. Д. Киселева (впослѣдствіи графа), она въ 1823 году („Остафьевскій Архивъ“, т. II, стр. 343; „Русск. Арх.“ 1903 г., кн. I, стр. 462) вышла замужъ за Льва Александровича Нарышкина (род. 1785, ум. 1846), давнишняго пріятеля и двоюроднаго брата графа М. С. Воронцова. Нарышкинъ, съ марта 1824 г. бывший въ отставкѣ генераль-маіоромъ, проживалъ въ Одессѣ и въ Крыму, гдѣ ему принадлежало извѣстное имѣніе Мисхоръ. Бракъ его съ Потоцкою не былъ счастливъ; самъ онъ находился подъ вліяніемъ и обаяніемъ своей тетки, извѣстной Маріи Антоновны Нарышкиной (любовницы Александра I), за которую всюду слѣдовалъ; кромѣ того, супруги вообще мало подходили другъ къ другу: жена была кокетлива, властолюбива, энергична, хитра и двулична („Русск. Арх.“ 1895 г., кн. III, стр. 85); мужъ — человекъ добрый, но безхарактерный и вялый, по выраженію его свояка, графа П. Д. Киселева, — „toujours dormeur et toujours aimable“. Живя въ Одессѣ, гдѣ съ 1835 г. проживала и Марія Антоновна, овдовѣвшая въ 1838 г., Нарышкинъ дѣлалъ большіе пріемы; имя его жены Ольги Станиславовны, находившейся въ эти годы всегда около графа М. С. Воронцова, постоянно упоминается въ письмахъ послѣдняго къ Н. Н. Раевскому за 1837 и 1838 г., свидѣтельствуя о близкихъ дружескихъ ихъ отношеніяхъ (см. „Архивъ Раевскихъ“, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. II, С.-Пб. 1909, стр. по указ.). Портреты О. С. Нарышкиной (она умерла въ Парижѣ 7-го октября 1861 г.) и ея мужа — впослѣдствіи генераль-адъютанта — см. въ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича: Русскіе портреты XVIII и XIX ст., т. I, С.-Пб. 1905, № 187 и № 188; см. также „Архивъ Раевскихъ“, т. II, стр. 292—293, и „Русск. Стар.“ 1887 г., № 2, стр. 286 и № 9, стр. 481—484.

— (Стр. 12). *Воронцова* — графиня Елизавета Ксаверьевна, рожд. графиня Браницкая (род. 18-го сентября 1792, ум. 15-го апрѣля 1880); извѣстны отношенія къ ней Пушкина въ Одесскій періодъ его жизни и отраженія ихъ въ нѣ-

которыхъ стихотвореніяхъ поэта („Ангель“, „Талисманъ“). Н. О. Лернеръ характеризуетъ эти отношенія, какъ „пламенное увлеченіе“, которое пронеслось „черезъ сердце Пушкина“. „Она—тогъ ангель нѣжный [въ стихотвореніи „Ангель“], который, сіяя поникшей головою у дверей рая, пробудилъ „жаръ невольный умиленья“ въ холодномъ сердцѣ мрачнаго духа зла. Она—та волшебница, чей таинственный пріютъ—, тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть на пустынные скалы“. Своей Татьянѣ, „любимицѣ златой своей весны“, поэтъ придалъ нѣкоторыя черты Воронцовой. Ея имя, имя „Элизы“, стоитъ въ его „донъ-жуанскомъ спискѣ“ (Сочиненія Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 276; ср. тамъ-же въ т. III и IV объясненія къ стихотвореніямъ за № 371, 392, 394, 492 и 494). Графъ В. А. Соллогубъ, встрѣчавшійся съ нею значительно позже, такъ говоритъ о графинѣ Воронцовой: „Небольшого роста, тучная, съ чертами нѣсколько крупными и неправильными, Елизавета Ксаверьевна была, тѣмъ не менѣе, одной изъ привлекательнѣйшихъ женщинъ своего времени. Все ея существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною, женственною граціей, такою привѣтливостію, такимъ неукоснительнымъ щегольствомъ, что легко себѣ объяснить, какъ такіе люди, какъ Пушкинъ, . . . Раевскій и многіе, многіе другіе безъ памяти влюблялись въ Воронцову“ (Воспоминанія, С.-Пб. 1887, стр. 233).

— (Стр. 13). О *Бринкенѣ* и судѣ надъ нимъ Курляндскаго (а не Финляндскаго, какъ написалъ Пушкинъ) дворянства см. выше, стр. 51—53.

— (Стр. 13). *Уваровъ* — Сергѣй Семеновичъ (род. 15-го августа 1786, ум. 4-го сентября 1855), съ 21-го марта 1833 г. — Управляющій Министерствомъ, а съ 21-го апрѣля 1834 г. — Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ этомъ году носившій еще слѣдующія званія: „тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, Сенаторъ, Президентъ Императорской Академіи Наукъ, Предсѣдатель Комитета устройства учебникъ заведеній и Главнаго Управленія Цензуры, Членъ Совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ, Императорскихъ Академій: Наукъ, Россійской и Художествъ, Императорскихъ Университетовъ: Московскаго, Дерптскаго, Казанскаго и разныхъ другихъ ученыхъ обществъ въ Россіи почетный членъ, Французскаго Института, Мадритской Академіи исторіи, Гёттингенскаго, Копенгагенскаго и другихъ иностранныхъ ученыхъ обществъ членъ“ (Мѣсяцесловъ на 1834 г., ч. I, стр. 469). Эти многочисленныя титулы прикрывали собою суетную и тщеславную фигуру ловкаго карьериста, человѣка невысокихъ душевныхъ качествъ, хотя и многосторонне образованнаго дилеттанта и даже ученаго, автора нѣсколькихъ сочиненій по вопросамъ классической археологіи и филологіи и разсужденій философскаго характера (перечень ихъ см. въ „Русск. Арх.“ 1871 г., кн. II, стр. 2106—2107). Онъ еще съ-молоду старался выказывать свою любовь къ наукамъ и преданность литературѣ, былъ членомъ „Арзамаса“, гдѣ, вѣроятно, встрѣчался и съ Пушкинымъ, вращался въ кружкѣ Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго, Тургеневыхъ, князя Вяземскаго; послѣдній, однако, хотъ и считалъ Уварова человѣкомъ блестяще одареннымъ (Сочиненія, т. X, стр. 160), однако говорилъ о немъ, что онъ слишкомъ суетенъ, безхарактеренъ и легкомысленъ (Соч., т. IX, стр. 205). Сперанскій же, послѣ знакомства съ Уваровымъ въ 1817 г., писалъ, что это—„прекраснѣйшій человѣкъ и по уму, и по сердцу“, и прибавлялъ: „умъ перваго класса, благородный, умный и первый ученый человѣкъ въ Россіи изъ Русскихъ“ („Русск. Арх.“ 1870 г., стр. 1145 и 1149). Съ другой стороны, извѣстный митрополитъ Евгеній въ 1820 г.

писаль о немъ: „Уварову, и я гадаю, — не устоять на своемъ мѣстѣ; да онъ его и не стоить, ибо ученый только шарлатанъ... Во всѣхъ государствахъ случается, что жалуютъ въ чины и не по заслугамъ; а въ одной Россіи жалуютъ даже и въ умъ и въ знанія безъ ума и знаній“ („Русск. Арх.“ 1889 г., кн. II, стр. 368). Баварскій дипломатъ графъ Оттонъ Брей, узнавшій Уварова въ бытность свою въ Петербургѣ уже въ 1833—1835 гг., признаетъ его „человѣкомъ умнымъ и съ тонко развитымъ вкусомъ. Онъ тонкій знатокъ и любитель искусства, приверженецъ классицизма — и употребилъ свое весьма значительное состояніе на то, чтобы окружить себя образцовыми произведениями древнихъ временъ. Несмотря на занимаемое имъ высокое положеніе, онъ очень чувствителенъ къ похвалѣ со стороны иностранныхъ ученыхъ и обладаетъ тщеславіемъ писателя и ученаго; само собою разумѣется, ему воскурятъ въ этомъ отношеніи виміамъ“ („Русск. Стар.“ 1902 г., № 1, стр. 133). „Ни высокое положеніе, ни богатая женитьба на графинѣ Разумовской, ни блестящая репутація въ обществѣ не избавили его“, — пишетъ сенаторъ К. Н. Лебедевъ: „отъ мелкихъ страстей любостыжанія и зависти, которыя были причиною нелюбви къ нему сверстниковъ, совмѣстниковъ и всего высшаго круга... Онъ сообщилъ управленію болѣе блеску, нежели прочности и вель его болѣе съ ловкостью, нежели съ пользою, обрабатывая систему просвѣщенія болѣе въ опылахъ, щегольски литературныхъ, нежели на самомъ дѣлѣ“ („Русск. Арх.“ 1888 г., кн. III, стр. 467). — Свое управленіе дѣломъ народнаго просвѣщенія онъ старался подвести подъ льстивую формулу „православія, самодержавія и народности“, но понятія эти проводились имъ въ жизнь внѣшне-формальнымъ образомъ и не могли дать благоприятныхъ результатовъ по существу. Дѣятельность его долгое время вызвала полное одобреніе Имп. Николая I, который 1-го іюля 1846 г. пожаловалъ ему графскій титулъ, но крайняя реакція 1848—1849 гг. поколебала его положеніе, онъ показался неспособнымъ искоренить „якобинство“ въ учебныхъ заведеніяхъ и 20-го октября 1849 г. былъ уволенъ отъ должности Министра, съ оставленіемъ Президентомъ Академіи Наукъ, а 6-го декабря 1850 г. награжденъ Андреевскою звѣздою. — Пушкинъ въ началѣ 1835 г. заклеилъ Уварова въ своей извѣстной „одѣ“ „На выздоровленіе Лукулла“, вызвавшей большой шумъ въ обществѣ и едва не причинившей поэту тяжелыхъ непріятностей. Ср. ниже, стр. 26—27, отзывъ Пушкина объ Уваровѣ въ записи Дневника, отъ февраля 1835 г. — и письмо Пушкина къ неизвѣстному лицу отъ начала февраля 1836 г. (Неизданный Пушкинъ. Собраніе А. Э. Онѣгина. Труды Пушкинскаго Дома при Россійской Академіи Наукъ, Пб. 1922, стр. 223 — 224, въ комментарий Б. Л. Модзалевскаго). — Уваровъ съ 1811 года былъ женатъ на фрейлинѣ графинѣ Екатериинѣ Алексѣевнѣ Разумовской (род. 1783, ум. 1849), дочери Министра Народнаго Просвѣщенія, и имѣлъ сына Алексѣя (род. 1824, ум. 1884), впоследствии извѣстнаго ученаго археолога, и дочерей: Александру (род. 1814, ум. 1865), бывшую за княземъ П. А. Урусовымъ, Наталію (род. 1820, ум. 1843), вышедшую за И. П. Балабина, и Елизавету, замужемъ не бывшую. Для нихъ и устраивались, очевидно, живыя картины вечеромъ 9-го апрѣля. Любопытно отмѣтить, что въ тотъ же день, но утромъ, цензоръ и профессоръ А. В. Никитенко былъ у Уварова съ докладомъ „о нѣкоторыхъ романахъ, переведенныхъ съ французскаго“ и вызывавшихъ сомнѣнія остронаго цензора, при чемъ „представилъ ему еще сочиненіе или переводъ Пушкина „Анджело“. „Прежде“, пишетъ Никитенко: „государь самъ раз-

сматривалъ его поэмы, и я не зналъ, имѣю-ли я право цензуровать ихъ. Теперь Министръ приказалъ мнѣ поступать въ отношеніи къ Пушкину на общемъ основаніи. Онъ самъ прочелъ „Анджело“ и потребовалъ, чтобы нѣсколько стиховъ были исключены“ . . (Дневникъ, ч. I, стр. 241).

— (Стр. 13). *С.* — вѣроятно, А. О. Смирнова. Въ изданіи Суворина подъ редакціей П. А. Ефремова (т. V, стр. 646) высказано двойное предположеніе: „Смирновой или гр. Соллогубъ?“.

— (Стр. 13). О Павлѣ Петровичѣ *Свиньинѣ* (род. 10-го іюня 1787, ум. 9-го апрѣля 1839), писателѣ и художникѣ, см. выше, стр. 107—108. Большой ревнитель и любитель всего Русскаго, въ частности—памятниковъ отечественной старины и искусства, Свиньинъ въ теченіе долгихъ лѣтъ собралъ художественно-археологической музей, о которомъ публика хорошо знала изъ появлявшихся время отъ времени замѣтокъ о немъ въ печати („Сѣв. Пчела“ 1826 г., № 32; 1827 г., № 28 и 154; „Московск. Вѣдом.“ 1826 г., № 28, 1827 г., № 22 и 1828 г., № 7; „Русск. Инвал.“ 1828 г., № 63 и № 64; „Отечеств. Зап.“ 1829 г., ч. 38 и 39 и отд. изд.; „Дамск. Журн.“ 1829 г., № 35; „Bulletin du Nord“ 1829 г., № 12; „С.-Петербур. Вѣд.“ 1829 г., № 152 (о посѣщеніи Музея А. Гумбольдтомъ) и „Сѣв. Пчела“ 1829 г., № 151 (тоже), статьи въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1829 г., № 36, „Московск. Вѣд.“ 1829 г., № 28, „Дамск. Журн.“ 1829 г., № 35 и „Сѣв. Пчелѣ“ 1833 г., № 19, и др.). Въ 1829 году самимъ Свиньинымъ была издана „Краткая опись предметовъ, составляющихъ Русской Музеумъ Павла Свиньина“ (С.-Пб., 8^о, 138 стр.) и такая же опись на французскомъ языкѣ („Catalogue abrégé du Cabinet national Russe de M. Paul Svignine, Conseiller d'état et Chevalier, membre de l'Académie des beaux arts de St. Pétersbourg, de la Société des antiquaires Russes de Moscou et de plusieurs autres Sociétés savantes et littéraires Russes et étrangères“, 8^о, 105 стр.), а въ 1834 году появилось сперваобъявленіе, что Музей попрежнему открытъ для обозрѣнія публики („С.-Петербур. Вѣдом.“ 1834 г., приб. къ № 35, стр. 273), а затѣмъ—рядъ сообщеній о томъ, что онъ долженъ быть проданъ съ аукціона (см. „Сѣв. Пчела“ отъ 6-го, 7-го и 8-го марта 1834 г., №№ 51, 52, 53 и 87, и „С.-Петербур. Вѣдом.“ отъ 15-го марта 1834 г., № 61). „Сколько добрые Русскіе радовались“, — читаемъ мы въ „Вѣдомостяхъ“, — „что наконецъ пришла счастливая мысль доброму патриоту составить Отечественный Музеумъ, сколько восхищались они успѣхамъ почтеннаго, неутомимаго собирателя онаго, видя, какъ прекрасное предпріятіе сіе преуспѣвало, какъ Русскій музеумъ украшался, наполнялся предметами рѣдкими, любопытными, питавшими Русское честолюбіе, равнявшимися Русскимъ съ просвѣщенными націями въ глазахъ иноземцевъ и со стороны изящныхъ художествъ,—столько, безъ сомнѣнія, всѣ пожалѣють, что усилія Павла Петровича Свиньина разрушились при самыхъ блестящихъ надеждахъ, и онъ вынужденнымъ нашелся всѣ сіи сокровища, свезенныя имъ въ продолженіе 15 лѣтъ со всѣхъ концевъ Царства Русскаго, исхищенныя имъ [sic!] изъ-подъ крѣпкихъ, неприступныхъ затворовъ,—продать съ аукціона! И, такъ они снова разойдутся по разнымъ рукамъ, снова, быть можетъ, сдѣлаются добычею тлѣна или невѣжества; посему считаемъ долгомъ сохранить въ памяти хотя поверхностное понятіе о предметахъ, составлявшихъ первый, единственный музеумъ Русской. — Онъ состоялъ изъ семи отдѣленій: 1) картинъ; 2) изваяній; 3) миниатюръ; 4) стариннаго серебра; 5) медалей; 6) минераловъ и 7) библіотеки“; описывая далѣе наиболѣе интересные предметы перечисленныхъ отдѣловъ, авторъ замѣтки о Музеѣ, скрывшійся подъ буквами *М. Р.*, го-

ворить, что „между манускриптами обращали особенное вниманіе и знатоковъ и не знатоковъ рукописи Петра Великаго, Екатерины II, Ломоносова, Суворова и многихъ другихъ знаменитыхъ особъ. Къ сему числу принадлежать и куранты, подававшіеся ежедневно Дьякомъ Царю Θεодору Алексѣвичу“. „Публичная продажа вещей сихъ, какъ мы слышали, начнется съ третьей недѣли Великаго поста въ заведеніи космографы Г. Паллади, что на углу Морской и Кирпичнаго переулка, гдѣ онѣ выставлены уже въ совершенномъ порядкѣ. Безъ сомнѣнія, достоинство вещей и дешевизна подстрекнетъ достаточно патриотизмъ и любовь къ приобрѣтенію охотниковъ изящнаго, но мы желаемъ только, чтобъ онѣ достались въ руки, достойныя оцѣнить ихъ, и могли бы возбуждать въ комъ ни есть охоту слѣдовать почтенной мысли перваго ихъ обладателя“, — заканчивалъ свою замѣтку М. Р. Въ томъ же смыслѣ выражался и авторъ статьи „Воспоминанія о Русскомъ Музеумѣ“ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1834 г., № 51—53): „Съ крайнимъ прискорбіемъ узнали мы“, писалъ онъ: „что обладатель драгоценнаго Русскаго Музеума, собраніе коего стоило ему неусыпныхъ трудовъ въ продолженіе 15 лѣтъ, было плодомъ пламенной страсти къ Художествамъ, требовало объѣзда цѣлой Россіи и большихъ пожертвованій, вынужденнымъ нашелся продать его съ аукціона! Удивительно, что не сыскалось ни одного любителя изящнаго, изъ числа даже тѣхъ, которые употребляютъ тысячи на приобрѣтеніе картинъ и художественныхъ произведеній иностранныхъ (часто съ сомнительными достоинствами, съ фальшивыми именами) для приобрѣтенія сего единственнаго собранія, долженствовавшего послужить камнемъ основанія Отечественнаго Музеума“; авторъ этой статьи даетъ довольно подробное описаніе всѣхъ достопримѣчательностей семи отдѣловъ Музея; рукописному отдѣленію, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ въ своемъ Дневникѣ, посвящены слѣдующія строки: „Собраніе рукописей заключало въ себѣ многія рѣдкости, соединенныя съ разныхъ концовъ Россіи, что само по себѣ не менѣе любопытно. Первое мѣсто между ними занимала грамота Владислава Ягеллона, на пергаментѣ, съ государственною печатью, данная имъ брату своему Свидригайлу, на Троицкую [?] Область, въ 1387 году. Эта драгоценность приобрѣтена была собирателемъ въ Шенкурскѣ. Историческій сборникъ XV столѣтія полученъ былъ г. С. во Владимірѣ. Двѣ грамоты Кольскимъ жителямъ, за подписью Царя Θεодора Алексѣвича, въ Соловахъ. — Собственноручныя рукописи Екатерины Великой, въ томъ числѣ милостивый Манифестъ по случаю замиренія съ Турціею, и переписка съ И. И. Бецкимъ, частію открыты въ Чухломѣ въ рукахъ купца, а частію пожертвованы одною почтенною особою въ Петербургѣ. Собственноручныя письма А. В. Суворова, изъ коихъ переписку съ Статсъ-Секретаремъ Турчаниновымъ получилъ онъ въ Олонцѣ отъ покойнаго губернатора А. И. Рыклевскаго, а другую — письма его къ Кольчеву, бывшему Министромъ въ Вѣнѣ, — въ Галичѣ, отъ его наследниковъ. Своеручныя рукописи Ломоносова по разнымъ предметамъ и наукамъ на Русскомъ, Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ — открыты имъ на родинѣ знаменитаго поэта. — Своеручная переписка фонъ-Визина съ своею сестрою, изъ чужихъ краевъ, получена въ Москвѣ отъ родственниковъ Русскаго Мольера, а куранты (т. е. выписки изъ газетъ), подаваемые Царю Θεодору Алексѣвичу, приобрѣтены отъ одного любителя отечественныхъ древностей въ Черниговѣ. — Въ драгоценной библіотекѣ печатныхъ книгъ почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, относящихся до Россіи, особенное вниманіе заслуживали: исторія царствованія Екатерины II,

съ своеручными замѣтками Княгини Дашковой, писанными по бѣлымъ краямъ; первое изданіе Маржерета, весьма рѣдкое, за которое покойный Канцлеръ Графъ Н. П. Румянцовъ предлагалъ 1000 руб.; роскошное описаніе народовъ, въ Россіи обитающихъ, Гр. Рехенберга и пр. и пр.". Въ № 87 „Сѣверной Пчелы“ отъ 17-го апрѣля 1834 г. (стр. 345—347), В. В. В. (т. е. В. М. Строевъ) помѣстилъ фелетонъ: „Продажа Русскаго Музеума“, въ которомъ описалъ самый аукціонъ, не преминувъ высказать нѣсколько неприятныхъ для Свиньина мыслей, — напр., о рѣдкостяхъ его Музея, „коихъ историческая достопримѣчательность подвержена сомнѣнію“ (напр., „кашникъ Царя Алексѣя Михайловича“, „часы Матвѣева“), и о продажѣ съ аукціона предметовъ, *пожертвованныхъ* въ Музей; въ заключеніе же сѣтовалъ на то, что „время аукціона выбрано неудачно: съ двухъ до семи часовъ. Въ Петербургѣ въ четыре часа обѣдаютъ, и потому всѣ почти въ половинѣ аукціона уходятъ. Не лучше ли назначить продажу съ двѣнадцати до четырехъ или съ пяти до восьми? Въ эти часы аукціонная зала была бы полнѣе; можетъ быть, даже, что дамы стали бы вѣдить въ Музеумъ, узнавъ, что въ немъ есть чепцы и игрушки“. Между тѣмъ, К. Я. Булгаковъ писалъ брату 31-го марта 1834 г.: „Аукціонъ музея Свиньина начался. Множество всякій день тамъ бываетъ, и довольно продается дорого. Есть вещи очень любопытныя. Я не хожу и потому, что некогда, да и чтобы не соблазняться“ („Русск. Арх.“ 1904, кн. I, стр. 416). Несомнѣнно, что Пушкинъ былъ на аукціонѣ Свиньинскаго Музея, изъ котораго въ февралѣ 1833 г. получалъ копію съ Дневника Храповицкаго (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 6); къ особеннымъ же „рѣдкостямъ“ Музея онъ относился, вѣроятно, скептически, такъ какъ о самомъ Свиньинѣ былъ опредѣленнаго мнѣнія (см. выше, стр. 108) и еще въ 1832—1833 году далъ Гоголю тему „Ревизора“, наведенный на мысль о ней поведеніемъ именно Свиньина въ Бессарабіи, гдѣ онъ выдавалъ себя за важнаго чиновника (см. рассказъ Гоголя О. М. Бодянскому — „Русск. Стар.“ 1889 г., № 10, стр. 134, замѣтку П. О. Морозова въ сборн. „Пушкинъ и его современники“, вып. XVI, стр. 110—114, у Н. П. Барсукова: Жизнь и Труды М. П. Погодина, кн. IV, стр. 334, въ книгѣ В. И. Шенрока: Матеріалы для біографіи Гоголя, т. II, стр. 354 и особенно статью Н. О. Лернера: „Пушкинскій замыселъ Ревизора“ — въ газетѣ „Рѣчь“ 13-го мая 1913 г., № 128). Аукціонъ Музея закончился къ лѣту и Свиньинъ съ горечью писалъ И. М. Снегиреву: „Наконецъ о моемъ Русскомъ Музеумѣ можно сказать, что о Турецкомъ флотѣ подъ Чесмою — былъ. Его не стало, и можетъ быть надолго не выищется другой чудакъ, который бы подобно мнѣ употребилъ сотню тысячъ, 15 лѣтъ жизни и трудовъ для собранія образчиковъ Русской славы, просвѣщенія и ума! Когда уже дѣло сдѣлано, когда уже пособить нельзя — начали тужить, начали понимать дѣла мою и достоинства покойника, котораго при жизни — тѣснили, клеветали, огорчали! Увы, распродажа Музеума доказала мнѣ жалкую степень нравственности и образованности нашихъ бояръ и всего первокласснаго круга: вообразите, бывали случаи, что богачи приходили въ Музеумъ зѣвать или торговаться изъ копѣйки — за сторублевую картину, когда за часъ передъ тѣмъ заплатили Смурову 500 или 600 рублей за устрицы и шампанское“ (А. Ивановскій, Сборникъ матеріаловъ для біографіи Митр. Евгенія, С.-Пб. 1871, стр. XVI—XVII). Узнавъ о концѣ аукціона, И. И. Дмитріевъ 2-го августа 1834 г. поздравлялъ Свиньина „съ удачною продажею“, хотя и прибавлялъ: „а все жалъ музеума; по крайней мѣрѣ рукописи наши свое мѣсто“ („Русск. Стар.“ 1899 г., № 2, стр. 410); по-

слѣднія были пріобрѣтены, вмѣстѣ съ нѣкоторыми книгами и мозаичнымъ портретомъ Петра Великаго, работы Ломоносова, Россійскою Академіею, дѣйствительнымъ членомъ которой Свиньинъ состоялъ съ мая 1833 г. У Свиньина *), женатаго на Надеждѣ Аполлоновнѣ Майковой (теткѣ критика, поэта и академика Майковыхъ), въ 1834 г. былъ лишь одинъ сынъ — Аполлонъ (род. 1830) и дочери: Екатерина (род. 1829; съ 11-го октября 1848 г.— за извѣстнымъ писателемъ Алексѣемъ Теофилактовичемъ Писемскимъ) и Настасья (род. 1831). О Свиньинѣ см. очеркъ В. И. Сайтова въ примѣчаніяхъ къ I тому „Остафьевскаго Архива“, стр. 508—511, статью въ „Русск. Біографич. Словарѣ“, замѣтку Вл. В. Данилова въ „Русскомъ Архивѣ“ 1915 г. (кн. I, стр. 159—162) и статью его-же въ „Историч. Вѣстн.“ 1915 г., № 7, стр. 109—129; по поводу отысканной имъ въ „Дамскомъ Журналѣ“ 1825 г. (№ 22) сатиры на Свиньина г. Даниловъ недоумѣваетъ, — „составляя представленіе о Свиньинѣ по его литературному наслѣдію“, — „за что не любили его писатели и смѣялись надъ нимъ. Судя по его трудамъ, это былъ человекъ, любившій науку, живо интересовавшійся всѣмъ, доступнымъ его наблюденію, человекъ добрый и готовый помогать всякому, въ комъ онъ видѣлъ проблески мысли и талантливости. Кс. Полевой говоритъ также, что Свиньинъ былъ „плохой литераторъ“. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться: описанія городовъ и достопримѣчательностей Россіи, составленныя Свиньинымъ, даже теперь читаются не безъ занимательности, такъ какъ всюду въ нихъ виденъ живой, наблюдательный умъ“ („Русск. Арх.“ 1915 г., кн. I, стр. 162).

— (Стр. 129). О вызовѣ *Полевого* въ Петербургъ см. выше, стр. 129. Принадлежащую перу М. А. Дмитріева балладу-пародію „Новая Свѣтлана“, написанную на Полевого, см. въ „Русск. Арх.“ 1885 г., кн. I, стр. 649—659.

— (Стр. 13). *Гр. Строгановъ*—графъ Григорій Александровичъ (род. 13-го ноября 1770, ум. 7-го января 1857); сынъ барона Александра Николаевича Строганова (ум. 1789) отъ брака его съ Елизаветой Александровной Загряжской (ум. 28-го декабря 1831), родной теткой матери Н. Н. Пушкиной — Натальи Ивановны Гончаровой, рожд. Загряжской, — онъ приходился собственникомъ поэту; бывшій посланникъ въ Испаніи (1805—1810), Швеціи (1812—1816) и Турціи (1816—1822), онъ въ 1834 г. былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и членомъ Государственнаго Совѣта по Департаменту Государственной Экономіи. Въ молодые годы красавецъ собою, Строгановъ, по словамъ П. И. Бартенева, когда былъ посланникомъ въ Испаніи, „пользовался такою извѣстностью своими успѣхами въ поляхъ Цитерейскихъ, что у Байрона въ „Донъ-Жуанъ“ мать хвастаетъ передъ сыномъ своею добродѣтелью и говоритъ, что ея не соблазнилъ даже и графъ Строгановъ“ („Русск. Арх.“ 1908 г., III, стр. 294; 1899 г., кн. II, стр. 475). Дѣйствительно, въ строфѣ СХLIX Пѣсни первой „Донъ-Жуана“ (знакомой Пушкину еще съ 1821 г.), Джулія говоритъ своему мужу (а не мать сыну) въ доказательство своей вѣрности:

Шесть мѣсяцевъ вдыхалъ пѣвецъ Кацциани
У ногъ моихъ. „Изъ всѣхъ испанскихъ дамъ
Лишь непорочны вы“, — графъ Корніани

*) Его мать — Екатерина Юрьевна — была рожденная Лермонтова (Архивъ Департамента Герольдіи).

Такъ говорилъ.—За что же этотъ срамъ?

Графъ Строгановъ писалъ мнѣ рядъ посланій;

Осталась я глуха къ его мольбамъ. . .

Будучи женою, съ 1791 г., на княжнѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Грубецкой (ум. 1824) и имѣя отъ нея пять сыновей и дочь, графъ Строгановъ, въ бытность свою въ Испаніи, сошелся съ Португальскою графиней да-Ега, рожденной д'Альмейда, графиней д'Оейнгаузенъ (въ Россіи ее звали Юлія Петровна; она умерла въ 1864 г.), съ которою потомъ и обвѣнчался; у него была отъ нея побочная дочь Идалія Григорьевна Обортей (ум. 1889), бывшая замужемъ (съ 1829 г.) за кавалергардскимъ полковникомъ А. М. Полетикою *) и извѣстная своею гнусною ролью въ исторіи послѣдней дуэли Пушкина, когда она сводничала Н. Н. Пушкину съ Дантесомъ; Полетика, какъ кажется, мстила этимъ поэту, который „не внималъ сердечнымъ изліяніемъ невзрачной Идаліи Григорьевны и однажды, вѣдучи съ нею въ каретѣ, чѣмъ-то оскорбилъ ее“ („Русск. Арх.“ 1908 г., кн. III, стр. 295). П. И. Бартеневъ, печатавъ впервые письмо Пушкина къ графу Г. А. Строганову, говоритъ, что послѣдній „пользовался большимъ уваженіемъ двора и всего общества“ („Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1749). Равнымъ образомъ и по словамъ графини А. Д. Блудовой Строгановъ былъ „замѣчательная личность: въ немъ, какъ во многихъ вельможахъ, выросшихъ подъ конецъ царствованія Екатерины, было, несуществующее нынѣ, смѣшеніе совершенно иностраннаго воспитанія, привычекъ, склада ума съ чисто Русскою чуткостью въ политикѣ, сердечной горячностью къ родинѣ и глубокимъ чувствомъ достоинства Россіи. Въ разговорѣ, въ языкѣ, въ приемахъ — это былъ представитель либерально-аристократической молодежи Версальскаго двора; въ направленіи политическомъ, въ дипломатическихъ дѣлахъ это былъ представитель Русскаго Государя и Русскаго народа. „Онъ была послѣдній Русскій посоль въ Константинополь“,—говорили о немъ Славяне еще лѣтъ 20 назадъ, да еще въ такое время, когда сажали посоль въ Семибашенный замокъ, съ тѣмъ, чтобы, при объявленіи войны, обезглавить. А во время Крымской войны, въ глубокой старости, ослѣпшій, удалившійся отъ дѣлъ, онъ однажды всталъ, попросивъ руку у одного изъ своихъ гостей, „чтобы проводить слѣпого“, и вышелъ изъ собственной гостиной, сказавъ дерзкому иностранцу, что „онъ не останется въ одной комнатѣ съ посявителемъ, который осмѣливается при немъ сказать слово неуважительное про Россію“ („Русск. Арх.“ 1879 г., кн. III, стр. 484). О близости къ нему Пушкина рассказываетъ Н. М. Колмаковъ; говоря, что „въ средѣ графа Григорія Александровича, какъ замѣчательнаго Русскаго дипломата въ Наполеоновскую эпоху, состояли лучшіе люди своего времени, въ томъ числѣ и нашъ поэтъ А. С. Пушкинъ“,—онъ сообщаетъ, что графъ Г. А. Строгановъ жилъ на углу Невскаго проспекта и Михайловской улицы, въ домѣ графини Н. П. Строгановой, затѣмъ Волжско-Камскаго Банка („Русск. Стар.“ 1887 г., № 5, стр. 562); въ другомъ мѣстѣ онъ же пишетъ: „На дачѣ въ Строгановскомъ саду, направо съ мосту, на берегу, жилъ графъ Григорій Александровичъ Строгановъ. . . ; супругу его звали Юлія Петровна. Самъ онъ былъ слѣпецъ. У нихъ на дачѣ, со стороны сада, на балконѣ, часто можно было видѣть Александра

---

*) Набросанный Пушкинымъ портретъ Полетики находится въ Румянцовскомъ Музее: см. Отчетъ Музея за 1903 г., стр. 80.

Сергѣевича, бесѣдовавшаго со старикомъ. . . Фигура графа Григорія съ сѣдыми выщипанными волосами, въ бархатномъ длинномъ черномъ сюртукѣ, съ добродушною улыбкою, невольно останавливала вниманіе гулявшихъ въ саду. Особенно, когда вмѣстѣ съ нимъ былъ и поэтъ. Пушкинъ считалъ старика Строганова своимъ другомъ, каковымъ графъ себя и на дѣлѣ выказалъ впоследствии, когда Пушкинъ умеръ "... („Русск. Стар.“ 1891 г., № 6, стр. 671). Дѣйствительно, въ обстановкѣ предсмертной болѣзни и въ хлопотахъ по погребенію Пушкина графъ Строгановъ проявилъ себя попечительнымъ родственникомъ, принялъ на себя всѣ похоронныя издержки, а затѣмъ вступилъ членомъ въ опекунство надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина („Русск. Арх.“ 1879 г., кн. I, стр. 394; 1908 г., кн. III, стр. 294; „Пушкинъ и его соврем.“, вып. VI и XIII).

Листокъ Франкфуртскаго Журнала графъ Строгановъ прислалъ Пушкину незадолго до своего отъѣзда, съ женою, за границу („С.-Петербург. Вѣдом.“ 1834 г., № 92, приб., стр. 821). По поводу приведенной Пушкинымъ выписки корреспонденціи изъ Петербурга въ „Journal de Francfort“ Н. О. Лернеръ пишетъ: „Эта статья — рѣзкій отвѣтъ на „выдумку“ Польскаго патриота и историка Іоахима Лелевеля, приписавшаго Пушкину въ одной изъ своихъ филиппикъ противъ Русскаго правительства какія то „строфы“, проникнутыя революціоннымъ духомъ. Лелевель привелъ „Пушкинскія строфы“, какъ говоритъ написанная въ отвѣтъ ему статья, для того, чтобы иллюстрировать съ помощью ихъ политическое направленіе Русскаго молодежи. При этомъ Франкфуртскій Журналъ заступился за Пушкина, но крайне неумѣло и безтактно. „Не знаемъ, — писалъ онъ, — „сложили-ли А. Пушкинъ строфы, приведенныя Лелевелемъ, въ тѣ времена, когда его замѣчательный талантъ еще не перебродилъ и не избавился отъ накипи, но можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ увѣрить, что современемъ онъ раскается въ первыхъ опытахъ своей музыки, давшихъ врагу его отечества право видѣть въ немъ своего собрата по идеямъ и намѣреніямъ. Что касается до мнѣнія Пушкина о Польскомъ возстаніи, то оно выражено въ его пьесѣ „Клеветникамъ Россіи“, которую онъ въ свое время выпустилъ въ свѣтъ. Такъ какъ, однако, г. Лелевель, повидимому, обнаруживаетъ любопытство насчетъ судьбы поэта, „сосланнаго въ отдаленные края Имперіи“, то естественное человѣческое чувство заставляетъ насъ сообщить ему, что Пушкинъ живетъ въ Петербургѣ, часто бывая при Дворѣ и пользуясь милостію и расположеніемъ своего Государя“. Благодаря графа Г. А. Строганова за присылку Франкфуртскаго Журнала, Пушкинъ тогда же писалъ ему (по-французски — Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 96): „Мнѣ приходится очень печально расплачиваться за увлеченія своей юности. Объятія Лелевеля кажутся мнѣ тяжелѣе ссылки въ Сибирь. Впрочемъ, очень благодаренъ вамъ за то, что вамъ угодно было сообщить мнѣ эту статью: она послужитъ матеріаломъ для отповѣди“. Думая возразить Лелевелю, Пушкинъ переписалъ статью Франкфуртскаго Журнала, но возраженіе не было написано“. Какъ видно изъ замѣчанія Пушкина: „Дѣло идетъ о праздникѣ“ и т. д., поэтъ не совсѣмъ правильно думалъ, что праздникъ былъ устроенъ поляками-эмигрантами 1831 года „въ годовщину 14-го декабря“, — но онъ ошибался: изъ собранія рѣчей и статей Лелевеля, помѣщенныхъ въ польскомъ изданіи „Polska dzieje v rzezce jej rozpatrywane przez Joachima Lelewela“, том XX: „Mowy i pisma polityczne, dzieło postmiertne, wydane przez Rykaczewskiego“ (Poznan. 1864), находится, подъ XXXII главой, та рѣчь Лелевеля, въ которой онъ упоминалъ о Пушкинѣ. Это — „Рѣчь

произнесенная въ Брюсселѣ 25-го января 1834 г., въ годовщину сверженія Николая съ Польскаго престола, а также въ память Русскаго возстанія 1825 г. и гибели Русскихъ патріотовъ“. „Въ этой рѣчи (ор. cit., стр. 192—193 и 195—196)“, говоритъ Н. О. Лернеръ: „Лелевель два раза упоминаетъ о Пушкинѣ, выставляя его, какъ совершенно справедливо указалъ Франкфуртскій Журналъ, выразителемъ убѣжденій Русской молодежи. Вотъ что говоритъ онъ о Пушкинѣ и вотъ какія произведенія ему приписываетъ. „Недавно одинъ молодой Русскій поэтъ (внизу, подъ звѣздочкой: „Пушкинъ“) послалъ царю такую сказочку: Нѣкто, проходя мимо пещеры, услышалъ исходящій изъ ея глубины пронзительный крикъ, жалкіе стоны. Движимый чувствомъ человѣколюбія, онъ взялъ огонь, вошелъ туда и, къ великому удивленію своему, увидѣлъ, что какой то человѣкъ одинъ метался среди множества испуганныхъ людей, колотя, увѣча, терзая всѣхъ, кто попадался ему подъ руку. Такъ вотъ отчего эти люди кричать, вотъ отчего они стонуть! Но какъ только свѣтъ озарилъ эту поразительную сцену, всѣ сообразили, что палачемъ ихъ былъ всего только одинъ человѣкъ. Не ожидая никакого ободренія, они его связали, — и вопли захихали. Какъ только былъ внесень свѣтъ, спокойствіе и счастье водворились въ пещерѣ“. За эту сказочку царь послалъ молодого поэта въ самые отдаленные края государства. Русская молодежь поняла сказочку и примѣнила ее къ своему царю“ (стр. 192—193). Далѣе Лелевель знакомитъ слушателей съ содержаніемъ другой „сказочки Пушкина“, которую „упомянутый молодой поэтъ прислалъ царю изъ глубины изгнанія: „У одного короля былъ другъ, который давалъ ему добрые совѣты и говорилъ правду. Это такъ надоѣло королю, что онъ отдалилъ друга отъ себя. Отдѣленный отъ короля огромнымъ разстояніемъ, другъ уже не могъ подавать ему во-время свои совѣты,—и вотъ онъ прислалъ ему зеркало, которое показывало пороки тѣхъ, кто въ него глядѣлся. Король, скорѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ желанія исправиться, взглянулъ какъ-то въ зеркало. Но вмѣсто того, чтобы измѣниться къ лучшему, онъ тутъ же такъ разсердился, что разбилъ зеркало. Оно разлетѣлось на кусочки, и съ той поры каждый изъ этихъ осколковъ носитъ въ себѣ отдѣльное отраженіе пороковъ короля“. Правду повѣдалъ поэтъ, и ее испыталъ на себѣ Николай. Польская революція была для него этимъ зеркаломъ. Онъ ее разбилъ, а теперь, куда ни посмотреть онъ, ея разбросанные остатки вѣрно напоминаютъ ему о его поступкахъ“ (стр. 195—196). Обѣ „сказочки“, какъ первая, такъ и вторая, приписаны Пушкину неправильно; но относительно второй, дѣйствительно, упорно держалась традиція, приписывавшая ее Пушкину, что и отмѣчали различные любители, между прочимъ и П. А. Осипова, вносящія ее, подъ разными заглавіями („Деспотъ“, „Бичъ“) въ рукописные сборники стихотвореній; на самомъ дѣлѣ, какъ указалъ В. В. Каллашъ („Пушк. и его соврем.“, вып. V, стр. 111—115), — эта „сказочка“ ничто иное, какъ басня Сегюра „Дитя, Зеркало и Рѣка“, въ прозаическомъ русскомъ переводѣ помѣщенная еще въ 1802 г. въ „Новостяхъ Русской литературы на 1802 годъ“ (т. IV, стр. 65—66), а затѣмъ передоженная и въ стихи Денисомъ Давыдовымъ: „Рѣка и Зеркало“ (см. „Русск. Вѣстн.“, т. 84, стр. 70; „Русск. Стар. 1872 г.“, т. V, стр. 627; Сочиненія Д. В. Давыдова, ред. А. О. Круглаго, С.-Пб. 1893, т. I, стр. 14). — Можно легко себѣ представить, какъ взволновался Пушкинъ, узнавъ изъ корреспонденціи Франкфуртскаго Журнала о томъ, что говорилъ о немъ Лелевель на Польскомъ праздникѣ 25-го января (н. ст.) 1834 г.: онъ, по словамъ П. И. Бартенева, „всегда питалъ пламенную любовь къ оте-

честву, къ Русской славы и Русскому могуществу и не грѣшилъ противъ этого чувства ни посреди самыхъ оргій свободомыслія, ни въ своемъ тяжкомъ изгнаніи. Мы знаемъ, что въ Одессѣ, въ 1823 и 1824 г., Польскіе паны завлекали его къ себѣ, но онъ не обнаружилъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія. Отзывъ Лелевеля тѣмъ болѣе огорчилъ Пушкина, что тогда Русская кровь лилась *) въ Польшѣ“ („Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1748—1749). „Извѣстно“, говоритъ Н. О. Лернеръ: „отношеніе Пушкина къ Польскому возстанію, выразившееся въ гнѣвномъ посланіи „Клеветникамъ Россіи“. Графъ Е. Е. Комаровскій рассказывалъ, что во время возстанія какъ-то встрѣтилъ на прогулкѣ Пушкина, угрюмаго и взволнованнаго. „Отчего вы не веселы, Александръ Сергѣевичъ? — спросилъ онъ его. — „Да все газеты читаю“ — „Что жъ такое?“ — „Развѣ вы не понимаете, что теперь время чуть-ли не столь-же грозное, какъ въ 1812 году!“ — отвѣтилъ Пушкинъ“ („Русск. Арх.“ 1879 г., кн. I, стр. 385; „Девятнадцатый вѣкъ“, сборн. П. И. Баргенева, кн. I, стр. 386): Съ радостію узналъ Пушкинъ о взятіи Варшавы. „Вы были вѣстницею славы и вдохновеньемъ для меня“ — писалъ онъ А. О. Россетъ, сообщившей ему о паденіи возмутившагося города. Торжествуя взятіе Варшавы въ своей „Бородинской годовщинѣ“, онъ съ негодованіемъ обрушивается на „мутителей палатъ“ и „легкоязычіе витій“. Въ словахъ Лелевеля онъ справедливо увидѣлъ „легкоязычіе витій“, не только непріятно ему по духу, но еще опасное для него по тѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ, которыя оно могло наложить на голову Пушкина со стороны вѣчно державшихъ его подъ надзоромъ подозрительныхъ властей. Замѣтка Франкфуртскаго Журнала, не менѣе безтактная, чѣмъ выдумка (или ошибка) Лелевеля, тоже оказывала Пушкину плохую услугу, бросая на него тѣнь подозрѣнія, оставляя лишь подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ принадлежность его перу рассказанныхъ Лелевелемъ „сказочекъ“, вмѣсто того, чтобы прямо опровергнуть авторство Пушкина, и увѣряя, что онъ еще покается въ „грѣхахъ юности“. — Пушкинъ въ послѣдствіи говорилъ о Лелевелѣ съ С. А. Соболевскимъ и А. О. Смирновой (Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 275, 282), но Смирнова не приводитъ его отзывовъ о Польскомъ дѣятелѣ. Имя Лелевеля Пушкинъ упоминаетъ въ еще черновомъ наброскѣ: „Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ, Ты пилъ здоровье Лелевеля, Ты славилъ имя Лелевеля“ (см. „Историч. Вѣстн.“ 1905 г., № 8, стр. 620—623, и Сочиненія Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 467—468; о Лелевелѣ — библіографъ, историкъ, географъ, нумизматъ, археологъ, журналистъ и политикъ — см. еще „Русск. Арх.“ 1873 г., кн. I, стр. 213, „Русск. Стар.“ 1878 г., № 8, стр. 640 и сл., 1899 г., № 1, стр. 83 и 1903 г., № 12, стр. 602—603, Сочиненія Герцена, подъ ред. М. К. Лемке, т. XI, Пгр. 1919, стр. 110—111; у В. А. Францева, Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX стол., Прага. 1906, по указ., и Энциклопедію славянской филологіи, вып. I: И. В. Ягичъ, Исторія славянской филологіи, С.-Пб. 1910, стр. 150—156).

— (Стр. 14). *Концертъ для бѣдныхъ* былъ устроенъ въ пользу Патриотическаго Общества и прошель весьма успѣшно 13-го апрѣля. „Никогда“, писалъ о немъ К. Я. Булгаковъ брату въ Москву: „я не видалъ столько народа, какъ

*) Баргеньевъ говоритъ приведенныя слова по поводу письма (выше нами цитированнаго) Пушкина къ графу Г. А. Строганову, которое онъ неправильно отнесъ не къ 1834, а къ 1831 году—году Польскаго возстанія.

вчера въ концертѣ въ пользу Патріотическаго Общества. Я пребыла только начало, но не могъ снести жару и давку. Множество дамъ принуждены были стоять. Государь и Императрица удостоили концертъ своимъ присутствіемъ. Государь, пробывъ немного въ ложѣ, сошелъ въ залу съ Великимъ Княземъ и Наслѣдникомъ, и все время тамъ простояли. Весь beau monde былъ“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 417). Въ самый день концерта „Сверная Пчела“ помѣстила слѣдующее объявленіе: „Нынѣ, въ Пятницу, 13-го апрѣля, ожидаетъ любителей музыки и добрыхъ людей сугубое удовольствіе. Въ залѣ дома Г-жи Энгельгардтъ данъ будетъ концертъ Женскимъ Патріотическимъ Обществомъ *въ пользу школъ для бѣдныхъ*. Въ семъ концертѣ будутъ участвовать первѣйшіе любители музыки здѣшной столицы. Въ первой части, которая начнется увертюрою изъ Спонтиніевой Олимпіи, будетъ игранъ концертантъ [sic] для скрипки и виолончеля, Маурера; вариации на фортепіано, Герца; пѣты будутъ тріо изъ Оперы Chiara di Rosenberg, соч. Риччи, и хоры изъ Фенеллы.} Во второй части, послѣ увертюры Фра-Діаболо, играны будутъ тема съ вариациями для виолончеля, соч. Графа М. Ю. Вельгорскаго; фантазіи на Русскія пѣсни, для скрипки; пѣты: хоръ изъ Оперы Comte Ory, Россини, и гимнъ: Боже! Царя храни! — Начало въ 8 часовъ“ („Свѣ. Пчела“ 13-го апрѣля 1834 г., № 84, стр. 333). Черезъ два дня появился и отчетъ „О Концертѣ 13-го Апрѣля“, который мы здѣсь перепечатаваемъ, такъ какъ онъ прекрасно вводитъ въ среду тогдашняго общества и заключаетъ въ себѣ упоминаніе о многихъ личныхъ знакомыхъ и друзьяхъ Пушкина: „Музыкальные вечера нынѣшняго Великаго Поста, богатые, изящные, разнообразныя, заключены и увѣнчаны концертомъ, какой, смѣло можемъ сказать, едва-ли въ другой столицѣ Европы можетъ найти себѣ подражаніе. Онъ былъ данъ Женскимъ Патріотическимъ Обществомъ въ пользу содержимыхъ имъ частныхъ школъ и исполненъ не артистами, а любителями музыки. Многочисленное общество лучшаго круга столицы наполняло, въ точномъ смыслѣ этого слова, просторную залу. Дамы были въ самыхъ блистательныхъ нарядахъ. Въ Императорской ложѣ изволила быть Государыня Императрица; Государь Императоръ въ залѣ, посреди прочихъ жителей. Лишь только Августѣйшіе Посѣтители вступили въ залу, оркестръ грянулъ величественную увертюру Спонтиніевой Олимпіи. Первою за тѣмъ піеосою былъ концертантъ Маурера, разграниченный мастерски Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Львовымъ (на скрипкѣ) и Графомъ Матвѣемъ Юрьевичемъ Вельгорскимъ на виолончелѣ.—Ѳ. М. Толстой, Графъ Гритти и князь Г. П. Волконскій пропѣли въ совершенствѣ прекрасное тріо Риччи изъ комической Оперы: Chiara di Rosenberg, — перенесли насъ лукомъ подъ Итальянское небо, туда, гдѣ цвѣтутъ лимоны, гдѣ, на лонѣ вѣчно юной Природы, воздѣланы всѣ Искусства, услаждающія труженническую жизнь человѣка! — Дѣвица В. И. Кроткова съ удивительнымъ искусствомъ, чистотою и пріятностію играла на фортепіанѣ вариации Герца, извѣстныя здѣшной публикѣ по игрѣ первыхъ виртуозовъ и тѣмъ болѣе затруднительныя для пріобрѣтенія полнаго успѣха, которымъ была увѣнчана юная любительница. — Послѣ сего артисты на эстрадѣ посторонились,—и выступилъ рядъ молодыхъ дамъ и дѣвицъ [внизу, подъ звѣздочкой: „Княгини: А. Г. Лобанова, Е. П. Бѣлосельская, Графини: Н. П. Зубова, А. А. Бенкендорфъ, Н. А. Сологубъ, Княжны: О. П. Голицына, К. А. Лобанова, П. П. Вяземская, Л. И. Барятинская, Баронессы: К. Н. Меллеръ-Закомельская, О. Ѳ. Мейендорфъ, А. П. Фридриксъ, Е. П. Будбергъ; Г-жи К. А. Сухозанетъ, А. А. Оленина, А. А. Александрова, А. С.

Шереметева, Л. С. Волкова, М. и Н. О. Львовы, А. С. Уварова, Н. А. Соловова, М. Ю. Рубини, М. Н. Новосильцева“], въ бѣлой одеждѣ, за ними другой рядъ любителей пѣнія [внизу, подъ звѣздочкой: „В. А. Хвоцинскій, Графы: Мих. и Мат. Юр. Вьельгорскіе, А. Н. Сологубъ, Князья Г. и Е. Г. Гагарины, В. О. Одоевскій, Г. П. Волконскій, Г. А. А. Ниротморцевъ, Е. А. Челищевъ, И. и О. М. Толстые, М. Л. Яковлевъ, С. С. Волковъ, Г. Буке, Н. О. Ремеръ, Баронъ А. К. Иксуль, А. Е. Рихтеръ, Н. И. Ершовъ и Гг. Придворные пѣвчіе“]; они исполнили очень хорошо прелестный хоръ изъ Фенеллы. Громкія рукоплесканія наградили и искусство ихъ, и побѣду, одержанную чувствомъ благотворительности надъ скромностію, свойственною юнымъ любительницамъ. Вторая часть открылась увертюрою Фра-Діаволо. Графъ Матвѣй Юрьевичъ Вьельгорскій, со всегдашнимъ своимъ искусствомъ и успѣхомъ, разыгралъ на виолончелѣ тему и варіаціи, сочиненныя братомъ его, Графомъ Михайломъ Юрьевичемъ. — Любители музыки и Придворные пѣвчіе исполнили, съ неслыханною здѣсь чистотою и пріятностію, прекрасный хоръ Россини, изъ *Comte Ory*. — Засимъ послѣдовала фантазія на Русскія пѣсни, сочиненная и сыгранная Алексѣемъ Федоровичемъ Львовымъ. Сія піеса принята была публикою съ изъявленіемъ искренняго удовольствія. Русскія пѣсни, звуки, встрѣтившіе насъ въ колыбели, провожающіе насъ въ жизни, на чужбинѣ извлекающіе у насъ слезы умиленія, — переданы были симъ почтеннымъ любителемъ, и въ самыхъ смѣлыхъ прихотливыхъ варіаціяхъ, безъ малѣйшаго измѣненія ихъ характера. Мы слышали въ звукахъ волшебной скрипки Львова, какъ Русскій пѣвецъ *заливается* протяжными тонами, какъ переходитъ отъ унынія къ отрадной веселости. И притомъ, въ собственномъ исполненіи, въ механизмѣ игры, — какая вѣрность, чистота, легкость, нѣжность, пріятность, сила! Этотъ любитель музыки, безъ всякаго сомнѣнія, по признанію всѣхъ его совѣтниковъ, первый у насъ виртуозъ на скрипкѣ. — Концертъ былъ заключенъ гимномъ: *Боже, Царя храни!* *) исполненнымъ тѣми же любителями и любительницами. Пѣніе ихъ, звучное, чистое, гармоническое, одушевленное присутствіемъ Того, Кто былъ его предметомъ, Кому сіи чистые голоса отъ искреннихъ сердецъ выражали любовь и вѣрность Россіи, пріяно было всѣми присутствовавшими съ единодушнымъ и единогласнымъ восторгомъ. Надлежало повторить гимнъ, и чувства всей публики излились при семъ случаѣ громогласными восклицаніями. — Прелестные звуки умолкли, блистательное собраніе разсѣялось, великолѣпное освѣщеніе потухло; но зерно, брошенное въ землю, прозябаетъ и приноситъ плоды. Бѣдныя сироты, лишенныя средствъ къ физическому и нравственному существованію, нынѣ призрѣнныя, воспитанныя, осчастливленныя, будутъ въ теченіе всей жизни благословлять тѣхъ, которые наслажденіе Изыщными Искусствами превратили въ прекраснѣйшее средство исполнять первый долгъ Христіанской любви — благотворить сирымъ и бѣднымъ“ („Свѣ. Пчела“ 16-го апрѣля 1834 г., № 86, стр. 341—342).

— (Стр. 14). *Будущій балъ* — по случаю совершеннолѣтія Наслѣдника Александра Николаевича (см. ниже). „Въ Свѣтлое Воскресенье, въ половинѣ второго часа пополудни“, сообщалъ брату своему К. Я. Бугаковъ: „вѣрно собираться во дворецъ по случаю совершеннолѣтія Наслѣдника. Вотъ тебѣ цере-

*) Лишь недавно сочиненнымъ тѣми же А. О. Львовымъ. Б. М.¹

моніаль. . . Нести корону будеть Мордвиновъ, а скипетръ кн. Кочубей съ ассистентами“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 417).

— (Стр. 14). *Княгиня К. Ѡ. Долгорукая* — Екатерина Ѡеодоровна, Долгорукова, рожд. княжна Барятинская (род. 29-го октября 1769, ум. 30-го октября 1849), дочь оберъ-гофмаршала, убійцы Императора Петра III князя Ѡ. С. Барятинскаго, вдова (съ 1812 г.) д. тайнаго совѣтника князя Василя Васильевича Долгорукова (за котораго вышла въ январѣ 1786 г.), съ 1816 г. — кавалерственная дама ордена св. Екатерины 2 класса, съ 22-го августа 1826 г. — статсъ-дама, — мать оберъ-штаб-лейстера и Петербургскаго Губернскаго Предводителя Дворянства князя Василя Васильевича Долгорукова (род. 1787, ум. 1858, — см. выше, стр. 77—78), устраивавшаго балъ отъ Дворянства для Наслѣдника Александра Николаевича. — „Во время второй Турецкой войны“, говоритъ биографъ княгини Долгоруковой: „она послѣдовала за мужемъ въ армію Потемкина и провела зиму 1790 года въ Бендерахъ, въ обществѣ другихъ извѣстныхъ красавицъ, оживлявшихъ лагерную жизнь свѣтлѣйшаго. Потемкинъ серьезно увлекался ею: давалъ въ честь ея роскошные праздники въ своемъ дворцѣ-землянкѣ, на которыхъ она появлялась въ костюмѣ одалиски; малѣйшія ея прихоти исполнялись какъ бы волшебствомъ. . . Всѣми мѣрами стараясь снискать ея благосклонность, Потемкинъ, по увѣренію современниковъ, ускорилъ штурмъ Измаила, чтобы дать ей зрѣлище атаки крѣпости, и, какъ говорятъ, совершенно напрасно и преждевременно отпраздновалъ свою побѣду надъ ея сердцемъ ночью тревогой со стопушечной пальбой и батальнымъ огнемъ“ (Великій Князь Николай Михайловичъ, Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, т. I, С.-Пб. 1905, № 85). „Знаменитый Потемкинъ“, рассказываетъ художница Виже-Лебрень:— „тотъ самый, который желалъ, чтобы слово „невозможно“ было вычеркнуто изъ грамматики, былъ страстно влюбленъ въ княгиню Долгорукую, и великолѣпіе, которое онъ расточалъ, выражая свою любовь, превосходитъ всѣ чудеса „Тысячи и одной ночи“. Когда, послѣ путешествія Екатерины въ Крымъ, князь Потемкинъ остался на югѣ командовать войсками, многие изъ состоявшихъ при немъ генераловъ привезли своихъ женъ. Въ это время онъ и познакомился съ княгинею Долгорукою. Княгиня носила имя Екатерины, и когда наступилъ день ея именинъ, князь задалъ большой обѣдъ, какъ бы въ честь Государыни. За обѣдомъ онъ помѣстилъ княгиню возлѣ себя. За десертомъ поданы были хрустальные чаши, наполненныя брилліантами, которые раздавались дамамъ цѣлыми ложками. Когда царица пиршества замѣтила такую роскошь, Потемкинъ тихо ей сказалъ: „Вѣдь я праздную ваши именины, — чему же вы удивляетесь?“ Ему все было ни по-чemu, лишь бы удовлетворить желанію, капризу обожаемой имъ женщины. Однажды, узнавъ, что у нея не случилось бальныхъ башмаковъ, которые она обыкновенно выписывала изъ Парижа, онъ послалъ за ними нарочнаго, и тотъ скакалъ и день и ночь и привезъ-таки башмаки къ сроку“ („Древняя и Новая Россія“ 1876 г., кн. III, стр. 192). „Одна изъ первыхъ красавицъ своего времени“, читаемъ въ другой ея биографіи: „Княгиня Долгорукая блистала при дворѣ Екатерины. Въ арміи подъ Очаковымъ, гдѣ она была съ мужемъ, у ея ногъ лежалъ самъ великолѣпный князь Тавриды и творилъ, по ея капризу, всякія безумства, встрѣтивъ съ ея стороны необычную и непривычную для него неприступность. Даже сравнительно уже не въ молодыхъ годахъ княгиня сохранила свою красоту и продолжала одерживать побѣды за границей, куда должна была удалиться въ царствованіе Павла“ („Русскіе портреты“, т. IV, № 19).

О других угождениях Потемкина едва выраженным прихотям княгини Е. О. Долгоруковой рассказывает еще Л. Н. Энгельгардт (Записки, М. 1860, стр. 88—89), граф В. А. Соллогуб (Воспоминания, С.-Пб. 1887, стр. 198—201) и князь П. А. Вяземский (Сочинения, т. VIII, стр. 87—88). По выражению князя И. М. Долгорукова, „она неподобно была хороша лицом и станом“, но дама была „разсвѣнная“, т. е. любила разсвѣнія, веселья (Записки, Пгр. 1916, стр. 119, 164—165). Виже-Лебрень, написавшая ей портретъ въ костюмѣ Сивиллы, такъ описываетъ ея наружность: „Красота ея меня поразила: черты ея лица были строго классическія, съ примѣсью чего-то еврейскаго, особенно въ профилѣ; длинныя темно-каштановыя волосы падали на ея плечи; талія ея была удивительная, и во всей ея особѣ было столько же благородства, сколько и граціи“. Соединяя съ красотою умъ, веселость и обворожительную любезность, кн. Долгорукая была окружена толпою обожателей, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ Австрійскій посоль графъ Кобенцель, слѣдовавшій за нею, какъ тѣнь. Обладая сценическимъ талантомъ, она ввела въ моду въ Петербургѣ домашнія представленія и живыя картины, въ которыхъ постоянно участвовала. Въ Парижѣ, гдѣ у нея было много друзей, кн. Долгорукая заняла выдающееся положеніе. Парижане очень заинтересовались ея внѣшностью, яркими туалетами и драгоценностями, которыми она любила себя осыпать. Ея острый умъ, блестящія и кокая рѣчи привлекали на ея вечера современныхъ знаменитостей Парижа: Ривароль, Лагарпъ, аббатъ Делиль, графъ Сегюръ, Виже-Лебрень были постоянными посѣтителями ея салона; она была дружна и съ г-жею Рекамье. При первомъ появленіи своемъ при дворѣ перваго консула [Бонапарта] она произвела большой эффектъ своимъ высокимъ ростомъ, осанкою и великолышними брильянтами“ („Русскіе портреты“, т. I, № 85). Затѣмъ она жила въ Италиі, откуда вернулась въ Россію и овдовѣла. До глубокой старости княгиня пользовалась большимъ почетомъ въ свѣтѣ и при дворѣ и до послѣднихъ годовъ жизни присутствовала на придворныхъ торжествахъ, являясь живой хроникой конца XVIII вѣка, и рассказы ея слушались съ интересомъ. Французскій путешественникъ виконтъ д'Арленкуръ, посѣтившій Петербургъ лѣтомъ 1842 г., оставилъ восторженный отзывъ о княгинѣ Долгоруковой (см. „Le réferin. L'étoile polaire. Par le vicomte d'Arlaincourt, vol. I, Paris. 1843, p. 177 и 180). Дядя поэта В. А. Пушкинъ въ молодые годы былъ знакомъ съ княгинею Долгоруковою, которой писалъ французскіе стихи, сохранившіеся до насъ лишь въ отрывкѣ, приводимомъ по памяти княземъ П. А. Вяземскимъ („Русск. Арх.“ 1876 г., кн. III, стр. 161; Сочинения, т. VIII, стр. 489). Воспоминанія современниковъ говорятъ о красавицѣ княгинѣ Долгоруковой, какъ о женщицѣ, любившей мужа, вѣрной ему и отклонявшей ухаживанія Потемкина, — такъ что отзывъ о ней Пушкина, быть можетъ, и несправедливъ.

— (Стр. 14). О красавицѣ графинѣ Оеклѣ Игнатьевнѣ *Шуваловой*, рожд. Валентиновичъ, въ 1-мъ бракѣ княгинѣ Зубовой, см. выше, стр. 76.

— (Стр. 14). О вызовѣ *Н. А. Полевого* въ Петербургъ см. выше, стр. 129; онъ выѣхалъ изъ Петербурга обратно въ Москву уже 1-го апрѣля 1834 г., т. е. за двѣ недѣли до записи Пушкина.

— (Стр. 14). Уже 17-го апрѣля, т. е. черезъ сутки по отъѣздѣ жены и дѣтей въ Москву, а затѣмъ въ Ярополецъ и Полотняный Заводъ, Пушкинъ писалъ ей нѣжное письмо: „Что, женка? каково ты ѣдешь? что-то Сашка и Машка? Христось съ вами!“ и т. д. Это письмо открываетъ собою длинный

рядъ прелестнѣйшихъ писемъ поэта къ женѣ за апрѣль, май, іюнь, іюль и начало августа, — время, которое онъ провелъ въ Петербургѣ одинъ, въ торопавомъ печатаніи „Исторіи Пугачевского бунта“. Письма эти во многомъ дополняютъ, а кое-въ чемъ повторяютъ записи Пушкинскаго Дневника, и мы ими пользуемся, какъ параллельными сообщеніями, вводящими насъ тѣснѣе въ кругъ тогдашнихъ интересовъ и переживаній поэта.

— (Стр. 14). *Дворянскій балъ*, на который былъ приглашенъ Пушкинъ, былъ назначенъ на 29-е апрѣля, по случаю совершеннолѣтія Наслѣдника Александра Николаевича (см. выше, стр. 156—157, и стр. 16, въ записи Пушкина подъ 3-мъ мая).

— (Стр. 14). *Графъ Литта* — Юлій Помпеевичъ (род. въ Миланѣ 1/13-го апрѣля 1763, ум. 24-го января 1839), въ 1834 г. старшій оберъ-камергеръ Высочайшаго Двора (съ 1826 г.), членъ Государственнаго Совѣта и Предсѣдатель Коммиссіи для построенія Исаакіевскаго собора; Пушкинъ былъ подчиненъ ему, какъ камеръ-юнкеръ, обязанный исполненіемъ нѣкоторыхъ официально-стей придворной жизни, вродѣ присутствованія на церковныхъ службахъ, царскихъ выходахъ и приемахъ, торжествахъ и балахъ; этими обязанностями поэтъ очень тяготился, считая ихъ неприличными его лѣтамъ, и всячески старался избѣжать ихъ; такъ, напр., чтобы не присутствовать на торжествѣ открытія Александровской колонны, онъ уѣхалъ въ деревню (см. стр. 21, запись 28-го ноября 1834 г.). При Екатеринѣ II адмиралъ и Георгіевскій кавалеръ, Литта при Павлѣ былъ „Намѣстникомъ“ Великаго магистра Мальтійскаго Ордена, за тѣмъ — шефомъ Кавалергардскаго корпуса, а съ 1811 г. — членомъ Государственнаго Совѣта и съ 1830 г. — Предсѣдателемъ Департамента Государственной Экономіи того-же Совѣта. — В. В. Ленцъ такъ описываетъ графа Литту, съ которымъ познакомился какъ разъ въ 1834 году: „Графу Литтѣ было около 70 лѣтъ, но въ парикѣ онъ казался не старше 50-ти. Онъ былъ исполинскаго роста и такъ же толстъ, какъ Лаблашъ, но болѣе подвиженъ и съ ногъ до головы вельможа. Онъ носилъ обыкновенно вицъ-мундиръ съ самыми старшими Русскими орденами... Литта имѣлъ обыкновеніе повторять каждое слово: bonjour, bonjour, oui, oui и т. д. голосомъ, звукъ котораго походилъ на звукъ органа, когда прижмешь педаль. Онъ достигъ высшихъ должностей благодаря только долголѣтней службѣ... Онъ былъ ревностный посѣтитель театровъ, и надо было видѣть, какъ онъ аплодировалъ и вызывалъ актеровъ. Тутъ онъ былъ снисходителенъ... Онъ былъ вдовецъ и жилъ одинъ, но роскошно, въ домѣ своемъ на Англійской набережной“ („Русск. Арх.“ 1878 г., кн. I, стр. 447—448). Литта былъ женатъ (съ 31-го октября 1798 г.) на вдовѣ графинѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Скарвонской, рожд. Энгельгардтъ (ум. 7-го февраля 1829 г.), племянницѣ Потемкина, принесшей съ собою огромнѣйшее состояніе; бракъ ихъ былъ воспѣтъ Державинимъ (Сочиненія, ред. Я. К. Грота, т. II, стр. 198—202) и былъ счастливъ, хотя у Литты и были побочные сыновья, носившій фамилію-анаграмму Атиль, и дочь. Императрица Александра Θεодоровна въ раннихъ воспоминаніяхъ своихъ пишетъ: „Мама [Императрица Марія Θεодоровна] часто приглашала графа и графиню Литта; трудно было встрѣтить болѣе красивую и бѣлолицую старушку, нежели графиня Литта; она блистала въ юности при Дворѣ Екатерины II своей красотой и въ качествѣ племянницы князя Потемкина. Рожденная Энгельгардтъ, по первому мужу графиня Скарвонская, она вышла вполсѣдствіи замужъ, по любви, за графа Литту, итальянца по происхожденію, который поступилъ одновре-

менно на службу къ Россіи и къ своей женѣ, такъ какъ онъ оказывался ея покорнѣйшимъ слугою и первымъ повѣреннымъ по ея дѣламъ и дѣйствительно умѣлъ ихъ вести“ („Русск. Стар.“ 1896 г., № 10, стр. 56—57). „Третьяго дня было 25 лѣтъ женитбы графа Литты“, писалъ К. Я. Булгаковъ своему брату 2-го ноября 1823 г.: „Онъ подарилъ женѣ діадемъ жемчужный со всѣми принадлежностями, цѣною въ 280 тысячъ. Чтò всего замѣчательнѣе, это то, что чистыми деньгами тотчасъ за него заплатилъ. Ужасно, какъ богатъ!“ („Русск. Арх.“ 1903 г., кн. I, стр. 483). Когда онъ умеръ, П. Г. Дивовъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Сегодня скончался оберъ-камергеръ графъ Литта, которому было болѣе 80 лѣтъ. Онъ пользовался прекраснымъ здоровьемъ и умеръ отъ обжорства. Его кончина не можетъ считаться потерей для государства. Онъ дѣлалъ добро ради тщеславія, а не по чувству, и первый внушилъ молодежи мысль подражать заграничнымъ модамъ“ и т. д. („Русск. Стар.“ 1902, № 9, стр. 640). Біографъ его даетъ такой его портретъ: „Колоссальнаго роста и богатѣрскаго сложенія, подъ старость тучный, графъ Литта имѣлъ въ молодости привлекательное лицо, голосъ его „гремѣлъ, какъ труба Архангела при второмъ пришествіи“. До глубокой старости сохранилъ онъ бодрость и крѣпкое здоровье: „Я чувствую себя свѣжимъ, толстымъ, колоссальнымъ; найдите другого человѣка, которому въ мои годы не нужны очки. Я не придерживаюсь никакой діеты, ѣмъ, пью, чтò мнѣ нравится, и во всякіе часы“. Онъ бывалъ на балахъ, при Дворѣ, имѣлъ даже счастье считаться еще женихомъ“ (подъ 70 лѣтъ), не оставялъ до конца дней службы, ибо „половъ иллюзіи, что въ состояніи еще что-нибудь сдѣлать и быть полезнымъ“ странѣ и Государю. Оригиналь во многомъ, врагъ безумной роскоши, онъ любилъ много и хорошо поѣсть; мороженое было его любимымъ лакомствомъ, и онъ истреблялъ его неизмѣримое количество. Говорятъ, что передъ смертью онъ съѣлъ цѣлую форму въ 10 порцій...“ (Великій Князь Николай Михайловичъ, Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, т. I, № 29).

— (Стр. 14). *О К. А. Нарышкинѣ*, извѣстномъ острякѣ, см. выше, стр. 111. Въ письмѣ къ женѣ отъ 17-го апрѣля 1834 г. Пушкинъ, давая женѣ отчетъ о своемъ „холодномъ житьѣ-бытьѣ“, писалъ между прочимъ: „Третьяго дня возвратился я изъ Царскаго-села въ 5 часовъ вечера, нашель на своемъ столѣ два билета на балъ 29-го апрѣля и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что Государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камеръ-героу и камеръ-юнкеровъ и что онъ велѣлъ намъ это объявить. Литта во дворцѣ толковалъ съ большимъ жаромъ. Il y a cependant pour les Messieurs de la Cour des règles fixes, des règles fixes. На что Нарышкинъ ему замѣтилъ: Vous vous trompez: c'est pour les demoiselles d'honneur. Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ или Реймарсомъ — ни за какія благополучія! — J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говорить m-r Jourdain“ (Переп., Акад. изд., т. III, стр. 98). Каламбуръ К. А. Нарышкина впослѣдствіи былъ приписанъ самому Пушкину: „Мнѣ рассказывалъ въ 1838 году Гончаровъ, братъ Пушкиной, сцену, бывшую у Пушкина съ графомъ Литтою, оберъ-церемоніймейстеромъ“, — читаемъ въ рукописи неизвѣстнаго лица изъ собранія С. Д. Полторацкаго: „Литта однажды вздумалъ сдѣлать Пушкину замѣчаніе на-

счетъ несоблюденія имъ формъ и сказала: „Il y a des règles pour tout, mon cher ami“. Пушкинъ вспыхнулъ и сказалъ ему: „Pardon, Monsieur le comte, je pensais toujours qu'il n'y avait des règles que pour les mesdemoiselles d'honneur!“ Вотъ какъ онъ исполнялъ свою должность“ („Русск. Стар.“ 1892 г., № 7, стр. 31).

— (Стр. 14). Слухъ объ изданіи *указа* о запрещеніи русскимъ подданнымъ жить за границей вскорѣ оправдался, хоть и не вполне: см. стр. 16, запись подъ 3-мъ мая, и ниже, стр. 169.

— (Стр. 14). *Сувор.* [?]*—* Фамилія Пушкинымъ не дописана и начало ея написано неясно; прежніе издатели читали: См. (т. е. Смирнова — изд. Просвѣщ., т. VI, стр. 557), С. (изд. Суворина, подъ ред. П. А. Ефремова, т. V, стр. 649), Сух[елень?] (изд. Брокгауза, подъ ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 445); мы читаемъ: Суворова, ставя эту запись Пушкина въ соотношеніе съ записью подъ 6-мъ марта 1834 г. (стр. 8) о связи княгини С. съ графомъ В.—У княгини Суворовой, какъ мы указывали выше (стр. 93), 2-го октября 1834 г. родился сынъ князь Аркадій; однако, вопреки намекамъ городскихъ сплетенъ, за девять мѣсяцевъ до этого, въ январѣ 1834 г., мужъ княгини, князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, былъ въ Петербургѣ: въ формулярномъ спискѣ его (въ Архивѣ Государственнаго Совѣта) указано, что съ 21-го октября 1833 до 20-го января 1834 г. онъ находился, по Высочайшему повелѣнію, при Принцѣ Оранскомъ, во время пребыванія Его Высочества въ Петербургѣ и что, между тѣмъ, 10-го декабря 1833 г. онъ былъ командированъ съ особымъ порученіемъ въ Валаамскій монастырь и порученіе это окончилъ въ началѣ января; съ 17-го же марта по 1-е августа 1834 г. Суворовъ былъ въ отпуску. Рожденію у него сына было придано общественное значеніе: въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Придворной Канторѣ, въ бытность Императора Николая въ Берлинѣ въ гостяхъ у тещи, отъ 2/14-го ноября 1834 г., было изображено: „Сына Флигель-Адъютанта, Полковника Князя Италійскаго Графа Суворова-Рымникскаго — Аркадія, рожденію коего обезпечивается продолженіе знаменитаго рода Генералиссимуса Суворова, Всемилостивѣйше пожаловали Мы въ Каммеръ-Пажи Двора Нашего“ („Сѣв. Пчела“ 26-го ноября 1834 г., № 269, стр. 1073).

— (Стр. 15). *Середа на святой недѣлѣ* приходилась 25-го апрѣля, а Воскресеніе Христово — 22-го апрѣля. „Церемоніаль присяги Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича по совершеннолѣтію“, назначенной на 22-е апрѣля, въ 1½ дня, въ Зимнемъ Дворцѣ, „въ присутствіи членовъ Синода, придворныхъ чиновъ, знатныхъ обоего пола особъ и чужестранныхъ пословъ и министровъ“, — см. въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1834 г., 21-го апр., № 91, стр. 361—362; описаніе самаго торжества присяги Наслѣдника Александра Николаевича (род. 17-го апрѣля 1818) — въ № 92, стр. 365—367 и № 93, стр. 369—370. Жена своей Пушкинъ писалъ 22-го апрѣля: „Нынче“ Великій Князь присягалъ; я не былъ на церемоніи, потому что репортуясь больнымъ, да и въ самомъ дѣлѣ не очень здоровъ . . . Наслѣдникъ былъ очень тронутъ; Государь также. Вообще, говорить, все это произвело сильное дѣйствіе. Съ одной стороны я очень жалѣю, что не видалъ сцены исторической, и подъ старость нельзя мнѣ будетъ говорить объ ней, какъ свидѣтелю“ (Переп., Акад. изд., т. III, стр. 102). Самъ Императоръ-отецъ писалъ фельдмаршалу Паскевичу по поводу присяги: „Да поможетъ Всемилостивый Богъ сыну сдѣлаться достойнымъ своего высокого и тяжелаго назначенія; церемонія была прекрасная и растрогала всѣхъ“ (Князь Щер-

батовъ, Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, Приложенія къ V тому, С.-Пб. 1896, стр. 231). — Фрейлина А. С. Шереметева такъ описываетъ эту „трогательную церемонію“: „Церемонія была очень торжественная и блестящая. Церковь полна народу, почти биткомъ. Государь и Императрица были очень взволнованы, также и Великій Князь Михаилъ, во время принесенія присяги передъ Крестомъ и Евангелиемъ. Наслѣдникъ читалъ самъ громкимъ голосомъ. Онъ былъ такъ взволнованъ, что посреди чтенія рыданія помѣшали ему продолжать, голосъ прерывался слезами, и ему нѣсколько разъ пришлось повторить фразу. Всѣ присутствующіе прослезились. Послѣ молебна и вечеромъ весь Дворъ перешелъ въ Георгіевскую залу, въ которой онъ опять присягалъ въ присутствіи всѣхъ военныхъ“ („Архивъ села Михайловскаго“, т. II, вып. I, С.-Пб. 1902, стр. 46). Тѣ же подробности, что у Пушкина и у Шереметевой, даетъ и хроникѣрь „Сѣверной Пчелы“, въ № 92, гдѣ помѣщено (стр. 365—367) описаніе торжества, а также сенаторъ П. Г. Дивовъ въ своемъ дневникѣ — „Русск. Стар.“ 1900 г., № 6, стр. 189—190; см. также въ Запискахъ графа А. Х. Бенкендорфа — у Н. К. Шильдера: Императоръ Николай I, С.-Пб. 1903, т. II, стр. 683—685. Текстъ обѣихъ присягъ Цесаревича см., между прочимъ, въ той-же „Сѣв. Пчелѣ“ отъ 26-го апрѣля 1834 г., № 92, стр. 366 и 367 и въ № 96 „С.-Петербур. Вѣдомостей“ отъ 28-го апрѣля, стр. 373. На торжество присяги Жуковский написалъ особую Пѣснь, которую графъ Михаилъ Юрьевичъ Вѣльгорскій тогда же положилъ на музыку („Сѣв. Пч.“ 1834 г., № 108, стр. 430 и № 110, стр. 437 и № 121, стр. 482).

— (Стр. 15). *Филаретъ* — Митрополитъ Московскій и Коломенскій, Архимандритъ Троице-Сергіевой лавры, членъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ, извѣстный духовный витія и богословъ. Текстъ молитвы, написанной имъ и прочтенной передъ самымъ произнесеніемъ присяги Наслѣдника, см. въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 28-го апрѣля 1834 г., № 96, стр. 373; въ ней, однако (по крайней мѣрѣ, въ опубликованной редакціи), нѣтъ выражений, дававшихъ поводъ къ остромамъ, о которыхъ рассказываетъ Пушкинъ. Письмо Филарета на имя Московскаго Генераль-Губернатора князя Д. В. Голицына, отъ 23-го апрѣля 1834 г., съ описаніемъ торжества присяги (съ тѣми же подробностями, что и у другихъ очевидцевъ) опубликовано въ „Сѣверной Пчелѣ“ отъ 7-го мая 1834 г., № 101, стр. 402—403.

Текстъ для пареміи былъ выбранъ Митрополитомъ Филаретомъ не изъ книги Царствъ, какъ сказалъ Пушкинъ, а изъ Книги Паралипоменонъ*): здѣсь въ книгѣ Первой, въ главѣ 28-й, стихъ 1-й читается, въ Кіевскомъ изданіи (1899 г.) Русскаго перевода Библии: „И собралъ Давидъ въ Іерусалимѣ всѣхъ вождей Израильскихъ, начальниковъ коленъ и начальниковъ отдѣловъ, служившихъ царю, и тысяченачальниковъ, и стоначальниковъ, и завѣдывавшихъ всѣмъ имѣніемъ и стадами царя и сыновей его съ *внухами*, военачальниковъ и всѣхъ храбрыхъ мужей“...; въ Лондонскомъ же изданіи Русскаго перевода (цитируемъ по изданію Общества распространенія Библии въ Британіи и другихъ странахъ, 1874 г.) слово *внухъ* замѣнено другимъ: „И собралъ Давидъ въ Іерусалимѣ всѣхъ начальниковъ Израильскихъ, начальниковъ племенъ и начальниковъ отдѣловъ, служившихъ царю, и тысяченачальниковъ и сотниковъ, и

*) Пушкинъ могъ ошибиться потому, что и въ той, и въ другой книгѣ повѣствуется объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ правленія Царей Израильскихъ и тѣмъ же слогомъ.

начальствовавших надъ всѣмъ имѣніемъ и стадами царя и сыновей его, также придворныхъ людей и всѣхъ отличныхъ людей“; дѣйствительно, въ еврейскомъ языкѣ, какъ поясняютъ спеціалисты, слово *евнухъ* равнозначуще съ понятіемъ „придворный, камергеръ“; это, вѣроятно, и дало поводъ къ падкому на каламбуры К. А. Нарышкину сравнить евнуховъ съ камергерами.

— (Стр. 15). О К. А. *Нарышкинѣ*, оберъ-гофмаршалѣ и извѣстномъ острякѣ, см. выше, стр. 111. По случаю празднованія совершеннолѣтія онъ получилъ, при грамотѣ отъ 21-го апрѣля 1834 г., орденъ св. Владимира 1-й степени („С.-Петербург. Вѣдом.“ 1834 г., № 99).

— (Стр. 15). О многихъ царскихъ *милостяхъ*, „изліянныхъ, по выраженію „Свѣрной Пчелы“, на`достоянныхъ вѣрнопоподанныхъ“, свидѣлствуютъ №№ 92, 93, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 101, 102 этой газеты и №№ 93—94, 95, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 111, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 126 и 127 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ которыхъ постепенно печаталось о рескриптахъ, производствахъ въ чины и придворныя званія и о награжденіи орденами лицъ военныхъ и гражданскихъ по случаю совершеннолѣтія Наслѣдника Престола. Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Сенату 21-го апрѣля, было изображено: „Въ ознаменованіе совершенной признательности Нашей и особеннаго благоволенія къ Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Князю Кочубею за оказанныя имъ, въ продолженіе многолѣтней службы его, важныя Престолу и Отечеству заслуги, Мы признали справедливымъ Всемилостивѣйше пожаловать его Государственнымъ Канцлеромъ по дѣламъ Внутренняго Гражданскаго Управленія“ („Свѣ. Пчела“ 1834 г., № 93, стр. 369 и № 95, стр. 378). См. выше, подъ 19-мъ іюня (стр. 19), запись о смерти князя Кочубея. Жень своей Пушкинъ сообщалъ 22-го апрѣля: „Кочубей сдѣланъ канцлеромъ; множество милостей; шесть фрейлинь, между прочими твоя пріятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская все нѣтъ. Жаль и досадно“.

— (Стр. 15). *Мердеръ* — Карлъ Карловичъ (род. 8-го января 1788), съ 12-го іюля 1824 г.—Воспитатель Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, генераль-адъютантъ, генераль-маіоръ. Онъ умеръ въ Римѣ 24-го марта 1834 г. послѣ пятидневной горячки, причиненной простудой, и Пушкинъ писалъ жень: „Еще црвость: Мердеръ умеръ, это еще тайна для Великаго Князя, и отравить его юношескую радость“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 103); о томъ же писалъ и Императоръ Николай фельдмаршалу Паскевичу: „Получилъ я прискорбное для насъ извѣстіе о кончинѣ почтеннаго генерала Мердера; я скрывалъ ее отъ сына, ибо не знаю, какъ бы онъ вынесъ; эта потеря для него невозвратная, ибо онъ былъ ему всѣмъ обязанъ и 11 лѣтъ былъ у него на рукахъ“ (Князь Щербатовъ, Генераль-фельдмаршалъ Князь Паскевичъ, Приложенія къ т. V, С.-Пб. 1896, стр. 231). „Покинувъ холодный климатъ Петербургскій“, — читаемъ въ некрологѣ Мердера, принадлежащемъ перу его сотрудника — Жуковскаго: „для возстановленія силъ своихъ, разстроенныхъ припадками болѣзни, уже неисцѣлимой, хотя еще не смертельной, онъ провелъ все лѣто прошедшаго года на водахъ въ Бадень-Баденѣ; осенью переселился въ Италію, прожилъ всю зиму въ Римѣ, въ началѣ весны посѣтилъ Неаполь и, возвратившись въ Римъ, собирався уже послѣ Пасхи отправиться снова къ водамъ въ Германію, дабы потомъ ѣхать обратно въ Россію. Но Провидѣнію угодно было устроить иначе . . . 18-го числа,

по словам находившагося при Мердере его друга А. В. Устинова: „въ самый день Пасхи, пошелъ онъ на площадь св. Петра смотрѣть церемонію Папскаго благословенія, былъ бодръ и веселъ, но, разгоряченный сильнымъ жаромъ того дня, вѣроятно простудился ввечеру, когда осматривалъ иллюминацію купола Базилики, ибо, возвратясь домой, почувствовалъ сильную усталость и расслабленіе, легъ въ постелю и болѣе уже не покидалъ ея. На другой день открылась жестокая горячка. Лучшіе доктора Рима были призваны, но напрасно: ничто уже не могло спасти его“... („Сѣв. Пчела“ 7-го мая 1834 г., № 101, стр. 401—402). Авторъ некролога передаетъ, что послѣдними словами Мердера, которыя произносилъ онъ уже тупѣющимъ языкомъ въ то время, когда прерывалось дыханіе и смерть къ нему приближалась, были: „Александръ... Александръ“. Онъ, дѣйствительно, былъ очень привязанъ къ своему воспитаннику, при которомъ провелъ неотлучно 10 лѣтъ. „Отмѣнно здравый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенныя съ холодною твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души“, — таковы были, по словамъ некролога, „отличительныя черты его характера. Съ сими свойствами, дарованными Природою, соединялъ онъ ясныя правила, извлеченныя имъ изъ опытовъ жизни, правила, отъ коихъ ничто, никогда не могло отклонить его въ поступкахъ. Спокойно и смиренно дѣйствовалъ онъ въ кругу своихъ обязанностей, руководимый одною совѣстью, вѣрный долгу, безъ честолюбія, безъ видовъ корысти, строгій съ самимъ собою и удивительно добродушный съ другими. Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ при Великомъ Князѣ, конечно, оставили глубокіе слѣды на душѣ его Воспитанника, но въ данномъ имъ воспитаніи не было ничего искусственнаго, — вся тайна состояла въ благодѣтельномъ, тихомъ, но безпрестанномъ дѣйствіи прекрасной души его, дѣйствіи, которое можно сравнить съ благораствореніемъ воздуха, необходимымъ для жизни и полнаго развитія растенія. Его Питомецъ былъ любимъ нѣжно, жилъ подъ святымъ вліяніемъ прямодушія, честности, благородства; онъ окруженъ былъ порядкомъ; самая строгость принимала съ нимъ выраженія нѣжности; онъ слышалъ одинъ голосъ правды, видѣлъ одно безкорыстіе“. Съ этою характеристикою Жуковскаго, подтверждаемою и отзывомъ Пушкина, сходятся свидѣтельства и другихъ современниковъ Мердера; Жуковскому, по его должности Наставника Наслѣдника, пришлось работать съ Мердеромъ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, и онъ очень любилъ и уважалъ его, — о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ письма его къ Мердеру, бумаги послѣдняго (см. журн. „Жизнь“ 1898 г., № 1), а также записи Жуковскаго въ альбомѣ, подаренномъ имъ своему ученику въ день его совершеннолѣтія: въ нихъ поэтъ, высказывая свои мысли по поводу этого событія, старался утѣшить Великаго Князя въ его „первомъ несчастіи жизни“ — потерѣ любимаго воспитателя (см. „Русск. Стар.“ 1902 г., № 4, стр. 167—176, статья А. А. Омина), „безцѣннаго Карла Карловича“, какъ онъ называлъ его въ своихъ нѣжныхъ къ нему письмахъ (см. ихъ въ „Русск. Стар.“ 1886 г., № 2, 5 и 6). Впрочемъ, П. И. Бартеневъ называетъ Мердера „человѣкомъ добрымъ, но слащавымъ и весьма тѣснаго круговора“ („Русск. Арх.“ 1888 г., кн. I, стр. 622—623). О смерти Мердера Наслѣднику объявили лишь 3-го мая, о чемъ Императоръ писалъ Паскевичу: „Бѣдный сынъ мой въ большемъ горѣ: вчера мы объявили ему о потерѣ ген. Мердера, — потеря невозвратная и самая для него чувствительная“ (Князь Щербатовъ, Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, Приложенія къ т. V, С.-Пб., 1896, стр. 232). О томъ, какъ Наслѣдникъ принялъ грустную для него

вѣсть, см. еще въ „Русск. Стар.“ 1886 г., № 6, стр. 707—709. Подробный дневник Мердера за 1826—1832 г., посвященный специально описанію ученія и поведенія Наслѣдника, напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1885 г. См. еще книгу „Годы ученія Великаго Князя Александра Николаевича“ — въ „Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ.“, т. XXX. Дневникъ дочери Мердера, фрейлины Маріи Карловны (род. 1815, ум. 1870), за 1834, 1835—1838 г., съ упоминаніями о Пушкинѣ, — см. въ „Русск. Стар.“ 1900 г., № 2, 7, 8.

— (Стр. 15). *Аракчеевъ* — графъ Алексѣй Андреевичъ (род. 23-го сентября 1769, ум. 21-го апрѣля 1834; ср. выше, стр. 9 и 105); послѣдніе годы жизни онъ прожилъ въ с. Грузинѣ, не у дѣль, нося лишь званіе члена Государственнаго Совѣта. Современниковъ, тотчасъ послѣ его смерти, волновалъ вопросъ о томъ, какъ бездѣтный и очень богатый Аракчеевъ распорядился своимъ состояніемъ: „Говорятъ послѣ гр. Аракчеева не нашли никакихъ распоряженій на счетъ имѣній“, — писалъ брату К. Я. Булгаковъ, — „стало, только и есть указъ покойнаго Государя Сенату, коимъ утверждается духовная, которую представилъ графъ, и графское достоинство перейти должно было къ тому, кого онъ избреть своимъ наслѣдникомъ. Но духовной нѣтъ... Впрочемъ, у него есть братъ, стало, есть и наслѣдникъ“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 417. Ср. стр. 17, запись 12-го мая 1834 г., и стр. 177). Новгородскій гражданскій губернаторъ Августъ Ульяновичъ Дефферъ пріѣзжалъ къ Дмитрію Николаевичу Блудову, какъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ за указаніями относительно бумагъ и имущества Аракчеева, но Блудовъ не пожелалъ вмѣшиваться въ распоряженія, не касавшіяся его прямо, и направилъ губернатора къ Главному Начальнику III Отдѣленія, Командующему Императорскою Главною Квартирою и Шефу жандармовъ графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, который выступалъ на сцену во всѣхъ случаяхъ, когда требовалось принять какія-либо секретныя мѣры въ дѣлахъ деликатнаго свойства. По словамъ Пушкина, въ Грузино посланы были: клевреть Аракчеева — генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель (впослѣдствіи графъ; ум. 3-го февраля 1869 г., 75 л.), въ 1834 г. бывший дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба Е. И. В. и Управляющимъ Временнымъ Департаментомъ созданныхъ Аракчеевымъ военныхъ поселеній, и Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ, тогда полковникъ л.-гв. Преображенскаго полка и флигель-адъютантъ, состоявшій при Принцѣ Петрѣ Ольденбургскомъ. Лично извѣстный Императору Николаю со дня 14-го декабря 1825 г., когда Игнатьевъ и командуемая имъ рота Преображенцевъ выказали особенную вѣрность ему, какъ претенденту на престолю, онъ съ 23-го мая 1834 г. былъ Директоромъ Пажескаго Корпуса; пробывъ въ этой должности 12 лѣтъ, Игнатьевъ впослѣдствіи былъ членомъ Государственнаго Совѣта и Предсѣдателемъ Комитета Министровъ и въ 1877 г. возведенъ въ графское достоинство; умеръ 20-го декабря 1879 г., 82 лѣтъ. Клейнмихель возвратился изъ Грузина въ Петербургъ 25-го апрѣля 1834 г. („Сѣв. Пчела“ 1834 г., № 98, стр. 390). По случаю смерти Аракчеева Пушкинъ писалъ женѣ 22-го апрѣля 1834 г.: „Аракчеевъ также умеръ. Объ этомъ во всей Россіи жалѣю я одинъ. Не удалось мнѣ съ нимъ свидѣться и наговориться“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 102). Объ Аракчеевѣ и его отношеніяхъ къ Александру I см. статью въ сборникѣ А. А. Кизеветтера: „Историческіе очерки. Изъ исторіи политическихъ идей...“, М. 1912, стр. 287—401.

— (Стр. 16). *Минувшее торжество* — присяга Наслѣдника; см. выше, стр. 161.

— (Стр. 16). *Смирнова*—Александра Осиповна (см. выше, стр. 99). Пушкинъ былъ у нея 27 апрѣля (Переписка, т. III, стр. 106). Многочисленные друзья этой очаровательной женщины, воспѣтой, какъ извѣстно, и Пушкинымъ („Ея глаза“, „Въ альбомѣ“, „Экспромпт“), — имѣли серьезныя основанія опасаться за ея здоровье и за благополучный исходъ предстоявшихъ ей родовъ. Въ октябрѣ 1832 г. Смирнова перенесла крайне тяжелые роды, о которыхъ князь Вяземскій сообщалъ А. И. Тургеневу въ слѣдующихъ трогательныхъ и нѣжныхъ выраженіяхъ: „А мы здѣсь сколько настрадались! Голубушка Смирниха напугала насъ ужасно. Роды ея были самые бѣдственныя: дѣлали ей нѣсколько операцій, промучилась она 45 часовъ, и, наконецъ, должны были раздвинуть въ ней голову ребенка и вытащить его мертвымъ. Теперь она спасена и ей лучше. По крайней мѣрѣ жизнь спасена, а съ здоровьемъ Богъ знаетъ, что будетъ. Какъ скоро можно будетъ, ее повезутъ въ Берлинъ; можетъ быть, еще и въ концѣ нынѣшняго года. Голубушка выдержала всѣ мученія, всѣ истязанія съ ангельскимъ терпѣніемъ и съ геройскимъ мужествомъ. Доктора говорятъ, что никогда не видали они ничего подобнаго, и что спасена она твердостью своею и присутствіемъ духа. Не могу выразить тебѣ, какимъ умиленіемъ и благоговѣніемъ былъ я исполненъ къ ней во всю эту эпоху ожиданій, страха и надеждъ! Удивительно, какъ во все это предпоследнее время возмужала она умомъ и укротилась нравомъ“ („Остафьевскій Архивъ“, т. III, стр. 211—212). Зиму и лѣто 1833 года Смирнова, дѣйствительно, провела за границей, откуда вернулась въ Петербургъ въ августѣ и, — къ радости всѣхъ друзей своихъ, — выздоровѣвшей (тамъ-же, стр. 219, 225, 238, 242, 244, 251). Въ началѣ 1834 г. тотъ же Вяземскій сообщалъ Тургеневу: „Наша черненькая опять принялась за старое и ходить съ брюшкою. Дай Богъ ей въ добрый часъ!“ (тамъ-же, стр. 254), а въ концѣ марта подтверждалъ извѣстіе: „Смирниха, нечего грѣха таить, . . . переваливается съ брюшкою“ (тамъ же, стр. 257). Опасенія, высказанныя Пушкинымъ на страницахъ дневника 1834 г. и въ письмахъ къ женѣ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 114, 116, 122), были не напрасны: она едва не умерла въ родахъ; по крайней мѣрѣ А. Я. Булгаковъ писалъ своей дочери 29-го июня 1834 г.: „Ты помнишь несчастныя роды Смирновой-Россети. Говорили, что если она еще заброхатветъ то это уже къ смерти неминуемой. Бывъ брюхата въ Италіи, она ѣхала въ Россію съ тѣмъ, чтобы дома, по крайней мѣрѣ, умереть; но въ Берлинѣ доктора, изслѣдовавъ ее, рѣшили, что все въ порядкѣ и что она благополучно родить. Она родила дочь очень хорошо, но очень испугалась, видя, что брюхо не опадаетъ; ей сказали, что есть другой ребенокъ; это сильно ее испугало, она родила вторую дочь съ трудомъ. Когда все кончилось, радость ея была такъ велика, и она столько плакала отъ радости и отъ испуга, что съ ней сдѣался обморокъ, который продолжался два часа. Думали, что она умерла, такъ какъ она пришла въ себя только послѣ того, какъ ее положили въ ванну изъ самыхъ сильныхъ снадобій; судя по послѣднимъ извѣстіямъ, она совсѣмъ здорова“ („Русск. Арх.“ 1906 г., кн. II, стр. 425—426). Пушкинъ, находившійся въ Петербургѣ въ это время, съ своей стороны увѣдомлялъ жену о благополучномъ исходѣ родовъ: „Смирнова родила благополучно, и вообрази: двойнхъ. Какова бабенка, и каковъ красноглазый кроликъ Смирновъ? — Перваго ребенка такого сдѣлали, что не пролѣзъ, а теперь принуждены на двое раздѣлить. Сегодня, кажется, девятый день — и слышно, мать и дѣти здоровы“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 133; ср. еще сообщенія о ней стр. 154, 156, 161). Но сообщеніе было вѣрно

только отчасти: одна новорожденная дочь, Ольга (род. 18-го июня 1834) осталась жить, была впоследствии фрейлиной, памятна своимъ, столь недобросовѣстнымъ участіемъ въ „обработкѣ“ Записокъ матери (которыя она такъ запутала, что въ нихъ нельзя отдѣлать подлинную истину отъ вымысла, ею приплетеннаго) и умерла въ Парижѣ 13-го декабря 1893 г.; а другая, неизвѣстная намъ по имени, скончалась, вѣроятно, вскорѣ же послѣ рожденія, хотя еще 23-го октября Вяземскій писалъ Тургеневу, что „Смирнушка и ея два котеночка здравствуютъ. Она щебечетъ обо всемъ съ прежнею прелестью и часто кормить меня и поить матеріально и умственно“ („Остаф. Архивъ“, т. III, стр. 261, 628). Здоровье матери было, однако, и на этотъ разъ сильно подорвано, и ей снова пришлось уѣхать за границу; однако уже лѣтомъ 1835 г. Вяземскій успокаивалъ Тургенева, сообщая ему, что „здоровье ея, сказываютъ, поправилось, а особенно расположеніе духа, которое было очень мрачно: она все боялась сойти съ ума“ (тамъ-же, стр. 267; ср. еще стр. 273, 277, 292, 299, 315, 319). Въ 1836 г. (2-го августа) у Смирновой родилась дочь Софья (ум. 1884), въ 1855 г. вышедшая замужъ за церемоніймейстера князя Андрея Васильевича Трубецкаго (род. 1824, ум. 1881), въ 1840 г. (3-го августа) — дочь Надежда, впоследствии вышедшая за англичанина Сорѣна и умершая 7-го мая 1899 г.; былъ у нея еще сынъ Михаилъ (род. въ Калугѣ 29-го мая 1847, ум. въ Одессѣ 29-го января 1889 г.), женатый на Тимашевой и имѣвшій сына Георгія, который въ 1897 г. былъ студентомъ Петербургскаго Университета („Русск. Арх.“ 1897 г., кн. III, стр. 378; ср. „Гол. Мин.“ 1917 г., № 11—12, стр. 148).

— (Стр. 16). *Балъ, данный дворянствомъ* Петербургской губерніи въ спеціально для того устроенной А. П. Брюкловымъ залѣ въ домѣ оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича Нарышкина (на Фонтанкѣ, между Симеоновскимъ и Аничковымъ мостами, — см. „Сѣв. Пчела“ 1834 г., № 97, стр. 386 и № 100, стр. 397), по случаю совершеннолѣтія Наслѣдника, былъ не 28-го, какъ записалъ Пушкинъ въ дневникъ своею недѣлю спустя, а 29-го апрѣля, въ воскресенье. „На качеляхъ не являлся“; писалъ Пушкинъ женѣ своей 28-го апрѣля: „завтра будетъ балъ, на который также не явлюсь. Этотъ балъ кружить всѣ головы и сдѣлался предметомъ толковъ всего-города. Будетъ 1,800 гостей. Разчислено, что, полагая по одной минутѣ на карету, подъѣздъ будетъ продолжаться 10 часовъ; но кареты будутъ подъѣзжать по 3 вдругъ, слѣдственно время втрое сократится *). Вчера весь городъ ѣздилъ смотрѣть залу, кромѣ меня“; черезъ день поэтъ уже давалъ отчетъ о балѣ. „Вчера былъ, наконецъ, Дворянскій балъ. Съ шести часовъ начался подъѣздъ экипажей. Я пошелъ бродить по городу и прошелъ мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиція съ нимъ шумѣла. Иллюминацію приготовляли. Не дождавшись сумерковъ, пошелъ я въ Англ. клубъ“; въ другомъ письмѣ отъ того же 30-го апрѣля поэтъ писалъ женѣ: „Поговорю тебѣ о балѣ вчерашнемъ, о которомъ весь городъ говоритъ, и который, сказываютъ, очень удался. Ничего нельзя было видѣть великолѣпнѣе. Было и не слишкомъ тѣсно, и много мороженого, такъ что мнѣ бы очень было хорошо. Но я былъ въ народѣ, и передо мною весь городъ проѣхалъ въ каретахъ (кромѣ поэта Кукольника, который проѣхалъ въ какомъ-то старомъ фургоны, съ какимъ-то оборваннымъ мальчикомъ на запяткахъ; что было истинное поэтическое явленіе). О туалетахъ я справлюсь и дамъ тебѣ знать“ (Переписка, Акад. изд.,

*) Ср. въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1834 г., № 100, стр. 398, примѣч., такой-же расчетъ.

т. III, стр. 106, 107, 108). „Ну ужъ балъ былъ вчера!“, — восклицалъ неизбѣжный посьтитель всѣхъ торжественныхъ собраній К. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату 30-го апрѣля: „Дворянство подлинно отличилось. Я не знаю, чего тутъ не доставало, развѣ птичьего молока. Такъ хорошо было все устроено, что мы, и вообще всѣ, подѣхали безъ малѣйшей остановки, тогда какъ было кареть, можетъ быть, 800 или болѣе, и полагали, что часа два останемся въ дорогѣ. Иллюминація была превосходная, внутреннее освѣщеніе чудесное, уборная комната Императрицы вся въ цвѣтахъ, а въ срединѣ боскетъ изъ настоящаго виноградника съ висячими кистями винограда. Для Великой Княгини Елены Павловны также была сдѣлана прекрасная уборная. Ихъ Величества изволили прибыть въ 10 часовъ съ Наслѣдникомъ и Великими Князьями. Было очень много, а нельзя сказать, чтобы была тѣснота. Зала, вновь выстроенная для ужина Брюловымъ, также прекрасная; жаль, ее ломаютъ, ибо деревянная. Танцовали много. За ужиномъ пѣли Гайнфатеръ и Карлъ. Кромѣ сей залы и другой, которая въ домѣ, проломлена была дверь въ сосѣдній домъ, гдѣ были накрыты столы, говорятъ, всего 1200 приборовъ. . Разные мундиры, и губернскіе, и отставные, и множество дамъ и очень хорошенькихъ, новыя лица, — все это напоминало мнѣ Москву. Я замѣтилъ это и Государю, который отвѣчалъ: „Правда. А, Москва! Какъ всегда пріятно мнѣ объ ней вспомнить“. Спросилъ объ васъ всѣхъ. Мы уѣхали тотчасъ послѣ ужина въ 3 часа. Описание этого достопамятнаго праздника, вѣроятно, будетъ въ „Сѣверной Пчелѣ“: я тамъ видѣлъ Греча; слѣдовательно я только скажу, что праздникъ этотъ въ родѣ тѣхъ, кои мы видѣли во время коронаціи [1826 г.], но еще великолѣпнѣе, ибо стоилъ 140.000 рублей“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 418). Въ „Сѣверной Пчелѣ“, дѣйствительно, было помѣщено описаніе „Праздника“ (№ 100, отъ 5-го мая, стр. 397—399), составленное въ напыщенныхъ, высокопарно-сентиментальныхъ выраженіяхъ официальнаго паѳоса, и заключавшееся утверженіемъ, что „вообще праздникъ, данный Санктпетербургскимъ Дворянствомъ, отличавшійся великолѣпиемъ, изяществомъ, роскошью, изобиліемъ, веселостью и примѣрнымъ порядкомъ, не имѣлъ себѣ на нашемъ вѣку подобнаго въ здѣшней столицѣ“. „Общее веселіе, возбуждаемое звуками радости и торжества“, — писала газета Булгарина и Греча: „соединило всѣхъ присутствующихъ какъ бы въ единое семейство. Взоры всѣхъ обращались на Государя, раздѣлявшаго удовольствіе сего вечера съ добрыми и вѣрными своими подданными; на юнаго Наслѣдника Его, который съ живою безпечноію младыхъ лѣтъ, какъ прекрасный мотылекъ порхалъ въ прелестномъ саду. И дѣйствительно, большая зала представляла самый очаровательный, движущійся цвѣтникъ! Хозяйкою бала была Штатсъ-Дама Княгиня Екатерина Ѳедоровна Долгорукова [ср. выше, стр. 157], а помощницами ея: сурруги Церемоніймейстера Князя Юсупова, Генераль-Маіора Графа Строганова, Церемоніймейстера Графа Шувалова [ср. выше, стр. 76] и Каммеръ-Юнкера Дурнова. Помощницы сія отличались голубымъ шарфомъ, надѣтымъ чрезъ плечо“... „Не одно высшее общество праздновало сей день“, читаемъ далѣе: „весь народъ допущенъ былъ принять въ немъ участіе. На противоположномъ берегу Фонтанки горѣла великолѣпная иллюминація, представлявшая вензеля Ихъ Императорскихъ Величествъ и Наслѣдника, окруженные гербами уѣздовъ С.-Петербургской губерніи. По Фонтанкѣ развѣзжали иллюминированныя разноцвѣтными фонарями шлюпки, съ которыхъ пѣсенники купца В. Г. Жукова [извѣстнаго табачнаго фабриканта] наполняли воздухъ радо-

стными изліяніями Русскихъ сердець, счастливыхъ и воспоминаніемъ прошедшаго, и наслажденіями настоящаго, и свѣтлыми надеждами въ будущемъ! Несмѣтная толпа народа кипѣла вокругъ дома и по обѣимъ берегамъ Фонтанки; посреди ея тянулись непрерывными рядами экипажи зрителей, и при всемъ томъ не произошло никакого несчастія, никакого непріятнаго случая“. — „С.-Петербургскія Вѣдомости“ также помѣстили описаніе праздника 29-го апрѣля—въ № 108, отъ 12-го мая 1834 г., стр. 421—422 (съ подп. К. М.—К. П. Масальскій?); см. еще Воспом. В. И. Панаева — „Русск. Стар.“ 1892 г., № 12, стр. 479—480.

— (Стр. 16). *О К. К. Мердерѣ* см. выше, стр. 163—164.

— (Стр. 16). Въ манифестѣ Петра III отъ 18-го февраля 1762 г., — такъ называемой жалованной грамотѣ „о дарованіи вольности и свободы всему Россійскому дворянству“, пунктъ 4-й гласилъ: „Кто пожелаетъ отъѣхать въ другія Европейскія государства, — такимъ давать изъ Иностранной Коллегіи паспорта безпрепятственно; но какъ только нужда потребуетъ, и по надлежащемъ обнародованіи, всѣ дворяне, находящіеся внѣ Государства Нашего, обязаны возвратиться, подъ страхомъ секвестра имѣнія“ (М. Яблочковъ, *Исторія дворянскаго сословія въ Россіи*, С.-Пб. 1876, стр. 509; А. Романовичъ-Славатинскій, *Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка...*, изд. 2-е, Кіевъ. 1912, стр. 199—202, 204). Несмотря на то, что Александръ I, особымъ манифестомъ отъ 2-го апрѣля 1801 г., подтвердилъ жалованную грамоту Петра III и своимъ Императорскимъ словомъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ обѣщаль не отнимать преимуществъ, данныхъ дворянству, Николай I не разъ нарушалъ, болѣе или менѣ существеннымъ образомъ, дворянскія права: такъ, въ 1831 г. былъ данъ указъ, коимъ запрещалось „юношей моложе 18 лѣтъ отправлять за границу для усовершенствованія въ наукахъ“ (2-е П. С. Зак., № 4.364), въ 1832 г. — повелѣніе о неувольненіи никого безъ Высочайшаго дозволенія за границу (П. С. Зак., № 5342), а 17-го апрѣля 1834 г. нарушено было право свободнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, ибо срокъ дозволеннаго пребыванія за границей былъ ограниченъ для дворянъ 5 годами, а для лицъ прочихъ сословій 3-мя (тамъ-же, № 5.994); ср. мнѣніе по этому поводу Н. С. Мордвинова, отъ апрѣля 1834 г., — „Архивъ графовъ Мордвиновыхъ“, т. VIII, стр. 447—449.

— (Стр. 16). *Екатерингофское гулянье 1-го мая* происходило въ прежнее время въ саду около построенаго Петромъ Великимъ, въ 1711 г., и украшеннаго при Елисаветѣ Петровнѣ, дворца. Въ 1796 г. Екатерингофъ былъ присоединенъ къ городу, затѣмъ, съ 1804 г., находился въ вѣдѣніи извѣстнаго вельможи графа А. С. Строганова; „лучшее же устройство дворцовому зданію и окружающему его саду, который служить жителямъ Петербурга любимымъ мѣстомъ гулянья“, говоритъ И. И. Пушкиревъ въ своемъ „Описаніи Петербурга“ (С.-Пб. 1839, стр. 317): „предоставлено бывшимъ здѣшнимъ Военнымъ Генераль-Губернаторомъ Графомъ Милорадовичемъ“ (онъ, какъ извѣстно, былъ смертельно раненъ во время возстанія 14-го декабря 1825 г.), который началъ приводить Екатерингофъ въ благоустроенный видъ въ 1823 году, и въ 1824 г. тамъ было уже многое сдѣлано. „Вчера я былъ на пасмурномъ гуляньѣ“, писалъ А. И. Тургеневъ князю П. А. Вяземскому 2-го мая 1824 г.: „Отдѣлка онаго графомъ Милорадовичемъ не совсемъ поспѣла, но уже дорожки и пріюты веселящимся были полуготовы. Будетъ хорошо къ будущему маю, но все холодно и пасмурно. Мы пріѣхали

туда водой обѣдать“ („Остафьевскій Архивъ“, т. III, стр. 39). Дѣйствительно, Екатерингофскій садъ вскорѣ былъ приведенъ въ блистательное положеніе: былъ вырытъ каналъ, очищены пруды, перекинуты мостыки, проведены аллеи и дороги и вновь построены различныя зданія, бесѣдки и проч.; изъ зданій замѣчательнѣйшимъ былъ вокзалъ, воздвигнутый архитекторомъ Монферраномъ; сверхъ того, одновременно было посажено болѣе тысячи новыхъ деревъ, — и Екатерингофъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ и любимѣйшихъ общественныхъ садовъ, особенно оживляясь 1-го мая изстари заведеннымъ народнымъ гуляньемъ въ память побѣды Петра I въ 1703 году (В. О. Михневичъ, Петербургъ весь на ладоши, С.-Пб. 1874, ч. I, стр. 119). Въ одномъ близкомъ по времени къ Пушкину французскомъ Путеводителѣ Екатерингофское гулянье 1-го мая сравнивалось съ Парижскимъ Long-Champ: „коляски тянутся туда лентою, самыя красивыя экипажи выводятъся для этого изъ своихъ сараевъ, — и вся роскошь русскихъ баръ выказываетъ тамъ то, что у нея есть самаго блестящаго. Императоръ и Императрица подають въ этомъ примѣръ, — и толпа народу тамъ бываетъ весьма значительная. Кавалькады скачутъ между экипажами, пѣшеходы заполняютъ дорожки напротивъ, — кажется, что вся столица отправилась въ Екатерингофъ, чтобы привѣтствовать первый лучъ весенняго солнца и улыбнуться первымъ распускающимся бутончикамъ“. „Однако, осторожно замѣчаетъ авторъ, необходимо, чтобы погода была благопріятна въ этотъ день“ (Guide du voyageur à St.-Pétersbourg, изд. F. Bellizard, St.-Pétersbourg. 1840, р. 310). Современное возрожденію Екатерингофа восторженное описаніе его, принадлежащее перу Булгарина, было помѣщено имъ въ „Литературныхъ Листкахъ“ 1824 г., ч. II, № VIII, стр. 291—312). Тогда же и пресловутый графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ воспѣлъ Екатерингофъ въ своихъ дубоватыхъ стихахъ, изданныхъ отдѣльно подъ заглавіемъ: „Майское гулянье въ Екатерингофѣ 1824 года. Графу Милорадовичу“; А. И. Тургеневъ писалъ о нихъ иронически: „Прелесть! Давно онъ такъ самъ себя не выражалъ въ своихъ произведеніяхъ, какъ въ сей прогулкѣ воображенія. Пришлю, если успѣю, нѣсколько счастливыхъ стиховъ. „Отечественныя Записки“, вѣроятно, сберегутъ это сокровище вполнѣ“ („Остаф. Архивъ“, т. III, стр. 40). Стихотвореніе вошло во II томъ Полнаго собранія стихотвореній графа Хвостова (С.-Пб. 1829 г.) и занимаетъ въ немъ 18 страницъ; приводимъ лишь самое начало его:

Источникъ радостей — цвѣтень!
 Я — твоего участникъ пира;
 Тебѣ хвалу бряцаетъ лира,
 Твой воспѣвая красный день.
 Уже зима поспѣшнымъ бѣгомъ,
 Почуя Феба заговоръ,
 Летитъ въ ущелья дальныхъ горъ
 Съ своимъ дворомъ — морозомъ, снѣгомъ.
 О Май! — владычество весны! —
 Наперсникъ милый древней Лады!
 Тобою вновь дышать отрады,
 Цвѣтки въ подножіе даны.
 Весна!... пиръ цвѣля природы,
 Весна!... настали хороходы,

Весна!... и зашумѣли воды.
Весною птички по утрамъ
Поютъ съ восторгомъ пѣснь Аврорѣ,
Поютъ, какъ Фебъ, спускаясь въ море,
Ввѣряетъ лучъ златый водамъ.
Зефиры нѣжные, крылаты,
Въ торжественный гулянья день
На воздухъ сыплотъ ароматы,
Качая бѣлую сырень.
Петрополь, въ мѣрѣ знаменитый,
Волною царственной омытый, —
Широкихъ множество просѣкъ,
Въ гранитъ почивальни рѣкъ,
И подвиговъ трофеи ясны,
И храмы, зданія прекрасны,
Гдѣ воцарились миръ и вкусъ,
Гдѣ при Невѣ селенье Музъ
И въ свѣтѣ первая столица, —
На Майя первое число
Пуста, какъ въ жатвы день село;
Сокрылись всадникъ и возница,
Не слышно стука отъ каретъ,
Все тихо, спитъ на перспективѣ;
Старикъ, отброся вихрь суетъ,
Съ подругою не юныхъ лѣтъ,
Унылой жизни при отливѣ
На канапе самъ-другъ сидитъ,
И, тускло видя все, глядитъ

и т. д. и т. д., въ томъ-же родѣ (и столь-же вразумительно), съ подробнымъ описаніемъ самага гулянья, народныхъ толпъ, всѣхъ подробностей сада, зданій, вещей во дворцѣ, съ историческими примѣчаніями и пр. Пушкинъ хорошо зналъ и это, и другія подобныя творенія Хвостова изъ которыхъ въ составѣ его бібліотеки сохранились два отдѣльно изданныхъ стихотворенія 1832 г. (изъ нихъ одно — съ надписаніемъ Пушкину, а другое Жуковскому): „Посланіе Марьѣ Петровнѣ Ахлестышевой“ и „Прощаніе поэта съ землею“ (см. Б. Л. Модзалевскій, Библіотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 112). Извѣстна пародія Пушкина на подобныя произведенія Хвостова: „Ода Его Сіятельству Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову“ (1825). О Екатеринѣгофѣ см. еще въ „Русск. Стар.“ 1884 г., № 3, стр. 627—629.

— (Стр. 16). *Графиня Хребтовичъ* — графиня Елена Карловна Хребтовичъ, рожд. графиня Нессельроде (род. 31-го марта 1813, ум. ?), старшая дочь вице-канцлера и Министра Иностранныхъ Дѣлъ графа Карла Васильевича Нессельроде и его жены Маріи Дмитриевны, рожд. графини Гурьевой, жена (съ 1832 г. — „Русск. Стар.“ 1900 г., № 1, стр. 187, и „Русск. Арх.“ 1878 г., кн. III, стр. 368) графа Михаила Иринеевича Хребтовича (род. 1809, ум. 1892), въ 1834 г. бывшаго камеръ-юнкеромъ (съ 1-го января 1832 г.) и, въ званіи переводчика, служившаго въ Департаментѣ внѣшнихъ сношеній Министерства Ино-

странныхъ Дѣлъ (впослѣдствіи онъ былъ посланникомъ въ Лондонѣ, оберъ-камергеромъ и членомъ Государственнаго Совѣта).

— (Стр. 16). Кому принадлежать *стихи* — надпись къ воротамъ Екатерингофа, приводимая Пушкинымъ, намъ неизвѣстно; быть можетъ, самому Пушкину?

— (Стр. 16). *Комедія Гоголя* — по всей вѣроятности, „Ревизоръ“, законченный уже въ это время, но на сценѣ появившійся лишь въ апрѣлѣ 1836 г. О томъ, съ какимъ успѣхомъ читался „Ревизоръ“ самимъ авторомъ въ разныхъ домахъ, см. въ книгѣ В. И. Шенрока: „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. III, М. 1895, стр. 16—24; „Ревизора“, сказано здѣсь: „задолго до перваго представленія Гоголь нерѣдко читалъ сначала въ близкомъ, интимномъ кружкѣ, а затѣмъ и многимъ лицамъ, заинтересовавшимся по службамъ комедіей и такъ или иначе получившимъ возможность слышать новую пьесу изъ устъ самого автора“; затѣмъ Шенрокъ приводитъ рассказъ одного современника о томъ, какъ однажды къ квартирѣ Гоголя подъѣхала великолѣпная карета, посланная за нимъ одною высокопоставленною особою, какъ Гоголя не оказалось дома, почему карета отправилась за нимъ по указанному адресу, какъ лакей и друзья Гоголя убѣдили его согласиться на приглашеніе, и какъ онъ читалъ свою комедію „въ присутствіи большого общества, генераловъ и другихъ сановниковъ“. Кружокъ, состоявшій изъ Пушкина, Вяземскаго, Дашкова и, вѣроятно, другихъ близкихъ къ нимъ лицъ, — Жуковскаго, Плетнева, Одоевскаго, — конечно былъ однимъ изъ первыхъ, который познакомился съ безсмертною комедіею, хотя нигдѣ кромѣ отмѣтки Пушкина не сохранилось рассказовъ объ этомъ чтеніи, сухая же записка Пушкина не даетъ никакихъ о немъ подробностей и даже не называетъ, какую именно комедію читалъ Гоголь; самъ Гоголь въ письмахъ этой поры также ничего не упоминаетъ о своей пьесѣ, сюжетъ которой былъ данъ ему, какъ извѣстно, Пушкинымъ (см. замѣтку П. О. Морозова въ сб. „Пушкинъ и его современники“, вып. XVI, стр. 110—115, и выше, стр. 58); но въ двухъ близкихъ по времени письмахъ, отъ 8-го іюня и 14-го августа, авторъ „Ревизора“ дважды называетъ Дмитрія Васильевича Дашкова (тогдашняго Министра Юстиціи, товарища Блудова и другихъ членовъ Арзамаса), просвѣщеннаго и литературно высокообразованнаго вельможу, къ содѣйствию котораго онъ прибѣгалъ тогда, добываясь полученія мѣста профессора въ открывавшемся въ то время Кіевскомъ Университетѣ (Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока, т. I, стр. 302 и 320).— Изъ записки Пушкина не видно, былъ-ли на чтеніи у Дашкова князь П. А. Вяземскій; вѣроятно, не былъ, потому что въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 19-го января 1836 г. Вяземскій писалъ: „Вчера Гоголь читалъ намъ новую комедію Ревизоръ“—и затѣмъ передаетъ ея фабулу и даетъ о ней свой отзывъ, какъ будто о произведеніи, съ которымъ только что и впервые познакомился („Остафьевскій Архивъ“, т. III, стр. 285).

Что касается стихотворной записки Дашкова къ князю Вяземскому, то она ничто иное, какъ цитата изъ 3-ей сатиры Буало:

Molière avec Tartufe y doit jouer son rôle
Et Lambert qui plus est, m'a donné sa parole!
C'est tout dire en un mot; et vous le connaissez?
Quoi, Lambert? — Oui, Lambert! — A demain! C'est assez“ . . .

Michel Lambert (род. 1610, ум. 1696) — известный музыкант и певец, пользовавшийся большою популярностью в Парижском высшем обществе и настолько любимый, что достаточно было сказать, что он будет там-то петь или играть, чтобы обеспечить успех вечера. — Имя Мольера подвернулось под перо Дашкова при упоминании о Гоголь не просто, так как еще в 1831 г. оно же вспомнилось и Пушкину, когда он писал о Гоголь А. Ф. Воейкову (Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 309): современникам казалось, что имя французского драматурга-сатирика очень шло к существу дарования нашего писателя, и его охотно называли Русским Мольером — даже сам Пушкин (см., напр., в Записках А. О. Смирновой, цитированных у Шенрока, т. III, стр. 18). В своем шуточном ответе Вяземский имел в виду, конечно, популярного в высшем обществе столицы генераль-адъютанта, генерала-от-кавалерии и сенатора графа Карла Осиповича де-Ламберта (род. 1772, ум. 30-го мая 1843 г.); после окончания Наполеоновских войн, в которых он деятельно и с отличием участвовал, он был командиром 5 резервного кавалерийского корпуса, а 14-го ноября 1826 г. назначен был сенатором и в 1834 г. присутствовал во Временном Общем Собрании Сената; некогда отличный кавалерийский генерал, на службе всегда взыбчивый, в жизни ласковый, он давал заметить в себя француза старой школы. Великий Князь Николай Михайлович, Генераль-адъютанты Императора Александра I, С.-Пб. 1913, стр. 85—86; его же „Русские портреты XVIII и XIX ст.“, т. V, № 75; Военная Галерея 1812, С.-Пб. 1912, стр. 131—132). Очень известна была в обществе и жена графа Ламберта — Ульяна Михайловна, рожд. Дьева (род. 20-го июня 1791), дочь Суворовского генерала, „сильная духом и увесистая Костромичка“, — по определению П. И. Бартенева, который дѣлает это замѣчаніе по поводу разсказа графа Рощешуара о томъ, какъ при переправѣ черезъ Березину 11-го ноября 1812 г. графиня остановила около моста бѣжавшихъ отъ французевъ въ паническомъ страхѣ своего мужа, говоря имъ: „Дѣти, неужели вы оставите вашего раненаго генерала!“ („Русск. Арх.“ 1890 г., кн. I, стр. 487). Пушкинъ зналъ графиню Ламбертъ, между прочимъ, по своему житію лѣтомъ 1831 года въ Царскомъ Селѣ, гдѣ обыкновенно жила и графиня; ея дача была на Колпинской улицѣ, противъ дома Китаевой, въ которомъ проживалъ поэтъ, и графиня, по словамъ О. Н. Смирновой (Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 123), оставляла занавѣски на своихъ окнахъ опущенными, говоря: „Я боюсь: онъ на меня критику сочинить“ (она хотѣла сказать: эпиграмму). А. О. Смирнова, которая „въ совершенствѣ“, по словамъ Пушкина, представляла въ лицахъ генеральшу Ламбертъ (Переписка, т. II, стр. 318), описывая свое Царскоесельское житіе 1831 года, вспоминала, какъ Пушкинъ „прибирала всякую чепуху на счетъ своей сосѣдки графини Ламбертъ“, и какъ послѣдняя, проживая въ домѣ Оленина противъ Пушкина, всегда дичилась его, но, узнавши о взятіи Варшавы, уведомила его объ этомъ, тогда такъ нетерпѣливо ожидаемомъ происшествіи („Русск. Арх.“ 1871 г., кн. II, стр. 1877, 1881—1882), за что Пушкинъ, въ благодарность, послалъ графинѣ первый экземпляръ своего стихотворенія „Клеветникамъ Россіи“ (Переписка, т. II, стр. 321) и сдѣлалъ ей визитъ съ женою, послѣ чего она открыла свои занавѣски (Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 124). П. И. Бартеньевъ передаетъ, что Пушкинъ называлъ графиню, за ея увесистость, „Madame Tolpège“ („Русск. Арх.“ 1890 г., кн. I, стр. 487), передавая это слово изъ областного слова „толпега“ (Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 123), что, по

Словарю Даля, означает: „толстая женщина“, „высокаго роста дѣтина“, „нетесанный человѣкъ“ и т. под.

— (Стр. 16). О графѣ и графинѣ *Лаваль* см. выше, стр. 134.

— (Стр. 17). О *Бринкенѣ* и судѣ надъ нимъ Курляндскаго (а не Лифляндскаго, какъ написалъ Пушкинъ) дворянства см. выше, стр. 51—53 и др.

— (Стр. 17). *Записка Жуковскаго* къ Пушкину до насъ не дошла. Въ ней Жуковский (самъ поэтъ называлъ его своимъ „ангеломъ-хранителемъ“) сообщалъ Пушкину о дошедшемъ до Государя письмѣ его, очевидно отъ 20—22-го апрѣля,—въ которомъ поэтъ писалъ, между прочимъ, женѣ своей: „Всѣ эти праздники просижу дома. Къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не намѣренъ; царствіе его впереди, и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снять съ меня картузъ и пожурилъ за меня мою няньку; второй меня не жаловалъ; третій хоть и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ, какъ-то нашъ Сашка будетъ ладить съ порфиророднымъ своимъ теской; съ моимъ теской я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ, писать стихи да ссориться съ Царями! Въ стихахъ онъ отца не перешеголяетъ, а плетью обуха не перешибетъ“... Далѣе, впрочемъ, Пушкинъ въ корректномъ тонѣ говорилъ о присягѣ Наслѣдника и о томъ, какъ всѣ были тронуты церемоніею (см. выше, стр. 161). *Ө. М. Деларю* со словъ своего отца, *М. Д. Деларю*, поэта и знакомаго Пушкина, рассказываетъ о перехваченномъ письмѣ поэта слѣдующее: „Жена Пушкина уѣхала изъ Петербурга въ Москву или къ роднымъ своимъ въ деревню. Самъ Александръ Сергѣевичъ остался въ Петербургѣ, трудился надъ своимъ „Пугачевскимъ бунтомъ“ и работалъ въ архивахъ. Государь Николай Павловичъ пожаловалъ его въ камеръ-юнкеры. Около этого времени въ высшихъ слояхъ Петербургскаго общества стали ходить слухъ, что камеръ-юнкерство было дано Пушкину не за его заслуги, а только ради того, чтобы дать его женѣ право посѣщать придворные балы. Понятно, что такіе слухи не могли не возмутить крайне самолюбиваго и къ тому же ревниваго поэта,—и вотъ, подъ вліяніемъ раздраженія, онъ написалъ къ женѣ письмо, въ которомъ, говоря о своихъ дѣтяхъ, останавливается на вопросѣ о томъ, что ожидаетъ въ будущемъ его сына „Сашку“, и при этомъ высказываетъ желаніе, чтобы онъ лучше сдѣлался ремесленникомъ, чѣмъ русскимъ поэтомъ. За тѣмъ Пушкинъ рѣзко выражается объ оказанной ему царской милости.—Письмо это было перехвачено въ Москвѣ почтъ-директоромъ Булгаковымъ и отправлено въ III Отдѣленіе къ графу Бенкендорфу. Секретаремъ Бенкендорфа былъ тогда Миллеръ, товарищъ отца моего по Лицейскому Пансіону. Графъ передалъ ему письмо Пушкина, приказывая положить въ портфель, съ которымъ онъ отправлялся къ докладу къ Государю. Миллеръ, благоговѣя самъ передъ талантомъ Пушкина и зная отношенія къ нему отца моего, тотчасъ же бросился къ послѣднему и привезъ съ собою письмо Александра Сергѣевича, спрашивая, что ему теперь дѣлать? Отецъ мой, ни минуты не колебавшійся въ своемъ рѣшеніи — во что бы то ни стало избавить Пушкина отъ угрожающей ему крупной непріятности и знавшій разсѣянность графа Бенкендорфа, взялъ у Миллера письмо, прочиталъ его и спряталъ въ карманъ“. Миллеръ пришелъ въ ужасъ и сталъ умолять вернуть письмо, но Деларю сказалъ, что Бенкендорфъ можетъ забыть о письмѣ, если ему не напоминать, и что онъ возвратитъ его, если Бенкендорфъ самъ вспомнитъ; между тѣмъ, онъ отправился къ Пушкину, чтобы

сообщить ему о случившемся. Поэтъ „измѣнился при этомъ извѣстїи въ лицѣ“, но потомъ рассыпался передъ Деларю въ благодарностяхъ и обѣщаль принять свои мѣры въ случаѣ, если Бенкендорфъ вспомнить о письмѣ и настоятельно станеть его требовать отъ Миллера; однако, шефъ жандармовъ о письмѣ не вспомнилъ,—и недѣли черезъ двѣ Пушкинъ зашелъ къ Деларю, „горячо обнялъ его, поблагодарилъ за оказанную ему услугу и далъ прочитатъ копию съ [новаго] письма, которое онъ написалъ къ женѣ своей. Содержаніе этого письма, приблизительно состояло въ томъ, что Александръ Сергѣевичъ просить свою жену быть осторожною въ своихъ письмахъ, такъ какъ въ Москвѣ состоитъ почтъ-директоромъ негодяй Булгаковъ, который не считаетъ грѣхомъ ни распечатывать чужія письма, ни торговать собственными [дочерными]. Когда отецъ мой прочиталъ это письмо, то Пушкинъ залился хохотомъ и потомъ сказалъ: „Ну, пусть же это письмо читаетъ и перешлетъ Бенкендорфу!“ Письмо это, какъ оказалось по справкамъ, дѣйствительно, не дошло по назначенію, но и въ III Отдѣленіе переслано не было“ („Русск. Стар.“ 1880 г., т. XXIX, стр. 217—219). Не все въ этомъ разсказѣ точно (мы видимъ, что первое письмо Пушкина до Николая I все-таки дошло и что содержаніе его было нѣсколько иное, чѣмъ сообщаетъ Деларю), но въ общемъ разсказъ вѣренъ и правильно передаетъ нѣкоторые подробности, — почему мы и привели его, какъ иллюстрацію, тѣмъ болѣе, что разсказъ Деларю появился въ печати до опубликованія и писемъ Пушкина къ женѣ, и его Дневника. Полицейско-почтовая перлюстрація писемъ очень раздражала Пушкина: „Я тебѣ не писалъ, потому что былъ золь — не на тебя, на другихъ“, — говорилъ онъ въ письмѣ къ женѣ отъ 18-го мая: „Одно изъ моихъ писемъ попало въ полицію, и такъ далѣе. Смотри, женка, надѣюсь, что ты моихъ писемъ списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа къ женѣ, такъ это ея дѣло, и тутъ одно неприятно: тайна семейственныхъ сношеній, проникнутая сквернымъ и безчестнымъ образомъ; но если ты виновата, такъ это мнѣ было бы больно. Никто не долженъ знать, что можетъ происходить между нами; никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны нѣтъ семейственной жизни. Я пишу тебѣ не для печати, а тебѣ нечего публику принимать въ н[...]. Но знаю, что этого быть не можетъ; а свинство уже давно меня ни въ комъ не удивляетъ“. 29-го мая онъ снова упоминалъ о „полиціи, которая читаетъ наши письма“, 3-го іюня выражался рѣзко — по адресу перлюстраторовъ: „Я не писалъ тебѣ потому, что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки дѣять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше. Это писано не для тебя“, — прибавляетъ онъ; 8-го числа онъ опять жаловался, что „скучно не смѣть даже писать женѣ все, что придетъ на сердце“, и кончалъ письмо совѣтомъ: „будь осторожна. . . вѣроятно и твои письма распечатываютъ; этого требуетъ государственная безопасность“, а 11-го іюня уже говорилъ, что получилъ два дня сряду письма жены, — и „помирился отъ души съ почтою и полиціей. Чортъ съ ними“; однако уже черезъ нѣсколько дней, рассказывая о своемъ представленіи Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и парируя подозрѣнія жены въ укаживаніи за одною изъ фрейлинь, хотѣлъ было сказать, что „ужь если влюбиться“, — такъ въ самое. . . Великую Княгиню, но не досказалъ фразы и воскликнулъ: „Эхъ, женка! почта мѣшаетъ,

а то бы я навралъ тебѣ съ три короба“. Наконецъ, 30-го іюня онъ снова вспоминалъ о нанесенной ему обидѣ и говорилъ въ PS.: „Пожалуйста не требуй отъ меня нѣжныхъ, любовныхъ писемъ. Мысль, что мои распечатываются и прочтываются на почтѣ, въ полиціи и такъ далѣе — охлаждаютъ меня, и я по неволѣ сухъ и скученъ. Погоди, въ отставку выду, тогда переписка нужна не будетъ“, а 11-го іюля напоминалъ женѣ, что пишетъ „коротко и холодно по обстоятельствамъ, ей извѣстнымъ“ и т. д. (Переписка, т. III, стр. 117, 120, 122, 124, 125, 127, 133, 142, 151, 176, 243).— Жуковский, помимо того, что былъ огорченъ непріятностію, приключившеюся съ Пушкинымъ изъ-за перлюстрированнаго письма, былъ взволнованъ и самымъ фактомъ перлюстраціи, издавна его возмущавшей; еще въ 1827 г., 4(17) декабря, онъ писалъ А. И. Тургеневу: „Не понимаю, что дѣлается съ письмами. Ихъ читаютъ, — это само по себѣ разумѣется. Но тѣ, которые ихъ читаютъ, должны бы, по крайней мѣрѣ, исполнять съ нѣкоторою честностію плохое ремесло свое. . . Вотъ слѣдствіе этого проклятаго шпіонства, которое ни къ чему вести не можетъ. Довѣренность публичная нарушена; то, за что въ Англіи казнятъ, въ остальной Европѣ дѣлается правительствами. А тѣ, которые исполняютъ подобныя законныя беззаконія, на нихъ не останавливаются, пренебрегаютъ прочитанными письмами и часто оттого, что печать худо распечаталась, уничтожаютъ важное письмо, отъ котораго часто зависитъ судьба частнаго человѣка. И хотя была бы какая-нибудь выгода отъ такой нечестности, обращенной въ правило! Что могутъ узнать теперь изъ писемъ? Кто вѣрять себя почтѣ? Что жъ выиграли, разрушивъ святыню — вѣру и уваженіе къ правительству? Это бѣситъ! Какъ же хотѣтъ уваженія къ законамъ въ частныхъ людяхъ, когда правительства все беззаконное себѣ позволяютъ? Я увѣренъ, что самый вѣрный хранитель общественнаго порядка есть не полиція, не шпіонство, а нравственность правительства“ и т. д. (Письма Жуковского къ А. И. Тургеневу, М. 1895, стр. 232—233). . .

Протестъ противъ подобнаго рабства и унижающей зависимости Пушкинъ выразилъ еще въ письмѣ къ женѣ отъ 8-го іюня 1834 г.: „Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имѣ поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шуткомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата, а виновата я изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни“ (Переписка, т. III, стр. 125).

— (Стр. 17). *Видокъ* — François-Eugène Vidocq, начальникъ Парижской тайной полиціи, человѣкъ подлый и низкій, авторъ мемуаровъ, изданныхъ въ Парижѣ, въ 4-хъ томахъ, въ 1828—1829 гг.: „Mémoires de Vidocq, chef de police de Sûreté; о нихъ Пушкинъ напечаталъ въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г. (№ 20) статью, содержаніе которой было направлено въ дѣйствительности противъ Булгарина, а незадолго до того поэтъ написалъ извѣстную эпиграмму на своего литературнаго врага —

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшко — ляхъ, Мицкевичъ — ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ, —
И въ томъ не вижу я стыда;

Будь жидъ — и это не бѣда;
Бѣда, что ты Видокъ Фигляринъ!

Съ тѣхъ поръ имена Видока и Булгарина стали какъ бы синонимами въ глазахъ и самого Пушкина, и его современниковъ.

— (Стр. 17). *О парадѣ* 11-го мая К. Я. Бугаковъ писалъ противное Пушкину: „Парадъ вчера совершенно удался. Я самъ не былъ, а жена смотрѣла изъ дома Салтыкова. Всѣ были восхищены нашими молодцами“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 419).

— (Стр. 17). *О смерти Аракчеева* см. выше, стр. 15 и 165. Пушкинъ ошибается, говоря, что Аракчеевъ не написалъ духовнаго завѣщанія: онъ очень заблаговременно позаботился о своемъ имуществѣ, и свое духовное завѣщаніе утвердилъ при помощи именного указа еще отъ 11-го декабря 1816 г., а дополнительные статьи — отъ 11-го іюня 1821 г.; при этомъ, однако, онъ такъ и не означилъ, какъ предполагалъ сдѣлать дополнительно, имени избраннаго имъ по себѣ наслѣдника; поэтому 6-го мая 1834 г. указомъ Сенату было сообщено, что, въ виду неимѣнія указаннаго наслѣдника, духовное завѣщаніе Аракчеева 1816 г. было вскрыто въ чрезвычайномъ собраніи трехъ первыхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената 30-го апрѣля (см. „Русск. Стар.“ 1900 г., № 7, стр. 190), — и въ немъ между распоряженіями покойнаго о нераздѣльномъ владѣніи и о наслѣдованіи Всемилоствѣйше пожалованноу ему за службу Грузинскою волостью, оказалось слѣдующее: „что ежели бы дни его прекратились прежде избранія имъ достойнаго наслѣдника, то сіе избраніе предоставляетъ онъ Государю Императору. Въ семъ положеніи дѣла“, — говорилось въ указѣ 6-го мая: „желая съ одной стороны упрочить нераздѣльное владѣніе имѣніемъ покойнаго и благосостояніе крестьянъ его, бывшія цѣлю его распоряженій, а съ другой стороны сохранить имя Графа Аракчеева такимъ образомъ, который бы соотвѣтствовалъ всегдашнему его стремленію къ пользѣ общественной, Мы за лучшее средство признали отдать навсегда Грузинскую волость и всю принадлежащую къ ней движимость въ полное и нераздѣльное владѣніе Новгородскому Кадетскому Корпусу, съ тѣмъ, чтобы оный обращалъ доходы, получаемые съ имѣнія, благопріобрѣтеннаго покойнымъ и отъ законовъ обыкновеннаго наслѣдства имъ самимъ устраненнаго, на воспитаніе благороднаго юношества, и принялъ имя и гербъ завѣщателя“; поэтому повелѣвалось: волость Грузинскую со всѣмъ движимымъ имуществомъ отдать Новгородскому Корпусу на условіяхъ завѣщанія, Корпусу именоваться „Новгородскимъ Кадетскимъ Графа Аракчеева Корпусомъ“ и употреблять исключительно фамильный гербъ его, управленіе имѣніемъ поручить особому Хозяйственному Комитету и т. д. (см. „Свѣд.“ 16-го мая 1834 г., № 10, стр. 433—434). Однако, замѣчаетъ историкъ Корпуса, несмотря на категоричность завѣщанія, „назначенному наслѣднику Аракчеева, т. е. Новгородскому Корпусу, досталось далеко не все движимое имущество графа. Одно было потомъ продано, другое раздѣлено между прочими военно-учебными заведеніями и многое оставлено въ Грузинѣ, вмѣстѣ съ которымъ перешло сначала въ Государственныя имущества, а потомъ въ Удѣльное вѣдомство“. Самое завѣщаніе Аракчеева, опись его вещей, книгъ и рукописей, переданныхъ Корпусу (открывшемуся лишь 15-го марта 1834 г.) и другія свѣдѣнія можно найти въ статьѣ П. П. Карцова — въ „Русск. Стар.“ 1884 г., № 3 и 4 и въ его же книгѣ: „Историческій очеркъ Новгородскаго

графа Аракчеева Кадетскаго Корпуса и Нижегородской Гимназіи, 1834—1884, С.-Пб. 1884, стр. 259—267. Пушкинъ не упоминаетъ объ одномъ любопытномъ и характерномъ распоряженіи умершаго Аракчеева, опубликованномъ въ современныхъ газетахъ: о завѣщательномъ распоряженіи Аракчеева отъ 2-го апрѣля 1833 г., утвержденномъ Николаемъ I 10-го апрѣля и переданномъ въ Академію Наукъ 22-го іюля 1833 г.: онъ внесъ въ Государственный Банкъ 50.000 р. ассигнаціями съ тѣмъ, чтобы сумма эта оставалась въ Банкѣ 93 года неприкосновенною со всѣми приращенными на нее процентами и выдана была „въ награду тому изъ Россійскихъ Писателей, который чрезъ сто лѣтъ отъ кончины въ Божѣ почивающаго Вѣнценосца, то есть къ 1925 году, напишетъ на Россійскомъ языкѣ Исторію царствованія Императора Всероссийскаго Александра I лучше всѣхъ, то есть полнѣе, достовѣрнѣе и краснорѣчивѣе“, — лучше — по признанію „первой въ Россіи Академіи Словесныхъ Наукъ, подъ какимъ бы сіе высшее сословіе ученыхъ названіемъ тогда ни состояло“ (см. „С.-Петербург. Вѣдомости“ 1834 г., № 106 и „Сѣв. Пчелу“ 1834 г., № 105; объ этой преміи см. Отчетъ о дѣятельности Россійской Академіи Наукъ . . за 1917 г., составленный Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ С. Ѡ. Ольденбургомъ, Пгр. 1917, стр. 340). Въ завѣщаніи Аракчеева выразилась всегда особенно подчеркивавшаяся имъ преданность „безъ лести“ Александру I и его памяти; поэтому то Аракчееву непремѣнно и хотѣлось дожить до дня открытія Александровской колонны, — памятника Александру Павловичу.

— (Стр. 17). *Смирновы* — Александра Осиповна и ея мужъ Николай Михайловичъ; у нихъ часто устраивались обѣды, на которыхъ собиралось небольшое, но въ полномъ смыслѣ слова избранное общество: Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ, князь Одоевскій, князь Вяземскій, Полетика, Плетневъ, графъ Михаилъ Ю. Вельгорскій и его братъ — графъ Матвѣй, Соболевскій, Мятлевъ, позже — Гоголь, Хомяковъ, Глинка, Лермонтовъ и др. Описаніе своего первого по выходѣ замужъ обѣда А. О. Смирнова дала въ своихъ Запискахъ (ч. I, стр. 219—221).

— (Стр. 17). *Полетика* — Петръ Ивановичъ (род. 15-го августа 1778, ум. 26-го января 1849), нѣкогда членъ „Арзамаса“, гдѣ носилъ прозвище „Очарованный Челнъ“, съ молодыхъ лѣтъ служилъ по дипломатической части — то въ Петербургѣ, въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, то въ Стокгольмѣ (1801), Неаполѣ, на о. Корфу, въ Филадельфіи, Рио-Жанейро, Мадридѣ, Лондонѣ, — наконецъ, уже въ званіи посланника (съ 13-го ноября 1817 г.), — снова въ Филадельфіи, гдѣ прожилъ до 1822 г., послѣ чего участвовалъ въ рѣшеніи различныхъ дипломатическихъ вопросовъ и дѣлъ и 28-го марта 1825 г. получилъ чинъ тайнаго совѣтника и званіе сенатора, не прерывая, однако, связей съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ; отъ котораго получалъ различныя порученія дипломатическаго характера; съ 1833 г. онъ былъ Первоприсутствующимъ сенаторомъ въ I Отдѣленіи 5 Департамента Сената, а 22-го апрѣля 1834 г., въ день совершенствія Наслѣдника, награжденъ былъ орденомъ Александра Невскаго, при грамотѣ, въ которой были отмѣчены его долговременная служба по разнымъ возлагаемымъ на него должностямъ, всегда отличавшаяся постояннымъ усердіемъ, а также дѣятельное участіе въ занятіяхъ Общества поощренія льсного хозяйства, по званію его Президента, и успѣшное направленіе дѣйствій Общества къ предназначенной для него цѣли („С.-Петербург. Вѣд.“ 1834 г., № 103). Имя П. И. Полетики, „замѣчательнаго въ обществахъ любезностью просвѣщеннаго

ума своего“, связано съ лучшими именами Русской литературы первой четверти XIX вѣка. Хотя самъ онъ и не занимался литературою, но находился въ близкихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Карамзина и, вскорѣ же послѣ образованія „Арзамаса“, былъ, — какъ мы уже указали, — избранъ членомъ его съ именемъ „Очарованнаго Челна“ (изъ баллады Жуковского „Адельстанъ“), по причинѣ многихъ странствованій своихъ по Европѣ и Америкѣ. Карамзинъ, Д. П. Сѣверинъ, Д. Н. Блудовъ, Д. В. Дашковъ, братья Тургеневы, князь П. А. Вяземскій, К. Н. Батюшковъ, И. И. Козловъ, много ему обязанный и посвятившій ему свое стихотвореніе „Явленіе Франчески“, Пушкинъ и Жуковский были въ числѣ близкихъ къ нему людей; особенно съ послѣднимъ Полетика сохранялъ дружескія связи до послѣднихъ дней своей жизни. По единогласному свидѣтельству современниковъ, Полетика подкупалъ всѣхъ своею „необидною откровенностью“, умомъ и добротою сердца. „Онъ былъ собою не виденъ“, говорить о немъ Ф. Ф. Вигель: „но умныя черты лица и всегда изысканная опрятность дѣлали наружность его довольно пріятною. Исполненный чести и прямодушія, онъ соединялъ ихъ съ тонкостью, свойственною людямъ его происхожденія и роду службы его. . . Онъ не имѣлъ глубокихъ познаній, но въ дѣлахъ службы и въ разговорахъ всегда виденъ былъ въ немъ свѣдущій человекъ. Не зная вовсе слеси, со всѣми былъ онъ обходителенъ, а никто не рѣшился бы забѣгаться передъ нимъ. Всѣми былъ онъ любимъ и уважаемъ, и самъ ни къ кому не чувствовалъ ненависти; если же и чуждался запятнанныхъ людей, то старался и имъ не оказывать явнаго презрѣнія. Къ сожалѣнію моему, онъ одержимъ былъ сильною англоманіей, и этотъ недостатокъ въ глазахъ моихъ, дѣлая его нѣсколько похожимъ на методиста или квакера, придавалъ ему, однако же, много забавно-почтенной оригинальности. Вообще я нахожу, что благоразуміе его никто еще не умѣлъ распорядиться жизнію; онъ умѣлъ сдѣлать ее полезною и пріятною какъ для себя, такъ и для знакомыхъ“. — Въ 1821 г., будучи посланникомъ въ Филадельфію, Полетика написалъ, на французскомъ языкѣ, „*Aperçu de la situation intérieure des Etats-Unis d'Amérique et de leurs rapports politiques avec l'Europe*“; отрывки изъ этого сочиненія сперва были помѣщены въ „*Journal de St.-Petersbourg*“ 1825 г. (№№ 81, 88, 89 и 90), а въ 1826 г. оно было полностью издано въ Лондонѣ и вскорѣ же переведено на англійскій языкъ въ Америкѣ, при чемъ, по словамъ автора, „нѣкоторые французскіе, англійскіе и нѣмецкіе журналы отзывались объ немъ съ похвалою“. При содѣйствіи Д. В. Дашкова и Д. Н. Блудова, П. И. Полетика перевелъ его также и на русскій языкъ, но, по неимѣнію издателя, оно такъ и не увидѣло свѣта; лишь въ 1830 г. въ „Литературной Газетѣ“ (№ 45—46) помѣщены были извлеченія изъ него подъ заглавіемъ: „Состояніе общества въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ“. По свидѣтельству С. Н. Глинки, Полетика напечаталъ въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ статью о тогдашнемъ состояніи Россіи, а какая-то рѣчь его, произнесенная въ Сѣверной Америкѣ, „была напечатана въ заграничныхъ вѣдомостяхъ“. По выходѣ въ отставку Полетика занялся составленіемъ своихъ воспоминаній; но изъ нихъ дошла до насъ только одна часть (обнимающая 1778—1805 г.г.), замѣчательная по наблюдательности, задушевности, простотѣ и откровенности разсказа. Она напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 года, кн. III, стр. 305—336 (Б. А. Модзалевскій, статья о Полетикѣ въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, т. II, стр. 327—329). Жуковский, такъ же, какъ и Вигель, сравнивавшій его съ квакеромъ („Русск. Стар.“ 1902 г., стр. 139, 1896 г., № 7,

стр. 85) и называвший его „милымъ чудакомъ“ (тамъ-же 1902 г., № 6, стр. 513), писалъ по поводу его смерти: „Присталъ къ берегу нашъ Челнокъ. Его введуть прямо въ пристань, безъ досмотра, — на немъ контрабанды нѣтъ; все чистый позволенный товаръ. Замѣчательно, что онъ, когда мы пиروвали юбилей Крылова [1838], подошедши ко мнѣ, сказалъ: „Погоди, братъ Василій сынъ Андреевъ (такъ онъ всегда величалъ меня), и твой юбилей мы отпразднуемъ“ („Русск. Арх.“ 1900 г., кн. III, стр. 45); любопытно, что у Полетики, какъ и у Жуковского, мать была плѣнная гурчанка. . .

А. О. Смирнова однажды, въ 1845 г., въ дневникѣ своемъ, писала: „Полетика на меня сердился, что я его не навѣщала во время болѣзни; онъ же никуда почти не ѣздилъ, да и не прислалъ оказать, что боленъ. Петръ Ивановичъ напрасно не писалъ своихъ Записокъ. Онъ вступилъ въ службу еще при Безбородкѣ, всегда жилъ въ высшемъ кругѣ и былъ во многихъ домахъ на хорошей ногѣ, какъ, напр., у графа Семена Воронцова въ Англіи, бывалъ въ посольствахъ, много видѣлъ“, — и далѣе приводитъ, какъ сдѣлалъ это и Пушкинъ, нѣкоторые разказы Полетики объ историческихъ лицахъ и событіяхъ („Русск. Арх.“ 1882 г., кн. I, стр. 218). Въ Запискахъ Смирновой сообщается много сужденій Полетики, выраженныхъ въ бесѣдахъ съ Пушкинымъ, Хомяковымъ, Вяземскимъ, Жуковскимъ и др. (Записки, стр. 30, 142 и сл., 147, 211, 212), при чемъ передается и отзывъ Полетики о Пушкинѣ: „Этотъ Пушкинъ — какое-то чудо! Онъ поразителенъ. Онъ думаетъ столько же, сколько поетъ и танцуетъ“ (стр. 147).

— (Стр. 18). Чертковъ — вѣроятно, Евграфъ Александровичъ, одинъ изъ главныхъ пособниковъ Имп. Екатерины II при вступленіи ея на престолъ, — тогда поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка, получившій отъ Императрицы въ награду 800 душъ, въ коронацію ея пожалованный въ камеръ-юнкеры, а черезъ шесть лѣтъ — въ дѣйствительные камергеры (22-го сентября 1768); никакихъ должностей онъ не занималъ, неся, повидимому, одну придворную службу (см. Камеръ-Фурьерскіе Журналы 1762, 1770, 1771, 1773, 1774 и сл. годовъ) и будучи постояннымъ партнеромъ Екатерины въ бостонъ („Русск. Стар.“ 1893 г., № 11, стр. 417), но въ чинахъ продвигался быстро: 10-го іюля 1775 г. произведенъ былъ въ тайные совѣтники, въ 1777 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст., 22-го сентября 1793 г. — орденомъ св. Александра Невскаго, а 4-го апрѣля 1795 г. пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; умеръ 23-го декабря 1797 г. („Русскій Биографическій Словаръ“, т. Ч — Ш, стр. 354; Д. Н. Бантышъ-Каменскій, Историческое собраніе списковъ кавалерамъ четырехъ Россійскихъ Императорскихъ орденовъ, М. 1814; Списокъ находящимся въ статской службѣ чинамъ на 1793 г., стр. 13; Н. Е. Волковъ, Дворъ Русскихъ Императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ, С.-Пб. 1900, стр. 188). Разказанный Полетикою эпизодъ между Zubовымъ и Чертковымъ могъ произойти только во время „фавора“ князя Платона Александровича Zubова (род. 1767, ум. 7-го апрѣля 1822), а въ „случай“ при Екатеринѣ Zubовъ попалъ въ іюнѣ 1789 г.

— (Стр. 18). *Константинъ* — Великій Князь Константинъ Павловичъ (род. 1779, ум. 1831). Въ Запискахъ А. О. Смирновой читаемъ, какъ однажды, на замѣчаніе ея о томъ, что „Государь [Николай I] не любитъ воспоминаній о бабкѣ“ [т. е. Екатеринѣ II] „Пушкинъ отвѣтилъ: „Да, я это замѣтилъ, когда мы однажды объ этомъ говорили; воспоминаніе о ея слабостяхъ его возмущаетъ, его нравственное чувство оскорблено, — это естественно для внука““ (ч. I, стр. 225).

— (Стр. 18). *Laharpe* — Фридрих-Цезарь Лагарпъ (род. 1754, ум. 1838), воспитатель Александра I, определенный къ нему весною 1784 г. и пробывшій при Великомъ Князѣ до начала 1795 года; послѣ отъѣзда изъ Россіи онъ былъ членомъ Швейцарской Директоріи, при Наполеонѣ жилъ подѣ Парижемъ, а затѣмъ — на родинѣ, въ Бернѣ. О Лагарпѣ см. статью М. И. Сухомлинова въ его „Исслѣдованіяхъ и статьяхъ по Русской литературѣ и просвѣщенію“, т. II, С.-Пб. 1889, стр. 35—204. „Mémoires“ Лагарпа изданы въ Бернѣ въ 1864 г., а переписка съ Александромъ I — въ „Сборникѣ Имп. Русскаго Историческаго Общества“, т. V, стр. 4—49, и въ книгѣ Великаго Князя Николая Михайловича: Императоръ Александръ I, т. I, С.-Пб. 1912, стр. 5 и 353—366; но здѣсь опубликованы записки и письма 1785—1796 и 1801—1818 гг., писемъ же за время царствованія Павла (въ 1799 году Павелъ лишилъ Лагарпа ордена и пенсіи за участіе его въ образованіи Швейцарской республики), о которыхъ говорить Пушкинъ, среди нихъ нѣтъ. Между тѣмъ они должны были быть интересны и откровенны: „Съ первыхъ дней появленія республиканца при дворѣ Екатерины онъ сдѣлался душевнымъ другомъ и любимымъ наставникомъ своего царственного воспитанника, проявлявшаго къ нему трогательную привязанность“, — говоритъ Н. К. Шильдеръ. „Чувства искренней любви и благодарности къ Лагарпу неизмѣнно сохранились въ сердцѣ Александра до конца его земного поприща... Уже въ 1796 году Александръ въ дружеской бесѣдѣ отзывался о Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокихъ добродѣтелей, истинномъ мудрецѣ, самыхъ строгихъ правилъ, сильнаго характера, которому онъ обязанъ всѣмъ, что въ немъ есть хорошаго, всѣмъ, что онъ знаетъ, а въ особенности тѣми началами правды и справедливости, которыя онъ имѣетъ счастье носить въ своемъ сердцѣ, куда внѣдрилъ ихъ его наставникъ“ (Н. Шильдеръ, Императоръ Александръ I, т. I, С.-Пб. 1897, стр. 38—39). Только одно письмо, — именно то, о коемъ упоминаетъ Пушкинъ и въ коемъ Александръ выражаетъ надежду въ будущемъ устроить судьбу Россіи на новыхъ конституціонныхъ основаніяхъ или, какъ выражался тогда, „даровать ей политическое бытіе“, и затѣмъ, по достиженіи уже этой великой цѣли, „покинуть свою родину“ и кончить жизнь частнымъ человѣкомъ, „счастливымъ и довольнымъ“ и наслаждаясь процвѣтаніемъ своего отечества, — письмо отъ 27-го сентября 1797 г. — по подлиннику, хранившемуся въ Государственномъ Архивѣ (Разр. V, № 190), было опубликовано впервые, въ переводѣ Н. К. Шильдеромъ въ біографическомъ очеркѣ Александра I въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, т. I, стр. 159, а затѣмъ въ его цитированной книгѣ объ Александрѣ, т. I, стр. 162—165 (переводъ) и 280—282 (французскій текстъ); тамъ же опубликованы: въ т. II, стр. 27, письмо отъ 9/21-го мая 1801 г., уже по вступленіи на престолъ, а на стр. 96, 117—118, въ т. III, стр. 180—182, 184 и 327, и въ т. IV, стр. 6, — отрывки изъ писемъ 26-го октября 1802, 7-го іюля 1803, 12-го марта 1811, 22-го декабря 1813 (3-го января 1814), отъ января 1814 и отъ 29-го мая 1815 г. О письмѣ Александра къ Лагарпу съ выраженіемъ намѣренія удалиться отъ дѣлъ и конецъ жизни провести частнымъ человѣкомъ зналъ и Жуковский: въ дневникѣ послѣдняго, подѣ 25-мъ марта (6-мъ апрѣля) 1833 г., записанъ подробный рассказъ о посѣщеніи имъ въ этотъ день старца-Лагарпа въ Лозаннѣ: „По своимъ лѣтамъ“ (Лагарпу какъ разъ исполнилось 79 лѣтъ), записываетъ Жуковский: „свѣжъ и живъ. Дитя сердцемъ и, кажется, опытностію и по сію пору живетъ въ мірѣ воспоминаній лучшаго. Въ душѣ демократъ, но искренній и чистый. Мы читали

письма Александра, двѣтъ молодой, доброжелательной, неопытной души. . . Письмо Александра, писанное ему въ 1801 году и присланное съ Новосильцовымъ, весьма достойно замѣчанія: мечты младенца. Александръ жалуется на тиранство отца, съ ужасомъ говоритъ о деспотизмѣ, тоскуеть о себѣ, что принужденъ заниматься капральствомъ и лишень способа обращать вниманіе на другія, лучшія занятія, столь ему любезныя. Говоритъ о обществѣ, составленномъ между имъ, Новосильцовымъ, Строгановымъ и Чарторыжскимъ, коего цѣль освобожденіе Россіи. Между прочимъ способъ къ тому есть перевести лучшія книги, изъ коихъ тѣ, кои будутъ возможно, издадутся въ печать, а другія будутъ оставлены до времени. Въ другомъ письмѣ, писанномъ скоро по восшествіи на престолъ, Александръ говоритъ о окружающихъ его людяхъ, о трудности согласить страсти и направить къ одной и общей цѣли — благу отечества. Не помню, въ первомъ или во второмъ письмѣ говоритъ онъ о своемъ намѣреніи совершить освобожденіе Россіи, дать ей конституцію свободную и, укоренивъ ея благоденствіе, сойти съ трона и быть простымъ гражданиномъ“ (Дневники В. А. Жуковского. Съ примѣчаніями И. А. Бычкова, С.-Пб. 1903, стр. 262—263). Еще ранѣе, въ 1827 году, 6-го октября, Лагарпа посѣтилъ А. И. Тургеневъ, описавшій въ письмѣ къ брату впечатлѣнія своего визита. Онъ также читаль письма Александра, въ томъ числѣ и письмо отъ 27-го сентября 1797 г., и подробно излагаетъ его содержаніе: „Оно писано. . . изъ Гатчины, на двухъ полулистахъ почтовыхъ. Александръ надѣялся, со временемъ, устроить судьбу Россіи и давъ ей конституцію, уклониться отъ правленія и кончить жизнь частнымъ человѣкомъ и не въ Россіи“ и т. д. (Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, Лейпцигъ. 1872, стр. 182—189).— Пушкинъ, такимъ образомъ, могъ знать о письмахъ Александра къ Лагарпу и отъ Тургенева, и отъ Жуковского. О Лагарпѣ см. еще у А. Н. Пыпина, Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, изд.-5, Пгр. 1918, стр. 18—31 и 501—502.

— (Стр. 18). *Ланжеронъ* — графъ Александръ Ѳедоровичъ (род. 13-го января 1763, ум. 4-го іюня 1831), родомъ французъ, въ Русскую службу вступилъ въ 1790 году, покинувъ Францію вслѣдствіе революціи, и съ тѣхъ поръ почти безпрерывно и съ отличіемъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ Екатерины II и Александра I до Отечественной включительно, заслуживъ ордена Георгія 4 и 3 степеней, а за участіе во взятіи Парижа — Андреевскую звѣзду. Въ ноябрѣ 1815 г. назначенный Херсонскимъ военнымъ губернаторомъ и Одесскимъ градоначальникомъ, а 22-го сентября 1822 г. переименованный Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ 7-го мая 1823 г. долженъ былъ уступить свое мѣсто графу М. С. Воронцову, послѣ чего уѣхалъ за границу и прожилъ во Франціи до смерти Александра I, затѣмъ вернулся въ Россію, былъ назначенъ членомъ Верховнаго Уголовнаго Суда надъ декабристами и въ день коронаціи, 22-го августа 1826 г., получилъ алмазные знаки къ Андреевскому ордену. Принявъ участіе въ Турецкой войнѣ 1828 г., Ланжеронъ онъ весною 1829 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Одессѣ, въ началѣ 1831 г. пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь, лѣтомъ, умеръ отъ холеры. „Вѣтранный и болтливый изъ французовъ“, человѣкъ минуты, слабохарактерный, храбрый, но невѣроятно разсѣянный, онъ способенъ былъ забывать, что находится въ бою среди огня. Вѣчно веселый, онъ любилъ блеснуть остроуміемъ, а когда говорилъ серьезно на своемъ ломаномъ русско-французскомъ языкѣ, у него выходили невольнo еще болѣе смѣшныя и удачныя каламбуры. Вигель такъ характеризуетъ его: „Съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, неосно-

вательнѣ графа Ланжерона еще ничего видно не было. Добрый и честный человекъ, храбрый на войнѣ, любезный балагуръ, французъ по превосходству, онъ созданъ былъ, чтобы находиться посланникомъ при какомъ-нибудь нѣмецкомъ или итальянскомъ дворѣ или управлять гдѣ-нибудь придворнымъ театромъ. Революціонной бурей выброшенный изъ отечества, онъ беззаботно и весело прожилъ вѣкъ въ чужой землѣ и дослужился у насъ до голубой ленты. Доживъ почти до 70 лѣтъ, онъ сохранялъ легкій тонъ Версальскаго царедворца. Нашли, что онъ не годится командовать корпусомъ, и дали ему въ управленіе цѣлый край... Какъ при немъ шли дѣла, этого не нужно уже спрашивать“ (ср. Великій Князь Николай Михайловичъ, Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, т. II, стр. 168). Въ молодости Ланжеронъ занимался литературою и, между прочимъ, написалъ комедію „Le duel supposé“ (издана въ Парижѣ въ 1789 г.); онъ оставилъ цѣнныя записки о войнахъ 1792—1794 и 1806—1814 гг., напечатанныя, въ переводѣ, въ „Русской Старинѣ“ 1895, 1907, 1908, 1910, 1911 г., въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895, и „Русск. Мысли“ 1896 г.; письма же къ нему Александра I, о которыхъ говоритъ Пушкинъ, въ печати не появлялись и, вѣроятно, находятся въ Парижскомъ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ хранятся всѣ бумаги Ланжерона (Великій Князь Николай Михайловичъ, Генераль-Адъютанты Императора Александра I, С.-Пб. 1913, стр. 21). Князь П. А. Вяземскій, передавая нѣсколько забавныхъ анекдотовъ о Ланжеронѣ (какъ и А. О. Смирнова — Записки, ч. I, стр. 80, 81), — сообщаетъ (вѣроятно, со словъ самого Пушкина): „Въ Одессѣ Ланжеронъ далъ Пушкину трагедіи свои на прочтеніе. Понимается, Пушкинъ ихъ не прочелъ и, спустя нѣсколько времени, на вопросъ Ланжерона, которая изъ трагедій болѣе ему нравится, отвѣчалъ ему наугадъ, именуя заглавіе одной изъ нихъ. Въ ней выведетъ былъ республиканецъ“ (Сочиненія, т. VIII, стр. 56—58). Въ одномъ изъ писемъ своихъ отъ октября 1823 г. Пушкинъ упоминаетъ о разговорѣ съ графомъ Ланжерономъ по поводу новой брошюры А. С. Стурдзы о Греціи (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 78). П. И. Бартеневъ, въ предисловіи къ выдержкамъ изъ Записокъ Ланжерона, передаетъ также, что „онъ мучилъ Пушкина чтеніемъ своихъ стиховъ и многочисленныхъ трагедій... Легкомысліе его простиралось до такой степени, что *опальному* тогда А. С. Пушкину давалъ онъ читать письма, которыя, въ царствованіе Павла, получалъ онъ отъ Александра Павловича (Пушкинъ объ этомъ передаетъ въ неизданной части своихъ Записокъ)“ („Русск. Арх.“ 1895 г., кн. III, стр. 148; то-же — тамъ-же 1912 г., кн. II, стр. 407, примѣч.).

— (Стр. 18). *Медемъ* — графъ Павелъ Ивановичъ (род. въ январѣ 1800, ум. 10-го января 1854), камергеръ, статскій совѣтникъ, Совѣтникъ Русскаго посольства въ Парижѣ, былъ назначенъ (20-го іюня 1834 г.) въ Лондонъ не полномочнымъ министромъ, а лишь исправляющимъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ (по увольненіи извѣстнаго князя Христофора Андреевича Ливена, многолѣтняго — съ 1812 г. — нашего посла) и пробылъ въ этомъ званіи только 7 мѣсяцевъ — до 31-го января 1835 г., когда въ Англію былъ назначенъ посоль — извѣстный дипломатъ графъ К. О. Поццо-ди Борго. Медемъ же впослѣдствіи былъ посланникомъ въ Вюртембергъ, Гессенъ-Дармштадтъ и въ Австріи (1849—1850), послѣ чего лишь числился по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ.

— (Стр. 18). *Ливень* — свѣтлѣйшій князь Христофоръ Андреевичъ (род. 6-го мая 1774, ум. 29-го декабря 1838), сынъ извѣстной воспитательницы дѣтей Павла I — Шарлотты Карловны Ливень, рожд. Поссе (ум. 1828), генераль-адъю-

тантъ, генераль-отъ-инфантеріи, членъ Государственнаго Совѣта, Попечитель при Наслѣдникѣ Александрѣ Николаевичѣ; при Екатеринѣ II — Семеновскій офицеръ, онъ былъ флигель-адъютантомъ и генераль-адъютантомъ Павла I и Начальникомъ его Военно-Походной Канцеляріи, участвовалъ затѣмъ въ войнѣ съ Наполеономъ въ 1805 г., въ 1808 г. перешель въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и 2-го января 1810 г. назначенъ былъ посланникомъ въ Берлинъ, откуда 5-го сентября 1812 г. переведенъ посломъ въ Лондонъ; здѣсь „ему суждено было пробытъ болѣе 20 лѣтъ, пережить смѣну царствованія и неоднократныя перемѣны курса Русской политики среди трудныхъ обстоятельствъ смутнаго положенія всей Европы. Впрочемъ, дѣятельность самого Ливена въ качествѣ дипломата постоянно заключается въ исторіи тогдашней политики яркой фигурой его супруги, Даріи Христовоной, рожд. Бенкендорфъ (сестры графа и шефа жандармовъ), тщеславіе и честолюбіе которой искали себѣ удовольшенія не столько въ эксцентричныхъ поступкахъ ея частной жизни, сколько въ успѣхахъ въ роли „женщины-дипломата“ и „Сивиллы“ въ общеевропейской политикѣ“ (Великій Князь Николай Михайловичъ, Генераль-Адъютанты Императора Александра I, С.-Пб. 1913, стр. 29—30; его же „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій“, т. III, № 23). Отозванный изъ Англіи, Ливенъ 22-го апрѣля 1834 г., въ день исполнившагося совершеннолѣтія Наслѣдника Александра Николаевича и на основаніи § 27 учрежденія объ Императорской Фамилиі, былъ назначенъ къ нему въ званіи Попечителя; пріѣхавъ въ Петербургъ лишь 1-го августа 1834 г. (о пріѣздѣ его въ Петербургъ „съ фамиліею“ см. замѣтку въ „Сѣв. Пчелѣ“ 3-го августа 1834 г., № 174), онъ вскорѣ, бесѣдуя съ П. Г. Дивовымъ, сказалъ, что „польщенъ своимъ новымъ назначеніемъ, хотя постъ посланника вполнѣ соотвѣтствовалъ его желаніямъ“ („Русск. Стар.“ 1900 г., № 7, стр. 191).

— (Стр. 18). *Блай* — Англійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ (см. выше, стр. 54).

— (Стр. 18). Называя *Каннинга* и ставя при его имени въ скобкахъ имя Strangfor, Пушкинъ соединилъ въ одно два похожихъ имени двухъ различныхъ Англійскихъ дипломатовъ, бывшихъ въ Петербургѣ; изъ нихъ одинъ былъ Percy-Clinton-Sydney-Smith viscount Strangford (род. 1780, ум. 29-го мая 1855), который съ молодыхъ лѣтъ долго жилъ въ Португаліи (въ это время онъ издалъ англійскій переводъ сочиненій Камюэнса) и съ октября 1806 г. былъ Англійскимъ посланникомъ при Лиссабонскомъ Дворѣ, въ 1816 г. вернулся въ Англію и въ 1817 г. назначенъ былъ посланникомъ въ Швецію, а въ августѣ 1820 — въ Турцію; въ 1822 г. онъ сопровождалъ герцога Веллингтона на Веронскій Конгрессъ, въ началѣ же 1825 года былъ назначенъ Англійскимъ посломъ въ Петербургъ; здѣсь онъ находился въ періодъ междуцарствія 27-го ноября — 14-го декабря 1825 года и былъ принятъ новымъ Императоромъ, въ числѣ другихъ дипломатическихъ представителей, на общей аудіенціи 20-го декабря (1-го января 1826 г.), когда выслушалъ нѣсколько милостивыхъ фразъ новаго монарха: „Императору было угодно“, писалъ лордъ Странгфордъ въ депешѣ своей Великобританскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ Георгу Каннингу: „показать мнѣ свое желаніе и намѣреніе продолжать ко мнѣ то довѣріе, которое выказывалъ ко мнѣ его предшественникъ; онъ былъ доволенъ моимъ назначеніемъ при этомъ Дворѣ, но болѣе всего онъ выражалъ искреннее и горячее желаніе заслужить и поддерживать дружбу съ Его Величествомъ, о личной любезности котораго къ нему во время своего пребыванія въ Англіи Императоръ вспомнилъ

съ чувствомъ глубокой признательности. Онъ неоднократно выражалъ мнѣ это желаніе и увѣренія, что онъ не забудетъ вниманія, оказаннаго ему Королемъ [Англіи]“ и т. д. („Русск. Стар.“ 1907 г., № 9, стр. 532; здѣсь же и замѣтка проф. В. Н. Александренка о Странфордѣ). Вернувшись въ отечество въ томъ-же 1826^м году, онъ былъ сдѣланъ перомъ Англіи съ титуломъ лорда Penhurst'a, въ 1828 г. былъ посланъ съ специальной миссіей въ Бразилію; затѣмъ былъ избранъ Вице-Президентомъ Общества Антикваріевъ, въ изданіяхъ котораго напечаталъ много статей (Biographie Etrangère, ou Galerie Universelle... Par une Société de Gens de Lettres, Paris. 1819, t. II, p. 188; Dictionnaire Larousse'a). — Другой дипломатъ былъ лордъ Stratford Canning, впоследствии viscount of Redcliffe, двоюродный братъ знаменитаго (вышеупомянутаго) Георга Каннинга; онъ доидя 6-го января 1788 г., съ 1814 г. былъ Англійскимъ посланникомъ въ Швейцаріи, затѣмъ былъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ, а въ 1824 г. былъ посланъ въ Петербургъ для переговоровъ съ Русскимъ правительствомъ о дальнѣйшей судьбѣ Греціи; въ 1825 г. онъ былъ назначенъ Англійскимъ посланникомъ въ Константинополь, гдѣ былъ и въ началѣ войны Россіи съ Турціей 1828 г.; онъ вернулся въ отечество лишь послѣ Наваринской битвы и затѣмъ, какъ сочувствующій вигамъ, оставался не у дѣлъ до министерства Грея. Въ 1830 году командированный чрезвычайнымъ комиссаромъ въ Коммиссію по опредѣленію границъ и будущаго Греціи, Каннингъ, человекъ, по опредѣленію графа А. И. Рибопьера, „неуживчивый, нервный и недоувѣрчивый“, въ 1833 году получилъ назначеніе на постъ посла Великобританіи въ Петербургъ, но Императоръ Николай отказался принять его вѣрительныя грамоты, и Стратфордъ вернулся въ Англію, но никогда не могъ простить этого Николаю I („Русск. Арх.“ 1877 г., кн. II, стр. 21). Въ 1835—1842 гг. членъ Палаты Общинъ, онъ въ концѣ 1851 г. принялъ вторично постъ посла въ Константинополь и оставался здѣсь во время такъ называемой „Восточной“ войны съ Россіей Турціи, Англіи и Франціи; въ 1858 г. онъ покинулъ Константинополь, въ 1862 г. получилъ титулъ viscount of Redcliffe и вошелъ въ Палату Пэровъ; умеръ 14-го августа 1880 г. Онъ не былъ чуждъ и литературныхъ занятій: въ 1866 г. онъ издалъ сборникъ стиховъ, а въ 1875—1878 г. въ „Times“ помѣстилъ рядъ статей по Восточному вопросу (Dictionnaire Larousse'a и II Supplément къ нему). Какую личную причину неудовольствія на Каннинга-Стратфорда имѣлъ Николай Павловичъ, не знаемъ; по крайней мѣрѣ въ подробныхъ донесеніяхъ Г. А. Глинки о пребываніи Великаго Князя въ Англіи въ январѣ и февралѣ 1817 г. нѣтъ на это никакихъ указаній („Русск. Арх.“ 1877 г., кн. II, стр. 198—202; ср. М. А. Поневктовъ. Николай I, М. 1918, стр. 18—19); поступокъ же его съ Каннингомъ не былъ-ли вызванъ тѣмъ общимъ раздраженіемъ противъ Англіи и ея поведенія по отношенію къ Россіи вообще и къ самому Императору Николаю Павловичу въ особенности, на которое онъ жаловался въ письмахъ къ фельдмаршалу князю И. Ѳ. Паскевичу (см., напримѣръ, въ книгѣ Князя Щербатова: „Генераль-Фельдмаршалъ Князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность“, т. V, Приложенія, С.-Пб. 1896, стр. 158, 165, 170, 172, 174 и др.). По словамъ С. С. Татищева, „между обѣими державами отношенія обострялись иногда въ то время до такой степени, что можно было ожидать немедленнаго возникновенія войны. Такъ было въ 1833 году, когда Русскія сухопутныя и морскія силы заняли Босфоръ для огражденія Султана отъ нападенія Египетскаго паши...“ (С. С. Татищевъ, Императоръ Николай и иностранные дворы. Историческіе очерки, С.-Пб. 1889, стр. 4).

— (Стр. 18). Объ отъѣздѣ за границу отставнаго гвардіи подполковника князя Петра Ивановича *Мещерскаго* съ женою, княгинею Екатериною Николаевною (см. о нихъ выше, стр. 112), малолѣтнимъ сыномъ Николаемъ и фрейлиною Софіею Николаевною Карамзиною было объявлено въ майскихъ №№ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1834 г. (см. № 101, прибав., стр. 902). 25-го мая С. Н. Карамзина писала старому другу своего отца, И. И. Дмитріеву: „Я ѣду *завтра* съ Мещерскими на пароходъ въ чужіе края на *цѣлый годъ!* Хочу, чтобы послѣднія строки мои были къ Вамъ. Мнѣ грустно неизъяснимо, и все желаніе мое путешествовать, и вся радостная фізіономія Швейцаріи, Италиі—все исчезло въ моемъ воображеніи и замѣнилось одной тоскою. Пожалейте намъ счастливаго возвращенія въ милую Россію“ (Письма Карамзина къ Дмитріеву, С.-Пб. 1866, стр. 439—440). Пушкинъ проводилъ дружественную ему семью Мещерскихъ только до парохода. „Писаль я тебѣ,“ — спрашивалъ поэтъ жену свою 3-го іюня, — „что Мещерскіе отправились въ Италію, и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя въ жестокосердіи и раскаиваясь въ томъ, что оставляетъ Катерину Андреевну одну? Я провожалъ ихъ до пироскафа“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 122). Въ Запискахъ А. О. Смирновой приводятся два разсказа,—быть можетъ и вѣрныхъ,—о томъ, какъ Пушкинъ, провожавшій въ первый разъ своего знакомаго, а во второй (въ 1836 г.) А. О. Смирнову съ мужемъ, высказывалъ желаніе спрятаться на отходѣмъ за границу пароходъ и бѣжать „въ чужіе края“ (ср. въ статьѣ М. А. Цявловскаго: „Тоска по чужбинѣ у Пушкина“—„Голосъ Минувшаго“ 1916 г., № 1, стр. 58 и 60).

— (Стр. 19). *Великая Княгиня*—Елена Павловна (род. 28-го декабря 1806, ум. 9-го января 1873), жена Великаго Князя Михаила Павловича (см. выше, стр. 55—56 и 92), извѣстная своимъ умомъ, а впоследствии — энергичною дѣятельностію въ пользу освобожденія крестьянъ. О представленіи ей Пушкинъ разсказывалъ и своей женѣ въ письмѣ отъ 3-го іюня: „Въ прошлое воскресеніе представлялся я къ Великой Княгинѣ. Я поѣхалъ къ Ея Высочеству на Каменный Островъ въ томъ пріятномъ расположеніи духа, въ которомъ ты меня привыкла видѣть, когда надѣваю свой великолѣпный мундиръ. Но она такъ была мила, что я забылъ и свою несчастную роль, и досаду. Со мною вмѣстѣ представлялся цензоръ Красовскій. Великая Княгиня сказала ему: „Vous devez être bien fatigué d'être obligé de lire tout ce qui paraît“. — „Oui, Votre Altesse Impériale, отвѣчалъ онъ ей: d'autant plus que ce que l'on écrit maintenant n'a pas le sens commun“. А я стою подлѣ него. Она, какъ умная женщина, какъ-то его подправила“ (Переписка, т. III, стр. 122). — „Une charmante petite personne“, какъ выразился о невѣстѣ своего младшаго брата Императоръ Александръ I („Русск. Арх.“ 1901 г., кн. I, стр. 570), Великая Княгиня, по пріѣздѣ въ Россію, быстро завоевала общія симпатіи. Графъ Ѡ. В. Ростопчинъ отзывался о Принцессѣ Шарлоттѣ, „que c'est une princesse dans le genre de Catherine la Grande, qu'elle est d'un esprit supérieur et que tout cela se trouve dans un corps très séduisant“... „Il est à prévoir donc qu'elle se fera beaucoup aimer par toute la famille dont elle va faire partie“, — писалъ брату А. Я. Булгаковъ 8-го октября 1823 г. (тамъ-же, стр. 587),—и тотъ отвѣчалъ: „Графиня Строганова въ восхищеніи отъ Принцессы Шарлотты, отъ ума ея, скромности, любезности: говорить, что у нея въ глазахъ есть выраженіе, котораго описать нельзя“ (тамъ-же, 1903 г., кн. I, стр. 485). „Всѣ превозносятъ Принцессу Шарлотту“, — отзывался Булгаковъ-москвичъ: „Графиня Строганова очень хорошій судья, и ея мнѣніе еще

болѣе заставляеть меня вѣрить общему гласу“ (тамъ-же, 1901 г., кн. I, стр. 597) и въ новомъ письмѣ брата читалъ новый восторженный отзывъ: „Третьяго дня [21-го ноября 1823 г.] собрались мы во дворецъ, гдѣ ждали приѣзда Принцессы Шарлотты. Мы только видѣли, какъ прошла она въ церковь и обратно, слѣдовательно одну только минуту; но и сего довольно было, чтобы замѣтить, сколько она собою хороша, ловка и пріятна“ (тамъ-же, 1903 г., кн. I, стр. 485). Сообщая о своемъ впечатлѣніи отъ знакомства съ Принцессой, поэтъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій писалъ дочери 8-го октября 1823 г.: „Представь дѣвицу 16 лѣтъ, приѣхавшую къ такому пышному Двору, какъ нашъ, и къ которой, черезъ полтора часа по выходѣ изъ кареты, подводятъ, одного за другимъ, человѣкъ двѣсти, съ которыми она *во всякомъ* молвить *по приличности* *каждаго*. „Я знакома съ вашимъ трудомъ“, — сказала она, между прочимъ, Карамзину: „и не думайте, чтобы я читала его только въ переводѣ: я прочла его и по-русски“ (Хроника недавней старины. Изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго, С.-Пб. 1876, стр. 351). Самъ Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Принцесса Шарлотта кажется любезною. Уже говоритъ по-русски и читаетъ нашу Исторію“ (Письма Карамзина къ Дмитріеву, С.-Пб. 1866, стр. 362 и 0160). Черезъ мѣсяць послѣ бракосочетанія Елены Павловны (состоявагосаго 8-го февраля 1824 г.) ей представлялся военный историкъ А. И. Михайловскій-Данилевскій, который вспоминалъ затѣмъ: „Великая Княгиня Елена Павловна меня удивила и въ сей разъ своимъ умомъ. Насъ представлялось ей шестеро, а именно: двое сенаторовъ, Мавринъ и баронъ Бюлеръ, находившійся нѣкогда резидентомъ нашимъ при Регенсбургскомъ Сеймѣ, генераль-маіоръ князь Мадатовъ, приѣхавшій изъ Грузіи и настоящій азіатецъ, Попечитель Петербургскаго Учебнаго Округа, одинъ камеръ-юнкеръ и я. Изъ сего видно, что мы были всѣ люди разныхъ сословій и понятій, — но Великая Княгиня говорила съ каждымъ изъ насъ порознь о тѣхъ предметахъ, которые были свойственны званію каждая изъ насъ: съ барономъ Бюлеромъ о конституціи, бывшей въ Германской Имперіи, съ Мавринымъ - о Сенатѣ, съ княземъ Мадатовымъ—о Кавказѣ и горскихъ народахъ, съ Попечителемъ Университета — объ академіяхъ Россійскихъ и иностранныхъ и такъ далѣе“ („Русск. Стар.“ 1900 г., № 10, стр. 202). Рассказывая о своемъ представленіи ей-же въ маѣ 1825 г., К. Я. Булгаковъ писалъ брату, что, бывъ „призванъ къ ней въ кабинетъ, черезъ поль-часа вышелъ преисполненный Ея Высочества милостями. Изволила говорить о моей службѣ съ особенною похвалою, о всемъ, что я будто сдѣлалъ полезнаго для всѣхъ и пріятнаго для всякаго, объ *одолженіяхъ*, которыя я лично ей дѣлаю, о моей прежней службѣ, о глазной боли, входя въ подробности, кто меня лѣчить, и пр.; о Полегикѣ, къ коему, какъ видно, весьма благосклонно расположена, о моихъ путешествіяхъ, о послѣдней войнѣ Французской, о Парижѣ, Лондонѣ и прочее. Не возможно быть пріятнѣе, любезнѣе, снисходительнѣе, смѣю сказать, — милѣе; невозможно лучше обо всемъ разсуждать... и умнѣе. По себѣ могу судить, что все сказанное объ ней, когда къ намъ появилась, истинно не лесть, а справедливо. Какъ всѣхъ тогда, такъ и меня теперь она восхитила и обворожила“ („Русск. Арх.“ 1903 г., кн. II, стр. 181). Эту способность обворожать Великая Княгиня сохранила до послѣднихъ дней своей жизни, и всѣ, кто имѣлъ возможность знать ее, единогласно о томъ свидѣтельствуютъ. Таковъ восторженный отзывъ о ней Французскаго путешественника виконта d'Arlaincourt, приѣхавшаго въ Петербургъ въ 1842 г. (L'Etoile Polaire, Paris. 1843, p.151—152),

таковъ же позднѣйшій (1850) отзывъ композитора А. Г. Рубинштейна („Русск. Стар.“ 1889 г., № 11, стр. 542) и многихъ другихъ. Ближе знавшая Великую Княгиню фрейлину графиня А. Д. Блудова, вспоминая о той „стремительности“ ея походки, которая „поражала, какъ особенность внѣшняя, привлекательная, какъ живое радушіе“, — говорить, что „эта стремительность была лишь вѣрнымъ выраженіемъ стремительности характера и ума ея, — стремительности, которою она увлекала всѣ мало-мальски живые умы, которая ее самую иногда увлекала и приводила за собой немало разочарованій, но сама по себѣ была очаровательна въ ней. Ни лѣта, ни болѣзнь, ни горе не измѣнилъ этой особенности... Любознательность ея была изумительная, но далекая отъ того празднаго любопытства, которое незамѣтно переходитъ въ мелочныя свѣтскія сплетни, прикрываемыя только забавнымъ или язвительнымъ блескомъ остроумія“, и т. д. (см. „Русск. Арх.“ 1878 г., кн. III, стр. 359—367). „Любовь ко всевозможнымъ знаніямъ“, пишетъ другой современникъ (В. А. Инсарскій): „нужнымъ для изучения Россіи, и стремленіе къ добрымъ дѣламъ въ какомъ бы то видѣ ни было, — составляли всегда отличительныя черты характера и дѣятельности Великой Княгини“, — и въ доказательство приводитъ примѣръ, какъ Великая Княгиня слушала лекціи у Лоде и Петерсона по агрономіи и лѣсоводству. „Изъ разсказовъ князя В. Ф. Одоевскаго, который... былъ домашнимъ человѣкомъ во дворцѣ Великой Княгини, видно было, что она вѣчно училась чему-нибудь. Что касается до второй черты: стремленія Великой Княгини къ добрымъ и полезнымъ дѣламъ, то эту черту и доказывать нечего. Бездна благотворительныхъ, учебныхъ и всякаго рода полезныхъ заведеній или учрежденныхъ ею, или состоящихъ въ ея завѣдываніи и покровительствѣ, свидѣтельствуютъ объ этомъ лучше, чѣмъ можетъ свидѣтельствовать слабое перо ничтожнаго человѣка“ („Русск. Стар.“ 1907 г., № 1, стр. 54). Ближе знакома, изъ современниковъ Пушкина, съ Жуковскимъ (ея учителемъ Русскаго языка), княземъ Вяземскимъ, Тургеневымъ, княземъ Одоевскимъ и другими лицами, она, несомнѣнно, одна изъ немногихъ, умѣла цѣнить поэта и понимала его значеніе въ Русской литературѣ и жизни; это видно и изъ словъ Жуковскаго, который, разсказывая, въ своемъ извѣстномъ письмѣ о смерти Пушкина, о проявленіи общественнаго участія къ раненому поэту, сообщаетъ, что „Государыня Великая Княгиня, очень любившая Пушкина, написала ко мнѣ нѣсколько записокъ, на которыя я отдавалъ подробный отчетъ Ея Высочеству согласно съ ходомъ болѣзни“ (Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, С.-Пб. 1885, стр. 16). Выше мы привели разсказъ Пушкина женѣ о представленіи Великой Княгини; возражая, нѣсколько времени спустя, на ревнивыя подозрѣнія жены, поэтъ писалъ: „Когда я представлялся Великой Княгини, дежурная была не С[ологубъ], а моя прищепленная кузинка Чичерица, до которой я не охотникъ; да хоть бы и С. была въ караулѣ, такъ ужъ если влюбиться... Эхъ, женка! почта мѣшаетъ, а то бы я навралъ тебѣ съ три короба“ (Переписка, т. III, стр. 133); несомнѣнно, что въ неназванномъ лицѣ, достойномъ того, чтобы въ него влюбиться, Пушкинъ подразумѣвалъ именно самую Великую Княгиню, но сказать этого не рѣшился, напуганный и раздосадованный перлюстраціею своихъ писемъ (см. выше, стр. 175). Портреты Великой Княгини въ молодые годы см. въ изданіи А. В. Морозова: Каталогъ Русскихъ портретовъ, т. II, и у Великаго Князя Николая Михайловича: Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, т. I, № 124 и т. IV, № 40. О ней самой см. очеркъ А. Ф. Кони (1903 г.) въ его книгѣ: Очерки

и воспоминанія, С.-Пб. 1906, стр. 447—494; тамъ-же, стр. 451—452, — яркая характеристика мужа Великой Княгини — Великаго Князя Михаила Павловича.

— (Стр. 19). *Красовскій* — Александръ Ивановичъ (род. въ ноябрѣ 1780, ум. 19-го ноября 1857), Предсѣдатель (съ 11-го марта 1833 г. по смерть) Комитета Цензуры Иностранной, съ 25-го ноября 1821 по 1828 гг. бывший цензоромъ Петербургскаго Цензурнаго Комитета и приобрѣвшій грустную извѣстность тупого и фанатическаго „гасильника“, преслѣдовавшаго и вытравлявшаго всякую свободную и живую мысль и вошедшаго въ исторію Русской литературы, какъ синонимъ изувѣра-психопата. Пушкинъ и на себѣ не разъ испытывалъ тяжелую руку цензора Красовскаго и еще 13-го іюня 1824 г. писалъ брату, узнавъ о назначеніи Шишкова Министромъ Просвѣщенія: „Съ перемѣною Министерства ожидаю и перемѣны Цензуры. А жаль... la soupe étoit pleine. Бируковъ и Красовской не въ терпезъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться“. — „Скучно писать про себя или справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго“, — восклицалъ онъ въ томъ-же году, и затѣмъ называлъ его „кичливимъ“, „подлецомъ“... (Переписка, т. I, стр. 117, 136, 170, 209, 235); о Красовскомъ же идетъ рѣчь въ „Посланияхъ къ цензору“, въ эпиграммѣ „Тимковскій царствовалъ“, и въ шуткѣ „Ахъ, тетушка, ахъ, Анна Львовна“... Съ возмущеніемъ упоминаютъ о немъ и князь Вяземскій, и Тургеневъ въ своей перепискѣ („Остафьевскій Архивъ“, т. II, pass.), а первый въ стихотвореніи своемъ „Цензоръ“ (1830 г.) называетъ Красовскаго „Паркою ума и мысли, и свободы“ (Сочиненія, т. IV, стр. 95); цензоръ-профессоръ Никитенко, по поводу смерти Красовскаго помянулъ его, какъ „человѣка съ дикими понятіями, фанатика и вмѣстѣ лицемеря, всю жизнь, сколько могъ, гасившаго просвѣщеніе“ (Дневникъ, т. I, стр. 497); по словамъ его сослуживца, А. И. Рыжова, Красовскій, „дѣтище своего времени, сшитый изъ матеріала, на который, какъ ему казалось, былъ спросъ“, — былъ „дѣвломъ казенный человѣкъ, какъ понималъ казеннаго человѣка встарину, и онъ шелъ къ своей служебной добычѣ всегда верхнимъ чутьемъ, которое никогда его не обманывало. Въ немъ все было напоказъ; тѣло и душа въ мундирѣ; набожность, православіе, человѣческое чувство, служба — все форменнаго покроя. Водотолочное усердіе, принизительное смиреніе, угодливость предъ высшими, рассчитанное ханжество, — все это служило ему ходулями въ продолженіе всей его дѣятельности по Комитету Цензуры иностранной“ и т. д. („Русск. Стар.“ 1874 г., № 1, стр. 107—108). О его цензорскомъ изувѣрствѣ сохранилось множество разсказовъ анекдотическаго свойства, и это изувѣрство закрѣплено въ одномъ изъ вѣстѣ Воейковскаго „Дома Сумасшедшихъ“, въ которомъ читаемъ :

Ба! Зачѣмъ здѣсь князь Ширинскій?
 Какъ палачъ умовъ здѣсь тихъ!
 Это что? „Уставъ Алжирскій
 О печатаніи книгъ!“
 Вкругъ него кнуты, батоги
 И Красовскій — ноздри рвать!...

— (Стр. 19). О *Пулачевѣ* Великая Княгиня говорила съ Пушкинымъ потому, вѣроятно, что узнала отъ него, что въ это время (въ Типографіи II Отдѣ-

ления Собственной Е. И. В. Канцеляріи) шло свѣсное печатаніе Пушкинской „Исторіи Пугачевского бунта“, вскорѣ и законченное.

— (Стр. 19). *Катерина Андреевна* — Карамзина (см. выше, стр. 31—35).

— (Стр. 19). *Таицы* — мыза близъ Гатчины, подъ Петербургомъ, дѣйстви-тельно принадлежавшая нѣкогда Абраму Петровичу Ганнибалу (род. 1697, ум. 1781); она находилась въ бывшемъ Софійскомъ (Царскосельскомъ) уездѣ Петербургской губерніи и пожалована ему была вмѣстѣ съ мызой Елицами съ 5 деревнями при ней, мызой Суйдой (нынѣ станція Варшавской желѣзной дороги), гдѣ прадѣдъ Пушкина провелъ послѣдніе годы своей жизни, будучи въ отставкѣ, и мызами Руновомъ и Кобриномъ (откуда родомъ была няня Пушкина Арина Родионовна); въ послѣдствіи Таицы перешли въ другое владѣніе и нынѣ извѣстны, какъ климатическая станція для легочныхъ больныхъ. Объ имѣніяхъ Ганнибала см. въ статьѣ Б. Л. Модзалевского: „Родъ Пушкина“ — въ Сочиненіяхъ Пушкина, изд. Брокгауза-Ефрона, т. I, стр. 18 и 20 (примѣч. 5-е).

— (Стр. 19). О *Полетикѣ* см. выше, стр. 178—180 и 187.

— (Стр. 19). Какой *Давыдовъ* обѣдалъ у князя Вяземскаго, — навѣрно не знаемъ, но только не поэтъ Денисъ Васильевичъ (какъ полагаетъ Н. О. Лернеръ — Труды и дни Пушкина, изд. 2-е, стр. 313), ибо онъ находился въ это время въ своей деревнѣ Мазѣ, Сызранскаго уезда Симбирской губерніи, откуда 28-го мая 1834 г. писалъ князю Вяземскому длинное дружеское письмо („Старина и Новизна“, кн. XXII, стр. 59—61); вѣроятнѣе всего, что это былъ давній и близкій знакомецъ Вяземскаго — Дмитрій Александровичъ Давыдовъ (род. 26-го мая 1786, ум. 11-го мая 1851), часто упоминаемый въ перепискѣ Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ („Остафьевскій Архивъ“, т. I—III). Нѣкогда блестящій и храбрый гусарь, онъ, по словамъ декабриста И. Д. Якушкина, „принималъ участіе во всехъ увеселеніяхъ Москвы“ (Записки, М. 1905, стр. 57); будучи помѣщикомъ сельца Дубровки, Клинскаго уезда, въ 80 верстахъ отъ столицы (см. „Московскій Наблюдатель“ 1835 г., кн. II, стр. 289; К. Нистремъ, Указатель селеній и жителей уездовъ Московской губерніи, М. 1852, стр. 444), Давыдовъ всю энергію свою и состояніе отдалъ на рѣзвитіе свеклосахарнаго дѣла. „Въ числѣ предшественниковъ [графа А. А.] Бобринскаго по сахарной промышленности“, писалъ князь Вяземскій: „нельзя забыть нашего общаго съ нимъ пріятеля Дмитрія Александровича Давыдова. Онъ... положилъ въ нее много лѣтъ, много усилій и трудовъ и много денегъ — едва-ли не все свое благосостояніе, заключающееся въ милліонѣ рублей ассигнаціями. Удача не вознаградила его усердія и пожертвованія“ (Сочиненія, т. VII, стр. 230), и хотя онъ пользовался извѣстностью, какъ авторъ книги „О химическихъ изысканіяхъ по свеклосахарному производству“ (М. 1835) и ряда статей по тому же вопросу (см. о заводѣ его — „С.-Петербург. Вѣд.“ 1838 г., № 225; С. А. Масловъ, Историческое обозрѣніе Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, М. 1846, стр. 10 и прилож., стр. 121, 236, 242, 246, 260, 283; А. П. Перепелкинъ, Историч. записка объ учрежденіи Имп. Моск. Общества Сельскаго Хозяйства, М. 1895, стр. 6, 65; „Русск. Арх.“ 1905 г., кн. I, стр. 321), — однако еще лѣтомъ 1833 г. А. Я. Булгаковъ писалъ: „Не удивляюсь, что Давыдовъ кряхтитъ: говорятъ, что онъ отъ упрямства своего пробухалъ полмилліона, не сдѣлавъ ничего, — стало быть горекъ долженъ быть для него сахаръ. Можетъ сказать о сахарѣ: экой сахаръ“ („Русск. Арх.“ 1902 г., кн. I, стр. 585). Д. А. Давыдовъ числился на службѣ при Московскомъ Военномъ Генераль-Губернаторѣ князѣ Д. В. Голицынѣ

(1842), съ апрѣля 1835 г. состоялъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника, затѣмъ былъ (1850) статскимъ совѣтникомъ; женатъ былъ (съ 1815 г.) на княжнѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Шаховской (род. 1798, ум. 1862, погребена съ мужемъ въ Песношскомъ монастырѣ Московской губерніи — см. Провинціальный Некрополь, т. I, стр. 235, 236) и имѣлъ многочисленное семейство; младшая дочь его — Ольга Дмитріевна (род. 25-го декабря 1824) (ум. 31-го юля 1893) была замужемъ за славнымъ генеалогомъ, авторомъ „Россійской Родословной Книги“ княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ (ум. 1868), на котораго, какъ извѣстно, падаетъ подозрѣніе въ составленіи и распространеніи гнусныхъ анонимныхъ писемъ, послужившихъ причиною дуэли Пушкина (см. „Пушкинъ и его совр.“, вып. XXV—XXVII). См. „Алфавитъ Декабристовъ“, Пгр. 1919, стр. 72 и 320.

— (Стр. 19). *Киселевъ* — Павелъ Дмитріевичъ (род. 8-го января 1788, ум. 14-го ноября 1872), впоследствии Министръ Государственныхъ Имуществъ и графъ, передъ прїѣздомъ своимъ въ Петербургъ 8-го мая 1834 г. былъ, въ званіи генераль-адъютанта и въ чинѣ генераль-лейтенанта, командующимъ 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, Полномочнымъ Предсѣдателемъ Дивановъ Княжествъ Молдавіи и Валахіи и командующимъ войсками, въ оныхъ княжествахъ расположенными (Мѣсяцесловъ на 1834 г., ч. I, стр. 161); съ признаніемъ княжествъ въ вассальной зависимости отъ Турціи (по конвенціи 17-го января 1834 г.; ср. выше, стр. 41 и 49) и съ рѣшеніемъ очистить ихъ отъ Русскихъ войскъ, Киселевъ, по его просьбѣ, былъ уволенъ отъ должности Предсѣдателя Дивановъ, покинулъ Яссы (11-го апрѣля) и направился, черезъ Кишиневъ, Одессу и Тульчинъ въ Петербургъ, куда и прїѣхалъ, какъ мы упомянули, 8-го мая; здѣсь онъ оставался все лѣто, а въ сентябрѣ отправился, въ свитѣ Николая I, сперва въ Москву, а затѣмъ въ Орель; пожалованный 6-го декабря 1834 г. въ званіе члена Государственнаго Совѣта („С.-Петербург. Вѣдом.“ 1834 г., № 299, стр. 1560), Киселевъ по возвращеніи въ Петербургъ въ концѣ февраля 1835 г. вступилъ въ Департаментъ Государственной Экономіи Совѣта (А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Графъ П. Д. Киселевъ и его время, т. I, стр. 417—421 и т. II, стр. 1—8). Его отчетъ по управленію Молдавіею и Валахіею съ 15-го ноября 1829 г. по 1-е января 1834 г. напечатанъ въ цитированномъ сочиненіи А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, т. IV, стр. 119—145. — Пушкинъ зналъ Киселева въ молодыхъ годахъ и въ 1819 году собирался поступить въ военную службу подъ начальство Киселева (см. въ его посланіи „Орлову“).

— (Стр. 19). О *Ермоловѣ* см. выше, стр. 83—84.

— (Стр. 19). *Цари* — т. е. Царское семейство, проводившее часть лѣта 1834 г. въ Александріи (Петергофѣ).

— (Стр. 19). См. — А. О. и Н. М. Смирновы. О страсти Смирнова къ карточной игрѣ см. выше, въ примѣч., стр. 124.—Я. П. Полонскій, прожившій у Смирнова 1855—1857 годы, пишетъ про него, что онъ былъ „очень богатый человекъ, чуть-ли не миллионеръ и все же настолько зажиточный (*послѣ того, какъ значительная часть его состоянія была имъ проиграна въ карты*), что могъ проживать въ годъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей“... („Голосъ Минувшаго“ 1917 г., № 11—12, стр. 145).

— (Стр. 19). *Генераль Болховской* — Дмитрій Николаевичъ Бологовской (род. 30-го апрѣля 1775, ум. 27-го августа 1852), лишь въ январѣ 1834 г. вышедшій въ отставку. Происходя изъ стариннаго дворянскаго рода и записанный 1-го мая 1781 г. сержантомъ въ л.-гв. Преображенскій, а въ 1783 г. переведен-

ный въ Измайловскій полкъ, онъ 28-го января 1797 г. былъ произведенъ въ прапорщики и прослужилъ до 19-го апрѣля 1802 г., когда вышелъ въ отставку капитаномъ и въ теченіе болѣе 10 лѣтъ не служилъ. Въ это время онъ жилъ въ Москвѣ и въ 1803 г. подписался свидѣтелемъ на одной виденной нами довѣренности Сергѣя Львовича и Василія Львовича Пушкиныхъ, съ которыми, судя по этому, былъ коротко знакомъ.

Въ 1812 г. Бологовской былъ принять Кутузовымъ въ Московскій пѣхотный полкъ, участвовалъ въ Бородинскомъ бою, во время котораго замѣстилъ раненаго Начальника Штаба 6-го корпуса генерала Манахтина, и управлялъ Штабомъ корпуса, будучи дежурнымъ штабъ-офицеромъ и состоя при своемъ родственникѣ, извѣстномъ генералѣ Дожуровѣ. За Лейпцигское сраженіе (гдѣ онъ былъ раненъ) награжденный орденомъ Георгія 4-й степени (6-го октября 1813 г.), Бологовской въ 1818 г. (5-го февраля) былъ опредѣленъ на службу полковникомъ въ Московскій Гренадерскій полкъ, 29-го января 1819 г. назначенъ командиромъ Малороссійскаго гренадерскаго полка, 19-го февраля 1820 г. произведенъ въ генераль-майоры и опредѣленъ командиромъ 2-й бригады 22-й пѣхотной дивизіи, но уже черезъ 5½ мѣсяцевъ переведенъ былъ (7-го августа) командиромъ 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи (М. Ѳ. Орлова), стоявшей въ Кишиневѣ. 7-го октября 1823 г. Бологовской уволенъ былъ въ отпускъ до излеченія болѣзни, съ состояніемъ по арміи, проживалъ въ Москвѣ и въ 1831 году, за участіе въ прекращеніи холерной эпидеміи, награжденъ былъ орденомъ Анны 1-й степени, а 31-го января 1834 г. вовсе вышелъ въ отставку, въ которой пробылъ до 20-го февраля 1836 г., когда состоялось его назначеніе на должность Военнаго губернатора г. Вологды и Вологодскаго гражданскаго губернатора. 18-го апрѣля 1837 г. произведенный въ генераль-лейтенанты, онъ 30-го декабря 1840 г. назначенъ былъ сенаторомъ, присутствовалъ сперва въ 5, а потомъ въ 6 (Московскомъ) Департаментахъ Сената, былъ членомъ Комиссіи по построенію въ Москвѣ храма Христа Спасителя и въ 1849 г. участвовалъ въ борьбѣ съ холерою; въ 1847 г. онъ едва не былъ уволенъ отъ службы за непосѣщеніе Сенатскихъ засѣданій („Русск. Стар.“ 1905 г., № 11, стр. 383, 384 — 386); умеръ въ Москвѣ и погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ (Формулярный списокъ 1847 г.; Русскій Биографическій Словарь, т. Б., стр. 177; Н. А. Мурзановъ, Списки сенаторовъ, С.-Пб. 1911; Московскій Некрополь, т. I).

Въ жизни Бологовскаго, свиду такой заурядной, было три необычныхъ событія: во-первыхъ, онъ присутствовалъ при первыхъ минутахъ послѣ смерти Екатерины II, когда и имѣлъ случай сдѣлать курьезное наблюденіе, о коемъ говоритъ Пушкинъ; онъ находился во дворцѣ, вѣроятно, неся, въ числѣ другихъ, дежурство, какъ нижній чинъ гвардейскаго Измайловскаго полка; во-вторыхъ, ему пришлось быть очевидцемъ, а по нѣкоторымъ указаніямъ даже и участникомъ убійства Павла и въ-третьихъ — пострадать за близость къ Сперанскому при ссылкѣ послѣдняго. — И. П. Голевъ, знававшій Бологовскаго уже въ 1820-хъ гг., въ бытность его командиромъ въ 16-й дивизіи, въ Тульчинѣ, передаетъ — съ его словъ, конечно, — что Бологовской стоялъ въ караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ въ ночь кончины Императора Павла и прибавляетъ, что онъ „не стѣсняясь хвасталъ, что его шарфъ получилъ историческую извѣстность“ *) („Русск. Стар.“ 1881 г., т. XXX, стр. 873); декабристъ М. А. Фонвизинъ увѣренно назы-

*) О шарфѣ, которымъ былъ задушенъ Павелъ I, см. выше, стр. 92, замѣтка о Я. Ѳ. Скарятинѣ.

ваеть Бологовского въ числѣ участниковъ заговора противъ Павла (Записки, въ изданіи: Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка, т. I, С.-Пб. 1905, стр. 133); другой декабристъ—И. Д. Якушкинъ, внося поправки къ нѣкоторымъ статьямъ Герценовской „Полярной Звѣзды“ 1855 г. и, въ частности, къ сообщенному тамъ о Бологовскомъ, пишетъ: „Дмитрій Николаевичъ Болговской, участвовавшій въ заговорѣ 11-го марта, служилъ въ Измайловскомъ полку..., былъ отставленъ по вступленіи на престолъ Императора Александра только въ 12-мъ году получилъ позволеніе вступить опять въ службу“ („Былое“ 1906 г., кн. IV, стр. 188); это же подтверждаетъ и Я. И. де-Сангленъ (см. „Русск. Арх.“ 1871 г., кн. II, стр. 1157—1160), и А. О. Смирнова; послѣдняя, передавая, со словъ П. И. Полетики, о томъ, какъ посланный въ Берлинъ Александромъ I Жеребцовъ разглашалъ тамъ подробности о смерти Павла и о своемъ участіи въ дѣлѣ, прибавляетъ: „c'était la mode alors de s'en vanter. Bolhovskoy s'en est vanté aussi et s'en est mal trouvé après“ („Русск. Арх.“ 1882 г., кн. I, стр. 218), а Я. И. де-Сангленъ пишетъ, что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, въ присутствіи Александра I было произнесено имя Бологовского, то Государь сказалъ одному изъ своихъ друзей: „Знаете-ли вы, что это за человѣкъ? Онъ схватилъ за волосы мертвую голову моего отца, бросилъ ее съ силой о-земь и крикнулъ: „Вотъ тиранъ!“ (К. Валишевскій, Сынъ Великой Екатерины. Императоръ Павелъ I, С.-Пб. 1914, стр. 607; сборникъ „Дареубійство 11 марта 1801 г.“, изд. Суворина, С.-Пб. 1907, стр. 367; „Полярная Звѣзда“ 1855 г., изд. 2-е, Лонд. 1856, стр. 133; ср. Записки Я. И. де-Санглена — „Русск. Стар.“ 1883 г., т. XXXVII, стр. 32, 35—36, 394). Въ 1812 г. Бологовской оказался замѣшаннымъ въ дѣло Сперанскаго, съ которымъ черезъ извѣстнаго Магницкаго находился въ сношеніяхъ, и одновременно со Сперанскимъ былъ высланъ изъ Петербурга въ свою Смоленскую деревню — въ Ельнинскомъ уѣздѣ (см. „Русск. Арх.“ 1867 г., ст. 1367, 1871 г., кн. II, стр. 1157—1160 и 1874 г., кн. I, стр. 1097; Н. К. Шильдеръ, Имп. Александръ I, т. III, стр. 37, 367; „Архивъ князя Воронцова“, кн. XXIII, стр. 148—149; „Русск. Стар.“ 1902 г., № 3, стр. 497—498, и № 4, стр. 9—10, 17, 24—25), однако, вскорѣ получилъ разрѣшеніе вступить въ дѣйствующую армію (см. выше). — Пушкина Бологовской зналъ еще едва-ли не младенцемъ: по крайней мѣрѣ какъ мы указали, его свидѣльская подпись, встрѣтилась намъ на довѣренности С. Л. и В. Л. Пушкиныхъ (отца и дяди поэта) 1803 года; сблизился же онъ съ поэтомъ въ 1820 г. въ Кишиневѣ, гдѣ Бологовской былъ бригаднымъ командиромъ въ дивизіи М. Ѳ. Орлова. И. П. Липранди свидѣтельствуеъ, что Пушкинъ былъ постояннымъ посѣтителемъ оживленныхъ обѣдовъ Бологовскаго, за которыми собирался цвѣтъ Кишиневскаго военнаго общества. Молодой поэтъ у него „часто обѣдалъ, въ началѣ по зову, но потомъ былъ приглашенъ разъ навсегда. Столъ его и непринужденность, умный разговоръ хозяина, его извѣстность — очень нравились Пушкину; но одинъ разъ онъ чуть-чуть не потерялъ расположеніе къ себѣ генерала изъ-за одного самого неловкаго поступка. Ихъ отношенія къ счастью уладились, ибо Пушкинъ откровенно сознался, что всему причиной было его шпигучее, и продолжалъ бывать, но какъ-то рѣже“ („Русск. Арх.“ 1866 г., стр. 1257—1258). Въ 1828 г. Пушкинъ встрѣчался съ Бологовскимъ въ Москвѣ, о чемъ свидѣтельствуеъ общая записка ихъ обоихъ и князя П. А. Вяземскаго съ С. Д. Киселевымъ къ графу Ѳ. И. Толстому (Американцу), напечатанная въ Акад. изданіи Переписки Пушкина (т. III, стр. 457—458) съ ошибочнымъ прочтеніемъ под-

писи Бологовского за подпись С. А. Соболевскаго). Имя Бологовского упоминается въ письмахъ А. Я. Булгакова къ брату за 1829 и 1831 г. („Русск. Арх.“ 1901 г., кн. III, стр. 325, 330, 351, 553 и 1902, кн. I, стр. 119), въ письмѣ же къ Пушкину изъ Москвы отъ середины января 1830 г. князь П. А. Вяземскій, хорошо знавшій Бологовского (см. „Русск. Арх.“ 1865 г., стр. 923), рассказывалъ о немъ своему другу: „Вчера ночью возвращались мы съ Болховскимъ съ бала; говорилъ онъ о романахъ В. Скотта, бранилъ ихъ: „Вотъ романы, прибавилъ онъ,—Les liaisons dangereuses, Faublas,—это дѣло другое: читая ихъ, такъ и глотаешь духъ ихъ, глотаешь редакцію“.—„Хорошо?“ спрашиваетъ поэтъ Вяземскій: „Доволенъ-ли? Захоталъ? поблагодари же меня!“ (Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 109).—**Ө. Н. Фортунатовъ**, знавшій Бологовского уже Вологодскимъ губернаторомъ, пишетъ о немъ: „Онъ памятенъ... не однимъ только Вологоджанамъ, но и присланнымъ на жительство въ этотъ край; онъ былъ горячимъ ходатаемъ о прощеніи тѣхъ изъ удаленныхъ въ Вологодскую губерцію административнымъ порядкомъ, въ которыхъ находилъ исправленіе въ образѣ мыслей или поведеніи. Число лицъ, получившихъ прощеніе по его ходатайству или переведенныхъ въ теплѣйшій, болѣе благорастворенный климатъ, очень велико; къ нимъ, напримѣръ, относятся изъ писателей нашихъ: Николай Иван. Надеждинъ и Влад. Игн. Соколовскій... Прекрасная, высокъ-христіанская кончина Бологовского въ 1852 году въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ сенаторомъ, достойно завершила его жизнь, исполненную добрыхъ дѣлъ: послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, напутствованный таинствами Елеосвященія, Покаянія и Приобщенія, испросивъ христіанское прощеніе у всѣхъ окружающихъ его, онъ мирно почилъ о Господѣ... Въ молодые свои годы **Д. Н. Бологовскій**, когда былъ еще гвардейскимъ офицеромъ“, добавляетъ **Ө. Н. Фортунатовъ**: „пользовался особеннымъ благорасположеніемъ Митрополита Платона, весьма выхвалявшаго его способность прекраснаго, вразумительнаго чтенія... Въ выдержкахъ изъ дневниковъ Влад. Петр. Горчакова, помѣщенныхъ въ Москвитянинѣ за 1850 годъ, упоминается о **Дм. Никол. Бологовскомъ**, наприм., — въ 3 № на стр. 240, какъ Бологовскій встрѣтилъ Мих. **Өед. Орлова** въ 40 верстахъ отъ Кишинева, и проч.“ (Воспоминанія Вологжанина о Преосв. Архіепископѣ Иринеѣ“, **Ө. Н. Фортунатова**, стр. 16—17 корректуры отдѣльнаго оттиска въ библіотекѣ Пушкинскаго Дома). Лицейскій товарищъ Пушкина — баронъ **М. А. Корфъ** отзывается, однако, о Бологовскомъ весьма неблагоприятно, называя его „пустымъ и хвастливымъ болтуномъ, извѣстнымъ своею наклонностью ко лжи“ („Русск. Стар.“ 1902 г., № 3, стр. 497); съ другой стороны, поэтъ **В. И. Соколовскій**, сосланный въ Вологду, — говоритъ о немъ, какъ о „добромъ, умномъ и благороднѣйшемъ губернаторѣ“ („Русск. Стар.“ 1898 г., № 5, стр. 338), а крестникъ Бологовского—**Н. **Ө.** Бунаковъ** (извѣстный педагогъ) — свидѣтельствуетъ, что генералъ „былъ вельможа изъ хорошей фамиліи, которому надо бы быть не Вологодскимъ губернаторомъ, а гораздо выше“, и что „карьера его была на всегда испорчена прикосновенностью къ дѣлу декабристовъ [sic!]“ (Записки **Н. **Ө.** Бунакова**. Моя жизнь, С.-Пб. 1909, стр. 4). Бологовскій былъ женатъ на **Варварѣ Сергѣевнѣ Салтыковой**, въ августѣ 1819 г. овдовѣвъ и лѣтъ пять спустя женился вторично, довольно романтическимъ образомъ, на **Екатеринѣ Григорьевнѣ Осиповой** (ум. въ Смоленской губ. въ 1870-хъ гг.), дочери Смоленскаго губернатора („Русск. Арх.“ 1893 г., кн. III, стр. 162, 164—165); онъ имѣлъ трехъ сыновей (одинъ изъ нихъ—морякъ) и отъ 1-го брака дочь

Софью (род. 1806), въ 1824 г. уже окончившую курсъ Смольнаго монастыря и умершую въ апрѣлѣ 1838 г. (Ф. Н. Фортунатовъ, назв. соч., стр. 26). Объ оставшихся послѣ Бологовскаго Запискахъ было извѣстно и П. И. Бартеневу („Русск. Арх.“ 1871 г., кн. II, стр. 1158 и 1874 г., кн. I, стр. 1097),—быть можетъ, изъ неизданнаго еще тогда Дневника Пушкина; отрывокъ изъ нихъ напечатанъ въ книгѣ В. Харкевича: „1812 годъ въ дневникахъ, запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ“, вып. 1, Вильна. 1900 г., стр. 226—243.

— (Стр. 19). *Гр. Фикельмонъ* — Австрійскій посланникъ (см. выше, стр. 36—38 и др.). Его донесеніе о смерти Пушкина см. въ „Старинѣ и Новизнѣ“, кн. III, и у П. Е. Щеголева „Дуэль и смерть Пушкіна“.

— (Стр. 19). *Elisa* — теща графа Фикельмонта, — Елизавета Михайловна Хитрово, рожд. Голенищева-Кутузова (род. въ 1783, ум. 3-го мая 1839), любимая дочь фельдмаршала князя Смоленскаго, извѣстная по своему пламенному чувству дружбы къ Пушкину. Бывшая фрейлина, въ 1802 г. вышедшая замужъ за флигель-адъютанта графа Ф. И. Тизенгаузена, но въ 1805 г. уже овдовѣвшая (ея мужъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ подъ Аустерлицемъ), она осталась съ двумя дочерьми — графинями Екатериной (впослѣдствіи камеръ-фрейлина) и Дарьей („Долли“), вышедшею въ 1821 г. за Австрійскаго посланника во Флоренціи, а затѣмъ (1829—1839) въ Петербургѣ графа Карла-Людвига Фикельмонта (см. выше, стр. 36—38). Въ 1811 г. Елизавета Михайловна снова вышла замужъ — за генерала Николая Федоровича Хитрово, занимавшаго въ 1815—1817 гг. постъ Русскаго посланника во Флоренціи и умершаго въ 1819 году. Выйдя вторично замужъ, она въ 1811 году жила со своею матерью, Е. И. Голенищевою-Кутузовою, въ Петербургѣ. Молодой Е. Ф. фонъ-Брадкѣ, жившій у нея въ домѣ въ это время, рассказываетъ, какъ „добродѣтельнѣйшая г-жа Хитрово полюбила неудержимо вихорь свѣта и даже не трудилась скрывать этого“. Она прибавляетъ Брадкѣ: „до того забыла Русскій языкъ, на которомъ очень хорошо говорила и писала... , что въ малѣйшей записочкѣ дѣлала самыя грубыя ошибки“ („Русск. Арх.“ 1875 г., кн. I, стр. 24). Послѣ вторичнаго вдовства Е. М. Хитрово въ 1823 г., осенью, пріѣхала въ Москву. Князь П. А. Вяземскій, рассказывая А. И. Тургеневу о ней и ея дочери, графинѣ Фикельмонтъ, пишетъ: „Третьяго дня мать говорила о себѣ: „*Quelle est ma destinée! Si jeune encore et déjà deux fois veuve*“, —и такъ спустила шаль—не съ плечъ, а со спины, — что видно было, какъ стало бы ея еще на три или на четыре вдовства“ („Остаф. Арх.“, т. II, стр. 355). Графъ М. Д. Бутурлинъ, вспоминая о своей встрѣчѣ съ Е. М. Хитрово въ Вѣнѣ въ 1824 году, говоритъ, что она была „склонна къ экзальтаціи“, преувеличеніямъ, и приводитъ примѣры ея простодушія („Русск. Арх.“ 1897 г., кн. II, стр. 6—7). Впослѣдствіи она поселилась въ Петербургѣ, съ дочерью, и вела здѣсь открытый образъ жизни, принимая съ своей гостинной представителей высшаго свѣта. А. О. Смирнова въ Запискахъ своихъ, говоря о концѣ 1828 года, пишетъ: „Первый танцевальный балъ былъ у Элизы Хитрово. Она пріѣхала изъ-за границы съ дочерью, графиней [Е. Ф.] Тизенгаузень, за которую будто сватался Пруссскій король. Элиза гнусила, была въ бѣломъ платьѣ, очень декольте; ея пухленькія плечи вылезали изъ платья; на указательномъ пальцѣ она носила Георгіевскую ленту и часы фельдмаршала Кутузова и говорила: „*Il a porté celà à Borodino*“. Пушкинъ былъ на этомъ вечерѣ и стоялъ въ уголкѣ за другими кавалерами... Элиза пошла въ гостинную, праціозно легла на кушетку и позвала Пушкина. Всѣмъ

известны стихи про нее Пушкина: „Лиза въ городѣ жила“... и т. д. („Русск. Арх.“ 1895 г., кн. II, стр. 190). Рассказывая объ Е. М. Хитрово и известномъ ей салонѣ, князь П. А. Вяземскій пишетъ: „Въ лѣтописяхъ Петербургскаго общегитія имя ея осталось такъ же незамѣнно, какъ было оно привлекательно въ теченіе многихъ лѣтъ. Утра ея (впрочемъ, продолжавшіяся отъ часу до четырехъ по-полудни) и вечера дочери ея, графини Фикельмонтъ, неизгладимо врезаны въ памяти тѣхъ, которые имѣли счастье въ нихъ участвовать. Вся живо-трепещущая жизнь Европейская и Русская, — политическая, литературная и общественная, — имѣла вѣрные отголоски въ этихъ двухъ родственныхъ садонахъ“, въ которыхъ „можно было запастись свѣдѣніями о всѣхъ вопросахъ дня, начиная отъ политической брошюры и парламентской рѣчи Французскаго или Англійскаго оратора и кончая романомъ или драматическимъ твореніемъ одного изъ любимцевъ той литературной эпохи. Было тутъ обзорѣніе и текущихъ событій; былъ и premier Pétersbourg съ сужденіями своими, а иногда и осужденіями, былъ и легкій фельетонъ, нравоописательный и живописный. А что всего лучше, — эта всемірная, изустная, разговорная газета издавалась по направленію и подъ редакціей двухъ любезныхъ и милыхъ женщинъ... Въ числѣ сердечныхъ качествъ, отличавшихъ Е. М. Хитрову, едва-ли не первое мѣсто должно занять, что она была неизмѣнный, твердый, безусловный другъ друзей своихъ. Друзей своихъ любить не мудрено; но въ ней дружба возвышалась до степени доблести. Гдѣ и когда нужно было, она за нихъ ратовала, отстаивала ихъ, не жалья себя, не опасаясь за себя неблагоприятныхъ послѣдствій, личныхъ жертвованій отъ этой битвы не за себя, а за другого“ (Соч., т. VIII, стр. 493). Графъ В. А. Соллогубъ, посвятившій ей свое первое стихотвореніе, — которое исправлялъ, а потомъ перевелъ на французскій языкъ Лермонтовъ („Отеч. Зап.“ 1841 г., кн. 2; см. Воспоминанія графа Соллогуба, С.-Пб. 1887, стр. 136), — говоритъ, что Е. М. Хитрово „никогда не была красавицей, но имѣла сомнище поклонниковъ, хотя молва никогда и никого не могла назвать избранникомъ, что въ тѣ времена была большая рѣдкость“. Она „даже не отличалась особеннымъ умомъ, но обладала въ высшей степени свѣтскостью, привѣтливостью самой изысканной и той всепрощающей добротой, которая только встрѣчается въ настоящихъ большихъ барыняхъ“. Въ ея салонѣ, который Соллогубъ называетъ „самымъ оживленнымъ, самымъ эклектическимъ“, — „кромѣ представителей большого свѣта, ежедневно можно было встрѣтить Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Нелединскаго-Мелецкаго [?] и двухъ-трехъ другихъ тогдашнихъ молодыхъ литераторовъ“. Въ ея спальнѣ, гдѣ она иногда, лежа въ кровати позднимъ утромъ, принимала избранныхъ посѣтителей, было излюбленное „кресло Пушкина“, „диванъ Жуковскаго“, „стулъ Гоголя“ и т. д. У Елизаветы Михайловны были знаменитыя своею красотою плечи; она, по модѣ того времени, часто ихъ показывала и даже сильно ихъ показывала“ (Воспоминанія, С.-Пб. 1887, стр. 132—133). „Уже на 50 году“, пишетъ въ свою очередь Н. М. Смирновъ: она „не переставала оголять свои плечи и любоваться ихъ бѣлизною и полнотою“ („Руск. Арх.“ 1882 г., кн. I, стр. 238). Князь Вяземскій также подшучивалъ надъ этою слабостью Е. М. Хитрово: „Это истина“, писалъ онъ по одному поводу А. О. Смирновой уже въ 1837 г.: „совсѣмъ голая, какъ плечи нашей пріятельницы. Глядя на нее, Василій Перовскій сказалъ однажды: „пора бы уже давно набросить покрывало на прошедшее“ („Русск. Арх.“ 1888 г., кн. II, стр. 302). Пушкину съ большею или меньшею достовѣрностью (см. „Русск.

Стар.“ 1880, т. XXVIII, стр. 330 и 572—573) приписывается известная эпиграмма на Е. М. Хитрово (написанная въ подражаніе стихотворенію Карамзина: „Выборъ жениха“):

Лиза въ городѣ жила
Съ дочкой Долинькой,
Лиза въ городѣ слыла
Лизой голенькой.
У Австрійскаго посла
Нынче Лиза въ grand-gala
Не по старому мила,
Но по старому гола *).

Отношеніе Хитрово къ поэту было самое восторженное, экзальтированное, доходившее до поклоненія. По выраженію князя П. П. Вяземскаго, Хитрово „питала къ Пушкину самую нѣжную, страстную дружбу“, проявляя и въ данномъ случаѣ „доблестныя Кутузовскія традиціи: большое уваженіе къ проявленіямъ общественной дѣятельности и горячую любовь ко всему, что составляетъ славу Русскаго имени“ (Соч., стр. 521). 18-го марта 1830 г. она писала Пушкину (по-французски): „Я сообщу вамъ, что третьяго дня вечеромъ я была въ совершенной радости. Великій Князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ провести вечеръ съ нами и, при видѣ вашего или, вѣрнѣе, вашихъ портретовъ, онъ сказалъ мнѣ: „Знаете-ли, что я никогда не видалъ Пушкина совсѣмъ вблизи. У меня были противъ него большія предубѣжденія; но по всему, что до меня доходитъ, я весьма желаю его узнать и особенно желаю имѣть съ нимъ продолжительный разговоръ“. Онъ кончилъ тѣмъ, что попросилъ у меня „Полтаву“. Какъ я люблю, чтобы васъ любили!“ (Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 123). „Нѣкоторая безпечность права“ Пушкина, говоритъ Н. М. Смирновъ: „позволяла часто имъ овладѣвать; такъ, напримѣръ, Хитрово, женщина умная, но странная. . . ., возымѣла страсть къ генію Пушкина и преслѣдовала его нѣсколько лѣтъ своею страстью. Она надѣла ему несказанно, но онъ никогда не могъ рѣшиться огорчить ее, оттолкнувъ отъ себя, хотя, смѣясь, бросалъ въ огонь, не читая, ея ежедневныя записки; но, чтобы не обидѣть ея самолюбія, онъ не переставалъ часто навѣщать ее въ пріемныя часы ея передъ обѣдомъ“ („Русск. Арх.“ 1882 г., кн. I, стр. 238). Нѣсколько писемъ и записокъ Е. М. Хитрово къ Пушкину (начиная съ марта 1830 г.), однако, сохранилось; онѣ свидѣтельствуютъ объ удивительной, восторженной привязанности ея къ поэту (см. Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 122—123, 148—149, 152—153, 324, 399 и т. III, стр. 377), которую Катенинъ называетъ „обожаніемъ“ (см. тамъ-же, т. III, стр. 207), князь-же Вяземскій говоритъ, что Хитрово одно время „пылала язвической любовью“ къ Пушкину“ („Остаф. Архивъ“, т. III, стр. 193); это, вѣроятно, и дало поводъ поэту шути сравнить Хитрово съ женою Пентефрія, воспылавшею страстью къ прекрасному невинному Юсіфу. . . . Въ письмахъ своихъ Пушкинъ неразъ упоминаетъ о Хитрово,—и всегда съ оттънкомъ насмѣшки. „Лиза голенькая пишетъ мнѣ отчаянное, политическое писвмо“, — говоритъ онъ Вяземскому 2-го января 1831 г., незадолго до своей женитьбы, а 26-го марта, уже послѣ свадьбы, сооб-

* Графъ Соллогубъ въ Воспоминаніяхъ своихъ приводитъ нѣсколько иной, — несомнѣнно худшій текстъ стиховъ (стр. 133).

щая Плетневу, изъ Москвы, что онъ живетъ на Арбатѣ въ домѣ Хитровой, прибавляетъ: „Домъ сей нанялъ я въ память моей Элизы; скажи это южной ласчкѣ, смуглорумяной красотѣ нашей“. Въ письмѣ къ Вяземскому отъ 14-го августа того-же года, мечтая объ изданіи, „съ помощью Божіей и Лизы голенькой“, трехмѣсячнаго журнала, онъ прибавляетъ: „Къ стати: Лиза написала-было мнѣ письмо въ родѣ духовной: *Croyez à la tendresse de celle qui vous aimera même au delà du tombeau* и проч., да и замолкла; я спокойно себѣ думаю, что она умерла — что-жъ узнаю? Элиза влюбилась въ вояжера Mornay, да съ нимъ кокетничаетъ! Каково? *O femme, femme! créature faible et décevante!*! — „Ты, кажется, ревнуешь къ голенькой“, — подшучиваетъ Вяземскій въ отвѣтномъ письмѣ: „Я поздравлю ее и скажу, что ты часто пинешь мнѣ о какомъ-то Mornay. Впрочемъ, не безпокойся и не вѣрь клеветѣ“... Въ 1832 г. Пушкинъ въ запискѣ къ княгинѣ Вяземской шутилъ, говоря, что Хитрово готова самоотверженно пожертвовать собою для излѣченія больного Батюшкова, котораго хотѣли попробовать лѣчить общеніемъ съ женщиною... „Кланяйся и всѣмъ моимъ прелестямъ: Хитровой первой“, — пишетъ онъ женѣ изъ Болдина 8-го октября 1833 г.: „Какъ она перенесла мое отсутствіе? Надѣюсь, — съ твердостью, достойной дочери князя Кутузова“. Въ 1834 г., лѣтомъ, Е. М. Хитрово принимала участіе въ улаженіи эпизода съ неудачной и неловкой попыткой Пушкина выйти въ отставку (см. Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 147), а ранѣе, въ 1832 году, при посредствѣ Пушкина старалась помочь А. П. Кернъ, бывшей тогда „въ тѣсныхъ обстоятельствахъ“ (тамъ же, стр. 387—388, и „Пушкинъ и его соврем.“, вып. V, стр. 154—154). Хитрово сохранила свои чувства къ Пушкину до самой смерти поэта, которую оплакала горячими слезами („Русск. Стар.“ 1880 г., т. XXVIII, стр. 572—573) и послѣ которой не убоялась „безусловно и исключительно“ стать на сторону защитниковъ памяти Пушкина отъ велико-свѣтскихъ нареканій, пересудовъ и поношенія, и, по свидѣтельству князя Вяземскаго, „глубоко оплакивала въ немъ друга и славу Россіи“ (Соч., т. VIII, стр. 493). Она была въ числѣ тѣхъ лицъ, которымъ неизвѣстные донимѣ негодяи разослали анонимныя, оскорбительныя для чести Пушкина письма, и получила отъ него отвѣтное письмо по этому поводу, до насъ не сохранившееся (П. Е. Щеголевъ, Дуэль и смерть Пушкина — „Пушкинъ и его соврем.“, вып. XXV — XXVII, стр. 069—070), какъ и всѣ другія, — вѣроятно многочисленныя — письма къ ней поэта. Хитрово не на много пережила Пушкина: она скончалась въ Петербургѣ 3-го мая 1839 г. Авторъ ея некролога, помѣщеннаго въ „*Journal de Saint-Petersbourg*“ (Mardi, 9/21 Mai 1839; № 55, р. 215) писалъ о ней, между прочимъ (по-французски): „Сдѣлавшись скорѣе сотоварищемъ и другомъ своихъ дочерей, чѣмъ матерью, она наслаждалась всѣмъ тѣмъ счастьемъ, которое даетъ подобная связь; ей не оставалась ничего болѣе желать. Ея назначеніе, какъ женщины, было исполнено; во ея сердцѣ всегда чувствовалось потребность любить болѣе, нежели она сама была любима; ея дочери не доставляли ей этой утѣхи. Эта потребность жить для другихъ превратилась въ христіанское милосердіе; чувство сіе никогда не истощалось; потому что оно имѣло своимъ источникомъ глубокое и просвѣщенное благочестіе. Творить милостыню легко для богатыхъ; но она не была богата, — и она жертвовала иначе: ея благотворительность была дѣйственная, разумная; она умѣла вызывать всѣ виды помощи, она не боялась ни быть докучливой, ни получать отказы; она не теряла отъ этого бодрости... Теперь, когда ея уже нѣтъ, станеть лучше извѣстно, какъ умѣла она дѣлать

добро. Люди часто бывают забывчивы; но смерть, которая стучится во все двери и которая приходит часто раньше, чем ее ожидали, будить воспоминание о благодѣяніи — самымъ отсутствіемъ благодѣтеля. — Г-жа Хитрово была очень похожа на фельдмаршала Кутузова. Она страстно любила своего отца и его славу. Любовь, которую питала она къ Россіи, была тѣмъ болѣе живою, что проистекала одновременно изъ ея сердца и изъ ея разума; она повимала свою родину, она гордилась исторіею ея послѣдняго времени и умѣла надѣяться на нее.—Все родные оплакиваютъ ее; общество воздастъ ей искреннія, но переходящія сожалѣнія: таково обычное теченіе жизни; но ея друзья не забудутъ ея, а тѣ, кто получалъ ея благодѣянія, никогда не утѣшатся, что сердце ея перестало биться“. Хитрово умерла всего 54 лѣтъ отъ роду, „еще полная жизни, здоровья и молодости ума. Одинаково выдѣляясь качествами своего сердца, какъ и высокою культурою умственныхъ своихъ способностей, она“,—говорилъ неизвѣстный авторъ ея некролога: „оставить послѣ себя пустое мѣсто“. Узнавъ о смерти Е. М. Хитрово, графиня Е. П. Растопчина написала прочувствованное стихотвореніе, посвященное ея памяти, и отвѣтила въ немъ ея „осеннюю, но свѣжую красу“, просвѣщенность, доброту души и то, что „она другъ Пушкина была“ (ср. „Архивъ Раевскихъ“, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. III, С.-Пб. 1910, стр. 9—13; помѣщенная здѣсь біографическая замѣтка о Хитрово перепечатана въ „Русск. Арх.“ 1911 г., кн. III, стр. 218—222). По словамъ П. И. Бартенева, „собою она была невзрачна,—полная, жирная и походившая лицомъ на отца — фельдмаршала“ („Русск. Арх.“ 1911 г., кн. III, стр. 220).

— (Стр. 19). *Нащокинъ*—Павель Воиновичъ (род. въ 1800, ум. 6-го ноября 1854) — одинъ изъ ближайшихъ и преданнѣйшихъ друзей Пушкина, безкорыстно и горячо его любившій, человекъ даровитый и весьма оригинальный, но крайне безпорядочный; товарищъ по Петербургскому Университетскому Благородному Пансіону Льва Пушкина, куда они вмѣстѣ поступили въ 1817 г., а также Соболевскаго, онъ недолго служилъ въ л.-гв. Измайловскомъ полку, около 1824 г. вышелъ въ отставку поручикомъ, переселился въ Москву и здѣсь прожилъ, „въ совершенной праздности, лѣтъ тридцать до смерти своей“ (см. М. О. Гершензонъ, Пушкинъ и Нащокинъ—въ Сочиненіяхъ Пушкина, изд. Брокгауза-Ефрона, т. V, стр. 18—29); въ „послѣ-Михайловскій“ періодъ своей жизни поэтъ тѣсно сдружился съ Нащокинымъ; отношенія ихъ выясняются изъ переписки между ними*), начавшейся со времени женитьбы Пушкина, и свидѣлствуютъ о рѣдкой сердечной близости поэта къ его, въ сущности, безпутному другу (см., напр., въ письмахъ Пушкина къ женѣ) . . . Сближеніе ихъ произошло съ весны 1829 г., когда Пушкинъ, пріѣхавъ въ Москву, по пути на Кавказъ, остановился въ домѣ Нащокина. „Чрезвычайно любопытны [были] разговоры послѣдняго“, — говоритъ П. В. Анненковъ: „объ образѣ жизни поэта нашего во время его пріѣздовъ въ Москву, въ послѣдніе годы его холостой жизни и во все продолженіе женатой. Изъ словъ П. В. Нащокина можно видѣть, какъ измѣнились привычки Пуджина“ послѣ его женитьбы; „но въ 1829 году наслажденія семейственности еще смутно представлялись ему. Цѣль была впереди, а запасъ страстей, еще не покоренный правильному теченію жизни, утихалъ только на короткое время“ („Матеріалы для біографіи Пушкина“, изд. 1855 г., стр. 216). По словамъ П. И. Бартенева, лично знавшаго Нащокина, послѣдній былъ „человекъ

*) Письмо Нащокина къ Погодину по поводу опубликованія выдержекъ изъ писемъ къ нему, Пушкина (1851 г.) см. у Н. Барсукова, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, стр. 313—315.

ума необыкновеннаго и душевной доброты несказанной“; онъ „оставилъ по себѣ такую память, что вдова его могла пользоваться ею въ теченіе слишкомъ полулѣтка“; жизнь его „состояла изъ переходовъ отъ „разливаннаго моря“ (съ постройкою кукольнаго домика въ нѣсколько тысячъ рублей) къ полной скудости, доходившей до того, что приходилось топить печи мебелью краснаго дерева“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. III, стр. 433); тотъ же Бартеневъ говоритъ про Нащокина, что онъ былъ „человѣкъ необыкновенно-добрый. При этомъ онъ отличался свѣжимъ, своеобразнымъ умомъ и живымъ художественнымъ чувствомъ. Пушкинъ считалъ его однимъ изъ лучшихъ друзей своихъ. Боратынскій, графъ М. Ю. Вельегорскій, К. П. Брюлловъ, князь П. А. Вяземскій заслуживались его оригинальныхъ разсказовъ. Это была неистощимо-добрая, талантливая Русская душа, какіхъ у насъ гибло и гибнетъ множество. „Свой даръ, какъ жизнь, онъ трагилъ безъ вниманья...“ Многіе и до сихъ поръ сочувственно помнятъ Павла Войновича“ („Русск. Арх.“ 1878 г., кн. I, стр. 76).— Гоголь, зная, что Нащокинъ „промоталъ все свое имѣніе, провель безрасчетно и шумно свою молодость, что былъ въ обществѣ знатныхъ повѣсь и игроковъ“,—свидѣтельствовалъ (1842 г.), въ то же время, что „среди всего этого онъ не потерялся ни разу душою, не измѣнилъ ни разу ея благороднымъ движеніямъ, умѣлъ пріобрѣсть невольное уваженіе достойныхъ и умныхъ людей и, съ тѣмъ вмѣстѣ, самую искреннюю дружбу Пушкина, питавшаго ее къ нему, преимущественно передъ другими, до конца своей жизни“ (тамъ-же, стр. 77). „Это былъ, можно сказать, единственный человѣкъ, которому Пушкинъ вполнѣ довѣрялъ“,—говоритъ Бартеневъ: „и къ нему могутъ относиться стихи [Пушкина]:

...Кто всѣ дѣла, всѣ чувства мѣрить
Услужливо на нашъ аршинъ,
Кто клеветы про насъ не съѣтъ,
Кто насъ заботливо лелѣтъ,
Кому порокъ нашъ не бѣда,
Кто не измѣнитъ никогда.

.... Нащокинъ былъ человѣкъ души необыкновенной“ („Русск. Арх.“ 1912 г., № 1, обложка). По поводу изданія писемъ Нащокина къ Пушкину тотъ же хорошо знавшій Нащокина Бартеневъ еще разъ высказывается о немъ и говорить, что онъ „особенно баловалъ Пушкина своею привязанностью“, и что „бегграмотныя“ письма его очень цѣнны: „онъ въ нихъ весь съ безобразіемъ своего быта, съ художественнымъ чутьемъ, съ постоянно горѣвшимъ огнемъ въ душѣ, съ благимъ помысломъ въ сердцѣ... Вдова Пушкина извѣщала Нащокина о воспитаніи дѣтей своихъ. Для Нащокина не было у Пушкина тайны. Я чувствъ этого необыкновеннаго человѣка на склонѣ его лѣтъ. Онъ такъ много дѣлалъ добра, что вдова его долгіе годы могла жить пособіями лицъ, имъ облагодѣтельствованныхъ. Подобно Американцу графу Толстому, Нащокинъ умеръ, стоя на колѣняхъ и молясь Богу“ („Русск. Арх.“ 1908 г., № 4, 2-я обложка). Нащокинъ очень высоко ставилъ Пушкина и говаривалъ, что „поприще словесное было для Пушкина лишь случайностью, что если бы судьба велѣла ему быть воиномъ или отвела ему на долю какую-либо другую дѣятельность, — онъ вездѣ оставилъ бы по себѣ слѣдъ своего генія“ („Русск. Арх.“ 1887 г., кн. I, стр. 146—147). Во время пребыванія своего въ Москвѣ въ 1830 году Пушкинъ началъ, подъ диктовку Нащокина, записывать его воспоминанія, но,

къ сожалѣнію, дѣло ограничилось лишь нѣсколькими страницами. Въ томъ же году Пушкинъ написалъ Нащокину стихотвореніе „Новоселье“:

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ, а съ нимъ веселье,
Свободный трудъ и сладкій миръ.
Ты счастливъ: ты свой домикъ малый,
Обычай мудрости храня,
Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Застраховалъ, какъ отъ огня.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, съ которыми былъ знакомъ и близокъ Нащокинъ, слѣдуетъ еще назвать Жуковского, Языкова, Чаадаева, художника Тропинина, Верстовскаго (см. „Ежег. Имп. Театр.“ 1896/7 г., прил. 2), актера Щепкина, Загоскина, Боратынскаго, Полторацкаго, Надеждина, Аксаковыхъ, наконецъ, — Бѣлинскаго, который обращался къ Нащокину по денежнымъ дѣламъ и считалъ его „добрымъ и прекраснымъ человѣкомъ“ (Письма. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго, т. II, С.-Пб. 1904, стр. 42, 51, 52, 201). — О смерти первой сожительницы Нащокина (1828 г.) см. въ письмахъ князя П. А. Вяземскаго и А. А. Муханова — въ „Сборникѣ старинныхъ бумагъ . . . П. И. Щукина, ч. IX, стр. 193, и въ „Щукинскомъ Сборникѣ“, ч. III, стр. 194. Затѣмъ Нащокинъ жилъ съ другою сожительницей, повидимому, цыганкой, — Ольгой Андреевной, которая причиняла ему много огорченій и которую онъ долго терпѣлъ едва-ли не потому, что отъ нея у него были незаконные дочь (крестница Пушкина — Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 285) и сынъ Павелъ (упом. въ 1832 и 1834 г. — тамъ-же, т. II, стр. 398, т. III, стр. 68 и 91); въ самомъ началѣ 1834 г. онъ, однако, съ нею разошелся и тайкомъ отъ нея обвѣнчался тогда-же (тамъ-же, стр. 60, 61—62, 63—64, 73, 83) съ Вѣрою Александровною Нарскою (ум. въ Москвѣ въ ночь на 17-е ноября 1900 г. — „Курьеръ“ 1900 г., № 321), отъ которой имѣлъ дочь Екатерину (род. въ дек. 1834) и сыновей Андрея (род. 1838) и Александра (род. 1839). Воспоминанія В. А. Нащокиной см. въ приложеніи къ „Новому Времени“ 1899 г.

— (Стр. 19). Князь Викторъ Павловичъ *Кочубей* — Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, недавно передъ тѣмъ (21-го апрѣля 1834 г. — см. выше, стр. 163; ср. стр. 74) пожалованный въ званіе Государственнаго Канцлера по дѣламъ Внутренняго Гражданскаго Управления, — скоропостижно умеръ въ Москвѣ, проѣздомъ въ свои имѣнія, въ ночь со 2-го на 3-е іюня, отъ припадка грудной жабы. „Вотъ и послѣдній Екатерининскій вельможа сошелъ; будетъ весьма трудно замѣстить покойнаго“, — говорилъ въ своемъ письмѣ къ брату, изъ Москвы А. Я. Булгаковъ, подробно описывая обстоятельства внезапной смерти князя Кочубея: „это утрата для страны, для двора, для общества и для семьи“ („Русск. Арх.“ 1906 г., кн. II, стр. 415); Петербургскій Булгаковъ откликнулся на это словами: „Смерть князя Кочубея ужасно всѣхъ здѣсь поразила. . . Государь теряетъ въ немъ слугу вѣрнаго, человѣка умнаго, опытнаго, государственнаго. Всѣ сожальють о немъ“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 421). — Такъ отзывались благодушные и искательные братья Булгаковы; много же лѣтъ ранѣе въ 1812 году, Н. М. Лонгиновъ, въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, давалъ слѣдующій рѣзкій отзывъ объ этомъ другѣ Александра I:

„Человѣкъ ничтожный въ характерѣ, пустой въ дѣлахъ, надменный въ видахъ, игрушка измѣнниковъ и негодяевъ, онъ впалъ въ такое презрѣніе, что вся публика отъ него отступилась, и Государь не можетъ безъ стыда видѣть его и вспомнить, что онъ могъ имѣть на него вліяніе“, и т. д. („Русск. Арх.“ 1912 г., кн. I, стр. 547). Сенаторъ П. Г. Дивовъ по поводу смерти Кочубея также отзывался о немъ безъ восторга: „Получено извѣстіе о кончинѣ канцлера князя Кочубея“, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ подъ 5-мъ іюня 1834 г.; „тѣло его повелѣно перевезти въ Петербургъ,—вѣроятно для того, чтобы похоронить съ большою помпою. По мысли этого Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, коимъ руководилъ Сперанскій, учреждены въ царствованіе Императора Александра I Министерства. Онъ былъ свѣдущъ въ дѣлахъ, но не былъ одаренъ отъ природы. При вступленіи на престолъ Имп. Николая возникла мысль о возстановленіи коллегіальныхъ учреждений, основанныхъ Петромъ Великимъ; но приближенные Императора и главнымъ образомъ Кочубей были за сохраненіе Министерствъ и настояли на своемъ“ („Русск. Стар.“ 1900 г., № 7, стр. 190—191). Новѣйшій биографъ Кочубея, Н. Д. Чечулинъ, такъ опредѣляетъ роль и значеніе, въ послѣднія девять лѣтъ его жизни, этого государственнаго дѣятеля, нѣкогда личнаго и вліятельнаго друга Императора Александра I и многолѣтняго Министра Внутреннихъ Дѣлъ: „Въ царствованіе Государя Николая Павловича В. П. Кочубей уже не руководилъ непосредственно никакою отраслью управления; исполняя (съ 29-го апрѣля 1827 г.) обязанности Предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ и участвуя въ нѣсколькихъ особыхъ Комитетахъ, Кочубей оказывалъ, конечно, извѣстное вліяніе на ходъ работъ всѣхъ этихъ учреждений; но результаты ихъ дѣятельности зависѣли отъ него лишь отчасти и болѣе относятся не къ его биографіи, а къ общей исторіи того царствованія“. . . („Русскій Биографическій Словарь“, т. И—К., стр. 380). Некрологъ Кочубея, помѣщенный въ Булгаринской „Сѣверной Пчелѣ“ (1834 г., № 140, стр. 557 — 558), заканчивался слѣдующими пышными фразами о его дѣятельности въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ Министровъ: „Здѣсь тотъ же, какъ и прежде, быстрый и вѣрный взглядъ на вещи, отдѣляющій существо ихъ отъ разносторонностей; та же способность открывать въ самомъ многосложномъ дѣлѣ простыя первоначальныя его стихіи; то же дарованіе — сравнивать, сводить, соглашать разномысліе; но все сіе, нынѣ еще болѣе, нежели прежде, было возвышено долготѣннымъ опытомъ, усилено знаніемъ безчисленныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ и,—что въ высшей сферѣ дѣлъ не мало важно,—облечено въ изящныя формы тонкихъ приличій и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждено на безпредѣльной преданности къ Государю, на любви къ Отечеству, на общемъ довѣрїи къ характеру чистому, правдивому и благородному. Благоволеніе и милость Государя Императора были снѣмъ достоинствамъ соразмѣрны. Сверхъ публичныхъ изъясненій и знаковъ почести, коихъ покойный былъ удостоенъ, то, что было для него всего драгоценнѣе, — неизмѣнное довѣріе и личное уваженіе Государя, — сопровождало его до гроба“. О смерти Кочубея, съ которымъ Пушкинъ встрѣчался у жившей вмѣстѣ съ нимъ Н. К. Загряжской (тетки жены Кочубея Марїи Васильевны, рожд. Васильчиковой), онъ упоминалъ въ письмахъ къ женѣ своей отъ 8-го и 11-го іюня 1834 г.; кромѣ того, въ записной книжкѣ своей (Table-talk) онъ записалъ слѣдующій анекдотъ: „Графа Кочубея похоронили въ Невскомъ монастырѣ. Графиня выпросила у Государя позволеніе огородить рѣшеткою часть пола, подъ которой онъ лежитъ. Старушка Новосильцева сказала:

„Посмотримъ, каково-то ему будетъ въ день второго пришествія; онъ еще будетъ карабкаться черезъ свою рѣшетку, а другіе давно ужъ будутъ на небесахъ“ (Сочиненія, изд. Просвѣщенія, т. VII, стр. 72). О князѣ Кочубеѣ см. еще въ монографіи Великаго Князя Николая Михайловича: Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія, С.-Пб. 1912.

— (Стр. 20). Говоря, что *эпиграмму* на Кочубея припишутъ ему, Пушкинъ вспоминалъ несднократно переживавшіяся имъ непріятности изъ-за того, что съ его именемъ связывали многія цензурныя произведенія, на разные случаи и разныхъ лицъ, расходившіяся въ рукописи. Еще въ „Воображаемомъ разговорѣ съ Имп. Александромъ I“ (1825 г.) онъ говорилъ: „Ваше Величество, вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписывается мнѣ“... Жуковскому въ 1826 году онъ также писалъ съ негодованіемъ: „всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова“, а въ „Египетскихъ ночахъ“ говорилъ о себѣ самомъ, подъ именемъ своего „пріятели“: „главною непріятностью платится мой пріятели — приписываніемъ (ему) множества чужихъ сочиненій“. Гоголь въ статьѣ своей „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ“ (1832; вошла въ его „Арабески“, изд. 1835 г.) также писалъ говоря объ обаяніи имени поэта, что „стоило только кому-нибудь изъ досужихъ марателей выставить его [имя] на своемъ твореніи, — уже оно расходилось повсюду“, и что „подъ именемъ Пушкина разсѣивалось множество самыхъ нелѣпныхъ стиховъ. Это обыкновенная участь таланта, пользующагося сильною извѣстностью. Это вначалѣ смѣшить, но послѣ бываетъ досадно, когда наконецъ выходишь изъ молодости и видишь эти глупости не прекращающимися. Такимъ образомъ начали, наконецъ, Пушкину приписывать: „Лѣкарство отъ холеры“, „Первую ночь“ и тому подобныя“. — А. О. Смирнова въ Запискахъ своихъ дважды разсказываетъ о томъ-же; такъ, передавая слова Пушкина: „Только богатымъ дають въ долгъ. И прежде мнѣ приписывали всѣ отвратительныя стихотворенія, которыя ходятъ по рукамъ. Всѣ экспромпты, сочиненные мною in vino veritas [sic], — записывались, переписывались и разносились. Сколько враговъ создали мнѣ мои друзья и почитатели! Сохрани меня Боже отъ нихъ! Они даже подставили имена, о которыхъ я и не думалъ; мнѣ приписывали глупыя и неприличныя эпиграммы, которыхъ я никогда въ жизни не сочинялъ“...; въ другомъ мѣстѣ Смирнова (или ея дочь) говорить уже отъ себя: „Всѣ глупости въ стихахъ и прозѣ, которыя ходятъ по рукамъ, приписываютъ ему. Нѣкоторые это дѣлають только для того, чтобы показать, какъ они интимны съ Пушкинымъ, другіе изъ злобы или по глупости; только не Мятлевъ: онъ обожаетъ Сверчка. Я знаю, что онъ сказалъ разъ Государю: „Отвратительные стихи, разсердивше Х. X., принадлежатъ мнѣ; Пушкинъ въ нихъ не при чемъ“ (Записки, ч. I, стр. 103 и 104). Въ статьѣ нашей „Пушкинъ въ донесеніяхъ агентовъ тайнаго надзора“ („Былое“ 1918 г., № 1, и отд. изд., Пгр. 1922) также приведены случаи приписыванія Пушкину не принадлежащихъ ему стиховъ (см. еще въ статьѣ П. А. Ефремова: „Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ“, С.-Пб. 1903 г.). — „Неразборчивая молва“, пишетъ по этому поводу Н. О. Лернеръ: „щедро приписывала популярнѣйшему поэту всевозможные безыменные стихи, бродившіе по рукамъ; однако, Пушкинъ неповиненъ и въ ничтожной долѣ подобныхъ произведеній“ („Пушкинъ и его современники“, вып. XVI, стр. 59).

— (Стр. 20). *Приписка* на полѣ, сдѣланная рукою князя Петра Андре-

вича Вяземскаго, показываетъ, что онъ не только зналъ о веденіи Пушкинымъ Дневника, но и имѣлъ возможность читать его. Трудно предположить, чтобы Вяземскій сдѣлалъ свою приписку послѣ смерти Пушкина: врядъ-ли бы сталъ онъ критиковать пустую эпиграмму въ дорогой для него подлинной рукописи Дневника его друга и пачкать ее припискою: вѣрнѣе предположить, что она сдѣлана „по горячему слѣду“,—тотчасъ послѣ записи самого Пушкина, когда эпиграмма сохраняла еще характеръ злободневности, и имѣло смыслъ ее подправлять.

— (Стр. 20). *Прусскій Кронпринцъ съ женою* — Фридрихъ-Вильгельмъ (род. 15-го октября 1795, ум. 9-го января 1861), впоследствии, съ 7-го июня 1840 г., Король Прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV, женатый, съ 29-го ноября 1823 г., на Елизаветѣ-Луизѣ (род. 13-го ноября 1801, ум. 14-го декабря 1873), дочери Максимилиана I, короля Баварскаго; онъ былъ роднымъ братомъ Императорицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, не имѣлъ дѣтей, и на престолъ его вступилъ, послѣ его смерти, братъ его Фридрихъ-Вильгельмъ - Людвигъ, впоследствии Король Прусскій и Императоръ Германскій Вильгельмъ I, объединитель Германіи въ 1871 г. Кронпринцъ съ женою прибылъ въ Петергофъ, на пароходѣ, 13-го июня („Сѣв. Пчела“ 1834 г., № 135, стр. 537), а отбылъ обратно изъ Петергофа черезъ Кронштадтъ на Штеттинъ (на пароходѣ „Ижора“) 1-го августа (тамъ-же, № 176, стр. 703). 3-го июня Императоръ Николай писалъ Фельдмаршалу Паскевичу изъ Александріи (Петергофа): „Наслѣдный принцъ ведетъ себя здѣсь умно, и въ самыхъ коренныхъ чистыхъ правилахъ, какъ нельзя его лучше желать; его присутствіе между нами и для него, и для насъ весьма полезно, ибо онъ насъ видитъ послѣ 17 лѣтъ, а мы его узнаемъ, какимъ онъ есть, а не такъ, какъ злоба и зависть его описываютъ; на него смѣло понадѣяться можно“ (Князь Щербатовъ, Генераль-Фельдмаршалъ Князь Паскевичъ, Приложенія къ т. V, С.-Пб. 1896, стр. 235).

— (Стр. 20). *Въ іюнѣ 1834 г.* Пушкинъ, какъ видно изъ писемъ его къ женѣ (см. Переписку, Акад. Изд., т. III, стр. 124, 142, 143 и др.), былъ въ мрачномъ настроеніи духа, жаловался на желчь, говорилъ, что у него сплинъ, и т. д. Такому душевному состоянію его было много причинъ: запутанность денежныхъ дѣлъ его личныхъ и дѣлъ родителей, брата и сестры, продолжавшееся недовольство камеръ-юнкерствомъ, отъѣздъ жены и обнаружившаяся перлюстрація ихъ переписки, поражавшая поэта по временамъ пустота окружавшей его жизни и стремленіе къ свободѣ и независимости, которой онъ не имѣлъ и не видѣлъ впереди; все это, вмѣстѣ взятое, было причиною того, что 25-го іюня поэтъ отправилъ къ графу Бенкендорфу въ Петергофъ письмо слѣдующаго содержанія: „Monsieur le Comte, Des affaires de famille nécessitant ma présence tantôt à Moscou, tantôt dans l'intérieur, je me vois obligé de me retirer du service, et je supplie Votre Excellence de m'en obtenir la permission. Je demanderois comme dernière grâce que l'autorisation que Sa Majesté a daigné m'accorder, celle de visiter les archives, ne me fut pas retirée.—Je suis avec respect, Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur Alexandre Pouchkin“.

Бенкендорфъ отвѣтилъ Пушкину 30-го іюня сухимъ письмомъ, составленнымъ въ выраженіяхъ нарочито черствыхъ: „Милостивый Государь Александръ Сергѣевичъ.—Письмо ваше ко мнѣ отъ 25-го сего іюня было мною представлено Государю Императору въ подлинникъ, и Его Императорское Величество, не желая ни кого удерживать противъ воли, повелѣлъ мнѣ сообщить Г. Вице-Кан-

целу объ удовлетвореній вашей просьбы, что и будет мною исполнено.— Затѣмъ на просьбу вашу о предоставленіи вамъ и въ отставку права посѣщать Государственные Архивы для извлеченія справокъ Государь Императоръ не изъявилъ своего соизволенія, такъ какъ право сіе можетъ принадлежать единственно людямъ, пользующимся особенною довѣренностію начальства. — Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашъ покорный слуга Графъ Бенкендорфъ“. — На другой день, 1-го іюля (быть можетъ, еще до полученія постомъ вышеприведеннаго письма Бенкендорфа), Пушкина видалъ на Петергофскомъ гуляньѣ, на придворной линейкѣ, В. В. Ленцъ, который замѣтилъ, что поэтъ былъ угрюмъ („Русск. Арх.“ 1878 г., кн. I, стр. 451—452). . . Но тутъ, какъ бывало и раньше въ критическія минуты жизни Пушкина, на сцену выступилъ Жуковскій: онъ началъ убѣждать поэта одуматься и взять отставку обратно, говорилъ по поводу письма Пушкина съ Николаемъ I, — и Пушкинъ уже 3-го іюля просилъ Бенкендорфа „не давать дальнѣйшаго хода его просьбѣ“ и писалъ Жуковскому о томъ-же; Жуковскій передалъ послѣднее письмо Бенкендорфу, и тотъ представилъ его Николаю I при слѣдующей докладной запискѣ (по-французски и безъ числа): „Письмо Пушкина ко мнѣ и другое отъ него же къ Жуковскому. Такъ какъ онъ сознается въ томъ, что сдѣлалъ просто глупость и предпочитаетъ казаться лучше непослѣдовательнымъ, нежели неблагодарнымъ, то (такъ какъ я еще не сообщалъ объ его отставкѣ ни князю Волконскому, ни графу Нессельроде) я предполагаю, что Вашему Величеству благоугодно будетъ смотрѣть на его первое письмо, какъ будто его вовсе не было. Передъ нами мѣрило челоувѣка; лучше, чтобы онъ былъ на службѣ, нежели предоставленъ самому себѣ“. Императоръ положилъ на откровенномъ докладѣ графа Бенкендорфа слѣдующую характерную резолюцію (тоже по-французски): „Я ему прощаю, но пригласите его, чтобы еще разъ объяснить ему всю безсмысленность его поведенія и чѣмъ все это можетъ кончиться; и что то, что могло бы быть простительно двадцатилѣтнему безумцу, не можетъ быть извинительно челоувѣку тридцати пяти лѣтъ, мужу и отцу семейства“ („Старина и Новизна“, кн. VI, стр. 10—11). Несмотря на новое письмо Жуковскаго, убѣждавшаго написать прямо Царю что-нибудь „отъ сердца“, чтобы не показаться неблагодарнымъ, Пушкинъ писалъ Николаю Павловичу не пожелалъ, а отправилъ (6-го іюля) слѣдующее письмо къ графу Бенкендорфу (по-французски), — и все осталось по прежнему:

„Графъ! Позвольте мнѣ говорить откровенно: Испрашивая мою отставку, я думалъ лишь о моихъ семейныхъ дѣлахъ, тягостныхъ и затруднительныхъ. Я имѣлъ въ виду единственное неудобство часто отлучаться въ отпуски, состоя на службѣ. Богомъ и душою моею клянусь, что это было единственнымъ моимъ помышленіемъ; съ глубочайшею скорбью вижу, что оно было столь жестоко перетолковано. Императоръ осыпалъ меня милостями съ первой же минуты, въ которую царская его мысль низошла на меня. Между этими милостями есть такія, при воспоминаніи о которыхъ не могу удержаться отъ глубочайшаго чувства: такъ много соединено было въ нихъ благородства и великодушія. Онъ всегда былъ для меня Провидѣніемъ, и если въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ мнѣ случалось роптать, то никогда, клянусь вамъ, чувство горечи не примѣшивалось къ тѣмъ, которыя я посвящалъ ему. И въ эту минуту сердце мое переполнено грустью не отъ мысли лишиться всемогущаго покровителя, но отъ боязни оставить къ его душѣ впечатлѣніе, мною, по счастью, не заслуженное. — Повторяю, Ваше Сіятельство, всепокорнѣйшую мою просьбу не давать дальнѣйшаго

хода прошенію, поданному мною столь опрометчиво:— Поручая себя вашему мощному покровительству, осмѣливаюсь принести вамъ дань моего глубокаго уваженія.— Съ таковыми чувствами имѣю честь быть Вашего Сіятельства низжайшій и всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ“. — Черезъ нѣсколько дней, успокоившись, Пушкинъ писалъ женѣ, между прочимъ: „На дняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ: съ тѣмъ чуть было не побранился — и трухнулъ то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умѣю, хоть и онъ не правъ“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 152); въ слѣдующемъ письмѣ онъ снова писалъ: „Надобно тебѣ поговорить о моемъ горѣ. На дняхъ хандра меня взяла, подала я въ отставку, но получила отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидь, что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы миѣ отставку не давали. А ты и рада, не такъ? Хорошо, коли проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать, и что скажетъ Машка, а въ особенности. Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили, какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Аничковскихъ балахъ. Ну, дѣлать нечего. Богъ великъ; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма“ (тамъ-же, стр. 153).

— (Стр. 20). *Маршалъ Мезонъ* — comte Joseph Maison (род. 1771, ум. въ 1840); участникъ Наполеоновскихъ войнъ 1805—1814 г., онъ послѣ отреченія Наполеона сталъ на сторону Людовика XVIII, который пожаловалъ его въ пѣры Франціи и назначилъ губернаторомъ Парижа; въ 1828 г. онъ начальствовалъ Морейской экспедиціей и въ 1829 г. сдѣланъ маршаломъ; при Людовикѣ-Филиппѣ былъ министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, военнымъ министромъ и, наконецъ, посломъ въ Австріи, а потомъ въ Россіи; въ Петербургъ пріѣхалъ онъ въ декабрь 1833 г. („Русск. Стар.“ 1900 г., № 4, стр. 137), и Императоръ Николай, дѣлясь текущими новостями со своимъ другомъ, фельдмаршаломъ Паскевичемъ, писалъ ему 4-го января 1834 г.: „Прибылъ маршалъ Мезонъ; первые приемы его хороши, и кажется онъ чловѣкъ умный и изъ кожи лѣзеть, дабы угодить“ (Князь Щербатовъ, Генералъ-Фельдмаршалъ князь Паскевичъ, т. V, приложенія, С.-Пб. 1896, стр. 229). О его паденіи съ лошади Пушкинъ писалъ женѣ: „Бѣднаго маршала Мезона чуть не задавили на маневрахъ. Знай нашихъ“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 156—157). К. Я. Булгаковъ рассказывалъ о томъ же своему брату въ письмѣ отъ 23-го іюля 1834 г.: „Французскій посоль на маневрахъ больно ушибся. Онъ хотѣлъ проскакать, между тѣмъ какъ кавалерія неслась въ атаку, — не успѣвъ проѣхать и былъ съ лошадыю опрокинутъ; больно ушибленъ, такъ что оставался безъ памяти. Арендтъ тотчасъ его перевязалъ и отвезъ въ Красное Село, гдѣ и Государь его навѣстилъ. Онъ ушибъ между прочимъ голову; но, слава Богу, обошлось лучше, чѣмъ бы должно было опасаться. Ему гораздо лучше, и полагаютъ, что черезъ нѣсколько дней совсѣмъ будетъ здоровъ“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 426); въ августѣ онъ, дѣйствительно, уже ѣздилъ въ Москву („Свѣ. Пчела“ 25-го августа 1894 г., № 191).

— (Стр. 20). Подъ Аустерлицемъ, 20-го ноября 1805 г., *Кавалергардскій полкъ*, по словамъ своего историка, „былъ разстроень, почти наполовину уничтоженъ, большинство офицеровъ перебито и взято въ плѣнъ“ (въ томъ числѣ князь Н. Г. Репнинъ); именно, полкъ потерялъ свыше 40% своего офи-

царского состава и около $\frac{1}{3}$ нижних чиновъ и лошадей (С. А. Панчулидзевъ, *Исторія кавалергардовъ*, т. III, С.-Пб. 1903, стр. 70, 73).

— (Стр. 20). *Ариѣ* — Николай Федоровичъ Арентъ (род. въ 1785, ум. 14-го октября 1859), лейбъ-медикъ, состоявшій тогда по Главному Штабу и при Особѣ Его Величества, славный врачъ-хирургъ, пользовавшійся большою известностію и имѣвшій большую практику въ придворныхъ и свѣтскихъ кругахъ Петербурга; онъ, между прочимъ, старался спасти жизнь Пушкина послѣ его дуэли съ Дантесомъ (см. у П. Е. Щеголева, *Дуэль и смерть Пушкина*).

— (Стр. 20). Говоря о *домѣ князя Трубецкаго*, Пушкинъ нѣсколько ошибается: Сенатъ былъ помѣщенъ не въ домѣ Трубецкаго, а въ особомъ зданіи Судебныхъ мѣстъ, построенномъ знаменитымъ зодчимъ Матвѣемъ Федоровичемъ Казаковымъ, въ 1771—1785 г., на мѣстѣ дома князей Ивана Юрьевича и Юрія Юрьевича Трубецкихъ; Сенатское зданіе, однако, заняло еще сосѣднія мѣста церквей Козьмы и Даміана, Петра Митрополита и Введенія Богородицы и Конюшеннаго двора Чудова монастыря (см. у И. Е. Забѣлина, *Исторія города Москвы*, ч. I, М. 1902, стр. 325—330; *Московская справочная книжка*, изданная Вадимомъ Пассекомъ, М. 1842, стр. 45—46; *Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ. 1711—1911*, т. V (дополнительный), С.-Пб. 1911, стр. 3 и 69—70).

— (Стр. 20—21). *Троцинскій*—Дмитрій Прокофьевичъ (род. 26-го октября 1749, ум. 26-го февраля 1829); при Екатеринѣ—членъ Главнаго Почтоваго Правленія и статсъ-секретарь, онъ сопровождалъ Павла I на коронацію въ Москву и получилъ отъ него рядъ наградъ и милостей: орденъ Анны 1-й степени (13-го ноября 1796), 1200 душъ въ Воронежской губерніи (5-го апрѣля 1797), чинъ тайнаго совѣтника (25-го августа 1797), ордена Александра Невскаго (8-го апрѣля 1799) и Иоанна Иерусалимскаго (10-го ноября 1800), а также званія Сенатора и Президента Главнаго Почтоваго Правленія (19-го іюня 1798) и члена совѣтовъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и Училища св. Екатерины; однако, уже 6-го апрѣля 1799 г. Троцинскій былъ уволенъ отъ должности Президента Главнаго Почтоваго Правленія, а 14-го октября 1800 г. — и вовсе отставленъ отъ службы, хотя и „по прошенію“ („Русск. Стар.“ 1882 г., т. XXXIV, стр. 646—647, и Сенатскій Архивъ, т. I, С.-Пб. 1888, по указ.). Троцинскій, дѣйствительно, какъ рассказываетъ Пушкинъ, въ ночь на 12-е марта 1801 г., часовъ около 3-хъ, тотчасъ послѣ убійства Павла I, былъ призванъ въ Зимній дворецъ, къ переѣхавшему туда изъ Михайловскаго замка новому Императору Александру I; послѣдній кинулся къ нему на шею и сказалъ: „Будь моимъ руководителемъ!“ Троцинскому поручили тотчасъ же написать манифестъ о вступленіи на престолъ Александра Перваго; словами этого известнаго манифеста, „вылившимися въ минуту счастливаго вдохновенія, Троцинскій воспламенилъ сердца подданныхъ искреннѣйшею любовью къ молодому Императору и успокоилъ умы, взволнованные еще пережитыми тяжелыми днями“ (Н. К. Шильдеръ, *Императоръ Александръ I*, т. II, стр. 6). Вскорѣ Троцинскій былъ избранъ ближайшимъ сотрудникомъ молодого Императора по внутреннимъ дѣламъ, назначенъ состоять при Особѣ Его Величества у исправленія дѣлъ, по особой довѣренности Государя на него возложенныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему повелѣно было присутствовать по прежнему въ Сенатѣ, „когда по настоящей его должности свободное время имѣть можетъ“ (при чемъ къ нему назначенъ, съ званіемъ статсъ-секретаря, молодой Сперанскій), а скорѣ онъ пожалованъ былъ въ званіе члена Госу-

дарственного Совѣта и произведенъ (15-го сентября 1801 г.) въ дѣйствительные тайные совѣтники; въ 1802 г. назначенный Министромъ Удѣловъ, онъ 9-го июня 1806 г. вышелъ въ отставку и отправился на родину, въ Миргородскій уѣздъ Полтавской губерніи; въ 1811 г. избранный Губернскимъ Маршаломъ Дворянства, онъ въ 1814 г. назначенъ былъ Министромъ Юстиціи и пробылъ на этомъ посту до 25-го августа 1817 г., когда окончательно вышелъ въ отставку. Онъ покровительствовалъ роднѣ своей, между прочимъ, — отцу писателя, В. А. Гоголь-Яновскому, женатому на племянницѣ жены его брата, А. П. Трошинскаго: юный Гоголь благодаря хлопотамъ, Д. П. Трошинскаго былъ принятъ въ Нѣжинскій Лицей; быть можетъ, именно Гоголь (а можетъ быть — Сперанскій) разсказалъ Пушкину про памятную ночь 11 — 12-го марта 1801 г., когда Трошинскій былъ вызванъ въ Зимній Дворецъ и здѣсь былъ встрѣченъ главою заговора противъ Павла I — Петербургскимъ Военнымъ Губернаторомъ графомъ Петромъ Алексѣвичемъ фонъ деръ-Паленомъ.

— (Стр. 21). 4-го августа 1834 г. Пушкинъ, зачительно продвинувъ печатаніе „Исторіи Пугачевского бунта“, подалъ прошеніе объ отпускѣ на 3 мѣсяца въ Нижегородскую и Калужскую губерніи, 15-го числа получилъ этотъ отпускъ, переѣхалъ на новую квартиру (бывшую князя П. А. Вяземскаго) — на Дворцовой набережной, у Прачешнаго моста, въ домъ Баташева („Пушкинъ и его соврем.“, вып. XIV, стр. 20), и 25-го августа выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву; проведя здѣсь нѣсколько часовъ онъ отправился къ женѣ въ Полотняный Заводъ, Калужской губерніи, а затѣмъ — вернулся въ Москву, откуда 9-го сентября отправился въ Болдино. 18-го октября онъ возвратился въ Петербургъ, одновременно съ женой и двумя свояченицами, у него поселившимися, и продолжалъ печатать „Пугачева“, который и вышелъ въ свѣтъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1834 г.

— (Стр. 21). Торжество открытія *Александровской колонны* совершилось 30-го августа, въ день именинъ покойнаго Александра I; описаніе этой церемоніи, по случаю которой было много наградъ, — см., между прочимъ, въ Запискахъ графа А. Х. Бенкендорфа (Н. К. Шильдеръ, Императоръ Николай I, т. II, С.-Пб. 1903, стр. 685—688), въ дневникъ П. Г. Дивова („Русск. Стар.“ 1900 г., № 7, стр. 191), въ письмахъ К. Я. Булгакова („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 431—432), въ Воспоминаніяхъ Н. М. Колмакова („Русск. Стар.“ 1891 г., № 6, стр. 672) и въ статьяхъ и стихахъ „Сѣверной Пчелы“ (1834 г., №№ 186, 193, 195, 196, 197, 198, 202), „Библ. для Чтенія“ 1834 г., кн. X (стих. М. А. Маркова и Ал. Бистрома), „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1834 г., № 202 — 203, „Литер. Прибавл. къ Русск. Инвалиду“ 1834 г., № 75, 76 (стих. М. Нѣмцова), 80 (стих. И. Вѣтринскаго), въ Воспоминаніяхъ В. И. Панаева — „Русск. Стар.“ 1892 г., № 11, стр. 289—295, и „Русск. Стар.“ 1884 г., № 8, стр. 369—376, а также въ особомъ брошюрѣ Ив. Гр. Бутовскаго: „Объ открытіи памятника Императору Александру I“, С.-Пб. 1834, 80.

— (Стр. 21). *Александръ Николаевичъ Раевскій* (род. 16-го ноября 1795, ум. 23-го октября 1868) — давній знакомецъ и нѣкогда другъ, Пушкина, внушившій ему извѣстныя стихотворенія „Демонъ“, „Ангель“ и „Коварность“ (см. Сочиненія Пушкина, изд. Брокгауза, примѣч. къ № 371, 394 и 494 и т. II, стр. 275—276 и 279—280; Великій Князь Николай Михайловичъ, Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, т. IV, № 132; Архивъ Раевскихъ, изд. П. М. Раевскаго, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I—V, С.-Пб. 1908—1915), отставной полковникъ и камергеръ. Человѣкъ очень своеобразный, умный и образо-

ванный, онъ, живя въ Одессѣ и встрѣчаясь съ Пушкинымъ у Воронцова, сумѣлъ подчинить своему обаянію молодого поэта, находившагося одно время подъ сильнымъ вліяніемъ его „язвительныхъ рѣчей“, вливавшихъ въ его душу „хладный ядъ“. Странности характера Раевского сказались рано, несмотря на его недюжинный, но односторонній умъ; уже въ 1820 году отецъ писалъ про него: „Я иду въ немъ проявленія любви, чувствительности и не нахожу ихъ. Онъ не разсуждаетъ, а споритъ, и чѣмъ болѣе онъ неправъ, тѣмъ тонѣ его становится непріятнѣе, даже до грубости.... У него умъ наизнанку... Я думаю, что онъ не вѣритъ въ любовь, такъ какъ самъ ея не испытываетъ и не старается ее внушить“. Вигель оставилъ о Раевскомъ крайне рѣзкій отзывъ; говоря, что онъ отличался какимъ-то „непріязненнымъ чувствомъ ко всему человѣчеству“, онъ пишетъ: „Въ немъ не было честолюбія, но изъ смѣшенія чрезмѣрнаго самолюбія, лъни, хитрости и зависти составленъ былъ его характеръ... Наружность его сохраняла еще нѣкоторую пріятность, хотя тѣлесные и душевные недуги уже изсушили его и наморщили его чело“; ему свойственна была какая-то демоническая злоба, которая заставляла его ненавидѣть тѣхъ, кто дѣлалъ ему добро, разрушать счастье вездѣ, гдѣ онъ ни замѣчалъ его“. М. В. Юзефовичъ свидѣтельствуетъ, что Раевскій, „дѣйствительно, имѣлъ въ себѣ что-то такое, что придавливало душу другихъ; сила его обаянія заключалась въ рѣзкомъ и язвительномъ отрицаніи... Пушкинъ въ Одессѣ жаждалъ къ нему по вечерамъ, имѣя позволеніе тушить свѣчи, чтобы разговаривать съ нимъ свободнѣе въ-потьмахъ“. — Поэту, безъ сомнѣнія, было извѣстно поведеніе А. Н. Раевского въ ту эпоху, когда сестра его, княгиня М. Н. Волконская, — предметъ „утаенной“ любви Пушкина, — собиралась ѣхать въ Сибирь за мужемъ-декабристомъ и встрѣчала противодѣйствіе брата (см. М. О. Гершензонъ, *Исторія молодой Россіи*, М. 1908, стр. 58—64). Въ январѣ 1834 г. Раевскій получилъ разрѣшеніе жить въ Москвѣ; нигдѣ не служа, онъ 11-го ноября 1834 г. женился здѣсь на Екатеринѣ Петровнѣ Киндяковой (ум. 26-го ноября 1839). „Онъ взялся сватать ее за другого“, писалъ въ своемъ (неизданномъ еще) *Дневникѣ* А. И. Тургеневъ: „а самъ женился. Исторія самая скандальная и перессорила полъ-Москвы, особенно же Пашковыхъ съ Киндяковыми: первые были за перваго жениха“. — Недѣли за двѣ до свадьбы Раевского его встрѣтилъ у Киндяковыхъ на балу А. Я. Булгаковъ, который, въ письмѣ къ дочери своей, княгинѣ О. А. Долгоруковой, съ негодованіемъ разсказывалъ, какъ „le fameux Démon, le Satan de Чистый Прудъ, enfin Raewsky“ заговорилъ, „со свойственнымъ ему безстыдствомъ“, съ ея сестрою, не будучи съ нею знакомъ... („Русск. Арх.“ 1906 г., кн. II, стр. 546—548); узнавъ о состоявшейся свадьбѣ „Satan Raewsky“, Н. В. Булгакова предсказывала, что черезъ девять мѣсяцевъ, можетъ быть, родится Антихристъ (тамъ-же, стр. 552), а извѣстный острякъ С. А. Нефловъ написалъ четверостишіе (стр. 554)

Демону.

Ужъ подлинно собаку съѣлъ
И адски поступилъ:
Путягу онъ поддѣлъ,
Катишку подуѣпилъ!

Очевидно, прозвище Раевского „Демонъ“ было извѣстно всей Москвѣ, и здѣсь Раевскій, въ опредѣленныхъ кругахъ общества, не пользовался благоволе-

ніемъ. — Пушкинъ, какъ онъ пишетъ въ своемъ Дневникѣ, издавшій Раевского незадолго до его свадьбы и нашедшій его „поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ“, нѣсколько мѣсяцевъ спустя писалъ женѣ: „Раевскій (Ал.), который прошлаго года казался мнѣ немного приглупѣвшимъ, кажется, опять оживился и поумнѣлъ. Жена его собою не красавица,—говорятъ, очень умна“ (Переписка, т. III, стр. 312); отъ нея Раевскій имѣлъ одну дочь Александру (род. 6-го ноября 1839), которую нѣжно любилъ, но она, выйдя замужъ за графа И. Г. Ностица, умерла въ 1863 г., — и старый „Демонъ“ оставался неутѣшнымъ до самой смерти.

— (Стр. 21). Говоря о *Калугѣ*, Пушкинъ имѣетъ въ виду не самый городъ, а лишь его губернію, ибо Полотняный Заводъ,—имѣніе Гончаровыхъ въ Медынскомъ уездѣ, куда онъ ѣхалъ къ семьѣ,—находится, (считая отъ Москвы черезъ Тарутино) сѣвернѣе Калуги, до которой отъ Полотнянаго Завода около 30 верстъ, и ѣхать въ Калугу ему не было надобности. Запись Пушкина объ этой поѣздкѣ впервые приведена была Анненковымъ въ его „Матеріалахъ“, изд. 1855 г., стр. 390.

— (Стр. 21). *Тарутино*—село въ Боровскомъ уездѣ Калужской губерніи, на р. Нарѣ, въ 80 верстахъ отъ Москвы,—имѣніе графа Сергѣя Петровича Румянцова (род. 17-го марта 1755, ум. 24-го января 1838), памятное по кровопролитному сраженію съ французами 6-го октября 1812 г. Желая увѣковѣчить побѣду, одержанную Кутузовымъ при этомъ селеніи (доставшемся ему въ наслѣдство послѣ брата, канцлера графа Н. П. Румянцова), графъ Сергѣй Петровичъ испрашивалъ Высочайшаго соизволенія на то, чтобы всѣхъ крестьянъ села Тарутина съ деревней Гранищевой, числомъ 439 душъ, признать вольноземледѣльческими, предоставивъ имъ всѣ угодья, коими они пользовались въ то время. Крестьяне же, освобождаемые такимъ образомъ отъ крѣпостной зависимости, должны были, на свой счетъ, воздвигнуть свидѣтельствующій ихъ душевную признательность памятникъ въ Тарутинѣ, въ честь битвы 6-го октября 1812 г., по оеобо составленному рисунку. Это предположеніе графа Румянцова было Высочайше утверждено 20-го декабря 1828 г. („Русскій Биографическій Словарь“, т. Р., стр. 588—589), самый же памятникъ открытъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, 25-го іюня 1834 г.; на немъ надпись: „На семь мѣстъ Россійскаго воинство, предводимое фельдмаршаломъ Кутузовымъ, спасло Россію и Европу“ („Русск. Стар.“ 1893 г., № 4, стр. 221); его изображеніе см. въ книгѣ: Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Историческій очеркъ. Приложение первое, С.-Пб. 1901, стр. 23.

— (Стр. 21). *Нижегородская деревня* — село Болдино, Арзамасскаго уезда; оно досталось прадеду поэта, Александру Петровичу Пушкину, въ 1718 году, по завѣщанію дѣда-дяди (grand'oncle) послѣдняго, стольника Ивана Ивановича Пушкина (умершаго въ 1717 году), въ роду же Пушкиныхъ было съ 1619 г., когда было пожаловано Федору Федоровичу Пушкину „за Московское осадное сидѣнье“. Дѣдъ поэта, Левъ Александровичъ, получивъ его послѣ отца, по раздѣлу съ сестрою, въ 1741 году, и въ 1780 г. прикупилъ къ нему еще деревню и пустошь (см. Б. Л. Модзалевскій, Родъ Пушкина — Сочиненія Пушкина, изд. Брокгауза, т. I, стр. 4). Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, отецъ поэта, такъ плохо велъ свои хозяйственныя дѣла и Болдино пришло въ такой упадокъ, что поэтъ, самъ человекъ весьма мало практическій, рѣшилъ, еще зимою 1833 г. (Переписка, т. III стр. 60), взять имѣніе въ свое личное распоряженіе и управленіе; объ этомъ онъ, съ согласія отца (Переписка, т. III, стр. 84), увѣдомилъ Болдинскаго управляющаго, „Бѣлорусскаго дворянина“ Юсифа Матвѣевича Пеньковскаго (ум. въ г. Саранскѣ въ 1885—1886 г.), въ апрѣлѣ 1834 г. и просилъ его

„относиться“ прямо къ нему „по всѣмъ дѣламъ, касающимся Болдина“ (Переписка, т. III, стр. 96, 97, 104); изъ полученнаго въ Ломбардѣ (гдѣ имѣніе было заложено) расчега Пушкинъ увидѣлъ, что однихъ процентовъ туда надо было платить по 12.000 р., что недоимокъ и долговъ отца и брата Льва Сергѣевича очень много; затѣмъ узналъ отъ посланнаго въ Болдино управляющаго П. А. Осиповой — К. Рейхмана, что имѣніе вообще очень запущено и разорено, — и началъ раскаиваться, что взялъ на себя управление разстроенымъ помѣстьемъ, на доходы съ котораго заявилъ претензію еще и мужъ сестры — Н. И. Павлищевъ (тамъ-же, стр. 111—112; см. еще стр. 115, 125, 132, 135—137, 141, 170, 197—198, 334—335; „Русск. Арх.“ 1890 г., кн. I, стр. 435—439; „Былое“ 1907 г., № 5, стр. 53; „Пушкинъ и его современники“, вып. XII, стр. 101). О Пушкинѣ, какъ хозяинѣ въ Михайловскомъ, см. характерные рассказы крестьянъ — „Русск. Арх.“ 1892 г., кн. I, стр. 96—97.

— (Стр. 21). „Исторія Пугачевского бунта“, въ 2-хъ частяхъ, была отпечатана въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, повидимому, къ концу ноября 1834 г.; 23-го ноября Пушкинъ обратился къ графу Бенкендорфу съ просьбою исходатайствовать ему разрѣшеніе преподнести Государю первый экземпляръ книги, присоединивъ къ нему „нѣкоторыя замѣчанія, которыхъ не рѣшился онъ напечатать, но которыя могутъ быть любопытны для Его Величества“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 172); отвѣтъ (благопріятный) на письмо свое Пушкинъ получилъ лишь 21-го декабря (тамъ-же, стр. 174), а между тѣмъ книга его еще не была выпущена въ свѣтъ, и онъ 17-го декабря вынужденъ былъ просить Бенкендорфа исходатайствовать Высочайшее на то соизволеніе; 18-го декабря Государь разрѣшилъ выдать экземпляры Пушкину (Дѣла III Отдѣленія о Пушкинѣ, С.-Пб. 1906, стр. 145), о чемъ въ тотъ же день Бенкендорфъ и увѣдомилъ М. М. Сперанскаго, въ вѣдѣніи котораго находилась Типографія II Отдѣленія; 23-го декабря Бенкендорфъ вторично писалъ о томъ же Сперанскому (тамъ-же, стр. 143 и 146), — и 28-го декабря въ № 295 „Сѣверной Пчелы“ (стр. 1273) появилось уже извѣстіе о томъ, что „Исторія“ поступила въ продажу въ книжной лавкѣ А. В. Глазунова подъ № 25-мъ, у И. Т. Лисенкова, по цѣнѣ 20 р., а съ пересылкою 22 р.

— (Стр. 21). Императоръ Николай, выѣхавъ изъ Петербурга 6-го сентября 1834 г. и проѣхавъ черезъ Москву въ Орель на маневры, совершилъ поѣздку по нѣкоторымъ губерніямъ Россіи и вернулся въ Петербургъ 25-го октября, опять черезъ Москву, а затѣмъ, 27-го октября, отправился съ Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ въ Берлинъ, гдѣ уже находилась, съ 15-го сентября, Императрица Александра Феодоровна съ Великою Княжною Марією Николаевною. 26-го ноября, въ 7 часовъ вечера, Государь съ Государынею вернулись въ Петербургъ (см. Мѣсяцесловъ на 1836 г., стр. 212—218; о путешествіи Николая I см. еще „Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 436—440; „Русск. Стар.“ 1900 г., № 7, стр. 192, и особенно — Записки графа А. Х. Бенкендорфа — Н. К. Шильдеръ; Императоръ Николай I, С.-Пб., 1903, т. II, стр. 688—697).

— (Стр. 21). Великій Князь — Михаилъ Павловичъ (см. выше, стр. 55—56, 92 и 189).

— (Стр. 21). Бутурлинъ — Дмитрій Петровичъ (см. выше, стр. 54—55).

— (Стр. 21). Завтра — т. е. 6-го декабря, — день именинъ Николая I; о камеръ-юнкерскомъ мундирѣ Пушкина см. выше, стр. 80—81.

— (Стр. 21). Слова Пушкина о его товарищахъ — камеръ-юнкерахъ, „моло-

кососахъ 18-лѣтнихъ,—почти не были преувеличеніемъ: изъ пожалованныхъ въ томъ же 1834 г., но уже послѣ Пушкина, камеръ-юнкеровъ было къ 1834-му году: П. А. Валугу (впослѣдствіи Министру Внутреннихъ Дѣлъ и графу), 18—19 лѣтъ, С. С. Волкову — 21, В. Я. Скарятину — около того же, графу А. П. Коновницыну — 22, В. В. Давыдову — 25, Н. Ѡ. Ремеру — 26, князю М. А. Оболенскому — 29, П. И. Сабурову — 32, А. Н. Васильчикову — 34 года, — но за то одинъ, — Гавриилъ Петровичъ Назимовъ (Псковскій Уѣздный Предводитель Дворянства и давній знакомецъ Пушкина) былъ на пять лѣтъ старше, чѣмъ Пушкинъ,—а именно имѣлъ уже 40 лѣтъ; многіе изъ пожалованныхъ въ камеръ-юнкеры ранѣе Пушкина были также значительно моложе его. — Изъ названныхъ выше служившій въ 1-мъ Департаментѣ Московскаго Надворнаго Суда коллежскій секретарь Давыдовъ и состоящіе въ Канцеляріи Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора губернской секретарь Валугевъ и актуариусъ Скарятинъ были пожалованы въ камеръ-юнкеры 11-го октября 1834 г. („С.-Петерб. Вѣдом.“ 13-го ноября 1834 г., № 264), съ переводомъ Скарятина и Валугева въ Петербургъ, въ I Отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи.

— (Стр. 22). Въ Москвѣ Пушкинъ осенью 1834 г. провелъ нѣсколько часовъ въ концѣ августа и нѣсколько дней въ началѣ сентября; изъ письма его къ С. А. Соболевскому (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 163) и изъ неизданнаго Дневника А. И. Тургенева (въ Рукописномъ Отдѣленіи Библіотеки Академіи Наукъ) видно, что 8-го и 9-го сентября Пушкинъ былъ въ Москвѣ; 8-го числа Тургеневъ записалъ, что былъ у Н. А. Полевого, затѣмъ „поскакалъ въ театръ; въ ложѣ у Пушкина, — жена и belles-soeurs его“, а 9-го — былъ у Бенкендорфа (который сопровождалъ въ Москву Николая I), „оттуда къ Пушкину; [онъ читалъ] нѣсколько страницъ Пугачева. Много любопытнаго и оригинальнаго... Пушкинъ разшевелилъ душу мою, заснувшую въ степяхъ Башкирскихъ“... (Къ этому пребыванію Пушкина въ Москвѣ, безъ сомнѣнія, и относятся двѣ записки его къ А. И. Тургеневу, опубликованныя въ „Русскомъ Библиофилѣ“ 1911 г., № 5, стр. 20 и 21). — Императоръ же Николай былъ въ Москвѣ съ вечера 7-го сентября до 17-го, а затѣмъ совершалъ поѣздки въ Калугу, Орель, Ярославль, Кострому, Нижній-Новгородъ и Владиміръ, при чемъ 27-е сентября—5-е октября и 14-е—22-е октября провелъ также въ Москвѣ, среди обычныхъ Московскихъ молебствій, парадовъ, развлеченій и увеселеній, о которыхъ помѣщены корреспонденціи въ „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1834 г., № 253, и въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1834 г., № 206, 209, 210, 216, 218 и слѣд.; о нихъ рассказываетъ въ своихъ Запискахъ также графъ А. Х. Бенкендорфъ (Н. Шильдеръ, Императоръ Николай Первый, т. II) и подробно повѣствуетъ А. Я. Булгаковъ въ письмахъ къ дочери своей, княгинѣ Ольгѣ Александровнѣ Долгоруковой, жившей тогда въ подмосковной своей деревнѣ („Русск. Арх.“ 1906 г., кн. II, стр. 530—548). 26-го сентября Булгаковъ писалъ ей (по-французски), зазывая ее съ мужемъ въ Москву: „Пріѣзжайте-же, дорогіе мои друзья, такъ какъ мы не знаемъ, сколько времени Государь здѣсь пробудеть. Не возьмете-ли вы съ собой крестницу Государя“ (стр. 534), а 30-го сентября сообщалъ (по-французски же): „Государь уѣзжаетъ только въ четвергъ, въ среду балъ у князя Дмитрія [Голицына], и нужно, чтобы ты тамъ была; не откладывай пріѣзда, такъ какъ даже если тебѣ не лучше, хорошо бы тебѣ посоветоваться съ Ал. Петр.; пріѣзжай-же, дорогой мой другъ... Если Его Величество поѣдетъ въ Ярославль, Кострому и даже дальше, то у тебя будетъ время впереди, а если нѣтъ, — кто знаетъ, не уѣдетъ ли Государь въ скоромъ времени

въ Петербургъ, и тогда ты его совсѣмъ не увидишь... Бенкендорфъ говорилъ мнѣ сегодня утромъ: „Да балъ будетъ не балъ, ежели не будетъ Вашей княгини Долгорукой“ (стр. 537—538); на другой день Булгаковъ, прїѣхавъ къ княгинѣ Юсуповой, встрѣтился у нея съ Императоромъ и провелъ съ нимъ больше часу: „онъ спрашивалъ о тебѣ“,—писалъ Булгаковъ дочери, „очень жалѣлъ, что ты больна; я сказалъ, что ты намѣрена какъ-нибудь доѣхать до Троицы, чтобы видѣть его хотя издали. „O! c'est une chose affreuse que ces dents; mais elle devrait venir ici, car je suppose qu'il n'y a pas de dentiste à la campagne où elle est“ (стр. 539). Прїѣхавъ княгинѣ Долгоруковой, однако, не удалось, — по крайней мѣрѣ въ это пребываніе Государя, но отецъ все-таки убѣждалъ ее вернуться въ Москву изъ деревни и „поправится къ возвращенію нашего Ангела“ (стр. 541); Государь вернулся 14-го октября, — и Булгаковъ въ тотъ же день писалъ дочери, чтобы она скорѣе прїѣзжала (стр. 544); повидимому, она провела въ Москвѣ нѣсколько дней во вторую бытность тамъ Императора, такъ какъ въ письмахъ къ ней отца — пробѣлъ между 14-мъ и 25-мъ октября (стр. 545).

Княгиня Ольга Александровна Долгорукова (род. 1-го іюля 1814, ум. 28-го апрѣля 1865), младшая дочь Московскаго Почтъ-Директора Александра Яковлевича Булгакова (род. 15/26-го ноября 1781, ум. въ Дрезденѣ 17-го апрѣля 1863)* отъ перваго брака его съ княжной Наталіей Васильевной Хованской (род. 5-го мая 1785, ум. 9-го апрѣля 1841), 28-го января 1831 г. вышедшая замужъ (въ подмосковномъ имѣніи графини Васильевой — селѣ Шеметовѣ—см. „Русск. Арх.“ 1902 г., кн. I, стр. 48) за князя Александра Сергѣевича Долгорукова (род. 23-го мая 1809, ум. 4-го декабря 1873), съ ноября 1832 г. — камеръ-юнкера и чиновника при Московскомъ Военномъ генералъ-губернаторѣ (см. Г. А. Власевъ, Потомство Рюрика, т. I, ч. 3; стр. 156); она не была красавицею, но привлекала къ себѣ миловидностью своего лица и особенно живостью характера, умомъ, прїятливостью, добротою и другими симпатичными чертами. „Милая курноска“,—какъ называлъ ее отецъ, она была общедобиванною отъ отца,—создали ей успѣхъ въ обществѣ; графъ М. Д. Бутурлинъ, вспоминая о ней, писалъ: „Не знаю, почему иные считали какъ бы красавицею О. А. Булгакову...; таковою она никогда не была въ моихъ глазахъ, чему особенно мѣшала ей кверху вздернутый, красный ея носикъ; но во всемъ прочемъ, какъ-то — въ нѣгѣ движеній, стройности, любезности и игривомъ умѣ можно было отдавать ей первенствующее мѣсто въ тогдашнемъ обществѣ“ („Русск. Арх.“ 1897 г., кн. II, стр. 537). Благодаря этимъ качествамъ, она уже на 17-мъ году вышла замужъ; свадьба ея была лишь тремя недѣлями раньше свадьбы Пушкина, — и гордившійся своєю дочерью отецъ писалъ о ней своему брату (19-го февраля 1831 г.): „До сихъ поръ еще толкуютъ о славномъ балѣ нашихъ молодыхъ, хваля особенно ласку и ловкость Ольги. Старикъ Юсуповъ спрашивалъ: a-t-elle jamais été demoiselle? Портъ Пушкинъ также въ восхищеніи отъ нея: говорить, что невозможно лучше Ольги соединять вмѣстѣ роль дѣвушки, только что поступившей въ барыню, и хозяйки. Онъ мнѣ говорилъ на балѣ: Я глазъ не спускаю съ княгини Ольги Александровны; не понятно, какъ она всюду поспѣваетъ, — не только занимается всѣми, кои тутъ, но даже отсут-

* Въ домѣ А. Я. Булгакова въ Москвѣ жилъ С. Л. Пушкинъ послѣ отдачи старшаго своего сына въ Лицей въ 1811 г. („Русск. Арх.“ 1900 г., кн. I, стр. 517 и кн. II, стр. 20).

стующимъ посылаетъ корнеты съ конфетами; я бы ее воспѣлъ, да не стихи на умѣ теперъ“ („Русск. Арх.“ 1902 г., кн. I, стр. 53—54), — а въ слѣдующемъ письмѣ говорилъ, рассказывая о благотворительномъ маскарадѣ въ Большомъ Театрѣ: „За однимъ столомъ сидѣли мы и Пушкинъ-поэтъ; безпрестанно подходили любопытные смотрѣть на двухъ прекрасныхъ молодыхъ. Хороша Гончарова бывшая, но Ольгѣ всѣ даютъ преимущество“... (тамъ-же, стр. 54). 27-го февраля 1831 г. Булгаковъ съ дочерью былъ на балу, данномъ молодыми Пушкиными, а черезъ день — на санномъ масляничномъ катаньѣ, въ которомъ участвовали и Долгоруковы, и Пушкины (тамъ-же, стр. 56, 57). Въ прѣзды свои въ Москву въ слѣдующіе годы Пушкинъ, несомнѣнно, встрѣчался въ обществѣ съ княгиней О. А. Долгоруковой, хотя о ней и не находимъ упоминаній въ его письмахъ. Императоръ Николай, когда бывалъ въ Москвѣ, отличалъ ее постояннымъ и исключительнымъ своимъ вниманіемъ, о чемъ свидѣлствуютъ восторженные письма ея отца къ брату за 1831 („Русск. Арх.“ 1902 г., кн. I, стр. 112 и слѣд.), 1832 (тамъ-же, стр. 312 и слѣд.) и 1833 (тамъ-же, стр. 613 и слѣд.) годы. Портреты княгини О. А. Долгоруковой см. въ „Русск. Архивѣ“ 1906 г., кн. III, стр. 119, и въ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій“, т. I, № 77.

Отзывы объ А. Я. Булгаковѣ „старыхъ сенаторовъ“ — пренебрежительные и неуважительные, — приводимые Пушкинымъ, объясняются тѣмъ, во-первыхъ, что онъ, какъ и его младшій братъ, былъ, по происхожденію своему, незаконнымъ сыномъ своего отца, знаменитаго дипломата Я. И. Булгакова, прижитымъ отъ простой итальянки или турчанки, и, во-вторыхъ, по характеру своему, общительному, но слишкомъ суетливому и угодливому (его характеристику см. въ „Остафьевскомъ Архивѣ“, т. I, стр. 394—396), не пользовался тѣмъ уваженіемъ, которое подобало-бы ему, какъ сафоновнику, занимавшему въ теченіе 23-хъ лѣтъ (съ 10-го іюля 1832 по 5-е февраля 1856 г.) видный и отвѣтственный постъ Московскаго Почтъ-Директора; онъ былъ, къ тому-же, извѣстенъ, по выраженію П. И. Баргенева, какъ „славный перлюстраторъ“ (что, впрочемъ, входило въ его служебныя обязанности*); его подозрѣвали даже въ принадлежности къ тайной полиціи („Русск. Арх.“ 1901 г., кн. II, стр. 427); вообще, несмотря на его дружескія связи съ Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ и другими Арзамасцами, не взирая на широкую популярность, даже извѣстность, на покровительство вельможъ и благоволеніе всей царской фамиліи, которой онъ былъ „искренно преданъ“, — отношеніе къ Булгакову, какъ вѣрно подмѣтилъ Пушкинъ, было нѣсколько пренебрежительное...

— (Стр. 22). Лѣто и осень 1834 г. ознаменованы были сильными пожарами; такъ, 11-го іюня приключился большой пожаръ въ Москвѣ, въ Семеновской слободѣ, въ Лефортовѣ, когда въ нѣсколько часовъ сгорѣло около 300 деревянныхъ и нѣсколько каменныхъ домовъ („Сѣв. Пчела“ 1834 г., № 160 и „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1834 г., № 165); 29-го іюня выгорѣла лучшая часть Тулы, въ томъ числѣ 9 каменныхъ церквей и до 700 домовъ, Оружейный заводъ, 30 фабрикъ и около 500 лавокъ („Сѣв. Пчела“ 1834 г., № 165 и 172); 11-го іюля выгорѣлъ Кременчугъ (тамъ-же, № 180), 16-го іюля — Елисаветградъ (тамъ-же), а 17-го сентября

*) „Русск. Арх.“ 1886 г., кн. I, стр. 380. Перлюстраціей писемъ Пушкина къ женѣ, какъ указано было выше, онъ причинилъ поэту много неприятностей и волненій (см. выше, стр. 17 и 174—176).

былъ снова пожаръ въ Москвѣ: „Ввечеру того дня“, — читаемъ въ „Сѣверной Пчелѣ“: „Яузской части въ домѣ купчихи Ларионовой, отъ неосторожности входившаго со свѣчаю въ мезонинъ, гдѣ хранилось большое количество клееной баты, оная вспыхнула — и весь мезонинъ былъ мгновенно объятъ пламенемъ. Государь изволилъ прибыть въ самомъ началѣ пожара, окончившагося сгорѣніемъ одного упомянутаго мезонина. Успѣхъ, быстрота и дѣятельность Полиціи увѣнчаны были изъявленнымъ благоволеніемъ изъ устъ Монарха исправляющему должность Оберъ-Полиціймейстера, неутомимому Генераль-Маіору Цынскому и его сотрудикамъ. Всѣ нижніе чины пожарной команды были награждены. Темнота ненастнаго вечера не помѣшала величайшему числу народа искать и при семь случаѣ насладиться лицезрѣніемъ Государя Императора. Всѣ тѣснились вокругъ Его Величества и по окончаніи пожара стремились за коляскою провожать его до самаго Дворца. Русское ура! гремѣло“ (№ 216). Напуганное пожарами настроеніе Москвичей склонно было, очевидно, бояться поджоговъ и искало поджигателей, о которыхъ и упоминаетъ Пушкинъ. П. Г. Дивовъ, упоминая въ своемъ дневникѣ, въ обзорѣ 1834 года, о пожарахъ въ Москвѣ, Тулѣ, Пензѣ, — прямо говоритъ, что ихъ приписывали поджогамъ („Русск. Стар.“ 1900 г., № 7, стр. 193). О тѣхъ же страшныхъ Московскихъ пожарахъ лѣта 1834 г. читаемъ и въ Запискахъ графа А. Х. Бенкендорфа: „Въ это время Москва была напугана частыми пожарами, повторявшимися въ разныхъ частяхъ города. Приписывая эти пожары то злоумышленникамъ, то мщенію поляковъ, простирая даже подозрѣніе на полицейскихъ чиновниковъ, жители проводили ночи безъ сна, укладывали свои пожитки и частью выѣзжали изъ города. Было поймано нѣсколько мошенниковъ, и по Москвѣ разнеслись нелѣпыя слухи объ открытіяхъ, сдѣланныхъ будто бы на слѣдствіи. Распространившійся въ древней столицѣ панической страхъ скоро привлекъ въ нее нашего неутомимаго Государя. Мы приѣхали туда прадно вечеромъ, къ изумленію, но и къ великой радости всѣхъ жителей. Утромъ, когда Государь пошелъ пѣшкомъ на поклоненіе святынь Кремлевскихъ соборовъ, обычная толпа тѣснилась на его пути, наполняя воздухъ восторженными кликами. Съ его появленіемъ возвратилась къ москвичамъ успокоительная надежда, что пожары прекратятся, и весь городъ превозносилъ добраго Царя, никогда не забывающаго своей первопрестольной столицы въ часы испытаній. Со всѣмъ тѣмъ, на другой же день вечеромъ загорѣлся въ Замоскворѣчьи деревянный домъ, окруженный множествомъ такихъ же. Государь взялъ меня съ собой, и мы прибыли на пожаръ почти вмѣстѣ съ пожарными трубами. Онъ лично принялъ команду надъ ними и распоряжался, стоя посреди узкаго, загроможденнаго двора, у самаго пламени. Пожарные въ его присутствіи работали съ неимовѣрнымъ усердіемъ и безстрашіемъ и менѣе, чѣмъ черезъ полъ-часа осилили огонь. Сгорѣлъ только охваченный огнемъ домъ. Два дня спустя, загорѣлось снова — на бульварѣ близъ казармъ. Государь прибылъ туда съ тою же поспѣшностью, и въ нѣсколько минутъ домъ, горѣвшій, какъ костеръ, былъ разобранъ до послѣдняго бревна и огонь потушенъ. Несмотря на увеличившуюся темноту, толпившійся вокругъ пожараща народъ тотчасъ узналъ отъѣзжающаго Царя и съ громкимъ „ура“ долго бѣжалъ за его коляскою. Напоследокъ, открыли дѣйствительно нѣсколько зажигателей. Судь надъ ними была коротокъ, и ихъ прогнали сквозь строй и на мѣстѣ преступленія каждаго. Эти наказанія успокоили жителей, не сомнѣвавшихся, что виновные были открыты только благодаря

Высочайшему присутствію. Пожары прекратились, а съ этимъ вмѣстѣ возвратились сознание безопасности и чувство довѣрія, выразившіяся въ благоговѣйной благодарности къ избавителю города, совершившему въ нѣсколько дней то, чего полиція не могла достигнуть цѣлые мѣсяцы. Пробывъ въ Москвѣ шесть сутокъ, половину которыхъ Государь посвящалъ, какъ всегда, обзорнѣю общественныхъ заведеній, мы вернулись въ Петербургъ“ (Н. К. Шильдеръ, Императоръ Николай I, т. II, С.-Пб. 1903, стр. 681).

— (Стр. 22). *Князь М. Галицынъ*.—Пушкинъ, несомнѣнно, ошибся въ имени этого лица. Извѣстно, что въ то время при князѣ Д. В. Голицынѣ, какъ Московскомъ Военномъ Генераль-Губернаторѣ, состоялъ его племянникъ, полковникъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Голицынъ (род. 29-го февраля 1792, ум. 19-го августа 1835 г.—см. Русскій Провинціальный Некрополь, т. I, стр. 207), завѣдывавшій учрежденнымъ въ 1827 г. *Секретнымъ Отдѣленіемъ* Канцеляріи Московскаго Генераль-Губернатора и имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи тайныхъ агентовъ, которые и вели немѣвша политическаго характера дѣла по губерніи; Отдѣленіе это было учреждено въ противовѣсъ вліянію жандармовъ, только-что передъ тѣмъ учрежденныхъ, и имѣло надзоръ параллельно съ III Отдѣленіемъ, находившимся подъ управленіемъ графа А. Х. Бенкендорфа, при чемъ между ними существовали извѣстный антагонизмъ и соперничество. Самъ князь И. Ѳ. Голицынъ былъ, по словамъ одного знавшаго его лица, „человѣкъ жестокой, но хитрый и очень ловкій и предпріимчивый“ („Русск. Стар.“ 1889 г., № 7, стр. 146—147; ср. князь Н. Н. Голицынъ, Родъ князей Голицыныхъ, т. I, С.-Пб. 1892, стр. 185—186; „Русск. Стар.“ 1896 г., № 1, стр. 33—43). „1834-й годъ“, рассказываетъ то же лицо: „огненными чертами записанъ въ лѣтописяхъ Москвы; два мѣсяца пожары истребляли городъ; 8-го іюня сгорѣло Лефортово; 11-го августа 290 домовъ; на 11 милліоновъ погибло отъ огня въ Рогожской; пожары были по нѣсколько разъ въ день, команда обезсилила, лошади замучились; Цынскій занималъ извожичьихъ по 5 и по 6 р. асс. въ день. Ясно было видно, что это не случайность, что тутъ злоумышленность! Народъ волновался, обвинялъ вѣвщихъ враговъ, во всѣхъ видѣлъ поджигателей, — и стало опасно ходить по улицамъ! Волненіе выходило изъ границъ общественнаго спокойствія и угрожало бунтомъ. Жандармы оказались безсильны! Но князь Дмитрій Владиміровичъ [Голицынъ] является и тутъ отличнымъ администраторомъ! Чѣмъ успокойтъ народъ, предупредить насилія? Нужны очистительныя жертвы для спасенія жертвъ—отъ волненія черни. Первыхъ заподозрѣнныхъ въ поджогахъ судятъ военнымъ судомъ и подвергаютъ публичной казни безъ ясныхъ уликъ, но пожары не прекращаются, народъ волнуется,—нѣсколько жертвъ безъ вины пали отъ его подозрительности (въ томъ числѣ полковникъ Сомовъ). Князь испрашиваетъ разрѣшеніе Государя принять сильнѣйшія мѣры, и князь Иванъ Ѳедоровичъ Голицынъ открываетъ слѣды шайки разбойниковъ-поджигателей, ловить 17 человекъ и находить у нихъ грабежныя съ пожаровъ вещи, но только двое изъ нихъ сознаются, остальные запираются, а съ ихъ арестомъ пожары прекратились. Сильное обвиненіе. Князь Иванъ Ѳедоровичъ прибѣгаетъ къ формальной пыткѣ и истязаніемъ вынуждаетъ сознание. Виновные наказаны, 400 тыс. жителей успокоены; но князь Дмитрій Владиміровичъ узнаетъ, чѣмъ Иванъ Ѳедоровичъ достигъ этого, ѣдетъ осмотрѣть орудія пытки (въ сводѣ вѣдѣлао было кольцо, допрашиваемаго привязывали внизъ головой и били нагайками или голландской бичевкой, перетягивали руки и вѣшали за веревку

на гвоздь и т. п.) и, убѣдясь въ ихъ жестокости, удаляетъ князя Ивана Федоровича Голицына отъ дѣлъ. Напрасно ему доказывали, что всѣ наказанные кромѣ поджоговъ давно заслужили кнутъ: его чистая душа не выносила насилія“ („Русск. Стар.“ 1889 г., № 7, стр. 148—149). Въ Архивѣ бывшаго III Отдѣленія сохранилось донесеніе корпуса жандармовъ полковника Шубинскаго Шефу жандармовъ графу А. Х. Бенкендорфу изъ Москвы, отъ 27-го февраля 1835 года „о вредныхъ разсказахъ въ Москвѣ“. Упомянувъ о своемъ прежнемъ донесеніи и о слѣдствіи, произведенномъ Комитетомъ, учрежденнымъ Московскимъ Военнымъ Генераль-Губернаторомъ княземъ Д. В. Голицынымъ, надъ лицами, обвинявшимися въ Московскихъ поджогахъ лѣта 1834 года,—полковникъ Шубинскій увѣдомлялъ о томъ, что такое слѣдствіе производилось и въ домѣ князя Голицына, упоминаемаго Пушкинымъ. Въ отличіе отъ трехъ лицъ, привлеченныхъ Комитетомъ и потомъ Военнымъ Судомъ, слѣдствіе, ведшееся княземъ Голицынымъ, привлекало 9 человекъ, отъ которыхъ и распространились свѣдѣнія о жестокихъ, звѣрскихъ приемахъ и пыткахъ на допросахъ у этого Голицына. Полковникъ Шубинскій передаетъ официальные показанія обвиняемыхъ передъ Военнымъ Судомъ, изъ которыхъ видно, что князь И. О. Голицынъ и помогавшіе ему лица прибѣгали ко всевозможнымъ истязаніямъ обвиняемыхъ, заставляя ихъ насильственно сознаться въ своей виновности. Такъ, обвиняемыхъ вѣшали на крюкъ и сѣкли (при чемъ Голицынъ, будто бы, самъ обливалъ ихъ тѣло какою-то жидкостью и обсыпалъ солью), били по лицу, закручивали руки и т. д. По показанію этихъ же лицъ передъ Военнымъ Судомъ, во флигель князя Голицына могутъ быть найдены кольца, крюки и прочія принадлежности пытки, а въ качествѣ свидѣтелей совершенныхъ звѣрствъ призваны казаки, исполнявшіе приказанія князя. Далѣе Шубинскій останавливался на дополнительныхъ свѣдѣніяхъ, добытыхъ секретнымъ путемъ, и говорилъ, что допросъ двухъ освобожденныхъ послѣ пытокъ подтвердилъ всѣ показанія передъ Военнымъ Судомъ. Лица, производившія слѣдствіе, вымогали у обвиняемыхъ фамиліи богатыхъ лицъ, яко бы тоже виновныхъ, и на этомъ богатѣли. Казаки-палачи находились на полномъ содержаніи у князя Голицына, а прочія лица, участвовавшія въ пыткахъ и слѣдствіи, были награждены въ послѣдствіи орденами. Со словъ одного изъ нихъ, у Голицына было Высочайшее разрѣшеніе на употребленіе пытокъ. Кончая свое донесеніе Бенкендорфу, полковникъ Шубинскій увѣрялъ, что всё изложенное имъ основывается исключительно на разсказахъ и показаніяхъ судимыхъ, что не могло нарушить его глубокаго довѣрія къ столь уважаемому лицу, и одновременно просилъ сохранить его донесеніе въ полной тайнѣ. (Сообщ. П. Е. Щеголевъ).

— (Стр. 22). *Лексъ* — Михаилъ Ивановичъ (род. 13-го октября 1793, ум. 7-го декабря 1856), — въ 1834 г. Директоръ Канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; сынъ иностранца, принявшаго Русское подданство въ 1798 г., онъ воспитывался въ Смоленскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, службу началъ въ Канцеляріи Смоленскаго же военнаго губернатора губернскимъ регистраторомъ съ 4 июня 1807 г. и затѣмъ до 1818 г. состоялъ при Смоленскомъ-же гражданскомъ губернаторѣ, послѣ чего перешелъ экспедиторомъ въ штатъ Намѣстника Бессарабской области А. Н. Бахметева, а затѣмъ его преемника И. Н. Инзова; живя въ Кишиневѣ, онъ здѣсь познакомился съ Пушкинымъ; въ 1823 г. назначенный Начальникомъ Отдѣленія, а затѣмъ, въ 1826 г.—Правителемъ Канцеляріи Ново-россійскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора графа М. С. Воронцова,

Лексъ оставался въ Одессѣ до 1832 г., когда переведенъ былъ, съ производствомъ въ д. с. совѣтники, въ Петербургъ, Директоромъ Канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (при Министрѣ Д. Н. Блудовѣ); съ 1836 г. Лексъ былъ Директоромъ Хозяйственнаго Департамента того-же Министерства—до 1851 г., когда былъ назначенъ Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и сенаторомъ, а съ назначеніемъ, лѣтомъ 1855 г., Министромъ С. С. Ланского, отъ должности Товарища Министра былъ уволенъ („Русск. Стар.“ 1899 г., № 1, стр. 43)—17-го декабря 1855 г. и остался лишь сенаторомъ („Русскій Біографическій Словарь“, т. Л., стр. 181). Графъ М. С. Воронцовъ отзывался о немъ (1842), что „у него хорошая голова, доброе сердце и замѣчательная дѣятельность и легкость въ работѣ“ („Архивъ Князя Воронцова“, т. XXXVIII, стр. 47). Мало къ кому благожелательный Вигель даетъ о Лексѣ чрезвычайно благопріятный отзывъ: „Отказавъ ему въ пріятной наружности, — пишетъ онъ: природа взаимѣнъ дала ему много похвальныхъ и полезныхъ качествъ. По дѣламъ — быстрота понятія равнялась въ немъ проворству исполненія. Сама судьба сего гражданскаго чиновника какъ бы нарочно ставила всегда подъ начальство къ военнымъ генераламъ. Бахметевъ любилъ его и отличалъ не совсѣмъ лестнымъ названіемъ: мой писецъ. Инзовъ былъ деликатнѣе, заставлялъ его трудиться не иначе, какъ въ своемъ кабинетѣ и съ сожалѣніемъ разстался съ нимъ. Величайшую честь дѣлала ему его чрезвычайная бѣдность въ Бессарабіи, гдѣ отъ мірскихъ крупницъ служащіе были болѣе чѣмъ сыты. Откровенный видъ его, всегда умно-веселая улыбка на устахъ уменьшали дурноту рябого лица его, а его услужливость всѣхъ хорошо къ нему располагала. Говорятъ, излишество во всемъ есть недостатокъ; но искреннее желаніе никого не осердить противорѣчіемъ, никого не опечалить отказомъ, ни у кого не отнимать надежды, какъ бы она ни была несбыточна, — однимъ словомъ, быть для всѣхъ пріятнымъ — не имѣть-ли источникъ въ добрѣйшемъ сердцѣ! Вотъ каковъ былъ Лексъ“ (Записки, ч. VI, М. 1893, стр. 96). Вспоминая о Кишиневскомъ обществѣ 1820-хъ годовъ, И. П. Липранди съ своей стороны пишетъ о М. И. Лексѣ слѣдующее: „Какъ не прошедшій университетскаго курса и не имѣвшій права на производство во штабъ-офицерскій чинъ, онъ былъ въ числѣ, какъ въ то время называли, „вѣчныхъ титулярныхъ совѣтниковъ“; Лексъ, говоритъ Липранди, „рѣшительно не имѣлъ никакого образованія. Будучи родомъ Смоленской губерніи, онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ поступилъ тамъ на службу и тамъ достигъ до титулярнаго совѣтника. Съ назначеніемъ А. Н. Бахметева въ тотъ край, нуждавшійся въ Русскихъ чиновникахъ, въ числѣ другихъ прибылъ въ Бессарабію и Лексъ. Обладая большимъ здравымъ смысломъ, онъ постигъ тайны канцелярскія, скоро обнималъ дѣла, быстро работалъ; начальство его любило. Слушаю-съ, очень хорошо-съ, какъ прикажете-съ, превосходно-съ и т. п.—было во всю его службу неизмѣнною заповѣдью. Онъ былъ въ высшей степени честенъ, любимъ всѣми товарищами и готовъ на услуги всѣмъ и каждому. Лексъ не посѣщалъ семейнаго Кишиневскаго общества, можетъ быть потому, что не зналъ иностранныхъ языковъ; но охотно бывалъ въ обществѣ холостяковъ, преимущественно между военными, къ числу которыхъ любилъ причислять и себя, на томъ основаніи, что въ 1812 году онъ былъ въ числѣ канцелярскихъ чиновниковъ при Смоленскомъ губернаторѣ баронѣ Ашѣ, выѣхавшемъ на встрѣчу арміи къ границѣ Витебской губерніи и сопровождавшемъ войска чрезъ всю свою губернію до Московской. Лексъ и не пропускалъ ни одного, случая разсказывать различные анекдоты... Пушкинъ по воскресеньямъ встрѣ-

чалъ его за обѣдомъ у Д. Н. Бологовскаго [см. выше, стр. 193], который былъ также Смольнянинъ, а чаще всего у меня по вечерамъ; но особеннаго знакомства съ нимъ не вель, и оно должно отнестись ко времени службы ихъ обоихъ въ Одессѣ. Въ обществѣ Лексъ былъ очень веселъ, съ огромнымъ запасомъ анекдотовъ, не прочь отъ стакановъ. Онъ не останавливался входить въ разсужденія о разныхъ предметахъ и вообще выдавалъ себя за всезнайку. Пушкинъ не могъ не замѣтить сего; но онъ, повторяю, могъ почитать въ немъ безукоризненную честность, веселость, быстрое соображеніе. Во всякомъ случаѣ, въ Кишиневѣ Пушкинъ былъ очень мало знакомъ съ Лексомъ, а это, говорю я, должно отнести къ Одессѣ, гдѣ Михайло Ивановичъ на служебной стезѣ стоялъ уже выше, чѣмъ въ Бессарабіи“. Къ Одесскому же, а не Кишиневскому періоду ихъ знакомства относятся, по словамъ Липранди, и извѣстныя слова Пушкина про Лекса, сказанныя какъ-то экспромптомъ и „сопровождаяшя Лекса до гроба“:

Михайло Ивановичъ Лексъ —
Прекрасный человекъ-съ

(„Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1220—1223). Г. С. Чириковъ, въ своихъ Замѣткахъ на изданіе сочиненій Пушкина, приводитъ („Русск. Арх.“ 1881 г., кн. I, стр. 189) еще эпиграмму на Лекса, будто бы написанную поэтомъ уже въ тридцатыхъ годахъ, „когда Лексъ занималъ какую-то важную должность по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ:

Была пословица у Римскаго народа:
Sit dura lex — sed lex; у насъ не такъ:
У насъ и dura lex, и Лексъ дуракъ —

и замѣчаютъ: „эти стихи С. А. Соболевскій написалъ въ альбомѣ К. П. Брюлова, ругаясь ему, что они Пушкинскіе“; другой-же современникъ Пушкина сообщилъ П. И. Бартеневу эпиграмму въ такой, болѣе исправной редакціи („Русск. Арх.“ 1881 г., кн. III, стр. 464):

Была пословица у Римскаго народа:
Quamvis est dura lex, sed lex;
У насъ же Лексъ хотя и мужскаго рода,
А все-таки онъ дура-Лексъ.

П. И. Бартеневъ по поводу этой эпиграммы говоритъ, что „многія добрыя качества Лекса“ „снискали ему расположеніе людей, имѣвшихъ съ нимъ сношенія, и Пушкинъ жалѣлъ о томъ, что у него вырвалось про Лекса это острословіе“ („Русск. Арх.“ 1881 г., кн. I, стр. 189). Однако, въ принадлежности эпиграммы Пушкину приходится сильно сомнѣваться: мы видѣли, что въ Дневникѣ своемъ поэтъ отозвался о Лексѣ, какъ о „человѣкѣ умномъ и дѣловомъ“; но у насъ есть и другой одновременный Дневнику отзывъ поэта объ этомъ старомъ его знакомцѣ, столь-же благоприятный: въ написанномъ въ 1834 году и напечатанномъ въ т. VII „Библиотеки для Чтенія“ 1834 г. разсказѣ „Кирджали“ Пушкинъ упоминаетъ о „человѣкѣ съ умомъ и сердцемъ, въ то время [т. е. въ 1820 г.] неизвѣстномъ молодомъ чиновникѣ, нынѣ [1834] занимающемъ важное мѣсто“, который тогда живо описывалъ Пушкину отъѣздъ арестованнаго Кирджали изъ Скулянъ въ Яссы, а „нѣсколько лѣтъ спустя“ [читай: въ 1834 г.], встрѣтившись съ поэтомъ, въ разговорахъ о прошедшемъ, разсказала дальнѣйшую судьбу

Кирджиали: этот чиновник и был М. И. Лекс, как свидетельствуют о томъ В. П. Горчаковъ („Русск. Арх.“ 1900 г., кн. I, стр. 403) и И. П. Липранди; послѣдній, впрочемъ, внося поправки въ фактическую сторону разсказа Пушкина о Кирджиали, винить въ неточностяхъ, допущенныхъ поэтомъ, Лекса, у котораго-де всегда „былъ запасъ анекдотовъ, которые онъ обыкновенно импровизировалъ, путая имена и мѣста и представляя событія, какъ повертывалось на языкъ“, и который вообще-де ни передъ чѣмъ не смущался и „не остановился бы объяснить и исторію праадамитовъ, и Санскритскую литературу“ („Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1395); однако, если и допустить, что Лекс иногда фантазировалъ, онъ не былъ дуракомъ, какъ названъ въ остроумной, но несправедливой эпиграммѣ *). М. П. Розбергъ, отмѣчая знакомство съ Лексомъ въ Одессѣ въ 1830 г., писалъ, въ свою очередь, что Лекс, „хотя не знаетъ иностранныхъ языковъ, но образованъ и умёнъ, много читаетъ“ (Н. О. Лернеръ, Одесса въ 1830 году—„Одесскія Новости“ 26-го февраля 1913 г., № 8958). Извѣстный статсъ-секретарь Екатерины II, А. М. Грибовскій, въ своемъ Дневникѣ 1833 г. записывая, что онъ 25-го февраля былъ у Лекса съ благодарственнымъ визитомъ, замѣчаетъ: „принять былъ вѣжливо и представленъ женѣ его, которая очень собою недурна, а онъ — маленькаго роста и невидный собою мужчина“ (Воспоминанія и дневники А. М. Грибовскаго, М. 1899, стр. 157 — 158); о женѣ Лекса мы имѣемъ еще отзывъ М. П. Розберга, который, упоминая въ письмѣ къ поэту В. Г. Теплякову о балѣ у Лекса въ Одессѣ 8-го ноября 1831 г., говорить, что „Madame Lex — воплощенная радость, — умѣла одушевить всѣхъ и сама была даже блистательна въ аломѣ платьѣ“ („Русск. Арх.“ 1896 г., № 4, стр. 193); Варвара Евтихievна Лекс, рожд. Кленова (род. 26-го ноября 1806), умерла вдовою 8-го января 1880 г. (Петербургскій Некрополь, т. II, стр. 639); сынъ Лекса Иванъ (род. 13-го юля 1834) былъ гвардейскимъ уланомъ, затѣмъ дипломатическимъ агентомъ въ Египтѣ и умеръ въ Каирѣ 26-го января 1883 г., а дочери: Елена была за Волоцкимъ, Софья — за ротм. Огаревымъ („Новое Время“ 1883 г., № 2508) и Юлія (род. 1838) — дѣвица. Отрицательный отзывъ о М. И. Лексѣ принадлежить В. И. Дену (Записки — „Русск. Стар.“ 1890 г., № 7, стр. 190). О Кирджиали, героѣ повѣсти Пушкина, см. въ „Голосѣ Минувшаго“ 1919 г., № 1 — 4, стр. 45 — 59, статья В. Язвицкаго.

— (Стр. 22). О вторичныхъ балахъ у Сергѣя Васильевича *Салтыкова* (4-е декабря 1834 г. приходилось во *вторникъ*) см. выше, стр. 46—49.

— (Стр. 22). *Ермолова* — Жозефина-Шарлотта, дочь генерала Наполеоновской арміи графа Лассаля (убитаго при Ваграмѣ 6-го юля 1806), жена Михаила Александровича Ермолова (род. 7-го февраля 1794, ум. въ 1850-хъ гг. въ Парижѣ; см. Русскій Некрополь въ чужихъ краяхъ, вып. I, Пгр. 1915, стр. 32); сынъ флигель-адъютанта и фаворита Екатерины II, онъ былъ адъютантомъ Багратиона и съ отличіемъ участвовалъ въ войнахъ 1812—1814 гг., былъ раненъ подъ Кульмомъ, въ 1818—1825 г. командовалъ Минскимъ пѣхотнымъ полкомъ, затѣмъ былъ въ отставкѣ до 29-го октября 1832 г., когда, въ чинѣ полковника, опредѣленъ былъ состоящимъ при Великому Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, какъ Главному Начальникѣ Пажескаго и всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка. Произведенный 3-го марта 1835 г. въ генераль-майоры, онъ въ

* П. А. Ефремовъ утверждаетъ, къ тому-же, что написаніе эпиграммы этой относится уже къ 1840-мъ годамъ (Сочиненія, изд. Суворина, т. V, стр. 658).

1840-х годах переселился во Францію, гдѣ и скончался; его двѣ дочери вышли за французовъ (см. А. С. Ермоловъ, Родъ Ермоловыхъ, М. 1913, стр. 58—60 и 75). М. А. Ермоловъ сотрудничалъ въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара (см. т. VII, стр. IX) и, кромѣ того, былъ авторомъ нѣсколькихъ трудовъ на французскомъ языкѣ, — въ томъ числѣ переводовъ изъ Пушкина: „Silvio ou le coup reservé“ (1830 г.) и статьи „Le poète Pouchkine, suivi de Kirdjali“ (1846) — въ „Revue Britannique“ 1846, № 2, Février, р. 432—454 (тамъ-же, стр. 60), представляющей собою переводъ его же статьи въ „Blackwoods Magazine“; кромѣ того, онъ издалъ книгу „Mélanges et souvenirs d'histoire, de voyages et de littérature“. Par M. de Yermoloff, Paris. 1858; въ нее, между прочимъ, вошли переводы „Silvio ou le coup reservé“ и „Kirdjali“ (В. И. Межовъ, Puschkiniana, С.-Пб. 1886, № 3360). О Ермоловой, рожд. Лассаль, мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ; лишь самъ Пушкинъ въ письмѣ къ женѣ отъ 11-го июля 1834 г., рассказывая о балѣ у графа Фикельмонта, упоминаетъ, что тамъ было „незнакомыхъ дамъ нѣсколько Прусачекъ“, и что одѣты онѣ были, „какъ Ермолова во дни отчаянные“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 151).

— (Стр. 22). *Курваль* — графиня, дочь знаменитаго генерала Жана-Виктора Моро (Moreau; род. 14-го августа 1763), смертельно раненаго во время сраженія подъ Дрезденомъ 15-го августа 1813 г. и умершаго 20-го августа; онъ здѣсь стоялъ рядомъ съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, къ которому лишь незадолго до того прибылъ, по его приглашенію, изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ проживалъ съ 1805 г., принужденный къ тому враждою своего непримиримаго врага — Наполеона. Тѣло Моро, по желанію Государя, было привезено въ Петербургъ и погребено 2-го октября 1813 г. въ католической церкви на Невскомъ проспектѣ; вдовѣ генерала, Жаннѣ Моро, рожд. Hulot, проживавшей въ Лондонѣ (она умерла въ 1821 г.), Александръ I подарилъ 500.000 рублей и назначилъ ежегодную пенсію въ 30.000 рублей, а одна изъ дочерей ея была пожалована во фрейлины („Архивъ братьевъ Тургеневыхъ“, вып. 3-й, С.-Пб. 1913, стр. 450). О „Генералѣ Моро въ Русскихъ войскахъ“ см. обширную работу А. Н. Попова въ „Русской Старинѣ“ 1910 г. (№ 1, 2 и 10), 1911 (№ 11) и 1913 (№ 9, съ портретомъ, и № 10). Можно думать, что упомянутая Пушкинымъ г-жа Курваль — одно лицо съ графиней Амеліей Курваль (madame la comtesse Amélie de Courval), плодотворной писательницей 1820—1840 годовъ, авторомъ многихъ романовъ, большею частію для юношества, и книгъ для дѣтей, — какъ, напр.: „Almaïda ou les tombeaux“ (Paris. 1824), „Bathilde ou le Revenant“ (1824), „Les cadeaux de la Vieille Tante“ (1825), „La vraie félicité, ou le Bon emploi du temps“ (1829), „Le Vieux fauteuil de la grand'mère“ (1830), „Les Enfants aimables, ou les Iles fortunées, contenant plusieurs anecdotes et les premières notions de géographie, d'histoire naturelle et de physique“ (1834) и мн. др. (Quérard, La Littérature contemporaine, t. III, 1848; Dictionnaire Larousse'a и др.). — Въ № 283 „С.-Петербург. Вѣдомостей“ 1834 г., среди представлявшихся Императору Николаю Павловичу лицъ дипломатическаго корпуса, названъ Французскій путешественникъ Виконтъ де-Курваль. Ср. ниже, стр. 222, въ выпискѣ изъ „Сѣверной Пчелы“, гдѣ тотъ-же Курваль названъ графомъ.

— (Стр. 22). *Артъ* — лейбъ-медикъ Н. Ф. Арентъ (см. выше, стр. 207).

— (Стр. 22). О графинѣ *А. В. Бобринской* см. выше, стр. 68 и 88 — 89.

— (Стр. 22). О графѣ *А. А. Бобринскомъ* см. выше, стр. 68—70. Онъ въ этотъ день былъ пожалованъ въ должность церемоніймейстера Высочайшаго Двора.

— (Стр. 23). 2-го декабря Николаю I представлялись, въ числѣ прочихъ иностранцевъ: „Французскій вояжеръ Графъ де-Курваль, Англійскіе вояжеры Маркизь де Дуро (сынъ герцога Веллингтона) и Г. Чарльсъ Каннингъ, и сынъ Греческаго Посланника, Князь Іоаннъ Суцо“ („Сѣв. Пчела“ 5-го декабря 1834 г., № 277, стр. 1205). Спустя пять дней, среди представлявшихся Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ въ Зимнемъ Дворцѣ 6-го декабря, по случаю тезоименитства Императора Николая Павловича, въ „Сѣверной Пчелѣ“ снова названы, послѣ нѣкоторыхъ „особѣ Дипломатическаго Сословія“: „Французскій вояжеръ Графъ Курваль и Англійскіе вояжеры Маркизь Дуро и Г. Чарльсъ Каннингъ“ (1834 г., 10-го декабря, № 281, стр. 1221). Фамилію Дуро Пушкинъ написалъ неправильно.

— (Стр. 23). *Ленскій*—Адамъ Осиповичъ, въ 1834 г.—камергеръ (съ 1832 г.), д. с. совѣтникъ (съ 25-го іюня 1832 г.), Помощникъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта по Департаменту дѣлъ Царства Польскаго; службу онъ началъ 20-го марта 1819 г., по окончаніи курса въ Варшавскомъ Александровскомъ Университетѣ, въ Канцеляріи Государственнаго Совѣта Царства Польскаго и причисленъ былъ къ Правительственной Коммиссіи Финансовъ; съ 8-го марта 1837 г. состоялъ Директоромъ Отдѣленія государственныхъ имуществъ и лѣсовъ въ Правительственной Коммиссіи Финансовъ Царства Польскаго; занимая затѣмъ разныя должности по дѣламъ Царства, онъ 16-го ноября 1862 г. назначенъ былъ Министромъ Статсъ-Секретаремъ Царства Польскаго и членомъ Государственнаго Совѣта, но въ первой должности пробылъ лишь до 30-го августа 1864 г.; скончался, состоя членомъ Государственнаго Совѣта, 16-го апрѣля 1883 г. (Отчетъ по Государственному Совѣту за 1889 г., Приложение (некрологи), стр. 30—31). О. А. Пржедлавскій, внося поправку въ сообщеніе Н. В. Берга („Русск. Арх.“ 1871 г., стр. 546), говоритъ, что Ленскій, живя по службѣ въ Варшавѣ, „въ двадцатыхъ годахъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ Петербургъ съ княземъ Любецкимъ, тогдашнимъ Министромъ Финансовъ Царства, въ качествѣ чиновника того же вѣдомства. Онъ былъ тогда блестящимъ молодымъ человекомъ, получилъ званіе камергера и имѣлъ большой успѣхъ въ салонахъ высшаго столичнаго общества. Всякій разъ онъ оставался недолго и возвращался съ княземъ въ Варшаву“ („Русск. Арх.“ 1872 г., кн. I, стр. 1054). Въ Петербургѣ Ленскій занималъ замѣтное мѣсто въ томъ же высшемъ обществѣ, гдѣ вращался и Пушкинъ, и въ началѣ 1836 г. едва не сдѣлался, безъ своего вѣдома и участія, причиною дуэли между поэтомъ и графомъ В. А. Соллогубомъ. Въ Воспоминаніяхъ своихъ, рассказывая о томъ, какъ онъ узналъ о недошедшемъ до него письменномъ вызовѣ Пушкина, графъ Соллогубъ пишетъ, что причиною гнѣва на него поэта было слѣдующее обстоятельство: „Наканунѣ моего отъѣзда [въ командировку] я былъ на вечерѣ вмѣстѣ съ Натальей Николаевной Пушкиной, которая шутила надъ моей романтической страстью и ея предметомъ. Я ей хотѣлъ замѣтить, что она уже не дѣвочка, и спросилъ, давно-ли она замужемъ. Затѣмъ разговоръ коснулся Ленскаго, очень милого и образованнаго поляка, танцовавшаго тогда превосходно мазурку на Петербургскихъ балахъ. Все это было до крайности невинно и безъ всякой задней мысли. Но присутствующія дамы соорудили изъ этого простаго разговора цѣлую сплетню, что я будто отъ того говорилъ про Ленскаго, что онъ будто нравится Натальѣ Николаевнѣ (чего никогда не было), и что она забываетъ о томъ, что она еще недавно замужемъ. Наталья Николаевна, должно быть, сама рассказала Пуш-

кину про такое странное истолкованіе моихъ словъ“, — и „Пушкинъ написалъ тотчасъ ко мнѣ письмо, никогда ко мнѣ не дошедшее и, какъ мнѣ было передано, началъ говорить, что я уклоняюсь отъ дуэли“, и т. д. („Русск. Арх.“ 1865 г., стр. 1217). Недоразумѣніе это, какъ извѣстно, уладилось, и не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій ни для Соллогуба, ни для Ленскаго.

— (Стр. 23). *Мицкевичъ* — Адамъ, знаменитый Польскій поэтъ, бывшій, въ пребываніе свое въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1826—1829 гг., въ тѣсномъ дружескомъ общеніи съ Пушкинымъ, который въ началѣ 1828 г. выступалъ за него съ ходатайствомъ передъ А. Х. Бенкендорфомъ; объ этомъ выступленіи и вообще объ отношеніяхъ обоихъ поэтовъ см. замѣтку Б. А. Модзалевскаго: „Пушкинъ—ходатай за Мицкевича“—въ газетѣ „Ирида“ отъ 3-го июня 1918 г., № 1, стр. 2—3, и, полнѣе, въ сб. „Пушкинъ и его современники“, вып. XXXVI.

— (Стр. 23). *Ambassadeur d'Autriche* — графъ Фикельмонть; острога отвѣта Ленскаго Пушкину заключалась въ томъ, что представитель Австріи въ Польскомъ вопросѣ, конечно, никоимъ образомъ не могъ считаться „нейтральнымъ“ или безучастнымъ.

— (Стр. 23). *Великій Князь* — Михаилъ Павловичъ.

— (Стр. 23). *Константинъ Павловичъ* — Цесаревичъ, умершій отъ холеры, въ Витебскѣ, 15-го июня 1831 г.

— (Стр. 23). О мученіяхъ, причинявшихся прическою волосъ у военныхъ въ Павловскія времена, подробно рассказываетъ А. М. Тургеневъ въ своихъ Запискахъ: см. „Русск. Стар.“ 1885 г., № 9, стр. 384—385. О плѣшивости Александра I упоминаетъ Пушкинъ въ незаконченныхъ строфахъ „Евгенія Онѣгина“, называя его:

Властитель слабый и лукавый,
Плѣшивый щеголь, врагъ труда...

— (Стр. 23). *S.* — вѣроятно, А. О. Смирнова.

— (Стр. 23). *Нординъ* — Густавъ Нординъ (Gustav Nordin), — Секретарь Шведско-Норвежскаго посольства въ Петербургѣ, знакомый и съ Жуковскимъ еще въ 1832 г. (Дневники, съ примѣч. И. А. Бычкова, С.-Пб. 1903, стр. 231); съ декабря 1836 по май 1837 г., за отсутствіемъ посла, Нординъ состоялъ Шведско-Норвежскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ. „Послѣ смерти Пушкина“, читаемъ въ книгѣ П. Е. Щеголева о дуэли поэта: „Нординъ въ своемъ донесеніи министру Веттерштедту отъ 6/18-го февраля 1837 г. далъ сообщеніе о смерти Пушкина. По этому небольшому сообщенію видно, что онъ высоко цѣнилъ Пушкина, какъ писателя, и сознавалъ значеніе потери Пушкина для Россіи. Любопытно отмѣтить“, говоритъ П. Е. Щеголевъ, приводя текстъ сообщенія Шведскаго дипломата: „упоминаніе Нордина по поводу того, что Пушкинъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ занимался исторіей Петра Великаго: „лица, имѣвшія возможность“ — пишетъ Нординъ — „ознакомиться съ отрывками, уже написанными имъ на эту тему, способную вдохновить Русскаго историка, вдвойнѣ сожалѣють о его преждевременной кончинѣ“ („Пушк. и его соврем.“, вып. XXV—XXVII, стр. 208).

— (Стр. 23). Говоря о *семействѣ Екатерины I-й*, Пушкинъ имѣетъ въ виду, вѣроятно, семью Скавронскихъ, — изъ которой считалась происходящей сперва любовница, а затѣмъ супруга Петра I, а также семьи Гендриковыхъ и Ефимовскихъ и семейство Маріенбургскаго суперинтендента Глюка, у котораго жила

и росла съ его дѣтьми Марта Скавронская, — будущая Императрица, — на 18-мъ году отъ роду выданная замужъ за безвѣстнаго Шведскаго драгуна Юганна (см. С. Вознесенскій: біографія Екатерины I въ изданіи „Государя изъ дома Романовыхъ“, изд. М. 1913 г.).

— (Стр. 23). *Гербы въ Россіи*, какъ вѣрно замѣтилъ Пушкинъ, вошли въ употребленіе среди представителей Русскихъ дворянскихъ родовъ довольно поздно. „Не говоря о геральдическихъ эмблемахъ государственной печати и объ единичныхъ случаяхъ печатей съ родовыми знаками Русскаго дворянства XV и XVI вв., какъ не имѣвшихъ еще тѣхъ опредѣленныхъ и законченныхъ формъ, которыя давали бы право считать помѣщенные на нихъ изображенія гербами“, — пишетъ извѣстный гербовѣдъ В. К. Лукомскій, — „лишь со второй половины XVII в. мы встрѣчаемъ въ Россіи несомнѣнное пристрастіе къ употребленію гербовъ“. Знакомство у насъ съ геральдикой началось лишь въ царствованіе Алексѣя Михайловича, — благодаря развитію постоянныхъ дипломатическихъ сношеній съ сосѣдними державами. Но официальная регламентація Русскихъ гербовъ началась лишь со времени Петра Великаго, который учредилъ, въ 1722 г., Герольдмейстерскую Контору, — специальный органъ, долженствовавшій вѣдать дѣла о дворянствѣ вообще, а въ томъ числѣ и о составленіи для дворянскихъ родовъ гербовъ по правиламъ западной геральдики, которую, съ учрежденіемъ въ Петербургѣ Академіи Наукъ, культивировала профессоръ Бекенштейнъ; пышный памятникъ стараго геральдическаго искусства представляетъ собою собраніе гербовъ лейбъ-компаніи, исполненное по указу Императрицы Елисаветы Петровны (см. С. Н. Тройницкій, *Гербы лейбъ-компаніи оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ*, Пгр. 1915); однако, только съ указа Императора Павла I отъ 20-го января 1797 г. о составленіи „Общаго Гербовника дворянскихъ родовъ Всероссійскія Имперіи“ Русское гербовое дѣло стало на прочную почву; до уничтоженія сословій въ Россіи въ 1917 г. „Гербовникъ“ этотъ составилъ 21 часть, въ которыя, вмѣстѣ со „Сборникомъ дипломныхъ гербовъ, не вошедшихъ въ Общій Гербовникъ“, внесено сравнительно незначительное число гербовъ, закрѣпленныхъ за Русскими дворянствомъ (см. „Новый Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. XIII, стр. 156—158). Наибольше старыи сборникъ съ изображеніями Русскихъ фамиліальныхъ гербовъ составленъ былъ въ 1786 г., по печатямъ, любителемъ геральдики А. Т. Князевымъ и въ рукописи поднесенъ имъ Екатеринѣ II; онъ образцово изданъ С. Н. Тройницкимъ въ С.-Пб. въ 1912 г.

Въ „Общій Гербовникъ“ внесены гербы двухъ вѣтвей рода Пушкиныхъ: потомства Радши (изъ которой происходилъ поэтъ) и Новгородца Нелюба Ивановича Пушкина, происхожденіе котораго отъ Радши не было официально доказано (см. „Общій Гербовникъ“, ч. V, л. 19 и ч. XII, л. 74; ср. въ книгѣ графа А. А. Бобринскаго: *Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ Всероссийской Имперіи*, ч. I, С.-Пб. 1890, стр. 227—228); воспроизведеніе рисунка герба Пушкиныхъ дано въ книгѣ П. П. фонъ-Винклера: *Русская геральдика*, вып. 3, С.-Пб. 1894, стр. 136, № 705, и при статьѣ Б. Л. Модзалевскаго о „Родѣ Пушкина“ въ т. I Сочиненій его, изд. Брокгауза (стр. 24); въ изданномъ С. Н. Тройницкимъ Гербовникѣ Князева герба Пушкиныхъ нѣтъ, но въ него включены нѣсколько отличные отъ него гербы Бобринцевыхъ-Пушкиныхъ и Мусиныхъ-Пушкиныхъ. Изображеніе пушки, какъ эмблемы (отсутствующее въ гербѣ потомства Радши, т. е. Пушкиныхъ, Мятлевыхъ и др.), дѣйствительно входитъ въ названные поэтомъ гербы князей Вяземскихъ и дворянъ Ржевскихъ, какъ

происходящихъ отъ потомковъ князей Смоленскихъ; эта же излюбленная эмблема внесена и въ гербы многихъ другихъ фамилій: Мясново, Левлевыхъ, Базиныхъ и др.

— (Стр. 23). О *Е. М. Хитрово* см. выше, стр. 195—199.

— (Стр. 23). *Великій Князь* — Михаилъ Павловичъ; онъ имѣлъ въ виду слѣдующую статью неизвѣстнаго намъ и слишкомъ ретиваго Московскаго корреспондента, которая не безъ основанія вызвала возмущеніе Великаго Князя своимъ восторженнымъ тономъ, перешедшимъ всякую мѣру: „Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Москву 7-го числа Сентября, въ 6-мъ часу по полудни. На другой день рано поутру Тверская, Никитская, Пречистенка и всѣ улицы, ведущія прямо къ средоточію города, закипѣли народомъ: всѣ спѣшили на Кремлевскую площадь, и въ девять часовъ пространство, отдѣляющее Николаевскій дворецъ отъ Грановитой Палаты и Соборныхъ храмовъ, покрывлось одною необозримою и густою толпою народа. Нѣсколько жандармовъ стояло подлѣ рогатокъ, коими обнесено мѣсто, назначенное для разводовъ; но на площади, противъ дворца, среди бесчисленнаго народа, не замѣтно было ни одного полицейскаго чиновника. Толпы волновались; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе—и вотъ, наконецъ, громкое, единогласное ура!—встрѣтило Царя Русскаго. — Охраняемый не стражею, а любовію своихъ подданныхъ, Онъ шелъ одинъ, со всѣхъ сторонъ окруженный и даже тѣснымъ народными толпами. Тысячи жадныхъ взоровъ ловили каждый взглядъ Монарха; тысячи радостныхъ восклицаній, заглушая звонъ соборныхъ колоколовъ, привѣтствовали дорогаго Гостя, на котораго Москва насмотрѣться не можетъ. Митрополитъ Московскій встрѣтилъ Государя передъ Соборами, и лишь только сей знаменитый Архипастырь произнесъ первое слово, глубокое молчаніе водворилось на всей площади. Выслушавъ привѣтственную рѣчь отъ главы Московскаго Духовенства, Его Императорское Величество послѣдовалъ за нимъ въ Соборъ и по окончаніи служенія изволилъ пойти на плацпарадную площадь. — По окончаніи развода Государь Императоръ изволилъ отправиться въ Грановитую Палату. Взойдя на Красное крыльце, Онъ снова обратился къ площади и низко поклонился народу. — О! какой неизъяснимый восторгъ отразился въ общемъ, громовомъ ура! всей многолюдной толпы, когда Владыко земли Русской, Прарправнукъ Великаго Петра, склонилъ священную главу свою предъ гражданами Москвы, — сей древней и всегда вѣрной *отчины* Державныхъ Его Предковъ! — Для чего какой-нибудь заклятый врагъ Россіи, какой-нибудь неистовый демагогъ не былъ свидѣтелемъ сей общей радости, не слышалъ этого неподкупнаго голоса цѣлаго народа! — Онъ увидѣлъ бы тогда, въ чемъ состоитъ ничѣмъ неподлимая сила святой Руси; одинъ взглядъ на эту довѣренность Государя къ подданнымъ, на эту любовь народа къ Царю долженъ уничтожить всѣ замыслы враговъ нашей родины — ибо единый гнѣвъ Божій можетъ сокрушить Царство, въ которомъ Государь и народъ его, какъ душа и тѣло, нераздѣльны межъ собою“ („Сѣверная Пчела“ 13-го сентября 1834 г., № 206, стр. 821).

— (Стр. 23). Званіе *потомственнаго почетнаго гражданина* учреждено было для особенно заслуженныхъ лицъ купеческаго и другихъ сословій въ 1832 году; оно, по мысли законодателя, должно было открывать образованнымъ людямъ выходъ въ почетное сословіе, свободное отъ тѣлеснаго наказанія, отъ рекрутчины и подушной подати; какъ члены состоянія неподатнаго, почетные граждане пользовались свободой передвиженія и не знали суровой дисципли-

нарной власти податныхъ обществъ. Изъ публиковавшихся въ „С.-Петербург. Вѣдомостяхъ“ 1834 г. (напр. № 123), и въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1834 г. (напр., № 147, 168, 253, 290) списковъ вновь утвержденныхъ въ званіи потомственныхъ почетныхъ гражданъ видно, что въ званіе это возводились представители крупнаго купечества и торгово-промышленные дѣятели, все купцы 1-й и 2-й гильдій (напр., Меншуткины, Жадимировскіе, Боткины, Якунчиковы и др.).

— (Стр. 24). О взглядахъ Пушкина на дворянство и его значеніе см. въ статьѣ В. П. Анненкова „Общественные идеалы А. С. Пушкина“ — въ „Вѣстн. Евр.“ 1880 г., № 6, гдѣ, на стр. 607-й, приведено, въ пересказѣ, сужденіе Пушкина о Романовыхъ-революціонерахъ.

— (Стр. 24). Цензоръ Петербургскаго Цензурнаго Комитета, профессоръ Россійской словесности Александръ Васильевичъ *Никитенко* (род. въ мартѣ 1805, ум. 21-го іюля 1877 г.) свой извѣстный *Дневникъ* — начинаетъ подъ 1-мъ января 1835 года слѣдующимъ разсказомъ: „Послѣдніе дни прошедшаго года были для меня очень бурные. Я восемь дней провелъ подъ арестомъ на гауптвахтѣ. Вотъ исторія сихъ дней. Въ XII книжкѣ „Библиотеки для Чтенія“, коей я цензоръ, напечатаны слѣдующіе стихи, переведенные изъ Виктора Гюго:

Красавицѣ.

Когда-бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Волшебница! тогда-бъ повергъ я предъ тобой
Все, все, что власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру,
За взоръ, за взглядъ единый твой!
И если-бъ Богомъ былъ — селеньями святыми
Клянусь — я отдалъ бы прохладу райскихъ струй,
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй!

* *
*

Болѣе двухъ недѣль прошло, какъ эти стихи были напечатаны, меня не тревожили. Но вотъ, дня за два до моего ареста, Сенковский нарочно пріѣхалъ уведомить меня, что эти стихи привели въ волненіе монаховъ, и что Митрополитъ собирается принести на меня жалобу Государю. Я приготовился вынести бурю. — Въ понедѣльникъ, 16-го числа, въ половинѣ лекціи моей въ Университетѣ, я получаю отъ Попечителя записку, съ приглашеніемъ немедленно къ нему пріѣхать. Въ запискѣ было упомянуто: „по извѣстному вамъ дѣлу“. Ясно было, какое это дѣло. Я привелъ свои душевныя силы въ боевой порядокъ и явился къ князю спокойный, готовый бодро встрѣтить обрушившуюся на меня бѣду. — Мой добрый начальникъ [князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ] съ сокрушеніемъ объявилъ мнѣ, что Митрополитъ [Серафимъ] въ воскресенье испросилъ у Государя особенную аудіенцію, прочиталъ ему выше приведенные стихи и умолялъ его, какъ православнаго царя, оградить церковь и вѣру отъ поруганій поэзіи. Государь приказалъ: цензора, пропустившаго стихи, посадить на гауптвахту“ (Записки, т. I, стр. 256 — 257). Далѣе Никитенко подробно разсказываетъ, какъ онъ попалъ на Ново-Адмиралтейскую гауптвахту и какъ проводилъ онъ тамъ время. Къ нему заѣзжалъ Предсѣдатель Цензурнаго Комитета князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ; пріѣзжалъ навѣстить его „самъ комендантъ Мартыновъ.

Онъ обласкалъ меня, просилъ не тревожиться, говоря, что обо мнѣ очень многіе хлопочуть. Онъ, съ своей стороны, обѣщался въ тотъ же день доложить обо мнѣ Государю. Жена пишетъ мнѣ, что мой арестъ надѣлалъ въ городѣ много шума, и что къ намъ на квартиру прѣзжаетъ масса лицъ съ извѣвленіями моего сожалѣнія и участія. Такъ какъ большинству неизвѣстно мѣсто моего заточенія, то, говорятъ, на разныхъ гауптвахтахъ отбою нѣтъ отъ желающихъ меня видѣть“.... Мартыновъ, — пишетъ онъ далѣе, — „дѣйствительно, докладывалъ обо мнѣ Государю и спрашивалъ, не благоугодно-ли ему будетъ освободить Государя отвѣчалъ: „Я самъ назначаю срокъ“. — Когда срокъ этотъ наступилъ и Никитенко вышелъ на свободу, онъ поѣхалъ, между прочимъ, къ Министру Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварову; Министръ принялъ его „благосклонно, не выразивъ ни слова укора или даже совѣта на будущее и сказавъ: „И Государя на васъ вовсе не сердитъ. Прочитавъ пропущенные стихи, онъ только замѣтилъ: „прозвѣвалъ!“ Но онъ вынужденъ былъ дать удовлетвореніе главѣ духовенства и притомъ публичное и гласное. Во время вашего заключенія онъ осведомлялся у коменданта, не слишкомъ ли вы беспокоитесь, и выразилъ удовольствіе, узнавъ, что вы спокойны. Митрополитъ вообще немного выигралъ своимъ поступкомъ. Государь недоволенъ тѣмъ, что онъ утруждалъ его мелочью“ (Записки, ч. I, стр. 256 — 260). „Я узналъ, кто былъ первымъ виновникомъ моего заключенія“, — пишетъ онъ далѣе: „это — Андрей Никол. Муравьевъ, авторъ „Путешествія ко Святымъ мѣстамъ“ и неудачной трагедіи „Тиверіада“.... Это фанатикъ, который, впрочемъ, себѣ на умѣ, то-есть, по пословицѣ, съ помощью монаховъ, на святости идей строить свое земное счастье. Однако, онъ не много выигралъ своимъ доносомъ на меня. Въ публикѣ клеймятъ имя Муравьева, а Государь черезъ Бенкендорфа уже далъ замѣтить Митрополиту, что вовсе не благодаренъ ему за шумъ, который около двухъ недѣль наполняетъ столицу“.

— (Стр. 24). *Деларю* — Михаилъ Даниловичъ (род. въ 1811, ум. въ ночь на 24-е февраля 1868), питомецъ Царскосельскаго Лицея, по окончаніи курса въ которомъ поступилъ на службу въ Департаментъ Государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (12-го августа 1829) и здѣсь съ 7-го февраля 1832 г. былъ столоначальникомъ, а 7-го февраля 1833 г. перешелъ Секретаремъ въ Канцелярію Военнаго Министерства; 31-го мая 1834 г. онъ былъ командированъ въ Казань — для осмотра тамъ Комиссаріатской Комиссіи, арсенала и порохового завода; послѣ полученія Военнымъ Министромъ графомъ А. И. Чернышевымъ письма стать-секретаря С. А. Танѣва о томъ, что „Государь Императоръ замѣтилъ въ журналѣ „Библіотека для Чтенія“ (1834 г., № 12, т. VII, отд. I, стр. 131) неприличные стихи Деларю подъ названіемъ „Красавицѣ“, — авторъ 19-го декабря 1834 г. былъ уволенъ со службы (Н. М. Затворницкій, Указатель біографическихъ свѣдѣній, касающихся чиновъ общаго состава по Канцеляріи Военнаго Министерства съ 1802 до 1902 г., С.-Пб. 1909, стр. 163 — 164) и оставался не у дѣлъ до мая 1837 г., когда, по ходатайству Д. М. и А. М. Княжевичей и черезъ посредство Я. И. Ростовцова, получилъ мѣсто Инспектора Одесскаго Ришельевскаго Лицея. „Добрый и благонамѣренный“ характеръ его, — какъ свидѣтельствуегъ о томъ его сослуживецъ Н. Н. Мурзакевичъ, — „привязалъ къ нему всѣхъ лицейскихъ сослуживцевъ, которымъ, и Попечителю, онъ рассказалъ причину своего удаленія изъ Петербурга. Трудная и очень хлопотливая должность Инспектора Лицея, при слабомъ здоровьѣ, принудила Михаила Даниловича въ 1841 г. просить увольненія вовсе отъ службы.

Въ Одессѣ онъ, помимо участія въ изданіи „Одесскаго Альманаха“, предпринятомъ Д. М. Княжевичемъ въ 1839 г., переложилъ въ гекзаметры „Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святослава, внука Олегова“ (Одесса. 1839). Деларю умеръ въ Харьковѣ, въ своемъ помѣстьѣ („Русск. Стар.“ 1880 г., т. XXIX, стр. 426). Кромѣ отдѣльныхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ „Литературной Газетѣ“ 1830 и 1831 г., въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ и другихъ альманахахъ („Комета Бѣлы“ 1833 г., „Альманахъ на 1838 г.“, „Невскій Альманахъ“ на 1830 г.), въ „Современникѣ“, „Одесскомъ Вѣстникѣ“, „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ 1832 г. и др. повременныхъ изданіяхъ, Деларю выпустилъ въ 1835 г., сборникъ своихъ піесъ, подъ заглавіемъ „Опыты въ стихахъ“. Особаго дарованія его произведенія, однако, не обнаруживаютъ. Отвѣчая на письмо Плетнева съ отзывомъ о „прекрасномъ“ талантѣ Деларю, Пушкинъ писалъ: „Деларю слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для молодого Лицеиста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это второй томъ Подолинскаго. Впрочемъ, можетъ быть онъ и разовьется“ (письмо отъ апрѣля 1831 г. — Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 236). Пушкинъ въ это время былъ уже лично знакомъ съ Деларю, и до насъ дошло одно письмо поэта къ его младшему однокашнику (отъ 29-го сентября 1831 г. — Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 329); послѣдній, по словамъ его сына, „относился всегда къ Пушкину, какъ къ гению, и смотрѣлъ на него, какъ на своего учителя“; однако, онъ „ближе стоялъ, по своимъ личнымъ симпатіямъ и склонностямъ, къ другому нашему поэту, другу и сотоварищу Пушкина, барону Дельвигу“. Отношенія его къ послѣднему были „самыя нѣжно-дружескія“, и Деларю „пришлось закрыть глаза нашему Русскому Геснеру“, что отчасти послужило поводомъ и къ болѣе тѣсному сближенію между Деларю и Пушкинымъ („Русск. Стар.“ 1880 г., т. XXIX, стр. 217); дѣйствительно, Плетневъ вскорѣ послѣ смерти Дельвига писалъ Пушкину о Деларю: „Его привязанность къ памяти Дельвига представляетъ что-то священное. Это уже одно связываетъ меня съ нимъ“ (Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 225; ср. „Современникъ“ 1854 г., № 9, Отд. Критики, стр. 55, 56, 58, 64, — въ статьѣ В. П. Гаевского о Дельвигѣ; Воспоминанія А. А. Харитонова — „Русск. Стар.“ 1894 г., № 1, стр. 113 — 114). Объ участіи Деларю къ Пушкину въ дѣлѣ о перлюстраціи его писемъ см. выше, стр. 174—175. — 12 стихотвореній Деларю включено въ сборникъ Ю. Н. Верховскаго: „Поэты Пушкинской поры“, М. 1919, стр. 17—23.

— (Стр. 24). Что *двустипшіе Крылова*, приводимое Пушкинымъ, было дѣйствительно сказано знаменитымъ баснописцемъ про Гюго и Деларю, подтверждаютъ еще два свидѣтеля: И. И. Ханенко, сообщающій („Русск. Арх.“ 1869 г., стр. 074), что передавшій ему это двустипшіе П. А. Львовъ, родственникъ Олениныхъ, лично видѣлъ, какъ Крыловъ записалъ его карандашомъ на книжкѣ журнала, и Н. М. Колмаковъ, какъ и Пушкинъ, самъ слышавшій его изъ устъ автора въ домѣ графини Софьи Владиміровны Строгановой („Русск. Стар.“ 1891 г., т. LXX, стр. 666—667); см. еще передаваемое по преданію свидѣтельство Д. Д. Языкова („Русск. Стар.“ 1881 г., т. XXX, стр. 191) и воспоминанія Мальшева („Историч. Вѣстн.“ 1885 г., № 6, стр. 650—651). О двустипшіи Крылова см. еще въ Сочиненіяхъ его, подъ ред. В. В. Каллаша, изд. Просвѣщенія, т. IV, стр. 352—353. Изъ разсказа сенатора К. И. Фишера видно („Историч. Вѣстн.“ 1908 г., № 3, стр. 802), что было и еще одно возраженіе на стихотвореніе Гюго-Деларю: старый чиновникъ Морского Министерства И. Я.

Бухало, „бывъ скандализованъ стихами Деларю“, написалъ слѣдующую нескладную отвѣдь:

Когда ты порокомъ дышешь
И скверные стихи пишешь,
То ты не Богъ, не царь,
А просто земная тварь, —
И не красавицамъ тебя лобзаетъ устами;
А просто бить тебя батогами.

— (Стр. 24). *Ухорскій псаломъ Глинки*, — быть можетъ, — относящееся къ 1832 г. стихотвореніе его „Слова Адонай къ мечу (изъ Исаіа)“, начинающееся словами Бога - Адонай:

Сверкай, мой мечъ! играй, мой мечъ!
Лети, губи, какъ змѣй крылатый!
Пируй, гуляй въ разлолъ сѣчь!
Щиты ихъ въ прахъ! въ осколки латы! и т. д....

(Сочиненія Э. Н. Глинки, т. I, Духовныя стихотворенія, т. 1, М. 1869, стр. 435—436). Однако, эпитетъ „уморительно-смѣшной“ къ стихотворенію этому, очень сильному и энергичному, какъ будто и не подходитъ. — Федоръ Николаевичъ Глинка (род. 8-го іюня 1786, ум. въ Твери 11-го февраля 1880) былъ давній, еще со временъ послѣ-лицейской Петербургской жизни Пушкина, знакомецъ поэта и большой его поклонникъ и всегдашній почитатель^{*)}; чрезвычайно плодотворный стихотворецъ, онъ помѣщалъ свои произведенія едва-ли не во всѣхъ журналахъ, газетахъ, альманахахъ и сборникахъ, начиная съ 1820-хъ годовъ и въ продолженіе всей своей долгой жизни. Незадолго до упоминанія о немъ Пушкина Глинка былъ, 14-го октября 1834 г., по прошенію уволенъ отъ должности Совѣтника Орловскаго Губернскаго Правленія и вовсе отъ службы съ пожалованіемъ въ д. с. совѣтника („С.-Петербург. Вѣд.“ 1834 г., № 269, стр. 1048). Наиболье подробная біографія Глинки, написанная А. Е. Ельницкимъ, помѣщена въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, т. Г., стр. 297—315; взаимоотношенія Глинки и Пушкина разсмотрѣны въ специальныхъ статьяхъ Н. О. Лернера и Н. К. Замкова — въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники“, вып. VII, стр. 73—76, и вып. XXIX—XXX, стр. 78—97, и Г. Н. Карасика въ II т. Сочиненій Пушкина, изд. Брокгауза, стр. 606—608; его литературная характеристика и образцы стиховъ даны въ книгѣ И. Н. Розанова: *Русская лирика*, М. 1914, стр. 217—238; въ

*) Еще весною 1834 г., въ своемъ стихотвореніи — экспромптѣ „Мое спасибо за стаканъ“, помѣщенномъ въ „Литературныхъ Прибавл. къ Русскому Иностранцу“, Глинка такъ упоминалъ о Пушкинѣ (№ 33—34, стр. 269) и его только что тогда опубликованной пьесѣ „Гусаръ“.

Но это кто на помель
(Держась за помело руками),
Верхомъ, сказавъ „прости“ земль,
Летить и вздорить съ облаками?
Въ полночь, юркнувъ черезъ камия,
Она катитъ на шумъ пирушки...
Я узнаю. Нашъ исполинъ —
Поэтъ и краснописецъ Пушкинъ
Её въ Гусарѣ описалъ:
То вѣдьма! и т. д.

сборниках: Н. В. Гербеля—Русские поэты в биографиях и образцах, С.-Пб. 1888, стр. 174—178, и Ю. Н. Верховскаго—Поэты Пушкинской поры, М. 1919, стр. 89—91. Если вѣрять одному мѣсту Записокъ А. О. Смирновой (ч. I, стр. 211—212), Пушкинъ встрѣчалъ Глинку и въ гостиной Смирновыхъ. Онъ высказался о поэтическомъ дарованіи Глинки въ рецензіи на его поэму „Карелія“ (1830 г.), помѣщенной въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г., № 10: „Изо всѣхъ нашихъ Поэтовъ“, писалъ здѣсь Пушкинъ,—„Ф. Н. Глинка, можетъ быть, самый оригинальный! Онъ не исповѣдуетъ ни древняго, ни французскаго классицизма, онъ не слѣдуетъ ни готическому, ни новѣйшему Романтизму; слогъ его не напоминаетъ ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковскимъ и Батюшковымъ. Вы столь же легко узнаете Глинку въ элегическомъ его Псалмѣ, какъ узнаете Князя Вяземскаго въ станцахъ метафизическихъ или Крылова въ сатирической притчѣ. Небрежность риѣмъ и слога, обороты то смѣлые, то прозаическіе, простота, соединенная съ изысканностью, какая-то вялость и въ то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушіе, теплога чувствъ, однообразіе мыслей и свѣжесть живописи, иногда мѣлочной,—все даетъ особенную печать его произведеніямъ“ (ср. „Пушк. и его соврем.“, вып. XXIX—XXX, стр. 86). И. Н. Розановъ въ вышеупомянутой книгѣ своей приходитъ къ подобному же выводу о Глинкѣ, какъ поэтѣ; по его мнѣнію, Глинка не можетъ быть относимъ ни къ чьимъ подражателямъ: въ „Русской поэзіи онъ занимаетъ скромное, но ему одному принадлежащее мѣсто. У другихъ поэтовъ религиозные мотивы встрѣчаются случайно, мимоходомъ, между прочимъ. Онъ одинъ сдѣлалъ религиозное чувство и христіанское нравоученіе паѣсомъ своей поэзіи — и въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ силенъ и выразителенъ“ („Русская лирика“, М. 1914, стр. 238). — Пушкину приписывалась (безъ основаній, впрочемъ) эпиграмма на Ф. Н. Глинку и его псалмы:

Федоръ Глинка молодець
 Оды Богу сочиняеть;
 Ихъ читаетъ Богъ-Отець,
 А Богъ-Сынъ ихъ не читаетъ:
 Говорить, что „онъ, подлець,
 Насъ съ Папашей надуваетъ“.

Погодинъ рассказывалъ, что Крыловъ выражался о Глинкѣ: „Онъ съ Богомъ за панибрата: онъ Бога въ кумовья къ себѣ позоветъ“ („Русск. Стар.“ 1893 г., № 42, стр. 644).

— (Стр. 25). *Денисъ Давыдовъ*—извѣстный партизанъ, герой Отечественной войны и даровитый поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ (род. 16-го іюня 1789, ум. 22-го апрѣля 1839). Пушкинъ смолоду зналъ Давыдова-Арзамасца, „Дениса-храбреца“, любилъ, какъ человѣка своеобразнаго, лихова гусара, и говорилъ, что именно Давыдовъ „далъ ему почувствовать, что можно быть оригинальнымъ“, при чемъ приписывалъ его вліянію свою независимость отъ авторитетовъ Батюшкова и Жуковскаго. „Это понятно“, — говоритъ М. В. Юзефовичъ: „оригинальность Давыдова могла, дѣйствительно, поразить гениальнаго юношу,—она такъ исключительно-своеобразна, что не оставяла даже возможности подражать ему; у него одного не было ни поддѣльщиковъ, ни подражателей“ („Русск. Арх.“ 1874 г., кн. II, стр. 732, и 1880 г., кн. III, стр. 444). Князю

П. П. Вяземскому самъ Пушкинъ разсказывалъ, что „въ молодости онѣ старался подражать Давыдову — въ крученіи стиха и усвоилъ себѣ его манеру навсегда“ (Сочиненія, С.-Пб. 1893, стр. 548); дѣйствительно, онѣ блестяще, напримѣръ, „передразнилъ“ стиль Давыдовскаго стиха въ своемъ посланіи къ поэту-гусару при посылкѣ ему „Исторіи Пугачевскаго бунта“ 18-го января 1836 г. („Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою!“...), при чемъ Давыдовъ считалъ это посланіе своимъ „brevêt d'immortalité“ („Старина и Новизна“, кн. XXII, стр. 69) и платилъ Пушкину сильной привязанностью, часто писалъ ему письма, сотрудничалъ въ его „Современникѣ“; весною 1834 г., узнавъ отъ князя П. А. Вяземскаго о томъ, что Пушкинъ работаетъ надъ „Исторіей Пугачевскаго бунта“, Давыдовъ писалъ: „жду съ нетерпѣніемъ Пугачева. Я увѣренъ, что это будетъ презанимательная книга. Увѣдомь, что онѣ еще пишетъ. Да ради Бога заставьте его продолжать Онѣгина: эта прелесть у меня вѣчно въ рукахъ, — тутъ все и для сердца, и для смѣха“ („Старина и Новизна“, кн. XXII, стр. 58). Когда же до Давыдова дошла въ Москву вѣсть о кончинѣ Пушкина, онѣ писалъ: „Милый Вяземскій! Смерть Пушкина меня рѣшительно поразила; я по сю пору не могу образумиться. Здѣсь Богъ знаетъ, какіе толки. Ты, который долженъ все знать и который былъ при послѣднихъ минутахъ его, скажи мнѣ, ради Бога, какъ это случилось, дабы я могъ опровергать многое, разглашаемое здѣсь *бабами обою пола*. Пожалуйста, не полѣнись и увѣдомь обо всемъ съ начала до конца, и какъ можно скорѣе. Какое ужасное происшествіе! Какая потеря для всей Россіи! *Vraiment une calamité publique!* Болѣе писать, право, нѣтъ духа. Я много терялъ друзей подобною смертью на поляхъ сраженій, но тогда я самъ раздѣлялъ съ ними ту же опасность, тогда я самъ ждалъ такой же смерти, что много облегчаетъ, а это Богъ знаетъ какое несчастіе! А Булгарины и Сенковскіе живы и будутъ живы, потому что пощечины и палочные удары не убиваютъ до смерти“ (тамъ же, стр. 67). Мѣсяць спустя, онѣ снова писалъ князю Вяземскому: „Вѣришь-ли, что я по сю пору не могу опомниться, — такъ эта смерть поразила меня! Пройди сквозь весь пылъ Наполеоновскихъ и другихъ войнъ, многимъ подобнаго рода смертямъ я былъ виновникомъ и свидѣтелемъ, но ни одна не потрясла душу мою подобно смерти Пушкина. Грустно, что рано, но если уже умирать, то умирать такъ должно, а не такъ, какъ умрутъ тѣ изъ знакомыхъ намъ съ тобою литераторовъ, которые теперь втихомолку служатъ молебны и благодарятъ судьбу за счастливѣйшее для нихъ происшествіе. Какъ Пушкинъ-то и геніемъ, и чувствами, и жизнію, и смертью паритъ надъ ними! И эти г.... жуки думали соперничать съ этимъ громодержавнымъ орломъ!“ (тамъ же, стр. 68). Литературный и биограрическій портретъ Давыдова и очеркъ отношеній его къ Пушкину см. въ сборникѣ Б. А. Садовскаго „Русская Камена“, М. 1910, стр. 19—51.

— (Стр. 25). *Онѣ* — т. е. Богъ; въ прежнихъ изданіяхъ Дневника Пушкина мѣстоименіе это печаталось съ маленькой буквы и относилось поэтому неправильно къ Глинкѣ.

— (Стр. 25). *Бриллианты Н. Н. Пушкиной* были заложены ея мужемъ, вѣроятно, тотчасъ послѣ свадьбы; по крайней мѣрѣ, уже 22-го октября 1831 г. Пушкинъ писалъ П. В. Нащокину; „Не пріѣхать-ли мнѣ самому въ Москву?.. Я бы самъ кой-какія дѣла обработалъ, напр., бриліанты жены моей, которые стараюсь спасти отъ банкротства теши моей и отъ лапъ Семена Федоровича (Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 339); 8-го декабря онѣ увѣдомлялъ жену изъ Москвы: „о твоихъ бриліантахъ жду извѣстія отъ тебя“ (стр. 350), а 16-го писалъ ей: „Голкондскихъ

алмазовъ дожидаться не намѣренъ и въ новый годъ выведу тебя въ бусахъ“ (стр. 356). „Что Рахмановъ и что мои алмазы?“ — спрашивалъ онъ Нащокина уже изъ Петербурга 8-го января 1832 г. (стр. 359) и тутъ же приписывалъ: „коли бриліанты выкуплены, скажи мнѣ адресъ Рахманова — я перешлю ему показѣсть 5500 рублей; на эти деньги пусть перешлетъ онъ мнѣ бриліанты (заложены въ 5500). Остальные выкупаю, перезаложивъ сіи“ (стр. 359—360). „О бриліантахъ справлялся“, писалъ Нащокинъ: „срокъ еще не выходилъ, все въ порядкѣ“ (стр. 364), а Пушкинъ отвѣчалъ: „О бриліантахъ думать нечего; если завтра или послѣ-завтраго не получу отвѣта Рахманова, то деньги возвращаю, а дѣло сдѣлаю послѣ когда-нибудь“ (стр. 370); наконецъ, 9-го февраля самъ Рахмановъ уведомила Пушкина, что наканунѣ онъ выкупилъ его вещи изъ Московскаго Воспитательнаго Дома за 9000 р. асс. (стр. 370—371; ср. стр. 379). Но это были, повидимому, не всѣ бриліанты Н. Н. Пушкиной; по крайней мѣрѣ П. В. Нащокинъ передавалъ П. И. Бартеневу, что поэтъ, для переѣзда въ Петербургъ весною 1831 г., „долженъ былъ подѣ жидовскіе проценты заложить нѣкому Вееру женины бриліанты, которыхъ такъ и не выкупилъ“ („Русск. Арх.“ 1882 г., кн. I, стр. 232, примѣч.).

— (Стр. 25). *Волконскій* — князь Петръ Михайловичъ (род. 26-го апрѣля 1776, ум. 26-го августа 1852), генераль-отъ-инфантеріи, генераль-адъютантъ (съ 15-го сентября 1801 г.), долговѣтній Министръ Императорскаго Двора (1826—1852) и Министръ Удѣловъ, членъ Государственнаго Совѣта, Управляющій Кабинетомъ Его Императорскаго Величества; 22-го апрѣля 1834 г. онъ, по случаю празднованія совершеннолѣтія Наслѣдника Александра Николаевича, получилъ, при милостивомъ рескриптѣ, въ знакъ отличнаго къ нему уваженія и признательности, особую трость, украшенную бриліантами и съ надписью: „въ признательность за долговременную и вѣрную службу“ („С.-Петербург. Вѣдом.“ 1834 г., № 95), а 30-го августа того же года, въ день открытія колонны Императора Александра, къ которому Волконскій, во все время его царствованія, какъ одинъ изъ первыхъ его генераль-адъютантовъ, былъ особенно близокъ, — получилъ титулъ „свѣтлости“ (тамъ-же, № 205). Въ качествѣ Министра Императорскаго Двора князь Волконскій былъ высшимъ начальникомъ Пушкина — камеръ-юнкера. По словамъ его біографа, „князь Волконскій, какъ самый близкій человѣкъ къ Александру I, не покидавшій его съ юныхъ лѣтъ до самой его кончины, никогда не злоупотреблялъ своимъ положеніемъ государева любимца. По отзывамъ современниковъ, онъ всегда отличался безпристрастіемъ, не зналъ ни друзей, ни родныхъ, не выпрашивалъ имъ ни милостей, ни наградъ и былъ извѣстенъ своею ненавистью къ nepотизму. Благородный и великодушный по природѣ, но суровый въ исполненіи долга, онъ въ послѣдніе годы жизни Александра являлся противовѣсомъ вліянію Аракчеева, котораго презиралъ и называлъ „змѣемъ“ (Великій Князь Николай Михайловичъ, Генераль-адъютанты Императора Александра I, С.-Пб. 1913, стр. 45—47). При Императорѣ Николаѣ, во все почти его царствованіе, князь Волконскій былъ едва-ли не ближайшимъ къ царской семьѣ человѣкомъ и пользовался, по заслугамъ, неограниченною ея довѣренностью; онъ былъ, въ расходахъ по своему вѣдомству, экономенъ до скупости и зачастую не стѣснялся отказывать въ просьбахъ о тратахъ самому Императору. Баронъ М. А. Корфъ, хорошо знавшій Волконскаго по служебнымъ отношеніямъ, говоритъ (1850), что это былъ „примѣчательный, историческій старецъ, котораго современная публика не очень жаловала за брюзгливость и

еще больше за скупость, забывая, что онъ скупится не на свои, а на царскія деньги... Онъ былъ бодръ тѣломъ и духомъ до невѣроятности, и чудесную, часто удивлявшую меня память сохранилъ до самой своей кончины... Взглядъ его на предметы, изощренный многолѣтнею опытностью и проходившею черезъ его руки массою важнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ дѣлъ, былъ необыкновенно ясенъ; онъ понималъ и обнималъ все съ перваго слова, почти прежде, нежели это слово было вполнѣ выговорено... Здраваго ума, логики, разсудительности— всего этого было въ немъ пропасть, но жестоко ошибся бы тотъ, кто сталъ бы искать или старался бы возбудить въ немъ огонь, воодушевленіе, поэзію мысли: онъ былъ холоденъ, какъ воплощенный опытъ... Что касается до внѣшняго обращенія князя, то оно было очень просто, безъ фразъ, нѣсколько даже холодно, но вообще вѣжливо. На то, что называется *представительностію*, онъ, несмотря на длинную, безконечную опытность и, казалось бы, привычку, не былъ сроденъ и даже нѣсколько затруднялся при появленіи передъ большимъ числомъ людей“ („Русск. Стар.“ 1900 г., № 7, стр. 36—39). Графъ Оттонъ Брей, Баварскій посланникъ въ Петербургъ, характеризуетъ Волконскаго, пишетъ (1851): „Князь сохранилъ и въ занимаемой имъ нынѣ должности свои привычки: чрезвычайно холодный въ обращеніи и склонный къ бережливости среди расточительнаго общества, онъ отвѣчаетъ обыкновенно отказомъ на всякую просьбу и почти всегда бываетъ пасмуренъ и нахмуренъ. Его называютъ „Prince de pierre“; Императоръ „дѣлать въ немъ преданнаго, энергичнаго и честнаго, хотя подчасъ не вполнѣ покладистаго слугу“ („Русск. Стар.“ 1902 г., № 1, стр. 134—135). То-же говоритъ о Волконскомъ, „усвоившемъ себѣ привилегію государева и всей царской семьи дядьки-ворчуна“, и графъ М. Д. Бутурлинъ. „Было много хорошаго“, пишетъ онъ: „въ характерѣ князя Петра Михайловича. Онъ былъ скареденъ, это вѣрно, во всякой копейкѣ по хозяйственной части Императорскаго двора и тѣмъ нажилъ себѣ много недовольныхъ (ему дано было прозвище „Le Prince Non“) и постоянно избѣгалъ оказывать свою протекцію и быть ходатаемъ для царскихъ милостей для кого бы то ни было... Строгая во всемъ честность князя Петра Михайловича и безкорыстная его преданность царской семьѣ были образцовыми“ („Русск. Арх.“ 1898 г., кн. I, стр. 423—424). Такими же красками рисуетъ Волконскаго и его ближайшій помощникъ, В. И. Панаевъ, въ своихъ Воспоминаніяхъ („Русск. Стар.“ 1892 г., № 11, стр. 276—289). 6-го декабря 1850 г. Волконскій возведенъ былъ въ званіе фельдмаршала. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Софіи Григорьевнѣ Волконской (ум. 1868), сестрѣ декабриста князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго, Кишиневскаго и Одесскаго знакомаца Пушкина (см. Архивъ декабриста, подъ редакціей князя С. М. Волконскаго и Б. Л. Модзалевскаго, т. I, Пгр. 1918).

— (Стр. 25). *Великая Княгиня* — Елена Павловна (см. выше, стр. 186—189).

— (Стр. 25). *Записки Екатерины II* у Пушкина были въ спискѣ; изданы онъ были впервые лишь въ 1859 г., въ Лондонѣ, на французскомъ и русскомъ языкахъ, Герценомъ, который въ предисловіи своемъ писалъ, между прочимъ, со словъ лица, доставившаго ему списокъ Записокъ (князя П. В. Долгорукова?): „До послѣдняго времени мемуары Екатерины содержались въ великой тайнѣ... Говорятъ, что Павелъ далъ только одну копію мемуаровъ другу и товарищу своего дѣтства, князю Александру Куракину. Когда онъ умеръ въ 1818 году, Александръ Ивановичъ Тургеневъ успѣлъ проникнуть въ его библіотеку и снялъ для себя списокъ. Отсюда пошла всѣ списки, существовавшіе въ Россіи.“

Пушкинъ въ Одессѣ собственноручно переписалъ для себя всѣ мемуары изъ библіотеки графа Воронцова. Около 1827 года, когда Николай приказалъ Блудову разобрать дворцовый бумажный хламъ, — мемуары были ему показаны и потомъ подъ государственной печатью положены въ Главный Архивъ... Преслѣдованіе мемуаровъ началось съ тѣхъ поръ, какъ Тургеневъ проговорился Николаю, что знаетъ ихъ. Николай посылалъ черезъ III Отдѣленіе къ тѣмъ лицамъ, у кого были списки, просить ихъ для себя и потомъ—сжигалъ. Даже Наслѣдникъ его не могъ достать завѣтной рукописи до самаго вступленія своего на престоль "... Кромѣ вышеприведеннаго показанія (а если оно принадлежитъ князю П. В. Долгорукову, то его слѣдуетъ признать заслуживающимъ довѣрія *), мы не имѣемъ другихъ свѣдѣній объ экземпляряхъ Записокъ Екатерины II, принадлежавшемъ Пушкину; впрочемъ, въ „Описи бумагамъ покойнаго Камерья-Юнкера Александра Сергѣевича Пушкина“, составленной въ февралѣ 1837 г., послѣ разбора ихъ Жуковскимъ и Дубельтомъ, значутся „Секретныя записки о жизни и смерти Императрицы Екатерины 2-ой, на французскомъ языкѣ, въ двухъ книгахъ“, — съ отмѣткою противъ нихъ, въ графѣ: „Куда отданы“, рукою Императора Николая I, карандашемъ: „Ко мнѣ“ (Дѣла III Отдѣленія объ А. С. Пушкинѣ, С.-Пб. 1906, стр. 192, 197); можно предполагать, что эта взятая Николаемъ рукопись естъ экземпляръ Записокъ самой Екатерины, съ нѣсколько произвольнымъ переводомъ того заглавія рукописи ея мемуаровъ, которое имѣется на нѣсколькихъ копіяхъ Записокъ, хранившихся въ бывшей Собственной Его Императорскаго Величества Библіотеки („Anecdotes secretes de la vie de feuë l'Impératrice Catherine II“...) и шедшихъ изъ собранія Куракина, и что одна изъ этихъ послѣднихъ копій (ихъ описаніе см. въ Сочиненіяхъ Императрицы Екатерины II, изд. Академіи Наукъ, подъ ред. А. Н. Пыпина, т. XII, 2-й полутомъ, С.-Пб. 1907, стр. 738—741 и 798) происходитъ изъ библіотеки Пушкина. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе вывоза рукописей Собственной Библіотеки изъ Петербурга, мы не могли лично осмотрѣть находившіяся въ ней копіи и высказаться за или противъ возможности принадлежности одной изъ нихъ Пушкину.

— (Стр. 25). *С. М. Смирнова* — Софья Михайловна (род. 29-го сентября 1809, ум. 6-го января 1835), единственная и нѣжно-любимая (см. Записки Д. Н. Свербеева, т. II, М. 1899, стр. 292—293) сестра Николая Михайловича Смирнова, женатаго на А. О. Россетъ, горбатая вслѣдствіе паденія. О томъ, что она больна при смерти, сообщалъ Жуковскій А. И. Тургеневу 5-го января 1835 г. (Письма В. А. Жуковского къ А. И. Тургеневу, М. 1895, стр. 287). С. М. Смирнова, рано осиротѣвшая, жила въ домѣ своего дяди, Смирнова же, но послѣ женитбы брата на А. О. Россетъ переселилась къ нему. По словамъ ея племянницы, О. Н. Смирновой, „Пушкинъ очень любилъ ее, и она горячо привязалась къ моей матери, къ Пушкину и Жуковскому. Она умерла почти за два года до смерти поэта, который выказалъ при этомъ случаѣ моему отцу много дружескаго расположенія. Хотя тетка моя выросла въ Москвѣ, но говорила по-русски не такъ хорошо, какъ моя мать. Воспитывали ее двѣ эмигрантки“... Когда она „прибыла въ Петербургъ со всей своей свитой, состоявшей изъ 1) сиротки-воспитанницы, дочери крѣпостныхъ, отецъ и мать которой погибли на пожарѣ, 2) старушки-

* Хотя врядъ-ли Пушкинъ могъ собственноручно списать копію со всѣхъ Записокъ: на это у него не нашлось-бы ни времени, ни терпѣнія. Ср., однако, „Русск. Арх.“ 1880 г., кн. II, стр. 488.

француженки m-lle Казье, воспитавшей мою тетку и умершей годомъ раньше ея, 3) бѣдной родственницы, принятой въ домъ, 4) другой бѣдной русской дѣвушки, взятой для того, чтобъ ходить за m-lle Казье, 5) горничныхъ дѣвушекъ и трехъ старыхъ лакеевъ, — все это размѣстилось въ rez-de-chaussée, такъ какъ тетка моя не могла подниматься на лѣстницу, а мои родители жили въ первомъ этажѣ. — Моя тетка Смирнова была умна, начитана, замѣчательно добра; но, какъ большинство горбатыхъ, страдала головными болями и слабостью груди, вслѣдствіе ея узкости. Въ противоположность большинству горбатыхъ, у нея были необыкновенно красивыя руки и ноги. Ножки ея были такъ малы, что это даже затрудняло ее при ходьбѣ. У нея были неправильныя, крупныя для ея роста черты лица, умные голубыя, близорукіе глаза, чудесныя бѣлокурыя волосы и чистый, нѣжный цвѣтъ лица; но голова ея была несоразмѣрно велика по ея туловищу, такъ какъ несчастный случай паденія совершенно изувѣчилъ ее. Пушкинъ просилъ, чтобъ его представили ей. Она заранѣе много слышала о немъ отъ моего отца, но почувствовала себя смущенной, когда моя мать привела его къ ней вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Войдя къ ней, Пушкинъ, котораго предупредили о ея застѣнчивости, прямо сказалъ ей: „Софья Михайловна, я надѣюсь, что вы окажетесь настоящей сестрой Смирнова, что вы полюбите меня, какъ и онъ, и подарите меня вашей дружбой!“ Это развѣло ея робость, а Жуковскій прибавилъ: „Подѣлите эту дружбу, потому что и я жду моей части.“ — Часто“, продолжаетъ О. Н. Смирнова: „прежде, чѣмъ подняться къ моей матери, они заходили къ теткѣ, которая никогда не показывалась гостямъ... Только въ Петербургѣ начала она читать новыхъ русскихъ писателей... прочла Фонъ-Визина, Грибоѣдова, Жуковскаго, Пушкина, Крылова, Батюшкова и наконецъ „Вечера на хуторѣ“ и „Тараса Бульбу“. „Софи прочла, наконецъ, Руслана и Людмилу, который привелъ ее въ восхищеніе“, — записывала А. О. Смирнова въ своей книжкѣ: „Пушкинъ тоже очень радъ. Больше всего ей понравился прологъ и она сказала ему объ этомъ. Я заставила ее поговорить съ нимъ о его поэмахъ и сказкахъ, о Повѣстяхъ Бѣлкина, а съ Жуковскимъ — о Свѣтланѣ, о Царѣ Берендѣ и его переводахъ... Она сказала обоимъ друзьямъ, что произведенія ихъ дали ей новую радость въ жизни. Крыловъ ей очень понравился; раньше она знала только басни Лафонтена... Когда моя тетка умерла, Пушкинъ сейчасъ же пріѣхалъ къ моему отцу, оказалъ ему самое теплое участіе, вмѣстѣ съ нимъ провелъ ночь у гроба покойницы и вызывался проводить гробъ до Москвы, такъ какъ тѣло перевезли въ Донской монастырь, мѣсто погребенія всѣхъ членовъ семьи. Но Пушкина должна была скоро родить, и отецъ мой отговорилъ его отъ его намѣренія, такъ какъ въ то время, принимая въ соображеніе скверныя дороги, для переѣзда изъ Петербурга въ Москву требовалось иногда больше недѣли. Сообща эти подробности потому, что многіе воображаютъ, что у Пушкина не было сердца — только потому, что онъ былъ насмѣшливъ, скептически отзывался о любви, о дружбѣ и вообще саркастически говорилъ о чувствахъ“ (Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 170—172). Дополним сказанное выше словами самой А. О. Смирновой, которая въ отрывкѣ своихъ воспоминаній пишетъ: „Я тогда только что вышла замужъ и очень веселилась. Софья Михайловна Смирнова поселилась у насъ, когда мы переѣхали на дачу на Каменномъ острову, и съ ней ея воспитанникъ Миша Штейдель. Софья Михайловна была горбата и лѣчилась у магнетизерки Турчаниновой... Какъ всѣ горбатыя, очень любила наряжаться и щеголяла

маленькой ногой на высоких каблуках. Она была общительна. Къ намъ часто ѡзиралъ секретарь Прусскаго посольства графъ Гагенъ, и она съ нимъ вела богословскіе разговоры. Онъ былъ фанатикъ-католикъ, а она архи-православная“... („Русск. Арх.“ 1895 г., кн. II, стр. 324).

— (Стр. 25). *Свояченица Пушкина* — Екатерина Николаевна Гончарова (род. въ 1808 или 1809, ум. въ Зульцѣ 15-го октября 1843), старшая сестра Натальи Николаевны Пушкиной, съ осени 1834 г. поселившаяся, съ среднею своею сестрою, Александрю Николаевною, въ Петербургѣ, у Пушкиныхъ. Это была, по словамъ княгини В. Ѡ. Вяземской, дѣвушка „высокая, рослая“ („Русск. Арх.“ 1888 г., кн. II, стр. 309), а по свидѣтельству племянницы, А. П. Араповой — „далеко не красавица, представлявшая собою довольно оригинальный типъ скорѣе южанки, съ черными волосами“ („Новое Время“ 1907 г., № 11413); есть еще отзывъ современника — барона П. А. Вревскаго, о внѣшности Е. Н. Гончаровой: „elle ressemble assez à une grande haquenée ou à un manche à balai — comparaison d'une galanterie caucasienne“ („Пушк. и его соврем.“, вып. XXI—XXII, стр. 397). 6-го декабря 1834 г. она, по просьбѣ бабушки, Н. К. Загряжской, была пожалована во фрейлины Высочайшаго Двора („С.-Петерб. Вѣдом.“ 1834 г., № 300—301, стр. 1164). Спустя два года, 10-го января 1837 г. она вышла за барона Жоржа (Егора Осиповича) Дантеса-Геккерена, поручика Кавалергардскаго полка, — двумя съ половиною недѣлями ранѣе рокового поединка его съ Пушкинымъ. Исторія этого страннаго брака, а равно и дальнѣйшая судьба Екатерины Николаевны и ея жизнь во Франціи разсказана въ книгѣ П. Е. Щеголева „Дуэль и смерть Пушкина“ — въ сб. „Пушкинъ и его современники“, вып. XXV—XXVII (тамъ же, при стр. 056, помѣщенъ и снимокъ съ портрета ея, написаннаго въ 1840 г., въ Зульцѣ); родственникъ ея, Louis Metman, даетъ слѣдующій отзывъ о внѣшности и душевныхъ достоинствахъ баронессы Е. Н. Дантесъ: „Elle était grande et élancée. Ses yeux bruns légèrement voilés par la myopie animaient un visage à l'ovale allongé, au teint mat. Son sourire montrait des dents admirables. Une démarche élégante, des épaules tombantes, de belles mains faisaient d'elle au physique une femme charmante. Son mari, ses parents, ses amis, tous ceux qui l'ont connue, ont laissé sur ses qualités morales des témoignages qui la peignent comme une épouse accomplie, une mère passionnée (тамъ же, стр. 299).

— (Стр. 25). *Великая Княгиня* — Елена Павловна.

— (Стр. 25). О комендантѣ *П. П. Мартыновѣ* см. выше, стр. 63—64. Тамъ были уже приведены отзывы современниковъ объ этомъ фронтovémъ генералѣ, мало образованномъ и недалекомъ, но добродушномъ и сердечномъ. „Ростомъ невеликъ, ворчунъ, любившій казаться строгимъ, былъ онъ и оригиналь“, видѣ имѣлъ „какъ бы надушагося“ и былъ всегда молчаливъ („Русск. Стар.“ 1886 г., № 1, стр. 260—261), что, естественно, приписывали его недалекости. Инженеръ Нордштейнъ своими Записками подтверждаетъ мнѣніе Пушкина и говоритъ, въ свою очередь, что Петербургскіе коменданты „Башуцкій и Мартыновъ отличались своею глупостью“, и что „много анекдотовъ разсказывали про того и другого и даже многое приписывали второму, что было съ первымъ или даже можетъ быть и прежде Башуцкаго съ какимъ-нибудь другимъ дуракомъ. Но трудно добраться, кому какая глупость принадлежитъ“; передавъ затѣмъ нѣсколько извѣстныхъ анекдотовъ, свидѣтельствующихъ о феноменальной комендантской глупости, Нордштейнъ утверждаетъ, что „самъ былъ свидѣтелемъ и слышалъ слѣдующее изреченіе Мартынова. Когда въ первый разъ показы-

вали только что привезенную картину Брюллова „Последній день Помпеи“^{*)}, то она стояла въ Эрмитажѣ, въ комнатѣ на концѣ Рафаэлевой ложи или галереи. Въ числѣ публики былъ и я. Вдругъ приходитъ Мартыновъ, сталъ передъ картиной, смотрѣлъ и сказалъ: „Для меня лучше всего старикъ Помпей, котораго несутъ дѣти“ („Русск. Арх.“ 1905 г., кн. III, стр. 256).

— (Стр. 25). Въ замѣткѣ о *празднованіи* дня тезоименитства Императора Николая I 6-го декабря, помѣщенной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, сказано, что „вечеромъ сего торжественнаго дня былъ при Дворѣ, въ Бѣломъ залѣ, великолѣпный балъ, къ которому приглашено до 1.200 обоего пола особъ, а потомъ въ большомъ Мраморномъ залѣ ужинъ, въ продолженіе коего раздавались звуки музыки двухъ хоровъ“ (№ 287, стр. 1111).

— (Стр. 25). *Графъ Панинъ* — Викторъ Никитичъ (род. 28-го марта 1801, ум. 12-го апрѣля 1874), статсъ-секретарь, въ званіи камергера, исправляющій должность Товарища Министра Юстиціи (при Министрѣ — Д. В. Дашковѣ), впоследствии многолѣтній Министръ Юстиціи. Онъ отличался своимъ непомерно-высокимъ ростомъ и худобою, что, несомнѣнно, было особенно потѣшно при дѣтскомъ костюмѣ, въ который былъ одѣтъ графъ на маскарадѣ. Онъ былъ женатъ на графинѣ Н. П. Тизенгаузень, сестрѣ упомянутой Пушкинымъ (см. стр. 2 и 53) графини А. П. Стакельбергъ.

— (Стр. 25). О графѣ А. А. *Бобринскомъ* см. выше, стр. 68—70.

— (Стр. 25). *Брызгаловъ* — Иванъ Семеновичъ (род. 1753, ум. 26-го ноября 1838), кастелянъ и комендантъ Михайловскаго замка; сынъ крестьянина Тверской дворцовой волости, онъ опредѣлился въ испопники Гатчинскаго дворца и, постепенно повышаясь въ должностяхъ и приобретя довѣріе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, напоследокъ былъ произведенъ (17-го ноября 1799 г.) въ статскіе совѣтники (Списокъ чинамъ 1806 г., ч. I, стр. 78) и занималъ должность кастеляна Гатчинскаго замка, съ каковой 14-го октября 1800 г. всемилостивѣйше былъ уволенъ („Сенатскій Архивъ“, т. I, стр. 660). Послѣ смерти Павла I онъ упорно продолжалъ носить форму, введенную этимъ Императоромъ, — длиннополый мундиръ малиноваго цвѣта, ботфорты, шпагу на поясищѣ, саженную трость, напудренный парикъ съ косою — и аффишировалъ всюду свою преданность памяти своего убитаго покровителя. Ежегодно въ день Преполовенія, во время праздника на валахъ Петропавловской крѣпости, Брызгаловъ всегда участвовалъ въ кортежѣ, слѣдовавшемъ за духовенствомъ, а потомъ отправлялся въ соборъ, гдѣ обыкновенно падалъ ницъ передъ саркофагомъ, поставленнымъ надъ могилою Павла Петровича. Въ квартирѣ Брызгалова было нѣсколько большихъ и малыхъ портретовъ, бюстовъ, статуй и статуэтокъ Императора и т. под. Юродство Брызгалова было отнюдь не безкорыстно; онъ сумѣлъ извлекать для себя выгоды изъ покровительства Императрицы Маріи Ѳеодоровны, помогавшей ему воспитывать его уроadowъ дѣтей (Александра и Константина), которыхъ онъ, однако, одѣвалъ самымъ безобразнымъ и затѣплымъ образомъ и водилъ ихъ съ собою по улицамъ. Онъ съ какимъ-то особеннымъ, циничнымъ удовольствіемъ разыгрывалъ роль чудака, преслѣдуемый толпою зѣвакъ, принимавшихъ его за помѣшаннаго, хотя Брызгаловъ имъ вовсе не былъ. Онъ отлично зналъ, что дѣлалъ, и не ошибался въ томъ, что его странности приносятъ ему значительныя выгоды. Онъ пользовался покровитель-

*) Это было въ 1834 году. Б. М.

ствомъ разныхъ вельможъ и царедворцевъ, — въ томъ числѣ графа Аракчеева, который посылалъ ему деньги въ торжественные дни и ласково принималъ его, хотя иногда съ видимою неохотою. Пользуясь своимъ положеніемъ, Брызгаловъ какъ нельзя лучше устраивалъ свои дѣла: выхлопоталъ себѣ пенсію, далеко превышавшую существующую норму, нерѣдко выпрашивалъ себѣ значительныя пособія, не считая особенныхъ случаевъ, гдѣ выказывалъ большую избрѣтательность. Въ 1818 г. былъ изданъ литографированный портретъ-карикатура Брызгалова (со спины), сдѣланный А. О. Орловскимъ; былъ и другой портретъ того же мастера, тоже почти спиной (см. В. Я. Адарюковъ и Н. А. Оболяниновъ, Словарь русскихъ литографированныхъ портретовъ, т. I, М. 1916, стр. 137; В. А. Верецагинъ, Русская карикатура. III. А. О. Орловскій, С.-Пб. 1913, стр. 46 и листы къ стр. 28 и 48, гдѣ воспроизведены 3 карикатуры на Брызгалова и его дѣтей; тамъ-же, стр. 46—49, рассказы о Брызгаловѣ. О немъ см. еще „Русскій Биографическій Словарь“, „Древн. и Нов. Россію“ 1876 г., т. III, стр. 197—198, и рассказъ О. А. Пржедлавскаго — „Русск. Стар.“ 1883 г., № 8, стр. 382; дата смерти нами сообщена по метрической книгѣ Смоленскаго кладбища; ср. Петербургскій Некрополь, т. I, стр. 302.

— (Стр. 26). Личность *Петра Великаго* и исторія его царствованія давно привлекали къ себѣ вниманіе Пушкина, и первую мысль его, при первой представившейся къ тому возможности, въ июль 1831 г., было просить о раскрытіи ему доступа въ архивы съ цѣлію „современемъ исполнить давнишее желаніе — написать исторію Петра Великаго“ (Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 278—279, 285, 287). А. О. Смирнова передаетъ слѣдующій діалогъ: „На дняхъ Его Величество сказалъ Пушкину: „Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Нидерландскій король подарилъ мнѣ домъ Петра Великаго въ Саардамѣ.—Если онъ подарить его Вашему Величеству, отвѣтилъ Искра [т. е. Пушкинъ], я попрошусь въ дворники. Государь разсмѣялся и сказалъ: „Я согласенъ, а пока поручаю тебѣ быть его исторіографомъ и разрѣшаю тебѣ заниматься въ архивахъ“. Искра ничего лучшаго не желаетъ. Онъ въ восторгѣ“. О. Н. Смирнова прибавляетъ къ этому мѣсту Записокъ: „Моя мать сдѣлала юмористическое замѣчаніе по этому поводу. Уваровъ, недовольный тѣмъ, что Государь назначилъ Пушкина на мѣсто Карамзина, жаловался Карамзиной, думая ей угодить. Она отвѣчала очень сухо: „Я въ восторгѣ, если бы Государь только зналъ, какое онъ доставляетъ мнѣ удовольствіе. Мужъ мой также одобрилъ бы его“. Моя мать прибавляетъ: „Уваровъ полагаетъ, что надо быть лысымъ, беззубымъ, пузатымъ и носить очки, чтобы быть ученымъ! Или же быть Уваровымъ или по меньшей мѣрѣ Устряловымъ“ (Записки, ч. I, стр. 78). Въ 1833 г. Пушкинъ привлекалъ къ сотрудничеству въ этой работѣ М. П. Погодина (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 11—12; ср. т. II, стр. 293), но союзъ этотъ не состоялся, и Пушкинъ трудился самостоятельно и одинъ, — въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Въ началѣ апрѣля поэтъ писалъ Погодину: „Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы — къ исторической каведрѣ“ (тамъ-же, стр. 93). Говоря о работахъ Пушкина надъ исторіей Петра Великаго, Н. М. Смирновъ свидѣтельствуетъ, что Петръ „былъ идоломъ Пушкина“, который „этимъ дѣломъ занялся съ любовію, но не хотѣлъ начать писать прежде, чѣмъ соберетъ всѣ нужные матеріалы, и для достиженія сего читалъ все, что было напечатано о семъ государѣ, и рылся во всѣхъ архивахъ. Многіе сомнѣвались“, прибавляетъ Смирновъ: „чтобы онъ былъ въ состояніи написать столь серьезное сочиненіе, чтобы у него достало на то терпѣнія. Зная

коротко Пушкина (и мое мнѣніе раздѣлено Жуковскимъ, Вяземскимъ, Плетневымъ), я увѣренъ, что онъ вполне удовлетворилъ бы строгимъ ожиданіямъ публики; ибо подъ личиною иногда вѣтренности и всегда свѣтскаго человѣка онъ имѣлъ высокій, проницательный умъ, чистый взглядъ, необыкновенную смѣтливость, память, не теряющую изъ виду малѣйшихъ обстоятельствъ въ самыхъ дальнихъ предметахъ, высоко-благородную душу, большія познанія въ Исторіи, — словомъ, всѣ качества, нужныя для исторіографа, къ которымъ онъ присоединялъ еще свой блистательный талантъ, какъ писатель. Нельзя также сомнѣваться, чтобъ у него не достало терпѣнія для окончанія столь важнаго сочиненія; ибо онъ имѣлъ въ важныхъ случаяхъ твердую волю, и благоговѣніе, которое онъ имѣлъ къ Петру I, вооружало его нужнымъ терпѣніемъ. Онъ сіе доказалъ трудами своими въ собираніи справокъ, долгимъ изученіемъ своего предмета, и въ глазахъ знающихъ коротко Пушкина медленность его въ начатіи писать исторію великаго государя служила доказательствомъ его твердаго намѣренія посвятить ей всѣ силы своего ума“... („Русск. Арх.“ 1882, кн. I, стр. 229—230). Результатомъ усердныхъ и кропотливыхъ трудовъ Пушкина, прерванныхъ лишь смертію, было обширное собраніе разнородныхъ, едва обработанныхъ матеріаловъ и даніихъ для его работы. Но, какъ правильно говоритъ П. В. Анненковъ, „то, что у Пушкина называется матеріалами для Исторіи, не представляетъ собственно матеріаловъ, но только выписки изъ нихъ и ссылки. Это черновая работа, свидѣтельствующая о добросовѣстности, съ какой приступилъ онъ къ задачѣ своей: Пушкинъ употребилъ 5 лѣтъ на одинъ первый, подготовительный трудъ. Конечно, не менѣе времени потребовала бы и полная разработка его“ (Матеріалы для біографіи Пушкина, изд. 1855 г., стр. 403); дальѣе Анненковъ даетъ подробную характеристику всѣхъ собранныхъ Пушкинымъ матеріаловъ по исторіи Петра I и указываетъ, что, судя по датѣ, стоящей подъ послѣднею тетрадію черного хронологическаго, погоднаго свода свѣдѣній о Петрѣ, поэтъ кончилъ его 15-го декабря 1835 г. Этотъ сводъ, заключающийся въ цѣломъ рядѣ набѣло переписанныхъ самимъ Пушкинымъ тетрадей, былъ въ 1840 г. представленъ въ цензуру, какъ предназначенный для печати, и разрѣшенъ ею, но остался неизданнымъ (тамъ-же, стр. 403, 404); нынѣ эти рукописи принадлежатъ Пушкинскому Дому при Россійской Академіи Наукъ, и П. Е. Щеголевъ въ одномъ изъ научныхъ собраній Пушкинскаго Дома въ 1921 г. дѣлалъ о нихъ спеціальныя доклады. О работѣ Пушкина надъ исторіей Петра Великаго см. въ статьѣ акад. В. С. Иконникова: „Историческія воззрѣнія Пушкина“ — въ Кіевскомъ „Военно-Историческомъ Вѣстникѣ“ 1911 г., № 9—10 (отд. отд., стр. 9—11); см. еще мнѣніе М. М. Попова о Пушкинѣ, какъ историкѣ Петра Великаго, — „Русск. Стар.“ 1874 г., № 8, стр. 707—709; ср. также „Русск. Стар.“ 1904 г., № 6, стр. 570; 1907 г., № 10, стр. 64, 66.

— (Стр. 26). „*Bertrand et Raton, ou l'Art de conspirer*“ — комедія въ 5 дѣйствіяхъ плодовитѣйшаго драматурга Скриба (Scribe, род. 1791, ум. 1861), представленная въ первый разъ на сценѣ Comédie Française въ Парижѣ 14-го ноября 1833 г. Сюжетомъ для нея послужила трагическая исторія извѣстнаго Датскаго перваго министра Іоганна-Фридриха Струэнзе, казненнаго въ 1772 году, въ царствованіе Датскаго короля Христіана VII, который сперва быстро возвысилъ Струэнзе, а затѣмъ такъ же быстро низвергъ и предалъ суду и казни.

— (Стр. 26). *Блумъ* — генераль-лейтенантъ графъ Оттонъ Бломе (comte Othon de Blome; род. 1770, ум. 1849), долговлѣтній (съ 1804 до 1824 и съ 1826

до 1841 г.) чрезвычайный посланник и полномочный министр Дании при Русскомъ дворѣ. „Датскій при нашемъ дворѣ посланникъ, генералъ Блумъ“, пишетъ Д. Н. Свербеевъ: „былъ лѣтъ пятидесяти, рыжеватый нѣмецъ изъ Голштейна, любимецъ Петербургскаго общества, страстный охотникъ до лошадей, постоянно сопровождавшій Императора Александра въ красномъ своемъ мундирѣ на парадахъ и маневрахъ (Записки, т. I, М. 1899, стр. 314—315). „Вчера я обѣдалъ у Блома“, — писалъ К. Я. Бугаковъ брату въ Москву 24-го октября 1833 г.: „Его обѣды теперь сдѣлались очень пріятны. Вчера былъ князь Кочубей, князь Александръ Николаевичъ [Голицынъ], гр. Нессельроде, Орловъ, Левашевъ, князь Петръ Михайловичъ [Волконскій], князь Трубецкой, Полетика, Кирила Нарышкинъ, Блудовъ, Головкинъ, Васильчиковъ Ларионъ Васильевичъ, и князь Никита [Волконскій]. Смѣху было много“ („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. I, стр. 274—275). Два донесенія Бломе о дуэли и смерти Пушкина см. въ изслѣдованіи П. Е. Щеголева — „Пушк. и его современники“, вып. XXV—XXVII, стр. 217—220.

— (Стр. 26). *Филаретъ* — Митрополитъ Московскій и Коломенскій (см. выше, стр. 162), докторъ богословія (1814), знаменитый духовный витія, авторъ Православнаго Катехизиса, стоявшій во главѣ Московской митрополіи 41 годъ — со дня коронаціи Императора Николая I—22-го августа 1826 г., до дня своей смерти—19-го ноября 1867 г. У него были давніе счеты съ протоіереемъ и профессоромъ Петербургской Духовной Академіи о. Герасимомъ Петровичемъ Павскимъ (род. 3-го марта 1787, ум. 7-го апрѣля 1863): въ концѣ 1824 г., въ бытность свою еще Архіепископомъ Московскимъ, Филаретъ узналъ, что Синодъ предписалъ остановить печатаніе и продажу его Катехизиса, составленнаго въ 1823 году и уже одобреннаго Синодомъ, при чемъ отъ него не скрылось, что виновникомъ этого непріятнаго для автора распоряженія былъ, по слухамъ, о. Павскій (Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ, издаваемое подъ редакціею преосв. Саввы, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, т. II, С.-Пб. 1885, стр. 114—117). Въ свою очередь, въ 1828 году, 30-го ноября, Филаретъ подалъ въ Синодъ „предложеніе“ о замѣченныхъ имъ „неточностяхъ“ въ статьѣ журнала „Христіанское Чтеніе“: „О богословіи св. Григорія Богослова“, — статьѣ, принадлежавшей перу Павскаго (тамъ-же, стр. 246—249), а въ 1834 году подалъ въ Синодъ два „мнѣнія“ — отъ 16-го и 17-го іюля: первое — съ показаніемъ нѣкоторыхъ „возбуждающихъ заботливое вниманіе“ мѣстъ въ книжкѣ Павскаго подъ заглавіемъ „Начертаніе церковной исторіи“, второе — съ показаніемъ такихъ же мѣстъ въ книгѣ Павскаго „Христіанское ученіе въ краткой системѣ, по предварительному понятію о религіи, откровеніи и библии“ (см. тамъ-же, стр. 343—350 и 350—358). Это и былъ тотъ „доносъ“ Филарета на Павскаго, о которомъ говоритъ Пушкинъ; объясненія на него Павскаго напечатаны въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Имп. Московскомъ Университетѣ“ 1870 г., кн. II, стр. 175—208. Въ 1842 г. Филаретъ участвовалъ въ допросѣ Павскаго, тогда протоіерея церкви Таврическаго дворца, по дѣлу о неправильномъ переводѣ на русскій языкъ нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завета (тамъ-же, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 68—69). Вообще Павскій издавна считался неблагонадежнымъ; такъ, знаменитый изувѣръ, архимандритъ Фотій еще въ 1824 году писалъ о Павскомъ, „чуждомъ благодати и истины“: „сей человекъ есть суемудръ; живеть, дѣйствуетъ

и учить по мудрованію плоти; никакого здраваго разсужденія не имѣть; въ гордости своей всѣхъ считаетъ лжецами и невѣжами, а себя просвѣщеннымъ и знающимъ, въ чемъ отъ словъ, отъ дѣлъ, отъ опыта лично увѣренъ бывъ, пишу о немъ тако. Пастыри церкви и учителя истины Христовы имѣли и имѣють его за вреднаго человѣка для церкви. Иные считаютъ его неблагочестивымъ, иные безбожникомъ, иные благимъ, а иные еретикомъ“ („Русск. Стар.“ 1896 г., № 8, стр. 440). Несмотря на такую репутацію, протоіерей Павскій, въ ноябрѣ 1826 года былъ, по выбору К. К. Мердера („Русск. Арх.“ 1887 г., кн. II, стр. 310), назначенъ учителемъ Закона Божія къ 8-лѣтнему Наслѣднику Престола, Великому Князю Александру Николаевичу, а затѣмъ и къ Великимъ Князямъ Маріи, Ольгѣ и Александрѣ Николаевнамъ; впослѣдствіи онъ былъ опредѣленъ духовникомъ своихъ воспитанниковъ и причисленъ къ придворному собору Зимняго дворца. Недостатокъ подходящихъ учебниковъ побудилъ Павскаго написать и напечатать, въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, вышеупомянутыя книги: „Начертаніе церковной исторіи“ и „Христіанское ученіе въ краткой системѣ“. Однако, говоритъ біографъ Павскаго, „какъ ни ограничено было число экземпляровъ этихъ книжекъ, тѣмъ не менѣе, онѣ попали въ руки нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ *). Скоро появились примѣчанія на нихъ [митр. Филарета], гдѣ указывались всѣ ошибки и недосмотры и гдѣ авторъ ихъ обвинялся въ недобросовѣстности и неблагонамѣренности... Слѣдствіемъ названныхъ примѣчаній на книжки Павскаго было то, что недоброжелатели его не замедлили довести это до свѣдѣнія Государя и представили его дѣйствія, какъ законоучителя, въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ. Къ счастью, Императоръ не обратилъ вниманія на подобныя заявленія и по прежнему продолжалъ оказывать Павскому свое благоволеніе. Для Павскаго же было непріятно уже и то, что могло явиться подозрѣніе относительно его неблагонамѣренности, а потому онъ поспѣшилъ обратиться къ Императору Николаю Павловичу со всеподданнѣйшею просьбою объ увольненіи его отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. Снисходя на его просьбу, Государь Императоръ уволилъ его и, переведя его въ болѣе уединенную и спокойную церковь Таврическаго дворца, сохранилъ за нимъ права и преимущества по службѣ“ („Русскій Біографическій Словарь“, т. П., стр. 106). Любопытная переписка Павскаго съ Жуковскимъ, какъ Наставникомъ Наслѣдника, начавшаяся 4-го августа 1834 г. по поводу доставленныхъ Жуковскому „мнѣній“ митрополита Филарета, и двѣ пространныя докладныя записки Жуковскаго Николаю Павловичу, изъ которыхъ въ первой онъ старался обвѣлить Павскаго, а во второй представлялъ просьбу Павскаго (отъ 27-го января 1835 г.) объ увольненіи отъ обязанностей законоучителя, была опубликована частью въ „Русской Старинѣ“ 1880 г., въ № 2, 3 и 4, а частью въ „Русскомъ Архивѣ“ 1887 г., кн. II, стр. 310—326; въ послѣднемъ дана и обстоятельная замѣтка, доказывающая, что Павскій былъ склоненъ къ протестантству съ его раціонализмомъ. — Послѣ удаленія на покой, Павскій усердно занимался филологическими изслѣдованіями и разысканіями и въ 1841—1842 г. издалъ 3 тома „Филологическихъ наблюденій надъ составомъ Русскаго языка“ (въ 1850 г. переизданы съ 4-мъ томомъ); этотъ трудъ, увѣнчанный отъ Академіи Наукъ Демидовскою наградою, поставилъ Павскаго въ ряды лучшихъ филологовъ на-

*) Черезъ какихъ-то придворныхъ дамъ, возмущавшихся уроками Павскаго и настаивавшихъ, черезъ митрополита Серафима и оберъ-прокурора св. Синода, на необходимости удалить Павскаго отъ двора („Русск. Арх.“ 1887 г., кн. II, стр. 323).

шихъ, — и 26-го февраля 1858 г. онъ былъ избранъ въ ординарные академики Отдѣленія Русскаго языка и словесности Академіи Наукъ (Б. Л. Модзалевскій, Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ 1725—1907, С.-Пб. 1908, стр. 54). — О доносѣ Филарета на Павскаго и о его отставкѣ Пушкинъ сдѣлалъ запись въ Дневникъ своею, вѣроятно же всего, со словъ Жуковскаго.

— (Стр. 26). *Шишковъ* — Александръ Семеновичъ (род. 9-го марта 1754, ум. въ ночь на 10-е апрѣля 1841), адмиралъ, извѣстный писатель, членъ (съ 16-го декабря 1796) и Президентъ (съ 29-го мая 1813 г. до дня смерти) Россійской Академіи и почетный членъ (съ 29-го мая 1800 г.) Императорской Академіи Наукъ (Б. Л. Модзалевскій, о. с., стр. 82, 315, 327), членъ Государственнаго Совѣта, авторъ знаменитаго „Разсужденія о старомъ и новомъ слоgъ Россійскаго языка“ (1803 г.) и курьезныхъ филологическихъ разысканій, одинъ изъ основателей „Бесѣды любителей Русскаго слова“ (1811), Государственный Секретарь (1812—1814), Министръ Народнаго Просвѣщенія (1824—1828). „Собраніе сочиненій и переводовъ“ Шишкова, въ 16 томахъ, было издано въ 1818—1839 гг. Послѣ трагической смерти, въ 1832 г., племянника адмирала, поэта и переводчика Александра Ардалионовича Шишкова 2-го, въ молодости бывшаго въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ, послѣдній принялъ участіе въ судьбѣ оставшихся послѣ Шишкова вдовы и дочери (см. И. А. Шляпкииъ, Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, С.-Пб. 1903, стр. 93—96, 167, 168; Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 23—24) и вмѣстѣ съ А. С. Шишковымъ былъ въ числѣ попочитателей дочери А. А. Шишкова, что видно изъ слѣдующаго извѣщенія, напечатаннаго въ № 67 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и № 66 „Сѣверной Пчелы“ за 1834 г.: „Почетители малолѣтней дѣвицы Софіи Шишковой, Члены Совѣта въ Воспитательномъ Обществѣ Благородныхъ дѣвицъ Аркадій Ивановичъ Нелидовъ и Николай Петровичъ Новосильцовъ, а въ Россійской Академіи Члены ея, Василій Алексѣевичъ Полъновъ, Пётръ Ивановичъ Соколовъ, Владиміръ Ивановичъ Панаевъ и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, симъ объявляютъ, что, по порученію отъ Адмирала А. С. Шишкова, предоставленныя имъ, въ пользу помянутой дѣвицы, книги подъ названіемъ: *Собранія сочиненій и переводовъ его, Адмирала*, выпускаются въ продажу по 50 рублей экземпляръ, состоящій въ 16 томахъ. Желашущіе имѣть ихъ могутъ относиться въ Россійскую Академію, гдѣ оныя хранятся“.

— (Стр. 26). Въ *Россійской Академіи* въ 1835 году было, дѣйствительно, 9 членовъ духовныхъ: Евгений, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій; іеромонахъ Алякита (князь Шириискій-Шихматовъ); Филаретъ, Митрополитъ Московскій; Серафимъ, Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій; Григорій, Архіепископъ Тверской и Кашинскій; Поликарпъ, архимандритъ; Кочетовъ, Іоакимъ Семеновичъ, протоіерей; Мысловскій, Пётръ Николаевичъ, протоіерей; Маловъ, Алексій Ивановичъ, протоіерей; Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ также членомъ Россійской Академіи — съ 7-го января 1833 г. (см. Б. Л. Модзалевскій, Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ 1725—1907, С.-Пб. 1908).

— (Стр. 26). *Кочетовъ* — Іоакимъ Семеновичъ (род. 1-го сентября 1787, ум. 16-го марта 1854), только что названный членъ Россійской Академіи (съ 5-го мая 1828 г.), протоіерей собора Петропавловской крѣпости (съ 1832), докторъ богословія, профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, членъ Петербургской Консисторіи, съ 1817 г. профессоръ и законоучитель Царскосельскаго Лицея; специалистъ по исторіи церкви и авторъ нѣсколькихъ трудовъ,

онъ напечаталъ также рядъ научныхъ работъ по вопросамъ богословія и психологіи, много работалъ въ области изученія Русскаго языка, участвовалъ въ трудахъ Россійской Академіи, а съ 1841 г. — и въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, — сперва въ званіи почетнаго его члена, а съ 7-го марта 1846 г. — ординарнаго академика (см. „Русскій Біографическій Словарь“, т. К., стр. 361—362).

— (Стр. 26). Преемникомъ о. Г. П. Павскаго въ должности законоучителя при Наслѣдникѣ и его сестрахъ былъ (со 2-го февраля 1835 г.) Василій Борисовичъ Бажановъ (род. 7-го марта 1800, ум. 31-го іюля 1883); питомецъ С.-Петербургской Духовной Академіи, онъ состоялъ священникомъ церкви 2-го Кадетскаго Корпуса, законоучителемъ (и настоятелемъ церкви) Петербургскаго Университета (1827—1836) и Пансіона при немъ, а затѣмъ Первой Гимназіи и Главнаго Педагогическаго Института; въ 1837 г. получилъ степень доктора богословія, а съ декабря 1848 г. былъ послѣдовательно духовникомъ Николая I, Александра II и Александра III, — наконецъ протопресвитеромъ придворнаго и Московскаго Благовѣщенскаго соборовъ, членомъ Св. Синода и обер-священникомъ гвардейскаго корпуса; авторъ „Поучительныхъ словъ и рѣчей“ (С.-Пб. 1831), „Нравоучительныхъ повѣстей“ (С.-Пб. 1835) и многихъ другихъ религиозно-нравственныхъ сочиненій, онъ съ 6-го февраля 1837 г. былъ членомъ Россійской Академіи, съ 19-го октября — почетнымъ членомъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, а съ 29-го декабря 1856 г. — почетнымъ членомъ Академіи. Онъ былъ преемникомъ Павскаго не только по преподаванію Закона Божія у Наслѣдника, но, за 7 лѣтъ ранѣе, и въ Петербургскомъ Университетѣ. „Сегодня новый профессоръ богословія, Бажановъ, началъ свое поприще въ Университетѣ“, записалъ Никитенко 23-го августа 1827 г.: „Онъ будетъ читать намъ нравственное богословіе, чѣмъ и окончится полный курсъ богословія, начатый предшественникомъ его, докторомъ богословія и профессоромъ еврейскаго языка Павскимъ. Послѣдній обладаетъ глубокими, обширными познаніями, и въ этомъ отношеніи никто не сравнится съ нимъ. Но привлекательная личность Бажанова, его искусство излагать свой предметъ просто и выразительно, стремленіе къ духу, а не къ буквѣ, — все это хотъ немного смягчаетъ для насъ потерю Павскаго“ (Записки и дневникъ, т. I, стр. 173). Жуковскій считалъ его „добрымъ и умнымъ“ человекомъ (Дневники, съ примѣчаніями И. А. Бычкова, С.-Пб. 1903, стр. 501). — Послѣ смерти Пушкина Бажановъ пришелъ быть духовникомъ его вдовы. „Пушкина все еще слаба, но тише и спокойнѣе“, — писалъ князь П. А. Вяземскій А. Я. Булгакову 10-го февраля 1837 г.: „Она говѣла, исповѣдывалась и причастилась и каждый день бесѣдуетъ съ священникомъ Бажановымъ, котораго рекомендовала ей Жуковскій. Эти бесѣды очень умирили ее и, такъ сказать, смягчили ея скорбь. Священникъ очень тронутъ расположеніемъ души ея и также убѣжденъ въ непорочности“ („Русск. Арх.“ 1879 г., кн. II, стр. 254).

— (Стр. 26). Митрополитъ — Серафимъ лаголевскій), Митрополитъ Новгородскій и Петербургскій (род. 1757, ум. 17-го января 1843), сочленъ Пушкина по Россійской Академіи.

— (Стр. 26). „Исторія Пугачевского бунта“, какъ было уже указано (выше, стр. 211), вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу въ послѣднихъ числахъ декабря 1834 г. О томъ, будто она „не имѣла въ публикѣ никакого успѣха“, повторилъ поэтъ и въ возраженіи своемъ на критику В. Б. Броневскаго (см. Со-

чиненія, изд. Академіи Наукъ, т. XI, стр. 465; примѣч., стр. 47—48), но жалобы Пушкина на плохое распространіе его книги были, кажется, несправедливы; по крайней мѣрѣ своему другу Нащокину онъ самъ писалъ 20-го января 1835 г.: „Ты видѣлъ, вѣроятно; Пугачева и надѣюсь, что его не купилъ. Я храню для тебя особый экземпляръ. Каково время? Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ плательщикомъ оброка, — Емелька Пугачевъ — оброчный мой мужикъ! Денегъ онъ мнѣ принесъ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего и не остается у меня за пазухой...“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 179); отзывы же „дублики“ объ этомъ историческомъ опытѣ Пушкина не могли быть восторженными, такъ какъ трудъ поэта былъ ей мало доступенъ и понятенъ. Объ историческомъ и абсолютномъ значеніи этой работы Пушкина см. въ этюдѣ Н. Н. Фирсова въ XI томѣ Академическаго изданія Сочиненій Пушкина (въ которомъ переиздана „Исторія Пугачевского бунта“), отд. примѣчаній, стр. 1—56, гдѣ рассмотрѣны общія и частныя условія, въ которыхъ пришлось Пушкину работать надъ исторіей Пугачевщины, особенности самого Пушкина, какъ историческаго мыслителя и писателя, условія личной жизни поэта, вліявшія на его работу, и результаты этой работы, а также приведенъ сводъ критики на „Исторію Пугачевского бунта“, въ общемъ отнесшейся къ книгѣ Пушкина очень благосклонно. См. также въ статьѣ акад. В. С. Иконникова: „Историческія воззрѣнія Пушкина“ въ Киевскомъ „Военно-Историческомъ Журналь“ 1911 г., № 9—10 (отд. отг., стр. 12—13).

— (Стр. 26). *Дундуковъ* — князь Михаилъ Александровичъ Дондуковъ-Корсаковъ (род. въ 1794, ум. 29-го августа 1869), въ 1835 г. — Попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа и въ то же время Предсѣдатель С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета, черезъ нѣсколько дней послѣ записи Пушкина назначенный (7-го марта 1835 г.) Вице-Президентомъ Имп. Академіи Наукъ, Президентомъ коей былъ (съ 12-го января 1818 г.) Сергій Семеновичъ Уваровъ, одновременно состоявшій Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Это высокое назначеніе Дондукова-Корсакова на мало ему подобавшій постъ Вице-Президента Академіи (онъ занималъ его до 18-го марта 1852 г.), на ряду съ цензурными притѣсненіями, которыя стали испытывать Пушкинъ отъ Уварова и Дондукова (ср. Дневникъ А. В. Никитенка, т. I, стр. 241 и др.), вызвало со стороны Пушкина известную эпиграмму:

Въ Академіи Наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ и т. д.

Въ этой эпиграммѣ Пушкинъ „не только посмѣялся надъ своимъ цензурнымъ притѣснителемъ и надъ нелѣпнымъ назначеніемъ главою ученаго учрежденія чловека, съ весьма сомнительными научными заслугами, но также выразилъ въ ней свое обычное отношеніе къ русской официально-ученой сферѣ“ (Сочиненія Пушкина, изд. Брокгауза, т. VI, стр. 488). Весною же 1835 г., когда, повидимому, была написана эпиграмма на князя Дондукова, Пушкинъ, въ письмѣ своемъ къ И. И. Дмитріеву, называлъ его „фокусникомъ, который кувырѣается на канатѣ“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 197), въ августѣ (28-го числа) жаловался въ Главный Комитетъ Цензуры на испытываемыя имъ цензурныя притѣсненія, говоря: „Г. Попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа изустно объявлялъ мнѣ, что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались“ (Дѣла III Отдѣленія о Пушкинѣ,

стр. 166—167; „Русск. Стар.“ 1903 г., № 6, стр. 645—646; И. А. Шляпкинъ, Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, С.-Пб. 1903, стр. 104—105; Н. О. Лернеръ, Труды и дни, стр. 340); въ октябрѣ же писалъ П. А. Плетневу: „Что рѣшилъ Комитетъ на мое всеуниженное прошеніе? Ужели залагаетъ меня осленокъ Никитенко и заботаешь быкъ-Дундукъ? Впрочемъ, они отъ меня такъ легко не отдѣлаются“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 238). Изъ переписки Пушкина за 1836 г. (т. III, стр. 266, 288, 292, 294 — 296, 297, 305, 352, 354, 355, 432), въ эпоху изданія „Современника“, видно, сколько неприятностей пришлось перенести Пушкину изъ-за непріязненнаго отношенія къ нему князя Дондукова, которому, безъ всякаго сомнѣнія, была извѣстна эпиграмма на него Пушкина.

— (Стр. 26). Рѣзкій отзывъ объ Уваровѣ (ср. выше, стр. 145—147, гдѣ нами приведены другія сужденія объ Уваровѣ его современниковъ) Пушкинъ внесъ въ Дневникъ, несомнѣнно, съ намѣреніемъ заклеить навѣкъ этого своего недоброжелателя, ибо къ нему поэтъ, вообще на рѣдкость непамятослобный и добросердечный, съ своей стороны питалъ большую и исключительную антипатію; вскорѣ, въ октябрѣ — ноябрѣ 1835 г., Пушкинъ написалъ на Уварова свою знаменитую оду „На выздоровленіе Лукулла“, въ которой повторилъ нѣкоторыя изъ обвиненій противъ Уварова, приведенныхъ въ записи Дневника (нѣяньченъ дѣтей своего начальника—Канкринна, кража казенныхъ дровъ); ихъ повторилъ онъ и въ черновикѣ письма (быть можетъ такъ и оставшагося не перебѣленнымъ) на имя, вѣроятно, графа А. Х. Бенкендорфа, въ которомъ оправдывался отъ обвиненій въ желаніи выставить въ своей одѣ опредѣленное лицо (см. Переписка, Акад. изд., т. III, дополненія, стр. 471—472; Неизданный Пушкинъ. Собраніе А. Θ. Онѣгина. Труды Пушкинскаго Дома при Россійской Академіи Наукъ, С.-Пб. 1922, стр. 223—224). Пушкинъ, однако, писалъ съ натуры: еще въ 1824 г.; когда Уваровъ служилъ въ Министерствѣ Финансовъ, подъ начальствомъ умнаго, просвѣщеннаго и честнѣйшаго Министра графа Егора Францовича Канкринна (род. 26-го ноября 1776, ум. 9-го сентября 1845), А. И. Тургеневъ писалъ: „Сергѣй Уваровъ впугался не въ свое дѣло и отдалъ Императрицѣ экземпляръ [Бахчисарайскаго] фонтана прежде Карамзина и все испортилъ. Сидѣлъ бы за своимъ сукномъ*)! Онъ перещеголялъ Козодавлева и на счету ему подобныхъ въ публикѣ, если не хуже. Всѣхъ кормилицъ у Канкринна знаетъ и дѣтямъ даетъ кашку“ („Остафьевскій Архивъ“, т. III, стр. 33). О томъ-же рассказываетъ и сенаторъ К. И. Фишеръ, отецъ котораго служилъ при Уваровѣ въ Канцеляріи Академіи Наукъ и потому близко зналъ его повадки и приемы; онъ пишетъ, что Уваровъ, „grand seigneur, особенное имѣлъ вниманіе къ дровамъ“ и „былъ характера подлаго, вѣдилъ къ министерствѣ, носилъ на рукахъ ея дѣтей, — словомъ, подленькими путями прокладывалъ себѣ дорогу къ почестямъ“ („Историч. Вѣстн.“ 1908 г., № 1, стр. 49 и № 2, стр. 459). Президентомъ Академіи Наукъ онъ былъ съ 12-го января 1818 г. до дня смерти — 4-го сентября 1855.

— (Стр. 26). О княгинѣ Е. Р. Дашковой см. выше, стр. 3 и 60.

— (Стр. 26). Дашковъ — Дмитрій Васильевичъ (род. 29-го декабря 1788, ум. 26 ноября 1839), Министръ Юстиціи (см. выше, стр. 16 и 172), статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, нѣкогда членъ „Арзамаса“, гдѣ носилъ

*) Уваровъ былъ Директоромъ Департамента внутренней торговли и начальникомъ Комитета о снабженіи войскъ сукнами. Б. М.

прозвище „Чу!“ и встрѣчался съ Пушкинымъ, — человекъ высокообразованный, съ большимъ литературнымъ вкусомъ и познаніями; про него уже въ известномъ Воейковскомъ „Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ“ было сказано: „Министръ Юстиціи, Комитета для пересмотра вновь выходящихъ книгъ, Уголовной литературной Палаты и Комитета о наблюденіи православія въ слогѣ первоприсутствующій“. По отъезду его сослуживца А. П. Бутенева, Дашковъ былъ „отмѣненныхъ дарований, античной высоты характера и обширной образованности“ („Русск. Арх.“ 1881 г., кн. III, стр. 74), а графъ А. И. Рибопьеръ говоритъ, что онъ былъ „умнѣйшій человекъ, — человекъ гениальный“, но ипохондрикъ, „чуть не сумасшедшій“. Баронъ М. А. Корфъ даетъ ему такую характеристику: „Человѣкъ съ высокимъ образованіемъ, литературнымъ и ученымъ, съ свѣтлымъ и обширнымъ умомъ, въ которомъ было много ироническаго воззрѣнія на жизнь, съ прямодушіемъ, обратившимся у насъ въ пословицу, съ увлекательнымъ даромъ слова, ставившимъ его, несмотря на заиканіе, въ рядъ истинныхъ ораторовъ, — наконецъ, съ прекраснымъ перомъ, уступавшимъ развѣ только перу Сперанскаго, — Дашковъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, чтобы быть полезнымъ, но былъ очень лѣнивъ, высокомеренъ, заносчивъ и нелюдимъ“ („Русск. Стар.“ 1899 г., № 12, стр. 27). Вспоминая о Дашковѣ, князь П. А. Вяземскій, его сочленъ по „Арзамасу“, писалъ: „Онъ имѣлъ лицо довольно правильное, но строгое; вообще, за исключеніемъ сношеній своихъ съ малымъ числомъ ему близкихъ людей и участія его въ Арзамасскихъ шалостяхъ, онъ всегда былъ облеченъ въ какую-то малодоступную и сановитую холодность. Ничего женственнаго найти въ немъ было невозможно, — Жуковскій прозвалъ его „Дашенькою“ („Русск. Арх.“ 1866 г., стр. 490—491; ср. Дневники В. А. Жуковскаго, С.-Пб. 1903, стр. 512—514). Пушкинъ, по свидѣтельству П. И. Бартенева, называлъ Дашкова, за стойкость его нрава, „бронзою“, въ противоположность другому министру, котораго звалъ „тѣстомъ“ („Русск. Арх.“ 1891 г., кн. I, стр. 333; 1905 г., кн. II, стр. 251, и 1907 г., кн. II, стр. 136).

— (Стр. 27). „Сказка о Золотомъ Пѣтушкѣ“ появилась въ печати въ апрѣльской книжкѣ „Библиотеки для Чтенія“ за 1835 г. (т. IX, № 16, отд. I, стр. 111—117), — дѣйствительно, съ пропускомъ указанныхъ Пушкинымъ трехъ стиховъ. Книжка была цензурована цензоромъ Александромъ Васильевичемъ Никитенкомъ (см. выше, стр. 226); послѣдній былъ уже давно, — вѣроятно, съ 1827 г. — знакомъ съ поэтомъ, встрѣчался съ нимъ у Плетнева въ 1832 г., у Греча въ 1834 г.; въ апрѣлѣ этого года у нихъ вышло столкновеніе, о которомъ Никитенко, тогда цензоръ Петербургскаго Цензурнаго Комитета, рассказываетъ въ своемъ дневникѣ. 9-го апрѣля онъ представилъ Уварову „сочиненіе или переводъ Пушкина „Анджело“. Прежде Государь самъ разсматривалъ его поэмы, и я не зналъ, имѣю-ли я право цензуровать ихъ. Теперь Министръ приказалъ мнѣ поступать въ отношеніи къ Пушкину на общемъ основаніи. Онъ самъ прочелъ „Анджело“ и потребовалъ, чтобы нѣсколько стиховъ были исключены“. Отсюда и произошло недоразумѣніе. 11-го числа Никитенко записывалъ въ своемъ дневникѣ: „Случилось нѣчто, разстроившее меня съ Пушкинымъ. Онъ просилъ меня разсмотрѣть его „Повѣсти Бѣлкина“, которыя онъ хочетъ печатать вторымъ изданіемъ. Я отвѣчалъ ему слѣдующее: „Съ душевнымъ удовольствіемъ готовъ исполнить ваше желаніе теперь и всегда. Да благословитъ васъ геній вашъ новымъ вдохновеніемъ, а мы готовы. (Что сказать? — обрѣзывать крылья ему? По крайней мѣрѣ, рука моя не злоупотребитъ этимъ).

Потрудитесь мнѣ прислать все, что означено въ запискѣ вашей, и увѣдомьте, къ какому времени вы желали бы окончанія этой тяжбы политическаго механизма съ искусствомъ, говоря просто, — процензурованья“ и т. д. *). Между тѣмъ, къ нему дошелъ его „Анджело“ съ нѣсколькими урванными министромъ стихами. Онъ взбѣсился: Смирдинъ платитъ ему за каждый стихъ по червонцу, — следовательно, Пушкинъ теряетъ здѣсь нѣсколько десятковъ рублей. Онъ потребовалъ, чтобы на мѣсто исключенныхъ стиховъ были поставлены точки, съ тѣмъ, однако жъ, чтобы Смирдинъ все-таки заплатилъ ему деньги и за точки!“ (Дневникъ, ч. I, стр. 241—242). Черезъ нѣсколько дней Никитенко „говорилъ съ Плетневымъ о Пушкинѣ: они друзья. Я сказалъ: „Напрасно Александръ Сергѣевичъ на меня сердится. Я долженъ исполнять свою обязанность, а въ настоящемъ случаѣ ему причинилъ непріятность не я, а самъ министр“ (стр. 242). 30-го мая, у Плетнева, Никитенко встрѣтился съ Пушкинымъ, который „почтилъ его холоднымъ камеръ-юнкерскимъ поклономъ“ (стр. 245). Этотъ холодокъ не развѣялся и въ послѣдующіе годы, что видно, между прочимъ, и изъ комментируемаго мѣста Дневника Пушкина, и изъ приведеннаго уже выше (стр. 245) отзыва поэта (1835 г.) объ „осленкѣ“ Никитенкѣ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 238), и изъ Дневника Никитенка за 1836 годъ. Ср. еще брошюру С. А. Столбцова: А. С. Пушкинъ по отзывамъ А. В. Никитенка, Харьковъ. 1900. Отмѣтимъ кстати, что въ библиотекѣ Пушкина сохранился экземпляръ статьи Никитенка: „Жизнеописаніе дѣвицы Елизаветы Кульманъ“, С.-Пб. 1835 (Б. Л. Модзалевскій, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 67).

— (Стр. 27). О цензорѣ Красовскомъ см. выше, стр. 19 и 189. Его характеристику и анекдоты объ его цензорской дѣятельности см. еще у А. М. Скабичевского: Очерки исторіи Русской цензуры, С.-Пб. 1892, стр. 175—184; тамъ же, на стр. 252—273, данъ общій очеркъ отношеній цензуры къ Пушкину.

— (Стр. 27). *Бируковъ* — Александръ Степановичъ (род. 2-го іюня 1772, ум. 31-го мая 1844), знаменитый своею строгостью и тупостію цензоръ Петербургскаго Цензурнаго Комитета. Начавъ службу учителемъ въ Харьковскомъ Коллегиумѣ въ августѣ 1791 г., онъ съ марта 1803 г. былъ экспедиторомъ „по ученой части“ въ Канцеляріи Главнаго Училища Правленія, съ ноября 1817 г. — начальникомъ Отдѣленія въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, а кромѣ того, со 2-го апрѣля 1821 г., и цензоромъ, каковымъ оставался до 2-го октября 1826 г.; 31-го марта 1830 г. награжденный чиномъ д. с. совѣтника, онъ 10-го іюня 1831 г. совсѣмъ вышелъ въ отставку, „прослуживъ четыремъ государямъ и отечеству близъ пятидесятилѣтія“, какъ сказано на его надгробномъ памятникѣ. Его имя въ представленіи писателей-современниковъ всегда соединялось съ именемъ знаменитаго своимъ скудоуміемъ и юродствомъ цензора Красовскаго. „Цензоры съ бѣдными авторами суровѣе, нежели когда-нибудь“, писалъ Д. В. Дашковъ И. И. Дмитріеву 22-го января 1823 г.: „одна отъ нихъ бываетъ поживка, а именно, когда Бируковъ поссорится съ товарищемъ своимъ Красовскимъ; тогда онъ пропускаетъ на зло между позволеннымъ иногда и сомнительное“ („Русск. Арх.“ 1868 г., стр. 598—599); онъ-же въ 1824 г. справлялся у барона Дельвига, прошелъ-ли его „контрабандный товаръ сквозь строгую заставу четы соименныхъ“ — Бирукова и Красовскаго („Русск. Арх.“ 1892 г., кн. II, стр. 359). — „Я употребилъ хитрость, чтобы взбѣсить Красовскаго“, читаемъ въ письмѣ

*) Письмо Пушкина (подлинникъ его — въ Пушкинскомъ Домѣ) и отвѣтъ Никитенка см. въ Перепискѣ, Акад. изд., т. III, стр. 94—95.

А. И. Тургенева къ князю Вяземскому отъ 1-го декабря 1821 г.: „и отдалъ стихи Воейкову, который увѣренъ, что Бируковъ ихъ пропуститъ“ („Остафьевскій Архивъ“, т. II, стр. 230—231). „Я хлопочу не о Бируковъ и не о Красовскомъ“, писалъ однажды князь П. А. Вяземскій въ началѣ 1823 г.: „а о томъ, чтобы показать, что цензура у насъ руководствуется нелѣпыми причудами“ (тамъ-же, стр. 295). „Что Красовскій, Бируковъ?“—спрашивалъ онъ же А. И. Тургенева и прибавлялъ: „Право, скучно! Ужъ лучше безъ обиняковъ объявить мнѣ именное повелѣніе не держать у себя бумаги, перьевъ, чернилъ и взятыя росписку, что отказываюсь навсегда отъ грамоты“ (тамъ-же, стр. 323). Даже благодушный баронъ Дельвицъ писалъ однажды (1824):

Передъ вами — нуль Тимковскій!
Въ вашей славѣ онъ погасъ;
Вы, по совѣсти поповской
Цензируя, жмете насъ.
Славьтесь, Бируковъ, Красовскій!

(Сочиненія, С.-Пб. 1895, стр. 62—63). Въ 1824 г. Пушкинъ жаловался на то, что „скучно писать про себя, или справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго“ (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 136), что „Бируковъ и Красовскій не въ-терпежь глупы, своенравны и притѣснительны“ (стр. 117), и тогда же заклеимиль обоихъ цензоровъ известною своею эпиграммой:

Тимковскій царствовалъ — и всѣ твердили вслухъ,
Что врядъ-ли гдѣ слово найдешь подобныхъ двумъ;
Явился Бируковъ, за нимъ вослѣдъ Красовскій:
Ну, право, ихъ умнѣй покойный былъ Тимковскій.

Еще ранѣе, въ концѣ декабря 1822 г., онъ обратилъ именно къ Бирукову свое „Первое посланіе цензору“, предназначенное не для печати, а для рукописнаго распространенія (Сочиненія, изд. Академіи Наукъ, т. III, примѣч., стр. 233—236); къ нему же обращено и „Второе посланіе цензору“, 1824 года (тамъ-же, стр. 422—423), и хотя въ 1825 г. Пушкинъ и выражался, что „Бируковъ—человѣкъ просвѣщенный“, и что „кромѣ его онъ ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочетъ“, такъ какъ-де „онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ“, почему поэтъ „нынѣ повинуется его приговорамъ безусловно“ (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 193), — однако, какъ раньше (тамъ-же, стр. 60, 61, 67, 77, 87, 116, 181), такъ и позже (стр. 206, 230, 235), онъ не переставалъ жаловаться и досадовать на него, а впослѣдствіи, въ 1836 г., вспоминалъ, что „въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго Императора [Александра I] вся литература сдѣлалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову“ (тамъ-же, т. III, стр. 356). Репутація Бирукова была такъ прочна и опредѣленна, что еще Салтыковъ-Щедринъ, въ одномъ изъ своихъ „Пестрыхъ писемъ“ (1884 г.) вспоминалъ этого почти легендарнаго по своей придирчивости цензора (Сочиненія, изд. Маркса, 1906 г., т. VI, стр. 84), на разсмотрѣніе котораго суждено было попастьъ и „Кавказскому Пльнику“ (1822 г.), и Первой главѣ „Евгенія Онѣгина“ (1825 г.), и первому сборнику „Стихотвореній“ (1825 г.), а также длинному ряду отдѣльныхъ пьесъ Пушкина.

ДОПОЛНЕНИЯ.

Къ стр. 1 и 41—42: О посылкѣ П. И. Пестеля для собранія свѣдѣній о Греческомъ возстаніи см. еще въ Запискахъ декабриста Н. И. Лорера—„Русск. Бог.“ 1904 г., № 3, стр. 76. Лореръ передаетъ рассказъ, что когда Александръ I прочиталъ составленный Пестелемъ отчетъ о командировкѣ и передалъ его Министру Иностранныхъ Дѣлъ графу К. В. Нессельроде, то „сей послѣдній будто-бы просилъ Государя назвать ему дипломата, который такъ красно, умно, вѣрно сумѣлъ описать настоящее положеніе Греціи и христіанъ на Востокъ, и будто-бы Государь, улыбнувшись, сказалъ: „Не болѣе и не менѣе, какъ армейскій полковникъ. Да, вотъ какіе у меня служатъ въ арміи полковники!“

Къ стр. 1 и 49—50: объ игрокѣ С. М. Мартыновѣ см. еще въ „Русск. Стар.“ 1885 г., № 11, стр. 396.

Къ стр. 3 и 57—58: Вопросу о знакомствѣ Гоголя и Пушкина и объ ихъ взаимныхъ личныхъ отношеніяхъ посвящены: замѣтка В. В. Каллаша въ „Голосѣ Минувшаго“ 1913 г., № 9, и работа А. С. Долинина (Искоза) въ Пушкинскомъ Сборникѣ памяти С. А. Венгерова, 1923, стр. 181—197.

Къ стр. 3 и 61—62: По поводу упоминанія Пушкина о дочери Елисаветы Петровны Будаковой А. В. Шебальовъ указалъ намъ на записи „Камеръ-Фурьерскаго Журнала“ за 1725, 1748 и 1761 гг. и на данныя Архива б. М-ва Имп. Двора за 1728—1761 гг., въ которыхъ говорится о мундшенкѣ Григоріи Будаковѣ, впослѣдствіи гофъ-юнкерѣ и камеръ-юнкерѣ (1738—1742),—женѣ его Авдотѣ, сыновьяхъ ихъ Алексѣѣ и Петрѣ—пажахъ—и дочери Прасковѣ Григорьевнѣ,—фрейлинѣ (1752), 11-го ноября 1761 г., въ придворной церкви, повѣнчанной съ корнетомъ л.-гв. Коннаго полка барономъ Сергѣемъ Николаевичемъ Строгановымъ (род. 16-го апрѣля 1738, ум. 27-го августа 1771 г.—Петербургскій Некрополь, т. IV, стр. 184). Появленіе камеръ-юнкера, пажей и фрейлины изъ никому невѣдомаго рода Будаковыхъ, вѣнчаніе Прасковьи Будаковой при дворѣ съ представителемъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій, приблизительный возрастъ Прасковьи Будаковой (родилась она, очевидно, около 1740 г.) и близость ея ко двору (см. „Архивъ князя Воронцова“, т. IV, стр. 460—списокъ фрейлинъ 1758 года—и т. VI, стр. 318),—все это можетъ служить какъ бы косвеннымъ подтвержденіемъ передаваемого Пушкинымъ сообщенія о существованіи у Елисаветы побочной дочери Будаковой, въ судьбѣ которой она и принимала дѣятельное участіе (какъ и въ судьбѣ еще двухъ особъ—П. Ф. Бактѣевой и О. П. Супоневой, которыхъ П. Э. Карабановъ также выдаетъ за дочерей Императрицы: „Русск. Стар.“ 1871 г., т. IV, стр. 691).

Къ стр. 5 и 86: Въ царствованіе Елисаветы Петровны и Екатерины II служилъ еще одинъ Норманъ — Федоръ Карповичъ (или Карловичъ), родившійся въ 1726 г., изъ Кадетскаго Корпуса выпущенный прапорщикомъ 2-го октября 1742 г., служившій въ Ингерманландскомъ и Бутырскомъ полкахъ и въ 1756 г. назначенный штатгалтеромъ Кюменегорской провинціи въ чинѣ подполковника; при Екатеринѣ онъ перешелъ въ статскую службу съ чиномъ коллежскаго совѣтника (9-го августа 1765 г.) и былъ опредѣленъ (11-го сентября) въ Кантору строенія Новодевичьяго Воскресенскаго монастыря, потомъ служилъ Директоромъ Сибирскихъ Винокуренныхъ Заводовъ (съ 12-го сентября 1774 г.), Предсѣдателемъ Устюжскаго Губернскаго Магистрата (съ 24-го апрѣля 1783 г.), Совѣтникомъ Вологодскаго Губернскаго Правленія (съ 11-го сентября 1783 г.) и Вологодской Гражданской Палаты (4-го марта 1785 г.), Предсѣдателемъ 1-го Департамента Палаты Суда и Расправы (12-го ноября 1792 г.), Павломъ I пожалованъ въ д. с. совѣтника (5-го апрѣля 1797 г.), назначенъ Бѣлорусскимъ вице-губернаторомъ (3-го мая 1798 г.) и Вологодскимъ губернаторомъ (14-го декабря 1798 г.), 10-го мая 1799 г. награжденъ пенсією, а 9-го февраля 1800 г. отставленъ отъ службы, „подпавъ подъ гнѣвъ Государя за слабое смотрѣніе за земскою полицією“; былъ живъ въ срединѣ 1801 года (Формулярный списокъ и свѣдѣнія изъ архива Коммисіи Прошеній, сообщ. Н. А. Мурзановымъ и А. В. Шебаливымъ; Сенатскій Архивъ, т. I, стр. 145, 401, 475, 527 и 591). Что касается упомянутого нами на стр. 86 придворнаго мундшенка Симона Нормана, то его, слѣдуетъ отождествить съ показаннымъ въ Провинціальномъ Некрополѣ (т. I, стр. 623) надворнымъ совѣтникомъ Симономъ Мартыновичемъ Норманомъ, который служилъ „при дворѣ“ съ 1726 г., умеръ 27-го декабря 1777 г. и погребенъ въ Николо-Перервинскомъ монастырѣ подъ Москвою. Симонъ Норманъ былъ пожалованъ въ премьерь-майоры въ 1759 г., 2-го марта, какъ указано въ Полн. Собр. Закон., т. XVI, стр. 407.

Къ стр. 7 и 91—92: О Я. Ѳ. Скарятинѣ см. еще въ записанномъ П. И. Баргеновымъ разсказѣ А. Я. Скарятина (1880)—въ „Голосѣ Минувшаго“ 1918 г., № 7—9, стр. 224—225: „Скарятинъ разсказывалъ сыновьямъ, что онъ стоялъ въ углубленіи окна и видѣлъ, какъ Зубовъ и другіе вытаскивали изъ камина за ноги спрятавшася туда Государя, что онъ помнитъ, какъ предлагали ему подписать отреченіе и какъ послѣ удара въ голову табакеркой стали, кто во что гораздъ, добывать Павла, а у него, Скарятина, взяли его шарфъ, которымъ и былъ окончателно лишенъ жизни Павелъ Петровичъ...“. О шарфѣ Скарятина см. еще показаніе Д. В. Давыдова (Великій Князь Николай Михайловичъ, Императоръ Александръ I, т. I, С.-Пб. 1912, стр. 16).

Къ стр. 8, 11, 99 и 121—123: Объ отношеніяхъ Пушкина и Н. М. и А. О. Смирновыхъ см. еще въ „Русск. Стар.“ 1884 г., № 4, стр. 36—44 и 48, и № 6, стр. 604.

Къ стр. 114: вмѣсто Нарышкина слѣдуетъ: Норовъ — Авраамъ Сергѣевичъ (род. 1-го октября 1795, ум. 23-го января 1869 г.), поэтъ и писатель, бывшій военный, подъ Бородинымъ потерявшій лѣвую ногу; съ 1827 г. числился при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ октябрѣ 1834 г. отправился въ Путешествіе по Египту и Нубіи, а затѣмъ—и по Святой Землѣ и впослѣдствіи издалъ описанія своихъ поѣздокъ; въ 1853—1858 гг. былъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Пушкинъ былъ съ нимъ „на ты“ (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 62—63), пользовался его библіотекой (тамъ-же), хотя и относился къ нему

съ нѣкоторой ироніей (тамъ-же, стр. 314). Норовъ написалъ стихи на смерть Пушкина.

Къ стр. 11 и 128: Пушкинъ, противопоставляя Аракчеева Сперанскому, выражалъ общераспространенное сужденіе о діаметрально-противоположной роли ихъ при Александрѣ I: ср., напр., извѣстную параллель между этими дѣятелями, начертанную декабристомъ Г. С. Батеньковымъ, лично хорошо и близко знавшимъ обоихъ (Н. Дубровинъ, Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Имп. Александра I, С.-Пб. 1883, стр. 465—466; „Русск. Стар.“ 1897 г., № 10, стр. 83—92; М. В. Довнаръ-Запольскій, Мемуары декабристовъ, Кіевъ. 1907 г., стр. 149—159; Великій Князь Николай Михайловичъ, Императоръ Александръ I, т. I, стр. 80). См. еще характеристику обоихъ въ брошюрѣ В. Е. Якушкина: Сперанскій и Аракчеевъ, С.-Пб. 1905 (въ серіи „Всеобщей Библіотеки Г. О. Львовича“), которую авторъ и начинаетъ, и заканчиваетъ словами Пушкина о томъ, что „Сперанскій и Аракчеевъ стоятъ въ двухъ противоположныхъ концахъ царствованія Александра I, какъ геніи блага и зла“.

Къ стр. 12 и 128—130: Исторію запрещенія „Московского Телеграфа“ см. еще въ книгѣ А. М. Скабичевскаго: Очерки исторіи Русской цензуры, С.-Пб. 1892, стр. 240—244.

Къ стр. 12 и 134—135: Восторженный отзывъ маркиза Кюстина объ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ и ея наружности см.: La Russie en 1839. Par le Marquis De Custine, t. II, Bruxelles. 1843, p. 11—12 и 52—53; ср. „Русск. Стар.“ 1891 г., № 1, стр. 176 и 177.

Къ стр. 172, стр. 5 сверху: При версткѣ выпали по недосмотру слѣдующія слова (послѣ словъ „самому Пушкину?“): „Такъ и принимается нѣкоторыми редакторами — П. А. Ефремовымъ (Сочиненія Пушкина, изд. Суворина, т. V, 1903, стр. 670), С. А. Венгеровымъ (т. VI, стр. 644), В. Я. Брюсовымъ (изд. Государственнаго Издательства, М. 1919, т. I, стр. 364 — 365). Намъ представляется, однако, что нѣтъ достаточныхъ основаній приписывать Пушкину эту плохую и по содержанию, и по формѣ эпиграмму: слова Дневника слишкомъ неясны для того, чтобы давать право только на основаніи ихъ считать Пушкина авторомъ приведеннаго имъ четверостишія; онъ могъ записать его только какъ курьезъ, какъ нѣчто ему запомнившееся и показавшееся стоящимъ внесенія въ Дневникъ“.

Къ стр. 17 и 177—178: О завѣщаніи графа Аракчеева и текстъ его см. въ его біографіи, помѣщенной въ изданіи А. И. Михайловскаго-Данилевскаго и А. В. Висковатова: „Военная Галлерей Зимняго Дворца“, т. VI, С.-Пб. 1848 г., стр. 22—25.

Къ стр. 18 и 182—183: Анекдотъ о графѣ А. О. Ланжеронѣ и его трагедіяхъ, данныхъ имъ Пушкину на прочтеніе, передаетъ также и М. М. Поповъ — см. „Русск. Стар.“ 1874 г., № 8, стр. 687—688.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

- Адарюковъ**, Владиміръ Яковлевичъ — 78, 238.
- Адлербергъ**, графъ Владиміръ Ѳеодоровичъ — 89, 93.
- Аксаковъ**, Константинъ Сергѣевичъ — 86.
- Аксаковъ**, Сергѣй Тимоѳеевичъ — 63, 64, 201.
- Александра Николаевна**, Великая Княжна — 241.
- Александра Ѳеодоровна**, Императрица — 3, 8, 12, 15, 22, 41, 49, 61, 62, 67, 69, 76, 82, 87, 89, 93, 98, 100, 133—135, 137, 138, 141—143, 155, 159, 162, 170, 204, 211, 222, 245, 251.
- Александренко**, В. Н., проф. — 185.
- Александрова**, Анна Александровна — 155.
- Александровъ**, Павелъ Константиновичъ — 87.
- Александръ Николаевичъ**, Наслѣдникъ Цесаревичъ, впослѣдствіи Императоръ — 10, 15, 16, 41, 61, 66, 94, 110, 111, 116, 120, 155—157, 159, 161—164, 168, 174, 184, 211, 232, 234, 241, 243.
- Александръ**, Принцъ Вюртембергскій — 42.
- Александръ I**, Императоръ — 1, 2, 5, 9—11, 18, 21, 23, 36, 39, 40, 42, 46, 56, 59, 63, 65, 66, 87, 99, 102, 103, 105, 110, 113, 124, 144, 169, 178, 181—184, 186, 193, 201—203, 207, 208, 221, 223, 232, 240, 248—251.
- Александръ III**, Императоръ — 243.
- Алексѣевъ**, Николай Степановичъ — 41.
- Алексѣй Михайловичъ**, Царь — 149, 224.
- Аникита**, іеромонахъ (князь Ширинскій-Шихматовъ) — 242.
- Анненковъ**, Павелъ Васильевичъ — 58, 79, 119, 131—133, 199, 210, 226, 239.
- Апраксина**, графиня — см. Петрищева.
- Аракчеевъ**, графъ Алексѣй Андреевичъ — 9, 11, 15, 17, 105, 165, 177 — 178, 232, 238, 251.
- Арапова**, Александра Петровна, рожд. Ланская — 236.
- Арендтъ** (Арнтъ), Николай Ѳеодоровичъ — 20, 22, 206, 207, 221.
- Арина Родіоновна**, няня — 190.
- Арнольдъ**, Юрій Карловичъ — 43.
- Арсеньевъ**, Константинъ Ивановичъ — 108, 110.
- Атде**, проф. — 46.
- Ахлестышева**, Марія Петровна — 171.
- Ахметъ-паша**, Турецкій посолъ — 1, 41, 49.
- Ашъ**, баронъ В. И. — 218.
- Багратионъ**, князь П. И. — 220.
- Багратионъ**, княгиня Нина Саввична, рожд. Мартынова — 50.
- Бажановъ**, Василій Борисовичъ — 243.
- Базаровъ**, Іоаннъ Іоанновичъ — 112.
- Базилы** — 225.
- Байронъ** — 54, 122, 150.
- Балабина**, Наталья Сергѣевна, рожд. Уварова — 146.
- Балабинъ**, Иванъ Петровичъ — 146.
- Бантъшъ-Каменскій**, Дмитрій Николаевичъ — 105, 180.

Барантъ, баронъ — 38.
Барковъ, Иванъ С. — 203.
Барсуковъ, Николай Платоновичъ — 61, 119, 120, 149, 199.
Бартенева — 78.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ — 37, 38, 55, 56, 67, 92, 95, 98, 101, 102, 121, 138, 150, 151, 153, 154, 164, 173, 183, 195, 199, 200, 214, 219, 232, 246, 250.
Барятинская, княжна Екатерина Ѳедоровна — см. Долгорукова, княгиня.
Барятинская, княгиня Леонила Ивановна — см. Витгенштейнъ, графиня.
Барятинскій, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ — 157.
Батеньковъ, Гавріиль Степановичъ — 250.
Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ — 87, 145, 179, 230, 235.
Бахметевъ, Алексѣй Николаевичъ — 136, 217, 218.
Бахтинъ, Николай Ивановичъ — 114.
Бахтѣева, П. Ф. — 249.
Башудкій, Ал-дръ Данил. — 136, 236.
Безбородко, князь — 74, 101, 114, 180.
Безобразова, Любовь Александровна, рожд. княжна Хилкова — 5, 6, 7, 10, 82 — 83, 86, 111.
Безобразовъ, Сергѣй Дмитриевичъ — 5, 6, 7, 82 — 83, 86, 90, 160.
Беллизаръ, Ф., книгопродавецъ — 170.
Бекенштейнъ, проф. — 224.
Бенкендорфъ, графиня А. А. — 155.
Бенкендорфъ, графъ Александръ Христофоровичъ — 4, 9, 15, 42, 47, 61, 72, 86, 87, 92, 93, 98, 102, 106, 112, 129, 130, 138, 165, 174, 175, 204, 205, 206, 208, 211, 212, 213, 215, 216, 217, 223, 227.
Бенкендорфъ, Дарья Христофоровна — см. Ливень, княгиня.
Бергъ, Николай Васильевичъ — 222.
Бергъ, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ — 139.
Бестужевъ, Александръ Александровичъ (Марлинскій) — 125, 128.
Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Павловичъ, декабристъ — 98.
Бедкій, Иванъ Ивановичъ — 148.

Бибикова, Екатерина Ильинична — см. Голенищева - Кутузова - Смоленская, княгиня.
Бильбасовъ, Василій Алексѣевичъ — 86.
Биронъ, Принцесса Екатерина Петровна — см. Трубецкая, княгиня.
Бируковъ, Александръ Степановичъ — 27, 189, 247 — 248.
Бистромъ, Ал. — 208.
Благово, Дмитрій Дмитриевичъ — 132.
Блай (Bligh) — 2, 4, 18, 54, 55, 72, 184.
Bligh, William, англ. адмираль — 54.
Бломъ (Блумъ), графъ Отгонъ — 26, 239 — 240.
Блудова, графиня Антонина Дмитриевна — 79, 93, 151, 188.
Блудовъ, графъ Дмитрій Николаевичъ — 5, 12, 15, 31, 32, 33, 78—79, 86, 97, 131, 165, 172, 179, 218, 234, 240.
Бобринская, графиня Анна Владиміровна, рожд. баронесса Унгернъ-Штернбергъ — 7, 22, 68, 88—89, 221.
Бобринская, графиня Софья Александровна, рожд. графиня Самойлова — 69, 70.
Бобринскій, графъ А. А. — 224.
Бобринскій, графъ Алексѣй Алексѣевичъ — 4, 6, 7, 22, 25, 68, 69, 88, 91, 190, 221, 237.
Бобрищевы-Пушкины — 224.
Бодянский, Осипъ Максимовичъ — 149.
Бологовская, Варвара Сергѣевна, рожд. Салтыкова — 149.
Бологовская, Екатерина Григорьевна, рожд. Осипова — 194.
Бологовская, Софья Дмитриевна — 195.
Бологовской (Болховской), Дмитрій Николаевичъ — 19, 128, 191—195, 219.
Бологовской (Болховской), Яковъ Дмитриевичъ — 12, 136—138, 143.
Боратынскій, Евгенийъ Абрамовичъ — 200, 201.
Борейкій, И. П., актеръ — 115.
Борхъ, графъ Александръ Михайловичъ — 134.
Борхъ, графиня Софья Ивановна, рожд. графиня Лаваль — 134.
Боткины, купцы — 226.

- фонъ-Брадке, Е. Ѳ. — 195.
Брей, графъ Отгонъ — 33, 146, 233.
Брикнеръ, Ал-дръ Густавовичъ — 92.
фонъ-денъ-Бринкенъ, Рихардъ Егоровичъ — 2, 13, 17, 51—53, 145, 174.
Брокгаузъ, изд. — 106.
Броневскій, В. В. — 243.
Бруновъ, баронъ Филиппъ Ивановичъ — 12, 128, 130 — 131.
Брызгаловъ, Александръ — 237.
*Брызгаловъ, Иванъ Семеновичъ — 25, 237 — 238.
Брызгаловъ, Константинъ — 237.
Брюлловъ, Александръ Павловичъ — 53, 167, 168.
Брюлловъ, Карлъ Павловичъ — 94, 114, 200, 219, 237.
Брюковъ — см. Бруновъ, Ф. И.
Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ — 251.
Брянскіе, артисты — 116.
Буало — 81, 172.
Будакова, Авдотья — 249.
Будакова, Прасковья Григорьевна, по мужу баронесса Строганова — 3, 61 — 62, 249.
Будаковъ, Алексѣй Григорьевичъ — 249.
Будаковъ, Григорій — 249.
Будаковъ, Петръ Григорьевичъ — 249.
Будаковъ, Семень — 61.
Будбергъ, баронесса Е. П. — 155.
Буке, Г. — 156.
Булгакова, Наталья Васильевна, рожд. княжна Хованская — 213.
Булгакова, Ольга Александровна — см. Долгорукова, княгиня.
Булгаковъ, Александръ Яковлевичъ — 22, 42, 57, 78, 80, 85, 100, 166, 174, 175, 186, 190, 194, 201, 209, 212—214, 243.
Булгаковъ, Константинъ Яковлевичъ — 36, 49, 51, 52, 55, 66, 85, 90, 92, 101, 104, 111, 112, 132, 133, 149, 154, 156, 160, 165, 168, 177, 187, 206, 208, 240.
Булгаковъ, Н. В. — 209.
Булгаковъ, Яковъ Ивановичъ — 214.
Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ — 9, 17, 55, 75, 81, 106, 107, 118, 120, 128, 170, 176, 177, 202, 231.
Бунаковъ, Николай Ѳеодоровичъ — 194.
Бурдовъ, Иванъ Григорьевичъ — 139.
Бутеневъ, Аполлинарій Петровичъ — 246.
Бутера, княгиня Варвара Петровна, рожд. княжна Шаховская, по 1-му браку — графиня Шувалова, по 2-му браку — графиня Полье — 10, 111—112.
Butera, don Giorgio Wilding, principe — 111.
Бутовскій, Иванъ Григорьевичъ — 208.
Бутурлина, Елизавета Михайловна, рожд. Комбурлей — 55.
Бутурлины — 96.
Бутурлинъ, Дмитрій Петровичъ — 2, 21, 54 — 55, 211.
Бутурлинъ, графъ Михаилъ Дмитриевичъ — 55, 79, 90, 195, 213, 233.
Бухало, И. Я. — 229.
Бухвостова, Ѳедосья Петровна — см. Смирнова.
Бычковъ, Иванъ Аванасьевичъ — 35, 182, 223, 243.
Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ — 119, 201.
Бѣлосельская-Бѣлозерская, княжна Екатерина Александровна — см. Сухожанеть.
Бѣлосельская, княжна Е. М. — см. Салтыкова.
Бѣлосельская, княгиня Е. П. — 155.
Бюлеръ, баронъ Ѳеодоръ Андреевичъ — 134, 187.
Вадковская, Екатерина Ѳеодоровна — см. Тимирязева.
Валентиновичъ, Ѳекла Игнатъевна, по 1-му браку княгиня Зубова — см. Шувалова, графиня.
Валишевскій, К. — 62, 92, 193.
Валуевъ, графъ Петръ Александровичъ — 33, 93, 212.
Вальтеръ-Скоттъ — 22, 194.
Васильева, графиня — 213.
Васильчикова, Марія Васильевна — см. Кочубей, княгиня.
Васильчиковъ, А. Н. — 212.
Васильчиковъ, князь Ларіонъ Васильевичъ — 55, 240.

- Вейденбаумъ**, Евгенийъ Густавовичъ — 83.
- Вейсъ**, Софья Андреевна—см. Трубецкая, княгиня.
- Вейсъ**, Ульяна Михайловна, по 1-му браку Фридрихсъ, по 2-му Александрова — 87.
- Веллаевскій**, Давидъ Михайловичъ—97.
- Веллингтонъ**, герцогъ — 23, 184, 222.
- Вельгманъ**, Александръ Ѳомичъ — 39.
- Венгеровъ**, Семень Аванасьевичъ — 39, 42, 77, 98, 99, 110, 135, 143, 145, 154, 161, 249, 251.
- Веневитиновъ**, Алексѣй Владиміровичъ — 119.
- Веневитиновы** — 118.
- Верецагинъ**, Василий Андреевичъ — 238.
- Верстовскій**, Алексѣй Николаевичъ — 107, 201.
- Верховскій**, Юрій Никандровичъ—126, 228, 230.
- Веселовскій**, Александръ Николаевичъ — 70, 77.
- Веттерштедтъ**, министръ — 223.
- Вигель**, Филиппъ Филипповичъ — 5, 6, 49, 84—86, 105, 111, 179, 183, 209.
- Видокъ** (Vidocq, François-Eugène)—17, 176 — 177.
- Виже-Лебренъ**, художница — 157, 158.
- Вильгельмъ**, Принцъ Прусскій — 89.
- Виттъ**, Софья Константиновна, рожд. Главоне — см. Потоцкая, графиня.
- фонъ-Винклеръ**, Павелъ Павловичъ — 224.
- Висковатовъ**, Александръ Васильевичъ — 251.
- Витгенштейнъ**, князь, камеръ-юнкеръ—80.
- Витгенштейнъ**, графиня Антуанета Станиславовна, рожд. Снарская—93.
- Витгенштейнъ**, графъ Левъ Петровичъ — 8, 93 — 94.
- Витгенштейнъ**, графиня Леонила Ивановна, рожд. княжна Барятинская — 94, 155.
- Витгенштейнъ**, графиня Марія Львовна — 94.
- Витгенштейнъ**, графъ Петръ Христиановичъ — 93.
- Витгенштейнъ**, графиня Стефанія Доминиковна, рожд. княжна Радзивилль — 94.
- Виельгорскій**, графъ Матвѣй Юрьевичъ — 35, 155, 156, 178.
- Виельгорскій**, графъ Михаилъ Юрьевичъ — 8, 17, 35, 95—97, 155, 156, 162, 178, 200.
- Власьевъ**, Геннадій Александровичъ — 91, 213.
- Всейкова**, Александра Андреевна, рожд. Протасова — 64.
- Всейкова**, В. Н. — 128.
- Всейковъ**, Александръ Ѳедоровичъ — 173, 189, 246, 248.
- Вознесенскій**, С. В. — 224.
- Волкова**, Л. С. — 156.
- Волковъ**, Н. Е. — 180.
- Волковъ**, С. С. — 156, 212.
- Волконская**, княжна Александра Николаевна, рожд. княжна Репнина — 4, 67 — 68.
- Волконская**, княжна Александра Петровна — см. Дурново.
- Волкозская**, княгиня Марія Николаевна, рожд. Раевская — 67, 209.
- Волконская**, княгиня Софья Григорьевна, рожд. княжна Волконская — 233.
- Волконскій**, князь Григорій Петровичъ — 155, 156.
- Волковскій**, князь Никита Петровичъ—240.
- Волконскій**, князь Петръ Михайловичъ—25, 40, 54, 79, 92, 205, 232—233, 240.
- Волконскій**, князь Сергѣй Григорьевичъ — 67, 233.
- Волконскій**, князь Сергѣй Михайловичъ — 67, 233.
- Волоцкая**, Елена Михайловна, рожд. Лексъ — 220.
- Вольтеръ** — 49, 81.
- Вольфъ**, А. И. — 53, 115, 118.
- Вольховская**, Марія Васильевна, рожд. Малиновская — 141.

- Вольховскій**, Владиміръ Дмитріевичъ — 12, 136, 139—141.
- Воронцова**, графиня Анна Карловна — 60.
- Воронцова**, графиня Елизавета Ксаверьевна — 12, 144 — 145.
- Воронцова**, княгиня Марія Васильевна, рожд. княжна Трубецкая, по 1-му браку Столыпина — 87.
- Воронцовъ**, графъ Михаилъ Семеновичъ — 12, 85, 130, 143, 144, 182, 209, 217, 218, 234, 249.
- Воронцовъ**, князь Семень Михайловичъ — 87.
- Воронцовъ**, графъ Семень Романовичъ — 37, 180, 201.
- Ворцель**, Польскій патріотъ — 13.
- Вревскій**, баронъ Павелъ Александровичъ — 236.
- Вульфъ**, Алексѣй Николаевичъ — 43, 51, 81.
- Вяземская**, княгиня Вѣра Ѳедоровна, рожд. княжна Гагарина — 4, 6, 34, 46, 68, 86, 198, 236.
- Вяземская**, княгиня Евгенія Ивановна, рожд. Орейли, по 1-му браку Квинъ — 31.
- Вяземская**, княжна Е. А. — см. Оболенская, княгиня.
- Вяземская**, княжна Екатерина Андреевна — см. Щербатова, княгиня.
- Вяземская**, княжна Марія Петровна — 163.
- Вяземская**, княжна Прасковья Петровна — 155.
- Вяземскіе**, князья — 23, 224.
- Вяземскій**, князь Андрей Ивановичъ — 31.
- Вяземскій**, князь Павелъ Петровичъ — 38, 46, 72, 75, 80, 89, 90, 96, 197, 231.
- Вяземскій**, князь Петръ Андреевичъ — 1, 9, 10, 11, 16, 19, 20, 31, 33, 35, 36, 37, 27, 38, 42, 43, 46, 53, 58, 61, 68, 69, 71, 73, 75, 76, 78, 80, 82, 84, 85, 86, 87, 88, 91, 92, 95, 96, 97, 98, 99, 101, 108, 113, 117, 119, 121, 125, 128, 130, 137, 143, 145, 158, 166, 167, 169, 172, 178, 179, 180, 183, 188, 189, 190, 193, 194, 195, 196, 198, 200, 201, 204, 208, 214, 230, 231, 239, 243, 246, 247.
- Гагарина**, княжна Вѣра Ѳедоровна — см. Вяземская, княгиня.
- Гагарины**, князья Григорій и Евгений Григорьевичи — 156.
- Гагенъ**, графъ — 236.
- Гаевскій**, Викторъ Павловичъ — 139, 228.
- Гаевскій**, Семень Ѳедоровичъ — 9, 11, 108, 125.
- Гайфатеръ**, пѣв. — 168.
- Галаховъ**, Павелъ Александр. — 126.
- Галдтъ-Эфенди**, министръ — 39.
- Галичъ**, Александръ Ивановичъ — 9, 107—110.
- Ганнибалъ**, Абрамъ Петровичъ — 19, 190.
- Гартунгъ**, Марія Александровна — см. Пушкина.
- Гастфрейндъ**, Николай Андреевичъ — 74, 138, 141.
- Гейне**, Генрихъ — 37.
- Геккерель**, баронъ Яковъ Ѳедоръ — 2, 53—54, 89.
- Гендриковы**, графы — 223.
- Геннади**, Григорій Николаевичъ — 70.
- Гербелъ**, Николай Васильевичъ — 230.
- Герценъ**, Александръ Ивановичъ — 154, 193, 233.
- Герцъ**, музыкантъ — 155.
- Гершензонъ**, Михаилъ Осиповичъ — 199, 209.
- Гёте**, В. — 77.
- Гиббонъ**, — 96.
- Гладковъ**, Иванъ Васильевичъ — 11, 124—125.
- Глазуновъ**, А. В. — 211.
- Глинка**, Григорій Андреевичъ — 185.
- Гляпка**, Михаилъ Ивановичъ — 97, 114, 121, 178.
- Глинка**, Сергѣй Николаевичъ — 179.
- Глинка**, Ѳедоръ Николаевичъ — 24, 25, 229—230.
- Глочестерскій**, Герцогъ — 53.
- Глюкъ**, супербинтендентъ — 223.
- Глявоие**, Софья Константиновна, по

1-му браку Виттъ — см. Потоцкая, графиня.
Гоголь, Николай Васильевич — 3, 12, 16, 57—58, 65, 95, 97, 99, 114, 116, 123, 128, 133, 134, 149, 172—173, 178, 196, 200, 203, 208, 249.
Гоголь-Яновскій, Василій Аванасевичъ — 208.
Голевъ, И. П. — 192.
Голешицева - Кутузова - Смоленская, княгиня Екатерина Ильинична, рожд. Бибикова — 195.
Голешицева-Кутузова, Елизавета Михайловна — см. Хитрово.
Голицына, княгиня Наталья Петровна — 12, 97, 132—133.
Голицына, княжна О. П. — 155.
Голицынъ, князь Александръ Николаевичъ — 63, 240.
Голицынъ, князь Владиміръ Сергѣевичъ — 9, 102 — 105.
Голицынъ, князь Григорій Сергѣевичъ — 132.
Голицынъ, князь Дмитрій Владиміровичъ — 130, 132, 133, 162, 190, 212, 216, 217.
Голицынъ, князь Иванъ Алексѣевичъ — 50.
Голицынъ, князь Иванъ Ѳеодоровичъ — 216—217.
Голицынъ, князь М. — 22 (см. стр. 216).
Голицынъ, князь Николай Николаевичъ — 216.
Голицынъ, князь Сергѣй Михайловичъ — 112.
Головкинъ, графъ Юрій Александровичъ — 240.
Голомбѣвскій, Александръ Александровичъ — 87.
Голохвастовъ, д. ст. сов. — 136.
Гончарова, Александра Николаевна — 236.
Гончарова, Екатерина Николаевна — см. Дантесъ-Геккеренъ, баронесса.
Гончарова, Наталья Ивановна, рожд. Загряжская — 58, 150.
Гончаровъ, Дмитрій Николаевичъ — 80, 160.

Гончаровы — 210.
Горбуновъ, Иванъ Ѳеодоровичъ — 97.
Горголи, Иванъ Саввичъ — 124.
Горнфельдъ, Аркадій Георгіевичъ — 77.
Горчаровъ, Владиміръ Петровичъ — 122, 194, 220.
Гофманъ, Модестъ Людвиговичъ — 51, 135.
Гофманъ, Э. Т. А. — 132.
Грековъ, В. — 74.
Гречъ, Николай Ивановичъ — 9, 36, 67, 77, 105—107, 114, 118, 121, 128, 168, 246.
Грибовскій, Адрианъ Моисеевичъ — 220.
Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ — 84, 100, 141, 235.
Григорій, архіепископъ — 242.
Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ — 97.
Гритти, графъ — 155.
Гротъ, Константинъ Яковлевичъ — 136.
Гротъ, Яковъ Карловичъ — 138, 159.
Губеръ, патеръ — 84.
Гурьева, графиня Марія Дмитріевна — см. Нессельродъ, графиня.
Гумбольдтъ, баронъ Александръ — 147.
Гюббенетъ, Николай Александровичъ — 110.
Гюго (Юго), Викторъ — 24, 226, 228.
Нило, Жанна — см. Моро.
Давидъ, Царь — 162.
Давыдова, Елизавета Алексѣевна, рожд. княжна Шаховская — 191.
Давыдова, Ольга Дмитріевна — см. Долгорукова, княгиня.
Давыдовъ, В. В. — 212.
Давыдовъ, Василій Денисовичъ — 32.
Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ — 25, 66, 84, 113, 117, 126, 153, 190, 230 — 231.
Давыдовъ, Дмитрій Александровичъ — 19, 190.
Даль, Владиміръ Ивановичъ — 91, 125, 174.
де-Данжо, маркизъ Филиппъ де-Курсильонъ — 5, 81 — 82.
Данилевскій, А. С. — 116.

- Даниловъ**, Вл. В. — 150.
Даниловъ, Н. М. — 36.
Дантесъ-Геккеренъ, баронъ Жоржъ (Егоръ Осиповичъ) — 7, 53, 75, 89, 90, 142, 236.
Дантесъ-Геккеренъ, баронесса Екатерина Николаевна, рожд. Гончарова — 25, 89, 236.
д'Арленкуръ, виконтъ — 158, 187.
Дашкова, княжна Екатерина Романовна — 3, 26, 60, 149, 245.
Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ — 16, 26, 34, 52, 78, 172, 173, 179, 237, 245, 247.
Дашковъ, князь Павелъ Михайловичъ — 60.
Делавинъ, Казимиръ — 53.
Деларю, Михаилъ Даниловичъ — 24, 174, 175, 227—228.
Деларю, Ѳедоръ Михайловичъ — 174.
Делиль, аббатъ — 158.
Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ — 65, 76, 120, 125, 228, 247, 248.
Денферъ, Августъ Ульяновичъ — 15, 165.
Денъ, фонтъ, Владиміръ Ивановичъ — 220.
Державинъ, Гавріиль Романовичъ — 95, 110, 159, 230.
Дибичъ, баронъ Иванъ Ивановичъ — 113, 140, 143.
Дивовъ, Павелъ Гавриловичъ — 42, 44, 51, 57, 64, 66, 82, 160, 162, 184, 202, 208, 215.
Диринъ, П. П. — 51, 52.
Дмитріевъ, И. Д., игрокъ — 50.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ — 31, 33, 34, 35, 36, 80, 81, 119, 130, 149, 186, 187, 244, 247.
Дмитріевъ, Михаилъ Александровичъ — 31, 150.
Довнаръ-Запольскій, М. В. — 251.
Долгорукова, княгиня Екатерина Ѳедоровна, рожд. княжна Бярятинская — 14, 77, 157—158, 168.
Долгорукова, княгиня Ольга Александровна, рожд. Булгакова — 22, 209, 212—214.
Долгорукова, княгиня Ольга Дмитриевна, рожд. Давыдова — 191.
Долгоруковъ, князь Александръ Сергѣевичъ — 213.
Долгоруковъ, князь Василій Васильевичъ — 5, 10, 77—78, 111, 157.
Долгоруковъ, князь Иванъ Михайловичъ — 89, 158.
Долгоруковъ-Крымскій, князь Василій Михайловичъ — 76.
Долгоруковъ, князь Петръ Владиміровичъ — 53, 191, 233, 234.
Долининъ (Искозъ), Аркадій Семеновичъ — 249.
Дондуковъ-Корсаковъ, князь Михаилъ Александровичъ — 26, 226, 244, 245.
Досноея, монахиня — 62.
Дохтуровъ, генераль — 192.
Драшусова, Е. А. — 117.
Дроздовъ, И. И. — 105.
Дубельтъ, Леонтій Васильевичъ — 234.
Дубровинъ, Николай Ѳедоровичъ — 251.
Дуко (Дуро), маркизь — 23, 222.
Dunin-Borkowski, J. S. — 134.
Дурнова, Александра Петровна, рожд. княжна Волконская — 168.
Дѣева, Ульяна Михайловна — см. де-Ламбертъ, графиня.
Евгеній, Митрополитъ — 145, 149.
да-Ега, графиня Юлія Павловна — см. Строганова, графиня.
Екатерина I, Императрица — 23, 223, 224.
Екатерина II, Императрица — 2, 3, 6, 17, 19, 20, 25, 43, 58—62, 68, 70, 76, 86, 88, 100, 101, 110, 132, 148, 151, 157, 159, 180, 181, 182, 184, 192, 193, 207, 220, 224, 233, 234, 250.
Елена Павловна, Великая Княгиня — 19, 25, 56, 71, 82, 88, 98, 133, 168, 175, 186—189, 233, 236.
Елисавета Алексѣевна, Императрица — 3, 62—63, 133.
Елисавета-Луиза, Прусская Кронпринцесса — 20, 204.
Елисавета Петровна, Императрица — 3, 49, 58, 61, 62, 169, 224, 249, 250.

- Ельницкій, Андрей Епифанович** — 229.
- Еггерц, Роман** — 134.
- Ермолова, Жозефина**—Шарлотта, рожд. Лассаль — 22, 220—221.
- Ермоловъ, Алексѣй Петрович** — 5, 19, 83—84, 191.
- Ермоловъ, Александръ Сергѣевичъ** — 221.
- Ермоловъ, Михаилъ Александровичъ** — 220—221.
- Ершовъ, Н. И.** — 156.
- Ефимовскіе, графы** — 223.
- Ефремовъ, Петръ Александровичъ** — 52, 125, 147, 161, 203, 220, 251.
- Жадимировскіе, купцы** — 226.
- Жанлисъ, писательница** — 81.
- Жедринскій, игрокъ** — 50.
- Жомини, баронъ Генрихъ Вильямовичъ** — 55.
- Жуковский, Василій Андреевичъ** — 1, 5, 8, 12, 14, 17, 18, 19, 26, 31—36, 38, 53, 56, 57, 59, 61, 64, 65, 69, 70, 72, 73, 76—78, 80, 95, 96, 99, 102, 110, 117, 120—124, 131, 145, 160, 162, 164, 171, 172, 174, 176, 178—182, 188, 196, 205, 206, 214, 223, 230, 234, 235, 239, 241—243, 246.
- Жуковъ, Василій Григорьевичъ** — 168.
- Jourdain, писатель** — 160.
- Заблоскій-Десятковскій, Андрей Пареновичъ** — 39, 41, 42, 191.
- Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ** — 207.
- Загаринъ, П. (Поливановъ, Л. И.)** — 77.
- Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ** — 63, 120.
- Загоскицъ, Сергѣй Михайловичъ** — 50, 97, 98.
- Загряжская, Екатерина Ивановна** — 12, 15, 58, 141 — 143.
- Загряжская, Елизавета Александровна** — см. Строганова, графиня.
- Загряжская, Наталія Ивановна** — см. Гончарова.
- Загряжская, Наталія Кирилловна, рожд. графиня Разумовская** — 3, 5, 58—59, 74, 83, 202, 236.
- Загряжская, Софья Ивановна** — см. Местръ, графиня.
- Загряжскій, Иванъ Александровичъ** — 58, 142.
- Загряжскій, Николай Александровичъ** — 58.
- Зайцевскій, Ефимъ Петровичъ** — 11, 106, 125—128.
- Замковъ, Николай Кузьмичъ** — 126, 229.
- Замятнина, красавица** — 97.
- Замятнинъ** — 97.
- Затворницкій, Николай Митрофановичъ** — 44, 114, 227.
- Зубова, графиня Н. П.** — 155.
- Зубова, княгиня Ѳекла Игнатъевна, рожд. Валентиновичъ**—см. Шувалова, графиня.
- Зубовъ, графъ Николай Александровичъ** — 91.
- Зубовъ, графъ Платонъ Александровичъ** — 18, 76, 180.
- Иваницкій, Николай Ивановичъ** — 131.
- Ивановскій, А. Д.** — 149.
- Игнатъевъ, графъ Павелъ Николаевичъ** — 15, 165.
- Измайловъ, Александръ Ефимовичъ** — 73.
- Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ** — 239, 244.
- Иксуль, баронъ Александръ Карловичъ** — 11, 123, 156.
- Изовъ, Иванъ Никитичъ** — 22, 39, 40, 217.
- Инсарскій, Василій Антоновичъ** — 116, 188.
- Инсиланти, князь Александръ Константиновичъ** — 38, 39, 40, 42.
- Инсиланти, князь Дмитрій Константиновичъ** — 39.
- Иринеи, архіепископъ** — 194.
- Искрицкій, Демьянъ Александр.** — 139.
- Иевлевы** — 225.
- Юганнъ, драгунъ** — 224.
- Каблуковъ, генераль** — 42.
- Каверинъ, Петръ Павловичъ** — 137.
- Казаковъ, Матвѣй Ѳеодоровичъ** — 207.

- Казарскій**, Александръ Ивановичъ — 126, 127.
- Казначеевъ**, Александръ Ивановичъ — 143.
- Казье**, m-lle — 235.
- Кайсаровъ**, генераль — 64.
- Калержи**, греческій полковникъ — 136.
- Каллашъ**, Владиміръ Владиміровичъ — 95, 153, 228, 249.
- Камоэнсъ**, — 184.
- Канкринъ**, графъ Егоръ Францовичъ — 26, 92, 245.
- Каннингъ**, Георгъ — 185.
- Каннингъ**, Г. Чарльсъ — 222.
- Каннингъ-Стратфордъ**, виконтъ Редклиффъ — 18, 23, 184—185.
- Кантакузенъ**, князь Г. М. — 39.
- Карабановъ**, Петръ Ѳедоровичъ — 249.
- Карамзина**, Екатерина Андреевна, до замужества Колыванова — 1, 3, 19, 31—35, 118, 122, 186, 190.
- Карамзина**, Екатерина Николаевна — см. Мещерская княгиня.
- Карамзина**, Софья Николаевна — 12 (?), 31, 32, 34, 70, 81, 122, 134, 186.
- Карамзинъ**, Андрей Николаевичъ — 35.
- Карамзинъ**, Николай Михайловичъ — 3, 31, 32, 34, 62, 63, 78, 81, 95, 129, 134, 145, 179, 186, 187, 238.
- Каратыгина**, Александра Михайловна — 115.
- Каратыгинъ**, Василій Андреевичъ — 115, 118.
- Карлъ X**, Король Французскій — 90.
- Карлъ**, пѣв. — 168.
- Карцова** — 112.
- Кардовъ**, Дмирій — 10, 112.
- Кардовъ**, П. П. — 177.
- Катенинъ**, Павелъ Александровичъ — 114, 197.
- Каховскій**, Петръ Григорьевичъ — 98.
- Кацдани**, пѣвецъ — 150.
- К-ва** — 8 (см. стр. 94).
- Квинъ**, Евгенія Ивановна, рожд. Орейли — см. Вяземская, княгиня.
- Квитницкій**, лейт. — 136.
- Кернъ**, Анна Петровна — 198.
- Кизеветтеръ**, Александръ Александровичъ — 165.
- Киндякова**, Екатерина Петровна, — см. Раевская.
- Кирѣевскій**, Иванъ Васильевичъ — 80.
- Киселева**, графиня Софья Станиславовна, рожд. графиня Потоцкая — 144.
- Киселевъ**, графъ Павелъ Дмитриевичъ — 19, 39, 41, 42, 144, 191.
- Киселевъ**, Сергѣй Дмитриевичъ — 193.
- Клари-и-Альдрингенъ**, княгиня Елизавета-Александра, рожд. графиня Фикельмонтъ — 38.
- Клари-и-Альдрингенъ**, князь Эдмундъ — 38.
- Клейнмихель**, графъ Петръ Андреевичъ — 15, 120, 165.
- Клеова**, Варвара Евтихievна — см. Лексъ.
- Княжевичъ**, Александръ Максимовичъ — 227.
- Княжевичъ**, Дмитрій Максимовичъ — 227, 228.
- Князевъ**, Анисимъ Титовичъ — 224.
- Кобеко**, Дмитрій Ѳоимичъ — 95, 137.
- Кобенцель**, графъ — 158.
- Козицкая**, Александра Григорьевна — см. Лаваль, графиня.
- Козловъ**, Иванъ Ивановичъ — 36, 179.
- Колмаковъ**, Николай Марковичъ — 151, 208, 228.
- Колошинъ**, декабристъ — 139.
- Колыванова**, Екатерина Андреевна — см. Карамзина.
- Кольцовъ**, Алексѣй Васильевичъ — 97.
- Колуцановъ**, Ниль Петровичъ — 32, 118.
- Комаровскій**, графъ Е. Е. — 154.
- Комбурлей**, Елизавета Михайловна — см. Бутурлина.
- Кони**, Анатолій Ѳедоровичъ — 188.
- Коновницынъ**, графъ А. П. — 212.
- Константигъ Павловичъ**, Великій Князь — 18, 23, 51, 82, 84, 87, 110, 180, 223.
- Копшинъ**, Николай Михайловичъ — 120.

Корниловичъ, Александръ Осиповичъ — 54.
Корніани, графъ — 150.
Корфъ, баронъ Модестъ Андреевичъ — 12, 64, 71, 75, 83, 88, 109, 128, **138** — 139, 194, 246.
Корфъ, баронъ Федоръ Андреевичъ — 12, 136, **139**, 232.
Коссаковская, графиня Александра Ивановна, рожд. графиня Лаваль — 12, **134**.
Коссаковский, графъ Станиславъ Осиповичъ — 134, 136.
Костровъ, Ермилъ Ивановичъ — 121.
Костюшко, Фаддей — 176.
Котляревскій, Петръ Степановичъ — 12, **143** — **144**.
Кодебу, Августъ — 109.
Кочетовъ, Іоакимъ Семеновичъ — 26, **242** — **243**.
Кочубей, княгиня Марія Васильевна, рожд. Васильчикова — 3, 58, **74**, 202.
Кочубей, князь Викторъ Павловичъ — 4, 7, 15, 19, 20, 58, 59, **74**, 76, 92, 157, 163, **201** — **203**, 240.
Кочубей, генеральный судья — 74.
Кошанскій, Николай Федоровичъ — 109.
Кошелевъ, Александръ Ивановичъ — 31, 32, 76, 97, 113, 118, 125, 126.
Краевскій, Андрей Александровичъ — 131.
Красовскій, Александръ Ивановичъ — 19, 27, 186, **189**, 247, 248.
Крестинъ, Фердинандъ — 104.
Кроткова, В. И. — 155.
Круглый, Александръ Осиповичъ — 127, 153.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ — 24, 50, 76, 97, 104, 117, 124, 131, 178, **228**, 230, 235.
Кубасовъ, Иванъ Андреевичъ — 67, 94, 98, 116.
Кукольникъ, Несторъ Васильевичъ — 10, 11, 107, **114**—**119**, 121, 129, 167.
Кульманъ, Елизавета — 247.
Кульманъ, Николай Карловичъ — 75.
Куракинъ, князь А. Б. — 50, 233.

де-Курваль, Амелія, дочь генерала Моро — 22, **221**.
де-Курваль, виконтъ — **221** — **222**.
Кутузовъ-Смоленскій, князь Михайль Иларіоновичъ — 50, 192, 195, 198, 199, 210.
Кучаковъ, Андрей — 91.
Кюстинъ, маркизъ — 251.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ — 109.
Кюхельбекеръ, Юстина Карловна — 111.
Лаблашъ, пѣвецъ — 159.
Лаваль, графиня Александра Григорьевна, рожд. Козицкая — 97, **134**, 174.
Лаваль, графиня Александра Ивановна — см. Коссаковская графиня.
Лаваль, графиня Екатерина Ивановна — см. Трубецкая княгиня.
Лваль, графиня Зинаида Ивановна — см. Лебцельтернъ, графиня.
Лаваль, графъ Иванъ Степановичъ — 12, 16, **134**, 174.
Лаваль, графиня Софья Ивановна — см. Борхъ, графиня.
Лагарпъ, Фридрихъ-Цезарь — 18, 158, **181**—**182**.
Ладюрнеръ, художникъ — 90.
Лазарева, Екатерина Эммануловна, рожд. Манукъ-бей — 136.
Лазаревъ, Христофоръ Якимовичъ — 136.
де-Ламбертъ, графъ Карлъ Осиповичъ — 173.
Lambert, Michel — 16, 172, 173.
де-Ламбертъ, графиня Ульяна Михайловна, рожд. Дѣва — 173.
Ланжеронъ, графъ Александръ Федоровичъ — 18, **182**—**183**, 251.
Ланская, Александра Петровна — см. Арапова.
Ланская, бывшая Полетика — 8, **98**.
Ланская, Елизавета Яковлевна — см. Сухтеленъ, графиня.
Ланская, Ольга Степановна — см. Одоевская, княгиня.
Ланской, графъ Сергѣй Степановичъ — 97, 218.

- Лассаль**, генераль — 220.
Лассаль, Жозефина -Шарлотта — см. Ермолова.
Лафонтенъ — 235.
Лебедевъ, Касторъ Никифоровичъ — 113, 137, 146.
Лебдльтернъ, графиня Зинаида Ивановна, рожд. графиня Лаваль — 134.
Лебдльтернъ, графъ Людвигъ — 134.
Левашовъ, графъ Василій Васильевичъ — 64, 240.
Лесса, О. С. — 41.
Лексъ, Варвара Евтихievна, рожд. Кленова — 220.
Лексъ, Елена Михайловна — см. Волоцкая.
Лексъ, Иванъ Михайловичъ — 220.
Лексъ, Михаилъ Ивановичъ — 22, 217—220.
Лексъ, Софья Михайловна — см. Огарова.
Лексъ, Юлія Михайловна — 220.
Лелевель, Іоакимъ — 13, 14, 152—154.
Лемке, Михаилъ Константиновичъ — 154.
Лемонтэ — 81, 82.
Ленскій, Адамъ Осиповичъ — 23, 222—223.
Ленцъ, Василій Васильевичъ — 47, 90, 97, 131, 159, 205.
Лермонтова, Екатерина Юрьевна — см. Свиньина.
Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ — 32, 33, 43, 49, 70, 95, 99, 123, 178, 196.
Лернеръ, Николай Осиповичъ — 39, 42, 57, 72, 89, 99, 107, 133, 135, 138, 143, 145, 149, 152, 153, 154, 190, 203, 220, 229, 245.
Ливенъ, княгиня Дарья Христофоровна, рожд. Бенкендорфъ — 37, 54, 184.
Ливенъ, княгиня Шарлотта Карловна, рожд. Поссе — 183.
Ливенъ, князь Христофоръ Андреевичъ — 18, 183—184.
Липранди, Иванъ Петровичъ — 39, 41, 193, 218, 219, 220.
Лисенковъ, Иванъ Тимоѳеевичъ — 211.
Литга, графиня Екатерина Васильевна, рожд. графиня Скавронская — 159.
Литга, графъ Юлій Помпеевичъ — 14, 136, 159—160.
Лобанова-Ростовская, княгиня А. Г. — 155.
Лобанова-Ростовская, княгиня К. А. — 155.
Лобанова-Ростовская, княжна Екатерина — 79.
Лобановъ-Ростовскій, князь Алексѣй Борисовичъ — 98.
Лоде, проф. — 188.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ — 148, 150, 176, 230.
Лонгиновъ, Михаилъ Николаевичъ — 123.
Лонгиновъ, Николай Михайловичъ — 201.
Лопухина, дѣвица — 103.
Лопухинъ, князь Петръ Васильевичъ — 98.
Лореръ, Николай Ивановичъ — 82, 100, 249.
Лубяновскій, Ѳедоръ Петровичъ — 136.
Лудмеръ, Я. И. — 51.
Лукомскій, Владиславъ Крескентьевичъ — 224.
Львовичъ, Г. Ѳ. — 251.
Львовъ, Алексѣй Ѳедоровичъ — 155, 156.
Львовъ, П. А. — 228.
Львовы, М. и Н. Ѳ. — 156.
Любецкій, князь — 222.
Любимовъ, Сергѣй Васильевичъ — 137.
Людювикъ XIV, Король Французскій — 81, 82.
Людювикъ XVI, Король Французскій — 62, 132.
Людювикъ XVIII, Король Французскій — 54, 206.
Люденко, Ефимъ Петровичъ — 128.
Ляцкій, Евгенийъ Александровичъ — 124, 201.
Маврянъ, сенаторъ — 187.
Магицкій, Михаилъ Михайловичъ, — 93, 193.

- Мадатовъ**, князь В. Г. — 187.
Майкова, Надежда Аполлоновна — см. Свиньина.
Мазепа, И. С., гетманъ — 74.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ — 39, 43, 59, 81, 138.
Макаровъ, Александръ Николаевичъ — 83.
Макаровъ, Михаилъ Николаевичъ — 48.
Максимилианъ, Король Баварскій — 204.
Малиновская, Анна Васильевна, — см. Ровень, баронесса.
Малиновская, Марія Васильевна — см. Вольховская.
Малиновская, Марія Ивановна, рожд. Пушина, — 141.
Малиновскій, Иванъ Васильевичъ — 141.
Маловъ, Алексѣй Ивановичъ — 242.
Манахтинъ, генераль — 192.
Манзей, Константинъ Николаевичъ — 137.
Марія Александровна, Императрица — 46.
Марія Антуанета, Королева — 132.
Марія Николаевна, Великая Княжна — 211, 241.
Марія Феодоровна, Императрица — 3, 9, 62, 63, 69, 88, 99, 102, 103, 104, 159, 237.
Марковъ, Михаилъ Александровичъ — 208.
Мартынова, Нина Саввична — см. Баграціонъ, княгиня.
Мартыновъ, Николай Соломоновичъ — 49.
Мартыновъ, Павелъ Петровичъ — 4, 25, 63 — 64, 226, 236 — 237.
Мартыновъ, Савва Михайловичъ — 1, 49 — 50, 249. *
Марченко, Василий Романовичъ — 50.
Масальскій, Константинъ Петровичъ — 107, 169.
Масловъ, Степанъ Алексѣевичъ — 91, 190.
Мауреръ, музыкантъ — 155.
Медемъ, графъ Павелъ Ивановичъ — 18, 183.
Межовъ, Владиміръ Измаиловичъ — 221.
Мезонъ, графъ (comte Joseph Maison), маршалъ — 20, 206.
Мейендорфъ, баронесса О. Ф. — 155.
Меллеръ - Закомельская, баронесса К. Н. — 155.
Меллеръ-Закомельскій, баронъ — 50.
Меншиковъ, князь Александръ Сергѣевичъ — 4, 65 — 66, 87, 123, 143.
Меншуткины, купцы — 226.
Мердеръ, Карлъ Карловичъ — 15, 16, 163 — 165, 169, 241.
Мердеръ, Марія Карловна — 165.
де-Местръ, графиня Софья Ивановна, рожд. Загрязская — 58, 143.
де-Местръ, графъ Ксаверій — 100, 143.
Metman, Louis — 236.
Меттернихъ, графъ — 37, 38.
Мещерская, княгиня Екатерина Николаевна, рожд. Карамзина — 18, 34, 35, 112, 186.
Мещерскій, князь Александръ Васильевичъ — 32, 70, 112.
Мещерскій, князь Владиміръ Петровичъ — 112.
Мещерскій, князь Николай Петровичъ — 186.
Мещерскій, князь Петръ Ивановичъ — 10, 18, 112, 186.
Миллеръ, Пав. Ив. — 174, 175.
Милорадовичъ, графъ Михаилъ Андреевичъ — 16, 75, 169, 170.
Мининъ, Кузьма — 115.
Минихъ, графъ Б.-Х. — 60.
Михайловскій - Данилевскій, Александръ Ивановичъ — 187, 251.
Михаилъ Павловичъ, Великій Князь — 2, 4, 6, 7, 15, 16, 17, 21, 23, 55—56, 62, 66, 72, 81, 82, 92, 98, 133, 155, 162, 186 — 189, 197, 211, 220, 223, 225.
Михневичъ, Владиміръ Осиповичъ — 170.
Мицкевичъ, Адамъ — 23, 176, 223.
Мняшекъ, Марина — 115.
Модень, графъ Гавріиль Франц. — 98.

- Модзалевскій, Борисъ Львовичъ** — 32, 34, 37, 40, 43, 54, 65, 68, 70, 82, 83, 94, 102, 105, 107, 110, 112, 117, 118, 119, 121, 128, 140, 141, 144, 146, 171, 179, 190, 199, 208, 210, 223, 224, 242, 247.
- Модзалевскій, Вадимъ Львовичъ** — 74, 98, 137.
- Мольеръ** — 16, 172, 173.
- Монферранъ** — 170.
- Мордвиновъ, Александръ Николаевичъ** — 61, 157.
- Мордвиновъ, Николай Семеновичъ** — 169.
- Морнау, вояжеръ** — 198.
- Моро, Амелія** — см. Курваль.
- Моро, Жанна, рожд. Hulot** — 221.
- Моро, Жанъ-Викторъ** — 22, 221.
- Морозовъ, А. В.** — 67.
- Морозовъ, Петръ Осиповичъ** — 58, 98, 99, 149, 172, 188.
- Мозартъ**, — 116.
- М. Р.** — 147, 148.
- Муравьевъ, Андрей Николаевичъ** — 227.
- уравьевъ, Николай Николаевичъ** — 68, 140.
- уравьевъ-Апостолъ, Мѣтвій Ивановичъ** — 98.
- акевичъ, Николай Никифоровичъ** — 138, 227.
- Мурзановъ, Николай Алексѣевичъ** — 50, 192, 250.
- Мусина-Пушкина, графиня Варвара Алексѣевна** — см. Трубецкая, княгиня.
- Мусины-Пушкины** — 224.
- хановъ, Александръ Алексѣевичъ** — 201.
- Мухановъ, Николай Алексѣевичъ** — 85, 113.
- Мухановъ, Павелъ Александровичъ** — 31, 32.
- Муширъ-Ахметъ-Паша, Турецкій посланникъ** — 1, 41, 49.
- Мысловскій, Петръ Николаевичъ** — 242.
- Мѣвъ, подполковникъ** — 87.
- Мясново, родъ** — 225.
- Мятлевы, родъ** — 224.
- Мятлевъ, Иванъ Петровичъ** — 4, 46, 70 — 72, 96, 111, 178, 203.
- Надеждинъ, Борисъ Алексѣевичъ** — 135.
- Надеждинъ, Николай Ивановичъ** — 194, 201.
- Назимовъ, Гавріиль Петровичъ** — 212.
- Наполеонъ Бонапартъ** — 36, 90, 100, 158, 181, 206, 221.
- Нарская, Вѣра Александровна** — см. Нащокина.
- Нардовъ, Алексѣй Никол.** — 50, 64.
- Нарышкина, Марія Антоновна, рожд. княжна Четвертинская** — 103, 144.
- Нарышкина, Ольга Станиславовна, рожд. графиня Потоцкая** — 12, 144.
- Нарышкинъ, Дмитрій Львовичъ** — 167.
- Нарышкинъ, Кириллъ Александровичъ** — 10, 14, 15, 111, 160, 163, 240.
- Нарышкинъ, Левъ Александровичъ** — 144.
- Нарышкинъ, Михаилъ Михайловичъ** — 113.
- Нарышкины** — 100.
- Нарѣжный, Василій Тимоѣевичъ** — 57.
- Нащокина, Вѣра Александровна, рожд. Нарская**, — 201.
- Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ** — 19, 38, 72, 80, 92, 110, 199 — 201, 231, 232, 244.
- Нащокинъ, Павелъ Павловичъ** — 201.
- Невѣровъ, Яннуарій Михайловичъ** — 115.
- Негри, Александръ Феоdorовичъ** — 139.
- Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ**, — 32, 124.
- Нелединый-Мелецкій, Юрій Александровичъ** — 187, 196.
- Нелидова, Марія Александровна, дочь княжны Туркестановой** — 103, 104.
- Нелидовъ, Аркадій Ивановичъ** — 242.
- Нелидовъ, Иванъ Аркадьевичъ** — 104.
- Непотъ, Корнелій** — 109.
- Нессельроде, графиня Елена Карловна** — см. Хрептовичъ, графиня.

- Нессельроде**, графъ Карлъ Васильевичъ — 4, 74—75, 79, 122, 130, 171, 205, 240, 249.
- Нессельроде**, графиня Марія Дмитриевна, рожд. графиня Гурьева — 75, 171.
- Неѣловъ**, Сергѣй Алексѣевичъ — 209.
- Никитенко**, Александръ Васильевичъ — 24, 27, 44, 50, 55, 73, 74, 106, 108, 109, 116, 118, 119, 129, 146, 189, 226, 227, 243—247.
- Никитинъ 1-й**, генераль — 64.
- Никитинъ**, Андрей Аванасьевичъ — 136.
- Никитинъ**, Василій Павловичъ — 51.
- Никитинъ**, Павелъ Ефимовичъ — 1, 50—51.
- Николай I**, Императоръ — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 38, 41—44, 49, 51, 52, 55 — 57, 61, 63, 65, 66, 68, 71, 73, 75, 76, 79, 80, 82, 86, 88—92, 96, 98, 99, 102, 110, 111, 115, 129, 130, 132, 133, 146, 153, 155, 160 — 163, 168 — 170, 174, 175, 178, 180, 184, 185, 191, 202, 204 — 206, 208, 211 — 216, 222, 225, 227, 232, 234, 237, 238, 240, 241, 243, 246.
- Николай Михайловичъ**, Великій Князь, — 44, 59, 62, 63, 66, 78, 87, 89, 99, 105, 111, 112, 132, 134, 144, 157, 160, 173, 181, 183, 184, 188, 203, 208, 214, 232, 250, 251.
- Ниротморцевъ**, А. А. — 156.
- Нистремъ**, Карлъ — 190.
- Новиковъ**, Николай Ивановичъ — 61.
- Новосильцова** — 202.
- Новосильцова**, М. Н. — 156.
- Новосильцовъ**, Николай Николаевичъ — 182.
- Новосильцовъ**, Николай Петровичъ — 242.
- Нордингъ**, Густавъ — 23, 223.
- Нордштейнъ**, инженеръ — 236.
- Норманъ**, кормилица Екатерины II — 6, 86.
- Норманъ**, (Леэрманъ), Симоиъ — 5, 6, 86, 250.
- Норманъ**, Фѣдоръ Карповичъ (Карловичъ) — 250.
- Норовъ**, Абрамъ Сергѣевичъ — 10, 250.
- дю-Норъ**, графъ и графиня (Павель I-й и Марія Фѣодоровна) — 62.
- Ностицъ**, графиня Александра Александровна, рожд. Раевская — 210.
- Ностицъ**, графъ Иванъ Григорьевичъ — 210.
- Нѣмцовъ**, М. — 208.
- Оболевская**, княгиня Екатерина Андреевна, рожд. княжна Вяземская — 31.
- Оболевская**, княжна Наталя — 163.
- Оболевскій**, князь Евгенийъ Петровичъ — 140.
- Обольяниновъ**, Николай Александровичъ — 78, 238.
- Обортей**, Идалія Григорьевна — см. Полетика.
- Обрѣзкова**, Екатерина Дмитриевна — см. Суццо, княгиня.
- Огарева**, Софья Михайловна, рожд. Лексъ — 220.
- Одоевская**, княгиня Ольга Степановна, рожд. Ланская — 8, 97, 98.
- Одоевскій**, князь Владиміръ Фѣдоровичъ — 8, 9, 11, 12, 36, 80, 96—98, 105, 106, 107, 108, 119, 125, 132, 134, 156, 172, 178, 188.
- Оже**, Ипполитъ — 78, 84.
- Озеровъ**, Владиславъ Александровичъ — 118.
- Оленина**, Анна Алексѣевна, по мужу Андро — 155.
- Оленины** — 228.
- Оленинъ**, Алексѣй Николаевичъ — 139.
- Ольга Андреевна**, цыганка — 201.
- Ольга Николаевна**, Великая Княжна — 241.
- Ольденбургскій**, Принцъ Петръ — 113.
- Ольденбургъ**, Сергѣй Фѣдоровичъ — 178.
- Онѣгинъ**, Александръ Фѣдоровичъ — 146, 245.
- Оранскій**, Принцъ — 161.
- Орейли**, Евгения Ивановна — см. Вяземская, княгиня.

Орловскій, Александръ Осиповичъ — 238.
Орловы — 101.
Орловъ, князь — 59.
Орловъ, графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ — 1, 9, 49, 105, 240.
Орловъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ — 41, 119, 192, 193, 194.
Орловъ, Ф. — 90.
Осипова, Екатерина Григорьевна — см. Бологовская.
Осипова, Прасковья Александровна — 153.
Остенъ-Сакенъ, графъ Дмитрій Ероеевичъ — 140.
Павель I, Императоръ — 9, 18, 19, 20, 25, 44, 58, 59, 60, 80, 91, 92, 102, 105, 110, 157, 159, 181, 183, 184, 192, 193, 207, 208, 224, 233, 237, 250.
Павлицева, Ольга Сергѣевна, рожд. Пушкина — 95, 110, 142.
Павлицевъ, Николай Ивановичъ — 211.
Павловъ-Сильванскій, Николай Павловичъ — 42.
Павскій, Герасимъ Петровичъ — 26, 240—241, 243.
фонъ-деръ-Паленъ, графиня Юлія Павловна — см. Тизенгаузенъ, графиня.
фонъ-деръ-Паленъ, графъ Петръ Алексѣевичъ — 21, 208.
Паллаци, Г. — 148.
Панаева-Головачева, Авдотья Яковлевна — 116, 121.
Панаевъ, Владиміръ Ивановичъ — 169, 208, 233, 242.
Панаевъ, Иванъ Ивановичъ — 32, 121.
Панина, графиня Наталія Павловна, рожд. графиня Тизенгаузенъ — 237.
Панинъ, графъ Викторъ Никитичъ — 25, 137, 237.
Панчулдзевъ, д. ст. сов. — 136.
Панчулдзевъ, Сергѣй Алексѣевичъ — 207.
Паскевичъ, Степанъ Ѳеодоровичъ — 12, 136—137.
Паскевичъ-Эриванскій, графъ Иванъ Ѳеодоровичъ — 12, 136, 137, 140, 141, 161—164, 183, 204, 206.

Пассекъ, Вадимъ Васильевичъ — 207.
Пекарскій, Петръ Петровичъ — 110.
Пеньковскій, Іосифъ Матвѣевичъ — 210.
Перепелкинъ, А. П. — 190.
Перовскій, графъ Василій Алексѣевичъ — 4, 6, 53, 64—65, 87, 196.
Пестель, Павелъ Ивановичъ — 1, 41—42, 98, 249.
Петерсонъ — 188.
Петрищева, Надежда Ѳеодоровна, рожд. графиня Апраксина — 136.
Петрово-Солово, Анна Григорьевна, рожд. княжна Щербатова — 91.
Петрово-Солово, Ѳеодоръ Николаевичъ — 91.
Петръ I, Императоръ — 18, 26, 61, 79, 110, 139, 148, 150, 169, 170, 223—225, 238 — 239.
Петръ III, Императоръ — 3, 16, 59, 60, 62, 157, 169.
де-Пина, маркизъ Эммануилъ Ивановичъ — 7, 89—90.
Писемская, Екатерина Павловна, рожд. Свиньина — 150.
Писемскій, Алексѣй Ѳеофилактовичъ — 150.
Платонъ, митрополитъ — 194.
Плетневъ, Петръ Александровичъ — 33, 56, 57, 65, 85, 99, 106, 107, 117, 172, 178, 198, 228, 239, 245, 246, 247.
Плещеева, Наталья Ѳеодотовна — 136.
Плещеевъ, Александръ Алексѣевичъ — 77.
Плюшаръ, Адольфъ Александровичъ — 9, 105, 106, 221.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ — 40, 118, 119, 120, 199, 238.
Подолинскій, Андрей Ивановичъ — 228.
Пожарскій, князь Дмитрій Михайловичъ — 115.
Позенъ, Михаилъ Павловичъ — 143.
Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичъ — 118, 150.
Полевой, Николай Алексѣевичъ — 9, 12, 13, 14, 107, 119, 128—130, 131, 150, 158, 212.

Полетика-Ланская, — 8, 98.
Полетика, Ал-дръ Михайловичъ — 151.
Полетика, Идалія Григорьевна, рожд. Обортей — 151.
Полетика, Петръ Ивановичъ — 17, 18, 19, 178—180, 187, 190, 193, 240.
Полицарпъ, архимандритъ — 242.
Полиевктовъ, Михаилъ Александровичъ — 185.
Полонскій, Яковъ Петровичъ — 56, 99, 191.
Полгорацкій, Сергѣй Дмитриевичъ — 160, 201.
Полюе, графъ Адольфъ Александровичъ — 111.
Полюе, графиня Варвара Петровна — см. Бутера, княгиня.
Полъновъ, Василій Алексѣевичъ — 242.
Поляковъ, Александръ Сергѣевичъ — 54, 75, 89, 107.
Полянская, Елизавета Ивановна, рожд. графиня Рибопьеръ — 104.
Поповъ, Гавріиль Степановичъ — 136.
Поповъ, Михаилъ Максимовичъ — 239, 251.
Потемкинъ-Таврическій, князь Г. А. — 14, 42, 59, 101, 104, 157, 158, 159.
Потоцкая, графиня Ольга Станиславовна — см. Нарышкина.
Потоцкая, графиня Софья Константиновна, рожд. Глявоне, по 1-му браку графиня Виттъ — 144.
Потоцкая, графиня Софья Станиславовна — см. Киселева, графиня.
Пондо-ди-Борго, графъ Карлъ Осиповичъ — 183.
Пржедлавскій, Осипъ Адамовичъ — 222, 238.
Поссе, Шарлотта Карловна — см. Ливень, княгиня.
Пугачева, Аграфена — 6, 86—87.
Пугачевъ, Емельянъ — 5, 6, 19, 81, 86, 189, 244.
Пулавскій — 13.
Пуятина, княгиня Елизавета Карловна — см. Сиверсъ, графиня.
Пуятинъ, князь Николай Авраамовичъ — 31.

Пушкаревъ, И. И. — 169.
Пушкина, Анна Львовна — 189.
Пушкина, Марія Александровна, въ замужествѣ Гартунгъ — 158, 206.
Пушкина, Наталья Николаевна — 5, 6, 7, 8, 12, 14, 17, 21, 22, 25, 58, 81, 84, 89, 141, 142, 161, 200, 214, 222, 231, 232, 236.
Пушкина, Ольга Сергѣевна — см. Павлищева.
Пушкинъ, Александръ Александровичъ — 158, 206.
Пушкинъ, Александръ Петровичъ — 210.
Пушкинъ, Василій Львовичъ — 72, 91, 133, 158, 192, 193.
Пушкинъ, Иванъ Ивановичъ — 210.
Пушкинъ, Левъ Александровичъ — 210.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ — 43, 83, 94, 199, 211.
Пушкинъ, Нелюбъ Ивановичъ — 224.
Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ — 31, 192, 193, 210, 213.
Пушкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ — 210.
Пушина, Марія Ивановна — см. Малиновская.
Пушинъ, Иванъ Ивановичъ — 140, 141.
Пушинъ, Павелъ Сергѣевичъ — 41.
Пыляевъ, Михаилъ Ивановичъ — 102.
Пышинъ, Александръ Николаевичъ — 124, 182, 234.
Радзивиллъ, княжна Стефанія Доминиковна — см. Витгенштейнъ, графиня.
Радищевъ, Александръ Николаевичъ — 61.
Радловъ, Эрнестъ Львовичъ — 110.
Радша — 224.
Раевская, Александра Александровна — см. Ностицъ, графиня.
Раевская, Екатерина Петровна, рожд. Киндякова — 209.
Раевская, Марія Николаевна — см. Волконская, княгиня.
Раевскій, Александръ Николаевичъ — 21, 208—210.
Раевскій, Николай Николаевичъ (младшій) — 104, 137, 140, 141, 144.

- Раевскій**, Николай Николаевич (старшій) — 39.
- Разумовская**, графиня Елисавета Кирилловна — 59.
- Разумовская**, графиня Наталья Кирилловна — см. Загряжская.
- Разумовскіе**, графы — 101.
- Разумовскій**, графъ Кирилль Григорьевичъ — 3, 58, 59, 61, 62, 124.
- Рахмановъ**, (Семень Ѳедоровичъ?) — 231, 232.
- Реймерсъ** — см. Ремеръ, Н. Ѳ.
- Рекамь** — 158.
- Ремеръ**, Николай Ѳедоровичъ — 79, 156, 160, 212.
- Репнина**, княжна Варвара Николаевна — 59.
- Репнинъ**, князь Николай Григорьевичъ — 206.
- Рехенбергъ**, Гр. — 149.
- Ржевскіе** (родъ) — 23, 224.
- Рибопьеръ**, графиня Е. И. — см. Полянская.
- Рибопьеръ**, графъ Александръ Ивановичъ — 185, 246.
- Ривароль**, — 158.
- Рихтеръ**, А. Е. — 156.
- Ричардъ**, сынъ Эдуарда IV, Короля Англійскаго — 53.
- Риччи**, композиторъ — 155.
- Роганъ**, княгиня Екатерина Петровна — см. Трубечкая, княгиня.
- Розановъ**, И. Н. — 229, 230.
- Розбергъ**, Михаилъ Павловичъ — 220.
- Розенъ**, баронесса Анна Васильевна, рожд. Малиновская — 141.
- Розенъ**, баронъ Андрей Евгеньевичъ — 141.
- Рѳзенъ**, баронъ Григорій Владиміровичъ — 141.
- Розенъ**, баронъ Егоръ Ѳедоровичъ — 11, 114, 117, 120 — 121.
- Розовъ**, В. А. — 77.
- Романовичъ-Славатинскій**, А. — 169.
- Романовы** — 226.
- Росетъ**, Александра Осиповна — см. Смирнова.
- Россини** — 155, 156.
- Ростовцевъ**, Яковъ Ивановичъ — 227.
- Ростопчина**, графиня Евдокія Петровна, рожд. Сушкова — 33, 199.
- Ростопчинъ**, графъ Ѳедоръ Васильевичъ — 100, 101, 186.
- Роткирхъ**, В. А. (псевд. Теобальдъ) — 115.
- Рошешуаръ**, графъ — 173.
- Рубини**, М. Ю., пѣв. — 156.
- Рубинштейнъ**, Антонъ Григорьевичъ — 188.
- Рубцовъ**, корнетъ — 137.
- Руммель**, Василій Владиміровичъ — 41.
- Руничъ**, Дмитрій Павловичъ — 108.
- Румянцовъ**, графъ Николай Петровичъ — 149, 210.
- Румянцовъ**, графъ Сергѣй Петровичъ — 21, 210.
- Руселе** — 96.
- Рыжовъ**, Алексѣй Ивановичъ — 189.
- Рылѣевъ**, Кондратій Ѳедоровичъ — 98.
- Рыхлевскій**, Андрей Ивановичъ — 148.
- Саблуковъ**, Николай Александровичъ — 91.
- Сабуровъ**, П. И. — 212.
- Савва**, Преосвященный — 240.
- Савоини**, генераль — 64.
- Садовойской**, Борисъ Александровичъ — 231.
- Сайтовъ**, Владиміръ Ивановичъ — 95, 99, 150.
- Сакулянъ**, Павелъ Никитичъ — 98.
- Салтыкова**, Варвара Сергѣевна — см. Бологовская.
- Салтыкова**, Александра Сергѣевна, рожд. Салтыкова — 47.
- Салтыкова**, Евдокія Михайловна, рожд. княжна Бѣлосельская — 46.
- Салтыковъ**, Василій Петровичъ — 46.
- Салтыковъ**, Михаилъ Евграфовичъ — 248.
- Салтыковъ**, Михаилъ Сергѣевичъ — 47.
- Салтыковъ**, Сергѣй Васильевичъ — 1, 7, 22, 46—49, 87, 220.
- Самаринъ**, Юрій Ѳедоровичъ — 33.
- Самойлова**, графиня Софья Александровна — см. Бобринская, графиня.

де-Санглежъ, Яковъ Ивановичъ — 193.
Сафоновичъ, Валеріанъ Ивановичъ — 59.
Свербеевъ, Дмитрій Николаевичъ — 111, 122, 234, 240.
Свиньина, Екатерина Павловна — см. Писемская.
Свиньина, Екатерина Юрьевна, рожд. Лермонтова — 150.
Свиньина, Надежда Аполлоновна, рожд. Майкова — 150.
Свиньина, Настасья Павловна — 150.
Свиньинъ, Аполлонъ Павловичъ — 150.
Свиньинъ, Павелъ Петровичъ — 9, 13, 61, 106 — 108, 120, 147 — 150.
Сегюръ, графъ — 153, 158.
Семевскій, Василій Ивановичъ — 39.
Семевскій, Михаилъ Ивановичъ — 66.
Семеновъ, Петръ Николаевичъ — 139.
Sainte-Beuve — 82.
Saint-Simon — 81.
Сенковский, Осипъ Ивановичъ — 81, 106, 107, 128, 231.
Серафимъ, Митрополитъ — 24, 26, 124, 224, 227, 241, 242, 243.
Сервантесъ — 77.
Сиверсъ, Александръ Александровичъ — 31, 53, 94, 140.
Сиверсъ, Елизавета Карловна, рожд. графиня Сиверсъ, по 2-му браку княгиня Путятина — 31.
Сиверсъ, графъ Яковъ Ефимовичъ — 31.
Сидонскій, свящ. — 107.
Скабичевскій, Александръ Михайловичъ — 128, 247, 251.
Скавронская, графиня Екатерина Васильевна — см. Литта, графиня.
Скавронская, Марта — 224.
Скавронскіе — 223.
Скарятина, Елена Григорьевна, рожд. графиня Шувалова — 92.
Скарятинъ, Наталья Григорьевна, рожд. княжна Щербатова — 91.
Скарятинъ, Александръ Яковлевичъ — 92, 250.
Скарятинъ, Владиміръ Яковлевичъ — 92, 212.

Скарятинъ, Григорій Яковлевичъ — 92.
Скарятинъ, Николай Яковлевичъ — 92.
Скарятинъ, Яковъ Федоровичъ — 7, 8, 9, 10, 91 — 92, 102, 110, 250.
Скарятинъ, Федоръ Яковлевичъ — 92.
Скобелевъ, Иванъ Никитичъ — 4, 67.
Скрибъ — 239.
Слоимскій, Александръ Леонидовичъ — 42, 98.
Смирдинъ, Александръ Филипповичъ — 4, 24, 57, 72 — 74, 108, 128, 247.
Смирнова, рожд. Тимашева — 167.
Смирнова, Александра Осиповна, рожд. Россетъ — 8, 12, 13, 16, 17, 19, 34, 35, 37, 38, 42, 56, 59, 61, 62, 64, 68, 76, 80, 87, 90, 93, 94, 96, 99, 100, 101, 102, 112, 121—123, 124, 131, 147, 154, 161, 166—167, 173, 178, 180, 183, 185, 191, 193, 195, 196, 203, 223, 230, 234, 235, 238, 250.
Смирнова, Надежда Николаевна — см. Соренъ.
Смирнова, Ольга Николаевна — 90, 98, 100, 112, 167, 173, 234, 235, 238.
Смирнова, Софья Михайловна — 25, 234—236.
Смирнова, Софья Николаевна — см. Трубецкая, княгиня.
Смирнова, Федосья Петровна, рожд. Бухвостова — 122.
Смирновъ, Владиміръ Саввичъ — 11, 123—124.
Смирновъ, Георгій Михайловичъ — 167.
Смирновъ, Михаилъ Николаевичъ — 167.
Смирновъ, Михаилъ Петровичъ — 122.
Смирновъ, Николай Михайловичъ — 11, 17, 19, 31, 54, 80, 96, 99, 121—123, 124, 178, 191, 196, 197, 230, 234, 238, 250.
Смоленскіе, князья — 225.
Снарская, Антуанета Станиславовна — см. Витгенштейнъ, графиня.
Снегиревъ, Иванъ Михайловичъ — 122, 149.
Соболевскій, Сергѣй Александровичъ — 8, 33, 86, 94—96, 110, 126, 154, 178, 194, 199, 212, 219.
Соймоновъ, Александръ Николаевичъ — 94.

- Соколовскій**, Владиміръ Игнатъевичъ — 194.
- Соколовскій**, Михаилъ Константиновичъ — 56.
- Соколовъ**, Дмитрій Николаевичъ — 64.
- Соколовъ**, Петръ Ивановичъ — 242.
- Соловова**, Н. А. — 156.
- Соловьевъ**, Николай Васильевичъ — 64.
- Соллогубъ**, графиня Н. Л. — 155.
- Соллогубъ**, графъ А. Н. — 156.
- Соллогубъ**, графъ Владиміръ Александровичъ — 33, 74, 95, 96, 111, 117, 144, 145, 158, 196, 197, 222, 223.
- Соломирскій**, Владиміръ Дмитріевичъ — 89.
- Соломирскій**, Павель Дмитріевичъ — 137.
- Сомовъ**, полковникъ — 216.
- Сомовъ**, Орестъ Михайловичъ — 125.
- de Sonis**, comte F. — 38.
- Соренъ** — 167.
- Соренъ**, Надежда Николаевна, рожд. Смирнова — 167.
- Сперанскій**, графъ Михаилъ Михайловичъ — 5, 11, 83, 128, 145, 192, 193, 207, 208, 211, 251.
- Спонтини**, муз. — 155.
- Ст. (?)** — 4, 72.
- Стакельбергъ**, графиня Аделаида Андреевна — см. Унгернъ-Штернбергъ, графиня.
- Стакельбергъ**, графиня Аделаида Павловна, рожд. графиня Тизенгаузенъ — 2, 53, 237.
- Стакельбергъ**, графъ Рейнгольдъ-Андрей — 53.
- Станкевичъ**, Николай Владиміровичъ — 115, 116.
- Старчевскій**, Альбертъ Викентъевичъ — 35.
- Столбцовъ**, С. А. — 247.
- Столяпнскій**, Петръ Николаевичъ — 128.
- Стольпина**, Марія Васильевна, рожд. княжна Трубецкая — см. Воронцова, княгиня.
- Стольпинъ**, А. Г. — 87.
- Странфордъ**, виконтъ, лордъ Пенгёрстъ — 18, 184—185.
- Стратфордъ-Каннингъ**, лордъ — см. Каннингъ, виконтъ Редклиффъ.
- Строганова**, графиня — 168, 186.
- Строганова**, баронесса Прасковья Григорьевна — см. Будакова.
- Строганова**, графиня Анна Сергѣевна, рожд. княжна Трубецкая — 151.
- Строганова**, баронесса В. А. — см. Шаховская, княгиня.
- Строганова**, графиня Елизавета Александровна, рожд. Загряжская — 150.
- Строганова**, графиня Н. П. — 151.
- Строганова**, графиня Юлія Павловна; рожд. д'Альмейда, графиня д'Оейгаузенъ, по 1-му браку графиня да-Ега — 151.
- Строгановъ**, баронъ Александръ Николаевичъ — 150.
- Строгановъ**, графъ Александръ Сергѣевичъ — 169.
- Строгановъ**, графъ Григорій Александровичъ — 13, 39, 150 — 154.
- Строгановъ**, графъ Павель Александровичъ — 182.
- Строгановъ**, графъ Сергѣй Григорьевичъ — 83.
- Строгановъ**, Сергѣй Николаевичъ — 249.
- Стровъ**, Владиміръ Михайловичъ — 149.
- Струэнзе**, Іоганнъ-Фридрихъ — 239.
- Стурдза**, Александръ Скарлатовичъ — 130, 183.
- Стурдза**, Михаилъ — 41.
- Субботинъ**, Н. — 110.
- Суворова-Рымникская**, княжна Любовь Александровна — 93.
- Суворова-Рымникская**, княгиня Любовь Васильевна, рожд. Ярцева — 8, 93—94, 161.
- Суворовъ-Рымникскій**, князь Александръ Аркадьевичъ — 93, 161.
- Суворовъ-Рымникскій**, князь Александръ Васильевичъ — 59, 148, 161.
- Суворовъ-Рымникскій**, князь Аркадій Александровичъ — 93, 161.
- Суворовы** — 101.
- Сулье** — 81.
- Супонева**, О. П. — 249.

Сухозакетъ, Евдокія Владиміровна, рожд. княжна Яшвилъ — 44.
Сухозанетъ, Екатерина Александровна, рожд. княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская — 43, 155.
Сухозанетъ, Иванъ Онуфріевичъ — 1, 43—44, 49, 50.
Сухозанетъ, Николай Онуфріевичъ — 44.
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ — 128, 130, 181.
Сухтеленъ, графиня Елизавета Яковлевна, рожд. Ланская — 78.
Сухтеленъ, графъ Константинъ Петровичъ — 5, 78.
Суццо, князь Александръ — 38.
Суццо, князь Александръ — 40.
Суццо, княгиня Екатерина Дмитриевна, рожд. Обрѣзкова — 41.
Суццо, князь Иванъ — 41, 222.
Суццо, князь Михаилъ — 1, 38—41.
Сушковъ, Михаилъ Васильевичъ — 61.
Съверинъ, Дмитрій Петровичъ — 179.
Тавѣевъ, Александръ Сергѣевичъ — 227.
Тараканова, княжна — 62.
Тарасенко-Отрѣшковъ, Наркизъ Ивановичъ — 134.
Татищевъ, генераль — 112.
Татищевъ, Сергѣй Спиридоновичъ — 185.
Тепляковъ, Викторъ Григорьевичъ — 35, 125, 220.
Тизенгаузенъ, графиня Аделаида Павловна — см. Стакельбергъ, графиня.
Тизенгаузенъ, графиня Дарья Федоровна — см. Фикельмонтъ, графиня.
Тизенгаузенъ, графиня Екатерина Федоровна — 38, 195.
Тизенгаузенъ, графиня Елизавета Михайловна — см. Хитрово.
Тизенгаузенъ, графиня Наталья Павловна — см. Панина, графиня.
Тизенгаузенъ, графъ Павелъ Ивановичъ — 53.
Тизенгаузенъ, графиня Юлія Павловна, рожд. графиня фонъ-деръ-Паленъ — 53.
Тизенгаузенъ, графъ Федоръ Ивано-

вичъ — 36, 53, 195.

Тикъ, Людвигъ — 5, 77.

Тимашева, — см. Смирнова.

Тимирязева, Екатерина Федоровна, рожд. Вадковская — 136.

Тимковский, Иванъ Осиповичъ — 189, 248.

Титовъ, Владиміръ Павловичъ — 32.

Тихонравовъ, Николай Саввичъ — 134.

Толстая, графиня Марія Федоровна — 115, 116.

Толстой, графъ Александръ — 85.

Толстой, графъ Иванъ Матвѣевичъ — 156.

Толстой, графъ Левъ Николаевичъ — 143.

Толстой, графъ Петръ Александровичъ — 113.

Толстой, Яковъ Николаевичъ — 36.

Толстой, графъ Федоръ Ивановичъ — 193, 200.

Толстой, Теофилъ Матвѣевичъ — 155, 156.

Торнау, баронъ Ф. — 54.

Тройницкій, Сергѣй Николаевичъ — 224.

Тропичинъ, В. А. — 201.

Трофимовъ, Иванъ Дмитриевичъ — 136.

Трошинскій, Андрей Прокофьевичъ — 208.

Трошинскій, Дмитрій Прокофьевичъ — 20, 21, 207—208.

Трубецкая, княжна Анна Сергѣевна — см. Строганова, графиня.

Трубецкая, княгиня Варвара Алексѣевна, рожд. графиня Мусина-Пушкина — 114.

Трубецкая, княгиня Екатерина Ивановна, рожд. графиня Лаваль — 134.

Трубецкая, княгиня Екатерина Петровна, рожд. принцесса Биронъ, княгиня Роганъ — 87.

Трубецкая, княгиня Марія Васильевна — см. Воронцова, княгиня.

Трубецкая, княгиня Софья Андреевна, рожд. Вейс — 87.

Трубецкая, княгиня Софья Николаевна, рожд. Смирнова — 167.

- Трубецкой**, князь Андрей Васильевич — 167.
- Трубецкой**, князь Василій Сергѣевичъ — 7, 57,
- Трубецкой**, князь Иванъ Юрьевичъ — 20, 207.
- Трубецкой**, князь Николай Ивановичъ — 10, 112 — 114.
- Трубецкой**, князь Сергѣй Петровичъ — 134, 140, 240.
- Трубецкой**, князь Юрій Юрьевичъ — 20, 207.
- Туманскій**, Василій Ивановичъ — 125.
- Тургеневъ**, Александръ Ивановичъ — 32, 33, 35, 48, 73, 75 — 78, 86, 97, 145, 166, 167, 170, 172, 176, 182, 188—190, 195, 209, 212, 233, 234, 245, 248.
- Тургеневъ**, Александръ Михайловичъ — 223.
- Тургеневъ**, Николай Ивановичъ — 77, 182.
- Туркестанова**, княжна Варвара Ильинична — 9, 102 — 104.
- Туркестанова**, княжна Марія Александровна — см. Нелидова.
- Турчанинова**, Анна Александровна, магнетизерка — 235.
- Турчаниновъ**, Петръ Ивановичъ — 148.
- Тучковъ**, ген.-м. — 40.
- Тютчевъ**, Фѣдоръ Ивановичъ — 33, 40, 97.
- Тюфяевъ**, д. ст. сов. — 136.
- Уварова**, Александра Сергѣевна — см. Урусора, княгиня.
- Уварова**, графиня Екатерина Алексѣевна, рожд. графиня Разумовская — 146.
- Уварова**, графиня Елизавета Сергѣевна — 146.
- Уварова**, Наталья Сергѣевна — см. Балабина.
- Уваровъ**, графъ Алексѣй Сергѣевичъ — 146.
- Уваровъ**, графъ Сергѣй Семеновичъ — 12, 13, 26, 85, 129, 131, 145 — 147, 227, 238, 244 — 246.
- Уваровъ**, Фѣдоръ Петровичъ — 9, 105, 124.
- Унгернъ-Штернбергъ**, графиня Аделаида Андреевна, рожд. графиня Стакельбергъ — 53.
- Унгернъ-Штернбергъ**, баронесса Анна Владиміровна — см. Бобринская, графиня.
- Унгернъ-Штернбергъ**, графъ Эвальдъ — 53.
- Урусора**, княгиня Александра Сергѣевна, рожд. Уварова — 146, 156.
- Урусовъ**, князь П. А. — 146.
- Устиновъ**, А. В. — 164.
- Устряловъ**, Николай Герасимовичъ — 9, 107, 110.
- Ушаковъ**, графъ Андрей Ивановичъ — 132.
- Фадѣевъ**, Андрей Михайловичъ — 85, 105.
- Фердинандъ VII**, Король Испанскій — 54.
- Фердинандъ**, Герцогъ Вюртембергскій — 7, 88.
- Ферзенъ**, графъ — 94.
- Фетъ**, Аванасій Аванасьевичъ — 97.
- Фикельмонтъ**, графиня Дарья Фѣдоровна, рожд. графиня Тизенгаузенъ — 36 — 38, 53, 110, 195, 196.
- Фикельмонтъ**, графиня Елизавета — Александра — см. Кларин-Альдрингенъ, княгиня.
- Фикельмонтъ**, графъ Карль-Людвигъ — 1, 2, 7, 8, 9, 10, 12, 19, 23, 26, 36 — 38, 49, 54, 92, 102, 110, 131, 195, 221, 223.
- Филаретъ**, Митрополитъ — 15, 26, 162, 225, 240 — 242.
- Фелипсонъ**, Григорій Ивановичъ — 44.
- Фишеръ**, Константинъ Ивановичъ — 65, 143, 228, 245.
- Фонвизинъ**, Д. И. — 235.
- Фонвизинъ**, Михайль Александровичъ — 192.
- Фортуатовъ**, Фѣдоръ Николаевичъ — 194.
- Фотій**, архимандритъ — 105, 124, 240.
- Францевъ**, Владимір Андреевичъ — 154.
- Францъ II**, Императоръ — 36.